
Д 91
Д 252

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Вся выручка отъ продажи изданія, за вычетомъ только комиссіонныхъ, будетъ обращена на организацію трудовой помощи среди студентовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

XIX ВѢКА.

ИСТОРІЯ ВНѢШНИХЪ СНОШЕНІЙ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ

съ 1814 по 1878 г.

Проф. А. Дебидуръ.

Разрѣшенный авторомъ переводъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, подъ редакціей прив.-доц. Ал. Пиленка.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

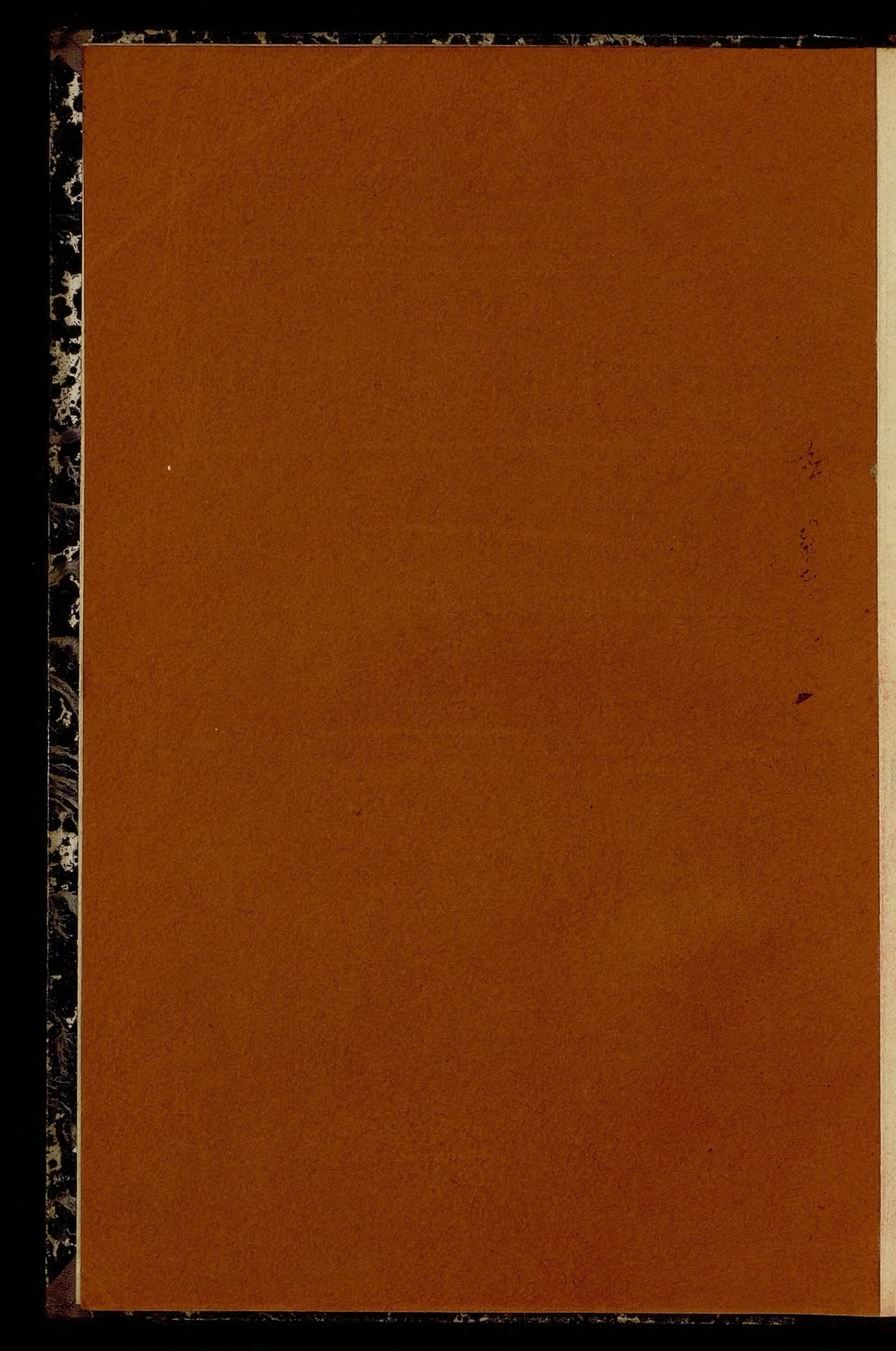
Священный Союзъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1903.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Вся выручка отъ продажи изданія, за вычетомъ только коммиссіонныхъ, будетъ обращена на организацію трудовой помощи среди студентовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ XIX ВѢКА.

ИСТОРІЯ ВНѢШНИХЪ СНОШЕНІЙ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ съ 1814 по 1878 г.

Проф. А. Дебидуръ.

Разрѣшенный авторомъ переводъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, подъ редакціей прив.-доц. Ал. Пиленка.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Священный Союзъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1903.

3235

Въ основаніе этого изданія положены слѣдующія соображенія.

Какъ извѣстно, значительное большинство русской молодежи, учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обезпечено, въ экономическомъ отношеніи, крайне недостаточно. Офиціальные отчеты Университетскихъ врачей свидѣтельствуютъ, напримѣръ, о томъ, что нѣкоторая часть заболѣваній среди студентовъ происходитъ вслѣдствіе хроническаго недоѣданія. Количество лицъ, подлежащихъ исключенію за невзносъ платы, доходитъ нерѣдко до 20% общаго числа студентовъ.

Существующія благотворительныя организаціи значительно облегчаютъ положеніе недостаточныхъ студентовъ. Но нельзя, однако, скрывать, съ одной стороны, того, что онѣ нерѣдко принуждены бываютъ, за недостаткомъ средствъ, отказывать даже сильно нуждающимся, а, съ другой,—также и того, что самая раздача денегъ въ формѣ вспомоществованій не можетъ быть признана наиболѣе раціональною изъ всѣхъ мыслимыхъ. Вспомоществованіе, хотя бы и въ формѣ безпроцентной ссуды, не можетъ не унижать, до нѣкоторой степени, лицо, принимающее его. Къ тому же извѣстно, что громадное большинство этихъ вспомоществованій никогда не возвращается должниками (согласно послѣднему отчету Общества вспомоществованія студентамъ, сумма невозвращенныхъ ссудъ равнялась 254.486 руб.).

Въ виду этого, въ небольшомъ кружкѣ лицъ возникла мысль примѣнить, въ видѣ опыта, къ дѣлу вспоможенія студентамъ принципы трудовой помощи. Для начала, выбранъ былъ заработокъ въ видѣ гонорара за переводныя и корректорскія работы. Въ результатѣ, появилось настоящее изданіе.

Издатели надѣются, что ихъ начинаніе, еслибы оно могло развиться, будетъ полезно русскому студенчеству въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) оно дастъ нѣкоторому количеству учащихся возможность зарабатывать деньги, не отрываясь отъ науки, и, въ частности, освободитъ ихъ отъ изнурительнаго бѣганія по урокамъ, отупляющей переписки и другихъ занятій того же рода;

2) оно дастъ указаннымъ лицамъ возможность усовершенствоваться въ знаніи иностранныхъ языковъ и разовьетъ въ нихъ способность правильнаго изложенія своихъ мыслей;

3) оно дастъ и учащимся, и большой публикѣ рядъ избранныхъ, тщательно переведенныхъ произведеній, представляющихъ обще-научный интересъ.

Расходы по напечатанію I выпуска «Библіотеки общественныхъ знаній», а также по уплатѣ гонорара переводчикамъ были покрыты лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ. Выходъ въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ будетъ зависѣть отъ того, насколько будетъ расходиться первый.

Вѣря въ цѣлесообразность своего начинанія, издатели разсчитываютъ на поддержку русскаго общества.

* * *

Относительно выбора работы проф. Дебидура редакторъ руководился слѣдующими соображеніями.

Въ русской литературѣ уже давно замѣчается недостатокъ такого сочиненія, которое въ популярной, но строго-научной формѣ излагало бы внѣшнюю исторію

Европы въ новѣйшее время. Именно эти вопросы и разработаны у проф. Дебидура и, притомъ, съ большимъ умѣньемъ. Изобразивъ, во введеніи, общую картину международныхъ отношеній, послужившихъ основаніемъ къ созванію вѣнскаго конгресса, онъ даетъ, въ первой главѣ, чрезвычайно живо написанную характеристику этого знаменательнаго съѣзда, до сихъ поръ не имѣвшаго себѣ равнаго въ исторіи Европы. Искусно изобразивъ тѣ интересы, защищать которые собрались отдѣльныя державы въ Вѣнѣ, — проф. Дебидуръ, этимъ пріемомъ, сразу вводитъ читателя въ самый центръ того хитросплетенія интригъ и стремленій, въ результатѣ которыхъ долженъ былъ получиться знаменитый Актъ 1815 года. Вторая глава даетъ характеристику того мистическаго документа, который, подъ названіемъ Акта Священнаго Союза, былъ сочиненъ императоромъ Александромъ I и затѣмъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, служилъ основаніемъ всей дальнѣйшей европейской политики. Изложеніе хода борьбы противъ идей Священнаго Союза, имѣвшей своимъ источникомъ недовольство населеній Италіи, Испаніи, Греціи, Бельгіи и Германіи, — составляетъ содержаніе дальнѣйшихъ главъ. Всѣ дѣятели, участвовавшіе, съ той или съ другой стороны, въ этой борьбѣ, проходятъ передъ читателемъ въ рядѣ блестящихъ характеристикъ: Александръ I, Николай I, Меттернихъ, Кастльри, Кэннингъ, Таллейранъ, Людовикъ-Филиппъ, Тьеръ, Гизо, Пальмерстонъ и т. д. Первый томъ заканчивается изображеніемъ того чреватаго бурями состоянія, къ которому привела Европу, къ 1848 г., политика Людовика-Филиппа.

6-го января 1903 г.

Въ настоящемъ изданіи принимали участіе слѣдующія лица.

Средства на покрытіе расходовъ по печатанію и на уплату гонорара переводчикамъ были пожертвованы, въ размѣрѣ 1.500 руб., лицомъ, которое пожелало остаться неизвѣстнымъ и которому здѣсь приносится, отъ лица всѣхъ участниковъ „Библіотеки", самая искренняя признательность.

Переводъ былъ сдѣланъ слѣдующими студентами Императорскаго Спб. Университета:

1) Бревернъ, В. М.—Глава IV (§§ 5 и 6) и глава V (§§ 1—4).

2) Залескій, С. К. — Глава I (§§ 10 и 11), глава II, глава VII (§§ 12 и 13) и глава XII.

3) Катмисскій, Н. М.—Глава I (§§ 1—5).

4) Краснопѣвцевъ, М. А.—Введеніе, глава V (§§ 5—8), глава VII (§§ 9—11), глава XI.

5) Некрасовъ, Л. И.—Глава VII (§§ 1—5).

6) Пеетъ, А. А.—Глава III, глава IV (§§ 7—8), глава X.

7) Рубцовъ, С. А.—Глава VI, глава VII (§§ 6—8), глава VIII, глава XIII (§§ 8—9).

8) Семеновъ, Л. Д.—Глава XIII (§§ 1—5).

9) Семеновъ, М. Д.—Глава XIII (§§ 6—7).

10) Сорневъ, В. В.—Глава IV (§§ 1—4).

11) Тимченко, Б. К.—Глава I (§§ 6—9 и 12—13), глава IX.

Въ чтеніи корректуръ участвовали студенты: Залескій, Краснопѣвцевъ, Пеетъ, Рубцовъ, М. Семеновъ и Тимченко,—а также воспитанники I класса Императорскаго Александровскаго Лицея: Н. А. Базили и М. Д. Резвой.

Гг. Базили, Резвой, Л. Семеновъ, М. Семеновъ и редакторъ работали безвозмездно.

Пожертвованія на развитіе трудовой помощи студентамъ принимаются у редактора (Вас. Остр., 14 лин., д. 33).

ВВЕДЕНІЕ [1]).

§ 1. Противо-Наполеоновская политика.—§ 2. Коалиція 1813 г.—§ 3. Конгрессъ въ Шатильонѣ.—§ 4. Союзники, Наполеонъ и графъ д'Артуа.—§ 5. Людовикъ XVIII и трактатъ 30 мая.—§ 6. Приготовленія къ Вѣнскому конгрессу.

(1812—1814).

§ 1. Паденіе Наполеона открыло въ 1814 году новую эпоху. Европа никогда не видала и, вѣроятно, никогда не увидитъ условій, столь благопріятныхъ для созданія новой, обезпечивающей миръ, политической организаціи. Предстояло передѣлать всю политиче-

[1]) Источники: Angeberg (графъ), Le Congrès de Vienne et les traités de 1815; Beugnot, Mémoires; Castlereagh (лордъ Londonderry), Correspondence of Robert, second marquis of Londonderry; Cornewal Lewis, Histoire gouvernementale de l'Angleterre de 1770 à 1830; Gentz (F. de) Dépêches inédites aux hospodars de Valachie pour servir à l'histoire de la politique européenne, de 1813 à 1828; Gervinus, Histoire du XIX-e siècle, t. I et II; Hardenberg (князь), Mémoires; Haussonville (графъ d'), Dernières négociations de l'empire, ouvertures de Francfort et conférences de Châtillon (Revue des Deux Mondes, 15 janvier 1861); Hyde de Neuville (баронъ), Mémoires et Souvenirs; Lefebvre (Armand), Soulèvement de l'Allemagne après la guerre de Russie (Revue des Deux Mondes, 1-er janvier—1-er février 1875); Lytton Bulwer (сэръ Henry), Essai sur Talleyrand; Marmont, duc de Raguse, Mémoires, t. V; Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat, t. XII; Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. I et II; Napoléon I, Correspondance, t. XXIV à XXVIII; Pertz, das Leben des Ministers Freiherrn von Stein; Thiers, Histoire de l'empire (éd. in 4⁰), t. III et IV; Vaulabelle (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. I; Viel-Castel (баронъ), Histoire de la Restauration, t. I; Lord Castlereagh et la Politique intérieure de l'Angleterre de 1812 à 1822 (Revue des Deux Mondes, 16 mai 1854); Vitrolles (баронъ), Mémoires, t. I.—Wellington (лордъ), Dispatches, t. XI, XII; Supplementary dispatches.—Кромѣ этихъ отдѣльныхъ источниковъ, я упоминаю здѣсь разъ навсегда два большихъ собранія трактатовъ Мартенса и де-Клерка.

скую карту этой части свѣта. Окончившаяся война смела всѣ дотолѣ существовавшіе трактаты. Не оставалось ни одного государства, которое не было бы призвано измѣнить свои границы. Наиболѣе добродушно-настроенные умы того времени, не соглашаясь со старыми утопіями о вѣчномъ мирѣ,—все-таки допускали возможность непоколебимаго равновѣсія между державами, достигнутаго при помощи справедливаго распредѣленія ихъ силъ. Съ паденіемъ общаго притѣснителя,—говорили они—въ Европѣ не осталось ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Франція не должна больше внушать ни зависти, ни опасенія. Ея вчерашніе противники могутъ-де протянуть ей руку; отъ этого они только выиграютъ. Народности, участвовавшія въ борьбѣ противъ Наполеона, начинали мечтать о возрожденіи къ самостоятельной политической жизни. Нѣмцы, итальянцы, поляки и т. д. помнили о томъ, что они начали войну во имя независимости и свободы. Ихъ властители, вѣдь, обѣщали имъ тогда и ту, и другую. Совершенное единодушіе, повидимому, царствовало между властью и населеніями, гарантируя этимъ послѣднимъ, что всеобщее замиреніе не осуществится ни въ ущербъ имъ, ни безъ ихъ содѣйствія.

Трудно сказать, какъ повернулось бы дѣло, еслибы четыре великія державы, только что передъ тѣмъ уничтожившія Имперію, искренно помирились съ Франціей и если бы отдѣльныя народности свободно могли высказаться на Вѣнскомъ конгрессѣ по вопросамъ о своихъ интересахъ. Историкъ, во всякомъ случаѣ, долженъ констатировать, что, съ самыхъ первыхъ дней своего союза, монархи имѣли совсѣмъ иного рода планъ: этотъ планъ сначала оставался въ тайнѣ, но затѣмъ, когда они одержали побѣду, былъ раскрытъ во всей полнотѣ [1]). Этотъ планъ четырехъ союзныхъ державъ заключался въ томъ, чтобы замѣнить въ Европѣ одно владычество—другимъ и поставить на мѣсто французской диктатуры совокупность четырехъ монарховъ. Протесты, съ коими они обращались къ Наполеону относительно на-

---

[1]) Фридрихъ Гентцъ, секретарь конгресса, преданный всей душой Меттерниху, выражается слѣдующимъ образомъ въ докладѣ 12 февраля 1815 г.: „Тѣ, кто, въ моментъ созванія Вѣнскаго конгресса, хорошо понимали его характеръ и значеніе, не могли ошибиться относительно его хода, каково бы ни было ихъ мнѣніе объ его результатахъ. Громкія фразы о переустройствѣ соціальнаго порядка, обновленіи политической системы Европы, прочномъ мирѣ, основанномъ на справедливомъ распредѣленіи силъ и т. д., разсказывались съ цѣлью успокоить толпу и дать этому торжественному собранію нѣкоторый характеръ достоинства и величія; но истинной цѣлью конгресса былъ дѣлежъ наслѣдства побѣжденнаго между побѣдителями“. (Меттернихъ, Мемуары, т. II, стр. 474).

рушенія королевскихъ и народныхъ правъ, отнюдь не доказывали ихъ намѣренія быть впослѣдствіи болѣе совѣстливыми. Нельзя, конечно, не признать искренняго желанія державъ обосновать свои отношенія на началахъ политическаго равновѣсія и тѣмъ содѣйствовать упроченію мира. Но трудно предположить, чтобы наилучшимъ путемъ для осуществленія ихъ добрыхъ намѣреній было исключеніе Франціи изъ общаго концерта, отобраніе всѣхъ ея завоеваній и подѣленіе отнятаго—по принципамъ собственной выгоды.

§ 2. Какъ бы то ни было, но можно съ увѣренностью утверждать, что еще задолго до паденія Имперіи планъ дѣйствій державъ былъ построенъ именно въ вышеуказанномъ смыслѣ. И онѣ всѣ, конечно, послѣдовательно провели бы его, если бы нѣкоторыя изъ нихъ не были принуждены отклониться отъ заранѣе намѣченнаго пути, силою независѣвшихъ отъ нихъ обстоятельствъ. Но объ этомъ ниже.

Изъ четырехъ великихъ державъ, на которыя мы намекаемъ, только двѣ дѣйствовали противъ Наполеона уже съ 1812 г.: съ одной стороны Россія, которая заключила миръ съ Турціей [1]) нарочно для того, чтобы имѣть возможность противопоставить Французамъ всѣ свои силы,—и склонила къ союзу [2]) Швецію обѣщаніями присоединить Норвегію;—съ другой стороны Англія, которая господствовала въ этотъ моментъ надъ морями, занимала Португалію, поддерживала противъ Франціи возмущеніе испанцевъ, а также располагала Сардиніей, Сициліей и Іоническими островами. Вся, или почти вся остальная Европа сражалась на сторонѣ побѣдителя, частью по доброй волѣ, частью же по принужденію. Годъ спустя, Франція оказывалась совсѣмъ одинокою и подвергалась вторженію милліона непріятельскихъ солдатъ. Тотчасъ послѣ отступленія Наполеона изъ Москвы—Пруссія, сгоравшая желаніемъ отомстить за старыя униженія, бросилась въ объятія Россіи (Калишъ, 28 февраля 1813). Позднѣе присоединилась къ Россіи Австрія, которая, послѣ неискренняго посредничества [3]), сбросила съ себя маску, объявила войну Франціи (12 августа) и приступила къ коалиціи по договору въ Теплицѣ (9 сентября). Составленный такимъ образомъ четверной союзъ дѣлалъ всякую борьбу безполезною; онъ сокрушилъ На-

[1]) По договору въ Бухарестѣ 28 мая 1812 г.

[2]) По договору 24 марта 1812 г.

[3]) Это видно изъ признаній Меттерниха (см. его автобіографію, т. I, Мемуары); мы выяснили это въ нашихъ Études critiques sur la Révolution, l'Empire et la période contemporaine (стр. 285—289).

полеона при Лейпцигѣ. Ему не стоило также большого труда—частью обѣщаніями, частью угрозами—лишить Наполеона поддержки тѣхъ маленькихъ нѣмецкихъ княжествъ, которыя до этого времени были его союзниками [1]). Въ декабрѣ, союзъ склонилъ Швейцарію допустить нарушеніе нейтралитета. Съ другой стороны, онъ поднялъ возстаніе въ Голландіи. Онъ же добился того, что наши войска были оттѣснены за Пиринеи. Наконецъ, съ одной стороны, союзъ заставилъ нашего самаго вѣрнаго союзника, датскаго короля, заключить миръ съ Швеціей, которая только-что передъ тѣмъ отняла у него Норвегію [2]); а съ другой стороны,—склонилъ неаполитанскаго короля, Мюрата, измѣнить императору, обѣщавъ оставить за нимъ королевскую корону [3]). Франція была наводнена врагами, но Наполеонъ, уступая имъ шагъ за шагомъ, все еще не соглашался на предложенныя чрезмѣрныя условія.

Эти условія были установлены союзниками, во всякомъ случаѣ, съ августа 1813 г., т.-е. со времени вступленія Австріи въ число членовъ военной тетрархіи, процессъ образованія коей изложенъ выше. Они могутъ быть формулированы въ видѣ трехъ пунктовъ.

1) Отмѣна или преобразованіе вассальныхъ государствъ, созданныхъ Наполеономъ или тяготѣвшихъ къ его политикѣ; возвращеніе Франціи къ границамъ 1 января 1792 г.

2) Подѣленіе имѣющихъ остаться въ свободномъ распоряженіи державъ территорій—съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы одна часть ихъ образовала новыя или усилила уже существующія государства, предназначенныя сдерживать Францію въ ея новыхъ границахъ, а другая—увеличила могущество четырехъ великихъ союзниковъ или же ихъ помощниковъ.

3) Устраненіе Франціи отъ участія въ переговорахъ, которые будутъ слѣдствіемъ такого подѣленія.

Конечно, эти непомѣрныя требованія не могли быть заявлены открыто ни до Лейпцигской битвы, ни въ первые дни послѣ нея. Пока Наполеонъ не былъ изгнанъ изъ Германіи, пока союзники не перешли черезъ Рейнъ,—имъ необходимо было соблюдать большую осторожность; необходимо было скрывать тѣ требованія, которыя могли дорого обойтись коалиціи въ томъ случаѣ, если бы

[1]) Онъ склонилъ, послѣдовательно, Баварію, Вюртембергъ, великія герцогства: Баденское, Гессенское; герцогство Нассау, курфюршество Гессенское и т. д. по договорамъ: въ Ридѣ (8 октября 1813), Фульдѣ (2 ноября), Франкфуртѣ (20, 22, 23 ноября и 2 декабря и т. д.).

[2]) Договоръ въ Килѣ (14 января 1814).

[3]) Договоръ въ Неаполѣ (11 января 1814).

новый поворотъ судьбы снова позволилъ Наполеону диктовать имъ условія. Но недавно опубликованные мемуары Меттерниха не оставляютъ возможности сомнѣнія относительно того, что союзники, подписывая договоръ въ Теплицѣ, имѣли намѣреніе обойтись съ Франціей и Европой именно такъ, какъ они это сдѣлали на слѣдующій годъ. Правда, австрійскій канцлеръ [1]), который такъ хорошо умѣлъ лгать, что, по словамъ Наполеона, былъ чуть не великимъ дипломатомъ, предлагалъ, было, императору, въ ноябрѣ 1813 г., естественныя границы Франціи, т.-е. Рейнъ и Альпы, подъ условіемъ отказа отъ всѣхъ остальныхъ территорій. Предложеніе это было бы вполнѣ пріемлемымъ, если бы оно было добросовѣстнымъ. Но дѣло въ томъ, что канцлеръ хотѣлъ только выиграть время, обмануть несчастную націю, истощенную своимъ повелителемъ, и поставить между ней и ея кумиромъ призрачныя надежды на почетную сдѣлку. „Хорошо изучивъ общественное мнѣніе Франціи, говоритъ Меттернихъ, я былъ убѣжденъ, что необходимо было польстить національному самолюбію Французовъ упоминаніемъ о Рейнѣ, Альпахъ и Пиренеяхъ, какъ естественныхъ границахъ Франціи, дабы не только не ожесточать ихъ, но, наоборотъ, привлечь ихъ къ себѣ лестными для національнаго самолюбія обѣщаніями. Съ цѣлью лишить Наполеона всякой поддержки и, въ то же время, подѣйствовать на духъ арміи, я, кромѣ того, указалъ на необходимость соединить принципъ естественныхъ границъ съ предложеніемъ немедленнаго начатія переговоровъ. Мой проектъ былъ одобренъ императоромъ Францемъ [2]), и тогда я сообщилъ его на усмотрѣніе русскаго императора [3]) и прусскаго короля [4]). Оба они опасались, какъ бы Наполеонъ не далъ согласія на мое предложеніе

[1]) Меттернихъ-Винебургъ (Клементъ-Венцеславъ-Непомукъ-Лотарь, графъ, позднѣе князь) герцогъ де-Портелла и пр., родился въ Кобленцѣ 15 мая 1773; секретарь своего отца на Раштадтскомъ конгрессѣ (1798—1799); посланникъ въ Дрезденѣ (1801); потомъ въ Берлинѣ (1803); посолъ во Франціи (1806); канцлеръ Австріи и министръ иностранныхъ дѣлъ съ 8 октября 1809 по 13 марта 1848; умеръ въ Вѣнѣ 5 іюня 1859.—Сынъ его, князь Ричардъ Меттернихъ, опубликовалъ очень обширный и поучительный сборникъ: „Мемуары, документы и различныя рукописи", оставленныя канцлеромъ (Paris, Plon, 1880—1884, 8 томовъ, in 8°).

[2]) Францъ II, императоръ Германскій, родился во Флоренціи 12 февраля 1768; наслѣдовалъ отцу, императору Леопольду II въ 1792; императоръ Австріи подъ именемъ Франца I въ 1806; умеръ 2 марта 1835.

[3]) Александръ I Павловичъ, внукъ Екатерины II, родился въ С.-Петербургѣ въ 1777; послѣ смерти Павла I, русскій императоръ въ 1801; умеръ въ Таганрогѣ 1 декабря 1825.

[4]) Фридрихъ-Вильгельмъ III, старшій сынъ и наслѣдникъ Фридрихъ-Вильгельма II, родился 3 августа 1770, король Пруссіи въ 1797, умеръ 7 іюня 1840.

и этимъ энергичнымъ пріемомъ не вышелъ изъ тяжелаго положенія,—не потерявъ, въ то же время, надежды и на возможность новаго поворота военнаго счастья. Я съумѣлъ внушить этимъ двумъ государямъ свое убѣжденіе, что Наполеонъ никогда добровольно не согласится на мое предложеніе...“

Во всякомъ случаѣ, Меттерниху было извѣстно еще одно вѣсское обстоятельство, мѣшавшее всякому примиренію: а именно, несогласіе Англіи. Такимъ образомъ, когда Наполеонъ, доведенный до изнеможенія, сообщилъ союзникамъ (2 декабря 1813 г.), что онъ согласенъ вступить съ ними въ переговоры на указанныхъ условіяхъ, и просилъ только, чтобы ему гарантировали перемиріе и солидарность Англіи со взглядами союзниковъ,—то ему протянули съ отвѣтомъ чуть-что не цѣлый мѣсяцъ. За этотъ періодъ времени были заняты войсками Эльзасъ, Лотарингія и Франшъ-Контэ; союзники находились въ пятидесяти миляхъ отъ Парижа. Только тогда было дано знать императору, что мирная конференція можетъ быть открыта (январь 1814) и что городъ Шатильонъ на Сенѣ выбранъ мѣстомъ собранія представителей главныхъ воюющихъ державъ.

§ 3. Конгрессъ, открывшійся въ Шатильонѣ 4 февраля 1814 г., былъ дипломатической комедіей: Наполеонъ же во время ея, во главѣ горсти людей, давалъ союзникамъ, въ Шампаньи, одно сраженіе за другимъ. Ни одна изъ двухъ договаривавшихся сторонъ не явилась на этотъ конгрессъ съ искренне миролюбивыми намѣреніями. Французскій императоръ отправилъ на конгрессъ своего министра иностранныхъ дѣлъ; Коленкура, герцога Виченцскаго [1], какъ лицо, пользовавшееся симпатіями союзныхъ монарховъ и, въ особенности, Александра I. Коленкуру было, въ сущности, предписано стремиться не столько къ тому, чтобы заключить миръ, сколько къ тому, чтобы затянуть переговоры вплоть до того момента, когда военное счастье вновь улыбнется Наполеону. Ему было не безызвѣстно, что союзники, водворившіеся въ ту пору уже въ самомъ сердцѣ Франціи,—въ виду формальнаго со стороны Англіи отказа присоединиться къ франкфуртскимъ предложеніямъ,—намѣревались продиктовать ему тотъ унизительный

[1]) Коленкуръ (Арманъ-Огюстенъ-Луи, маркизъ) родился въ Коленкурѣ въ 1772 (департаментъ р. Эны), посланникъ при россійскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ въ 1801; адъютантъ перваго консула и дивизіонный генералъ въ 1805; оберъ-шталмейстеръ императора, герцогъ Виченцскій, снова посланъ въ Россію (1807); сенаторъ и министръ иностранныхъ дѣлъ (1813); вновь призванъ Наполеономъ на министерскій постъ въ Стодневное царствованіе (1815); членъ исполнительной комиссіи (іюнь-іюль 1815); скончался въ Парижѣ въ 1827.

ультиматумъ, бѣглый очеркъ котораго былъ сдѣланъ выше. Даже назначеніе, въ качествѣ представителей въ Шатильонѣ, дипломатовъ второго разбора [1]) какъ бы указывало на то, что державы присваивали конгрессу очень малое значеніе и не только не надѣялись на успѣшное окончаніе переговоровъ, но даже, можетъ быть, и не желали таковаго.

Будучи не въ силахъ забыть вступленіе Наполеона въ Москву, императоръ Александръ I желалъ, во что бы то ни стало, войти во главѣ своей арміи въ Парижъ. Благодаря его намѣренной медленности, союзники только 17 февраля офиціально сообщили Коленкуру свои предложенія, хотя тотъ ожидалъ ихъ уже съ 5-го февраля. Между тѣмъ, въ первыхъ числахъ февраля, послѣ пораженія при Ротьерѣ [2]), Коленкуръ былъ уполномоченъ императоромъ на крупныя уступки, а въ концѣ того же мѣсяца онъ получилъ противоположныя инструкціи, такъ какъ нѣсколько частныхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ коалиціей, снова дали Наполеону надежду устрашить ее. Поэтому герцогъ Виченцскій, въ свою очередь, позволилъ себѣ замедлить съ отвѣтомъ. И вотъ именно тогда, представители четырехъ великихъ державъ, рѣшивъ не склоняться болѣе на уступки, и подписали (1 марта 1814) въ Шомонѣ трактатъ, оказавшійся смертнымъ приговоромъ Имперіи и достойнымъ предвѣстникомъ Священнаго Союза.

Въ этомъ торжественномъ трактатѣ, Австрія, Англія, Пруссія и Россія принимали на себя обязательство не складывать оружія до тѣхъ поръ, пока Франція не подчинится ихъ требованіямъ, причемъ каждая изъ четырехъ державъ обязывалась содѣйствовать осуществленію общаго ихъ плана всѣми своими силами или, по меньшей мѣрѣ, арміей въ полтораста тысячъ человѣкъ. Онѣ обязались, кромѣ того, не вступать въ переговоры иначе, какъ сообща. Главнѣйшія изъ ихъ требованій были: Франція будетъ возвращена къ своимъ территоріальнымъ границамъ 1 января 1792 года, а всѣ земли, находящіяся за этими предѣлами, будутъ изъяты изъ сферы ея вліянія; прежнее Голландское королевство будетъ соединено съ бельгійскими провинціями и образуетъ, на сѣверномъ флангѣ французовъ, королевство Нидерландское; съ запада, за Франціей обязана будетъ наблюдать Германія, преобразованная въ независимый союзъ; Швейцарія также составитъ федерацію, и нейтралитетъ ея будетъ

[1]) Представителями четырехъ великихъ державъ были: графъ Стадіонъ—Австріи, лордъ Эбердинъ, лордъ Каткартъ и сэръ Чарльзъ Стюартъ—Великобританіи, баронъ фонъ-Гумбольдтъ—Пруссіи и графъ Разумовскій—Россіи.

[2]) 1-го февраля 1814.

обезпеченъ Европою; равнымъ образомъ, Италія будетъ раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, изъятыхъ изъ сферы вліянія Франціи и подчиненныхъ, прямо или косвенно, австрійскому владычеству; Испанія будетъ возвращена Фердинанду VII [1]); Англія сохранитъ въ своей власти Мальту [2]) и, кромѣ того, оо. св. Маврикія, Бурбонскіе, группу оо. Святыхъ, Табаго и другія колоніи, отнятыя у императора; наконецъ, Франція не будетъ имѣть никакого права вмѣшиваться въ вопросы подѣленія остальныхъ отвоеванныхъ у нея земель. Для усиленія этой предосторожности четыре державы назначили двадцатилѣтній срокъ дѣйствительности союза, и каждая изъ нихъ обязалась предоставлять въ распоряженіе другихъ, даже послѣ полнаго замиренія, армію въ 60 тысячъ человѣкъ для обороны въ случаѣ нападенія.

Противъ такой программы Коленкуръ могъ бороться только для очистки совѣсти. Затравленный союзниками, онъ кончилъ тѣмъ, что представилъ (15 марта), съ своей стороны, контръ-проектъ, изъ котораго было видно, что его государь не отказался еще ни отъ границы Рейна, ни отъ Итальянскаго королевства, ни, тѣмъ болѣе, отъ права принимать участіе въ политическомъ переустройствѣ Европы. Четыре дня спустя, союзники сообщили ему, что конгрессъ закрытъ и что спорные вопросы будутъ рѣшены силой оружія.

Напрасно безвозвратно оставленный воинскимъ счастіемъ Наполеонъ [3]) приказалъ своему уполномоченному принимать и подписывать все, что̀ предложатъ; союзники отвѣчали категорическимъ отказомъ и, въ воззваніи, опубликованномъ въ Витри (25 марта), изложили мотивы такого своего отношенія къ Наполеону.

Ихъ непреклонность, такъ долго остававшаяся скрытою, обнаруживалась теперь во всей полнотѣ; это происходило оттого, что они были, съ одной стороны, увѣрены въ томъ, что побѣдятъ

[1]) Наполеонъ самъ заключилъ союзъ съ этимъ государемъ и отпустилъ его въ свои владѣнія (трактатъ въ Валенсэ 11 декабря 1813), какъ будто̀ бы онъ могъ сдѣлать его искреннимъ союзникомъ послѣ измѣнническаго плѣненія и шестилѣтняго заключенія. Само собой разумѣется, что, получивъ свободу и возвратившись въ Испанію, Фердинандъ VII тотчасъ же пересталъ считаться съ договоромъ, заключеннымъ съ французскимъ императоромъ.

[2]) Англія завладѣла этой важной позиціей съ 1800 г. и съ тѣхъ поръ не покидала ея.

[3]) Онъ не имѣлъ успѣха въ сраженіи при Лаонѣ (8—10 Марта); союзники быстро подвигались къ Парижу; австрійцы заняли Ліонъ (9 Марта), а англичане—Бордо (12 Марта).

и даже свергнутъ Наполеона, а съ другой—потому что Бурбоны, давно уже собиравшіеся съ ихъ помощью вернуться на французскій престолъ, представлялись имъ гораздо болѣе сговорчивыми относительно условій будущаго мира. 25-го января, въ Лангрѣ, русскій и австрійскій императоры, прусскій король, ихъ министры и представители Англіи, въ принципѣ, рѣшили возстановить эту династію [1]). Не открывая вполнѣ своихъ картъ, союзные государи разрѣшили Бурбонамъ, въ февралѣ, вступить во Францію вслѣдъ за ихъ войсками. Графъ д'Артуа поселился подъ ихъ покровительствомъ въ Нанси, а герцогъ Ангулемскій переѣхалъ въ Бордо. Въ началѣ марта прибылъ изъ Парижа Витроль, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ ихъ агентовъ, и сталъ убѣждать царя, что столица ждетъ его,—что она приметъ его, какъ освободителя, — что, вмѣстѣ со всей остальной Франціей, она молитъ Бурбоновъ возвратиться. Онъ утверждалъ, что содѣйствіе Таллейрана обезпечено [2]) и что дѣло Легитимитета выиграно окончательно. Вотъ почему, въ концѣ этого мѣсяца, несмотря на отчаянное маневрированіе Наполеона, желавшаго увлечь союзниковъ по направленію къ Лотарингіи, они рѣшительно направили свои главныя силы къ Парижу, уничтожая однимъ ударомъ имперію и императора.

§ 4. Извѣстно, чѣмъ это все кончилось. Послѣ вступленія въ Парижъ, союзники пригласили его жителей „свободно“ высказаться по вопросу о желательномъ для нихъ образѣ правленія, указавъ, впрочемъ, на тѣ города, гдѣ Бурбоны были уже торжественно признаны. Они объявили къ тому же, что впредь

[1]) Меттернихъ (Мемуары, т. I, 182) говоритъ, что на этомъ собраніи дѣло шло о томъ, чтобы притти къ какому нибудь рѣшенію относительно будущей формы правленія во Франціи. Паденіе Наполеона, продолжалъ онъ, было неизбѣжно. Всякій миръ, который заставилъ бы его вернуться къ прежнимъ границамъ Франціи или который бы только отнялъ у него сдѣланныя имъ до Имперіи внѣшнія завоеванія,—показался бы ему насмѣшкой и былъ бы имъ отвергнутъ.

[2]) Таллейранъ-Перигоръ (Карлъ-Морисъ) принцъ Беневентскій, родился въ Парижѣ 13 февраля 1754; главный представитель французскаго духовенства (1780); епископъ Отэна (1 октября 1788); депутатъ духовенства въ Генеральныхъ Штатахъ (1789); членъ директоріи Сенскаго департамента (январь 1791); нѣсколько разъ отправленъ съ дипломатической миссіей въ Англію (1791—1792); эмигрировалъ (1792—1795); посланъ въ Пруссію (1795—1796); членъ института (1797); министръ иностранныхъ дѣлъ (15 іюля 1797 — 20 іюля 1799 и 22 ноября 1799 — 9 августа 1807); князь Беневентскій (5 іюня 1806); великій канцлеръ государства (1808); членъ совѣта регентства (январь 1814); президентъ временнаго правительства (1 апрѣля 1814); министръ иностранныхъ дѣлъ (12 мая 1814—25 сентября 1815); оберъ-камергеръ Людовика XVIII и Карла X; посолъ въ Лондонѣ (сентябрь 1830 — ноябрь 1834); умеръ въ Парижѣ 17 мая 1838.

не согласятся вести переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ его родственниковъ. Они прибавляли, что если Франція вновь возвратится къ „прежнему образу правленія" и, такимъ образомъ, дастъ „гарантію спокойствія", то они отнесутся съ уваженіемъ къ цѣлости ея „прежней территоріи" и даже, можетъ быть, „пойдутъ на уступки", такъ какъ, по ихъ мнѣнію, Франція должна быть—для обезпеченія европейскаго мира—„великой и сильной". Какимъ образомъ могли парижане не броситься при этихъ обстоятельствахъ въ объятія Бурбоновъ? И они бросились, впрочемъ, безъ особеннаго энтузіазма. Нѣсколько дворянъ кричали на улицахъ: „Да здравствуетъ король!" Сенатъ, безъ краски стыда, провозгласилъ низверженіе Наполеона, а Франція, какъ таковая, осталась пассивной свидѣтельницей этихъ происшествій: она жаждала мира.

Нѣсколько дней спустя, императоръ, думавшій сначала о томъ, чтобы защищаться, а затѣмъ рѣшившій условно отречься отъ престола, былъ преданъ Мармономъ и подписалъ безусловное отреченіе. Рыцарски великодушный побѣдитель, Александръ I, потребовалъ, чтобы съ Наполеономъ обходились, какъ съ монархомъ [1]).

По договору въ Фонтенебло (11 апрѣля 1814), Союзники согласились, что Наполеонъ получитъ о. Эльбу въ пожизненное суверенное владѣніе; — что французское государство назначитъ ему содержаніе въ 2 милліона;—что семья его будетъ обезпечена земельной рентой въ 2.500.000 франковъ; наконецъ, что герцогства Парма, Пьяченца и Гвасталла будутъ отданы императрицѣ Маріи-Луизѣ, съ переходомъ, затѣмъ, къ ея сыну.

Ех-императоръ еще не успѣлъ покинуть Фонтенебло, какъ Бурбоны уже заняли его мѣсто въ Тюильри. Графъ д'Артуа, братъ Людовика XVIII, явился нѣсколько раньше этого послѣдняго и былъ облеченъ, къ несчастію для Франціи, властью намѣстника (на нѣсколько недѣль). Этотъ человѣкъ былъ воодушевленъ самыми лучшими намѣреніями, но отличался, несмотря на свои 57 лѣтъ, глупостью и отсутствіемъ всякаго опыта; онъ былъ такъ радъ вернуться во дворецъ своихъ предковъ, что счелъ нужнымъ показать себя признательнымъ по отношенію къ коалиціи, помогшей ему возвратиться во Францію. Впрочемъ,

[1]) Меттернихъ, такъ льстившій до того Наполеону и устроившій ему бракъ съ австрійской эрцгерцогиней, находилъ теперь „весьма неумѣстнымъ" великодушіе царя. Онъ кончилъ тѣмъ, что согласился на Фонтенеблоскій договоръ, но замѣтилъ при этомъ: „Я подписываю свое имя подъ договоромъ, который приведетъ насъ къ войнѣ менѣе, чѣмъ черезъ два года".

несмотря на это, онъ считалъ себя за хорошаго француза. Поэтому, когда союзники, будто бы изъ состраданія къ нашей Франціи, занятой и разграбляемой ихъ же войсками, поставили ему на видъ, что онъ можетъ однимъ росчеркомъ пера сократить страданія своей родины,—то онъ, не колеблясь, послѣдовалъ ихъ доброму совѣту. Ему было указано, что, въ ожиданіи мира, онъ сдѣлаетъ Франціи великое благодѣяніе, если освободитъ ее отъ иностранной оккупаціи. Какимъ путемъ? Очень просто: пусть онъ прикажетъ нашимъ войскамъ очистить тѣ крѣпости, которыя они занимаютъ за предѣлами нашихъ прежнихъ границъ. Количество этихъ крѣпостей доходило до пятидесяти трехъ; нѣкоторыя изъ нихъ (напр., Гамбургъ, Антверпенъ, Мантуа) были первоклассными стратегическими или морскими пунктами. Въ нихъ находилось 12 тысячъ пушекъ, линейные корабли, арсеналы и безчисленное количество складовъ, съ помощью которыхъ можно было вести войну въ теченіе многихъ лѣтъ. Среди нашихъ несчастій, онѣ были единственнымъ способомъ борьбы съ чрезмѣрными требованіями нашихъ побѣдителей. Сохранивъ ихъ въ своей власти, мы, конечно, были бы принуждены перетерпѣть оккупацію еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но мы могли бы тогда, по крайней мѣрѣ, отдать ихъ только по мирному договору и въ обмѣнъ за важныя территоріальныя вознагражденія. Этотъ колоссальный залогъ, бывшій въ нашихъ рукахъ, позволялъ намъ, въ крайнемъ случаѣ, выждать созванія того обѣщаннаго конгресса, на которомъ предполагалось перестроить весь укладъ политической Европы, подписать окончательный трактатъ только на конгрессѣ, — и воспользоваться при этомъ тѣми раздорами, которые должны были возникнуть между союзниками. Все это спасло бы насъ отъ грозившихъ намъ безсилія и изолированности. Но этого не съумѣлъ понять графъ д'Артуа. Впрочемъ, можетъ быть, коалиція также дала ему понять, что Людовикъ XVIII, бывшій еще далеко отъ Парижа, не получилъ бы, въ противномъ случаѣ, позволенія особенно скоро вернуться въ Тюильри. Въ концѣ концовъ, регентъ принялъ, безъ сопротивленія, конвенцію 23 апрѣля, которая предписывала войскамъ немедленно очистить пятьдесятъ три крѣпости и поставила, такимъ образомъ, Францію въ необходимость вести переговоры съ побѣдителями—совершенно изолированно и безъ оружія.

§ 5. Нѣсколько дней спустя, Людовикъ XVIII вступилъ на французскую территорію. На первыхъ же шагахъ ему пришлось столкнуться съ суровыми требованіями своихъ союзниковъ. Императоръ Александръ I, который въ это время очень тяготѣлъ къ

либеральнымъ идеямъ и хотѣлъ доказать, что, борясь съ Франціей, онъ вовсе не желалъ ея порабощенія, — потребовалъ отъ Людовика XVIII, чтобы тотъ обѣщалъ своимъ подданнымъ конституціонную хартію. Это требованіе вовсе не понравилось остальнымъ союзникамъ, въ особенности же австрійскому императору и его министру Меттерниху [1]). Но Александръ I въ это время былъ всесиленъ; необходимо было преклониться предъ его волей. Французскій же король нашелъ себѣ вознагражденіе въ томъ искреннемъ желаніи помочь Франціи, которое русскій императоръ проявилъ при заключеніи мирнаго трактата. Русскій самодержецъ, твердо державшійся, какъ это мы увидимъ ниже, традиціонной политики своихъ предшественниковъ относительно оттоманской имперіи,—уже въ это время мечталъ о томъ, что Франція можетъ впослѣдствіи сдѣлаться драгоцѣнной союзницей Россіи и оказать значительное противодѣйствіе проектамъ Англіи. Поэтому, онъ старался облегчить, по возможности, нашу участь, впрочемъ, не настаивая на совершенномъ измѣненіи продиктованныхъ намъ условій. Союзники, говорилъ онъ, могутъ и должны уступить Людовику XVIII больше, чѣмъ они сдѣлали это Наполеону, такъ какъ Бурбоны, возведенные на престолъ, могутъ дать Европѣ больше гарантій порядка и спокойствія; въ общихъ интересахъ союзниковъ, Бурбоны должны быть сдѣланы достаточно сильными, дабы не страшиться новыхъ переворотовъ: если они вернутся во Францію подъ гнетомъ униженія, причиненнаго имъ иностранцами, то они навсегда потеряютъ популярность.

Для Франціи было весьма выгодно, что именно въ этотъ моментъ могущественный голосъ заставилъ союзниковъ отнестись къ ней съ умѣренностью. Большинство членовъ коалиціи было весьма далеко отъ подобныхъ мыслей. Само собой разумѣется, что всѣ союзники и, въ ихъ числѣ, самъ царь—выразили желаніе, чтобы Людовикъ XVIII подписалъ договоръ немедленно. Напрасно одинъ изъ его совѣтниковъ [2]) указывалъ, что заключеніе договора можетъ быть отложено до конгресса. Союзники угрожали, что не покинутъ Парижа до тѣхъ поръ, пока миръ не будетъ заключенъ. Король, спѣшившій развязать себѣ руки, приказалъ Таллейрану, получившему постъ министра иностранныхъ дѣлъ, поспѣшить съ окончаніемъ переговоровъ. Таллейранъ сдѣлалъ все, что могъ. Онъ съ успѣхомъ протестовалъ противъ чрезмѣрныхъ требованій Пруссіи, которая добивалась не только

[1]) „Вы предполагаете, Ваше Величество,—сказалъ онъ Людовику XVIII,—что основываете монархію; на дѣлѣ же Вы косвенно продолжаете дѣло Революціи“.

[2]) Генералъ Дессоль.

признанія недѣйствительными всѣхъ долговъ, сдѣланныхъ ею во Франціи, но еще и уплаты крупной контрибуціи [1];—вырвалъ у Англіи нѣсколько колоній, которыхъ та не желала отдавать; —добился нѣкоторыхъ выгодныхъ измѣненій нашей границы на сѣверѣ и востокѣ и, что важнѣе всего, настоялъ на томъ, чтобы Франція была допущена на конгрессъ. Союзъ принудилъ его заранѣе согласиться на всѣ важнѣйшія постановленія конгресса и выговорилъ себѣ право устранить Францію отъ участія въ рѣшеніи наиболѣе крупныхъ вопросовъ. Но суть дѣла, въ данный моментъ, заключалась въ томъ, чтобы попасть на конгрессъ; впослѣдствіи же Таллейранъ очень умѣло воспользовался своимъ присутствіемъ въ Вѣнѣ. Изъ всего этого можно заключить, что русская помощь оказалась намъ очень полезною.

Парижскій трактатъ, подписанный 30 мая 1814 г., несмотря ни на что, былъ все-таки очень обиденъ и унизителенъ для Франціи; въ этомъ можно убѣдиться изъ того бѣглаго очерка его содержанія, къ которому мы теперь переходимъ.

Этотъ мирный договоръ, заключенный правительствомъ Людовика XVIII съ Австріей, Испаніей, Великобританіей, Португаліей, Пруссіей и Россіей, содержитъ, рядомъ съ опубликованными постановленіями, нѣсколько секретныхъ статей.

Первыя состояли изъ 33 статей и устанавливали, прежде всего, новыя границы Франціи. Она возвращалась къ тому объему, который мы имѣли 1 января 1792 г., съ прибавленіями нѣкоторыхъ прежнихъ черезполосныхъ владѣній (какъ-то: Авиньона, графства Венесскаго, Монбельяра, Мюльгаузена) и съ небольшими увеличеніями: на сѣверѣ—посредствомъ пріобрѣтенія Бомона и Шимэ; на востокѣ—Ландау; на югѣ-востокѣ—Шамбери (съ частью его округа и округа Аннеси). Съ другой стороны, Англія должна была возвратить намъ колоніи, за исключеніемъ Табаго, Св. Лючіи, Иль-де-Франса, оо. Родриго и Сейшельскихъ; Франція обязывалась не укрѣплять своихъ Индійскихъ владѣній. Кромѣ того, она получала обратно право рыбнаго промысла на Ньюфаундлендѣ и въ заливѣ св. Лаврентія. Наоборотъ, Великобританія сохраняла почти всѣ свои завоеванія и, въ частности, драгоцѣнную позицію на Мальтѣ. Припасы морскихъ крѣпостей, возвращенныхъ Франціей, должны были быть раздѣлены на три части, изъ коихъ Франціи причиталась только одна. Затѣмъ, нѣкоторое

[1] Пруссія просила 132 милліона; она ничего не получила. Другіе союзники, съ своей стороны, сообща хотѣли 182 милліона; они удовольствовались, въ концѣ концовъ, 25 милліонами.

число статей было посвящено регулированію денежныхъ вопросовъ и частныхъ интересовъ, могущихъ возникнуть между договаривающимися сторонами. Трактатъ высказывался въ принципѣ за свободу плаванія по Рейну, предоставляя конгрессу выработать организацію этой свободы и подчинить тому же правилу и другія международныя рѣки. Онъ постановлялъ также,—и эта часть должна быть признана наиболѣе важною,—что Голландія, отданная подъ власть Оранскаго дома, получитъ приращеніе территоріи; что нѣмецкія княжества сдѣлаются независимыми и образуютъ федерацію; что Швейцарія останется сувереннымъ государствомъ, а Италія будетъ составлена изъ суверенныхъ государствъ, за исключеніемъ тѣхъ территорій, которыя отойдутъ къ Австріи. Что же касается до конгресса, то онъ соберется черезъ два мѣсяца въ Вѣнѣ, куда пришлютъ своихъ представителей всѣ участвовавшія въ послѣдней войнѣ державы „для учиненія на общемъ Конгрессѣ распоряженій, кои должны довершить постановленія трактата 30-го мая".

Секретная часть этого трактата была, очевидно, направлена противъ эвентуальной наступательной политики Франціи на конгрессѣ. Она начиналась со слѣдующаго, очень знаменательнаго, заявленія: „Распредѣленіе территорій, отъ которыхъ Его Христіаннѣйшее Величество отказывается въ силу ст. 3 опубликованнаго договора, и отношенія, которыя должны лечь въ основаніе системы длительнаго и прочнаго политическаго равновѣсія Европы,—будутъ установлены на конгрессѣ согласно принципамъ уже принятымъ союзными державами и, въ общихъ чертахъ, соотвѣтственно нижеслѣдующимъ статьямъ". Затѣмъ слѣдовали статьи о томъ, что австрійскія владѣнія въ Италіи будутъ простираться до Тессина и По; что Сардинія получитъ Геную, которая сдѣлается порто-франко; что державы гарантируютъ политическую организацію, которую Швейцарія дастъ самой себѣ „подъ ихъ руководствомъ и согласно выработаннымъ ими принципамъ"; что всѣ территоріи между Франціей, Нѣмецкимъ моремъ и рѣкой Маасомъ будутъ отданы Голландіи; что будетъ объявлена свобода плаванія по р. Шельдѣ; что территоріи, лежащія между р. Маасомъ и лѣвымъ берегомъ Рейна, послужатъ для увеличенія Голландіи и для вознагражденія Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ княжествъ, и т. д. [1]).

[1]) Одновременно съ главнымъ договоромъ 30 мая, Франція заключила нѣсколько частныхъ договоровъ, по которымъ приняла на себя спеціальныя обязательства по отношенію къ отдѣльнымъ державамъ.

Такимъ образомъ, не только Франція сильно уменьшалась въ размѣрахъ, но еще и враждебныя государства значительно увеличивались на ея счетъ. Кромѣ того, побѣдители образовывали и укрѣпляли вокругъ нея кольцо изъ государствъ, назначенныхъ сдерживать ее и слѣдить за ней; приходилось, въ принципѣ, согласиться безъ спора съ этими постановленіями. Что касается до раздѣла, которому союзники предполагали подвергнуть остатки добычи, то объ этомъ они хранили глубочайшую тайну, ничего не говоря о Польшѣ и Германіи, и почти не упоминая объ Италіи; они предполагали рѣшить безъ насъ территоріальные и политическіе вопросы, касавшіеся этихъ трехъ странъ.

§ 6. Изъ этого видно, въ какомъ смыслѣ четыре великія державы собирались помириться съ Франціей. Не имѣя возможности ни уничтожить ее, ни унизить до положенія второстепеннаго государства, онѣ хотѣли, по крайней мѣрѣ, помѣстить Францію какъ бы въ карантинъ и сдѣлать ее неспособною противодѣйствовать ихъ политикѣ. Лучшимъ доказательствомъ недовѣрія и заботъ, которыя Франція внушала имъ, служило то обстоятельство, что императоры австрійскій и русскій и король прусскій, тотчасъ же послѣ заключенія трактата 30 мая, отправились въ Лондонъ и возобновили тамъ съ принцемъ-регентомъ [1]) четверной Шомонскій союзъ, дабы оберечь себя отъ наступательныхъ движеній съ нашей стороны (29 іюня 1814). Въ это же самое время, или немного позже, Англія заставила Испанію (т.-е. единственное изъ второстепенныхъ государствъ, бывшее въ состояніи взять сторону Франціи) заключить договоръ, по которому, кромѣ значительныхъ торговыхъ преимуществъ, мадридскій кабинетъ давалъ лондонскому—обѣщаніе, что Семейное Соглашеніе не будетъ возобновлено (5 іюля 1814) [2]).

Четыре державы заключили, кромѣ того, въ іюнѣ, договоръ (принятый 21 іюля принцемъ Оранскимъ) [3]), въ силу котораго Бельгія должна была быть соединена съ Голландіей и образовать королевство Нидерландское. На сѣверѣ нашъ старинный

[1]) Георгъ IV, король Англіи, старшій сынъ Георга III, родился въ 1762; женился въ 1795 г. на Каролинѣ Брауншвейгской; принялъ регентство въ 1811 г.; король 28 января 1820; умеръ 26 іюня 1830.

[2]) Le Pacte de famille—тѣсный союзъ, заключенный четырьмя государствами, находившимися въ то время подъ управленіемъ принцевъ изъ дома Бурбоновъ (Франція, Испанія, Неаполь, Парма); этотъ союзъ продержался до революціи.

[3]) Вильгельмъ Нассаускій, принцъ Оранскій, родился въ Гаагѣ въ 1772 г., изгнанъ изъ Голландіи французами въ 1794; король Нидерландовъ по Парижскому, Лондонскому и Вѣнскому трактатамъ (1814—1815); потерялъ Бельгію во время революціи 1830 г., отрекся отъ престола въ 1840 и умеръ въ Берлинѣ въ 1843 г.

союзникъ, датскій король [1]), былъ окончательно лишенъ своихъ правъ на Норвегію, которую онъ пробовалъ, было, отвоевать назадъ [2]).

Короче сказать, ко дню открытія Вѣнскаго конгресса судьбы Европы были болѣе, чѣмъ когда-либо, въ рукахъ четверного союза. Ослабленная, обобранная и связанная Франція, казалось, была приведена въ полное безсиліе. Все заставляло предполагать, что союзники приступятъ къ дѣлежу 32 милліоновъ завоеванныхъ ими людей безъ чьего-либо противодѣйствія, по крайней мѣрѣ, серьезнаго. Но для того, чтобы добиться такого результата, союзникамъ необходимо было сохранить то единодушіе, которымъ они отличались до и во время войны. Между тѣмъ, несмотря на видимое согласіе, у нихъ существовали коренныя различія взглядовъ и глубокія противорѣчія интересовъ. Ихъ единодушіе повело къ униженію Франціи; послѣдующія же ихъ разногласія дали ей возможность возстановить, хотя бы на время, свой авторитетъ

[1]) Фридрихъ VI (сынъ и преемникъ Христіана VII) родился въ 1768; регентъ въ 1784, король—1808, умеръ—1839.

[2]) Въ то время какъ Бернадотъ слѣдовалъ за союзной арміей вплоть до предѣловъ Франціи, Христіанъ-Фридрихъ Датскій отправился въ Норвегію, гдѣ былъ принятъ съ энтузіазмомъ и провозглашенъ сперва регентомъ (февраль 1811), а потомъ королемъ (апрѣль). Но Шведы, матеріально и нравственно поддерживаемые великими державами, не замедлили вернуть потерянное. По договору въ Моссѣ (14 августа) Норвегія подчинилась, а немного времени спустя (4 ноября)—подъ условіемъ сохраненія своей конституціи и автономіи,—избрала въ короли Карла XIII шведскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вѣнскій конгрессъ [1]).

(1814—1815).

§ 1. Для яснаго пониманія дипломатическихъ осложненій, возникшихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, нужно, прежде всего, дать себѣ точный отчетъ относительно тѣхъ интересовъ, которые при-

[1]) Источники: Angeberg (графъ), le Congrès de Vienne et les Traités de 1815,—Cantù, Histoire des Italiens, t. XI; Della Indipendenza italiana, t. I;—Castlereagh (lord Londonderry), Correspondence of Robert, second marquis of Londonderry;—Constant (Benjamin), Mémoires sur les Cent-Jours;—Cornewal Lewis, Histoire gouvernementale de l'Angleterre de 1770 à 1830;—Deventer (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne;—Flassan (de), Histoire du congrès de Vienne;—Fleury de Chaboulon, Mémoires;—Gentz (F. de), Dépêches inédites aux hospodars de Valachie pour servir à l'histoire de la politique européenne, t. I;—Gervinus, Histoire du xix siècle, t. I et II;—Haussonville

шлось защищать на конгрессѣ каждому изъ союзныхъ государствъ.

Англія намѣревалась, прежде всего, упрочить и расширить морское и торговое свое превосходство. Ея недавнія завоеванія удвоили размѣры ея колоніальной имперіи [1]). Но собственныя ея владѣнія, все-таки, не составляли достаточно большого рынка для сбыта произведеній ея промышленности. Поэтому, тѣ обширныя владѣнія за моремъ, которыя еще оставались во власти другихъ европейскихъ государствъ [2]), представляли для Англіи цѣнные рынки, подлежавшіе завладѣнію; этимъ объясняется происхожденіе обременительныхъ трактатовъ, навязанныхъ ею Португаліи и Испаніи; нѣтъ другого объясненія также и для тайныхъ англійскихъ происковъ въ тѣхъ ихъ колоніяхъ, изъ коихъ однѣ были уже въ состояніи открытаго возстанія, а другія должны были, не сегодня—завтра, возмутиться; эмансипація этихъ колоній должна была оказаться очень выгодной для Англіи [3]). Отмѣнивъ въ своихъ владѣніяхъ торговлю неграми уже съ 1807 года, она, отчасти изъ филантропіи, но главнымъ образомъ изъ корысти желала всеобщаго принятія этого порядка вещей, преимуще-

(графъ), le Congrès de Vienne, l'empereur Alexandre et le prince de Talleyrand, le traité du 3 janvier 1815 (Revue des Deux Mondes, 15 мая 1862);—Hyde de Neuville, Mémoires et Souvenirs;—Klüber, Akten des Wiener Congresses; Uebersicht der diplomatischen Verdandlungen des Wiener Congresses;—Lytton Bulwer (сэръ Henry), Essai sur Talleyrand;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. I et II:—Napoléon I-er, Correspondance;—Pallain, Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne;—Pertz, das Leben des ministers Freiherrn von Stein;—Pradt (de), du Congrès de Vienne, 1814 et 1815;—Rochechouart (графъ), Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration;—Schœll, Recueil de pièces officielles relatives au congrès de Vienne;—Thiers, Histoire de l'empire (éd. in-4°), t. IV;—Vaulabelle (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. 1 et II;—Viel-Castel (баронъ), Histoire de la Restauration, t. II et III;—Lord Castlereagh et la Politique extérieure de l'Angleterre de 1812 à 1822 (Revue des Deux Mondes, 1-ое іюня 1854);—Villemain, les Cent-Jours;—Vitrolles (баронъ), Mémoires, t. II et III;—Wellington (герцогъ), Supplementary dispatches, relating to India, Ireland, Denmark, Spanish America, Spain, Portugal, France, Congress of Vienna, Waterloo and Paris; etc.

[1]) Войны революціонной и императорской эпохъ дали ей возможность захватить Гельголандъ, Мальту и острова Іоническія—въ Европѣ, Капскую колонію—въ Африкѣ; Иль-де-Франсъ и острова Сейшельскіе—въ Индійскомъ океанѣ, островъ Цейлонъ—около Индостана; а въ этой послѣдней странѣ — Мизоръ, Дели, Непалъ и пр.; Тасманію—въ Океаніи, оо. св. Лучіи, Табаго, св. Троицы—въ Антильскихъ островахъ и пр., и пр.

[2]) Испанія, Португалія, Нидерланды.

[3]) См. далѣе, гл. III, IV, V и VI.

ственно для того, чтобы предохранить нѣкоторые свои промышленные пункты отъ опасной конкурренціи. Поэтому, она собиралась ревностно отстаивать теперь въ Вѣнѣ, какъ прежде въ Парижѣ, именно вопросъ о неграхъ, обѣщавшій ей и выгоду, и славу. Но самымъ вѣрнымъ, по ея мнѣнію, средствомъ сохранить за собою то важное положеніе въ мірѣ, которымъ она обладала, была энергичная борьба съ Франціей и Россіей. Первая изъ этихъ двухъ державъ внушала ей сильное опасеніе своимъ флотомъ и торговлей; вторая,—имѣя постоянные виды на Константинополь, угрожала оттѣснить Англію на Востокѣ. Держать въ рукахъ и ту, и другую—вотъ чего желало британское правительство. Оно желало созданія Нидерландскаго королевства нарочно для того, чтобъ стѣснить Францію и подорвать ея богатство [1]); это королевство нужно было, по мнѣнію англичанъ, расширить за Маасомъ до Рейна и даже дальше, если возможно. А бракъ (предполагавшійся) наслѣднаго голландскаго принца съ единственною дочерью принца-регента [2]) долженъ былъ еще болѣе укрѣпить тѣ и безъ того очень тѣсныя связи, которыми Голландія соединялась съ Великобританіей. Съ другой стороны, Нидерланды должны были сблизиться въ Германіи съ Ганноверомъ [3]), родовымъ владѣніемъ англійскихъ королей; Ганноверъ же долженъ былъ сдѣлаться королевствомъ и получить значительныя земельныя приращенія. Что касается Пруссіи, то, вмѣсто рейнскихъ земель, которыя она желаетъ получить и изъ которыхъ ей будетъ дано лишь незначительное количество,—ей будетъ предоставлено все столь дорогое ей Саксонское королевство; король же Саксоніи, находящійся въ плѣну со времени Лейпцигскаго сраженія, будетъ низложенъ за то, что слишкомъ долго оставался вѣрнымъ Наполеону. Взамѣнъ этого огромнаго подарка, Англія не потребуетъ отъ Берлинскаго двора никакой жертвы. Совершенно напротивъ. Пруссія даже получитъ обратно всѣ части старой Польши, которыя когда-то были къ ней присоединены. Ибо, если слѣдуетъ стѣснить Францію на западѣ, то столь же необходимо сдержать на востокѣ и Россію, ибо русскій императоръ забралъ себѣ въ голову возстановить къ своей

[1]) Присоединеніе Бельгіи должно было также вознаградить на счетъ Франціи Голландію, только-что потерявшую Капскую колонію и Цейлонъ (Англія захватила и не возвращала ихъ).

[2]) Принцесса Августа-Шарлотта, род. 7 янв. 1796 г. Немного времени спустя (3 мая 1816 г.) она вышла замужъ за принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго (бывшаго впослѣдствіи королемъ Бельгіи) и умерла отъ родовъ 5 ноября 1817 года.

[3]) Ганноверская династія царствовала въ Англіи съ 1714 года.

исключительной выгодѣ старое Польское королевство. По тѣмъ же соображеніямъ Австрія получитъ все то, что она прежде отняла, было, у этой несчастной страны. Такимъ образомъ, Россія будетъ оттѣснена за Вислу. Германія не будетъ объединена (это сдѣлало бы ее слишкомъ сильной), а станетъ подъ коллективную гегемонію Австріи и Пруссіи, между которыми установится тѣсная солидарность. Наконецъ, Австрія будетъ имѣть довольно сильное вліяніе въ Италіи;—не настолько сильное, конечно, чтобы господствовать тамъ безраздѣльно (Англія этого совсѣмъ не хотѣла), а именно такое, чтобы составить тамъ противовѣсъ Франціи. Такимъ образомъ, вся центральная Европа, объединенная въ нѣкоторое единство, будетъ своимъ взаимнымъ сцѣпленіемъ и сопротивленіемъ поддерживать то равновѣсіе, о которомъ мечтало британское министерство.

Наиболѣе близкое сходство съ интересами Англіи имѣли интересы Австріи. Вѣнскій дворъ, подобно Лондонскому, стремился къ тому, чтобы не быть задавленнымъ ни Франціей, ни Россіей. Первому изъ этихъ государствъ Австрія собиралась противопоставить Нидерланды и, въ особенности, федеративную Германію, мелкіе князья коей, обладая землями на Рейнѣ, будутъ имѣть особенный интересъ слѣдить за Франціей. Швейцарія будетъ сдѣлана нейтральною [1]). Это можно будетъ сдѣлать въ видѣ поддержки, оказанной политикѣ французскаго двора. Что касается Италіи, то тамъ можно будетъ господствовать чрезъ посредство такихъ центровъ, какъ Миланъ, Венеція, Модена, Парма, Флоренція и Неаполь; насколько возможно, придется тамъ парализовать новое нарожденіе французскаго вліянія. На востокѣ нужно будетъ оттѣснить возрождающійся панславизмъ, воспрепятствовавъ царю возсоединить подъ своимъ скипетромъ всю Польшу; постоянною бдительностью, вѣроятно, удастся охранить отъ притязаній Россіи—Дунай. До этого пункта нѣтъ никакого особенно замѣтнаго несогласія между Лондономъ и Вѣной. Но по вопросу о Пруссіи планы Меттерниха не могли вполнѣ совпадать съ политикой Кастльри [2]). Если Австрія не хотѣла видѣть русскихъ

---

[1]) Австрія, какъ и Франція, поддерживала аристократическія притязанія Бернскаго кантона противъ новыхъ кантоновъ (Ваадъ, Ааргау); подобно Франціи, она стояла за то, чтобы узы, связывавшія Швейцарскую конфедерацію были, по возможности, слабѣе.

[2]) Кастльри (Робертъ-Генри Стюартъ, второй маркизъ Лондондерри, виконтъ), род. въ Маунтъ-Стюартъ (графство Доунъ, въ Ирландіи) 18 іюня 1769 г.; членъ ирландской палаты общинъ (1789),—англійской палаты общинъ (1794); хранитель тайной ирландской печати (1797); одинъ изъ главныхъ авторовъ Акта о Соедине-

въ Краковѣ, то тѣмъ болѣе не хотѣла она видѣть и Пруссаковъ въ Дрезденѣ. Саксонія подъ властью Фридриха-Вильгельма казалась ей нарушеніемъ германскаго равновѣсія: богемскія ущелья и дорога къ Вѣнѣ становились въ этомъ случаѣ открытыми для самыхъ опасныхъ и закоренѣлыхъ враговъ Габсбурговъ. Кромѣ того, подобное привлеченіе подъ свою власть второстепеннаго государства могло скрывать за собой еще и другіе планы присоединеній—такъ какъ Пруссія вообще извѣстна въ качествѣ державы, стремящейся распоряжаться въ Германіи и не стѣсняющейся насчетъ средствъ. Не лучше ли было бы, если Пруссія, получая назадъ свою часть отъ Польши и оставляя въ покоѣ Саксонію, согласится на увеличеніе въ бассейнѣ Рейна? Этимъ путемъ она окажется въ соприкосновеніи и, слѣдовательно, въ антагонизмѣ съ Франціей. А это будетъ явною выгодою для Австріи, которая заставитъ, такимъ образомъ, свою исконную соперницу считаться съ новымъ врагомъ. Впрочемъ, Меттернихъ не думалъ предоставить Пруссіи безраздѣльную гегемонію въ Западной Германіи. По его мысли, Пруссія не должна была переходить на ту сторону Майна. Въ южной же Германіи придется образовать настолько сильное государство, чтобы оно могло, при случаѣ, сдержать Пруссію подобно тому, какъ Пруссія будетъ сдерживать Францію; этимъ путемъ будетъ создана помѣха всѣмъ прусскимъ планамъ о захватѣ въ свои руки конфедеративной власти. Указаннымъ государствомъ будетъ Баварія, которая возвратитъ Австріи все то, что отняла у нея во время Наполеона [1]), и получитъ на обоихъ берегахъ Рейна, отъ средины Франконіи до границъ Лотарингіи, обширную, богатую и непрерывно тянущуюся территорію; такимъ образомъ, она будетъ оказывать давленіе на Вюртембергъ и великое герцогство Баденское, со всѣхъ сторонъ окруженные ея владѣніями,—и будетъ держать въ своей власти весь Рейнъ, занимая гарнизономъ сильную Майнцскую крѣпость [2]). Что же касается федеральнаго управленія Германіи, то разумѣется, Австрія не собиралась дѣлить его съ Пруссіей. Она нисколько не помышляла о возстановленіи въ свою пользу прежняго императорскаго достоинства,

нія; членъ тайнаго совѣта и президентъ коммиссіи контроля (1802); военный министръ съ 1805 по 1806 г. и съ 1807 по 1809 г.; министръ иностранныхъ дѣлъ съ 1812 по 1822 г.; глава министерской партіи въ палатѣ общинъ съ 1812 г.; умеръ 12 августа 1822 г.

[1]) Тироль, Зальцбургъ, часть Верхней Австріи.

[2]) Это соглашеніе было предложено офиціально, какъ это явствуетъ изъ конвенціи, заключенной въ Парижѣ 3 іюня 1814 года между Австріей и Баваріей.

сдѣлавшагося, въ концѣ концовъ, пустымъ титуломъ; она хорошо сознавала, что если объединеніе Германіи въ будущемъ осуществится, то только подъ гегемоніей ея соперницы. Поэтому, тайнымъ ея желаніемъ даже тогда, когда она утверждала противное, было именно созданіе наименѣе сильной федеральной власти. Ибо, чѣмъ болѣе силы будетъ оставлено партикуляристическимъ идеямъ, столь дорогимъ для небольшихъ германскихъ государствъ, тѣмъ легче можно будетъ оказывать давленіе на каждое изъ нихъ въ отдѣльности. Такимъ образомъ, создавая оплотъ одновременно противъ Россіи, Пруссіи и Франціи, господствуя одновременно и въ Германіи и въ Италіи, охраняя неприкосновенность Балканскаго полуострова,—Австрія смотрѣла на себя, какъ на основаніе того великаго зданія, которое призванъ былъ воздвигнуть конгрессъ.

Послѣ всего изложеннаго, нѣтъ необходимости подробно излагать планы Россіи. По главнымъ вопросамъ, они были діаметрально противоположны планамъ Австріи и Англіи. Императоръ Александръ I, поднявшій на ноги всю Европу своимъ героическимъ сопротивленіемъ Наполеону (въ 1812 г.) и затѣмъ энергичнымъ переходомъ въ наступательное движеніе,—не безъ основанія полагалъ, что безъ него великій Союзъ не могъ бы состояться и, тѣмъ паче, не могъ бы оказаться побѣдителемъ. Онъ думалъ и открыто заявлялъ, что Европа хоть чѣмъ-нибудь должна заплатить ему за показанный имъ примѣръ и за понесенныя имъ жертвы. И единственная награда, которой онъ, съ нѣкоторымъ искусственнымъ великодушіемъ, просилъ,—было право загладить ошибки своей бабки Екатерины II путемъ возсоединенія въ одно цѣлое государство, съ конституціоннымъ образомъ правленія, какъ герцогства Варшавскаго, недавно занятаго его войсками, такъ и всей остальной Польши. Этимъ путемъ онъ хотѣлъ облагодѣтельствовать Поляковъ на чужой счетъ. Будучи, съ одной стороны, въ чрезвычайно враждебныхъ отношеніяхъ съ королемъ Саксонскимъ [1]), владѣвшимъ до 1813 г. Великимъ Герцогствомъ Варшавскимъ и находившимся въ союзѣ съ Наполеономъ, а, съ другой стороны, находясь въ тѣсной дружбѣ съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ,—онъ не только не противился планамъ Пруссіи относительно новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, но еще и искренне имъ содѣйствовалъ. Польскій

[1]) Фридрихъ-Августъ I, род. въ Дрезденѣ въ 1750 г., король Саксоніи въ 1806 г., великій герцогъ Варшавскій съ 1807 до 1813 г., умеръ въ 1827 г. Онъ имѣлъ преемникомъ своего брата Антонія I (род. въ 1795 г., ум. въ 1836 г.).

и Саксонскій вопросы представлялись для него тѣсно связанными. Убѣжденный въ томъ, что онъ всегда можетъ имѣть возможность оказывать давленіе на политику берлинскаго двора, онъ желалъ устроить для Пруссіи выдающееся положеніе въ ряду государствъ союза. Кромѣ того, онъ не прочь былъ распространить границы Пруссіи до непосредственнаго сосѣдства съ Богеміей, дабы она явилась постоянной угрозой для Австріи и сама подверглась контролю этой послѣдней. Что же касается Вѣнскаго двора, то императоръ надѣялся проявить тамъ свое вліяніе, прежде всего, при помощи своей союзницы, Пруссіи; затѣмъ,—при помощи Польскаго королевства и, наконецъ,—эвентуально—при помощи Франціи, которая составитъ противовѣсъ Австріи на Аппенинскомъ полуостровѣ. Совершенно обезопасивъ себя со стороны Балтійскаго моря завоеваніемъ Финляндіи, достигнувъ по Бухарестскому трактату [1]) до Дуная и по Гулистанскому [2])—до Арменіи, онъ полагалъ, что скоро ему можно будетъ, несмотря ни на какія усилія англичанъ, обратить всѣ свои силы на востокъ. Уничтоженіе Оттоманской Имперіи было его тайною мечтою. Но онъ не сумѣлъ скрыть ее настолько искусно, чтобъ Сенъ-Джемскій кабинетъ не провѣдалъ о его намѣреніяхъ.

Намъ остается еще изложить политическіе планы Пруссіи, государства менѣе значительнаго, чѣмъ предыдущія, но, все-таки, проявлявшаго дѣятельно и энергично такіе наступательные планы и честолюбивые замыслы, которые не были тайною для дипломатовъ. Весьма высоко поднявшись во мнѣніи Европы во время Фридриха II, Пруссія, со времени Іенскаго сраженія, въ нѣсколько мѣсяцевъ, потеряла и славу, и значеніе. Раздробленная Тильзитскимъ трактатомъ на отдѣльные куски и лишенная значительной части своихъ владѣній, она, въ короткій промежутокъ времени, сумѣла незамѣтно оправиться отъ своихъ неудачъ и, въ 1813 г., дала такія доказательства своей жизнеспособности, что ее пришлось сохранить въ числѣ великихъ державъ. Она подала сигналъ къ возстанію противъ Наполеона и первая показала примѣръ. И получившаяся въ результатѣ грандіозная вспышка патріотическаго чувства заставила забыть все ея недавнее безсиліе. Уже въ это время германскій народъ, инстинктивно склонявшійся къ объединенію, началъ обращать свои взоры къ Берлину. Фридрихъ-Вильгельмъ III и его совѣтники Гарден-

[1]) По этому трактату онъ пріобрѣлъ Бессарабію и устья Дуная.

[2]) Этотъ трактатъ, заключенный съ Персіей въ 1813 г., отдалъ въ обладаніе Россіи, въ предѣлахъ Кавказа, Абхазію, Гурію, Имеретію, Мингрелію, Ширванъ и Дагестанъ.

бергъ [1]), Штейнъ [2]), Гнейзенау—особенно выдвинулись, какъ энергичные сторонники борьбы за національную независимость и политическую свободу. Слѣдовательно, Пруссія—косвенно—начинала стремиться къ гегемоніи въ Германіи. Не даромъ проявляла она къ своему „наслѣдственному врагу“ (Франціи) ничѣмъ неутолимую ненависть. Пруссія открыто жаловалась на то, что съ Франціей поступили слишкомъ снисходительно въ трактатѣ 30-го мая [3]). Она добивалась для себя—роли часового на Рейнѣ, требуя права держать гарнизонъ не только въ Кёльнѣ, но и въ Майнцѣ и Люксембургѣ. Съ другой стороны, она просила, чтобъ ей отдали всю Саксонію, утверждая, что Саксонскій король—измѣнникъ, не заслуживающій никакого снисхожденія. Саксонскія владѣнія могли превосходно округлить Пруссію и дать ей рядъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ противъ Австріи. Поэтому, чтобы получить Саксонію, Пруссія съ готовностью отказывалась почти отъ всѣхъ своихъ прежнихъ владѣній въ Польшѣ. Но она разсчитывала на многія другія земельныя приращенія—въ Помераніи, въ Вестфаліи и, вообще, повсюду, гдѣ ей нужно было связать свои раздробленныя владѣнія. Прусскій король постоянно повторялъ, что въ 1813 году ему обѣщали увеличить число его подданныхъ до 10 милліоновъ и даже больше. Такимъ образомъ, онъ былъ готовъ взять повсюду, руководясь

[1]) Гарденбергъ (Карлъ-Августъ, князь) род. въ Эссенродѣ (Ганноверъ) 31 мая 1750 г.; находился на службѣ у герцога Ганноверскаго, потомъ у герцога Брауншвейгскаго, у маркграфа Байрейтскаго и Анспахскаго, наконецъ, у короля Прусскаго (1791 г.); въ 1795 г. назначенъ вести переговоры о мирѣ въ Базелѣ; прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ (августъ 1804 г.); замѣщенъ послѣ Аустерлица Хаугвицемъ; снова призванъ на министерскій постъ послѣ Іенскаго сраженія (1806 г.); опять уволенъ послѣ мира въ Тильзитѣ (1807 г.); государственный канцлеръ—(1810 г.); ум. въ Генуѣ (26 ноября 1822 г.); оставилъ послѣ себя Мемуары, недавно изданные.

[2]) Штейнъ (Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ, баронъ) род. въ Нассау 26 окт. 1757 г., причисленъ на службу въ Пруссіи въ 1778 г.; главный совѣтникъ горнаго вѣдомства (1793 г.); президентъ счетныхъ палатъ Везеля, Гамма, Миндена (1797 г.); назначенъ главнымъ начальникомъ департамента косвенныхъ налоговъ, таможенъ, фабрикъ и торговли (1804 г.); уволенъ въ январѣ въ 1807 г., опять назначенъ въ іюлѣ 1807 г., снова уволенъ по просьбѣ Наполеона, какъ врагъ Франціи (ноябрь 1808 г.); главный организаторъ „союза добродѣтели“ (Tugendbund), командированъ въ 1812 г. на службу въ Россію; правитель возвращенныхъ въ 1813 г. нѣмецкихъ земель; еще разъ уволенъ, благодаря интригамъ Австріи и партіи абсолютистовъ; членъ Прусскаго Государственнаго Совѣта (30 апр. 1827 г.); умеръ въ Фрухтѣ 29 іюля 1831 г.

[3]) Общественное мнѣніе въ Германіи и, особенно, въ Пруссіи сильно упрекало коалицію въ томъ, что она поступила съ Франціей слишкомъ снисходительно. Ставили вопросъ о томъ, почему союзники не потребовали съ нея возвращенія дани, наложенной въ свое время Наполеономъ на разныя германскія государства. Требовали также возвращенія Эльзаса, этой „пяты, коею Франція давитъ на Германію“.

только своими выгодами и правомъ сильнаго. Но, конечно, онъ не допускалъ того, чтобы и другія германскія государства получали пропорціональныя приращенія. Поэтому, между прочимъ, онъ явно противился всѣми своими силами—осуществленію плановъ Баваріи. Что касается Австріи, то онъ, подъ личиной доброжелательства къ ней, работалъ надъ тѣмъ, чтобы встать на ея мѣсто и затѣмъ использовать въ своихъ исключительныхъ интересахъ ту конфедеративную организацію, которую предполагалось дать Германіи. Впрочемъ, хорошо понимая, что у него нѣтъ ни силы, ни средствъ для борьбы съ соперницей, онъ дѣлалъ пока видъ, что слѣдуетъ на буксирѣ за Россіей въ ожиданіи того момента, когда можно будетъ одурачить прежнюю союзницу.

§ 2. Изъ всего предшествующаго слѣдуетъ, что въ моментъ открытія конгресса четыре союзныя державы далеко не были согласны между собою относительно плана государственнаго переустройства Европы. Только одна мысль, казалось, была имъ всѣмъ обща, и эта мысль заключалась въ томъ, что онѣ—самыя могущественныя державы, что Европа—въ ихъ рукахъ и что никто не мѣшаетъ имъ распоряжаться по своему произволу. Конечно, противорѣчивость ихъ притязаній была совершенно очевидна. Не подлежало сомнѣнію также и то, что требованія ихъ встрѣтятъ оппозицію со стороны тѣхъ, чьи права они собирались нарушить. Но кто могъ воспользоваться этой противорѣчивостью и доставить побѣду этой оппозиціи? Тѣ народности, участь которыхъ должна была вскорѣ рѣшиться, вѣдь, не имѣли представителей на конгрессѣ [1]). Такія большія и славныя государства, какъ Польша и Венеція, были фактически уничтожены и не были приглашены защищать на конгрессѣ свои интересы. Генуя была допущена только для того, чтобъ выслушать, такъ сказать, свой смертный приговоръ. Даже королямъ отказывали въ приглашеніи на конгрессъ—безъ всякой церемоніи. Густавъ IV [2]), лишенный шведскаго престола, тщетно добивался такого приглашенія. Датскій король явился на конгрессъ только для того, чтобъ своимъ присутствіемъ санкціонировать раздѣленіе собственной монархіи. Легатъ папы, Консальви [3]), бѣгалъ по переднимъ и уни-

[1]) Только монархи и ихъ министры представляли тамъ Европу.

[2]) Сынъ и преемникъ Густава III, род. въ 1778 г.; король съ 1792 г.; вслѣдствіе заговора низложенъ шведскимъ сеймомъ въ 1809 г. и осужденъ на пожизненное изгнаніе; умеръ въ Сентъ-Галлѣ въ 1837 г.

[3]) Консальви (Ираклъ), род. въ Римѣ въ 1757 г.; кардиналъ, государственный

женно вымаливалъ нѣсколько провинцій, вовсе не надѣясь получить ихъ. Толпы мелкихъ германскихъ князей наводняли Вѣну. Каждый думалъ только о томъ, какъ бы, при помощи заискиваній, провести свои интересы, хотя бы и въ ущербъ своему сосѣду. Многіе не стыдились унижаться изъ-за небольшихъ клочковъ территоріи, изъ-за нѣсколькихъ тысячъ душъ или нѣсколькихъ квадратныхъ миль земли; другіе запрашивали только для того, чтобы не лишиться того, что имѣли. Наконецъ, третьи (медіатизированные [1]) князья) выбивались изъ силъ въ своемъ стремленіи вновь сдѣлаться суверенами; впрочемъ, на нихъ никто не обращалъ вниманія.

Но если мелкія государства заботились только о себѣ и были слишкомъ слабы, чтобы бороться противъ солидарности великаго союза, то имѣлась еще первостепенная держава, голосъ которой долженъ былъ сдѣлаться тѣмъ авторитетнѣе, что эта держава не могла ничего просить для самой себя. Это была Франція, которой предстояло, несмотря на все свое паденіе, возстановить въ нѣсколько мѣсяцевъ—путемъ дипломатическаго искусства—свое прежнее политическое значеніе и принудить Европу, еще недавно столь высокомѣрную, считаться съ ней.

Людовикъ XVIII, въ свое время унижавшійся предъ коалиціей, понялъ—съ того времени какъ сдѣлался королемъ Франціи,—что онъ многимъ обязанъ Франціи и что обстоятельства позволяютъ ему требовать многаго. И прежде всего, онъ рѣшился энергично поддерживать на конгрессѣ права тѣхъ монарховъ, которые (какъ Саксонскій король, испанскіе, пармскіе и неаполитанскіе Бурбоны) приходились ему родственниками. Впрочемъ, онъ былъ достаточно уменъ для того, чтобъ придать своимъ заботамъ о родственникахъ—видъ честной и почтенной политики, полезной какъ для Франціи, такъ и для остальной Европы. Во всякомъ случаѣ, у его представителя на конгрессѣ было ума за двоихъ. Главою французскаго посольства былъ никто иной, какъ Таллейранъ. Эта личность, игравшая въ своей жизни столько ролей, умѣла, при случаѣ, сыграть и роль честнаго человѣка. Никогда, конечно, не пришлось ему сдѣлать лучшаго употребленія изъ своего невозмутимаго хладнокровія, хитрости и уди-

---

секретарь при Піѣ VII съ 1800 г. до 1806 г.; главный дѣятель Конкордата 1801 г.; главный министръ папскаго престола съ 1814 г. до 1823 г.; ум. въ 1824 г.

[1]) Большое число мелкихъ германскихъ государствъ было отдано въ 1803 г. другимъ (напр., Пруссіи, Баваріи, Вюртембергу и пр.), среди коихъ они заключались. Эти послѣднія были такимъ образомъ щедро вознаграждены за потери, причиненныя имъ Французской республикой на лѣвомъ берегу Рейна.

вительной развязности дипломата-вельможи, чѣмъ во время Вѣнскаго конгресса: онъ покинулъ этотъ конгрессъ почти реабилитированнымъ человѣкомъ.

Его инструкціи, составленныя имъ же самимъ по соглашенію съ Людовикомъ XVIII, выдвигали, какъ основной принципъ, то положеніе, что завоеваніе, само по себѣ, не даетъ никакихъ правъ; что государство или часть территоріи не можетъ быть объявлена res nullius до тѣхъ поръ, пока ея собственникъ формально отъ нея не отказался; что, слѣдовательно, всякое законное правительство, глава коего не отрекся отъ своей власти, должно имѣть своего представителя на конгрессѣ; что владѣнія такого государя должны быть уважаемы въ случаѣ спора и возвращены въ случаѣ совершившагося отнятія. Эта теорія, слѣдовательно, не имѣла ничего общаго съ теоріей національностей. Людовикъ XVIII, устами Таллейрана, ратовалъ въ Вѣнѣ за „легимитетъ“ королей, а не народностей. На конгрессѣ не было демократовъ. Ссылки на революціонные принципы не находили сочувствія, и ужъ, конечно, не французскому королю можно было защищать ихъ. Но оцѣнивая всю совокупность обстоятельствъ, можно съ увѣренностью сказать, что Франція, провозглашая принципъ „легитимитета“, являлась въ Вѣнѣ единственной защитницей, въ извѣстной мѣрѣ, идеи справедливости.

Другія державы опирались, въ общемъ, только на грубое право силы. Таллейранъ понялъ, что, исходя изъ только-что изложеннаго основного принципа, онъ можетъ сгруппировать вокругъ себя всѣ тѣ второстепенныя государства, независимости которыхъ угрожало насильственное поглощеніе; изъ нихъ онъ рѣшилъ образовать лигу слабыхъ, разсчитывая сдѣлать ее—со временемъ—вліятельною и положительною величиной. Отмѣтимъ также то обстоятельство, что, говоря съ монархами, стоявшими не менѣе Людовика XVIII за „божественное“ право,—Таллейранъ былъ вполнѣ увѣреннымъ, что его основной принципъ не будетъ оспариваемъ.

Противъ него, имъ приходилось бороться только путемъ закулисныхъ интригъ. А въ этой области онъ не имѣлъ соперниковъ. Къ тому же, всегда могъ наступить моментъ, когда разногласія позволятъ разъединить союзниковъ; въ крайнемъ случаѣ, Таллейранъ былъ готовъ даже и ускорить появленіе такихъ разногласій.

Приказанія короля, представлявшія ему, впрочемъ, широкую свободу дѣйствій, гласили, что въ Германіи онъ долженъ озаботиться сохраненіемъ Саксоніи не только по фамильнымъ сообра-

женіямъ, указаннымъ выше, но еще и потому, что нужно было, во что бы то ни стало, остановить угрожающее возрастаніе Пруссіи [1]). Русскому императору (Людовикъ XVIII не былъ расположенъ къ Александру I и избѣгалъ всякихъ сближеній съ нимъ) [2]), онъ долженъ былъ помѣшать въ его планахъ, касавшихся Польши, въ виду связи послѣднихъ съ планами Пруссіи. Наоборотъ, Таллейранъ долженъ былъ поддерживать Австрію и ея германскихъ союзниковъ, особенно Баварію [3]). Но соглашаясь съ Вѣнскимъ дворомъ относительно обще-германскихъ вопросовъ, онъ долженъ былъ энергично противопоставить Австріи французское вліяніе въ Швейцаріи и, особенно, въ Италіи. Въ этой послѣдней надо было поддерживать противъ Австріи Савойскій домъ и домъ Бурбоновъ, требовавшій себѣ Пармы, Тосканы и Неаполя. Но главнымъ образомъ надо было настаивать на замѣщеніи Мюрата—Фердинандомъ IV [4]), такъ какъ Мюратъ, поддерживаемый теперь на престолѣ Австріей, долженъ былъ быть разсматриваемъ, какъ узурпаторъ, подлежащій немедленному низложенію. Что касается Англіи, то, пока, не слѣдовало играть ей въ руку, но, при необходимости, нужно было умѣть сблизиться съ нею и сдѣлать все возможное, чтобы разсѣять ея упорное недовѣріе.

§ 3. Для даннаго момента—лучше этихъ инструкцій ничего нельзя было придумать. Но нужно было умѣть и быть въ состояніи ими воспользоваться. Въ тотъ моментъ, когда Союзники, въ лицѣ монарховъ и ихъ представителей, собрались въ Вѣнѣ,

[1]) Приказано было также воспрепятствовать ей пріобрѣсти Майнцъ и Люксембургъ.

[2]) Людовикъ XVIII не забывалъ, что Александръ въ 1807 г. обязалъ его покинуть свое государство; что онъ нѣсколько лѣтъ былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Наполеономъ; что онъ отнесся весьма неблагосклонно къ мысли о возстановленіи Бурбоновъ и требовалъ обнародованія хартіи. Императоръ очень поддерживалъ проектъ брака его сестры, великой княжны Екатерины, и герцога Беррійскаго. Но французскій король принялъ его предложеніе такъ неохотно, что Александръ I обидѣлся и отказался отъ своего намѣренія.

[3]) Домъ Бурбоновъ поддерживалъ Баварію по традиціи, такъ какъ Баварія была католическимъ государствомъ и нѣсколько разъ соединялась съ Бурбонами брачными узами (въ частности при Людовикѣ XIV). Бурбоны уже издавна пытались воспользоваться ею, какъ противовѣсомъ Австріи въ южной Германіи. А въ 1814 году они собрались противопоставить Баварію главнымъ образомъ протестантской Пруссіи.

[4]) Фердинандъ IV, род. въ 1751 г., второй сынъ Испанскаго короля Карла III, наслѣдовалъ послѣ него Неаполитанскій престолъ въ 1759 г.; изгнанъ французами; нашелъ себѣ убѣжище въ Сициліи (1799 г.), откуда, немного позднѣе, онъ опять вернулся; снова былъ изгнанъ 1806 г., возстановленъ Австрійцами въ 1815 г. Извѣстенъ подъ именемъ Фердинанда I, какъ король обѣихъ Сицилій. Умеръ въ 1825 году.

т.-е. въ половинѣ сентября 1814 г. [1]), они, несмотря на свое тайное разномысліе по другимъ вопросамъ, были еще весьма согласны по вопросу о судьбѣ Франціи. Опасаясь ея вмѣшательства въ тѣ важные вопросы, для рѣшенія которыхъ они собрались, союзники приняли всѣ мѣры для того, чтобы устранить ее отъ участія въ серьезныхъ работахъ и оставить за собою исключительное право распоряжаться на конгрессѣ. Доказательствомъ этого могутъ служить два столь важные протокола, подписанные представителями Австріи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи 22-го сентября, т.-е. до прибытія Таллейрана. Изъ этихъ протоколовъ видно, что четыре союзныя державы, недобросовѣстно истолковывая договоръ 30-го мая, намѣревались захватить въ свои руки руководительство на конгрессѣ или, вѣрнѣе, путемъ присвоенія себѣ права рѣшить промежъ себя всѣ наиболѣе важные вопросы, волновавшіе тогда Европу, — сдѣлать полное собраніе представителей державъ совсѣмъ ненужнымъ. Оказывается, что онѣ рѣшили заключить вчетверомъ предварительное соглашеніе относительно раздѣла свободныхъ земель и предполагали

---

[1]) Кромѣ Австрійскаго и Русскаго императоровъ и Прусскаго короля, на Вѣнскомъ конгрессѣ присутствовало много другихъ монарховъ и князей. Семь державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, были представлены на этомъ великомъ сборищѣ слѣдующими лицами: 1) Австрія: князь Меттернихъ, баронъ Вессембергъ (кромѣ того, кавалеръ Гентцъ, придворный совѣтникъ, бывшій секретаремъ конгресса); 2) Испанія: графъ Лабрадоръ; 3) Франція: князь Таллейранъ, герцогъ Дальбергъ, графъ Лятуръ-дю-Пэнъ (вмѣстѣ съ Отривомъ и ла-Бенардьеромъ, которые были секретарями-редакторами); 4) Великобританія: лордъ Кастльри, лордъ Веллингтонъ, лордъ Кленкартъ и лордъ Стюартъ (не считая Стрэтфорта-Каннинга, одного изъ членовъ комитета по Швейцарскимъ дѣламъ). 5) Португалія: графъ Пальмелла, Д. А. Сальдана-де-Гама и Д. И. Лобо-де-Сильвейра; 6) Пруссія: князь Гарденбергъ, баронъ Гумбольдтъ (Вильгельмъ); 7) Россія: князь Разумовскій, графъ Штакельбергъ, графъ Нессельроде (и, кромѣ того, баронъ Штейнъ, баронъ Анштетъ и графъ Каподистрія, для Швейцарскихъ дѣлъ и работъ статистической комиссіи).—У всѣхъ остальныхъ государствъ Европы, за исключеніемъ Высокой Порты, тоже были свои представители на конгрессѣ: Данія — два графа Бернсторфъ; Генуя — маркизъ Бриньоль; Модена—князь Альбани; Неаполь—герцоги Кампо-Кіаро и Каріати; Папская область—кардиналъ Консальви; Нидерланды—баронъ Гагернъ и баронъ Ворстонденъ; Сардинія—маркизъ Сенъ-Марсанъ и графъ Росси; Сицилія—командоръ Руффо и герцогъ Серра-Капріола; Швейцарскій сеймъ-П. фонъ-Рейнгардтъ, П. фонъ-Монтенахъ и фонъ-Филангъ (нѣкоторые швейцарскіе кантоны прислали также своихъ особыхъ представителей); Баварія—князь Вреде и графъ Рехбергъ; Ганноверъ—графы Мюнстеръ и Гарденбергъ; Саксонія—графъ Шуленбергъ; Вюртембергъ—графъ Винтцингероде и баронъ Линденъ. Всѣ германскія государства—большія и мелкія—также имѣли представителей. Точно также имѣлись представители отъ медіатизированныхъ княжествъ, отъ многихъ князей, городовъ и германскихъ и итальянскихъ общинъ.

ограничиться сообщеніемъ своихъ постановленій, обходя другія государства, только Франціи и Испаніи, допустивъ эти два послѣднія государства сдѣлать, для соблюденія формы, возраженія. Кромѣ того, было постановлено, что въ такихъ спорныхъ вопросахъ, какъ польскій, германскій и итальянскій,—Франція будетъ запрашиваема по достиженіи полнаго (т.-е. безповоротнаго) соглашенія Союзниковъ. Все это сводилось къ провозглашенію принципа, что международное право на конгрессѣ будетъ замѣнено правомъ болѣе сильнаго.

Лишь только эта программа стала извѣстна французскому послу, „умѣвшему, по его собственнымъ словамъ [1]), и обладавшему правомъ говорить съ апломбомъ",—какъ онъ забилъ тревогу. Онъ съ твердостью далъ понять, что четыре державы не имѣютъ болѣе причинъ именоваться „союзниками", такъ какъ миръ уже заключенъ;—что созванныя государства могутъ быть не равны по силѣ, но что они всѣ равны по своимъ правамъ;—что только конгрессъ, т.-е. совокупность этихъ государствъ, можетъ принимать обязательныя для нихъ рѣшенія, причемъ эти рѣшенія должны быть принимаемы свободно, а не по принужденію;—что, поэтому, намѣреніе нѣкоторыхъ государствъ соединиться для того, чтобы навязать конгрессу готовыя рѣшенія и тѣмъ оказать надъ ними насиліе не можетъ быть оправдано. Въ виду всего этого, Таллейранъ счелъ нужнымъ обратиться за помощью къ второстепеннымъ государствамъ. И его призывъ, само собою разумѣется, нашелъ горячую поддержку. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, большинство этихъ государствъ, несмотря на употребленное противъ нихъ застращиваніе, явнымъ образомъ сгруппировались вокругъ Франціи; союзники же принуждены были пойти на уступки. Впрочемъ, они сдѣлали это съ величайшею неохотою. 8-го октября Таллейранъ принудилъ ихъ подписать декларацію, въ которой общее засѣданіе конгресса назначалось на 1 ноября, остающійся же промежутокъ времени предполагалось употребить на конфиденціальные переговоры, дабы привести вопросы, подлежавшіе обсужденію, на нѣкоторую степень зрѣлости. Кромѣ того, предполагалось назначить особый комитетъ для выработки программы занятій и выбрать комиссію по каждому изъ подлежащихъ рѣшенію дѣлъ (изъ заинтересованныхъ государствъ); въ этотъ комитетъ должны были войти не только Австрія, Великобританія, Пруссія и Россія, но и прочія дер-

[1]) Эти слова выражаютъ его высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи, ловкости и дипломатической настойчивости.

жавы, подписавшія Парижскій трактатъ, т.-е. Франція, Испанія, Португалія и Швеція; роль комитета будетъ ограничиваться формулировкой предложеній, а право обсужденія и принятія по нимъ рѣшеній будетъ предоставлено конгрессу; наконецъ, имѣющія быть принятыми постановленія будутъ согласны съ принципами международнаго права. Эти послѣднія слова вызвали цѣлую бурю. Гарденбергъ, представитель Пруссіи, нервно вскочилъ и, сжимая кулаки, закричалъ: „международное право? Къ чему это? Зачѣмъ указывать, что мы дѣйствуемъ здѣсь сообразно международному праву? Само собою разумѣется, что мы будемъ поступать соотвѣтственно международному праву, хотя и умолчимъ о немъ".—„Я ему отвѣтилъ" (говоритъ Таллейранъ): „это будетъ еще лучше разумѣться, если мы не умолчимъ". Гумбольдтъ тогда закричалъ: „какой намъ толкъ въ международномъ правѣ?"— На что я отвѣтилъ: „толкъ въ немъ тотъ, что безъ него вы бы не присутствовали здѣсь".

Въ общемъ, протоколъ 8-го октября былъ первымъ значительнымъ успѣхомъ Франціи. Впрочемъ, не слѣдуетъ его преувеличивать. Успѣхъ былъ, пока, только нравственный. Союзныя державы постарались всѣми мѣрами уменьшить его практическое значеніе. Онѣ нарочно старались тянуть время. Начались безконечные балы и увеселенія. Меттернихъ старался сдѣлать видъ, что проводитъ время въ бездѣльи и въ свѣтскихъ развлеченіяхъ [1]). Поэтому, 1 ноября конгрессъ не открылся; вѣр-

[1]) Вотъ что мы читаемъ въ перепискѣ Таллейрана. „Тотъ, кто управляетъ австрійскими дѣлами и имѣетъ претензію рѣшать дѣла Европы, смотритъ, какъ на самый вѣрный признакъ превосходства своего ума, на то легкомысліе, которое онъ доводитъ съ одной стороны до глупости, а съ другой—до бѣдствія, если принять въ соображеніе, что оно проявляется въ министрѣ великаго государства и при такихъ обстоятельствахъ, какъ нынѣшнія... Три четверти дня онъ проводитъ на балахъ и празднествахъ... Его искусство заключается въ томъ, что онъ заставляетъ насъ терять время, думая, что этимъ онъ выигрываетъ его"... Лятуръ-дю-Пэнъ писалъ: „Что можно ожидать отъ человѣка, который въ самомъ знаменательномъ положеніи, въ какомъ только можно оказаться, употребляетъ большую часть своего времени на пустяки; который не боится лично репетировать „Bacha de Surène" и со времени открытія конгресса очень много времени провелъ въ совершенномъ бездѣльи?"... Съ своей стороны Гентцъ писалъ немного позднѣе господарю Валахіи: „Манера Меттерниха вести дѣла такова, что чрезвычайно трудно, если не невозможно, при разсужденіи съ нимъ о какомъ-нибудь вопросѣ, добиться какой-нибудь послѣдовательности. Но еще большее неудобство заключается во всемъ складѣ его жизни, въ неправильномъ распредѣленіи времени, въ неупорядоченности его поступковъ, въ его наклонностяхъ и свѣтскихъ отношеніяхъ, въ чрезвычайной его доступности и любезности и, наконецъ, во множествѣ другихъ мелочей, которыхъ нѣтъ возможности изложить".

нѣе сказать, онъ и вовсе не открывался, такъ какъ, въ сущности, ни одного общаго засѣданія созвано не было. Что же касается распорядительнаго комитета изъ восьми державъ, то Союзники еще долгое время старались управиться безъ его участія; и только съ декабря, т.-е. съ того времени, когда нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы увидимъ дальше, были вынужены искать содѣйствія Франціи, онъ могъ ознаменовать свою дѣятельность полезными работами.

§ 4. Мрачный геній Меттерниха имѣлъ въ запасѣ очень сложную интригу, успѣхъ которой позволилъ бы Союзникамъ замкнуться въ своей „четверной" политикѣ и не допустить Франціи въ число членовъ конгресса. Эта интрига заключалась въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ Англіей постараться разъединить Пруссію и Россію для того, чтобы прежде всего погубить проекты Россіи относительно Польши, а затѣмъ помѣшать и Пруссіи въ ея германскихъ планахъ. Поэтому, поручивъ Кастльри объяснить императору Александру I (онъ не хотѣлъ дѣлать этого самъ, такъ какъ боялся показаться лично заинтересованнымъ въ этомъ вопросѣ), что объединеніе Польши подъ его властью противорѣчитъ прежнимъ принятымъ имъ на себя обязательствамъ и является опаснымъ для мира Европы [1], — онъ, въ то же время, объявилъ князю Гарденбергу, что, въ крайнемъ случаѣ, согласится на присоединеніе къ владѣніямъ Фридриха-Вильгельма—всей Саксоніи. То же самое увѣреніе сообщено было прусскому министру и со стороны англичанъ. Но при этомъ сдѣлана была важная оговорка, а именно, что Пруссія получитъ Саксонію, какъ простое земельное приращеніе, а не какъ компенсацію; что она должна будетъ служить оплотомъ противъ Россіи, а не союзницей; что, наконецъ, совмѣстно съ Австріей и Англіей она воспрепятствуетъ императору возстановить въ свою пользу великое герцогство Варшавское. Съ другой стороны, Меттернихъ тогда же созвалъ (14 окт.) комиссію по германскимъ дѣламъ и предложилъ ей проектъ конфедераціи, по которому управленіе Германіей дѣлилось между Австріей и Пруссіей [2]: это было съ его стороны новымъ средствомъ польстить Пруссіи и привлечь ее на свою сторону. На самомъ же дѣлѣ онъ разсчитывалъ вотъ

[1]) Англійскій министръ указалъ на это императору въ трехъ отдѣльныхъ мемуарахъ. Александръ I отнесся къ нимъ чрезвычайно неблагосклонно и отвѣтилъ на нихъ. по выраженію Меттерниха, „плоскими аргументами".

[2]) Въ эту комиссію входили уполномоченные только отъ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера и Вюртемберга.

на что: когда Пруссія, благодаря ему, помѣшаетъ намѣреніямъ русскихъ,—Александръ, извѣстный своей впечатлительностью и гордостью, не замедлитъ поссориться съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ; такимъ образомъ, этотъ монархъ не будетъ въ состояніи разсчитывать на помощь Александра I въ своей борьбѣ съ Австріей. А Австрія тогда откажетъ Пруссіи въ Саксоніи, ссылаясь на протестъ Баваріи и другихъ второстепенныхъ государствъ Германіи [1]) (протестъ, вызванный и поддержанный самою же Австріей); для Австріи же не составитъ труда устранить свою соперницу отъ вліянія на будущую германскую конфедерацію: 1) потому что Баварія и Вюртембергъ, въ сущности солидарныя съ ней, будутъ энергично противиться австро-прусскому дуализму; 2) потому что многочисленная группа мелкихъ германскихъ государствъ, которая уже и въ этотъ моментъ (22 окт.) просила Австрію опять принять императорскій титулъ, будетъ очень склонна къ тому, чтобы отвергнуть постановленія германской комиссіи, изъ которой она была произвольно исключена.

Этотъ хитрый замыселъ не удался именно вслѣдствіе своей сложности. Прежде всего, Баварія и Вюртембергъ оказали съ самаго же начала сильное противодѣйствіе проекту австро-прусской конфедераціи, а первое изъ этихъ государствъ съ такой энергіей потребовало, какъ conditio sine qua non,—сохраненія Саксоніи, что Пруссія, соглашавшаяся, было, порвать съ Россіей, тотчасъ начала тяготѣть къ ней еще сильнѣе. Что же касается русскаго императора, то Таллейранъ обнадежилъ его, намекнувъ ему, что Франція не будетъ препятствовать его намѣреніямъ относительно Польши. Правда, онъ очень энергично настаивалъ на томъ, чтобы Саксонія была возвращена своему королю [2]).

---

[1]) Второстепенныя германскія государства, въ общемъ, чувствовали себя солидарными съ Саксоніей и не хотѣли позволить Пруссіи захватить ее, дабы не создать весьма опаснаго прецедента. Въ нотѣ, составленной отъ ихъ имени, мы читаемъ: „Если Германія есть ключъ къ политическому зданію Европы, то Саксонія—краеугольный камень германской федераціи. Вынуть этотъ камень—значило бы поколебать новое зданіе въ его основахъ; мы думаемъ, что выражаемъ единодушное мнѣніе нераздѣльной германской націи, смѣло говоря: безъ свободы и независимости Саксоніи не можетъ быть прочности Германской федераціи“.

[2]) 23 октября между русскимъ императоромъ и Таллейраномъ произошла слѣдующая бурная сцена. „У меня въ Варшавскомъ герцогствѣ двѣсти тысячъ человѣкъ; пусть попробуютъ выгнать меня оттуда. А Саксонію я отдалъ Пруссіи, Австрія на это согласна“.—„Не знаю (это говоритъ Таллейранъ), согласна ли на это Австрія. Трудно этому повѣрить, потому что это противорѣчитъ ея интересамъ. Впрочемъ, развѣ согласіе Австріи можетъ сдѣлать Пруссію обладательницей того, что принадлежитъ Саксонскому королю?“—„Если Саксонскій король не откажется отъ своихъ правъ добровольно, то онъ будетъ отправленъ въ Россію и умретъ тамъ. Одинъ ко-

Но такая настойчивость французскаго посла еще больше раздражила самодержца. Приведенный въ негодованіе одновременными попытками Меттерниха привлечь Пруссію на свою сторону, онъ лично отправился къ Фридриху-Вильгельму, съ жаромъ напомнилъ ему о тѣхъ услугахъ, которыя ему были оказаны Россіей,—о священныхъ клятвахъ, которыя связываютъ ихъ государства, и о тяжелыхъ испытаніяхъ, пораженіяхъ и побѣдахъ, въ которыхъ они участвовали вмѣстѣ. Этимъ онъ добился отъ него формальнаго обѣщанія считать впредь Пруссію и Россію совершенно солидарными относительно Саксоніи и Польши. Тотчасъ же русскія войска очистили Саксонію, которую немедленно заняла прусская армія; а великій князь Константинъ, братъ Александра I, призывая поляковъ къ защитѣ своей національности, овладѣлъ великимъ герцогствомъ Варшавскимъ (6—8 ноября). Это привело въ сильное волненіе всю Германію; она энергично протестовала противъ грубыхъ пріемовъ Пруссіи, рѣшительно потребовала для мелкихъ государствъ права участвовать въ составленіи плана федеральной конституціи наравнѣ съ крупными—и добилась прекращенія, на нѣсколько мѣсяцевъ, работъ германской комиссіи (съ 16 ноября).

Таллейранъ, своими тайными происками не мало самъ способствовавшій всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ, началъ тогда выступать въ роли полезнаго посредника. Его авторитетъ начинаетъ быстро расти, тогда какъ положеніе Меттерниха становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Благодаря Таллейрану, комитетъ восьми державъ, около половины ноября, приступаетъ къ серьезнымъ дѣламъ. По его настоянію, на очередь ставится итальянскій вопросъ, и чрезъ нѣсколько недѣль онъ добивается для Сардиніи, оплота Франціи, такихъ результатовъ, которые должны были оградить ее отъ тайныхъ замысловъ Австріи [1]). Въ это же время его начинаютъ приглашать на совѣ-

роль уже нашелъ тамъ свой конецъ..."—Я едва сдерживалъ свое негодованіе. Императоръ говорилъ быстро. „Я думалъ, что Франція мнѣ кое-чѣмъ обязана. Вы мнѣ говорите о какихъ-то вашихъ принципахъ. Международное право для меня—ничто; я его не признаю. Какое мнѣ дѣло до всѣхъ вашихъ грамотъ и трактатовъ?... Мое слово для меня выше всего этого. Я его далъ, и я его сдержу.. Саксонскій король—измѣнникъ".—„Государь, эпитетъ измѣнникъ никогда не можетъ быть приложимъ къ королю..."

[1]) Сардинскій король Викторъ-Эммануилъ I имѣлъ только дочерей; старшая изъ нихъ была замужемъ за Моденскимъ герцогомъ, австрійскаго происхожденія, находившимся подъ сильнымъ вліяніемъ Вѣнскаго двора. По законамъ королевства, преемство послѣ его бездѣтнаго брата, Карла-Феликса, должно было перейти къ младшей вѣтви, т.-е. къ принцу Савойско-Кариньянскому, Карлу-Альберту. Послѣдній пользовался поддержкой со стороны Франціи и добился, 25 ноября, признанія своихъ правъ.

щанія о швейцарскихъ дѣлахъ, отъ которыхъ онъ сначала былъ устраненъ. А немного спустя, въ декабрѣ, онъ уже явился иниціаторомъ трехъ важныхъ комиссій, тотчасъ же начавшихъ энергично свою работу. Этимъ комиссіямъ поручено было изучить вопросы, касавшіеся: 1) торговли неграми; 2) свободы судоходства по международнымъ рѣкамъ, и 3) ранговъ дипломатическихъ агентовъ [1]).

Но всѣ эти успѣхи не удовлетворяли французскаго посла. Онъ желалъ, чтобы двери конгресса, пока лишь полуотворенныя для Франціи,—широко предъ нимъ распахнулись. Англія и Австрія все болѣе и болѣе чувствовали необходимость содѣйствія Таллейрана. Въ началѣ декабря, отношенія С.-Петербургскаго и Прусскаго кабинетовъ, съ одной стороны, и Англіи и Австріи, съ другой,—сдѣлались до такой степени натянутыми, что разрывъ казался неизбѣжнымъ. Гарденбергъ съ небывалымъ высокомѣріемъ требовалъ себѣ всей Саксоніи. Единственная уступка, на которую соглашались Пруссія и Россія, состояла въ томъ, что первая предлагала Саксонскому королю, въ видѣ компенсаціи, территорію въ Вестфаліи съ населеніемъ въ 350 тыс. душъ; а вторая отказывалась отъ городовъ Торна и Кракова, предлагая обратить ихъ въ республики [2]). Двѣ противныя стороны явно вооружались. Войска сосредоточивались на границахъ. Меттернихъ, недавно еще выражавшій свое согласіе отдать Фридриху-Вильгельму всю Саксонію, теперь соглашался уступить не больше, какъ пятую ея часть.

Причиною, побудившею Меттерниха сдѣлаться настолько рѣшительнымъ, былъ не только офиціальный протестъ германскихъ монарховъ, которые въ нотѣ 7-го декабря отрицали право Пруссіи захватить въ свои руки Саксонію. Этотъ протестъ имѣлъ,

[1]) Первый изъ этихъ вопросовъ волновалъ особенно Англію. Уничтоживъ съ своей стороны, въ 1807 году, торговлю неграми, она добивалась того, чтобы за ней послѣдовали и другія державы (этимъ объясняются тѣ договоры, касавшіеся торговли неграми, которые она навязала Франціи, Испаніи и пр.). Что же касается свободы судоходства по международнымъ рѣкамъ, то трактатъ 30-го мая (ст. 6) установилъ ее для Рейна, добавивъ, что эта свобода должна быть расширена конгрессомъ на всѣ вообще судоходныя воды, раздѣляющія или пересѣкающія различныя государства, „для того, чтобы облегчить общеніе народовъ и сдѣлать ихъ менѣе чуждыми другъ другу". Европу занималъ также вопросъ о рангѣ дипломатическихъ агентовъ, такъ какъ вопросы внѣшняго порядка и формы имѣютъ, какъ извѣстно, въ дипломатіи большое значеніе.

[2]) Въ этотъ моментъ, русскій императоръ такъ сильно былъ раздраженъ противъ Меттерниха, что не разговаривалъ съ нимъ и даже высказывалъ намѣреніе вызвать его на дуэль.

конечно, свое значеніе, но, самъ по себѣ, онъ, все-таки, не былъ достаточенъ для того, чтобы позволить Вѣнскому двору говорить съ такою рѣзкостью. Дѣло заключалось въ томъ, что Меттернихъ, боясь проиграть партію, рѣшился обратиться за содѣйствіемъ къ Таллейрану. Послѣдній уже давно предлагалъ свою помощь Меттерниху. Сначала австрійскій министръ не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ; нѣсколько позднѣе онъ высказалъ подозрѣніе, что Франція хочетъ поставить его въ затруднительное положеніе, поссорить Австрію съ Россіей и Пруссіей, а затѣмъ оставить на произволъ судьбы, не имѣя ни желанія, ни возможности оказать ей существенную поддержку. Тогда посолъ Людовика XVIII потребовалъ у своего монарха новыхъ полномочій, которыя и были получены имъ въ ноябрѣ. Съ этого момента онъ могъ обѣщать Вѣнскому двору не одну только моральную поддержку; онъ могъ заявить, что Австрія имѣетъ возможность надѣяться на „нѣчто болѣе серьезное". Послѣ этого Меттернихъ выразилъ сомнѣніе относительно безкорыстія Франціи въ томъ смыслѣ, что не желаетъ ли она добиться какого-нибудь земельнаго приращенія. Таллейранъ не переставалъ отрицать это,—и когда австрійскій канцлеръ, дѣлая еще одинъ шагъ впередъ, сообщилъ ему свою ноту 10 декабря, французскій уполномоченный, въ первый разъ офиціально [1]) допущенный къ обсужденію саксонскаго и польскаго вопросовъ, немедленно заявилъ, что его монархъ заботится только объ охраненіи принципа легитимитета и объ установленіи истиннаго равновѣсія и не ищетъ ни для себя, ни для своего государства никакой спеціальной выгоды.

Это заявленіе было сдѣлано по адресу не только Австріи, но еще и Англіи, державы еще болѣе недовѣрчивой, чѣмъ первая. На всѣ предложенія Таллейрана Кастльри отвѣчалъ одно и тоже: „ахъ, если бы мы только могли быть увѣрены въ томъ, что Франція не имѣетъ намѣренія захватить Бельгію и лѣвый берегъ Рейна!" Французская нота 19 декабря окончательно разсѣяла всѣ его опасенія. Впрочемъ, въ этотъ моментъ, британское правительство, замѣтивъ нѣсколько недѣль тому назадъ, что Пруссію и Россію разъединить будетъ невозможно,—не имѣло болѣе причинъ уступать Саксонію Фридриху-Вильгельму; напротивъ, оно склонялось теперь къ тому, чтобы Пруссія увеличилась не на границахъ Чехіи, а въ бассейнѣ Рейна; дѣло въ

---

[1]) До этого времени онъ могъ кое-что знать только по нѣкоторымъ намекамъ и по секретнымъ сообщеніямъ.

томъ, что вліяніе русскаго императора на гаагскій дворъ [1]), съ нѣкотораго времени, стало усиливаться и, слѣдовательно, Англія была уже не такъ заинтересована, какъ прежде, въ расширеніи Нидерландъ. Такимъ образомъ, единственное соображеніе, которое удерживало англичанъ отъ заключенія съ Австріей и Франціей того договора, который уже давно предлагалъ Таллейранъ, была война съ Соединенными Штатами, сильно парализовывавшая Великобританію. Впрочемъ, эта война приходила къ концу. Между обѣими сторонами были уже открыты переговоры. Они закончились, 24 декабря 1814 г., заключеніемъ мирнаго договора въ Гентѣ, что̀ и дало Англіи полную свободу дѣйствій. Тотчасъ же Кастльри, колебавшійся до этого момента, изъявилъ готовность подписать договоръ, и 3 января 1815 г. Таллейранъ имѣлъ, наконецъ, удовольствіе заключить желанный союзъ между Франціей, Австріей и Англіей.

Согласно этому знаменательному соглашенію, три государства, считая „необходимымъ, по причинѣ недавно проявившихся притязаній, позаботиться о средствахъ для отраженія нападеній, которымъ собственныя ихъ владѣнія или владѣнія кого-нибудь изъ нихъ могутъ подвергнуться изъ-за ненависти къ тѣмъ положеніямъ, которыя они, согласно принципамъ справедливости и равенства, считаютъ своимъ долгомъ выражать и защищать...“ — вступали въ тѣсный союзъ между собою и обязывались поддерживать другъ друга, въ случаѣ войны, корпусомъ въ 150 тыс. человѣкъ и не заключать отдѣльно другъ отъ друга мира. Какъ видно, это равнялось расторженію четверного союза; и большаго тріумфа французская политика не могла одержать на Вѣнскомъ конгрессѣ.

§ 5. Хотя переговоры трехъ державъ и заключеніе союза были произведены въ секретѣ, однако Пруссія и Россія, конечно, не могли не подозрѣвать грозившей имъ опасности. Слишкомъ повелительный тонъ ихъ противниковъ и, можетъ быть, нѣкоторыя намѣренныя разглашенія заставили ихъ сдѣлаться осторожными. 29 декабря они открыли съ Австріей и Англіей рядъ совѣщаній по вопросу о Саксоніи и Польшѣ. Первоначально не предполагалось приглашать на эти совѣщанія Францію, но

[1]) Принцъ Оранскій, наслѣдникъ Нидерландскаго короля, долженъ былъ, какъ это мы видѣли, жениться на единственной дочери принца Валлійскаго. Но по нежеланію этой принцессы и ея матери, этотъ проектъ не осуществился. Теперь онъ задумалъ жениться (что̀ немного послѣ дѣйствительно и случилось) на сестрѣ императора Александра I.

Кастльри, 7-го января, потребовалъ, чтобы она была допущена. Это требованіе англійскаго представителя ясно показало имъ (если бы у нихъ еще были какія-нибудь сомнѣнія по этому вопросу), что противъ нихъ составлено между Вѣной, Парижемъ и Лондономъ что-то въ родѣ коалиціи. Конфликтъ, еще наканунѣ столь острый, сталъ понемногу утихать. Воинственное настроеніе уступило мѣсто очевидной податливости.

30-го декабря Россія и Пруссія сочли необходимымъ пойти на уступки. Конечно, онѣ попрежнему требовали всей Саксоніи и противились проектированному расширенію Баваріи [1]). Но теперь онѣ уже отдавали саксонскому королю 700,000 душъ на лѣвомъ берегу Рейна. Царь уступалъ не только Краковъ и Торнъ, но, кромѣ того, Тарнополь, чтобы удовлетворить Австрію, и часть Познани, чтобы вознаградить Пруссію за уступки въ области Рейна. Меттернихъ, въ сущности совсѣмъ не желавшій войны, былъ очень доволенъ тѣмъ, что ему удалось напугать своихъ противниковъ; теперь онъ началъ очень ловко маневрировать съ царемъ въ томъ смыслѣ, чтобы привлечь его на свою сторону и поссорить его съ союзникомъ. Эта тактика была какъ разъ противоположна той, которая ему не удалась въ октябрѣ. На этотъ разъ онъ имѣлъ болѣе успѣха. Онъ хорошо понималъ, что Александръ I, надѣясь въ будущемъ сдѣлать изъ Франціи союзницу Россіи, ни за что не захочетъ совершенно поссориться съ ней, и что если Вѣнскій дворъ согласится сдѣлать ему достаточно много уступокъ въ Польшѣ, то онъ не станетъ особенно упорствовать по вопросу о Фридрихѣ-Вильгельмѣ. А уступка эта намѣчалась въ формѣ бóльшей части Варшавскаго герцогства (съ правомъ организовать его по усмотрѣнію); Австрія же потребуетъ для себя только Тарнопольскій округъ и восточную Галицію. Краковъ станетъ вольнымъ городомъ. Пруссія получитъ Торнъ и Данцигъ; сверхъ того, Россія отдастъ ей все герцогство Познанское; зато, Саксонскій король останется на тронѣ и уступитъ Фридриху-Вильгельму только двѣ пятыхъ своихъ владѣній (сѣверную часть, съ 800,000 жит.), чѣмъ Берлинскій дворъ будетъ вознагражденъ за Вестфалію и, въ особенности, за лѣвый берегъ Рейна. Наконецъ, Баварія не получитъ Майнца, который

[1]) Если русскій императоръ препятствовалъ осуществленію желаній Мюнхенскаго двора, то не только изъ желанія угодить Пруссіи. Находясь въ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ съ Баденскимъ и Вюртембергскимъ царствующими домами, онъ не хотѣлъ, чтобы, вслѣдствіе территоріальныхъ приращеній, которыхъ требовалъ себѣ король Максимиліанъ, эти два государства оказались со всѣхъ сторонъ окруженными Баварскими владѣніями.

не будетъ, однако, отданъ также и Пруссіи; Люксембургъ также не попадетъ въ руки Пруссіи, дабы не были нарушены интересы Франціи [1]).

Александръ I согласился на такое распредѣленіе безъ особенныхъ возраженій, особенно послѣ того какъ Таллейранъ былъ допущенъ на конференцію. Наоборотъ, его союзникъ торговался больше мѣсяца. Но всѣ выверты Гарденберга, всѣ софистическіе его разсчеты, имѣвшіе цѣлью доказать невыгодность такого проекта для Пруссіи,—оказались тщетными. Послѣ ультиматума, объявленнаго ему Меттернихомъ въ довольно надменной формѣ (28 января), онъ продолжалъ нѣкоторое время клянчить, прося, чтобы ему дали Лейпцигъ, или, въ крайнемъ случаѣ,—Торгау. Какъ бы то ни было, но 10 февраля онъ долженъ былъ согласиться на компромиссъ, одобренный Александромъ I. Оставалось только рѣшить, какія части западной Германіи будутъ служить компенсаціей для Пруссіи (это оказалось дѣломъ относительно легкимъ) и добиться согласія саксонскаго короля на передачу Пруссіи сѣверныхъ провинцій (надъ чѣмъ пришлось, таки, поработать). Бѣдный король, освобожденный изъ заключенія, былъ препровожденъ въ Пресбургъ, куда были командированы Меттернихъ, Таллейранъ и Веллингтонъ (только что заступившій мѣсто Кастльри) для того, чтобы вразумить его. Но онъ упорствовалъ вплоть до марта. Тогда пять великихъ державъ, констатируя свою солидарность, рѣшили этимъ обстоятельствомъ долѣе не стѣсняться. Людовикъ XVIII считалъ достаточнымъ для своего родственника и того, что ему была возвращена корона. Цѣною тяжелой, но тѣмъ не менѣе неизбѣжной территоріальной уступки, онъ добился признанія принципа „легитимитета“ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, упрочилъ равновѣсіе въ Германіи. Войны удалось избѣжать. Франція, которой сначала избѣгали, какъ зачумленной, сумѣла войти, не безъ чести, въ число участниковъ конгресса. И Таллейранъ, и его монархъ могли, по справедливости, гордиться добытымъ результатомъ.

§ 6. Но если въ Германіи главнѣйшіе интересы Франціи были соблюдены, то итальянскія дѣла не переставали живо интересовать французскихъ уполномоченныхъ; и тотъ авторитетъ, который французское правительство только-что передъ тѣмъ пріобрѣло на конгрессѣ, давалъ имъ надежду устроить эти дѣла къ своей выгодѣ.

[1]) Эти города должны были сдѣлаться федеральными крѣпостями Германіи.

Въ Италіи, осужденной дипломатами оставаться простымъ географическимъ названіемъ, отнятыя у Франціи обширныя территоріи ждали раздѣла; Союзники охотно обошлись бы въ этомъ дѣлѣ безъ Франціи; а Вѣнскій дворъ даже желалъ, чтобы этотъ дѣлежъ былъ произведенъ въ его исключительномъ интересѣ: владѣя доброй половиной Италіи, какъ собственностью, онъ желалъ установить надъ остальной частью, разбитой на мелкія государства, протекторатъ, почти равный полному обладанію. Венеція и Ломбардскія провинціи до Тессина и По обезпечивались за Австріей Парижскимъ трактатомъ. Тосканскій тронъ былъ возвращенъ, собственной властью императора Франца I, его брату, великому герцогу Вюрцбургскому [1]), а Моденскій—его двоюродному брату, эрцгерцогу, главѣ дома Эсте. Что же касается Пармы, то, хотя она еще не была возвращена Маріи-Луизѣ, однако Вѣнскій дворъ настаивалъ на томъ, чтобы Фонтенеблоскій трактатъ былъ соблюденъ въ точности по отношенію къ ней. Такимъ образомъ, австрійская имперія тянулась бы безъ перерыва вплоть до самаго центра полуострова; никто, вѣдь, не считалъ самостоятельными—княжества, отданныя ближайшимъ родственникамъ Габсбургскаго дома. Если на сѣверѣ полуострова Вѣнскій дворъ допустилъ присоединеніе Генуи къ Сардиніи, то въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду не столько укрѣпить эту послѣднюю противъ Франціи, сколько округлить наслѣдство, которое онъ уже учитывалъ въ свою пользу. Онъ надѣялся, въ недалекомъ будущемъ, благодаря родственнымъ связямъ, прибрать къ рукамъ наслѣдство короля Виктора-Эммануила и его брата Карла-Феликса [2]). Что касается папы, то, въ концѣ 1814 года, австрійскій дворъ удерживалъ изъ его владѣній Романскую область и, повидимому, не собирался ее возвратить; съ другой стороны, онъ даже обѣщалъ Мюрату предоставить ему Легатскую Область [3]). Впрочемъ, двоюродный братъ Наполеона царствовалъ въ Неаполѣ только по ихъ милости. Для нихъ онъ былъ вассаломъ, и поддерживать его на тронѣ было, очевидно, въ ихъ интересахъ.

---

[1]) Который лишился престола въ 1801 г. по Люневильскому трактату. Парижскій и Мадридскій дворы требовали, чтобы Тоскана была отдана инфантѣ Маріи-Луизѣ, вдовѣ принца Пармскаго (происходившаго, какъ и она, изъ Бурбонскаго дома), которая, сдѣлавшись, по милости Наполеона, королевой Этруріи, по его же приказу была въ 1807 г. лишена престола.

[2]) Относительно сардинскаго наслѣдства еще не было принято окончательнаго рѣшенія. Во всякомъ случаѣ, Австрія собиралась просить для герцогини Моденской тѣ части этого наслѣдства, которыя не были строго подчинены салическому закону

[3]) По секретному пункту трактата 11 янв. 1814 года.

Однако, почти съ самаго начала конгресса, Австріи пришлось считаться съ Франціей, которая никакъ не соглашалась на то, чтобы Италія сдѣлалась австрійской провинціей. Въ ноябрѣ, когда Меттернихъ почувствовалъ, что ему удастся обойтись безъ нашей помощи по вопросу о Саксоніи и Польшѣ, онъ тотчасъ же понялъ, что за эту помощь придется платить. Вотъ тогда-то, Таллейранъ и былъ допущенъ къ обсужденію итальянскаго вопроса, а Сардинское наслѣдство было заранѣе обезпечено, вопреки австрійскимъ притязаніямъ, за Савойско-Кариньянской вѣтвью. Въ то же самое время и немного позже, французскій министръ, тѣсно сблизившись съ испанскимъ уполномоченнымъ Лабрадоромъ [1]), сталъ энергично отстаивать права инфанты Маріи-Луизы, ех-королевы Этруріи, на тронъ Тосканы и Пармы [2]). Правда, онъ не очень надѣялся на успѣхъ, по крайней мѣрѣ, относительно перваго изъ этихъ государствъ; но эти притязанія были для него могущественнымъ средствомъ добиться, путемъ взаимныхъ уступокъ, удовлетворенія самаго страстнаго изъ желаній Людовика XVIII: изгнанія Мюрата и возвращенія неаполитанскаго престола престарѣлому Фердинанду IV. Французскій король, непоколебимый защитникъ легитимитета, съ самаго начала конгресса добивался низверженія узурпатора. И для Европы, и для правительства реставраціи —наполеоновскія симпатіи послѣдняго, очевидно, не могли служить залогомъ спокойствія. Меттернихъ, предпочитая отдать Неаполь скорѣе Мюрату, чѣмъ двоюродному брату Людовика XVIII [3]), поддерживалъ этого проходимца, ссылаясь на то, что онъ покинулъ Наполеона и поддерживалъ коалицію, а также на то, что, въ сущности, Австрія и

[1]) Лабрадоръ (Педро-Гомецъ-Гавела, маркизъ) родился въ Валенціи д'Алькантара (Эстремадура), испанскій министръ во Флоренціи въ царствованіе Карла IV; сопровождалъ Фердинанда VII въ Байонну и прожилъ во Франціи отъ 1808 до 1814 г.; уполномоченный Испаніи на Вѣнскомъ конгрессѣ (1814—1815); посланникъ въ Неаполѣ, потомъ въ Римѣ; поддерживалъ Донъ-Карлоса послѣ смерти Фердинанда VII (1833); умеръ въ Парижѣ въ 1850 году. Въ 1849 г. опубликовалъ „Mélanges sur sa vie publique et privée".

[2]) Инфанта оспаривала этотъ послѣдній престолъ въ пользу своего молодого сына, ссылаясь на права своего мужа. Дочь Карла IV Испанскаго, род. въ 1782 г., въ 1798 г. она вышла замужъ за Людовика Бурбонскаго, сына герцога Пармскаго, который въ 1801 году получилъ королевство Этрурское, въ обмѣнъ за свое герцогство. Овдовѣвъ въ 1803 году, она была лишена Наполеономъ своихъ владѣній въ 1807 году. Вѣнскій конгрессъ, въ ожиданіи Пармы, на которую ея сынъ могъ предъявить права только послѣ смерти ех-императрицы Маріи-Луизы, отдалъ ей Лукку. Сама она умерла въ 1824 г.

[3]) Людовикъ XVIII и Фердинандъ IV,—происходили оба отъ великаго дофина (ум. 1711), сына Людовика XIV.

Англія признали его и обѣщали ему свою помощь. На это Таллейранъ возражалъ, что онѣ не должны были, а, слѣдовательно, и не могли признать Мюрата законнымъ королемъ. Онъ протестовалъ противъ того, чтобы уполномоченныхъ Мюрата принимали, какъ настоящихъ пословъ. Въ декабрѣ, въ тотъ моментъ, когда Меттернихъ и Кастльри начали все болѣе и болѣе склоняться къ союзу съ Франціей, посолъ Людовика XVIII сдѣлался еще болѣе настойчивымъ. Онъ далъ понять, что его государь рѣшилъ, во что бы то ни стало, покончить съ quasi-королемъ Неаполя, въ крайнемъ случаѣ, путемъ войны. Онъ-де вовсе не настаиваетъ на томъ, чтобы Австрія сама свергла Мюрата съ престола; пусть только конгрессъ развяжетъ руки Франціи, — этого будетъ достаточно; пусть онъ просто признаетъ Фердинанда IV законнымъ королемъ Неаполя,—Людовикъ XVIII берется открыть ему ворота столицы. Само собой разумѣется, что Австрія не желала пустить наши войска черезъ Италію. „Но этого вовсе и не нужно“, возражалъ нашъ представитель: „дайте намъ право атаковать Мюрата съ моря“. Но недовѣрчивый австрійскій министръ продолжалъ упорствовать. Съ другой стороны, и англійское правительство вовсе не желало подобной экспедиціи; для него было удобнѣе, чтобы власть Фердинанда IV, ограниченная тѣсными предѣлами Сициліи, не могла обойтись безъ англійской помощи, и чтобы Людовикъ XVIII не имѣлъ никакого вліянія въ Неаполѣ. Въ виду всего этого, нельзя было ожидать, чтобы поднятый Франціей вопросъ былъ легко разрѣшенъ. Раздосадованный французскій король, въ своихъ письмахъ, объяснялъ оказываемое ему сопротивленіе причинами весьма двусмысленнаго свойства [1]).

Тѣмъ временемъ, въ январѣ, Англія и Австрія принуждены

---

[1]) Говорили, что Меттернихъ былъ лично заинтересованъ женой Мюрата и даже питалъ къ Каролинѣ Бонапартъ нѣкоторую страсть, еще со времени своего посольства во Франціи. „Одной знакомой дамѣ (писалъ Таллейранъ 25-го ноября) онъ сказалъ, что, какъ бы его ни мучили съ этимъ неаполитанскимъ вопросомъ, онъ ни за что не уступитъ; что онъ не посягнетъ на положеніе человѣка, который сумѣлъ завоевать любовь своихъ подданныхъ, и что, къ тому же, онъ страстно любитъ королеву и находится съ ней въ постоянныхъ сношеніяхъ. Все это и даже больше говорилось на этотъ счетъ подъ видомъ...“ Немного позже, Людовикъ XVIII жаловался, что императоръ австрійскій проявляетъ мало готовности уладить съ нимъ неаполитанскія дѣла; при этомъ, онъ слѣдующимъ образомъ выражался въ письмѣ къ своему первому уполномоченному (7 янв. 1815 г.): „говорятъ о принятыхъ обязательствахъ и требуютъ, чтобы я доказалъ фактъ ихъ несоблюденія; но не въ этомъ заключается все зло, а въ другомъ, самомъ постыдномъ, что только видѣла исторія; ибо, если Антоній позорно покинулъ свой флотъ и свою армію, то, по крайней мѣрѣ, рабомъ Клеопатры сталъ онъ самъ, а не его министръ“.

были подписать тройственный союзъ. Тюильрійскій кабинетъ становится тогда еще болѣе настойчивымъ. Посредствомъ кстати найденныхъ и, кажется, немного подложныхъ документовъ онъ доказываетъ Вѣнскому и Лондонскому дворамъ, что Мюратъ, въ 1814 году, велъ двойную игру и что даже послѣ своего вступленія въ коалицію онъ продолжалъ переговоры со своимъ зятемъ, Онъ выставляетъ на видъ слѣдующіе, почти-что доказанные, факты: что узурпаторъ даже и теперь ведетъ переговоры, съ одной стороны съ Наполеономъ, а съ другой—съ зачинщиками карбонаризма; что еще не далѣе какъ въ декабрѣ, былъ открытъ большой заговоръ, имѣвшій цѣлью поднять всю Италію противъ австрійскаго правительства; что никакія обязательства не связываютъ ихъ болѣе съ Мюратомъ, и что давно пришло время покончить съ нимъ, если державы не желаютъ попасть въ необходимость самимъ отбиваться отъ его нападеній. Для того, чтобы убѣдить своихъ союзниковъ, Франція выдвигаетъ, наконецъ, и еще болѣе рѣшительные аргументы. Если Фердинандъ IV не будетъ возстановленъ въ Неаполѣ, то ему придется дать какое-нибудь вознагражденіе; для этой цѣли лучше всего подойдутъ Іоническіе острова. А между тѣмъ, эти острова заняты Англіей и, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуютъ ея интересамъ. Пусть же Англія уступитъ желаніямъ Франціи,—и острова останутся за ней. Съ другой стороны, Франція и Испанія давали понять Австріи, что, въ случаѣ надобности, онѣ откажутся отъ своихъ притязаній на Тоскану;—что онѣ оставятъ Парму ех-императрицѣ Маріи-Луизѣ, по крайней мѣрѣ, пожизненно. Людовикъ XVIII, очень вліятельный въ Швейцаріи, прибавлялъ, что онъ перестанетъ добиваться, отъ имени этой республики,—Вальтелины и предоставитъ ее Вѣнскому двору, видѣвшему въ ней необходимое дополненіе къ Ломбардіи. Но conditio sine qua non всѣхъ этихъ уступокъ есть низверженіе узурпатора.

Таковъ былъ торгъ, таинственно совершавшійся, въ январѣ и февралѣ 1815 года; въ своихъ бесѣдахъ съ Кастльри [1]) Людовикъ XVIII лично торопилъ съ его заключеніемъ. Въ этотъ моментъ, формальный трактатъ былъ уже совсѣмъ приготовленъ для подписанія. Русскій императоръ, желая создать въ Италіи противовѣсъ австрійскому вліянію въ лицѣ Франціи, ничего противъ него не возражалъ; онъ даже поддерживалъ его. Вѣнскій

[1]) Этотъ министръ, отправляясь въ Англію для участія въ парламентской сессіи, въ началѣ февраля 1815 года, остановился на нѣсколько дней въ Парижѣ. Въ Вѣнѣ онъ былъ замѣщенъ Веллингтономъ.

дворъ, желая, по крайней мѣрѣ, сохранить за собою всѣ выгоды экзекуціи и воспрепятствовать нашей арміи снова показаться на полуостровѣ,—стягиваетъ въ февралѣ къ Ломбардіи всѣ войска, собранныя ранѣе въ Чехіи и Галиціи. Въ мартѣ, Австрія насчитывала на берегахъ По полутораста тысячъ солдатъ. Справедливо обезпокоенный этой мобилизаціей, Мюратъ, ссылаясь на плохо скрываемыя угрозы Франціи, также переводитъ свои войска на военное положеніе и проситъ у Австріи позволенія перейти черезъ среднюю Италію для того, чтобы имѣть возможность остановить французовъ въ Альпахъ. Вѣнскій дворъ отвѣчаетъ (26 февр.), что проходъ будетъ закрытъ для обѣихъ сторонъ. Но его нота является угрожающей лишь по отношенію къ неаполитанскому королю. Судьба Мюрата безповоротно рѣшена. Такимъ образомъ, въ этотъ моментъ, несмотря на нѣкоторыя необходимыя уступки, французская политика торжествовала въ итальянскомъ вопросѣ такъ же, какъ ранѣе въ Саксонскомъ.

§ 7. Въ этотъ же періодъ времени, Таллейранъ, впрочемъ, съ согласія Меттерниха, заставляетъ комиссію по швейцарскимъ дѣламъ усвоить его основные взгляды по вопросу о возстановленіи Швейцаріи [1];—нейтрализуетъ усилія Англіи, направленныя на то, чтобы вынудить у Испаніи и Португаліи немедленное уничтоженіе торга неграми [2];—регулируетъ, къ общему удовлетворенію, вопросы дипломатическаго этикета [3],—и, при помощи

[1]) 8-го марта Таллейранъ извѣстилъ Людовика XVIII, что швейцарскій вопросъ въ принципѣ рѣшенъ. 20-го числа того же мѣсяца, главныя державы подписали декларацію, которою онѣ обѣщали гарантировать вѣчный нейтралитетъ Швейцаріи въ ея новыхъ границахъ (прямая выгода для Франціи), какъ только швейцарскій сеймъ приметъ условія реорганизаціи этой страны, продиктованныя декларацией.

[2]) Восемь державъ подписали 8-го февраля декларацію (она образуетъ прибавленіе № 15 къ окончательному акту конгресса), которою онѣ торжественно осуждали торгъ неграми и объявляли о своемъ намѣреніи преслѣдовать его уничтоженіе. Онѣ прибавляли, что, въ виду необходимости „щадить“ нѣкоторые справедливые интересы, привычки и даже предубѣжденія,—онѣ не могли „точно установить срока окончательнаго уничтоженія торговли неграми: каждое государство опредѣлитъ срокъ, наиболѣе для него подходящій“. Въ тотъ же самый день Таллейранъ писалъ Людовику XVIII, что Испанія и Португалія получили отсрочку на восемь лѣтъ (для Франціи, по Парижскому трактату, эта отсрочка равнялась 5 годамъ).

[3]) Регламентъ 19 марта 1815 г. (приложеніе № 17 къ окончательному акту), принятый восемью державами, раздѣляетъ дипломатическихъ агентовъ на 3 класса: 1) послы, легаты или нунціи, которые одни только имѣютъ характеръ представительства; 2) посланники, министры или другія лица, аккредитованныя при государяхъ

своего сотрудника, Дальберга, почти приводитъ державы къ соглашенію о свободѣ навигаціи по международнымъ рѣкамъ [1]).

Въ общемъ, въ началѣ марта, Вѣнскій конгрессъ, вопреки ожиданіямъ и желаніямъ правительствъ, созвавшихъ его, далъ громадный результатъ: онъ воскресилъ престижъ Франціи. Державы собирались все устроить безъ ея помощи — и потерпѣли фіаско. Она расторгла четверной союзъ, вошла посредницей и возвратила себѣ имя великой державы. Если бы ничто не смутило трудовъ конгресса, ее, безъ сомнѣнія, ожидали бы еще новые успѣхи; во всякомъ случаѣ, они были возможны. Относительно спорныхъ вопросовъ еще не было принято никакихъ окончательныхъ рѣшеній; нѣкоторые изъ нихъ были едва затронуты.

И вотъ тогда, совершенно неожиданно, какъ по мановенію волшебнаго жезла, все снова было поставлено на карту: и будущее Франціи, и судьбы Европы; разрѣшеніе очередныхъ вопросовъ было отложено на второй планъ, тетрархія снова воспрянула противъ Франціи, а эта послѣдняя снова сдѣлалась общимъ врагомъ.

Меттернихъ разсказываетъ, что 7-го марта онъ легъ спать около трехъ часовъ утра; минуту спустя, лакей принесъ ему запечатанный конвертъ; онъ чувствовалъ себя настолько усталымъ, что нѣкоторое время медлилъ его распечатать. Однако, мысль, что въ депешѣ можетъ быть что-нибудь важное, не давала ему спать. Онъ разорвалъ пакетъ и прочелъ. Австрійскій консулъ въ Генуѣ извѣщалъ его, что Наполеонъ только-что покинулъ островъ Эльбу.

§ 8. Порицая, въ 1814 году, выборъ острова Эльбы, какъ резиденціи для павшаго императора, Меттернихъ, надо сознаться, былъ до нѣкоторой степени правъ. Было нѣсколько опрометчиво помѣстить о-бокъ съ Италіей и Франціей—человѣка, столь популярнаго въ обѣихъ этихъ странахъ, и, въ то же время, столь безцеремоннаго нарушителя клятвъ: Фонтенеблоскій трак-

---

3) повѣренные въ дѣлахъ, аккредитованные при министрахъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ устанавливаетъ, что чрезвычайныя миссіи не должны имѣть никакого преимущества по рангу; что въ каждомъ государствѣ будутъ установлены правила церемоніала для агентовъ разныхъ классовъ; что родственныя узы не будутъ давать преимуществъ дипломатическимъ агентамъ; наконецъ, что агенты будутъ занимать въ каждомъ классѣ мѣсто по датѣ офиціальной нотификаціи объ ихъ прибытіи.

[1]) Основные принципы по этому поводу и правила относительно свободы судоходства по Рейну, Неккару, Майну, Мозелю, Маасу и Шельдѣ были установлены 24 марта 1815 года.

татъ также не могъ быть для него нерушимою заповѣдью. Дѣйствительно, во все время пребыванія на Эльбѣ, у Наполеона не было другой мысли, какъ только возвратить свой тронъ, низвергнутый измѣной и войной. Ведя, съ одной стороны, переговоры съ итальянскими патріотами и Мюратомъ, опасенія котораго были ему извѣстны; поддерживая, съ другой стороны, тѣсныя сношенія съ недовольными во Франціи (а число этихъ послѣднихъ росло съ каждымъ днемъ, благодаря промахамъ Реставраціи),—онъ ждалъ своего часа, т.-е. момента, когда ему достаточно будетъ появиться, чтобы передъ нимъ, сама собой, открылась дорога на Парижъ.

У Бурбоновъ было много средствъ обезопасить себя отъ его замысловъ: во-первыхъ, хорошо управлять страной; во-вторыхъ, (что̀ не исключало перваго) корректно исполнять по отношенію къ славному изгнаннику Фонтенеблоскій трактатъ. Они были небрежны и въ первомъ отношеніи, и во-второмъ; кромѣ того, они допустили ошибку, которая, въ самомъ непродолжительномъ времени, должна была возвратить Наполеону тронъ: не говоря уже о томъ, что они, казалось, старались,—въ пылу своей реакціонно-тупой политики,—довести до отчаянія народъ, совершенно отвыкшій, за 25 лѣтъ революціи, отъ стараго режима,—они, повидимому, считали совершенно ничтожными всѣ тѣ обязательства по отношенію къ ех-императору, которыя приняла коалиція и которыя они сами санкціонировали. Такъ, напримѣръ, новое французское правительство не заплатило ни одного су изъ двухъ милліоновъ, назначенныхъ Наполеону на содержаніе. Герцогства же Парма, Пьяченца и Гвасталла, торжественно обѣщанныя Маріи-Луизѣ и ея сыну,—были оспариваемы на конгрессѣ Таллейраномъ, отъ имени Людовика XVIII. Затѣмъ, этотъ государь не обнаруживалъ никакого желанія заплатить деньги, обѣщанныя родственникамъ Наполеона и принцу Евгенію. Но, безъ сомнѣнія, обстоятельствомъ, наиболѣе повліявшимъ на „человѣка съ острова Эльбы“,—были, очевидно, постоянныя и неумѣстныя выходки Людовика XVIII, требовавшаго заключенія Наполеона въ какомъ-нибудь отдаленномъ мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ былъ бы навсегда оставаться военноплѣннымъ. Переписка Таллейрана съ его государемъ въ продолженіе конгресса, показываетъ, что Людовикъ не переставалъ, съ сентября 1814 г. по мартъ 1815 г., требовать удаленія Наполеона. Сначала, французскій министръ имѣлъ мало успѣха; нѣкоторыя державы считали удобнымъ, чтобы страхъ передъ побѣжденнымъ героемъ отчасти парализовывалъ Бурбоновъ; но позднѣе, они сами поддались чувству боязни и серьезно

отнеслись къ мысли перевезти императора на Азорскіе острова или на островъ святой Елены. Но онъ былъ освѣдомленъ насчетъ этихъ интригъ и рѣшилъ предупредить ихъ, покинувъ островъ Эльбу. Къ несчастію, онъ не ограничился возвращеніемъ себѣ свободы; онъ былъ не въ силахъ противиться преступному желанію отвоевать свою имперію и, рискуя своей собственной судьбой, онъ не остановился также передъ мыслью скомпрометировать и погубить Францію.

Въ нашу задачу не входитъ изображать его тріумфальное шествіе отъ залива Жуана, гдѣ онъ высадился съ кучкой приверженцевъ, до входа въ Тюильри, куда его внесли на плечахъ ветераны (1—20 марта 1815 г.). Нація, измученная Реставраціей, не сопротивлялась ему, потому что онъ сулилъ ей свободу и миръ, и, въ особенности, потому, что онъ представлялъ въ ея глазахъ Революцію. Бурбоны—издалека—затѣяли съ нимъ турниръ на громкихъ фразахъ и приняли, было, видъ героевъ, но потомъ, вопреки совѣтамъ Таллейрана [1]), обратились, при его приближеніи, въ постыдное бѣгство. Вернемся теперь къ Вѣнскому конгрессу, потому что только оттуда и грозила ему серьезная опасность.

§ 9. Послѣ нѣсколькихъ дней смятенія, когда нельзя уже было сомнѣваться въ томъ, что Наполеонъ высадился на берегъ Франціи и быстро движется на Парижъ, единодушно было рѣшено поставить его внѣ закона и призвать всю Европу къ войнѣ истребленія противъ узурпатора. Представители восьми державъ, подписавшихъ въ предыдущемъ году Парижскій трактатъ, собрались вмѣстѣ и опубликовали, по настоянію Меттерниха и Таллейрана, яростнѣйшую декларацію (13 марта), уничтожавшую всякую надежду на примиреніе.

„Державы"—гласитъ эта декларація— „объявляютъ... что Наполеонъ Бонапартъ поставленъ внѣ законовъ гражданскихъ и общественныхъ, и, какъ врагъ и нарушитель всеобщаго мира, предается въ руки общественнаго возмездія..."

Представители прибавляли, что ихъ правительства готовы

---

[1]) Этотъ дипломатъ, какъ Жокуръ (временно исполнявшій въ эту эпоху должность министра иностранныхъ дѣлъ), былъ того мнѣнія, что король не долженъ покидать Парижа, ни, тѣмъ болѣе, Франціи;—„главнымъ образомъ необходимо избѣгать того"—писалъ онъ Людовику XVIII,—„чтобы Ваше Величество не показалось изолированнымъ; а также того, чтобы интересы націи и дѣло короля не представили въ видѣ двухъ различныхъ вещей, тогда какъ они составляютъ одно и то-же".

общими усиліями обезпечить Европу „отъ всякой попытки смутить народы и снова обречь ихъ на анархію и революціонныя бѣдствія". Правительства-де крѣпко рѣшились поддерживать неприкосновенными Парижскій трактатъ, всѣ уже принятыя ими новыя рѣшенія и тѣ постановленія, которыми они, въ будущемъ, дополнятъ и упрочатъ этотъ трактатъ.

Для Людовика XVIII подобныя увѣренія должны были быть очень пріятны, потому что ими Европа обезпечивала ему корону и королевство. Но, въ общемъ, все это были пока только слова. Нѣсколько дней спустя, великія державы, видя необходимость войны, заключили формальный договоръ, который былъ подписанъ 25-го марта въ Вѣнѣ и, по существу своему, былъ простымъ повтореніемъ Шомонскаго трактата. Австрія, Великобританія, Пруссія и Россія взяли на себя иниціативу этого договора и заключили его въ качествѣ главныхъ сторонъ. Четверной союзъ, такимъ образомъ, возстановлялся. Таллейранъ и представители другихъ государствъ были просто приглашены „приступить" къ нему. Почти всѣ европейскія державы, одна за другой, поспѣшили отвѣтить на этотъ призывъ. Министръ Людовика XVIII первый присоединился къ договору (27 марта). Онъ сдѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что этотъ трактатъ весьма точно гарантировалъ не только рѣшенія конгресса, но и договоръ 30 мая.

Казалось, что послѣ столь ясно формулированныхъ соглашеній, война должна была вспыхнуть тотчасъ же. Однако, только черезъ два съ половиной мѣсяца Наполеонъ обмѣнялся первыми выстрѣлами со своими врагами. Причины этого промедленія необходимо изложить нѣсколько подробнѣе.

Вполнѣ понятно, почему Наполеонъ, вопреки своей обычной тактикѣ, въ данномъ случаѣ не атаковалъ первымъ. На другой день послѣ 20-го марта онъ не могъ бы мобилизовать и 20 тысячъ солдатъ. Къ тому же, не вся Франція высказалась въ этотъ моментъ въ пользу государственнаго переворота, возвратившаго ему тронъ: роялистскія симпатіи въ западныхъ департаментахъ сильно поддерживались герцогомъ Бурбонскимъ, а въ южныхъ—герцогомъ и герцогиней Ангулемскими. Только въ концѣ апрѣля трехцвѣтное знамя было повсюду возстановлено, и только въ первыхъ числахъ іюня императоръ собралъ армію, готовую къ бою. Къ тому же, Наполеонъ, хорошо понимавшій общественное настроеніе, прекрасно зналъ, что въ этотъ моментъ нація, прежде всего, желала мира. Даже тѣ лица, которыя привѣтствовали его возвращеніе, не простили бы ему вызывающаго образа

дѣйствій по отношенію къ Европѣ. Поэтому, каковы бы ни были его затаенныя желанія, онъ, послѣ своего возвращенія, отнесся къ трактату 30-го мая съ полнымъ уваженіемъ. Онъ говорилъ, что пришелъ просто возвратить Франціи свободу; что его возвращеніе не должно никого смущать, такъ какъ онъ не нарушитъ мира ни съ одной изъ державъ. Отвѣты, продиктованные имъ, были составлены именно въ этомъ смыслѣ: отвѣтъ Государственнаго Совѣта на декларацію 13-го марта (2 апр.), нотификація иностраннымъ дворамъ о его возвращеніи на тронъ и объясненія, сообщенныя Коленкуромъ (вновь назначеннымъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ) иностраннымъ государствамъ по поводу случившагося (4 апр.). Наполеонъ старался отклонить царя отъ великаго союза, сообщивъ ему найденную копію трактата 3-го января;—дѣлалъ авансы Англіи;—посылалъ въ Вѣну многочисленныхъ эмиссаровъ: Монтескью [1]), Флао [2]), Стассара [3]), Монрона;—требовалъ, чтобы ему возвратили сына;—повторно заявлялъ о своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и всячески старался увѣрить въ этомъ Европу. Онъ не скрывалъ своихъ приготовленій къ войнѣ, но не желалъ, чтобы въ день ея объявленія кто-нибудь упрекнулъ его въ томъ, что онъ самъ сдѣлалъ ее неизбѣжною.

[1]) Монтескью-Фезансакъ (Амвросій-Анатоль - Августинъ, графъ), сынъ графини Монтескью, воспитательницы Римскаго короля; родился въ Парижѣ 8 августа 1783 года; ординарецъ Наполеона I (1809); былъ изгнанъ во время второй Реставраціи; адъютантъ герцога Орлеанскаго (1816); почетный кавалеръ герцогини Орлеанской (1823); исполнялъ дипломатическія порученія въ Римѣ и Неаполѣ (1830); маршалъ (1831); депутатъ Сарты (1834, 1837, 1839); пэръ Франціи (1841); умеръ въ 1878 г.; авторъ поэтическихъ произведеній, теперь совершенно забытыхъ.

[2]) Флао-де-ла-Бильярдери (Августъ-Карлъ-Іосифъ, графъ), родился въ Парижѣ 21 апрѣля 1785 г., сынъ графини Флао, впослѣдствіи графини Сузской; адъютантъ Мюрата (1805); прикомандированъ къ генеральному штабу генерала Бертье; имперскій баронъ; бригадный генералъ и адъютантъ Наполеона (1813); пэръ Франціи во время Ста дней; изгнанъ во время второй Реставраціи; послѣ Іюльской революціи возстановленъ въ своихъ правахъ; полномочный министръ въ Берлинѣ (1831—1832); оберъ-шталмейстеръ герцога Орлеанскаго (1837); посолъ въ Вѣнѣ (1841—1848); членъ совѣщательной комиссіи послѣ 2-го декабря 1851 г.; сенаторъ въ 1853 г.; умеръ въ 1870 г.; отъ его связи съ королевой Гортензіей родился въ 1812 г. сынъ, впослѣдствіи герцогъ Морни.

[3]) Стассаръ (Госвинъ-Іосифъ-Августинъ, баронъ), родился въ Малинъ 2-го сентября 1780 г.; префектъ во время имперіи; экстраординарный рекетмейстеръ во время Ста дней; депутатъ Генеральныхъ штатовъ въ Нидерландахъ (1821—1830); членъ національнаго совѣта въ Бельгіи (1830); правитель Намюра (1830) и Брабанта (1834—1839); членъ бельгійскаго сената (1831—1847), потомъ президентъ его; посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Туринъ (1840); авторъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ; умеръ въ Брюсселѣ 10-го октября 1854 г.

Былъ ли онъ искрененъ?—можетъ быть. Къ несчастью, Европа, такъ давно имъ тѣснимая и такъ часто обманутая имъ, уже больше не вѣрила. Въ Вѣнѣ безповоротно было рѣшено не вступать съ нимъ ни въ какія сношенія. И только крупныя осложненія принудили союзниковъ отложить на время ту военную экзекуцію, которая, по трактату 25-го марта, казалась столь близкою.

Въ этотъ моментъ (апрѣль) русская армія была еще въ Польшѣ. Русскія войска, по всѣмъ разсчетамъ, могли дойти до линіи военныхъ дѣйствій только въ концѣ іюня. Прусскія войска были готовы и ждали только приказа. Но, назначенные атаковать Францію съ сѣвера, они могли дѣйствовать только по соглашенію съ англо-голландскими войсками, которыя составляли, пока, лишь небольшой отрядъ въ Бельгіи. Впрочемъ, Веллингтонъ объявлялъ, что онъ не рискнетъ атаковать нашу границу до тѣхъ поръ, пока австрійская армія не будетъ въ состояніи, перейдя Рейнъ, поддерживать его. А между тѣмъ, какъ разъ въ этотъ моментъ новая неожиданность отвлекла большую часть австрійскихъ силъ въ Италію.

Мюратъ не послушался совѣта Наполеона ничѣмъ не рисковать и ограничиваться только такимъ угрожающимъ поведеніемъ, которое удерживало бы австрійско-ломбардскую армію по ту сторону Альпъ. Узнавъ объ успѣхѣ императора, Мюратъ потерялъ голову и рѣшилъ, что императоръ просто желаетъ обмануть его и помѣшать ему распространить свою власть на всю Италію; что моментъ весьма благопріятенъ для дѣйствій; что Австрія, устрашенная и связанная Франціей, быть можетъ, предоставитъ ему свободу дѣйствій. Словомъ, 30-го марта онъ выпустилъ хвастливую прокламацію, призывая итальянцевъ къ оружію, и двинулъ свои войска. Черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ почти на границѣ Ломбардіи. Но на этотъ разъ, вѣнскій дворъ рѣшилъ не церемониться и сразу его остановилъ. Полтораста тысячъ австрійцевъ безъ труда разсѣяли небольшую неаполитанскую армію (8 апрѣля). Шесть недѣль спустя, Мюратъ, разбитый на голову, покинулъ столицу, и Фердинандъ IV, связанный съ этого момента навсегда съ вѣнскимъ дворомъ [1]), возвратился на неаполитанскій тронъ.

[1]) Трактатомъ 12-го іюня 1815 г. онъ обязался доставлять Австріи 25 тысячъ войска и не давать своимъ подданнымъ конституціи безъ согласія этой державы. Въ этомъ трактатѣ содержатся слѣдующія знаменательныя слова: „Ихъ Величества обязуются симъ договоромъ хранить въ Италіи миръ и охранять своихъ подданныхъ и свои государства отъ возврата къ прежнимъ потрясеніямъ и отъ опасности безумныхъ нововведеній, которыя могли бы способствовать такому возврату; Великія

Только что изображенная кампанія была очень непродолжительна. Однако, ея было достаточно для того, чтобы не позволить императору Францу I, раньше іюня, атаковать, вмѣстѣ съ союзниками, Наполеона. За время этой кампаніи вѣнская дипломатія старалась такъ маневрировать съ Франціей, чтобы оттянуть время открытія военныхъ дѣйствій. Одно время она даже старалась сдѣлать войну ненужной, но не путемъ примиренія съ „корсиканскимъ чудовищемъ“, а путемъ интригъ внутри самой страны, имѣвшихъ цѣлью вызвать новую революцію и низвергнуть императора.

§ 10. Въ чью пользу могло послѣдовать низложеніе Наполеона? Вопросъ этотъ разрѣшался Австріей и Англіей безъ малѣйшихъ колебаній. Эти обѣ державы въ глубинѣ души питали расположеніе къ одному только Людовику XVIII; какъ бы то ни было, но послѣдній, въ нѣкоторой мѣрѣ, и прежде приносилъ пользу ихъ политикѣ, и въ будущемъ могъ имъ еще пригодиться. Поэтому, онѣ твердо рѣшили способствовать его вторичной реставраціи и даже сдѣлать ее неизбѣжной. Но онѣ не считали нужнымъ—пока что—офиціально высказывать свои намѣренія, по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ: во-первыхъ, Бурбоны были явно непопулярны во Франціи, и, поэтому, не одержавъ надъ ней полной побѣды, было неблагоразумно выдвигать ихъ впередъ; во-вторыхъ, было не великодушно, но очень полезно—эксплоатировать ихъ бѣдственное положеніе и внушать имъ, что державы покинули ихъ: въ этомъ случаѣ можно было разсчитывать, что они тѣмъ дороже заплатятъ за поддержку коалиціи.

Людовикъ XVIII, послѣ той ошибки, которую онъ сдѣлалъ, бѣжавъ изъ своего государства въ Гентъ,—являлся теперь, какъ и до 1814 г., только претендентомъ на французскій престолъ, всецѣло зависѣвшимъ отъ расположенія къ нему державъ. Тѣ изъ нихъ, которыя прежде особенно поддерживали его, объявили теперь, что не могутъ принять на себя офиціальнаго обязательства возстановить его на тронѣ. Кастльри, тайнымъ образомъ сообщая королю о своемъ личномъ къ нему расположеніи, мотивировалъ свою офиціальную сдержанность тѣмъ, что необходимость предстоящей новой войны встрѣчаетъ оппозицію въ ан-

Державы рѣшили, что Е. В. король Обѣихъ Сицилій, устанавливая королевское правленіе, не допуститъ перемѣнъ, которыя были бы въ противорѣчіи съ прежними установленіями и принципами, принятыми Его Императорскимъ и Апостолическимъ Величествомъ относительно внутренняго устройства его итальянскихъ провинцій“.

глійскомъ парламентѣ, а также тѣмъ, что не слѣдуетъ дразнить французскій народъ. Выраженія, въ коихъ, по совѣту Кастльри, принцъ-регентъ (25-го апрѣля) утвердилъ трактатъ 25 марта, исключали всякую мысль о томъ, чтобы Сентъ-Джемсскій кабинетъ желалъ навязать Франціи какое-нибудь опредѣленное правительство [1]). Вѣнскій дворъ, нѣсколько дней спустя, опубликовалъ аналогичное заявленіе, столь же неискреннее. Россія и Пруссія также заявили, что у нихъ нѣтъ намѣренія насиловать Францію. Послѣднія двѣ державы не такъ ужъ сильно благоволили къ Людовику XVIII, чтобы желать, во что бы то ни стало, возстановленія его на тронѣ. Берлинскій дворъ, къ тому же, никогда не могъ простить той чрезвычайной, по его мнѣнію, снисходительности, которая была оказана Франціи по Парижскому трактату. Такъ какъ эта нечестивая и мерзкая нація такъ мало оправдала благосклонность, проявленную по отношенію къ ней Союзниками, то на этотъ разъ слѣдуетъ обойтись съ ней по заслугамъ [2]); она не хочетъ подчиниться своему королю, — тѣмъ

---

[1]) По поводу трактата 25 марта, на который нападали виги, 28 апрѣля въ палатѣ общинъ произошли довольно бурныя пренія. Кастльри защищался, но для того, чтобы заручиться согласіемъ большинства палаты, — былъ принужденъ слукавить и даже немного солгать, увѣряя, что онъ отнюдь не думаетъ итти на перекоръ французскому общественному мнѣнію. Нѣсколько дней спустя, его братъ, Чарльзъ Стюартъ успокаивалъ отъ своего имени гентскій дворъ. „Для того, чтобы оставаться, говорилъ онъ, въ предѣлахъ, согласныхъ съ государственнымъ строемъ Англіи, Кастльри пришлось говорить такъ, какъ онъ это сдѣлалъ, и его рѣчь содержитъ въ себѣ тѣ принципы, которые мы можемъ высказывать публично. Однако, наши желанія и наши усилія, направлены на пользу короля; мы желаемъ его успѣха, мы въ немъ не сомнѣваемся, но мы не можемъ преступить условій трактата и заявленія державъ“.

[2]) Вотъ что писалъ въ своей прокламаціи прусскій генералъ-губернаторъ рейнскихъ провинцій (15 апрѣля 1815 г.): „Эта нація, такъ долго гордившаяся своими побѣдами, но принужденная склонить свое гордое чело передъ германскими знаменами, опять начинаетъ угрожать спокойствію Европы. Она осмѣлилась забыть, что еще годъ тому назадъ, будучи хозяевами ея столицы и ея провинцій, мы, собственно, должны были вознаградить себя раздѣломъ ея территоріи; необходимость и законность этой мѣры вполнѣ оправдывалась всѣми тѣми жертвами, которыя понесены были нами для освобожденія Германіи. Страна, преданная столь полной анархіи, будетъ угрожать Европѣ ужасной гибелью, если всѣ храбрые Тевтоны не вооружатся противъ нея. Сегодня мы выступаемъ не для того, чтобы навязывать ей монарховъ, которыхъ она отвергаетъ,... а для того, чтобы подѣлить эту нечестивую страну и вознаградить себя, такимъ образомъ, за всѣ жертвы, понесенныя нами въ теченіе 25-лѣтней борьбы съ ея безчинствомъ...“ Затѣмъ Грюнеръ предлагаетъ, чтобы союзники, послѣ побѣды, завладѣли такъ называемыми національными имуществами и обратили ихъ въ фондъ для наградъ военнымъ лицамъ. „Такимъ образомъ, германскіе монархи и граждане найдутъ въ этой войнѣ противъ

лучше. Ей были сдѣланы уступки во имя короля, и теперь ихъ можно будетъ не возобновлять. Договоръ 30 мая будетъ признанъ несуществующимъ; Франція будетъ раздѣлена и навсегда вычеркнута изъ списка великихъ державъ. Подобнымъ же образомъ, и даже въ еще болѣе рѣзкой формѣ, выражались въ эту эпоху прусскіе патріоты, слова которыхъ находили себѣ отголосокъ во всей Германіи. Что касается русскаго правительства, то оно вовсе не присоединялось къ этимъ неистовствамъ. Александръ I всегда, въ глубинѣ души, чувствовалъ склонность къ Франціи; этой склонности онъ не простиралъ на Людовика XVIII, и, вообще, на всю старшую вѣтвь дома Бурбоновъ. Онъ неоднократно говорилъ, что прекрасно ихъ знаетъ, что они всѣ—безтолковые и злые люди. Герцогъ Орлеанскій [1]), говорилъ онъ въ это время (конецъ апрѣля 1815 г.), гораздо лучше годится для Франціи, чѣмъ братъ Людовика XVI; и если значительная партія пожелаетъ возвести его на престолъ, то онъ ничего не будетъ имѣть противъ этого.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые авантюристы намѣревались въ этотъ моментъ возвести на французскій престолъ того, который впослѣдствіи сдѣлался Людовикомъ-Филиппомъ. Небольшой заговоръ въ его пользу былъ даже устроенъ передъ 20 марта. Другіе помышляли о томъ, чтобы возвести на престолъ—на мѣсто принужденнаго силою отречься Наполеона—его сына, отъ имени котораго можно было учредить регентство. Во всѣхъ этихъ заговорахъ принималъ участіе Фуше, первѣйшій изъ измѣнниковъ, котораго Наполеонъ необдуманно назначилъ министромъ полиціи и который, чувствуя неустойчивость императорскаго трона, только и думалъ о томъ, какъ бы погубить его и тѣмъ создать для себя болѣе вѣсское положеніе въ государствѣ.

тираніи слѣдующую выгоду: первые пріобрѣтутъ подданныхъ, приведенныхъ силою нашихъ законовъ къ должному повиновенію, а вторые—плодородныя земли, охраняемыя нашими штыками". Въ то же время, Рейнскій Меркурій, подъ вліяніемъ Штейна, писалъ такъ: „Нужно уничтожить эту шайку 500.000 разбойниковъ... нужно объявить войну всей націи и поставить внѣ закона весь этотъ безтолковый народъ, для котораго война является насущной потребностью... Весь свѣтъ не будетъ пользоваться миромъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать французскій народъ; пусть его превратятъ въ бургундцевъ, невстрійцевъ, аквитанцевъ, и т. п.; они передерутся между собою, но зато міръ будетъ спокоенъ навѣки".

[1]) Сынъ Филиппа-Эгалитэ, и, впослѣдствіи, французскій король, подъ именемъ Людовика-Филиппа I. Онъ родился 6 октября 1773 г. въ Парижѣ, умеръ въ Клермонтѣ (Англія) 26 августа 1850 г. Относительно его молодости и поведенія въ эпоху Революціи и Имперіи, см. наши „Etudes critiques sur la Révolution, l'Empire et la période contemporaine", стр. 231—258.

Между прочимъ, съ Фуше, въ теченіе всего апрѣля и мая мѣсяца, велъ тайные переговоры Меттернихъ, уполномоченный, впрочемъ, на то государями коалиціи. Цѣль этихъ переговоровъ была, повидимому, та, чтобы выиграть время и обмануть этого плута. Честные агенты (какъ-то: Монтескью, Флао, Стассаръ), являвшіеся въ Германію съ цѣлью поддержать дѣло Наполеона, были всѣ безжалостно отвергнуты Меттернихомъ. Но когда явились другіе агенты (Монронъ), начинавшіе свою рѣчь отъ имени императора, но затѣмъ говорившіе о томъ, чего желаетъ и что̀ считаетъ возможнымъ французскій министръ полиціи,—Меттернихъ сдѣлался болѣе доступнымъ. Одинъ изъ его самыхъ опытныхъ агентовъ, Оттенфельсъ, былъ даже посланъ имъ, подъ ложной фамиліей, въ Базель для того, чтобы переговорить тамъ съ эмиссаромъ Фуше. Но заговоръ былъ открытъ императоромъ, и происшедшее въ Базелѣ свиданіе не привело ни къ какому результату [1]).

Такой мошенникъ, какъ Меттернихъ, ничего не терялъ отъ подобной комбинаціи. Сначала онъ выигралъ нѣсколько недѣль времени, необходимаго Австріи и Англіи для мобилизаціи своихъ армій противъ Наполеона. Затѣмъ онъ добился того, что запуганный Людовикъ XVIII совершенно забылъ свои обязанности по отношенію къ Франціи. Жалкій гентскій дворъ со страхомъ узнавалъ объ этихъ проискахъ, могшихъ, въ концѣ концовъ, помѣшать „законному" королю взойти на престолъ. Этотъ дворъ боялся герцога Орлеанскаго, Наполеона II, Регентства. Таллейранъ вовсе не считалъ нужнымъ успокаивать Бурбоновъ и выяснять имъ истинныя намѣренія четырехъ великихъ союзныхъ дворовъ. Этимъ путемъ, повидимому, онъ хотѣлъ или набить себѣ цѣну, или, можетъ быть, обезпечить себѣ отступленіе и переходъ въ другой лагерь [2]). Вотъ почему Бурбоны, совершенно отчаявшись въ возможности новой реставраціи и новой даровой помощи коалиціи,—согласились купить ея поддержку цѣною такихъ

[1]) Свиданіе происходило въ маѣ мѣсяцѣ между Оттенфельсомъ, принявшимъ имя Вернера, и тайнымъ совѣтникомъ Флери де-Шабулономъ, представившимся въ качествѣ агента Наполеона. Герцогъ отрантскій, какъ могъ, оправдался передъ императоромъ и притворился, что попалъ на удочку. Но онъ не замедлилъ увѣдомить о всемъ происходившемъ Меттерниха и вскорѣ затѣялъ новую самостоятельную интригу.

[2]) Таллейрана очень не любилъ Людовикъ XVIII, которому онъ былъ навязанъ. Его ненавидѣлъ любимецъ короля, Блакасъ, и, еще болѣе, графъ д'Артуа и вся эмигрировавшая съ нимъ партія царедворцевъ. Таллейранъ отплачивалъ имъ тѣмъ же. Безъ сомнѣнія, въ это время онъ склонялся къ кандидатурѣ герцога Орлеанскаго.

уступокъ, которыя до сихъ поръ остались мало отмѣченными исторіей, но должны быть осуждены со всею строгостью.

Въ деклараціи 13 марта и въ трактатѣ 25 числа того же мѣсяца, Союзники офиціально заявили, что они воюютъ только съ Наполеономъ,—что они вовсе не объявляли войны французской націи, и что, слѣдовательно, постановленія трактата 30 мая будутъ за ней, во всякомъ случаѣ, обезпечены. Но въ моментъ подписанія перваго изъ этихъ документовъ, Людовикъ XVIII былъ еще на тронѣ, а въ моментъ появленія второго—Союзники не знали, что онъ покинулъ Францію. Когда стало извѣстнымъ, что онъ — безпомощный бѣглецъ, то заговорили совершенно инымъ тономъ. Пруссія заявила, что французскій народъ является сообщникомъ Наполеона, разъ онъ не отвергъ его; что, поэтому, должно всю націю, вмѣстѣ съ ея императоромъ, поставить внѣ закона и что нельзя позволить ей ссылаться на парижскій трактатъ. Остальные члены коалиціи, не высказываясь въ столь рѣзкой формѣ, какъ Пруссія, все-таки безъ труда стали на ту же точку зрѣнія. Такимъ образомъ, Людовику XVIII было дано понять, что если онъ желаетъ получить отъ своихъ союзниковъ нравственное обязательство возстановить его на тронѣ, то онъ долженъ согласиться на пересмотръ трактата 30 мая.

Этотъ торгъ, передъ которымъ французскій король и его уполномоченный нѣкоторое время колебались, въ концѣ концовъ былъ, однако, заключенъ. Это доказываютъ нѣкоторыя отдѣльныя мѣста изъ доклада секретаря конгресса, Гентца, въ которомъ (12 мая) опровергался обнародованный Государственнымъ Совѣтомъ, отъ имени Наполеона, манифестъ (2 апрѣля).

Относительно нашихъ внутреннихъ дѣлъ „державы—говорится въ этомъ докладѣ—не считаютъ себя вправѣ навязывать Франціи правительство; но онѣ никогда не откажутся отъ права воспрепятствовать тому, чтобы подъ названіемъ правительства утвердился во Франціи очагъ безпорядковъ и волненій, опасныхъ для остальныхъ государствъ. Онѣ признаютъ общественную свободу Франціи постольку, поскольку она будетъ совмѣстима съ ихъ собственной безопасностью и общимъ спокойствіемъ Европы...“

Такъ какъ Союзники, очевидно, не желали Республики; такъ какъ они не считались серьезно ни съ герцогомъ Орлеанскимъ, ни съ Регентствомъ и, въ то же время, выражали намѣреніе низложить Наполеона, то приведенныя фразы имѣли въ виду не что иное, какъ принудительное возстановленіе на тронѣ Людовика XVIII.

Кромѣ того, въ томъ же самомъ докладѣ, по поводу буду-

щихъ сношеній Франціи съ Европой, говорится такъ: „Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о сохраненіи трактата 30 мая; его надлежитъ пересмотрѣть. Державы считаютъ себя поставлеными по отношенію къ Франціи въ тѣ самыя условія, въ какихъ онѣ были 31 марта 1814 г...."

Этотъ документъ не былъ опубликованъ. Онъ и не могъ быть опубликованъ. Но уполномоченные восьми державъ, принимавшихъ участіе въ парижскомъ трактатѣ, подписали его. Между ними былъ и Таллейранъ, который имѣлъ такъ мало чувства нравственнаго достоинства, что объявилъ себя удовлетвореннымъ въ письмѣ къ Людовику XVIII (17 мая 1815 г.).

Только тогда (послѣднія числа мая) союзныя арміи начали двигаться впередъ, и война сдѣлалась неизбѣжной. Изъ этого видно, при сколь печальныхъ для Франціи обстоятельствахъ эта война начиналась, и сколь гибельнымъ оказалось для насъ возвращеніе Наполеона. Незадолго передъ тѣмъ Франція внушала уваженіе всѣмъ своимъ противникамъ; а теперь вся Европа, коализованная противъ нея, собиралась посягнуть, еще болѣе серьезно, чѣмъ прежде, на ея политическую независимость и территоріальную неприкосновенность.

§ 11. Ко времени открытія военныхъ дѣйствій, Союзники рѣшили ускорить работу на конгрессѣ, которая, по необходимости, нѣсколько тянулась, начиная съ марта мѣсяца. Было желательно, во что бы то ни стало, закончить совѣщанія, придать окончательную форму уже принятымъ рѣшеніямъ и выработать тѣ изъ нихъ, которыя еще оставались спорными. Нужно было, чтобы Европа была совершенно устроена, раньше чѣмъ напасть на своего противника. Державы добивались того, чтобы между ними не оставалось никакихъ серьезныхъ недоразумѣній къ моменту начатія новыхъ переговоровъ съ Франціей. Покончивъ съ Вѣнскимъ конгрессомъ, онѣ могли бы тѣмъ легче сокрушить побѣжденную націю, такъ какъ она не могла бы ни вмѣшаться въ дѣла другихъ державъ, ни воспользоваться ихъ разногласіями.

Комиссіи, дѣйствовавшія отъ имени конгресса, получили приказъ ускорить свою работу. Почти всѣ спорные вопросы были разрѣшены Союзниками на-спѣхъ; хорошо ли, дурно ли,—это было неважно: главное заключалось въ быстротѣ работы и доведеніи ея до конца. Саксонскій король, задержанный въ Пресбургѣ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ упорствовалъ, не принимая соглашенія, по которому у него отнималась значительная часть его владѣній. Прежде чѣмъ согласиться и приступить, — какъ этого отъ

него требовали,—къ трактату 25 марта, онъ просилъ себѣ свободы. Въ виду его упорства, ему наконецъ заявили, что обойдутся и безъ его подписи; его королевствомъ будетъ управлять Пруссія, а самъ онъ останется плѣнникомъ до тѣхъ поръ, пока не скажетъ „да“. Несчастный государь, не чувствуя себя достаточно сильнымъ для борьбы, въ концѣ концовъ, покорился. Сначала онъ принужденъ былъ торжественно отказаться отъ великаго герцогства Варшавскаго, окончательный раздѣлъ котораго былъ утвержденъ двумя трактатами 3 мая 1815 г., изъ коихъ одинъ былъ заключенъ между Россіей и Австріей, а другой — между Россіей же и Пруссіей. Затѣмъ, онъ принужденъ былъ, договоромъ, заключеннымъ непосредственно съ берлинскимъ дворомъ, уступить послѣднему двѣ пятыхъ своихъ собственныхъ владѣній. Вопросы относительно территорій, лежавшихъ внѣ Саксоніи и Польши и интересовавшихъ Пруссію, были урегулированы соглашеніями съ Австріей и Баваріей (28 мая), съ Ганноверомъ (29 мая), съ Нассау, Нидерландами (31 мая), Саксенъ-Веймаромъ (1 іюня), Даніей (4 іюня) и со Швеціей (7 іюня). Въ то же самое время, другія соглашенія опредѣлили границы небольшихъ германскихъ государствъ [1]). Государства, медіатизированныя въ 1803 г., остались таковыми, несмотря на свои настойчивыя жалобы; въ то же время, другія государства были медіатизированы именно теперь (напримѣръ, княжества Изенбургъ и Лейенъ). Участь и границы Нидерландовъ были установлены трактатомъ 21 мая. Накануне этого дня были разрѣшены—торжественнымъ соглашеніемъ пяти великихъ державъ — вопросы, касавшіеся Сардиніи. Нѣсколько дней спустя (27 мая), Швейцарія приняла выработанныя для нея конгрессомъ условія ея территоріальной и политической реорганизаціи; одновременно, она получила отъ Европы гарантію своей независимости и вѣчнаго нейтралитета. Что касается Италіи, то между державами не состоялось окончательнаго соглашенія относительно Пармскаго герцогства. Оно было предоставлено Маріи-Луизѣ только въ пожизненное владѣніе, и его дальнѣйшая судьба не была еще опредѣлена. Такъ какъ не было времени останавливаться на рѣшеніи этого незначительнаго вопроса,

---

[1]) За исключеніемъ Баваріи, которая, не имѣя уже болѣе поддержки со стороны Франціи, получала отъ Австріи неудовлетворявшія ее предложенія, въ качествѣ компенсаціи за то, что она должна была возвратить; во всякомъ случаѣ, эти уступки были ничтожны въ сравненіи съ обѣщаннымъ. Поэтому, мюнхенскій дворъ отказывался возвратить вѣнскому двору Инфиртель и Гаурюкфиртель. Только значительно позже (въ 1816 г.) онъ покорился предложеннымъ ему требованіямъ.

то онъ былъ отложенъ [1]). Чтобы не затягивать конгресса, было также отложено рѣшеніе участи Іоническихъ острововъ, протектората надъ которыми добивались и Австрія, и Англія, и Россія.

Но раньше, чѣмъ закрыть конгрессъ, державы сочли, все-таки, своею обязанностью дать Германіи, жестоко обманутой въ своихъ надеждахъ объединенія, хоть тѣнь Союзной конституціи. Еще недавно передъ тѣмъ (16 ноября 1814 г.), комиссія по германскимъ дѣламъ должна была прервать свои работы. Въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ покинулъ островъ Эльбу, она еще не собиралась возобновить свою работу. Мелкія правительства Германіи, въ числѣ тридцати четырехъ, соединились и предложили (20 декабря) возстановить имперскую власть въ пользу Австріи. Такъ какъ эта власть всегда была ничтожной, то понятно предпочтеніе, оказанное ими именно этому проекту федеральнаго устройства. Но вѣнскій дворъ прекрасно понималъ, что голый титулъ безъ власти былъ бы для него бременемъ, а не преимуществомъ. Кромѣ того, онъ принималъ въ соображеніе то обстоятельство, что если потребовать для будущаго императора серьезныхъ полномочій, то второстепенныя государства, такъ ревниво оберегающія свою независимость, и, въ особенности, Пруссія, такъ мало расположенная къ Австріи,—будутъ всѣми силами противодѣйствовать ей. Поэтому, по мнѣнію Вѣны, было выгоднѣе оставить этотъ проектъ безъ послѣдствій, оказать потворство партикуляризму германскихъ государей, тщательно поддерживать въ нихъ боязнь прусскихъ замысловъ — и, подъ видомъ защиты, имѣть надъ этими государями не явную власть, а фактическую гегемонію. Такъ какъ они, вступая въ союзъ, собирались пожертвовать, для общаго блага, только самою незначительною частью своего суверенитета, то Меттернихъ вовсе не предлагалъ имъ устроить настоящее „союзное государство", съ органами власти, достойными великой націи; австрійскій канцлеръ просто предлагалъ постоянный союзъ, безъ высшей и независимой власти. Составленный имъ и разосланный въ концѣ декабря проектъ былъ, въ большей своей части, принятъ германскими государями, ибо соотвѣтствовалъ ихъ собственнымъ желаніямъ. Но онъ плохо отвѣчалъ стремленіямъ германскаго народа; послѣдній требовалъ власти сильной и внушительной: а ему предлагали нѣчто вродѣ равновѣсія между безсиліемъ и бездѣй-

[1]) Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ только 10 іюня 1817 г. въ трактатѣ, заключенномъ между Австріей, Испаніей, Франціей, Великобританіей, Пруссіей и Россіей. По этому трактату, Парма, послѣ смерти ех-императрицы, должна была перейти къ ех-королевѣ Этруріи. Послѣдняя, тѣмъ временемъ, получала во владѣніе Лукку.

ствіемъ. Планамъ Меттерниха Гарденбергъ противопоставилъ два проекта Гумбольдта (февраль 1815 г.); хотя въ послѣднихъ и заключалось много общаго съ австрійскимъ проектомъ, но, все-таки, въ нихъ была подчеркнута необходимость укрѣпить будущую конфедерацію тремя слѣдующими способами: 1) прочной военной организаціей, 2) учрежденіемъ союзнаго суда, и 3) гарантіей минимума свободныхъ учрежденій каждому изъ государствъ, входящему въ составъ союза. Но Австрія, не высказываясь противъ этихъ проектовъ, стала все болѣе и болѣе затягивать дѣло. Мелкія государства снова протестовали (2 февраля) противъ изготовленія союзной конституціи безъ ихъ участія. Коротко говоря, наступилъ мартъ мѣсяцъ, а вопросъ еще не подвинулся ни на шагъ впередъ. Въ это именно время, Наполеонъ опять появился во Франціи. Необходимость вооружить противъ него всю Германію заставила конгрессъ, какъ можно скорѣе, принять по данному вопросу какое-либо рѣшеніе. Второстепенныя германскія государства (Вюртембергъ, Баварія и множество другихъ мелкихъ), приглашенныя приступить къ трактату 25 марта и доставить свои контингенты войскъ, обнаружили немалое усердіе въ предложеніи военныхъ услугъ, доказывая этимъ, что въ галлофобіи они нисколько не уступаютъ самой Пруссіи. Но они согласились продать свою помощь за цѣну, которая, въ глазахъ берлинскаго двора, должна была показаться чрезвычайно большою. Для того чтобы получить эту помощь, пришлось пообѣщать имъ, что союзная конституція ни въ чемъ не затронетъ ихъ суверенныхъ правъ.

Но одного обѣщанія было мало; необходимо было его подкрѣпить принятіемъ, безъ дальнѣйшихъ промедленій, проекта конституціи, основанной на австрійской программѣ. Послѣднее обстоятельство очень обрадовало вѣнскій дворъ. Весьма вѣроятно, что если бы Пруссіи пришлось имѣть дѣло только съ мелкими нѣмецкими государствами, то она сама—безъ лишнихъ уступокъ, однимъ запугиваніемъ—достигла бы того, чтобы всѣ эти государства примкнули къ коалиціи. Но она была принуждена сообразовываться также съ Австріей, которую въ это время подозрѣвали въ желаніи сойтись съ Фуше и возвести на французскій престолъ Наполеона II и которая, втайнѣ отъ всѣхъ, намѣренно распространяла этотъ слухъ. Для того чтобы Меттернихъ безъ дальнѣйшихъ отсрочекъ послалъ, наконецъ, войска своего государя къ Рейну, пришлось дать ему почти полное удовлетвореніе по германскому вопросу. Всѣ германскія правительства (не только пять важнѣйшихъ, какъ это было сдѣлано первона-

чально), были приглашены составить комиссію, которая собралась для работы 23 мая и съ этого времени безпрерывно обсуждала союзную конституцію. Въ пятнадцать дней вся эта огромная работа, которой раньше такъ долго боялись, была закончена; вѣрнѣе сказать: была сплавлена съ рукъ. Вопросы, представлявшіе наибольшія трудности, были обойдены молчаніемъ. Разрѣшеніе ихъ отлагалось на будущее время. Гибкой и неопредѣленной своей фразеологіей, договоръ придалъ видъ добросовѣстнаго соглашенія тому, что, въ сущности, заключало въ себѣ зародышъ будущихъ бѣдствій, раздоровъ и весьма серьезныхъ осложненій. Меттернихъ по своей привычкѣ счелъ, что онъ сдѣлалъ дѣло,—только потому, что съумѣлъ выиграть время. Для полнаго господства надъ Германіей существеннымъ, по его мнѣнію, условіемъ являлось приведеніе ея въ полную недвижность. Новая конституція, осуждавшая Германію на необходимость, въ лучшемъ случаѣ, топтаться на мѣстѣ, должна была, поэтому, доставить ему почти полное удовлетвореніе.

Актъ 8 іюня 1815 г., установлявшій Германскій Союзъ, заключаетъ въ себѣ 20 статей, изъ коихъ 11 первыхъ, являясь, по своему характеру, постановленіями международнаго права, были включены въ заключительный Актъ Вѣнскаго конгресса; остальныя статьи относятся къ организаціи и „внутреннимъ“ правамъ Германіи.

Договоръ, заключенный всѣми владѣтельными государями и вольными городами, установляетъ между ними „постоянный союзъ“ (вопросъ о „союзномъ государствѣ“ уже болѣе не поднимался). Цѣлью этого союза является поддержаніе „внѣшней и внутренней“ безопасности всей страны, а также независимости и цѣлости отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ союза, государствъ; о правахъ націи совершенно умалчивается. Члены союза, какъ таковые, должны пользоваться одинаковыми правами; не можетъ быть, поэтому, рѣчи ни о единствѣ, ни о центральной власти. Управленіе дѣлами Союза должно быть ввѣрено не представителямъ германскаго народа, а союзному сейму, на которомъ засѣдаютъ одни только „уполномоченные“ различныхъ государствъ [1];

[1] Уполномоченные, въ числѣ 17 человѣкъ, являются представителями или одной крупной державы, или цѣлой группы мелкихъ государствъ: 1) Австрія; 2) Пруссія; 3) Баварія; 4) Саксонія; 5) Ганноверъ; 6) Вюртембергъ; 7) Баденъ; 8) курфюршество Гессенское; 9) великое герцогство Гессенское; 10) Гольштейнъ и Лауенбургъ (отъ датскаго короля); 11) Люксембургъ (отъ Нидерландскаго короля); 12) великогерцогскіе и герцогскіе саксонскіе дома; 13) Брауншвейгъ и Нассау; 14) Мекленбургъ-Стрелицъ и Мекленбургъ-Шверинъ; 15) Ольденбургъ, Ангальтъ, Шварцбургъ;

такимъ образомъ, сеймъ долженъ быть простымъ собраніемъ дипломатовъ. Предсѣдательство на сеймѣ возлагается навсегда на Австрію. Всякая держава имѣетъ право вносить предложенія, обсужденіе коихъ должно быть обязательнымъ. Общее собраніе, или такъ называемое plenum должно составляться всякій разъ, когда потребуется „постановить новые или въ чемъ-либо измѣнить прежніе коренные законы Союза, или принять мѣры, относящіяся до существа самого Союзнаго Акта, или ввести новыя учрежденія, или сдѣлать какія-либо распоряженія, касающіяся до общихъ пользъ Германіи". Число голосовъ въ этомъ случаѣ установлялось въ 69, и оно должно было быть распредѣлено сообразно съ пространствомъ владѣній каждаго государства [1]). Сеймъ обязанъ разсмотрѣть, должно ли даровать нѣсколько голосовъ „медіатизированнымъ" князьямъ; послѣднее обѣщаніе, будучи въ слабой степени обезпечено, такъ и осталось обѣщаніемъ. Сеймъ будетъ рѣшать большинствомъ голосовъ, какія дѣла должны быть разсматриваемы въ его „общемъ собраніи". Онъ же будетъ подготовлять проекты и дѣла, подлежащія обсужденію. Дѣла будутъ рѣшаться простымъ большинствомъ голосовъ въ обыкновенномъ собраніи и большинствомъ $^2/_3$ въ общемъ собраніи сейма. Однакоже, требуется „единогласіе" при рѣшеніи дѣлъ, касающихся: 1)

---

16) Гогенцоллернъ, Лихтенштейнъ, Рейсъ, Шаумбургъ, Липпе, Вальдекъ; 17) Вольные города (Любекъ, Франкфуртъ, Бременъ, Гамбургъ).

[1]) Голоса были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) Австрія (въ качествѣ уполномоченной верхнихъ и нижнихъ провинцій Австріи, включенныхъ въ Германскій Союзъ: Штиріи, Каринтіи, Крайны, австрійскаго Фріуля, Тріеста, Тироля, Форальберга, Зальцбурга, Чехіи, Моравіи, австрійской Силезіи, Гогенъ-Герольдзека), 4 голоса; 2) Пруссія (въ качествѣ уполномоченной провинцій, включенныхъ въ Союзъ: Померанія, Бранденбурга, Силезіи, Саксоніи, Вестфаліи, Клеве-Берга и своихъ рейнскихъ провинцій), 4 голоса; 3) Баварія, 4 голоса; 4) Саксонія, 4 голоса; 5) Вюртембергъ, 4 голоса; 6) Ганноверъ, 4 голоса; 7) Баденъ, 3 голоса; 8) курфюршество Гессенское, 3 голоса; 9) великое герцогство Гессенское 3 голоса; 10) Гольштейнъ-Лауенбургъ, 3 голоса; 11) Люксембургъ, 3 голоса; 12) Брауншвейгъ, 2 голоса; 13) Мекленбургъ-Шверинъ, 2 голоса; 14) Нассау, 2 голоса; 15) Саксенъ-Веймаръ, 1 голосъ; 16) Саксенъ-Гота, 1 голосъ; 17) Саксенъ-Кобургъ, 1 голосъ; 18) Саксенъ-Мейнингенъ, 1 голосъ; 19) Саксенъ-Гильдбургаузенъ, 1 голосъ; 20) Мекленбургъ-Стрелицъ, 1 голосъ; 21) Ольденбургъ, 1 голосъ; 22) Ангальтъ-Дессау, 1 голосъ; 23) Ангальтъ-Бернбургъ, 1 голосъ; 24) Ангальтъ-Кетенъ, 1 голосъ; 25) Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, 1 голосъ; 26) Шварцрбургъ-Рудольштадтъ, 1 голосъ, 27) Гогенцоллернъ-Гехингенъ, 1 голосъ; 28) Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, 1 голосъ; 29) Лихтенштейнъ, 1 голосъ; 30) Вальдекъ, 1 голосъ; 31) Рейссъ-Шлейцъ, 1 голосъ; 32) Рейссъ-Грейцъ, 1 голосъ; 33) Шаумбургъ-Липпе, 1 голосъ; 34) Липпе, 1 голосъ; 35) Любекъ, 1 голосъ; 36) Франкфуртъ, 1 голосъ; 37) Бременъ, 1 голосъ; 38) Гамбургъ, 1 голосъ.

установленія коренныхъ законовъ; 2) государственныхъ учрежденій; 3) личныхъ правъ; 4) дѣлъ религіозныхъ. Изъ этого видно, какъ торжествовала Австрія, съумѣвъ предложить Германіи конституцію, столь мало ее объединявшую и обрекавшую ее на полный застой. Порядокъ рѣшенія дѣлъ установлялся сеймомъ, который долженъ былъ открыться во Франкфуртѣ 1-го сентября 1815 г. Это собраніе, прежде всего, должно было выработать основные законы и органическія учрежденія Союза, „имѣвшіе отношеніе къ его военнымъ, внѣшнимъ и внутреннимъ дѣламъ“ (такимъ образомъ, по этому существенному предмету Союзный Актъ не сдѣлалъ никакихъ постановленій); члены союза обязываются не только охранять цѣлость всей Германіи, но и защищать каждую изъ державъ, входящихъ въ составъ союза. На случай, если союзомъ будетъ объявлена война, — никто изъ его членовъ не можетъ вступать въ особенные переговоры съ непріятелемъ. Но всѣ они имѣютъ право образовывать союзы и заключать трактаты, лишь бы они не были противны безопасности всего Германскаго Союза или отдѣльныхъ его членовъ (подобная оговорка, очевидно, могла и должна была, на практикѣ, создать безчисленныя затрудненія). Что касается войнъ между нѣмецкими государствами, то онѣ были воспрещены. Въ случаѣ спора между двумя союзными правительствами, послѣднія обязаны представить возникшее несогласіе сейму, который будетъ стараться прекратить таковое „путемъ посредничества“; если же придется постановить судебный приговоръ, „то произнесеніе онаго сеймъ поручаетъ аустрегальному судилищу“. Такимъ образомъ, Союзъ не имѣетъ ни правильной судебной власти, ни верховнаго судилища; точно такъ же, конституція не опредѣляетъ ни судопроизводства, ни порядка исполненія рѣшеній аустрегальнаго суда.

Во второй части союзнаго договора, въ той статьѣ, которая относится до „верховныхъ судовъ“, прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что составители проекта не рѣшились установить въ Германіи „единаго судоговоренія“. „Во всѣхъ государствахъ Союза, читаемъ мы далѣе, будутъ учреждены собранія Земскихъ Чиновъ“; не говорится: „должны быть учреждены“, и не опредѣляется даже срока учрежденія, такъ что нѣкоторымъ правительствамъ предоставлено было право на неопредѣленное время отложить созваніе чиновъ. Нѣтъ также никакой рѣчи о „конституціи“, о „народномъ представительствѣ“, о раздѣленіи властей. Говорится только о „Земскихъ Чинахъ“, т.-е. о собраніяхъ, наполовину феодальныхъ и безъ опредѣленной компетенціи. Что касается правъ „медіатизированныхъ князей и непо-

средственно-имперскаго дворянства", то таковыя были обезпечены за ними Союзнымъ Актомъ, но въ такой формѣ, что они сводились къ однимъ только внѣшимъ почетнымъ отличіямъ и соціальнымъ привилегіямъ. Доходы, долговыя обязательства и пенсіи, признанные въ 1803 г. за лишенными своихъ владѣній князьями и членами Нѣмецкаго Ордена, были сохранены. Была также провозглашена гражданская и политическая свобода различныхъ „христіанскихъ" исповѣданій. Относительно евреевъ, Сеймъ обязанъ былъ выработать мѣры для утвержденія за ними „гражданскихъ правъ", но съ тѣмъ, чтобы и они „приняли на себя исполненіе всѣхъ обязанностей прочихъ гражданъ". Что касается, вообще, „правъ подданныхъ", то права эти ограничивались весьма незначительной сферой: германскіе граждане имѣютъ право покупать недвижимости на всемъ пространствѣ Германскаго Союза, безъ уплаты спеціальныхъ пошлинъ;—переселяться изъ одного государства въ другое;—поступать на службу отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ союза, впрочемъ, безъ нарушенія обязанности военной службы по отношенію къ своему родному государству;—вывозить свое имущество изъ одного государства въ другое, не платя особыхъ пошлинъ, „если только это не будетъ воспрещено обѣими державами, въ силу заключенныхъ между ними конвенцій" (послѣдняя оговорка отчасти уничтожаетъ позволеніе). Вотъ и все. Однако, необходимо добавить, что Союзный Актъ сулилъ еще „общія однообразныя узаконенія, относящіяся до книгопечатанія и до средствъ предохранить авторовъ и издателей отъ наносимаго имъ вреда перепечатываніемъ книгъ безъ ихъ согласія". Но гдѣ же была та „свобода печати", которой требовала вся нація? О ней постарались не обмолвиться ни единымъ словомъ. Гдѣ, наконецъ, было то единство таможеннаго и торговаго законодательства, котораго добивалась вся Германія и которое, позднѣе, должна была дать ей Пруссія? Союзныя государства только вскользь заявляютъ, что они „предполагаютъ", при первомъ собраніи сейма, поставить на обсужденіе „способы установить порядокъ судоходства и торговыхъ сношеній, на основаніи правилъ, принятыхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ". Да и этому скромному обѣщанію суждено было остаться мертвой буквой.

Таковъ знаменитый компромиссъ, создавшій „Германскій Союзъ". Нѣтъ нужды указывать тому, кто прочитаетъ Союзный Актъ, что его авторы, за исключеніемъ Австріи, принимали его какъ неизбѣжное зло. Что касается германскаго народа, не принимавшаго участія въ его составленіи, то эта без-

плодная конституція не могла ему внушить иного чувства, кромѣ желанія замѣнить ее договоромъ, болѣе соотвѣтствующимъ національнымъ стремленіямъ.

§ 12. Итакъ, конгрессъ окончился не совсѣмъ удачно. Но дѣлать было нечего: наступала война, событія надвигались, въ Бельгіи готовы были грянуть пушки,—дипломаты спѣшили разъѣхаться. Конгрессъ поторопился закончить свои работы подписаніемъ „Окончательнаго Акта 9-го іюня 1815 г.". Этотъ документъ, предназначенный быть основной хартіей Европы (сколько разъ потомъ нарушали эту хартію!), былъ составленъ, въ главныхъ чертахъ, Гентцомъ. Онъ имѣлъ форму общаго трактата, подписаннаго восемью державами, участвовавшими въ заключеніи Парижскаго договора; всѣ остальныя были приглашены „приступить".

Вѣнскій трактатъ былъ только простымъ воспроизведеніемъ тѣхъ основныхъ соглашеній, которыя были раньше выработаны отдѣльными державами и которыя мы излагали выше. Редакторъ, при составленіи означеннаго документа, соединялъ, такъ сказать, другъ съ другомъ принципіальныя постановленія, дѣлая, относительно деталей, ссылки на отдѣльные договоры, приложенные къ Окончательному Акту. Здѣсь мы вкратцѣ изложимъ главнѣйшіе результаты конгресса, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они были представлены на утвержденіе Европы.

Прежде всего, великое герцогство Варшавское уступается русскому императору, за исключеніемъ Торна и Познани, отошедшихъ къ Пруссіи [1]), Кракова, обращеннаго въ республику [2]), и восточной Галиціи, возвращенной Австріи (вмѣстѣ съ ней отошли также соляныя копи Велички, округа—Злочовъ, Бжецанъ, Тарнополь и Залещикъ). Александръ I можетъ установить для Польши по своему усмотрѣнію, автономное управленіе и территоріальное протяженіе. Поляки, подданные, соотвѣтственно, Россіи, Пруссіи и Австріи, получатъ національныя учрежденія [3]).

---

[1]) Съ территоріей, предназначенной соединить Силезію съ Пруссіей, въ собственномъ смыслѣ.

[2]) Подъ протекторатомъ и съ гарантіей трехъ сѣверныхъ дворовъ.

[3]) Австрійскій императоръ и прусскій король плохо исполнили это обязательство. Что-же касается русскаго императора, то онъ былъ вполнѣ корректенъ: онъ преобразовалъ свои провинціи въ особое царство и далъ ему, конституціей 27 ноября 1816 г., quasi-парламентскій режимъ; впрочемъ, на дѣлѣ поляки мало пользовались дарованными привилегіями и, нѣсколько лѣтъ спустя, совсѣмъ ихъ лишились.

Навигація объявлялась свободной по всѣмъ рѣкамъ и каналамъ древней Польши.

Королевство саксонское сохраняетъ свое существованіе, но двѣ пятыхъ его владѣній отходятъ къ Пруссіи (вся сѣверная часть, включая въ нее часть верхней Люзаціи, вся нижняя Люзація, избирательный Округъ съ графствомъ Барби, княжество кверфуртское, тюрингенскій округъ, часть округовъ Мерсебурга, Наумбургъ-Зейтца, Мисніи, Лейпцига, Мансфельда и Геннеберга саксонскихъ; въ общемъ, 20 т. кв. километровъ и 800 т. жителей).

Пруссіи возвращаются всѣ тѣ земли, которыми она владѣла въ 1806 г. [1]). Она пріобрѣтаетъ, кромѣ польскихъ и саксонскихъ провинцій, указанныхъ выше, Данцигъ, шведскую Померанію, большую часть Вестфаліи; кромѣ того, къ ней же отходитъ обширная и густо населенная территорія по лѣвому берегу Рейна, простирающаяся вплоть до предѣловъ Франціи и Нидерландовъ, въ томъ числѣ Кельнъ, Кобленцъ, Ахенъ, Триръ и т. д.

Прежнее курфюршество ганноверское, родовое владѣніе англійскаго короля, возстановляется и превращается въ королевство; къ нему прибавляются остъ-фрисландскіе, нѣсколько вестфальскихъ и гессенскихъ округовъ; отъ него отходитъ только Лауенбургъ, переданный Пруссіей Даніи, взамѣнъ отнятой у нея шведской Помераніи. Въ новомъ королевствѣ за Пруссіей обезпечены военныя дороги и особыя торгово-навигаціонныя привилегіи.

Прусская монархія увеличивается, кромѣ того, посредствомъ обмѣна территорій со многими мелкими государствами (Ольденбургъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, Саксенъ-Веймаръ и т. д.); она пріобрѣтаетъ, наконецъ, городъ Вецларъ и нѣсколько медіатизированныхъ владѣній.

Король баварскій получаетъ великое герцогство вюрцбургское и княжество ашафенбургское [2]). Князь-примасъ (прежде великій герцогъ Франкфуртскій) не получаетъ своихъ владѣній: ему будетъ дано денежное вознагражденіе. Городъ Франкфуртъ объявляется свободнымъ; но вопросъ о его конституціи будетъ рѣшенъ сеймомъ. Великій герцогъ гессенъ-дармштадскій полу-

[1]) Въ томъ числѣ, княжество невшательское и графство валенгинское. части швейцарскаго союза.

[2]) Это далеко не составляло всего того, что было обѣщано вѣнскимъ дворомъ въ 1814 г. Поэтому, король баварскій удерживалъ силой Зальцбургъ, Инфиртель и Гаурюкфиртель и отказывался ихъ возвратить до тѣхъ поръ, пока Австрія не дастъ какого-нибудь эквивалента. Онъ ихъ возвратилъ только въ 1816 г. по тому самому трактату, по которому Австрія уступила ему часть пріобрѣтеній на лѣвомъ берегу Рейна. Благодаря этому, королевство баварское образовало двѣ полосы, раздѣленныя между собой Вюртембергомъ и великимъ герцогствомъ баденскимъ.

чаетъ, на лѣвомъ берегу Рейна, Майнцъ и территорію съ населеніемъ въ 140 тысячъ; ландграфъ гессенъ-гомбургскій возстановляется въ своихъ владѣніяхъ. Наконецъ, прежніе департаменты Сарра, Монтъ-Тонэръ, Фульда и Франкфуртъ, въ большей своей части, предоставлены Австріи; въ ея же пользу медіатизировано княжество исембургское.

За этими территоріальными постановленіями слѣдуютъ 11 первыхъ статей германской союзной конституціи; содержаніе ихъ мы изложили выше.

Затѣмъ идутъ статьи относительно Нидерландовъ. Они получаютъ нѣкоторыя приращенія въ районѣ нижняго Мааса и Рейна; нидерландскій король, взамѣнъ своихъ нѣмецкихъ владѣній [1]), уступленныхъ Пруссіи, получаетъ—лично для себя—великое герцогство люксембургское. Это государство будетъ, впрочемъ, считаться членомъ германскаго Союза, и столица его будетъ считаться союзною крѣпостью.

Затѣмъ нѣсколько статей посвящено Швейцаріи, которая впредь будетъ состоять изъ 22 кантоновъ (три новыхъ: Женева, Валэ, Невшатель). Австрія и Сардинія уступаютъ ей нѣсколько мелкихъ земель; державы гарантируютъ финансовыя и другія соглашенія кантоновъ, а также неприкосновенность Швейцаріи и той конституціи, которую она выработаетъ по указаніямъ конгресса [2]).

Что касается Италіи, то король Сардинскій получаетъ обратно всѣ свои владѣнія, за исключеніемъ двухъ частей Савойи, уступленныхъ Швейцаріи и Франціи. Затѣмъ, онъ пріобрѣтаетъ императорскія ленныя владѣнія и Геную, со всѣми ея землями, подъ условіемъ сохраненія выговоренныхъ ею вольностей. Его наслѣдство будетъ переходить въ мужскомъ потомствѣ по нисходящей линіи, а если прекратится его родъ, перейдетъ къ савойско-кариньянскому дому [3]). Австрія получаетъ всѣ свои владѣнія 1805 г.

---

[1]) Зигенъ, Дицъ, Дилленбургъ, Гадамаръ.

[2]) Въ силу этой конституціи (принятой 7 авг. 1815 г.), Швейцарія, вмѣсто того чтобы сдѣлаться, какъ она того желала, союзнымъ государствомъ, стала лишь союзомъ 22 государствъ; каждое изъ нихъ было совершенно независимо, и только по вопросамъ иностранной политики, мира и внутренняго порядка они дѣйствовали сообща. Не было ни союзной арміи, ни центральнаго правительства. Каждый изъ кантоновъ—Бернъ, Цюрихъ и Люцернъ—по очереди, въ продолженіе 2-хъ лѣтъ являлся руководителемъ союзныхъ дѣлъ; столица такого кантона была мѣстомъ собранія сейма. Родовыя и кантональныя привилегіи были сохранены. Существованіе монастырей было гарантировано. Кантоны могли, какъ и прежде, доставлять иностраннымъ государствамъ наемниковъ. Кантоны удерживали свои прежнія конституціи (которыя, въ общемъ, были очень аристократичны) и т. д.

[3]) Викторъ-Эммануилъ I и его братъ, Карлъ-Феликсъ, были уже въ преклонномъ

и пріобрѣтаетъ на Адріатическомъ морѣ Рагузу [1]). Затѣмъ, кромѣ Венеціи, къ ней отойдетъ Ломбардія до Тессина и По, Вальтелина, Борміо и Кіавенна; послѣднія двѣ уступлены кантономъ Граубюнденъ. Австрія возвращаетъ папѣ Романью и тѣмъ возстановляетъ цѣлостность Церковной области. Эрцгерцогъ Францъ Эсте получаетъ обратно герцогства Модену, Реджіо и т. д., подлежащія возврату—въ извѣстныхъ случаяхъ—австрійскому дому. Императрица Марія-Луиза получаетъ Парму, Пьячченцу, Гвасталлу; порядокъ ихъ возврата будетъ опредѣленъ впослѣдствіи. Эрцгерцогъ Фердинандъ [2]) возвращается въ Тоскану, получаетъ Президы, Пьомбино, островъ Эльбу и пр. Ех-королева Этруріи получаетъ Лукку (которая впослѣдствіи можетъ отойти къ великому герцогу тосканскому) и пріобрѣтаетъ право на пенсію. Наконецъ, король Фердинандъ IV возстановляется въ Неаполѣ и признается королемъ Обѣихъ Сицилій.

Державы оканчиваютъ эту часть Акта обѣщаніемъ оказать свое посредничество въ спорѣ Франціи, Испаніи и Португаліи относительно Гвіаны и Оливенцы [3]).

Затѣмъ Вѣнскій конгрессъ санкціонируетъ постановленія, принятыя 24 марта относительно свободы судоходства по меж-

возрастѣ и не имѣли сыновей. Поэтому, восшествіе на престолъ молодого Карла-Альберта, главы савойско-кариньянскаго дома, казалось довольно близкимъ.

[1]) Въ XVIII вѣкѣ этотъ городъ былъ маленькой довольно цвѣтущей республикой. Наполеонъ овладѣлъ ею въ 1806 г. Въ 1815 г., несмотря на свои протесты, она не могла возвратить себѣ независимость.

[2]) Этотъ государь былъ братъ австрійскаго императора Франца I. Родился во Флоренціи 6 мая 1769 г., былъ дотированъ великимъ герцогствомъ тосканскимъ, когда его отецъ, Леопольдъ, сдѣлался германскимъ императоромъ (1790). Люневильскій трактатъ 1801 г. принудилъ его отдать Тоскану въ обмѣнъ за герцогство зальцбургское, которое оставалось за нимъ только четыре года По Пресбургскому трактату (1805) онъ получилъ, въ компенсацію, курфюршество вюрцбургское. Вѣнскій конгрессъ, наконецъ, возвратилъ ему Тоскану. Онъ умеръ во Флоренціи 8 іюня 1824 г.

[3]) Трактатъ 30 мая 1814 г. устанавливалъ, что Франція получитъ обратно французскую Гвіану, „какъ она была до 1-го января 1792 г.“. Но по этому вопросу между лисабонскимъ и парижскимъ дворами существовали несогласія, восходившія къ началу XVIII в. Въ самомъ дѣлѣ, Утрехтскій трактатъ (1713) устанавливаетъ границы французской Гвіаны до Ойапока или рѣки Винцентъ-Пэнсонъ. А между тѣмъ, эти два водныхъ пути очень различны и очень удалены другъ отъ друга. Спорная территорія заключалась между ними. Окончательный Актъ Вѣнскаго конгресса присуждаетъ (ст. 107) Португалію къ отдачѣ куска земли до Ойапока, между 4° и 5° сѣв. широты. Но и это постановленіе страдало неясностью. Пришлось еще вести новые переговоры, и только въ 1817 г. колонія была возвращена. Но и тогда вопросъ не былъ окончательно рѣшенъ, и споръ до сихъ поръ тянется между Франціей и Бразиліей (къ ней перешли права Португаліи). Оливенца была уступлена Португаліей Испаніи по Бадайоцскому трактату (1801); послѣдняя отказалась возвратить ее въ 1815 г. и владѣетъ ею до сихъ поръ.

дународнымъ рѣкамъ и объявляетъ, что всѣ детали будутъ разсмотрѣны и разрѣшены по справедливости комиссіями, назначенными прибрежными государствами; выработанные принципы будутъ примѣнены къ Рейну, Неккару, Мозелю, Шельдѣ и Маасу.

Актъ заканчивается подтвержденіемъ всѣхъ трактатовъ, конвенцій, регламентовъ и частныхъ актовъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ нему. Затѣмъ, конгрессъ приглашаетъ заинтересованныя державы присоединиться къ Акту и дѣлаетъ оговорку по поводу употребленія французскаго языка въ этомъ документѣ, — употребленія, не могущаго служить прецедентомъ.

§ 13. Такова была политическая схема, которою Вѣнскій конгрессъ хотѣлъ замѣнить въ Европѣ наполеоновскій режимъ. Не трудно указать, вслѣдствіе какихъ своихъ недостатковъ она не могла обезпечить длительнаго мира и равновѣсія.

Прежде всего, Франція должна была покориться тѣмъ болѣе тягостнымъ для нея условіямъ, что она, одна изъ всѣхъ великихъ державъ, возвращалась къ границамъ 1792 г. Всѣ ея враги увеличивали свои территоріи и, что всего обиднѣе, на ея счетъ; и при этомъ они полагали, что Франція не будетъ замѣчать своего униженія. Они подвергали ее самому строгому надзору и связывали ее, такъ сказать, и по рукамъ, и по ногамъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ она не преминула впослѣдствіи отплатить имъ за все это.

Своимъ собственнымъ отношеніямъ четыре великія державы также не дали прочной устойчивости. Читатель уже видѣлъ выше, какъ долго смущали всю Европу ихъ споры и взаимныя несогласія. Если, подъ конецъ конгресса, они и являлись почти что согласными, то это вызывалось необходимостью противопоставить Наполеону солидарность Европы; нѣкоторое время державы молчатъ о своихъ разногласіяхъ; этого, конечно, нельзя назвать единомысліемъ.

Англія оказываетъ давленіе на Францію посредствомъ Нидерландовъ, — на Германію посредствомъ Ганновера [1]). Она властвуетъ безъ соперниковъ на Индійскомъ и Атлантическомъ океанахъ; опираясь на Іоническіе острова (надъ ними она должна была въ скорости установить протекторатъ), на Мальту и на Гибралтаръ — она предписываетъ свои законы Средиземному морю. Испанія и Португалія находятся, почти-что, въ зависимости отъ нея; въ скоромъ времени, благодаря англійскому вліянію, ихъ

[1]) Личная унія Великобританіи съ Ганноверомъ (государство, подчиненное салическому закону) продолжалась до 1837 г., т.-е. до восшествія на престолъ королевы Викторіи.

обширныя колоніи должны эмансипироваться; а конгрессъ, чтобы избѣжать осложненій, даже и не касается этого вопроса.

Россія, черезъ Финляндію, грозитъ Швеціи; ея польскія владѣнія врѣзываются въ самое сердце Германіи; въ Австріи она организуетъ пропаганду панславизма; кромѣ того, она давитъ всей своей тяжестью на мелкіе германскіе дворы, слѣдующіе за царемъ и по политическимъ, и по родственнымъ соображеніямъ. Въ Бессарабіи Россія доходитъ до Дуная и, почти открыто, подготовляетъ паденіе Оттоманской Имперіи; Австрія, заинтересованная въ сохраненіи Турціи, тщетно старается, вмѣстѣ съ Англіей, поднять на конгрессѣ [1]) Восточный вопросъ. Царь отказывается гарантировать неприкосновенность того государства, гибель котораго входитъ въ его планы. Чтобы сохранить миръ, на этомъ не настаиваютъ. И подобная вредная слабость дѣлаетъ неизбѣжными тѣ Восточныя осложненія, которыя впослѣдствіи, три или четыре раза, потрясаютъ всю Европу и которыя до сихъ поръ способны возобновиться ежеминутно.

Австрія пріобрѣла двадцать восемь тысячъ квадр. километровъ территоріи и четыре милліона подданныхъ. Но, составленная изъ различныхъ элементовъ, она навсегда была лишена крѣпкой внутренней связи. Указанныя пріобрѣтенія даже ослабляли ее. Не говоря уже о Россіи и Пруссіи, которыя грозятъ ей на востокѣ и на сѣверѣ,—она въ собственныхъ своихъ предѣлахъ должна неусыпно слѣдить за упорствующими народностями (Венгрія, Чехія и др.), успѣшно борющимися противъ онѣмечиванія. Но, какъ бы забывая о всемъ этомъ, Австрія предъявляетъ новыя притязанія: на гегемонію въ Германіи и на господство въ Италіи. Меттернихъ, воображая себя ловкимъ политикомъ, добивается, чтобы Габсбурги, которымъ приходится такъ плохо у себя дома, были вершителями судебъ въ Миланѣ и Франкфуртѣ. Онъ приготовляетъ такимъ образомъ новыя революціонныя вспышки и дѣлаетъ возможными Сольферино и Садову.

Что касается возстановленной съ такимъ трудомъ Пруссіи, то, разорванная на два куска, она, прежде всего, стремится соединить свои разрозненныя части; въ силу этого, она является обреченной на политику милитаризма и захватовъ. То, что она беретъ, только освѣжаетъ ея силы и возбуждаетъ новые аппетиты. Въ Германіи она неустанно стремится вытѣснить Австрію, на Рейнѣ она мечтаетъ ослабить и унизить Францію.

---

[1]) Почти всякое письмо Гентца къ Валашскому господарю во время конгресса доказываетъ это.

Вѣнскій конгрессъ погрѣшилъ не только противъ предусмотрительности и мудрости, но еще и противъ законности, во имя которой онъ собрался. Короли и народы были одинаково возмущены тѣми гнусными насиліями, которыя позволило себѣ это верховное судилище,—насиліями, нашедшими впослѣдствіи такъ много подражателей среди мало добросовѣстныхъ правительствъ. Несправедливость, учиненная въ 1815 г. съ королемъ саксонскимъ, была предвѣстницей еще болѣе крутыхъ мѣръ, принятыхъ въ 1866 г. по отношенію къ королю ганноверскому и другимъ государямъ. Если нарушили права Даніи въ 1814 г., то почему было не нарушить ихъ и въ 1864 г.? Что касается народностей, то стоитъ вспомнить бельгійцевъ, обреченныхъ въ жертву Голландіи; Геную, отданную Пьемонту; Венецію, Рагузу, проданныя Австріи; поляковъ, подѣленныхъ, какъ стадо барановъ; Италію, связанную по рукамъ и ногамъ; Германію, цинично обманутую; Грецію [1]), презрительно отвергнутую;—стоитъ вспомнить, сколько народовъ было оскорблено въ своемъ національномъ чувствѣ и сколько грядущихъ переворотовъ было подготовлено въ Вѣнѣ. Думаю, что труды вѣнскаго конгресса, несмотря на добрыя намѣренія ихъ авторовъ, заслуживаютъ строгаго осужденія. Дипломаты 1815 года въ 12 мѣсяцевъ создали для Европы дурные законы; а чтобы искоренить то зло, которое они при этомъ посѣяли, понадобилось впослѣдствіи цѣлое столѣтіе [2]).

---

[1]) Греки, уже созрѣвшіе для свободы, пытались обратить вниманіе вѣнскаго конгресса на ихъ участь. Они имѣли при царѣ покровителей, готовыхъ оказать имъ всяческую услугу: царицу, братьевъ Ипсиланти и, въ особенности, министра Каподистріа; послѣдній, черезъ Антимоса Газиса и другихъ посредниковъ, поддерживалъ сношенія съ греками. Александръ Стурдза представилъ русскому императору докладную записку о греческомъ возстаніи; послѣдній принялъ ее благосклонно. Но Австрія и Англія ни за что не хотѣли допустить на конгрессѣ обсужденія греческаго вопроса.

[2]) Нужно замѣтить, что державы, подписавшія окончательный Актъ, совершенно не гарантировали своихъ постановленій. Австрія хотѣла, было, этого; ея уполномоченные постоянно настаивали на необходимости „обезпечить безопасность и права каждаго государя, не взирая на величину его владѣній. Безъ этого, говорилъ Гентцъ, не было никакого смысла предпочитать общій договоръ частнымъ соглашеніямъ". Оппозиція Англіи и Россіи помѣшала Австріи провести свой планъ. Гентцъ не скрываетъ въ письмахъ своего недовольства окончательнымъ Актомъ. По его мнѣнію, это было только временное соглашеніе. „Трактатъ полонъ многихъ недостатковъ и недосмотровъ; въ немъ преобладаютъ детали и отрывочныя замѣчанія. Весь трудъ имѣетъ характеръ чего-то временнаго, а не вѣчнаго, какъ оно должно было быть. Однако... сколько трудныхъ деталей, сколько неразрѣшимыхъ вопросовъ, сколько спорныхъ желаній теперь разрѣшено и удовлетворено къ общему согласію. Ничто не мѣшаетъ европейскимъ кабинетамъ впослѣдствіи построить болѣе грандіозное зданіе на той почвѣ, которую расчистилъ трактатъ".

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Священный Союзъ [1]).

§ 1. Наполеонъ на островѣ св. Елены.—§ 2. Людовикъ XVIII въ Тюильри.—§ 3. Разоруженіе и разореніе Франціи.—§ 4. Союзъ 4-хъ великихъ державъ и тайные переговоры.—§ 5. Таллейранъ, Ришелье и конвенція 2-го октября.—§ 6. Императоръ Александръ I и Священный Союзъ.—§ 7. Трактаты 20 ноября 1815 года.

(1815)

§ 1. Трактатъ 25 марта 1815 года возстановилъ и укрѣпилъ европейскую тетрархію, разстроившуюся, было, благодаря политикѣ Людовика XVIII и Таллейрана. Заключительный Актъ 9-го іюня, разрѣшавшій—хорошо ли, дурно ли—наиболѣе жгу-

[1]) Источники: Angeberg (графъ) Le Congrès de Vienne et les Traités de 1815, t. II;—Castlereagh (лордъ), Correspondence of Robert, second marquis of Londonderry;—Crétineau-Joly, Histoire des traités de 1815 et leur exécution;—Gentz (F.), Dépêches inédites aux hospodars de Valachie, t. I;—Gervinus, Histoire du XIX-e siècle, t. I et II;—Gagern (баронъ), La Seconde paix de Paris;—Hardenberg (князь), Mémoires;—Hyde de Neuville, Mémoires;—Lytton Bulwer, Essai sur Talleyrand;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. I et II;—Müffling (генералъ), Mémoires;—Rambaud, Le Duc de Richelieu en Russie et en France (Revue des Deux Mondes, 1-er décembre 1887);—Rochechouart (графъ), Souvenirs;—Sorel (Albert), Le Traité de Paris du 20 novembre 1815;—Thiers, Histoire de l'empire (éd. in-4°), t. IV;—Vaulabelle (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. II et III;—Viel-Castel (баронъ), Histoire de la Restauration, t. III et IV;—„Lord Castlereagh et la Politique extérieure de l'Angleterre de 1812 à 1822" (Revue des Deux Mondes, 1-er juin 1854);—Villemain, Les Cent-Jours;—Vitrolles, Mémoires, t. III;—Wellington (лордъ), Supplementary dispatches; etc.

чіе политическіе вопросы момента, вновь поставилъ Францію внѣ концерта европейскихъ державъ, надолго отнявъ у нея всякую возможность вмѣшиваться въ дѣла тетрарховъ. Вскорѣ, благодаря рѣшительной побѣдѣ при Ватерлоо, союзники оказались въ состояніи во второй разъ диктовать свои условія Франціи и заручиться по отношенію къ ней новыми—признанными ими необходимыми—гарантіями. Какъ первую изъ такихъ гарантій, коалиція потребовала низложенія Наполеона, дабы отнять на будущее время у него и у его семьи всякую возможность тревожить спокойствіе Европы. Въ этомъ отношеніи, задача союзниковъ оказалась очень легкою, такъ какъ, въ значительной части, она была выполнена самими французами. Едва Наполеонъ вернулся въ Парижъ съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи, какъ онъ принужденъ былъ отречься отъ престола: въ противномъ случаѣ ему, все равно, грозило бы низложеніе. Представители народа не сумѣли понять того, что въ этотъ моментъ невозможно было сводить счеты съ императоромъ, каковы бы ни были его ошибки и преступленія;—не сумѣли понять и того, что въ этотъ моментъ единственнымъ средствомъ для борьбы съ иноземнымъ вторженіемъ и новыми требованіями враговъ, могло быть только оставленіе Наполеона во главѣ нашей арміи. Палата представителей, подъ вліяніемъ Лафайета, объявила его лишеннымъ престола. Палата пэровъ, несмотря на то, что Наполеонъ имѣлъ въ ея составѣ многочисленныхъ друзей, не поддержала его. Спустя четыре дня послѣ Ватерлоо, Наполеона уже не было на французскомъ тронѣ; съ Наполеономъ же II, его сыномъ, объявленнымъ наслѣдникомъ императора, никто серьезно не считался ни во Франціи, ни за границей. Исполнительная комиссія, образованная 22 іюня (во главѣ ея находился Фуше) [1], обязала Наполеона оставить Парижъ 25 іюня. А 29 числа того же мѣсяца комиссія выслала императора изъ Мальмезона, куда онъ сначала удалился, и отправила его въ Рошфоръ, съ цѣлью помѣшать непріятелю, находившемуся недалеко отъ столицы, захватить его въ свои руки, а равно и съ цѣлью предупредить всякую новую попытку императора встать во главѣ войскъ [2]). Комиссія надѣялась, что

[1]) Онъ былъ президентомъ комиссіи. Другіе члены этой комиссіи были: Карно, Кинеттъ, Коленкуръ и генералъ Гренье.

[2]) Наполеонъ, находясь уже въ Мальмезонѣ просилъ назначенія его главнокомандующимъ французской арміи, съ титуломъ генерала, единственно съ цѣлью отраженія враговъ, обѣщая сейчасъ послѣ побѣды сложить съ себя всѣ полномочія. Но понятно, что Фуше не могъ не отнестись скептически къ предложенію, исходившему отъ такого человѣка.

изъ Рошфора Наполеонъ свободно сумѣетъ перебраться въ Америку или въ иное безопасное мѣсто. Но коалиція уже не довольствовалась однимъ только устраненіемъ Наполеона отъ власти; она желала во что бы то ни стало захватить его самого, дабы держать его впредь подъ вѣрной охраной. Это намѣреніе союзниковъ было хорошо всѣмъ извѣстно; Наполеонъ также не могъ его не знать. Если впослѣдствіи онъ протестовалъ противъ измѣны и вѣроломства,—упрекалъ Англію въ томъ, что она захватила его въ свою ловушку и, такимъ образомъ, способствовалъ созданію легенды, существующей и по сію пору, то безпристрастная исторія должна возстановить истину. А истина заключалась въ томъ, что на первую же просьбу исполнительной комиссіи о заключеніи перемирія, главнокомандующіе великой коалиціи потребовали (25 іюня) выдачи имъ Наполеона въ качествѣ военноплѣннаго. То же самое требованіе, но въ болѣе торжественной и внушительной формѣ, было выражено представителями союзныхъ государей [1]) въ нотѣ 1-го іюля, кончавшейся слѣдующими словами: „Три державы [2]) считаютъ существеннымъ условіемъ мира и истиннаго спокойствія какъ Франціи, такъ и всей Европы,—совершенное устраненіе Наполеона отъ власти; въ виду событій, происшедшихъ въ мартѣ текущаго года, державы вынуждены потребовать выдачи имъ Наполеона для подчиненія его ихъ исключительному надзору“. Не могло быть, поэтому, ни малѣйшаго сомнѣнія относительно участи, ожидавшей великаго побѣжденнаго, если бы союзникамъ удалось захватить его въ свои руки. Въ этомъ отношеніи, коалиція не проявила ни малѣйшихъ колебаній, когда Наполеонъ, покоряясь злосчастной судьбѣ, самъ отдался въ руки англичанъ (15 іюля). Согласно протоколу 28 іюля, обращенному 2 августа слѣдующаго мѣсяца въ формальный договоръ, четверо союзниковъ рѣшили: во-первыхъ, считать экс-императора военноплѣннымъ; во-вторыхъ, поручить спеціальный надзоръ за нимъ британскому правительству; въ-третьихъ, содержать каждой изъ 4-хъ державъ своего комиссара въ мѣстѣ, назначенномъ для водворенія Наполеона; и въ-четвертыхъ, пригласить французское правительство также прислать своего представителя. И вотъ, въ силу этого рѣшенія, Наполеонъ, съ которымъ обращались безцеремонно, но вовсе не вѣроломно, былъ отвезенъ на островъ св. Елены. Тамъ онъ находился подъ об-

[1]) Вальмоденъ. Каподистріа и Кнесебекъ.
[2]) Австрія, Россія и Пруссія.

щимъ надзоромъ агентовъ Австріи, Великобританіи, Пруссіи, Россіи и Франціи. Что же касается его родственниковъ, то ихъ, какъ людей менѣе опасныхъ, не сочли нужнымъ высылать слишкомъ далеко; согласно протоколу 27 августа [1]), союзники приняли мѣры къ тому, чтобы эти родственники были помѣщены въ различныхъ государствахъ, подъ отвѣтственностью мѣстныхъ правительствъ и подъ надзоромъ всей коалиціи.

§ 2. Если, на слѣдующій день послѣ Ватерлоо, союзники были вполнѣ согласны между собою относительно участи Наполеона, то не менѣе они были согласны и относительно плана замѣны императорскаго правительства во Франціи. Одни лишь наивные люди могли повѣрить заявленіямъ союзниковъ о томъ, будто они не желаютъ идти наперекоръ французскому общественному мнѣнію. Коалиція не собиралась вести переговоровъ ни съ Наполеономъ II, ни съ герцогомъ орлеанскимъ. Президентъ исполнительной комиссіи, Фуше, прекрасно это понималъ. Хотя онъ и говорилъ громкія фразы о національной независимости и о необходимости требовать гарантій,—однако, уже съ момента вступленія въ должность президента, онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми агентами Людовика XVIII, твердо рѣшивъ продать себя, впрочемъ, возможно дороже. И дѣйствительно, коалиція не желала видѣть французскимъ королемъ никого иного, кромѣ Людовика XVIII. Посланные къ союзнымъ государямъ представители временнаго правительства напрасно выставляли имена другихъ кандидатовъ, увѣряя, что Франція не желаетъ Бурбоновъ. На эти заявленія никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Коалиція даже отказалась войти въ переговоры съ правительствомъ, которое не считалось законнымъ; и Веллингтонъ, довѣренное лицо коалиціи, нѣсколько разъ, въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца, высказалъ—и оффиціальнымъ представителямъ комиссіи, и личнымъ агентамъ Фуше—то мнѣніе, что единственнымъ рѣшеніемъ, мыслимымъ при данныхъ обстоятельствахъ, могло бы быть немедленное и безусловное возстановленіе правъ Людовика XVIII, такъ какъ союзныя державы не потерпятъ другихъ кандидатовъ. Его рѣчи, къ тому же, стали дѣлаться все болѣе и болѣе категоричными, по мѣрѣ того, какъ англо-

[1]) Въ силу этого акта, которому суждено было быть выполненнымъ только на половину, Жеромъ долженъ былъ быть помѣщенъ въ Вюртембергѣ, Люсьенъ—въ Римской области, Іосифъ и его семейство—въ Россіи, Мюратъ съ семействомъ—въ Австріи, ех-королева Гортензія—въ Швейцаріи, „подъ надзоромъ 4-хъ дворовъ и Его Величества Христіаннѣйшаго короля“.

прусскія войска стали проникать въ глубь нашей страны и приближаться къ Парижу. Людовикъ же XVIII возвращался слѣдомъ за побѣдителями и подвигался впередъ одновременно съ ними.

Когда союзныя войска появились подъ стѣнами Парижа, Веллингтонъ заговорилъ такъ ясно, какъ никогда: „Я полагаю,—объявилъ онъ посланнымъ Фуше,—что, разъ союзники признали правительство Наполеона незаконной узурпаціей,—всякая власть, проистекающая отъ него, должна также считаться несуществующей и незаконной. Такимъ образомъ, Палатамъ и временной коммиссіи остается только подать немедленно въ отставку и объявить, что они взяли на себя власть и отвѣтственность, съ единственною цѣлью сохранить общественное спокойствіе и цѣлость королевства Людовика XVIII". Впрочемъ, англійскій генералъ соглашался гарантировать, что вновь возстановленный король возьметъ герцога Отрантскаго въ министры полиціи. Такого заявленія было достаточно для того, чтобы Фуше совершилъ еще одну измѣну.

Но если союзники согласны были возвести Людовика XVIII на французскій тронъ, то, все-таки, они не упустили случая заручиться по отношенію къ нему такими предосторожностями и гарантіями, которыя должны были надолго сдѣлать его послушнымъ исполнителемъ ихъ требованій.

И прежде всего, коалиція навязала королю министерство съ продиктованной ею программой, такъ какъ для союзниковъ было весьма важно, чтобы Людовикъ XVIII далъ французскому народу—какъ составомъ своего кабинета, такъ и своими политическими заявленіями—нѣкоторое удовлетвореніе и тѣмъ обезпечилъ за возстановленнымъ трономъ хоть какіе-нибудь шансы на болѣе или менѣе продолжительное существованіе. Таллейранъ, въ виду своего революціонернаго прошлаго и двусмысленнаго поведенія въ послѣдніе дни конгресса, не внушалъ Людовику XVIII ни симпатіи, ни большого довѣрія. Его ненавидѣли и принцы [1]), и вся партія крайнихъ роялистовъ, представителемъ которыхъ въ министерствѣ былъ, до того времени, противникъ Таллейрана, Блакасъ. Наконецъ, надменныя замашки, тонъ человѣка, считающаго себя незамѣнимымъ, канцлерскія манеры, усвоенныя имъ съ нѣкотораго времени [2]),—до такой степени надоѣли ко-

[1]) А именно графъ д'Артуа и его два сына, герцогъ Ангулемскій и герцогъ Беррійскій. Таллейранъ неоднократно порицалъ ихъ политическія симпатіи и старался побороть ихъ вліяніе.

[2]) Незадолго передъ тѣмъ, Таллейранъ обратился къ королю съ длиннымъ письмомъ, въ которомъ онъ съ рѣзкостью отмѣчалъ ошибки, совершонныя прави-

ролю, что онъ при первомъ свиданіи съ Таллейраномъ (въ Монсѣ, 23 іюня) не только не поручилъ ему президентства въ новомъ кабинетѣ, но даже предложилъ,—сухо и не безъ ироніи,—подать въ отставку. Но 24 часа спустя все измѣнилось. Въ этотъ періодъ времени, Веллингтонъ успѣлъ свидѣться съ Людовикомъ XVIII. Результатомъ его разговора съ королемъ было то, что Таллейранъ, приглашенный въ Камбрэ, получилъ полное удовлетвореніе: постъ перваго министра, отставку Блакаса и королевскую прокламацію, долженствовавшую успокоить Францію. Выраженія, въ которыхъ была составлена эта прокламація, вѣроятно, должны были показаться потомку Людовика XIV удивительно скромными. Восходя на престолъ, король признавалъ, что онъ долженъ былъ надѣлать ошибокъ и что онъ ихъ, дѣйствительно, надѣлалъ;—объявлялъ, что онъ соглашается на все то, что будетъ служить для блага Франціи;—допускалъ, что легитимитетъ вовсе не исключаетъ возможности свободы, но свободы разумной и здравой;—давалъ обѣщанія, что Хартія будетъ сохранена, и что нація найдетъ новыя гарантіи какъ въ единствѣ и солидарности министерства, такъ и въ честной и спокойной дѣятельности совѣта. Далѣе, Людовикъ XVIII торжественно подтверждалъ, что ни десятинные сборы, ни феодальное право не будутъ возстановлены, и что лица, купившія національныя имущества, сохранятъ свое право собственности на нихъ. Затѣмъ, король давалъ амнистію всѣмъ своимъ подданнымъ, возставшимъ противъ него послѣ 23 марта [1]), впрочемъ, не распространяя ее на лицъ, принявшихъ сторону узурпатора до этого дня; дѣйствія этихъ послѣднихъ должны были подлежать всей строгости закона. Для Союзниковъ, и особенно для англичанъ, было весьма важно, чтобы Людовикъ XVIII имѣлъ такого министра, съ которымъ можно было бы легко сговориться о заключеніи мира; кромѣ того, они желали, чтобы главная масса націи смотрѣла на возвращеніе короля безъ отвращенія и безъ страха; но, несмотря на это, они считали мудрымъ, какъ увидимъ ниже, запугать на нѣсколькихъ громкихъ примѣрахъ и надолго оттѣснить на второй планъ партію Революціи и Имперіи.

Впрочемъ, назначеніе Таллейрана и прокламація, подписанная въ Камбрэ, были, по мнѣнію Союзниковъ, лишь нравствен-

тельствомъ Реставраціи, просилъ образованія новаго министерства, совершенно однороднаго, конституціоннаго и свободнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, и требовалъ отставки Блакаса.

[1]) День, когда король покинулъ французскую территорію и тѣмъ какъ бы освободилъ своихъ подданныхъ отъ присяги.

чыми гарантіями. Имъ нужны были еще и матеріальныя гарантіи. А Пруссія удовольствовалась бы и однѣми послѣдними, такъ какъ она, нисколько не интересуясь ни Людовикомъ XVIII, ни устойчивостью нашего правительства, думала только о томъ, какъ бы полегче разорить и раздробить Францію. Коалиція соглашалась возстановить Людовика XVIII на престолѣ, но она желала обезпечить себя въ томъ, что онъ не уклонится отъ исполненія предложенныхъ ему мирныхъ условій. Поэтому, возводя его на тронъ, она скомбинировала всѣ тѣ средства, которыя должны были поставить его въ совершенную невозможность противиться коалиціи.

Прежде всего, Союзники настояли на занятіи Парижа военной силой, прекрасно понимая, что, владѣя столицей, они будутъ держать въ рукахъ всю Францію. Въ распоряженіи исполнительной коммиссіи оставалось 100.000 человѣкъ хорошаго войска. Она, однако, сочла безполезнымъ защищать столицу. Военною конвенціей 3 іюля, она обязалась удалить французскую армію за Луару и предоставить англо-прусскимъ войскамъ занять столицу съ 4 по 6 іюля. Этого потребовали Веллингтонъ и Блюхеръ. Фуше сдался на всѣ условія; этою цѣною онъ добился мѣста въ министерствѣ Таллейрана. 7-го іюля исполнительная коммиссія и Палаты были распущены; а на слѣдующій день, Людовикъ XVIII, эскортируемый иностранными войсками, совершалъ свой печальный въѣздъ въ Тюильри скорѣе какъ плѣнникъ, чѣмъ какъ монархъ.

§ 3. Казалось бы, что Союзники, заинтересованные въ скорѣйшемъ возвращеніи домой, должны были тотчасъ начать переговоры о мирѣ. А между тѣмъ, въ теченіе почти двухъ съ половиною мѣсяцевъ, они ничѣмъ не выказали даже и желанія вступить въ переговоры съ новымъ французскимъ правительствомъ.

Это промедленіе объясняется, съ одной стороны, тѣмъ ужасомъ, который все еще внушала имъ Франція, даже побѣжденная и покорная, а съ другой стороны—тѣми мѣрами предосторожности, которыя предпринимали Союзники для того, чтобы довести ее до абсолютной невозможности сопротивляться ихъ волѣ. Въ рукахъ коалиціи находились наши сѣверные и восточные департаменты, а также и Парижъ; это ужъ былъ порядочный залогъ. Но, все-таки, она не считала себя хозяиномъ положенія до тѣхъ поръ, пока находилась на военномъ положеніи

луарская армія, и пока защищались [1]) нѣкоторыя крѣпости Эльзаса, Лотарингіи и Фландріи, не желавшія открыть непріятелю ворота. Поэтому, она потребовала, чтобы до начала переговоровъ, приказомъ короля, были распущены всѣ оставшіяся у Франціи войска, за исключеніемъ національной гвардіи и жандармеріи, по скольку она была необходима для полицейскихъ надобностей. Людовикъ XVIII и его министры попробовали, было, сдѣлать нѣсколько возраженій. Министры коалиціи заявили, что если ихъ требованіе не будетъ исполнено, триста тысячъ человѣкъ немедленно двинутся къ Луарѣ. Продолженіе войны при подобныхъ условіяхъ грозило Франціи гибелью. Король уступилъ. Приказъ о распущеніи войскъ былъ подписанъ 16 іюля. Но для приведенія его въ исполненіе нужно было употребить большія мѣры предосторожности и даже хитрость. Тѣ сто тысячъ человѣкъ, которые только что передъ тѣмъ покинули Парижъ, имѣли одно желаніе: сражаться. И поэтому, трудно было приступить къ ихъ разоруженію, пока они были сплочены въ одно цѣлое. Маршалъ Даву, командовавшій этимъ войскомъ, и маршалъ Макдональдъ, занявшій его мѣсто, принуждены были начать раскассированіе корпусовъ, дивизій и бригадъ, подъ предлогомъ уменьшенія тѣсноты въ лагерныхъ помѣщеніяхъ. Мало-по-малу, разъединены были батальоны и роты,—и луарскіе разбойники были разосланы маленькими группами по домамъ. Эта операція продолжалась почти шесть недѣль. Съ другой стороны, были распущены гарнизоны осажденныхъ городовъ, успѣшно продержавшіеся одни до начала, другіе—до конца августа.

Къ этому времени Франція была, наконецъ, совершенно обезоружена.

У нея не было больше войска. Но у нея оставались еще ея славные военачальники. Коалиція рѣшила уничтожить ихъ. Веллингтонъ не устыдился предать въ руки мстительныхъ роялистовъ тѣхъ людей, которые еще вчера честно сражались съ нимъ въ открытомъ бою. У Людовика XVIII не хватило ни достаточно великодушія, ни достаточно смѣлости для того, чтобы защитить этихъ людей. Хотя послѣдніе и находились во вражескомъ лагерѣ, но, все-таки, они должны были быть для него неприкосновенными потому, что они составляли гордость, надежду и оплотъ Франціи. Ней, Дрюо, Клозель, и многіе другіе были помѣщены, 24 іюля, въ тотъ списокъ опальныхъ, котораго ва-

[1]) Крѣпость Гюннингенъ, съ геройствомъ защищаемая Барбанегромъ, сдалась только 26 августа, послѣ нѣсколькихъ дней бомбардировки.

терлооскіе побѣдители не должны были составлять, а потомокъ Генриха IV не долженъ былъ подписывать [1]).

Одновременно съ тѣмъ, какъ наши послѣднія войска покидали свои лагерныя расположенія, союзники со всѣхъ сторонъ наводняли нашу беззащитную страну своими арміями, наврядъ ли, въ этотъ моментъ, уже нужными. Коалиціи казалось, что у нея никогда не будетъ достаточно войска для полнаго господства надъ націей, хотя и обезоруженной, но все еще опасной, если судить по ея послѣднимъ конвульсіямъ. Поэтому, еще долгіе мѣсяцы послѣ Ватерлоо, можно было видѣть, какъ войска великой коалиціи тянулись къ Альпамъ и къ Рейну, переходили наши границы и затѣмъ занимали наши департаменты, увеличивая собою и безъ того значительное количество своихъ товарищей. Къ срединѣ августа во Франціи насчитывалось 1.350.000 человѣкъ иностранныхъ войскъ. А въ концѣ этого мѣсяца прибыли еще новые полки. Даже испанскій король, связанный узами родства съ Людовикомъ XVIII и не принимавшій никакого участія въ войнѣ, —и тотъ пожелалъ присоединиться къ этой общей погонѣ за добычей: онъ также послалъ отрядъ занять Руссильонъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, французскій король возмутился и погрозилъ оказать сопротивленіе. У союзниковъ (трепетавшихъ при одной мысли о возможности возстановленія луарской арміи) хватило стыда согласиться съ королемъ: они запретили Фердинанду VII посылать войска черезъ Пиренеи.

Союзники рѣшили, прежде чѣмъ открыть переговоры о мирѣ, не только оккупировать Францію, но еще и подвергнуть ее серьезному опустошенію. Послѣ Ватерлоо, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, они, просто напросто, грабили нашу страну, замѣщая нашихъ префектовъ военными губернаторами, захватывая общественныя кассы и налагая произвольныя реквизиціи какъ на частныхъ лицъ, такъ и на города. Только 24 іюля они согласились установить демаркаціонную линію и возстановить въ занятыхъ департаментахъ гражданскую власть. Тѣмъ не менѣе, они продолжали свои поборы, и, въ началѣ августа, весьма откровенно заявили французскому министерству, что ранѣе какихъ бы то ни было предложеній относительно заключенія мира, имъ должна быть гарантирована, путемъ прелиминарнаго согла-

[1]) Въ первомъ изъ этихъ списковъ были помѣщены имена 19 доблестныхъ слугъ революціи и имперіи; ихъ отдали подъ судъ (военный) и затѣмъ приговорили къ смерти. Во второмъ спискѣ находились имена другихъ 38 лицъ, подлежавшихъ заключенію въ тюрьму, гдѣ они должны были находиться въ распоряженіи властей, впредь до окончательнаго рѣшенія ихъ участи.

шенія, уплата 50 милліоновъ франковъ, т.-е. жалованія войскамъ, съ 15 іюля по 15 сентября. Пришлось согласиться на это требованіе, и указанная сумма была имъ обѣщана договоромъ, подписаннымъ 10 августа. Но когда наступилъ первый срокъ платежа (25 августа), французское министерство должно было сознаться въ своемъ безсиліи. Вопреки всѣмъ состоявшимся соглашеніямъ, генералы коалиціи продолжали взимать подати за счетъ своихъ государей. Двѣ трети Франціи находились во власти непріятелей, и ничего не платили королю. Остальная часть находилась въ состояніи полной анархіи. На всѣ требованія правительства французы отвѣчали непреодолимою инертностью. Вотъ что писалъ Таллейранъ въ своей запискѣ, предназначавшейся для представителей тетрархіи: „Какъ можетъ народъ смотрѣть безъ опасенія на свое будущее, и какъ можетъ онъ довѣрять королевскому правительству, если поведеніе союзныхъ генераловъ вызываетъ у него столь серьезныя сомнѣнія относительно истинныхъ намѣреній державъ;... если иностранныя арміи, оффиціально признанныя королемъ какъ союзныя и даже какъ дружественныя, — теперь становятся къ французскому народу въ прямо-противоположныя отношенія; когда народъ не испытываетъ никакого облегченія, а наоборотъ, изнываетъ подъ тяжестью нисколько не уменьшающихся налоговъ военнаго времени?.. Какъ можетъ королевское министерство нормально отправлять свои обязанности, если его переписка систематически перехватывается? При помощи какихъ средствъ можетъ оно заставить уважать попранный державами королевскій авторитетъ? Какъ успокоить взволнованныя страсти, если населеніе все болѣе и болѣе разжигается страданіями? Какъ внушить народу довѣріе, если нѣтъ возможности давать обѣщаній, не боясь невозможности исполнить ихъ?“

Союзниковъ мало тронули эти краснорѣчивыя сѣтованія. Наоборотъ, уже въ концѣ августа, они потребовали, сверхъ обѣщанныхъ 50 милліоновъ, еще 186.200.000 франковъ, на снабженіе, экипировку и ремонтъ оккупаціонныхъ войскъ. Министръ финансовъ, баронъ Луи, тщетно протестовалъ. Необходимо было кончить. Согласно договору 7 сентября, союзныя державы получили все то, чего онѣ требовали; для обезпеченія первыхъ уплатъ, слѣдовавшихъ по договору, король, путемъ декрета, въ отсутствіе Палатъ (т.-е. совершенно незаконно) приказалъ сдѣлать принудительный заемъ въ 100 милліоновъ франковъ. А союзники въ это время требовали отъ Франціи больше чѣмъ денегъ: требовали возвращенія тѣхъ произведеній искусства, которыя во множествѣ были собраны въ Луврскомъ музеѣ за 20 лѣтъ счастли-

выхъ войнъ, закрѣплены за Франціей путемъ трактатовъ и оставлены въ ея владѣніи въ 1814 году (нота Кастльри, 11 сентября). Тщетно Таллейранъ доказывалъ, что такое требованіе является вопіющимъ насиліемъ, и что оно задѣнетъ самолюбіе націи сильнѣе всѣхъ другихъ оскорбленій [1]). Веллингтонъ приказалъ своимъ солдатамъ силою взять эти сокровища, составлявшія гордость Франціи, и свое поведеніе онъ объяснилъ въ письмѣ, ясно обрисовывающемъ отношеніе коалиціи къ нашей странѣ: „... Нѣтъ основанія быть снисходительными къ французскому народу; его чувствительность—не что иное, какъ уязвленное тщеславіе. Кромѣ того желательно, со многихъ различныхъ точекъ зрѣнія—въ интересахъ и Франціи, и остальныхъ государствъ — выяснить французскому народу, кажется, забывшему это обстоятельство, что Европа сильнѣе его, а равно и напомнить ему, что ... день возмездія долженъ наступить. Итакъ, по моему мнѣнію, не только было бы несправедливо со стороны государей поощрять французскій народъ за счетъ своихъ подданныхъ, но еще и неполитично было бы принести такую жертву: въ этомъ случаѣ, они лишились бы удобнаго момента преподать французской націи великій нравственный урокъ...“ [2]).

§ 4. Одновременно съ тѣмъ, какъ Веллингтонъ писалъ эти строки, тетрархи рѣшили, наконецъ, открыть переговоры о мирѣ съ возстановленнымъ ими на тронѣ государемъ. Руководители коалиціи не могли до безконечности затягивать свое пребываніе въ Парижѣ, не только потому, что ихъ призывали домой собственныя дѣла, но, главнымъ образомъ, потому, что они боялись (и не безъ основанія), какъ бы ихъ войска, находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ французскимъ народонаселеніемъ, не заразились опасными революціонными идеями. Они считались также и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что народъ, доведенный до крайности притѣсненіями побѣдителей, могъ, въ концѣ концовъ, потерять терпѣніе, возстать и тѣмъ вызвать гибельный для всей Европы кризисъ. А что терпѣніе французскаго народа не безгранично, то это для нихъ было ясно изъ сообщеннаго имъ доклада Фуше. Этотъ докладъ предназначался, собственно, для короля, но въ началѣ сентября былъ (повидимому, намѣренно) разглашенъ. Въ немъ министръ полиціи писалъ: „Тотъ день, когда граждане потеряютъ все свое имущество, и когда ихъ

[1]) Нота 19 сентября.

[2]) Письмо къ лорду Кастльри, 23 сентября 1815 г.

разоренie будетъ окончательнымъ, — можно будетъ считать началомъ новаго порядка вещей, потому что тогда не будетъ ни властей, ни повиновенiя; слѣпая ярость займетъ мѣсто покорности; одно только отчаянie будетъ руководить дѣйствiями народа; съ обѣихъ сторонъ начнется опустошенie; грабежъ явится войной противъ грабежа; каждый шагъ иностранныхъ солдатъ обагрится кровью; для Францiи тогда будетъ менѣе позорно — погубить самоё себя, чѣмъ дозволить иностраннымъ полчищамъ разорить ея территорiю... Народъ въ 30 миллiоновъ можетъ исчезнуть; но въ этой безпощадной, поголовной борьбѣ не одна могила прикроетъ совмѣстно и угнетенныхъ, и притѣснителей".

Итакъ, психологическiй моментъ для переговоровъ могъ быть признанъ наступившимъ. Союзники, къ тому же, успѣли установить между собою тѣ условiя, которыя они собирались продиктовать Францiи. Но они пришли къ этому соглашенiю не безъ труда; имъ потребовалось почти три мѣсяца переговоровъ для того, чтобы выработать, наконецъ, общую программу. Съ 12 iюля, въ Парижѣ были организованы совѣщанiя изъ представителей 4-хъ союзныхъ державъ; на этихъ совѣщанiяхъ обсуждался проектъ того ультиматума, съ которымъ предполагалось обратиться къ побѣжденнымъ. Совѣщанiя эти все еще продолжали свои засѣданiя, которыя происходили въ большой тайнѣ. Само собою разумѣется, что французское правительство, игравшее въ данномъ случаѣ роль жертвы,—не было допущено въ число членовъ совѣщанiя. Что же касается второстепенныхъ государствъ, принимавшихъ участiе въ войнѣ и также имѣвшихъ право обсуждать мирныя условiя,—то ихъ присутствiе на совѣщанiяхъ было признано Союзниками излишнимъ. На ихъ повторныя заявленiя, Тетрархи отвѣтили 10 августа очень краткимъ Меморандумомъ, въ которомъ безъ всякихъ околичностей было сказано, что великiя державы не считаютъ нужнымъ исполнить ихъ желанiе. Имъ-де ничего не будетъ сообщено до тѣхъ поръ, пока четыре державы не придутъ между собою къ соглашенiю относительно тѣхъ принциповъ, которые будутъ регулировать ихъ отношенiя къ Францiи, и относительно тѣхъ требованiй, которыя будутъ обращены къ этой державѣ. Изъ этого видно, что Союзники, наученные горькимъ опытомъ Вѣнскаго конгресса, на этотъ разъ принимали строгiя мѣры къ тому, чтобы общiй врагъ не могъ, прямо или косвенно, вмѣшаться въ ихъ переговоры и воспользоваться, при случаѣ, ихъ разногласiями.

Такая предосторожность была вполнѣ благоразумна. Ибо теперь, еще болѣе чѣмъ въ 1814 году, четыре державы расхо-

дились во взглядахъ относительно преслѣдуемыхъ ими вопросовъ умиротворенія. Самая могущественная изъ нихъ, во главѣ съ ея монархомъ, имѣвшимъ наибольшее количество поводовъ быть недовольнымъ Людовикомъ XVIII, была расположена къ Франціи наименѣе неблагопріятно. Мы имѣемъ въ виду Россію. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы императоръ Александръ I не питалъ никакой непріязни къ французскому королю и, въ особенности, къ его министру, за ихъ крайне недоброжелательную къ Россіи политику на конгрессѣ. Но дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, великодушный по своей природѣ Александръ I продолжалъ относиться къ французскому народу по-прежнему съ большой симпатіей и уваженіемъ, и что, съ другой стороны, его любимою мечтою не переставало быть выгодное для Россіи рѣшеніе, становившагося уже въ это время на очередь, Восточнаго вопроса. Зная, что Австрія и, въ особенности, Англія окажутъ ему прямое противодѣйствіе, Александръ I чувствовалъ себя вынужденнымъ щадить самолюбіе тюильрійскаго кабинета, дабы имѣть его, въ случаѣ надобности, на своей сторонѣ. Поэтому, не слѣдуетъ удивляться тому относительному благодушію, которое пропагандировалъ его представитель въ вопросѣ о переговорахъ съ Франціей. Въ „Меморандумѣ“, разосланномъ 28 іюля, русскій министръ (Каподистріа, по происхожденію грекъ, т.-е. человѣкъ больше, чѣмъ кто-либо иной, заинтересованный въ униженіи турецкой имперіи), доказывалъ, что война велась не противъ французской націи, но исключительно противъ узурпатора; что трактатъ 30 мая долженъ быть принятъ за основаніе будущихъ соглашеній; что главною цѣлью коалиціи было возстановленіе Людовика XVIII на тронѣ; что и справедливость, и прямой интересъ коалиціи требуютъ укрѣпленія власти этого монарха, а не ея ослабленія. „Мы погубимъ все дѣло Реставраціи,—говорилъ онъ,—если станемъ принуждать короля къ такимъ уступкамъ, которыя, въ глазахъ французскаго народа, явятся наилучшимъ доказательствомъ того недовѣрія, съ которымъ европейскія державы относятся къ устойчивости ихъ же собственнаго дѣла“. Нельзя допустить того, чтобы Людовикъ XVIII сдѣлался ненавистнымъ своему собственному народу, расплачиваясь за свое возстановленіе на тронѣ—кусками территоріи. Доводить Францію до крайности, посягая на ея цѣлость,—значило бы или вызвать новую революцію, или оправдать старую. Въ заключеніе, русскій министръ совѣтовалъ членамъ коалиціи ограничиться слѣдующимъ: 1) возобновленіемъ Шомонскаго трактата на опредѣленный срокъ, съ оговоркой, что Наполеонъ и члены его семей-

ства навсегда лишены права занимать французскій престолъ; 2) занятіемъ войсками нѣкотораго количества нашихъ крѣпостей на то время, пока французское правительство не пріобрѣтетъ достаточной, въ глазахъ Европы, устойчивости, и пока смежныя съ Франціей государства не усилятъ своихъ оборонительныхъ линій.

Подобныя предложенія не могли понравиться всѣмъ державамъ. Особенно раздражали они прусское правительство. Еще въ 1814 году, берлинскій дворъ горько жаловался на то, что съ Франціей обошлись слишкомъ мягко. Послѣ Ватерлоо, онъ сталъ требовать противъ нея безпощадныхъ мѣръ. Прусскіе патріоты все еще помнили и Іену, и Тильзитъ. На этотъ разъ они добивались полной мести [1]). Они со снисходительнымъ вниманіемъ прислушивались къ недостойнымъ требованіямъ второстепенныхъ германскихъ государствъ, въ свое время облагодѣтельствованныхъ Наполеономъ, а теперь съ большимъ ожесточеніемъ добивавшихся дробленія Франціи [2]). Если бы коалиція удовлетворила всѣ требованія этихъ жадныхъ дворовъ, а также Нидерландовъ,—то наша страна, кромѣ понесеннаго разоренія, была бы уменьшена почти на одну шестую часть своей территоріи. Франція лишилась бы Фландріи, Геннегау, части Шампани, Лотарингіи, Эльзаса, Франшъ-Конте, Бургундіи, т.-е. болѣе чѣмъ 4.700.000 душъ населенія. Представители Фридриха-Вильгельма III прекрасно понимали, что столь преувеличенныя требованія не могли быть уважены на совѣщаніяхъ. Поэтому, Гумбольдтъ и Гарденбергъ постарались выказать себя весьма умѣренными, потребовавъ отъ Франціи Эльзасъ, крѣпости по Маасу, Мозелю и Саррѣ, а также крѣпости первой линіи, расположенныя вдоль бельгійской границы. Затѣмъ, они потребовали отъ Франціи уплаты имъ 600 милліоновъ франковъ, въ качествѣ вознагражденія за военныя издержки, и столько же—сосѣднимъ съ нею государствамъ, въ качествѣ фонда на постройку крѣпостей противъ Франціи. Они даже не скрывали, какъ мало интересуетъ ихъ участь Людовика XVIII. По ихъ мнѣнію, выказывать себя великодушными по отношенію къ Франціи было бы чистѣйшимъ безуміемъ. Францію необходимо-де лишить всякой возможности вре-

---

[1]) „Я покорнѣйше прошу Ваше Величество, писалъ Блюхеръ прусскому королю вскорѣ послѣ Ватерлоо, напомнить дипломатамъ, чтобы они вторично не утопили въ чернилахъ того, что куплено солдатской кровью".

[2]) Въ частности, королевство Вюртембергское съ настойчивостью требовало отдѣленія отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи, какъ „необходимыхъ для безопасности Германіи".

дить Европѣ, а для этого необходимо создать ей оборонительную границу. „Не упустимъ, говорили они, момента, столь благопріятнаго для заключенія прочнаго и продолжительнаго мира. Сегодня мы въ силахъ сдѣлать это. Само Провидѣніе явнымъ образомъ дало намъ въ руки этотъ случай“. И затѣмъ, обнаруживая свое глубокое непониманіе истинныхъ чувствъ французскаго народа, они добавляли: „Нація, у которой эгоизмъ преобладаетъ надъ патріотизмомъ, сочтетъ для себя менѣе тяжелымъ уступку земель, чѣмъ уплату денегъ, потому что податное бремя падетъ на отдѣльныхъ индивидовъ, а уступка какихъ-нибудь департаментовъ—лишь на правительство“.

Что касается австрійскихъ министровъ, то они также не обнаруживали никакихъ нѣжныхъ чувствъ по отношенію къ Франціи. Имъ было даже выгодно, чтобы Пруссія взяла Лотарингію; этимъ путемъ они маккіавелистически собирались поссорить Пруссію съ Франціей и тѣмъ, создавъ для первой затрудненія на Рейнѣ, отвлечь ее отъ агрессивной политики противъ Вѣны. Они столь же охотно скомпрометировали бы и Баварію, отдавъ ей Эльзасъ. Впрочемъ, имъ было пріятнѣе устроить въ этой провинціи эрцгерцога Карла [1]). Но ни одинъ изъ этихъ двухъ плановъ не одобрялся Пруссіей. Поэтому, въ концѣ концовъ Австрія не считала нужнымъ особенно энергично поддерживать притязанія Пруссіи на Лотарингію, тѣмъ болѣе, что эти притязанія не нравились и Нидерландамъ. Необходимо добавить, что Меттернихъ, изъ боязни поссорить Вѣнскій дворъ съ С.-Петербургскимъ, старался принять во вниманіе то расположеніе, которое царь проявлялъ по отношенію къ Франціи. Въ виду всего изложеннаго, Меттернихъ отвѣчалъ на меморандумъ Каподистріа въ высшей степени неясно. Фразеологія его ноты была достаточно гибка для того, чтобы дать ему впослѣдствіи возможность, смотря по обстоятельствамъ, примкнуть либо къ русской, либо къ прусской программѣ. Такъ, онъ требовалъ, чтобы первая линія нашихъ крѣпостей была уступлена или срыта, но давалъ понять, что удовольствуется однимъ срытіемъ. Вообще же, онъ признавалъ,

[1]) Эрцгерцогъ Карлъ, родившійся въ 1771 году, былъ братъ австрійскаго императора Франца I. Въ 1796 г. онъ съ честью командовалъ австрійской арміей противъ Моро и Журдана, а въ 1797 г. — противъ Бонапарта. Въ 1799 г. онъ снова боролся съ Журданомъ, разбилъ Массену въ Швейцаріи, впалъ въ немилость и былъ назначенъ губернаторомъ Богеміи; въ кампанію 1805 г. онъ опять выступилъ противъ Массены въ Италіи и, до 1809 г. продержался, больше съ достоинствомъ, чѣмъ съ успѣхомъ, противъ Наполеона. Его относительно либеральный образъ мыслей навлекъ новую немилость императора. Вторую половину своей жизни онъ провелъ какъ бы въ отставкѣ, и, почти забытый, умеръ въ 1847 г.

въ принципѣ, необходимость достаточно продолжительной военной оккупаціи и приличнаго вознагражденія.

Какъ же относилась къ изложеннымъ выше планамъ Австріи и Пруссіи—Англія? Въ теченіе всего августа мѣсяца, ея политика была нерѣшительна и двусмысленна. Первый министръ Великобританіи [1]) и, вмѣстѣ съ нимъ, принцъ-регентъ, одобрялъ, почти безъ оговорокъ, программу Пруссіи. „Союзники,—писалъ онъ 11 августа,—имѣютъ право на тѣ территоріальныя приращенія, которыя они сочтутъ необходимыми для собственной своей безопасности; Англія, заботясь объ упроченіи во Франціи законнаго правительства, не должна забывать, что успѣхъ въ этомъ отношеніи является весьма мало вѣроятнымъ, и что, поэтому, легче вырвать у Франціи гарантіи, чѣмъ сдѣлать ее миролюбивою и спокойною". Но Веллингтонъ и Кастльри, которые, находясь въ Парижѣ, совершенно ясно отдавали себѣ отчетъ о сущности русской политики,—доказывали лорду Ливерпулю, что англійское правительство, не оставляя заботъ о предупрежденіи новаго революціоннаго взрыва во Франціи, — въ то же время должно бороться съ увеличивающимся вліяніемъ царя и для этого должно прежде всего соперничать съ нимъ въ предупредительности по отношенію къ Людовику XVIII. Ливерпуль сначала не соглашался. Но его уполномоченные были настойчивы въ своихъ аргументахъ. Сама Россія помогла имъ, давъ понять, что она согласна на то, чтобы Іоническіе острова, судьба коихъ еще не была рѣшена [2]), были отданы подъ протекторатъ Англіи. Начиная съ этого времени, Сентъ-Джемсскій кабинетъ присоединился, почти безъ оговорокъ, къ русской программѣ, и Кастльри категорически заявилъ, въ нотѣ 2 сентября, что если Франція, отклонивъ прусскій ультиматумъ, возьмется за оружіе, то Великобританія не приметъ участія въ новой войнѣ.

Австрія, до того времени нерѣшительно колебавшаяся, безъ

---

[1]) Лордъ Ливерпуль. Этотъ государственный дѣятель, глава торійской партіи, родился въ 1770 г. Членъ палаты общинъ (1791 г.), въ качествѣ представителя мѣстечка Рай; какъ статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ въ министерствѣ Аддингтона (1801 г.), заключилъ Амьенскій трактатъ (1802 г.), сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Питта (1803 г.) и въ 1812 г. былъ приглашенъ занять постъ перваго лорда казначейства; послѣднюю должность занималъ до 1827 г Умеръ въ 1828 г.

[2]) Вопросъ объ Іоническихъ островахъ, какъ увидимъ ниже, былъ разрѣшенъ только въ ноябрѣ 1815 г. На Вѣнскомъ конгрессѣ былъ поставленъ вопросъ объ отдачѣ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, или въ отдѣльности, подъ власть: либо Фердинанда IV, короля Сициліи, либо Мюрата, либо принца Евгенія (находившагося подъ спеціальнымъ покровительствомъ царя).

труда примкнула къ Лондонскому и С.-Петербургскому дворамъ. Но Берлинскій дворъ оказалъ сильное сопротивленіе. Въ Парижъ былъ вызванъ Штейнъ, самый ярый изъ англофобовъ; ему было поручено переговорить съ императоромъ Александромъ I. Но, несмотря на то, что Штейнъ пользовался большимъ довѣріемъ русскаго царя, всѣ его усилія оказались почти что напрасными. На мстительныя и алчныя прусскія требованія императоръ отвѣтилъ самыми незначительными уступками. Эльзасъ былъ оставленъ за Франціей; число крѣпостей, подлежащихъ передачѣ, было значительно уменьшено; сокращена была также и цифра контрибуціи. Гарденбергу пришлось, отъ имени своего государя, уступить. Но онъ уступилъ не безъ протеста и счелъ нужнымъ объявить (въ нотѣ 8 сентября), что Пруссія не отвѣчаетъ за тѣ бѣдствія, которыя могутъ быть результатомъ предполагаемаго соглашенія.

§ 5. Несмотря на все изложенное, коллективный ультиматумъ, выработанный коалиціей 4-хъ державъ на совѣщаніи 16 сентября и подписанный 20 числа того же мѣсяца, былъ, все-таки, очень тяжелъ для правительства Людовика XVIII и весьма унизителенъ для Франціи. Сущность его заключалась въ томъ, что трактатъ 30 мая будетъ сохраненъ въ силѣ, но что Франція, вдобавокъ, уступитъ: на сѣверной границѣ, крѣпости Конде, Филиппвиль, Маріенбургъ и Живэ; на восточной границѣ,—крѣпости Саарлуи, Ландау, Жу и Слейсъ; на юго-восточной границѣ,—оставшуюся за Франціей, по мирному трактату 1814 г., часть Савойи. Кромѣ того, Франція должна была срыть Гюннингенъ, уплатить 600 милліоновъ франковъ въ качествѣ вознагражденія за военныя издержки, 200 милліоновъ на постройку крѣпостей вдоль своей границы; она должна была удовлетворить иностранныхъ кредиторовъ, вознаградить коихъ она обязалась еще по Парижскому трактату. Наконецъ, она была обязана содержать, въ теченіе 7 лѣтъ, на свои средства войска коалиціи, числомъ до 150.000 человѣкъ, въ крѣпостяхъ: Бушэнъ, Камбрэ, Мобэжъ, Ландресп, Кэнэ, Авэнъ, Рокруа, Лонгви, Тіонвиль, Битчъ, Форъ-Луи и др. Союзные государи сохранили за собою право прекратить оккупацію по истеченіи трехъ лѣтъ, въ случаѣ если въ этотъ моментъ состояніе Франціи не потребуетъ продолженія этой мѣры.

Хотя Людовикъ XVIII и Таллейранъ, во время Ста дней, и надавали, вѣроятно, не мало обѣщаній Союзникамъ, но теперь они не слишкомъ легко соглашались проходить подъ ярмо. Фран-

цузскій министръ, какъ и его государь, ничего не имѣлъ противъ иностранной оккупаціи, потому что она, во всякомъ случаѣ, являлась гарантіей Реставраціи. Онъ соглашался также признать принципъ вознагражденія за военные убытки; но онъ рѣшительно отвергалъ мысль о новыхъ территоріальныхъ уступкахъ. Самое большее, на что̀ соглашался Таллейранъ, сводилось къ возвращенію того, что̀ было присоединено къ прежней Франціи трактатомъ 30 мая, т.-е., напримѣръ, части Савойи, признанной за нами по этому договору. Онъ даже попробовалъ, было, отдѣлить отъ коалиціи Сардинію, возвративъ ей эту часть территоріи отдѣльнымъ трактатомъ (19 сентября). Но лишь только Союзники узнали о существованіи этого акта (два дня спустя послѣ его заключенія),—они объявили его ничтожнымъ, и сардинскій уполномоченный, графъ Ревель [1]), былъ принужденъ покориться ихъ рѣшенію. Отвѣтъ Таллейрана (21 сентября) на ультиматумъ не имѣлъ никакихъ шансовъ быть принятымъ во вниманіе коалиціей. Въ этомъ отвѣтѣ, глава французскаго кабинета, съ великими натяжками, распространяется о правѣ завоеванія, утверждая, что оно не имѣетъ никакого отношенія къ данному случаю, ибо для наличности завоеванія—необходимы военныя дѣйствія между овладѣвающимъ и „владѣльцемъ"; подъ словомъ „владѣлецъ" Таллейранъ подразумѣвалъ „легитимнаго короля"; а такъ какъ въ послѣдней войнѣ легитимный французскій король былъ не врагомъ, а союзникомъ коалиціи, то у него и нельзя было требовать никакой части его владѣній. Не ограничиваясь этимъ, Таллейранъ приводилъ еще и другіе доводы: благо Европы, укрѣпленіе общаго мира, необходимость щадить королевскую популярность. Но все это тонкоумничаніе разбилось о твердое рѣшеніе державъ. 22 сентября ему отвѣтили, съ иронической надменностью, что его притязанія совершенно непріемлемы. „Нижеподписавшимся, писали министры тетрархіи, очень трудно понять, на чемъ могло бы быть, собственно, основано такое различеніе старой и новой французской территоріи... Невозможно предположить, чтобы гг. уполномоченные согласились въ настоящій моментъ руководиться невѣдомо откуда взявшейся доктриной „неприкосновенности" французской территоріи.

[1]) Ревель (Игнатій Таонъ), графъ де-Пра-Лупго, родился въ 1760 г. въ Ниццѣ; въ 1792 г. былъ сардинскимъ министромъ; затѣмъ съ отличіемъ служилъ въ сардинской арміи; въ 1797 г. былъ назначенъ посланникомъ при французскомъ правительствѣ, отказавшемся его признать; до 1814 г. прожилъ въ отставкѣ, потомъ былъ губернаторомъ Генуи, посланникомъ во Франціи, сардинскимъ вице-королемъ, наконецъ губернаторомъ Турина, гдѣ и умеръ въ 1835 г.

Они прекрасно знаютъ, что эта доктрина, выдвинутая впередъ руководителями и защитниками революціонныхъ принциповъ, составляла одну изъ самыхъ оскорбительныхъ главъ того произвольно-выдуманнаго кодекса, который они желали навязать Европѣ. Возводить въ принципъ право Франціи расширять свои владѣнія, пріобрѣтать провинціи и присоединять послѣднія къ своей территоріи—какъ завоеваніемъ, такъ и трактатами, —и одновременно утверждать, что одна только Франція пользуется привилегіей неприкосновенности ея прежнихъ владѣній—это значило бы совершенно уничтожить идею равенства и взаимности между державами...“

Необходимо признать, что логика была на сторонѣ Союзниковъ. Таллейранъ вовсе не скрывалъ этого отъ себя и, кажется, не возлагалъ большой надежды на успѣхъ своей аргументаціи. Если онъ еще говорилъ такія громкія фразы, и такъ—повидимому—энергично противился раздробленію Франціи, то это происходило лишь потому, что онъ уже предвидѣлъ необходимость уйти съ министерскаго поста. Увѣренный въ неизбѣжности паденія, онъ желалъ уйти, по крайней мѣрѣ, съ честью; кто знаетъ: можетъ быть, ему удалось бы впослѣдствіи создать легенду, что и причиной-то его паденія былъ исключительно патріотизмъ? Извѣстно, что этотъ человѣкъ не внушалъ Людовику XVIII никакой симпатіи. Послѣдній терпѣлъ Таллейрана, ожидая удобнаго случая для того, чтобы дать ему отставку. А случай этотъ вскорѣ не замедлилъ представиться, благодаря ультрароялистскимъ выборамъ августа мѣсяца 1815 г. Безподобная Палата, воодушевленная слѣпой и жестокой ненавистью противъ всего того, что, близко или далеко, касалось Революціи и Имперіи, должна была собраться для работы. Было очевидно, что Таллейранъ не будетъ въ состояніи управлять при помощи собранія, въ которомъ большинство явно ненавидѣло его. 19 сентября былъ уволенъ въ отставку Фуше. Очередь Таллейрана была близка. При его подорванномъ авторитетѣ, онъ не могъ разсчитывать на поддержку со стороны иностранныхъ правительствъ. Русскій императоръ, лично озлобленный противъ Таллейрана за оказанное имъ на Вѣнскомъ конгрессѣ сопротивленіе, только и думалъ о томъ, какъ бы ускорить его паденіе. Зная объ этомъ, Таллейранъ тщетно дѣлалъ императору авансы, предлагая пригласить въ составъ кабинета двухъ французовъ, весьма любимыхъ имъ (изъ нихъ одинъ долгое время состоялъ на русской службѣ, а другой служилъ даже и въ данный моментъ: герцогъ

Ришелье и графъ Поццо ди-Борго) [1]. Способствуя паденію Таллейрана, Александръ I собирался и отомстить ему, и, одновременно, замѣнить его на президентскомъ посту кѣмъ-нибудь изъ друзей Россіи. Императоръ очень ясно намекалъ Людовику XVIII, что если бы герцогъ Ришелье былъ сдѣланъ главой министерства, то Россія употребила бы все свое вліяніе на то, чтобы смягчить для Франціи условія ультиматума. Прусскій король, такъ же какъ и Александръ I, недовольный Таллейраномъ, питалъ къ нему тѣ же чувства. Что касается вѣнскаго и лондонскаго дворовъ, то они ясно понимали, что, выражая свое намѣреніе поддержать окончательно осужденнаго министра, они компрометировали бы свое вліяніе при французскомъ дворѣ. Замѣчая, что Людовикъ XVIII склоняется на сторону Россіи, они желали возвратить его симпатіи не угрозами, конечно, или упреками, а предупредительнымъ отношеніемъ къ его интересамъ. Поэтому, они отнюдь не мѣшали королю въ его желаніяхъ. 21-го сентября, вечеромъ, Таллейранъ получилъ, въ очень сухой формѣ, отставку. 26-го числа того же мѣсяца, новый кабинетъ былъ уже сформированъ. Онъ состоялъ изъ умѣренныхъ роялистовъ; впрочемъ—все такихъ, прошлое которыхъ, за время Революціи, было безупречнымъ. Управленіе кабинетомъ было возложено на герцога Ришелье, получившаго портфель министра иностранныхъ дѣлъ.

Герцогъ Ришелье, хотя и мало знакомый съ механизмомъ парламентарнаго правленія, былъ человѣкъ въ высшей степени честный, проникнутый самыми возвышенными намѣреніями и преданный своей родинѣ и королю. Мало честолюбивый, онъ вовсе не добивался министерства, въ особенности, въ виду переживаемаго Франціей кризиса. Если онъ принялъ на себя неблагодарную обязанность заключить трактатъ, при одной мысли о которомъ у него болѣло сердце,—то лишь потому, что онъ на-

[1] Ришелье (Арманъ-Эммануилъ дю-Плесси, герцогъ), внукъ маршала Ришелье, родился въ Парижѣ 25 сентября 1766 г.; эмигрировалъ въ эпоху Революціи; находился на русской службѣ въ должности губернатора Одессы (1803 г.), затѣмъ Новороссійскаго края; вернулся во Францію въ эпоху Реставраціи; первый членъ Палаты (1814); министръ иностранныхъ дѣлъ и глава французскаго кабинета (сентябрь 1815 г.); въ отставкѣ (декабрь 1818); снова призванъ на постъ президента Совѣта (февраль 1820 г.); вторично въ отставкѣ (декабрь 1821 г.); умеръ 17 мая 1822 г. — Поццо ди-Борго (Карль-Андрей, графъ); родился въ 1768 г. въ Поццо ди-Борго, близъ Аяччіо (Корсика); депутатъ въ Законодательномъ Собраніи въ 1791 г.; партизанъ Паоли въ 1793 г.; находился на русской службѣ; тайный совѣтникъ при Александрѣ I; исполнялъ различныя дипломатическія порученія, позволившія ему способствовать паденію Наполеона, его личнаго врага; русскій посолъ во Франціи (1814—1835 г.), затѣмъ въ Англіи (1839 г.); умеръ въ Парижѣ въ 1842 г.

дѣялся, при помощи личнаго къ нему расположенія русскаго царя, сдѣлать этотъ трактатъ менѣе тягостнымъ для своего отечества.

И онъ не ошибался: Александръ I честно сдержалъ свое слово. Вслѣдствіе категорическихъ и почти повелительныхъ требованій этого монарха, въ коллективный ультиматумъ были внесены значительныя и полезныя для Франціи поправки. 2-го октября, французское правительство и коалиція пришли къ соглашенію относительно основныхъ пунктовъ мирнаго договора и подписали протоколъ, формулировавшій эти послѣдніе. Въ силу прелиминарнаго соглашенія, мы уступили крѣпости: Филиппвиль, Маріенбургъ, Саррлуи и Ландау; кромѣ этого, мы обязывались срыть крѣпость Гюннингенъ. Но за нами сохранялись крѣпости: Кондэ, Живэ, Жу и Слейсъ. Мы возвращали сардинскому королю часть Савойи, оставшуюся за нами по трактату 30 мая. Контрибуція была уменьшена съ 800—до 700 милліоновъ франковъ. Срокъ военной оккупаціи былъ сокращенъ до 5 лѣтъ и—эвентуально—до 3-хъ, если только это позволитъ состояніе королевства. Изъ этого видно, насколько появленіе Ришелье и его вліяніе на царя оказались благотворными для Франціи.

§ 6. Мирныя условія, въ главныхъ своихъ чертахъ, были, такимъ образомъ, обозначены. Оставалось только условиться относительно подробностей. Эта работа заняла у дипломатовъ еще нѣсколько недѣль. Союзные государи не дожидались конца переговоровъ. Но императоръ Александръ I пожелалъ упрочить тѣсныя, связывавшія ихъ съ давнихъ поръ, узы какимъ-нибудь торжественнымъ заявленіемъ на письмѣ. Съ этою цѣлью онъ предложилъ монархамъ—раньше чѣмъ покинуть Парижъ—подписать знаменитый актъ, извѣстный подъ именемъ Священнаго Союза, и, конечно, не имѣвшій, по своей неопредѣленности и малопрактичности, ни того смысла, который ему приписывала публика, ни того значенія, которое затѣмъ вложила въ него политика. Эта мистическая декларація, подписанная 26-го сентября 1815 г., была, повидимому, внушена царю баронессой Крюденеръ [1]), съ которой онъ былъ въ это время въ очень тѣсныхъ

[1]) Крюденеръ (Варвара-Юлія Витингофъ, баронесса), родилась въ 1764 г. въ Ригѣ (Лифляндія); вышла замужъ въ 1782 г. за барона Крюденеръ, русскаго дипломата (умершаго въ 1802 г.); послѣдовала за нимъ въ Венецію, затѣмъ въ Копенгагенъ; въ своей молодости прославилась легкостью своего поведенія; жила съ 1796 по 1803 гг. въ Лозаннѣ, гдѣ сблизилась съ г-жами Неккеръ, Сталь, Рекамье; написала нѣсколько романовъ, пользовавшихся въ свое время извѣстностью, а въ зрѣ-

сношеніяхъ. Эта недюжинная женщина, проведя довольно легкомысленную молодость, впала въ восторженный мистицизмъ, доходившій до изступленія. Ей не стоило большого труда увлечь своего могущественнаго и впечатлительнаго друга. Александръ I написалъ начерно текстъ трактата, г-жа Крюденеръ исправила его, и только тогда онъ рѣшилъ сообщить свое произведеніе императору Австрійскому и королю Прусскому.

Этотъ странный документъ начинается съ благоговѣйной благодарности Провидѣнію за только-что оказанную Имъ милость тремъ союзнымъ государямъ; рѣшивъ отнынѣ положить въ основу своихъ взаимныхъ отношеній высокія истины христіанской религіи, они объявляютъ затѣмъ „что предметъ настоящаго акта есть открыть предъ лицомъ Вселенныя Ихъ непоколебимую рѣшимость, какъ въ управленіи ввѣренными Имъ государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями сея Святыя Вѣры, заповѣдями любви, правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніемъ ихъ единственно къ частной жизни, долженствуютъ, напротивъ того, непосредственно управлять волею царей и водительствовать всѣми ихъ дѣяніями, яко единое средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенства...“ Вслѣдъ за этимъ изложеніемъ политическихъ убѣжденій слѣдуетъ обязательство, принятое на себя тремя договаривающимися монархами, оставаться связанными „узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства“, почитать себя „какъ бы единоземцами“, подавать другъ другу „во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ — пособіе, подкрѣпленіе и помощь, въ отношеніи же къ подданнымъ и войскамъ своимъ, всегда смотрѣть на себя, какъ на отцовъ семейства“, видѣть въ руководимыхъ ими народахъ только членовъ единой „христіанской націи“, управлять ими сообразно съ ученіемъ Христа и заботиться о томъ, чтобы и подданые прониклись тѣми же стремленіями, что и государи. Въ заключеніе, учредители Священнаго Союза приглашали формально присоеди-

ломъ возрастѣ впала въ пламенный мистицизмъ, граничившій съ иллюминизмомъ. Будучи представлена въ маѣ 1815 г. Александру I, она привѣтствовала его, какъ Ангела, избраннаго для выполненія на землѣ воли Всевышняго; она имѣла нѣкоторое время большое вліяніе на слабый и измѣнчивый характеръ царя. Позднѣе, она принялась въ Швейцаріи и Германіи за проповѣдь Евангелія; проповѣди эти были признаны тогдашними правительствами революціонными, и ее нѣкоторое время немного преслѣдовали. Въ 1818 г. она удалилась на родину, въ Лифляндію, съ энтузіазмомъ ратовала, начиная съ 1820 г., за грековъ, и умерла въ 1824 г. въ Карасу-Базарѣ (Крымъ)

ниться къ ихъ союзу всѣ тѣ державы, которыя пожелаютъ признать его начала.

Имѣлъ ли русскій императоръ, пуская въ свѣтъ эту неопредѣленную и, по существу своему, безвредную фразеологію—какую-нибудь заднюю мысль? Не скрывала ли очевидная аффектація, съ которой онъ говорилъ о „христіанской націи“ и о солидарности, существующей между всѣми членами этой націи,—какого-нибудь плана крестоваго похода противъ турокъ? Англичане были склонны вѣрить этому. Съ другой стороны, не составлялъ ли этотъ тѣсный союзъ трехъ абсолютныхъ государей, этотъ призывъ, обращенный ко всѣмъ остальнымъ монархамъ, это обѣщаніе помогать себѣ „во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ“,—угрозы, направленной противъ народовъ и ихъ общественной свободы? Общественное мнѣніе современниковъ перетолковало этотъ актъ именно въ указанномъ смыслѣ; да и до сихъ поръ —не безъ основанія—это толкованіе остается господствующимъ. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ этотъ моментъ императоръ Александръ I былъ далекъ отъ мысли стѣснить народную свободу; въ 1815 г. онъ еще былъ весь проникнутъ либеральными идеями; онъ еще выражалъ желаніе, чтобы Франція имѣла Хартію; онъ еще собирался дать Польшѣ конституцію [1]) и, къ великому ужасу Меттерниха, еще поощрялъ пропаганду конституціонныхъ идей въ Германіи, Италіи и въ другихъ странахъ. Но ни для кого не было тайной непостоянство его характера; поэтому, можно было серьезно опасаться, что его пламенный мистицизмъ и грозное могущество легко могутъ быть обращены на служеніе контръ-революціи во всей Европѣ. Не мало безпокоила общественное мнѣніе также и та поспѣшность, съ которой примкнули къ Священному Союзу монархи, наиболѣе враждебно относившіеся къ принципамъ 1789 г. Вслѣдъ за королемъ прусскимъ и императоромъ австрійскимъ, къ Акту 26-го сентября присоединились: короли французскій, испанскій и представители почти всѣхъ европейскихъ правительствъ [2]). Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что не придаютъ этому Акту значенія, и подписываютъ его только для того, чтобы доставить удовольствіе царю въ его невинной фантазіи. Всѣ они заявляли, что подобное изложеніе политическихъ убѣжденій являлось только платоническимъ проявленіемъ похвальныхъ чувствъ,

[1]) Императоръ ввелъ ее въ дѣйствіе въ ноябрѣ 1815 г. Но онъ не очень строго соблюдалъ ее; его преемникъ уничтожилъ ее послѣ возстанія 1830 г.

[2]) Англійскій принцъ-регентъ объявилъ, что по законамъ его страны онъ не въ правѣ подписать такого договора.

и что въ изложенныхъ выше выраженіяхъ невозможно заключить надежнаго союза. Меттернихъ, въ своихъ мемуарахъ, говоритъ, что, по мнѣнію самого автора Акта, этотъ послѣдній долженъ былъ быть только моральною манифестаціей, и что, для остальныхъ участниковъ, онъ не имѣлъ даже и этого значенія. „Доказательствомъ, добавляетъ онъ, можетъ служить тотъ фактъ, что европейскіе кабинеты—въ повседневной своей политикѣ—никогда иначе не толковали его. Однѣ только враждебныя самодержавію партіи старались извлечь изъ этого Акта выгоду, пользуясь имъ, какъ оружіемъ, для того, чтобы оклеветать самыя чистыя намѣренія своихъ противниковъ...“

Высказываясь подобнымъ образомъ, австрійскій министръ играетъ словами и насмѣхается надъ читателемъ. Конечно, конвенція 26-го сентября не имѣла, выражаясь политическимъ языкомъ, опредѣленнаго объекта соглашенія и не составляла обязательнаго правового соглашенія. Конечно, монархи не могли считать текстъ этого соглашенія имѣющимъ силу закона. Но, съ другой стороны, неоспоримо и то, что конвенція 26-го сентября сдѣлалась исходной точкой коллективной политики четырехъ дворовъ, конкретно формулировавшихъ свои догматы именно съ 1815 г., а также, что эта политика имѣла главною цѣлью подавленіе принциповъ Революціи. Истинный смыслъ Священнаго Союза слѣдуетъ искать не въ туманной фразсологіи Александра I и г-жи Крюденеръ; его слѣдуетъ искать въ болѣе ясныхъ рѣшеніяхъ и договорахъ, о которыхъ мы скажемъ ниже; и, прежде всего, въ тѣхъ рѣзко формулированныхъ и проникнутыхъ самой крайней практичностью условіяхъ, которыми Союзники опредѣлили, въ ноябрѣ 1815 г., участь Франціи и ея будущія отношенія къ Европѣ. Дѣйствительно, въ мѣрахъ, принятыхъ Союзниками въ эту эпоху по отношенію къ нашей странѣ, особенно бросается въ глаза ихъ стараніе устранить революціонную опасность,—ихъ желаніе отвратить эту опасность мѣрами строгаго надзора за главнымъ очагомъ революціи, откуда она могла бы распространиться по всей Европѣ,—ихъ очевидное стремленіе подчинить Францію надзору и заставить ее, въ случаѣ необходимости даже и силой, возвратиться опять на путь долга, еслибъ ей вздумалось возстать противъ принципа легитимитета. Въ этомъ отношеніи, Александръ I, либералъ, якобинецъ, какъ назвалъ его Меттернихъ, держался столь же опредѣленныхъ взглядовъ, какъ и самъ Меттернихъ.

§ 7. Переговоры, послѣдовавшіе вслѣдъ за подписаніемъ протокола 2-го октября, быстро привели къ подписанію цѣлаго ряда частныхъ соглашеній, изъ которыхъ одни подлежали обращенію въ офиціальные трактаты съ Франціей, а другія должны были или дополнить общія постановленія окончательнаго Акта, или упрочить союзъ четырехъ великихъ державъ. Такъ, напримѣръ, 13 октября, былъ выработанъ порядокъ уплаты военнаго вознагражденія, причитавшагося коалиціи. Было установлено, что контрибуція будетъ внесена въ пятилѣтній срокъ, посредствомъ 15 взносовъ, въ $46^2/_3$ милліона каждый; сроки уплаты отдѣльныхъ взносовъ были опредѣлены черезъ каждые четыре мѣсяца, начиная съ 1-го марта 1816 г. Но уплата была обезпечена залогомъ въ 7 милліоновъ ренты, представлявшей 140 милліоновъ капитала. Французское правительство обязывалось, кромѣ того, исполнять „всѣ соглашенія, заключенныя имъ съ различными союзными державами, относительно экипировки и ремонта ихъ армій". Въ то же время, конференція опредѣляла, до самыхъ мелочныхъ подробностей, условія содержанія оккупаціоннаго отряда; въ результатѣ, для Франціи получался ежегодный расходъ въ 150 милліоновъ, (или, въ лучшемъ случаѣ, въ 130 милліоновъ франковъ). Нѣсколько позднѣе, Союзники договорились между собою относительно состава оккупаціоннаго корпуса, выбора главнокомандующаго и его полномочій. Было рѣшено, что каждый изъ четырехъ великихъ дворовъ доставитъ 30 тысячъ человѣкъ, и что остальные дворы, входящіе въ составъ коалиціи, дадутъ также 30 тысячъ. Главное начальство надъ корпусомъ было возложено на Веллингтона, который уже съ давнихъ поръ доказалъ свою твердость. 3-го ноября, онъ получилъ инструкціи отъ Союза. Эти инструкціи не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно намѣренія Союзниковъ держать Францію подъ своей опекой и уничтожать всѣ революціонныя попытки. Дѣйствительно, изъ этихъ инструкцій видно, что послы четырехъ великихъ дворовъ обязаны были составить въ Парижѣ нѣчто въ родѣ надзирательнаго комитета и извѣщать Веллингтона о настроеніи умовъ и положеніи дѣлъ во Франціи. Что касается права вмѣшательства, то оно было принято въ весьма недвусмысленной формѣ.

„Августѣйшіе монархи,—читаемъ мы въ этомъ документѣ,—крайне нерасположены къ тому, чтобы возлагать на свои войска полицейскія и административныя обязанности внутри Франціи; однако, принимая во вниманіе крайнюю необходимость всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ способствовать утвержденію на фран-

цузскомъ тронѣ законнаго государя, они формально обѣщали королю поддерживать его своими военными силами противъ всякаго революціоннаго движенія... Ихъ Величества предоставляютъ на ваше полное усмотрѣніе судить о томъ, когда и какимъ образомъ нужно будетъ пустить въ ходъ находящіяся подъ вашимъ начальствомъ войска".

Тотъ же самый день, когда были подписаны эти инструкціи (3 ноября),—былъ посвященъ распредѣленію отнятыхъ отъ Франціи городовъ и территорій [1]) и разработкѣ мѣръ, необходимыхъ для приведенія въ полный порядокъ оборонительной системы смежныхъ съ Франціей государствъ и, въ особенности, Германскаго Союза. Филиппвиль и Маріенбургъ были присоединены къ Нидерландамъ; Сарлуи—къ Пруссіи, которая, кромѣ того, получила, между Мозелемъ и Рейномъ, часть страны, предназначавшейся прежде Австріи (подъ условіемъ создать тамъ владѣнія для нѣкоторыхъ германскихъ государей) [2]). Ландау былъ отданъ Австріи; послѣдней державѣ было, впрочемъ, предоставлено право отдать этотъ городъ, съ частью прежнихъ департаментовъ Сарры и Монъ-Тоннера,—Баваріи, взамѣнъ Гаурюкфиртеля и Иннфиртеля, возвращенія коихъ Австрія все еще не могла добиться [3]). Австрія же должна была отдать остальную часть своихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна, т.-е. территорію съ 140.000 человѣкъ населенія, вмѣстѣ съ городомъ Майнцемъ,—великому герцогу Гессенъ-Дармштадтскому, чтобы вознаградить его за перешедшее къ Пруссіи герцогство Вестфальское. Швейцарія получала Версуа и небольшую часть области Жэ; наконецъ, сардинскій король былъ вознагражденъ присоединеніемъ къ его владѣніямъ части французской Савойи. Изъ обѣщанной Франціей военной контрибуціи въ 700 милліоновъ франковъ, 137.500.000 —были обращены на постройку оборонительныхъ укрѣпленій въ сосѣднихъ съ нею государствахъ. Для этой цѣли, Нидерланды должны были получить 60 милліоновъ, Пруссія 20, Баварія 15, Сардинія 10, Испанія $7^1/_2$; 5 милліоновъ были назначены на

[1]) Распредѣленію подлежали не только земли, уступленныя послѣднимъ трактатомъ, но еще и многія, оставленныя французами въ 1814 г., территоріи, относительно которыхъ еще не состоялось окончательнаго рѣшенія.

[2]) Великій герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, великій герцогъ Ольденбургскій, князь Гессенъ-Гомбургскій, герцогъ Саксенъ-Кобургскій и, кромѣ того, медіатизированный графъ Паппенгеймъ.—Эти владѣнія были имъ обѣщаны 54 статьею заключительнаго Акта Вѣнскаго конгресса.

[3]) Вопросъ объ обмѣнѣ территоріями между Австріей и Баваріей былъ окончательно разрѣшенъ только 14 апрѣля 1816 г., мюнхенскимъ трактатомъ.

увеличенiе средствъ защиты города Майнца. Послѣднiй, а равно Ландау и Люксембургъ были объявлены федеральными германскими крѣпостями; въ то же время, Германскiй Союзъ получалъ 20 миллiоновъ, необходимыхъ на постройку четвертой крѣпости въ области верхняго Рейна.

Оставшаяся часть контрибуцiи (т.-е. 562.500.000 франковъ), согласно протоколу, подписанному 6 ноября, должна была быть раздѣлена между союзными державами такимъ образомъ: предварительный вычетъ въ 50 миллiоновъ франковъ предполагался въ пользу Англiи и Пруссiи, наиболѣе способствовавшихъ побѣдѣ при Ватерлоо; Испанiя получала 5 миллiоновъ, Португалiя 2, Швейцарiя 3, Данiя $2^1/_2$; изъ остающихся 500 миллiоновъ, —400 распредѣлялись поровну между четырьмя великими державами, а 100—между остальными членами коалицiи, соразмѣрно съ количествомъ доставленнаго каждымъ изъ нихъ войска; но нидерландскiй король отказывался отъ своей части (28 миллiоновъ), и она должна была быть раздѣлена поровну между Австрiей и Пруссiей [1]).

Конференцiи пришлось также выработать порядокъ разсмотрѣнiя и ликвидацiи долговъ, заключенныхъ Францiей въ Англiи и въ другихъ союзныхъ государствахъ; уплата ихъ была гарантирована Францiей въ принципѣ, трактатомъ 30 мая. Эти двѣ категорiи долговъ должны были быть разслѣдованы назначенными отъ каждой заинтересованной стороны комиссарами; въ качествѣ гарантiи уплаты, Союзники потребовали два взноса въ 3.500.000 франковъ ренты каждый.

Наконецъ, двумя протоколами, подписанными 5-го и 7-го ноября, была установлена участь—дотолѣ еще нерѣшенная,— Iоническихъ острововъ, и дополнены были постановленiя заключительнаго Акта относительно Швейцарiи. Острова были преобразованы въ республику, подъ протекторатомъ Англiи, которая должна была послать туда лордъ-оберъ-комиссара и гарнизонъ. Что касается Швейцарскаго Союза, въ которомъ только-что передъ тѣмъ (7 августа 1815 г.) была установлена новая конституцiя, согласованная съ желанiями Союзниковъ [2]), то за нимъ былъ торжественно признанъ вѣчный нейтралитетъ.

Послѣ заключенiя всѣхъ этихъ договоровъ, коалицiя, все-таки,

[1]) Такимъ образомъ, Пруссiя должна была получить 139 миллiоновъ, Англiя 125, Австрiя 114 и Россiя 100.

[2]) Эта конституцiя обезпечивала за аристократiей ея привилегiи и не давала Швейцарiи ни союзной армiи, ни даже, строго говоря, союзнаго правительства. Она была совершенно преобразована въ 1848 году.

еще не успокоилась. Трактатъ, который она навязывала Франціи, не заключалъ, по ея мнѣнію, полной гарантіи предохраненія Европы отъ новыхъ потрясеній. Поэтому, Тетрархи рѣшили связать себя новымъ договоромъ; таковой былъ, дѣйствительно, ими заключенъ, и, по своему содержанію, онъ составилъ истинную основу Священнаго Союза. Въ самомъ дѣлѣ, по этому договору, дворы австрійскій, великобританскій, прусскій и россійскій объявляли, что они опять вводятъ въ силу постановленія трактатовъ 1-го марта 1814 г. и 25-го марта 1815 г. и образуютъ постоянную лигу, съ цѣлью надзора за Франціей. Они навсегда устраняли отъ управленія этой страной Наполеона и членовъ его семьи. Они обязывались поддерживать это устраненіе, если будетъ нужно, даже силой. „И такъ какъ революціонныя волненія, добавляли они, могутъ снова начать раздирать Францію и угрожать спокойствію другихъ государствъ,—то высокія договаривающіяся стороны торжественно признаютъ свою обязанность усугубить старанія, съ цѣлью охраны, въ подобныхъ обстоятельствахъ, мира и интересовъ собственныхъ подданныхъ; они обязуются, въ случаѣ такого несчастнаго происшествія, обсудить, — совмѣстно съ Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ, мѣры, необходимыя для безопасности ихъ государствъ и общаго спокойствія Европы“. Кромѣ того, четыре державы заявляли, что союзъ будетъ продолжать свои дѣйствія, даже послѣ эвакуаціи французской территоріи. И наконецъ, для того, чтобы показать свое желаніе создать изъ себя родъ европейской директоріи,—онѣ брали на себя обязательство „устраивать, въ заранѣе назначенные сроки, съѣзды, посвященные разсмотрѣнію великихъ общихъ интересовъ и мѣръ, способныхъ обезпечить—въ каждый данный моментъ—спокойствіе и благоденствіе народовъ и миръ Европы“.

20 ноября 1815 года былъ подписанъ этотъ трактатъ, представлявшій угрозу не только для одной Франціи, но и для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ тотъ же самый день, Союзники сообщили его герцогу Ришелье отдѣльной нотой, въ которой угрозы были лишь отчасти прикрыты совѣтами благоразумія, расточаемыми правительству Людовика XVIII. Во второй нотѣ сообщены были этому министру инструкціи, данныя 3 ноября герцогу Веллингтону и предоставлявшія ему право вооруженнаго вмѣшательства въ наши дѣла. Въ этотъ же день, былъ подписанъ герцогомъ Ришелье трактатъ и 4 приложенія къ нему [1]).

[1]) Эти приложенія носятъ слѣдующія названія: 1) Конвенція, заключенная соотвѣтственно IV-ой статьѣ главнаго Трактата и относящаяся къ упла-

Не безъ глубокой скорби исполнилъ этотъ благородный человѣкъ формальность, казавшуюся послѣднею горстью земли, брошенною въ могилу славы и могущества его родины. „Я только-что подписалъ трактатъ,—сказалъ онъ одному изъ своихъ друзей,—за который я долженъ былъ бы, собственно, нести голову на эшафотъ“. А на слѣдующій день (21 ноября), онъ писалъ графу Деказу: „Все кончено; вчера—полу-мертвый, полу-живой, — я подписалъ этотъ злополучный трактатъ. Въ свое время я клялся не дѣлать этого и даже сказалъ объ этомъ королю. Но несчастный монархъ со слезами сталъ заклинать меня не покидать его; съ этого момента я больше не колебался. Я имѣю смѣлость думать, что при данныхъ обстоятельствахъ никто не могъ бы добиться болѣе благопріятныхъ для Франціи результатовъ; не надо забывать, что Франція стонетъ подъ непріятельскимъ гнетомъ и требуетъ освобожденія, во что бы то ни стало“.

Нѣсколько дней спустя (25 ноября), министръ, со слезами на глазахъ, представилъ трактатъ и дополнительныя соглашенія безподобной Палатѣ. Послѣдняя не могла воздержаться отъ того, чтобы не раздѣлить съ нимъ его патріотической скорби. Дѣйствительно, Франція, повидимому, навсегда вычеркивалась изъ списка великихъ державъ. Европа такъ же, какъ и она, казалась порабощенною. Священный Союзъ торжествовалъ. Но дальнѣйшій ходъ событій покажетъ, что Священный Союзъ сильно преувеличивалъ свое значеніе, считая возможнымъ для себя неопредѣленно долго держать Францію подъ опекой и сдерживать въ Европѣ проявленіе національнаго духа и любви къ свободнымъ учрежденіямъ.

тѣ денежнаго вознагражденія, слѣдуемаго отъ Франціи союзнымъ державамъ;—2) конвенція, заключенная соотвѣтственно V-ой статьѣ главнаго Трактата и относящаяся къ опредѣленію военной линіи, подлежащей занятію союзной арміей; — 3) конвенція, заключенная соотвѣтственно IX-ой статьѣ главнаго Трактата и относящаяся къ разсмотрѣнію и ликвидаціи долговъ, лежащихъ на французскомъ правительствѣ;— 4) конвенція между Франціей и Великобританіей соотвѣтственно IX-ой статьѣ главнаго Трактата и относящаяся къ разсмотрѣнію и ликвидаціи притязаній нѣкоторыхъ подданныхъ Его Величества короля британскаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Годы мира [1]).

§ 1. Священный Союзъ и русская политика.—§ 2. Восточный конфликтъ; Александръ I и Махмудъ.—§ 3. Испано-американскій вопросъ.—§ 4. Александръ I, Ришелье и сентябрьская политика.—§ 5. Русскій либерализмъ; первые признаки агитаціи въ Италіи и Германіи. — § 6. Меттернихъ и секретная нота. — § 7. Предварительные переговоры по поводу созванія новаго конгресса.—§ 8. Переговоры въ Ахенѣ; акты, подписанные въ Ахенѣ.

(1815—1818).

§ 1. Меттернихъ часто хвасталъ тѣмъ, что онъ не только единолично создалъ трактаты 1815 года, но еще и далъ Европѣ миръ на тридцать три года. Онъ зналъ однако лучше, чѣмъ кто-либо, какъ преувеличено было это утвержденіе. Общій миръ, о которомъ онъ говорилъ, продолжался безъ перерыва только три первые года, а именно: онъ начался съ момента подписанія дипло-

---

[1]) Источники: Castlereagh (lord Londonderry), Correspondence;—Cretineau-Joly, Histoire des traités de 1815 et de leur exécution;—Gentz (F. de), Dépêches inédites, t. I;—Gervinus, Histoire du XIX-e siècle, t. II, VIII; — Hardenberg (князь), Mémoires;—Hubbard (G.), Histoire contemporaine de l'Espagne, t. II;—Hyde de Neuville, Mémoires et Souvenirs, t. II;—Lesur, Annuaire historique, 1818;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. III;—Vaulabelle (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. IV; — Viel-Castel (баронъ), Histoire de la Restauration, t. IV, V, VI, VII;—Lord Castlereagh et la Politique d'Angleterre de 1812 à 1822, etc.

матическихъ актовъ 20 ноября 1815 г. и кончился на слѣдующій день послѣ Ахенскаго конгресса. Да и этотъ-то миръ продержался только благодаря тому, что четыремъ союзнымъ державамъ необходимо было выказывать, хотя бы для вида, свою солидарность, дабы обезпечить исполненіе обязательствъ, возложенныхъ на Францію. Прибавимъ къ этому, что и въ періодъ 1815-1818 гг.—первые проблески того остраго кризиса, отъ котораго дипломаты не захотѣли или же не съумѣли избавить Европу, уже были очевидными для государственныхъ дѣятелей, хоть сколько-нибудь чуткихъ. А съ 1818 г., все равновѣсіе, построенное со столькими усиліями, начинаетъ уже серьезно колебаться, въ виду обостренія нѣкоторыхъ проблемъ, рѣшеніе коихъ было легкомысленнымъ образомъ отложено вѣнскими политиками, несмотря на всю сознанную ихъ важность. Передъ глазами Священнаго союза начинаютъ, угрожающе, развиваться вопросы восточный и испано-американскій; въ нѣсколько лѣтъ они расшатываютъ самыя основы этого союза. Около того же времени начинаютъ знаменательно формулироваться требованія народовъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ о свободѣ, и національностей, оскорбленныхъ въ своихъ мечтахъ о самостоятельномъ существованіи.

Какъ ни странно, но все-таки неоспоримо, что первый, кто сталъ подкапываться подъ Священный союзъ,—былъ самъ иниціаторъ этого знаменитаго акта. Въ промежутокъ времени, коему посвящена настоящая глава, именно личная политика царя наиболѣе компрометируетъ согласіе кабинетовъ и этимъ облегчаетъ распространеніе революціонныхъ и конституціонныхъ идей. Человѣкъ неопредѣленныхъ и смутныхъ настроеній, Александръ I, впрочемъ, не сознавалъ ни того вреда, который онъ наносилъ своему дѣтищу, ни тѣхъ противорѣчій, въ коихъ онъ болѣзненно бился до конца своей жизни. Страстный, но нерѣшительный и слабый эгоистъ, не лишенный въ то же время и великодушія, онъ подпадалъ или, по крайней мѣрѣ, казался подпадавшимъ, одновременно, подъ самыя противоположныя вліянія. Онъ хочетъ и не хочетъ въ одно и то же время. Онъ добросовѣстенъ, когда утверждаетъ, что всѣмъ готовъ пожертвовать для общихъ интересовъ великаго Союза, но между тѣмъ онъ не можетъ отречься отъ нѣкоторыхъ личныхъ плановъ, съ которыми эти интересы находятся въ противорѣчіи. Онъ—самодержецъ и хочетъ остаться таковымъ; по его мнѣнію, божественное право царей есть догматъ; а между тѣмъ, онъ настроенъ либерально или, по крайней мѣрѣ, считаетъ себя либераломъ. Слѣдствіемъ подобнаго со-

стоянія является то, что онъ никогда, ни въ одномъ направленіи не доходитъ до конца намѣченной имъ программы: онъ всегда останавливается въ моментъ принятія окончательнаго рѣшенія. Александръ I не доводитъ до конца ни одного изъ своихъ мечтаній. Онъ, правда, не воюетъ со своими прежними союзниками, но онъ такъ мѣшаетъ имъ и такъ безпокоитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что въ результатѣ добивается полнѣйшаго къ себѣ недовѣрія; онъ не освобождаетъ народовъ и кончаетъ даже борьбой противъ нихъ;—но онъ дѣлаетъ все то, что̀ необходимо для созданія эмансипаціонной волны, коей другіе сумѣютъ воспользоваться лучше его.

§ 2. Основною политическою идеею Александра I, какъ и всѣхъ остальныхъ русскихъ правителей съ начала XVIII в., было—ускорить разложеніе и окончательное паденіе Оттоманской имперіи. Если въ 1812 году онъ и остановилъ успѣхи своихъ войскъ противъ султана Махмуда [1]), то это было сдѣлано исключительно въ виду предстоявшей борьбы съ Наполеономъ. Послѣ уничтоженія французской имперіи и возстановленія мира на западѣ, онъ, со свойственнымъ славянину мистическимъ упорствомъ, снова принялся за старый „турецкій“ проектъ Екатерины II. Въ этотъ моментъ, Россія господствовала на Черномъ морѣ, благодаря своему положенію на Крымскомъ полуостровѣ; она оказывала давленіе на южный Кавказъ и могла напасть на Малую Азію съ тыла; она хозяйничала на Дунаѣ, благодаря тому, что имѣла въ своихъ рукахъ его устье; признанное за ней право протектората надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей каждодневно предоставляло ей поводы вмѣшиваться въ дѣла Порты. То толкованіе, которое Александръ I, да и всѣ русскіе, придавали Кучукъ-Кайнарджійскому миру [2]), побудило его еще больше расширить

---

[1]) Махмудъ-ханъ, сынъ Абдулъ-Гамида I, братъ Мустафы IV, родился въ Константинополѣ въ 1785 году; призванъ къ власти въ 1808 году рущукскимъ пашею Мустафою-Барайктаромъ; умеръ въ Константинополѣ 1-го іюля 1839 года.

[2]) Согласно условіямъ этого мира (онъ былъ заключенъ въ 1774 году) Порта (арт. 7) обѣщаетъ „твердую защиту христіанскому закону и церквамъ онаго“; она признаетъ, что (арт. 8) „какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ Россійской Имперіи подданнымъ да позволится свободно посѣщать Святый градъ Іерусалима и другія мѣста посѣщенія достойныя“; далѣе (арт. 14) „Россійскому Высочайшему Двору позволяется воздвигнуть въ части Галата публичную Грекороссійскаго исповѣданія церковь, которая всегда подъ протекціей оной Имперіи Министровъ остаться имѣетъ“, наконецъ еще (арт. 7) Порта „дозволяетъ Министрамъ Россійскаго Императорскаго Двора дѣлать по всѣмъ обстоятельствамъ въ пользу какъ воздвигнутой въ Константинополѣ церкви, такъ и служащимъ оной—разныя представленія“. Это и есть тѣ

свои притязанія и принять на себя роль посредника между оттоманами и остальной массой христіанскаго населенія Турціи. По его мнѣнію, онъ былъ ниспосланъ покровительствовать послѣднимъ и, въ случаѣ необходимости, освободить ихъ. Какими средствами разрѣшить ту часть восточнаго вопроса, которую онъ имѣлъ въ виду? Этого онъ не зналъ, но онъ имѣлъ твердое намѣреніе воспользоваться обстоятельствами и даже создать таковыя, для того, чтобы имѣть возможность осуществить свои планы; уже съ конца 1815 года онъ, со знаменательною настойчивостью, сталъ слѣдить за Константинополемъ, такъ что и Порта, и заинтересованныя въ ея защитѣ державы оказались сильно встревоженными.

Турецкое правительство не могло остаться хладнокровнымъ свидѣтелемъ той торжественности, съ коей русскій императоръ опубликовалъ въ февралѣ 1816 г. условія Священнаго союза. Александръ I гордился тѣмъ, что онъ былъ иниціаторомъ акта, въ коемъ спеціально подчеркивалось объединеніе „христіанскихъ" державъ въ видѣ единой политической семьи, и коимъ оттоманская имперія молчаливо исключалась изъ европейскаго концерта. Опасаясь, чтобы подъ благочестивыми словами акта Священнаго союза не скрывалось новаго крестоваго похода, Порта обратилась за объясненіями къ вѣнскому и лондонскому дворамъ; но они могли разувѣрить ее только наполовину. Тогда она обратилась къ царю; но полученныя отъ него мирныя увѣренія нисколько не ослѣпили ее насчетъ грозившей ей опасности. Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, вѣрить отсутствію заднихъ мыслей о войнѣ, особенно въ виду того, что Александръ I, несмотря на возстановленіе общаго мира, все-таки держалъ свою страшную армію на военномъ положеніи. Всѣ остальныя державы сокращали контингенты своихъ войскъ до возможнаго минимума, а въ Россіи, еще къ концу 1816 года, числилось шестьсотъ сорокъ тысячъ готоваго къ выступленію въ походъ войска. Въ то же время, онъ не только отказывался исполнить тѣ условія Бухарестскаго мира, которыя были для него тягостны (эвакуація нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя онъ незаконно сохранялъ за собой на Черномъ морѣ съ 1812 года), но еще и злобно упрекалъ Порту въ неисполненіи своихъ обязательствъ, ссылаясь на свое, будто бы, право получить военную дорогу на югѣ Кавказа и требуя

уступки, которыми пользовался Петербургскій кабинетъ для предъявленія выраженной потомъ такъ смѣло претензіи на распространеніе политическаго и религіознаго протектората надъ всѣмъ христіанскимъ населеніемъ Турціи.

для сербовъ обѣщанныхъ имъ правъ [1]). Личный другъ царя, Строгановъ, появился въ этотъ моментъ въ Константинополѣ въ качествѣ посла; онъ съизнова началъ переговоры по главнымъ спорнымъ пунктамъ и принялъ по отношенію къ Дивану намѣренно-надменный тонъ, который, конечно, не могъ улучшить положеніе дѣла. До этого момента правленіе султана Махмуда было сравнительно счастливымъ, и онъ даже считалъ себя призваннымъ преобразовать турецкую имперію; конечно, онъ не былъ способенъ уступить московскимъ приказаніямъ. Переговоры, такимъ образомъ, ни къ чему не привели. Русскому дипломату и турецкимъ министрамъ пришлось въ продолженіе многихъ лѣтъ вести состязанія въ тонкихъ и хитрыхъ словопреніяхъ. Ни одна изъ сторонъ не хотѣла ни уступить, ни принять на себя отвѣтственность за окончательный разрывъ. Въ ожиданіи возможности дѣйствовать, царь просто старался оставить открытымъ свой споръ съ противникомъ. Онъ надѣялся извлечь изъ этого спора, при удобномъ случаѣ, хорошій поводъ къ войнѣ, а потому совсѣмъ и не собирался (это было не въ его интересахъ) мирно покончить его. Еще больше боязни внушалъ Турціи тотъ фактъ, что Александръ I весьма благожелательно принималъ въ Россіи извѣстныхъ агитаторовъ, открыто готовившихъ, подъ его покровительствомъ, возстаніе христіанъ въ Оттоманской имперіи. Бывшій руководитель сербскаго возстанія, Кара-Георгій [2]), находившійся въ изгнаніи съ 1813 года, провелъ цѣлую зиму (1816—1817) въ С.-Петербургѣ и оттуда поѣхалъ призывать свою страну еще разъ къ оружію. Въ большой милости у царя были также

[1]) Избавившись въ 1813 году отъ Кара-Георгія, турки мечтали больше о мести, чѣмъ о томъ, чтобы даровать сербамъ ту автономію, которую имъ посулилъ Бухарестскій трактатъ; турки такъ жестоко обходились съ сербами, что послѣдніе въ 1815 году снова возстали подъ предводительствомъ Милоша Обреновича (родоначальника нынѣ царствующей у нихъ династіи). Провозглашенный своими соотечественниками (въ 1817 г.) княземъ, этотъ искусный и энергичный политическій дѣятель добился отъ Порты признанія за нимъ той власти, которую онъ захватилъ; но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ подготовлять Сербію къ той полной эмансипаціи, которая сдѣлалась совершившимся фактомъ лишь въ наши дни.

[2]) Кара-Георгій или Черный Георгій родился близъ Бѣлграда около 1770 года; сталъ во главѣ сербовъ въ 1804 году съ цѣлью бороться противъ янычаръ, отъ которыхъ ему и удалось освободить свою родину; заставилъ султана въ 1807 г. признать автономію сербскаго народа; два года спустя соединился противъ турокъ съ русскими, которые въ 1812 г. не поддержали его; въ 1813 г. онъ принужденъ былъ бѣжать; вернулся на родину въ 1817 г.; разжегъ тамъ возстаніе, но почти тотчасъ же былъ схваченъ и выданъ своимъ соперникомъ, Милошемъ Обреновичемъ, въ руки турокъ; казненъ по приказанію Бѣлградскаго паши, который отправилъ его голову въ Константинополь.

и греки. Два брата Ипсиланти [1]), которымъ предстояло, въ 1821 году, подать грекамъ сигналъ къ возстанію, были его адъютантами. Преданный, какъ и они, тѣломъ и душой дѣлу освобожденія своей родины, корфіотъ Каподистріа [2]) былъ однимъ изъ его министровъ. Можно представить себѣ, какіе совѣты онъ постоянно нашептывалъ Александру I. Подъ вліяніемъ этого дѣятельнаго и искуснаго дипломата, императоръ не только разрѣшилъ основать гетерію, но еще и поощрялъ развитіе этого громаднаго греческаго союза, возникшаго съ 1814 года на русской территоріи, принявшаго, въ 1817 и 1818 гг., громадные размѣры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занявшаго угрожающее положеніе по отношенію къ турецкому правительству. При посредствѣ своихъ журналовъ, книгъ и брошюръ гетеристы почти открыто готовили въ это время возстаніе грековъ. Русскіе агенты шныряли по Мореѣ и Цикладскимъ островамъ. Греческіе патріоты ѣздили въ Россію за наставленіями и за поддержкой для своихъ плановъ. Словомъ, замыслы Александра I относительно Турціи не могли быть тайною ни для одного европейскаго двора.

Особенно озабочены были этой политикой двѣ великія державы, Австро-Венгрія и Англія; онѣ-то и старались всѣми силами помѣшать ей. Вѣнскій кабинетъ, и безъ того уже сильно недовольный положеніемъ, занятымъ Россіею въ устьяхъ Дуная, не могъ, конечно, относиться хладнокровно къ постепенному расширенію авторитета Россіи среди прибрежныхъ дунайскихъ на-

[1]) Они принадлежали къ очень извѣстному роду, который претендовалъ на происхожденіе отъ Комненовъ. Старшій изъ нихъ, Александръ, родился въ 1783 году; рано поступилъ на русскую службу; въ Дрезденскомъ сраженіи (1813) потерялъ руку; около 1820 года сталъ во главѣ гетеристовъ; подалъ въ 1821 году, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, сигналъ къ возстанію грековъ; былъ вынужденъ немного позднѣе бѣжать и скрыться на австрійской территоріи, гдѣ онъ былъ заключенъ въ тюрьму до 1827 года; умеръ въ Вѣнѣ въ 1828 году.—Его младшій братъ, Дмитрій, родился въ 1793 году и въ молодости своей тоже былъ на русской службѣ; игралъ важную роль въ войнѣ за освобожденіе Греціи, особенно въ 1821—1823 г.; командовалъ войсками восточной Греціи при Каподистріа съ 1828 — 1830 г.; умеръ въ Навпліи въ 1832 году.

[2]) Каподистріа (графъ, Иванъ-Антонъ) родился на островѣ Корфу въ 1776 году; воспитывался въ Падуѣ и Венеціи; былъ министромъ іонійской республики съ 1802—1807 г.; атташе при русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (1807), а потомъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ (1811); былъ, въ качествѣ дипломатическаго агента, прикомандированъ царемъ къ дунайской арміи (1812); русскій посланникъ въ Швейцаріи (1813); представитель этой державы на Вѣнскомъ конгрессѣ (1814—1815); назначенъ Александромъ I, вмѣстѣ съ Нессельроде, въ министерство иностранныхъ дѣлъ (1816); въ фиктивной опалѣ (1822); президентъ Греціи (1827); убитъ въ Навпліи братьями Мавромихалисъ 9 октября 1831 года.

родностей (до Бѣлграда включительно) и къ тому подстреканію грековъ, которое, въ случаѣ войны, могло повлечь за собою полное уничтоженіе мусульманской имперіи на континентѣ Европы. Меттернихъ, поэтому, не переставалъ слѣдить за востокомъ въ описываемые нами годы. Его довѣренный, Гентцъ, поддерживалъ постоянную переписку съ господарями Валахіи, косвенно сообщая Портѣ о московскихъ проискахъ и охраняя ее отъ неосторожности и самонадѣянности. Австрійскій интернунцій [1]) въ Константинополѣ также постоянно увѣрялъ султана въ томъ, что вѣнскій и лондонскій дворы не оставятъ его безъ поддержки; что, съ одной стороны, онъ долженъ питать къ нимъ полное довѣріе и что, съ другой стороны, ему слѣдуетъ остерегаться всѣхъ тѣхъ оскорбительныхъ словъ или дѣйствій, которыя дали бы Россіи искомый ею поводъ къ войнѣ. Что касается британскаго кабинета, то онъ занималъ по отношенію къ Портѣ почти такое же положеніе; но совѣты его были еще болѣе настойчивыми. Ученики Питта, англійскіе министры смотрѣли на сохраненіе Оттоманской имперіи какъ на вопросъ жизни или смерти для Англіи. Поэтому, лордъ Кастльри, министръ иностранныхъ дѣлъ, въ высшей степени энергично старался бороться и въ Константинополѣ, и въ другихъ государствахъ—съ тайными планами царя, касавшимися Турціи. Правда, ему стоило большого труда заставить слушать себя недовѣрчивое и гордое турецкое правительство, которое въ англійской помощи видѣло чуть что не протекторатъ и которое, конечно, безъ удовольствія смотрѣло на захватъ Іоническихъ острововъ [2]). Но если Махмудъ не могъ признать законнымъ захватъ Корфу, то онъ все-таки не могъ, въ сущности, не признавать пользы англійскаго сосѣдства. Іоническіе острова были передовымъ постомъ, съ котораго англичане могли вблизи слѣдить за русскими происками въ христіанскихъ провинціяхъ Турціи, дабы вмѣшаться въ удобный моментъ. Съ Іоническихъ острововъ англичане наблюдали за Греціей и обуздывали ее; оттуда они могли, въ нѣсколько дней, переправить свой флотъ въ Дарданеллы и къ Константинополю. Царю это было хорошо извѣстно. И только поэтому онъ остерегался скомпрометировать себя грубымъ и преждевременнымъ разрывомъ съ Турціей.

[1]) Этотъ титулъ обозначаетъ представителя вѣнскаго двора въ Константинополѣ въ то время, когда тамъ нѣтъ посла.

[2]) Лишь послѣ довольно долгаго сопротивленія (это засвидѣтельствовано Гентцемъ и Меттернихомъ, которые осуждали это сопротивленіе), султанъ согласился на заключеніе этого трактата; взамѣнъ острововъ онъ получилъ обратно нѣкоторые пункты Эпирскаго и Албанскаго побережья, занятые англичанами.

§ 3. Но если англійская политика очень мѣшала Александру I, то и онъ, со своей стороны, не упускалъ случая отплатить Англіи. Его дипломатическіе агенты преслѣдовали англійскій кабинетъ по всей Европѣ, каждодневно причиняя ему новыя заботы и затрудненія. Александръ I, напримѣръ, началъ ставить на очередь — съ аффектированнымъ усердіемъ, бывшимъ, во всякомъ случаѣ, непріятнымъ Англіи,—вопросъ объ уничтоженіи пиратства на Средиземномъ морѣ. Обуздать и сдѣлать невозможнымъ морской разбой, коимъ промышляли варварійскія племена уже много вѣковъ,—было для „великой христіанской семьи“, по его словамъ, необходимою обязанностью. Сентъ-Джемсскій кабинетъ не могъ утверждать противоположнаго; а между тѣмъ, указанныя племена были турецкими подданными. И всякое нападеніе на нихъ могло быть истолковано, какъ замаскированное начало крестоваго похода противъ Турціи. Англія предпочитала получить это дѣло—въ свои руки. Но Александръ I открыто заявлялъ о своемъ желаніи войти въ число участниковъ и даже требовалъ, въ декабрѣ 1816 г., чтобы вся Европа, вмѣстѣ съ нимъ, вооружилась противъ корсаровъ [1]). Англичане не могли допустить, чтобы русскій флотъ проникъ въ Средиземное море. Они трепетали при мысли, что царь замышляетъ пріобрѣсти себѣ въ этихъ мѣстахъ морскую станцію, подобно тому какъ они сами присвоили себѣ Гибралтаръ и Мальту. Ихъ опасенія не были, впрочемъ, лишены всякаго основанія. Около марта мѣсяца 1817 г. распространился по Европѣ слухъ, что Испанія только-что обязалась, по тайному соглашенію, передать Россіи Портъ-Магонъ; эту грозную пристань прежде занимала Англія, давно уже неутѣшно горевавшая о ея потерѣ [2]). Сильное безпокойство овладѣло всѣми министерствами иностранныхъ дѣлъ, а въ особенности лондонскимъ и вѣнскимъ. Кастльри и Меттернихъ тотчасъ набросали проектъ тройственнаго союза между Англіей, Австріей и Пруссіей съ цѣлью силою обуздать, въ случаѣ необходимости, царскую политику захватовъ. На вопросъ о суще-

[1]) Онъ офиціально предложилъ, чтобы европейскія державы согласились,—если Порта не дастъ имъ достаточныхъ гарантій противъ варварійцевъ,—разсматривать, безъ предувѣдомленія, всякое увеличеніе вооруженныхъ силъ этихъ племенъ, какъ casus foederis, и истреблять самое оружіе и всѣ природныя и искуственныя средства, кои могли-бы помочь имъ возобновить запасы этого оружія. Изъ этой ноты довольно ясно можно было заключить о намѣреніи Александра I занять нѣкоторые господствующіе пункты на Средиземномъ морѣ.

[2]) Она владѣла островомъ Миноркой съ 1708 по 1756, съ 1763 по 1782 и съ 1798 по 1802 годъ.

ствованіи этой конвенціи, русскіе министры отвѣчали категорически „нѣтъ“. А между тѣмъ, она навѣрное имѣлась. Но Александръ I, не желая разорвать Священный Союзъ, оставилъ ее безъ послѣдствій. И съ этого момента онъ сталъ бороться съ англичанами иными путями.

Если Фердинандъ VII, въ дѣлѣ Минорки, оказался столь уступчивымъ, то это произошло не по одному только тому, что Татищевъ, русскій посолъ въ Мадридѣ, снискалъ его (Фердинанда VII) любовь своими одобреніями внутренней испанской политики (столь мало, впрочемъ, достойной одобренія) [1]. Это произошло также и потому, что Россія обѣщала Фердинанду VII помочь въ разрѣшеніи—въ возможно болѣе выгодномъ для Испаніи смыслѣ—тѣхъ внѣшнихъ вопросовъ, которые представляли для нея въ этотъ моментъ наибольшій интересъ.

Съ 1810 года испанскія колоніи въ Америкѣ находились въ состояніи открытаго возстанія, и не имѣлось повода думать, что метрополіи, безъ чужой помощи, возможно будетъ вернуть ихъ подъ свою власть. Собравъ въ 1815 году всѣ свои силы, Фердинандъ VII былъ въ состояніи послать въ Америку всего только 20.000 войска, добившагося сначала, подъ начальствомъ Морильо, нѣкоторыхъ успѣховъ въ Венецуэлѣ и Новой Гранадѣ, но затѣмъ, подъ вліяніемъ развившихся болѣзней, скоро вынужденнаго покинуть завоеванную, было, часть территоріи. Боливаръ, дважды изгнанный, дважды возвращался и, въ данный моментъ, владѣлъ всею страною отъ Каракаса до Боготы [2] (1816—1817). Около того же времени, Аргентинская конфедерація положила основаніе своей внутренней организаціи на Тукуманскомъ [3] конгрессѣ.

---

[2]) Фердинандъ VII (сынъ Карла IV) родился въ 1784 г.; умеръ въ 1833 г.; низвергнутъ съ престола въ 1808 г. и захваченъ въ плѣнъ Наполеономъ, отпустившимъ его на свободу только по Валенсійскому трактату (11 декабря 1813 г.). Этотъ монархъ отличался низкой душой и ограниченнымъ умомъ. Возвратясь на тронъ (1814), онъ отплатилъ за геройскую вѣрность, выказанную ему испанскимъ народомъ въ продолженіе шести лѣтъ, только гнусной и безтолковой тираніей. Онъ свелъ на нѣтъ конституцію, которую кадикскіе кортесы даровали Испаніи въ 1812 году; возстановилъ абсолютизмъ и инквизицію; призвалъ обратно іезуитовъ; ссылалъ массами либераловъ; набивалъ тюрьмы „заподозрѣнными“; покрылъ страну эшафотами и правилъ только при помощи шпіоновъ, доносчиковъ и террористовъ, въ общемъ, не принимая рѣшительно никакихъ мѣръ къ подъему упавшаго престижа испанской монархической власти.

[2]) Боливаръ (Симонъ), названный *освободителемъ*, родился въ Каракасѣ 24 іюля 1783 г.; помощникъ Миранды съ 1812 г.; диктаторъ Венецуэлы въ 1813 г.; президентъ Колумбіи (1819); диктаторъ (1824), затѣмъ президентъ (1825) перуанской республики; умеръ 11 декабря 1830 года.

[3]) Этотъ конгрессъ открылся 25 марта 1816 г. и объявилъ затѣмъ, 9 іюля, независимость соединенныхъ провинцій Ла-Платы.

Франсіа [1]), въ Парагваѣ, пользовался, фактически, полною независимостью. Санъ-Мартинъ подготовлялъ окончательное освобожденіе Чили. Все верхнее Перу цѣликомъ было подъ оружіемъ. Испанскія власти держались еще только въ нижнемъ Перу, въ Мексикѣ и на Антильскихъ островахъ. Да и тамъ они были сильно скомпрометированы. Къ довершенію всѣхъ затрудненій, португальское правительство, коему Мадридскій кабинетъ, несмотря на настоянія многихъ великихъ державъ, упорно отказывалъ въ возвращеніи Оливенцы (см. выше стр. 67), рѣшило вознаградить себя занятіемъ Восточной Банды [2]), находившейся въ зависимости отъ провинцій Ла-Платы, и присоединило ее къ Бразиліи (1816—1817). Изъ этого можно заключить, что, при такихъ обстоятельствахъ, добрыя услуги Александра I, во всякомъ случаѣ, не были безполезными для Фердинанда VII.

Къ тому же, царь нашелъ нужнымъ защищать Фердинанда VII не только отъ инсургентовъ въ Америкѣ, но и отъ Португаліи. Что касается этого послѣдняго государства, то онъ, просто-напросто, предложилъ Священному Союзу напасть на него и занять его территорію, съ тѣмъ, чтобы она служила испанскому правительству залогомъ и вознагражденіемъ (начало 1817 г.). Это предложеніе натолкнулось на категорическій отказъ Англіи, такъ какъ оно шло совершенно вразрѣзъ съ ея интересами. Какъ извѣстно, Португалія уже больше столѣтія находилась у Великобританіи какъ въ политической, такъ и въ коммерческой зависимости. Покинутая на волю судьбы своимъ монархомъ, бѣжавшимъ въ 1807 году [3]) въ Бразилію и все еще проживавшимъ тамъ, Португалія была защищаема отъ Наполеона англійскими силами, въ качествѣ британскаго владѣнія. Лордъ Бересфордъ

---

[1]) Франсіа (Іосифъ-Каспаръ-Родригецъ) родился въ Ассунсіонѣ въ 1758 г.; докторъ каноническаго права, профессоръ теологіи, затѣмъ адвокатъ въ своемъ родномъ городѣ; секретарь Парагвайской Юнты (1811); консулъ (1813); диктаторъ на три года (1814), затѣмъ пожизненный диктаторъ этой республики (1817); управлялъ ею почти неограниченнымъ образомъ до смерти, т.-е. до 20 сентября 1840 года.

[2]) Этимъ именемъ обозначали нынѣшній Уругвай, т.-е. громадную территорію между Ріо-де-ла-Плата и бразильской провинціей Ріо-Гранде-до-Сулъ; столицей ея было Монтевидео.

[3]) Іоаннъ Альгарвін (родился въ Лиссабонѣ въ 1789 г.), старшій сынъ португальской королевы Маріи I-ой, былъ регентомъ съ 1792 года, т.-е. съ того времени, когда его мать впала въ умопомѣшательство; при приближеніи Жюно, которому Наполеонъ поручилъ занять Португалію, онъ покинулъ Лиссабонъ и удалился въ Бразилію. Въ 1815 г. онъ обратилъ эту колонію въ королевство, не отдѣляя ее, впрочемъ, отъ лузитанской имперіи. По смерти матери, 16 марта 1816 года, онъ наслѣдовалъ ей въ качествѣ короля, подъ именемъ Іоанна VI. Онъ вернулся въ свои европейскія владѣнія лишь въ 1821, и умеръ въ 1826 г.

пользовался тамъ властью настоящаго вице-короля. Сенъ-Джемсскій кабинетъ уже давно былъ всемогущъ и въ Лиссабонѣ, и въ Ріо-де-Жанейро. Ему не могло нравиться, чтобы третье государство напало на лузитанскую имперію, представлявшую что-то въ родѣ англійскаго помѣстья, и раздробило ее въ пользу государства, прямо подчиненнаго вліянію Россіи и Франціи [1]). Англія не одобряла и того, чтобы Бразилія увеличивала свое значеніе насчетъ присоединенія части испанскихъ колоній, такъ какъ она вовсе не желала, чтобы португальцы когда-либо могли обойтись безъ британской помощи. Поэтому, она сдѣлала Ріоскому двору серьезныя представленія насчетъ занятія Восточной Банды и объявила себя вполнѣ несолидарной съ его властолюбивыми видами на Ла-Плату [2]). А съ другой стороны, она съ такой энергіей протестовала противъ всякаго нападенія на Португалію, что царь, еще разъ, долженъ былъ уступить.

Впрочемъ, Александръ I, уступивъ по этому вопросу, немедленно сталъ грозить англійскому правительству въ другомъ отношеніи. Подстрекаемый по непосредственному наущенію Татищева, Фердинандъ VII обратился, въ серединѣ 1817 года, къ Священному Союзу за помощью противъ своихъ возмутившихся подданныхъ Новаго Свѣта. Шесть мѣсяцевъ спустя (январь 1818), царь обратился къ великимъ европейскимъ державамъ съ меморандумомъ, имѣвшимъ цѣлью побудить ихъ къ принятію коллективныхъ мѣръ противъ возставшихъ колоній. Можно себѣ представить, какъ отнеслась Англія,—а ее именно царь и имѣлъ въ виду,—къ такому проекту. Въ самомъ дѣлѣ, политика британскаго кабинета, въ сущности, тайно склонялась къ тому, чтобы помочь испано-американскимъ населеніямъ въ ихъ борьбѣ за независимость, а вовсе не къ тому, чтобы возвратить ихъ подъ власть метрополіи. Уже больше ста лѣтъ Великобританія подкапывалась подъ колоніальныя владѣнія Испаніи [3]). Теперь,

[1]) Не слѣдуетъ упускать изъ виду довольно тѣсное родство, связывавшее Людовика XVIII съ Фердинандомъ VII. Оба они происходили отъ Великаго Дофина, сына Людовика XIV. Кромѣ того, нѣсколько браковъ, въ теченіе XVIII вѣка, еще больше упрочили связь французскаго и испанскаго королевскихъ домовъ.

[2]) Королева Карлотта, супруга Іоанна VI и сестра Фердинанда VII, безуспѣшно пыталась въ свое время заставить кадикскихъ кортесовъ назначить ее испанскою регентшею. Теперь она интриговала въ смыслѣ обращенія провинцій Ла-Платы въ самостоятельное королевство, собираясь захватить его тронъ. Впрочемъ, уже съ 1816 года, Тукуманскій конгрессъ сдѣлалъ осуществленіе подобной программы очень мало вѣроятнымъ.

[3]) Она воевала съ Испаніей съ 1701—1713, съ 1719—1720, съ 1726—1727, съ 1739—1748, съ 1761—1763, съ 1779—1783, съ 1796—1802 и съ 1803—1808 г.

наличность революціи, имѣвшей цѣлью уничтожить соперничавшую съ ней державу и создать цѣлую массу небольшихъ республикъ, неминуемо долженствовавшихъ обратиться въ политическихъ и коммерческихъ вассаловъ Англіи, давала послѣдней возможность окончательно реализовать свои давнишніе планы. Кастльри и Ливерпуль были еще слишкомъ связаны піэтетомъ къ идеѣ власти и уваженіемъ къ дипломатическимъ приличіямъ, и потому отказывались открыто одобрить возстаніе испано-американцевъ противъ законнаго своего монарха, которому лондонскій дворъ нѣкогда даже покровительствовалъ, но, съ другой стороны, они оба были хорошими англичанами и, слѣдовательно, пламенно желали окончательнаго тріумфа мятежниковъ. Само собою разумѣется, они отклонили предложенія и Александра I, и Фердинанда VII. Въ крайнемъ случаѣ, они предлагали, по прежнему [1]), частное посредничество Англіи, требуя у испанскаго короля возвращенія Оливенцы и преобразованія своихъ колоній въ одно или нѣсколько независимыхъ королевствъ, съ однимъ или нѣсколькими принцами во главѣ. Они знали, что это предложеніе будетъ отвергнуто съ негодованіемъ. Поэтому, между прочимъ, они и не придавали ему особеннаго значенія. Зато, они очень энергично дѣйствовали въ пользу мятежниковъ. Съ повѣреннымъ въ дѣлахъ Аргентинской конфедераціи, Ривадавіа, обращались въ Лондонѣ такъ, какъ будто бы эта республика была уже офиціально признана. Боливаръ и другіе предводители возстанія безпрерывно получали изъ Лондона, Ливерпуля и съ Ямайки [2]) поддержку деньгами, провіантомъ и оружіемъ; англійскіе волонтеры въ большомъ количествѣ спѣшили присоединиться къ мятежникамъ; наиболѣе выдающійся изъ этихъ волонтеровъ, адмиралъ Кохранъ [3]), открыто манифестировалъ, предлагая мятежникамъ свои услуги; а министерство ничего противъ него не предпринимало.

---

[1]) Т.-е. такъ же, какъ въ 1814 и въ 1815 гг.

[2]) Главное владѣніе англичанъ въ Караибскомъ морѣ.

[3]) Кохранъ (графъ Александръ-Томасъ) родился 14 декабря 1775 года; исключенный изъ англійскаго флота и палаты общинъ послѣ надѣлавшаго шума процесса, онъ поступилъ на службу въ республикѣ Чили, гдѣ ему поручили командованіе флотомъ (1818); уволенный въ отставку въ 1823 г., онъ принялъ командованіе надъ бразильскимъ флотомъ, а затѣмъ, въ 1827 г., надъ греческимъ. Вернувшись въ Англію и получивъ, по смерти отца, титулъ графа Дундональда (1831), онъ былъ принятъ обратно въ британскій флотъ (1832), былъ произведенъ (1842) въ чинъ вице-адмирала и въ 1847 году назначенъ главнокомандующимъ надъ англійскимъ флотомъ въ портахъ Сѣверной Америки и Вестъ-Индіи. Онъ умеръ въ 1860 году.

§ 4. Итакъ, въ Америкѣ точно такъ же, какъ и на востокѣ, Англія парализовывала старанія царя. Но въ то же время Александръ I сильно безпокоилъ ее и Австрію своею возрастающею дружбою съ французскимъ правительствомъ. Союзъ съ Людовикомъ XVIII казался ему, не безъ основанія, гораздо болѣе цѣннымъ и желательнымъ, чѣмъ союзъ съ Фердинандомъ VII. Поэтому онъ и сталъ дѣйствовать въ такомъ направленіи, чтобы этотъ союзъ, въ извѣстный моментъ, не ускользнулъ отъ него. Лично, онъ не питалъ ни особенной дружбы, ни особеннаго уваженія къ Бурбонамъ, получившимъ обратно свой тронъ изъ его рукъ и отплатившимъ ему за это, на Вѣнскомъ конгрессѣ, столькими непріятностями. Быть можетъ, онъ бы отнесся пассивно даже къ замѣщенію главы Бурбоновъ какимъ-нибудь другимъ принцемъ изъ числа тѣхъ, которые были называемы заговорщиками въ 1816 году [1]. Но онъ не хотѣлъ также и того, чтобы Франція подверглась вторичной революціи. Въ данный моментъ онъ стремился къ тому, чтобы правительство реставраціи было достаточно воздержано, не вызывало новыхъ внутреннихъ волненій и набиралось силъ на будущее время. Людовикъ XVIII могъ, очевидно, укрѣпиться на престолѣ только путемъ отклоненія отъ партіи ультра-роялистовъ, составлявшихъ большинство въ безподобной палатѣ и компрометировавшихъ его передъ народомъ своими реакціонными тенденціями. Поэтому, въ то время какъ Татищевъ, въ Мадридѣ, сквозь пальцы смотрѣлъ на безсмысленную и жестокую тираннію Фердинанда VII и его камарильи,—Поццо ди Борго, русскій посолъ въ Парижѣ, имѣлъ инструкціи поддерживать конституціонные принципы и бороться противъ противниковъ Хартіи. Добившись, въ сентябрѣ 1815 г., важнаго назначенія для своего друга, герцога Ришелье, Александръ I прилагалъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы дать ему возможно дольше удержаться на министерскомъ посту. Ришелье, убѣжденный, но разумный роялистъ, былъ столь же умѣ-

---

[1]) Рѣчь шла о Вильгельмѣ, принцѣ Оранскомъ, родившемся въ 1792 году, старшемъ сынѣ нидерландскаго короля Вильгельма I, коему онъ наслѣдовалъ въ 1840 году; онъ умеръ въ 1849 году. Онъ женился въ 1816 г. на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, сестрѣ Александра I. Онъ былъ честенъ, отваженъ и властолюбивъ. Нѣкоторые французскіе эмигранты, жившіе тогда въ Брюсселѣ, замышляли воспользоваться его именемъ для низложенія Людовика XVIII. Они разсчитывали на то, что русскій императоръ будетъ поддерживать своего зятя. Одинъ изъ нихъ, адвокатъ Тестъ, поѣхалъ въ 1816 г. въ Варшаву и представилъ свой химерическій проектъ великому князю Константину, который сообщилъ его царю. Послѣдній не отвергъ его наотрѣзъ. Ордоннансъ 5 сентября, о которомъ рѣчь будетъ ниже, убѣдилъ Александра I въ невозможности осуществить этотъ проектъ.

ренный, сколь и честный человѣкъ. Онъ не долюбливалъ Хартіи, но былъ достаточно чуткимъ для того, чтобы понять всю ея цѣну для дѣла сохраненія монархіи. Чрезвычайные законы, месть, ссылки и, наконецъ, бѣлый терроръ—заставляли его опасаться за будущее того режима, коему онъ служилъ. Крайняя партія ультра-роялистовъ и ихъ предводитель, графъ д'Артуа, ненавидѣли его, называли его якобинцемъ и открыто подкапывались подъ него. Лишь благодаря помощи союзныхъ державъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы во Франціи опять не произошло волненій, и, въ особенности, благодаря помощи Россіи, Ришелье удержался у власти и избавился на нѣкоторое время отъ своихъ шумныхъ противниковъ. Послѣ нѣсколькихъ предупрежденій, прямо или косвенно исходившихъ отъ Поццо-ди-Борго, Людовикъ XVIII понялъ ту опасность, которою грозила ему безумная политика безподобной палаты, и, 5 сентября 1816 года, распустилъ это собраніе. Новые выборы немедленно же дали въ результатѣ болѣе осмысленное представительство, въ которомъ буржуазный и конституціонный элементы оказались въ большинствѣ. Удачно скомбинированное министерство [1]) оказалось въ состояніи, въ теченіе 1817 и 1818 гг., послѣдовательно и полезно поработать надъ поднятіемъ престижа Франціи; нѣсколько хорошихъ законовъ было вотировано въ этотъ періодъ [2]). Довѣріе, внушенное имъ Европѣ, было, уже въ февралѣ 1817 г., настолько велико, что иностранный оккупаціонный корпусъ, состоявшій, по договору 20 ноября, изъ ста пятидесяти тысячъ человѣкъ, былъ, по настояніямъ русскаго правительства, уменьшенъ до ста двадцати тысячъ. Съ этихъ поръ, Ришелье могъ уже надѣяться, что полное освобожденіе французской территоріи послѣдуетъ не позже конца слѣдующаго года.

§ 5. Если политика царя носила въ Испаніи характеръ абсолютный, а во Франціи конституціонный,—то въ другихъ стра-

[1]) Этотъ кабинетъ былъ составленъ 26 сентября 1815 г. слѣдующимъ образомъ: президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ—герцогъ Ришелье; внутреннихъ дѣлъ—графъ Вобланъ; военный—герцогъ Фельтръ; морской — графъ Дюбушажъ; финансовъ—графъ Корветто; полиціи—графъ Деказъ; юстиціи—графъ Барбе Марбуа.— Позднѣе, Вобланъ и Барбе-Марбуа были замѣщены Ленэ и графомъ Дамбрэ (8 мая 1816 г.). Умѣренная партія ввела въ кабинетъ еще маршала Гувіонъ-Санъ-Сира, 23 іюня 1817 г. замѣстившаго Дюбушажа, и графа Молэ, назначеннаго, 24 сентября, морскимъ министромъ, въ то время какъ Гувіонъ-Санъ-Сиръ перешелъ въ военное министерство.

[2]) Въ томъ числѣ: избирательный законъ 5 февраля 1817 г. и законъ 10 марта 1818 г. о преобразованіи арміи.

нахъ она была открыто либеральною; и это обстоятельство сильно огорчало Меттерниха. Этотъ государственный дѣятель считалъ очень неудобными для себя—дѣйствія Александра I, поощрявшаго, по его словамъ, развитіе революціи и, притомъ, умѣвшаго быть достаточно хладнокровнымъ для того, чтобы поощрять ея развитіе только во владѣніяхъ своихъ политическихъ соперниковъ. Встрѣтивъ на Востокѣ препятствія со стороны Австріи, Александръ I мстилъ ей тѣмъ, что возстановлялъ противъ этой державы собственныхъ ея подданныхъ. Италія была по рукамъ и ногамъ связана вѣнскими властями, но мечтала объ освобожденіи. Россія же, будто бы, поощряла ее черезъ многочисленныхъ своихъ агентовъ, коихъ она посылала на Аппенинскій полуостровъ; въ ихъ наличности и успѣхахъ Меттернихъ убѣдился въ 1817 г., во время путешествія, совершеннаго имъ по Италіи. Идеи конституціонной свободы, давно имъ по мнѣнію австрійскаго министра, будто бы подавленныя, возрождались повсюду, гдѣ дѣйствовали пропагандисты. Секты всюду подкапывались подъ установившійся порядокъ; карбонаризмъ сталъ пріобрѣтать новыя формы. Въ Германіи многіе монархи (напримѣръ, саксенъ-веймарскій, баденскій, вюртембергскій), находившіеся, благодаря семейнымъ связямъ [1]), подъ большимъ вліяніемъ царя, давали или собирались дать своимъ подданнымъ конституціи, конечно, не черезчуръ демократическія, но, все-таки, достаточно либеральныя для того, чтобы дать населенію понятіе о представительномъ образѣ правленія. Агенты Библейскаго Общества, основаннаго Александромъ I въ Россіи, щедро распространяли по всей центральной Европѣ Евангелія на мѣстныхъ языкахъ, ободряли обездоленныхъ, бѣдныхъ и угнетенныхъ и распространяли, по словамъ Меттерниха, не просвѣщеніе, но мятежъ. Эгерія царя, баронесса Крюденеръ, проповѣдывала въ Швейцаріи христіанскія идеи о равноправности, не сознавая, можетъ быть, всего ихъ значенія; австрійскій канцлеръ, во всякомъ случаѣ, считалъ ихъ безусловно подрывающими принципъ авторитета и власти. Наконецъ, инниціаторъ Священнаго Союза, казалось, выставлялъ себя въ видѣ примѣра для всѣхъ монарховъ, вводя въ дѣйствіе, согласно своимъ обѣщаніямъ, польскую конституцію и давая понять, что, въ извѣстный моментъ, онъ собирается сдѣлать то же самое и въ коренной Россіи (февраль 1818 г.).

[1]) Александръ I былъ женатъ на дочери баденскаго великаго герцога; Карлъ-Фридрихъ, наслѣдникъ саксенъ-веймарскаго великаго герцогства, и Вильгельмъ I, вюртембергскій король (съ 1816 г.), были женаты на сестрахъ царя.

Весьма серьезная агитація, начавшая распространяться во многихъ государствахъ и внушавшая Меттерниху опасенія за ближайшее будущее, была, впрочемъ, послѣдствіемъ не столько тѣхъ обѣщаній, которыя, въ свое время, даны были населеніямъ этихъ государствъ,—сколько того крайняго гнета, который возводился нѣкоторыми правительствами въ области управленія, такъ сказать, въ догматъ. Не говоря уже о мелкихъ германскихъ и итальянскихъ государствахъ, гдѣ самый узкій деспотизмъ, вмѣстѣ со всѣми устарѣлыми привилегіями, былъ возстановляемъ, какъ святыня,—правительства трехъ великихъ державъ начали брать на себя, какъ бы наперекоръ царю, роль поборниковъ реакціи въ Европѣ. Это были Англія, Пруссія и Австрія. Безъ сомнѣнія, англійскіе министры, принужденные у себя дома относиться съ уваженіемъ къ парламенту, не могли во внѣшнихъ сношеніяхъ открыто объявлять себя противниками конституціонныхъ началъ. Но они нигдѣ ихъ не поддерживали. Они спокойно принесли ихъ, въ Италіи и въ другихъ государствахъ, въ жертву желаніямъ вѣнскаго двора; Кастльри соблюдалъ приличія, но, въ сущности, шелъ тѣмъ же путемъ, что и Меттернихъ. Этотъ послѣдній, съ своей стороны, безъ всякаго труда склонилъ на путь контръ-революціи прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, трусливаго и богобоязненнаго монарха, страшившагося новыхъ идей и колебавшагося исполнить тѣ обѣщанія, которыя были даны имъ своимъ подданнымъ, въ моментъ призыва всего населенія къ оружію [1]). Этотъ монархъ, значительно охладѣвшій по отношенію къ Россіи послѣ нѣкоторыхъ заигрываній царя съ Франціей [2]), съ каждымъ днемъ все больше и больше подпадалъ подъ вліяніе австрійскаго министра, поминутно изображавшаго ему ужасы „якобинизма", неизбѣжнаго и смертельнаго врага Пруссіи, Австріи и всей вообще Германіи. Штейнъ, Гарденбергъ и Гумбольдтъ, меньше страшившіеся слова „свобода", повидимому, стали терять свое значеніе при берлинскомъ дворѣ. Прошли два долгихъ года, а обѣщанная конституція все еще не появлялась на свѣтъ; король не говорилъ больше о дѣленіи власти съ народомъ, а ограничивался проектами устройства провинціальныхъ сеймовъ съ совѣщательнымъ голосомъ въ политическихъ дѣлахъ (къ тому же, эти сеймы должны были быть учреждены очень не скоро) [3]). Что касается Австріи, то

---

[1]) 22 мая 1815 г., немного раньше битвы при Ватерлоо.

[2]) Въ 1814 и, особенно, въ 1815 году.

[3]) Въ 1823 году.

ея императоръ не былъ связанъ никакими обѣщаніями. Самая мелочная (и часто смѣшная) централизація была, по его мнѣнію, идеаломъ правленія. Мѣшая подданнымъ думать и желать и, вопреки плану Іосифа II, строго поддерживая рознь языка и законовъ для ослабленія тѣхъ разнообразныхъ національностей, управлять [1]) которыми онъ призванъ былъ судьбой,—Францъ I старался поддержать, при помощи канцлера, свой авторитетъ. Не удивительно поэтому, что вѣнскій и берлинскій кабинеты, проникнутые такими идеями, вовсе не были расположены поддерживать на союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ національныя и народныя стремленія Германіи. Это собраніе, объединившее, между прочимъ, исключительно представителей отдѣльныхъ монарховъ, открыло свои засѣданія только 5 ноября 1816 г. [2]). Первые два года его существованія ознаменовались, такъ сказать, долгимъ топтаніемъ на мѣстѣ. Ничего, рѣшительно ничего не было сдѣлано сеймомъ для обезпеченія основныхъ свободъ, гарантій союзнаго правосудія или даже торжественно обѣщанныхъ Германіи экономическихъ реформъ. Съ большимъ трудомъ, въ сентябрѣ 1818 г., наканунѣ Ахенскаго конгресса (потому что Союзъ не могъ оставаться безъ войска въ такой моментъ, когда Франціи возвращалась свобода распоряженія своими силами) сеймъ принялъ основы военной организаціи, которую ему, впрочемъ, еще долго суждено было обсуждать въ деталяхъ. Если мы вспомнимъ, что союзный актъ 8 іюня 1815 г. требовалъ единогласія при голосованіи основныхъ или органическихъ законовъ, то мы легко поймемъ причину подобнаго безсилія. Не менѣе легко поймемъ мы также и то глубокое раздраженіе, которое начинало распространяться въ Германіи подъ вліяніемъ австро-прусской политики. Чѣмъ шире разростался этотъ режимъ, столь чреватый разочарованіями для населенія, тѣмъ все больше росло недовольство просвѣщенныхъ классовъ, подпявшихся, было, въ 1813 г., какъ единый человѣкъ во имя общей родины и свободы. Университеты становились очагами заговоровъ. Burschenschaft и другія подобныя общества стали покрывать своими развѣтвленіями всю Германію. Молодежь доходила въ своемъ возбужденіи до фанатизма. Сторонники дробленія Германіи и деспотизма обрекались на позоръ. Скоро стали грозить имъ даже и смертью. На Вартбургскомъ съѣздѣ, въ

[1]) Это намѣреніе ясно выражено въ перепискѣ Меттерниха. (См. томъ III его Mémoires et écrits divers, passim).

[2]) Подъ предсѣдательствомъ графа Буоль-Шауенштейна, уполномоченнаго Австріи.

октябрѣ 1817 г. [1]), уже сжигали ихъ произведенія. Кто могъ гарантировать имъ, при этихъ условіяхъ, личную безопасность?

§ 6. Во всякомъ случаѣ, Меттернихъ утверждалъ, что дѣло скоро дойдетъ до прямыхъ покушеній на отдѣльныхъ лицъ, и потому умолялъ императора Александра I помочь ему въ борьбѣ съ состояніемъ умовъ, столь тревожнымъ для всѣхъ монарховъ, утверждая, что—по его мнѣнію—русская политика значительно способствовала его развитію. Онъ изображалъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ то революціонное броженіе, которое изъ Италіи и Германіи грозило, по его словамъ, охватить всю Европу и подвергнуть опасности всѣ правительства. Что̀ будетъ, если, подъ вліяніемъ такого количества мятежныхъ элементовъ, вспыхнетъ, вдобавокъ, самый страшный очагъ якобинизма, Франція? Кто въ Европѣ избѣгнетъ тогда гибели? Время идетъ быстро; въ непродолжительномъ времени союзныя войска будутъ выведены изъ классической страны революціонныхъ идей. Все будетъ проиграно, если самый могущественный изъ монарховъ не откажется до того времени отъ самонадѣянной и непослѣдовательной политики, нарушающей спокойствіе міра и каждодневно возбуждающей смѣлость демагоговъ. Слѣдуетъ, по возможности скорѣе и безъ оговорокъ, возвратиться къ политикѣ великагэ союза, получить отъ Франціи новыя гарантіи и предоставить ей только кажущуюся свободу дѣйствій. Проводя такіе взгляды, Меттернихъ не былъ одинокимъ. Прусскіе и англійскіе министры были настроены не менѣе пессимистично. И ихъ заключенія начинали дѣйствовать на царя. Извѣстія же, полученныя имъ изъ Парижа въ серединѣ 1818 года, также сильно испугали его и подѣйствовали на складъ его политики. Графъ д'Артуа, предполагавшійся наслѣдникъ Людовика XVIII, обратился къ нему въ это время черезъ одного изъ своихъ наперсниковъ, барона Витролля, съ „секретной нотой“ [2]), въ которой онъ изображалъ королевство

---

[1]) Многочисленныя депутаціи съѣхались съ разныхъ частей Германіи праздновать третье столѣтіе Реформаціи и четвертую годовщину Лейпцигскаго сраженія.

[2]) Въ то же время крайніе, которые считали своими сторонниками часть королевской гвардіи, составили заговоръ съ цѣлью низвергнуть нѣкоторыхъ министровъ и заключить ихъ въ Венсенскій фортъ. Послѣ этого они должны были потребовать у короля назначенія новаго кабинета, составленнаго изъ ихъ собственныхъ предводителей, и, въ случаѣ отказа, объявить его неспособнымъ къ правленію и призвать къ власти, подъ именемъ регента или генеральнаго лейтенанта, его брата, графа д'Артуа. Это была, такъ-называемая, Conspiration du bord de l'eau, по имени той террассы въ Тюильри, гдѣ обыкновенно прогуливались самые ярые приверженцы этой партіи. Этотъ заговоръ былъ обнаруженъ къ концу іюня 1818 года

стоящимъ на краю гибели, на которую-де толкаетъ его революціонная партія; эта нота требовала немедленной замѣны министерства Ришелье — новымъ, искренне роялистическимъ кабинетомъ (можно представить себѣ, что̀ это могло означать на языкѣ „крайнихъ“); она просила даже о продленіи военной оккупаціи; если-де эвакуація состоится въ 1818 году, то правительственная партія не можетъ отвѣчать, что тотчасъ послѣ ухода иностранныхъ войскъ не вспыхнетъ во Франціи взрывъ якобинизма, могущій поколебать всю Европу.

Само собою разумѣется, что Ришелье и его товарищи, знавшіе объ этомъ удивительномъ поступкѣ, приняли всѣ мѣры для того, чтобы успокоить и царя, и другихъ монарховъ. Но имъ не удалось совершенно изгладить впечатлѣнія, запавшаго въ душу Александра I. Этотъ послѣдній, конечно, не пересталъ довѣрять тому министру, которому онъ былъ крестнымъ отцомъ. Но съ этого момента онъ сталъ поддерживать его гораздо болѣе вяло, чѣмъ раньше. Онъ не призналъ положеніе Франціи настолько серьезнымъ, чтобы требовать продленія оккупаціи, не находившей больше сочувствія ни у одной изъ союзныхъ державъ. Онъ продолжалъ стоять за то, чтобы принять побѣжденныхъ при Ватерлоо обратно въ число членовъ европейскаго концерта. Онъ любилъ ихъ и желалъ имѣть въ нихъ, со временемъ, союзниковъ. Но, пока что̀, онъ считалъ полезнымъ поддерживать предложеніе Меттерниха о принятіи новыхъ мѣръ предосторожности противъ нихъ. Подобно тому какъ на Востокѣ и въ Америкѣ, не отказываясь окончательно отъ своихъ плановъ, онъ отступилъ передъ вызванными имъ же препятствіями,—точно также, питая платоническое влеченіе къ свободѣ, этотъ непостоянный и легкомысленный человѣкъ, безъ особой борьбы съ самимъ собой, перешелъ на путь контръ-революціи. Онъ сталъ направлять свои усилія на то, чтобы охладить пылъ нѣмецкихъ патріотовъ. Онъ сталъ просить Ришелье объ измѣненіи выборнаго закона 1817 года въ болѣе аристократическомъ смыслѣ. Онъ сталъ, наконецъ, вопреки своимъ собственнымъ намѣреніямъ, приноравливаться, во время ахенскихъ совѣщаній, къ программѣ Меттерниха и Кастльри. Впрочемъ, это еще не было послѣднимъ изъ поворотовъ его политики.

министерствомъ, которое добыло свѣдѣнія также и о нотѣ Витролля, опубликованной имъ немного позднѣе подъ названіемъ: „Секретная нота, излагающая поводы и цѣль послѣдняго заговора“.

§ 7. Со времени подписанія трактата 20 ноября, Франція неуклонно исполняла—добросовѣстно и точно—всѣ тѣ обязательства, которыя наложилъ на нее четверной союзъ. Займы—очень тягостные — дали ей возможность нѣсколько разъ покрыть громадный дефицитъ ея бюджета, въ точности внести срочныя части контрибуціи и ускорить уплату иностранныхъ претензій, обращенныхъ къ ней. Послѣдній вопросъ, возбудившій очень долгіе и сложные переговоры, были окончательно разрѣшенъ въ концѣ апрѣля 1818 года. Уплата всѣхъ перечисленныхъ долговъ обошлась Франціи въ пятьсотъ милліоновъ франковъ. Но, послѣ этого, союзники теряли право настаивать на продолженіи оккупаціи такой страны, которая, въ ближайшемъ будущемъ, должна была окончательно расплатиться съ ними и которая въ состояніи была обезпечить безопасность собственнаго своего правительства. Благодаря закону Гувіонъ Сенъ-Сира [1]), французская армія быстро поднималась. Поэтому, помощь иностранныхъ войскъ становилась для Людовика XVIII безполезною. Слѣдуетъ при этомъ добавить, что четыре державы начинали находить опаснымъ для своихъ солдатъ соприкосновеніе съ населеніемъ страны, гдѣ еще столь живъ былъ духъ Революціи, и откуда они могли занести на родину гибельныя для монархическаго принципа идеи [2]). Поэтому, уже въ началѣ 1817 года рѣшено было, въ принципѣ, не откладывать эвакуаціи далѣе конца слѣдующаго года. Но представители европейскаго концерта сохраняли за собою право обсудить, ранѣе чѣмъ окончательно установить срокъ этой эвакуаціи, на одномъ изъ тѣхъ торжественныхъ собраній, періодичность которыхъ устанавливалась трактатомъ 20 ноября,—насколько общее положеніе дѣлъ во Франціи дозволитъ окончательно снять съ нея опеку, присвоенную себѣ Союзниками. Послѣ заключенія, въ апрѣлѣ 1818 года, финансовыхъ договоровъ, было рѣшено, что такое дипломатическое совѣщаніе состоится въ Ахенѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Но недостаточно было назначить день созванія конгресса. Надо было еще, чтобы вся Европа точно знала, какія державы

[1]) Этотъ законъ возобновилъ рекрутскій наборъ, отмѣну котораго Бурбоны необдуманно обѣщали въ 1814 году; онъ опредѣлилъ мирный контингентъ арміи въ сорокъ тысячъ человѣкъ; освободилъ отъ военной службы тѣхъ, кто являлся опорой своей семьи; допускалъ замѣстительство; освобождалъ отъ службы молодыхъ людей, вытянувшихъ удачный номеръ; предписывалъ повышать въ чинахъ по старшинству вплоть до полковника и организовалъ запасъ, въ который зачислялись на шесть лѣтъ унтеръ-офицеры и солдаты послѣ шести лѣтъ дѣйствительной службы.

[2]) Это опасеніе въ то время высказывали нѣкоторые изъ ихъ дипломатическихъ агентовъ.

будутъ допущены на него и какіе вопросы будутъ на немъ обсуждаться. А объ этомъ кабинеты спорили уже больше года. Въ теченіе 1817 года царь, вѣрившій въ пользу конгрессовъ для всѣхъ временъ и всѣхъ вопросовъ, нѣсколько разъ предлагалъ созвать, какъ въ Вѣнѣ въ 1814 году, полное собраніе съ неограниченной програмой. Это было бы ему очень выгодно. Онъ, напримѣръ, стоялъ за допущеніе Испаніи на конгрессъ—въ надеждѣ, что на немъ можно будетъ поднять вопросъ о колоніяхъ и разрѣшить его въ удобномъ для Россіи смыслѣ, т.-е. вразрѣзъ съ желаніями Англіи. Британскій кабинетъ, дѣйствовавшій, впрочемъ, заодно съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, боявшимися замысловъ царя, очень энергично отвергъ его предложенія. Царю указали, что дѣло шло о переговорахъ съ Франціей, съ одной только Франціей; что, хотя и побѣжденная, она была все-таки достаточно сильною для того, чтобы разъединить на Вѣнскомъ конгрессѣ четверной союзъ; что она вѣроятно начнетъ этотъ маневръ съизнова, если допустить на конгрессъ вмѣстѣ съ нею второстепенныя государства, изъ коихъ нѣкоторыя заинтересованы въ томъ, чтобы объявить себя ея кліентами,—и если согласиться на обсужденіе такихъ вопросовъ, по которымъ четыре двора въ данный моментъ вовсе не являются согласными между собой. И даже если бы Франція и не стала во главѣ этихъ второстепенныхъ государствъ, то все-таки не слѣдуетъ дозволить имъ поколебать своими новыми претензіями порядокъ и миръ, такъ недавно возстановленные въ Европѣ. Достаточно, если не будутъ трактовать объ ихъ спеціальныхъ интересахъ въ ихъ отсутствіи. Эти указанія долгое время не дѣйствовали на Александра I. Но когда ему объяснили, что Англія, Австрія и Пруссія не собираются уступить, то онъ, наконецъ, подчинился. Было, такимъ образомъ, установлено, что переговоры состоятся только между четвернымъ союзомъ съ одной стороны и французскимъ правительствомъ—съ другой. Циркуляръ 25 мая объявилъ второстепеннымъ государствамъ объ этомъ рѣшеніи четырехъ великихъ дворовъ въ очень категорической формѣ. Одни изъ нихъ протестовали, другіе заявили о своемъ неудовольствіи. Испанія открыто и не безъ горечи упрекала Россію въ томъ, что она покинула ее. Но, несмотря на это, европейскій концертъ не измѣнилъ своего рѣшенія.

Итакъ, Франція еще разъ должна была изолированно и безсильно предстать передъ солидарнымъ и недовѣрчивымъ четвернымъ союзомъ. А послѣдній, дѣлая для вида нѣсколько уступокъ,

вовсе не собирался предоставить Франціи полную свободу дѣйствій.

§ 8. Ришелье, въ сопровожденіи Рейневаля [1]) и Мунье [2]), отправился 20 сентября въ Ахенъ, гдѣ онъ засталъ Фридриха-Вильгельма, Франца I и Александра I съ ихъ министрами, а также англійскихъ уполномоченныхъ [3]). Его приняли съ большимъ почетомъ. Переговоры относительно эвакуаціи продолжались всего нѣсколько дней. Вопросъ былъ рѣшенъ заранѣе, и союзники тѣмъ болѣе старались по этому вопросу угодить французскому правительству, что онъ не имѣлъ ровно никакого значенія для ихъ политики. Протоколъ 2 октября, обращенный 9-го — въ официальную конвенцію, объявилъ Людовику XVIII, что иностранные гарнизоны покинутъ крѣпости не позже 30 ноября того же года [4]). Эта новость обрадовала всю Францію, полагавшую, что она никогда не освободится отъ той опеки, которая была и унизительна, и разорительна. Нація, въ продолженіе четырехъ лѣтъ такъ жестоко искупавшая выходки Наполеона, начала думать, что наступитъ конецъ ея бѣдствіямъ, — что впредь, окончательно примирившись съ членами четвернаго союза, она можетъ, вмѣстѣ съ ними и какъ равная имъ, пользоваться своими правами великой державы. Она не совсѣмъ ошибалась, хотя бы въ томъ отношеніи, что ея прежніе враги не могли дольше исключать ее изъ европейскаго концерта. Но она преувеличивала степень своей реабилитаціи, такъ какъ союзники не соглашались допустить ее въ свою среду иначе, какъ въ качествѣ государства второго разбора, и не желали ни прекратить

[1]) Рейневаль (Франсуа-Максимиліанъ-Жераръ, де) родился въ Версалѣ въ 1778 году; во время консульства и въ началѣ имперіи атташе при французскихъ посольствахъ въ Швеціи, въ Россіи и въ Португаліи; первый секретарь посольства въ С.-Петербургѣ (1807—1812); секретарь миссіи и церемонійместеръ на Шатильонскомъ конгрессѣ (1814); первый секретарь посольства въ Лондонѣ (1814); директоръ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ (1815); помощникъ статсъ-секретаря (1820); полномочный министръ въ Пруссіи (1821), затѣмъ въ Швейцаріи (1825), временно министръ иностранныхъ дѣлъ (1828); посланникъ въ Вѣнѣ (1829); посланникъ въ Испаніи и пэръ Франціи (1832): умеръ въ Мадридѣ въ 1836 г.

[2]) Мунье (Клавдій-Филиппъ-Эдуардъ, баронъ), сынъ члена учредительнаго собранія, родился въ Греноблѣ въ 1784 году; аудиторъ при государственномъ совѣтѣ (1806); управитель въ Саксенъ-Веймарѣ, затѣмъ въ Нижней Силезіи (1808); управитель зданіями короны (1813); членъ государственнаго совѣта (1815); президентъ комиссій по ликвидаціи иностранныхъ долговъ (1817); пэръ Франціи (1819); главный директоръ управленія департаментами и полиціи (1821); умеръ въ Пасси въ 1843 году.

[3]) Кастльри, Веллингтонъ и Кэннингъ.

[4]) Послѣ уплаты всей контрибуціи (т.-е. еще 265 милліоновъ франковъ).

свои вооруженія, направленныя противъ нея, ни отказаться отъ присмотра за ней.

Въ концѣ сентября мѣсяца, герцогъ Ришелье предложилъ союзникамъ преобразовать ихъ четверной союзъ въ пятерной—путемъ формальнаго соглашенія, согласно которому Франція и другія первоклассныя державы солидарно гарантировали бы европейскій миръ, приняли бы на себя одинаковыя обязанности и признали бы за каждой одинаковыя права. Одна только Россія поддержала герцога Ришелье [1]). Другіе дворы молчали. Англія, всегда боявшаяся, какъ привидѣнія, франко-русскаго соглашенія, отвѣтила, впрочемъ, черезъ Кастльри и Кэннинга [2]), что, если крайнія обстоятельства и заставили ее отказаться, въ отношеніяхъ къ Франціи, отъ принципа невмѣшательства (основы всей ея политики), то, несмотря на это, она не можетъ признать ни за французскимъ, ни за какимъ другимъ правительствомъ права вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, хотя бы и на началахъ взаимности. Австрія и Пруссія, конечно, одобрили этотъ отвѣтъ,—да и царь высказался бы въ томъ же смыслѣ, если бы онъ могъ быть откровеннымъ. Британскій кабинетъ, въ нотѣ 10 октября, изложилъ, что прежде всего слѣдуетъ установить не мѣру того участія, которое побѣжденные при Ватерлоо французы будутъ принимать въ политикѣ великаго союза, но направленіе той политики, которую великій союзъ долженъ будетъ проводить относительно Франціи для того, чтобы помѣшать ей злоупотреблять своей свободой. Онъ указывалъ, солидарно съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, что Франція, больше чѣмъ когда-либо, представляетъ очагъ революціонныхъ и разрушительныхъ страстей,—что даже въ самый моментъ конгресса она даетъ очень тревожный примѣръ своими выборами, въ высшей степени благопріятными для крайней лѣвой [3]). Словомъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль

[1]) Нота Каподистріа, 15 октября.

[2]) Кэннингъ (Георгій) родился въ Лондонѣ въ 1770 году; избранъ въ члены Палаты общинъ подъ покровительствомъ Питта въ 1793 году; помощникъ статсъ-секретаря (1796); основатель журнала l'Anti-Jacobin (1797); комиссаръ по индійскимъ дѣламъ (1798); казначей флота (1804—1806); министръ иностранныхъ дѣлъ (апрѣль 1807 г.—сентябрь 1809 г.); посолъ въ Португаліи (1814—1816); президентъ департамента индійскихъ дѣлъ (1816—1820); въ отставкѣ (1820); посолъ въ Швейцаріи; назначенъ генералъ-губернаторомъ Индіи; призванъ снова въ министерство иностранныхъ дѣлъ (1822); первый лордъ казначейства (февраль 1827 г.); умеръ въ Чисвикѣ 8 августа 1827 г.

[3]) Пятая часть состава Палаты депутатовъ, подлежавшая въ 1818 году переизбранію, состояла изъ 55 депутатовъ, изъ которыхъ 36 были сторонниками министерства, 13 ультра-роялистовъ и 6 либераловъ. Выборы 20 и 26 октября дали въ ре-

переговоровъ, уполномоченные четырехъ союзныхъ державъ пришли къ соглашенію, которое и изложили въ конвенціи, подписанной 1 ноября и воспроизводившей цѣликомъ начала, принятыя державами въ Шомонѣ 1 марта 1814 года и въ Парижѣ 20 ноября 1815 года. Согласно этому протоколу, четыре державы сохраняли въ силѣ свой прежній союзъ и обязывались, въ случаѣ надобности, соединять свои войска для поддержанія установленнаго ими во Франціи порядка вещей въ тѣхъ случаяхъ, „когда въ этой странѣ произойдетъ какое-либо волненіе, могущее оказаться опаснымъ для спокойствія или безопасности ея сосѣдей". Англійскіе министры, выговорили, впрочемъ, — чтобы оградить себя отъ нападокъ парламента, который не одобрилъ бы заключенія договора столь общаго и въ то же время столь категоричнаго,—что ихъ правительство будетъ считать за casus foederis лишь появленіе на тронѣ какого-либо члена семьи Бонапартовъ; во всякомъ же другомъ случаѣ, они предоставляли себѣ право обсуждать, могутъ ли данныя французскія смуты, дѣйствительно, нанести ударъ спокойствію сосѣднихъ государствъ и общей безопасности Европы. Но эта оговорка была сдѣлана лишь для формы, такъ какъ Кастльри, во всякомъ случаѣ, былъ—въ 1818 году не менѣе, чѣмъ въ 1815 году, — сторонникомъ (на дѣлѣ, если не на словахъ) той реакціонной формы Священнаго Союза, о которой мечталъ Меттернихъ.

Этотъ договоръ не былъ опубликованъ четырьмя державами съ тою цѣлью, чтобы не унизить Франціи въ тотъ именно моментъ, когда онѣ намѣревались дать ей свободу дѣйствій. Во всякомъ случаѣ, союзники немедленно сообщили его герцогу Ришелье, и только тогда они сочли возможнымъ принять Людовика XVIII въ число членовъ европейскаго концерта; впрочемъ, они не вступали съ нимъ ни въ какое положительное соглашеніе и спеціально оговаривали, что онъ обязанъ будетъ, вмѣстѣ съ ними, защищать установленный въ Европѣ съ 1815 года порядокъ вещей. Никакого новаго договора подписано не было. Но нота, препровожденная французскимъ уполномоченнымъ, приглашала Его Христіаннѣйшее Величество „отнынѣ присоединиться своими совѣтами и силами" къ австрійскому, англійскому, прусскому и русскому монархамъ для соблюденія новыхъ трактатовъ. Людовикъ XVIII, которому обезпечивали его престолъ, конечно, не преминулъ принять это приглашеніе. Поэтому, его министръ

зультатѣ 28 министерскихъ мѣстъ, 4 ультра-роялистскихъ и 23 либеральныхъ (въ томъ числѣ Лафайета, Манюэля и генерала Греньe).

отвѣтилъ 12 ноября, что его монархъ, принося благодарность четыремъ дворамъ, уполномочиваетъ его отнынѣ принимать вмѣстѣ съ ними участіе въ разработкѣ мѣръ, имѣющихъ обезпечить „соблюденіе существующихъ трактатовъ и установленныхъ ими и признанныхъ всѣми европейскими государствами отношеній“.

Видно, въ общемъ, что Франція входила въ концертъ великихъ державъ съ довольно большимъ трудомъ. Даже въ тотъ моментъ, когда союзники, казалось, протягивали ей руку, они для большей предосторожности составляли планъ военныхъ операцій на случай войны съ Франціей. Впрочемъ, этотъ документъ былъ сохраненъ въ тайнѣ такъ же, какъ и протоколъ 1 ноября.

То же самое они сдѣлали и съ протоколомъ, подписаннымъ 15 ноября и устанавливавшимъ соглашеніе пяти великихъ дворовъ. Въ самомъ дѣлѣ, представлялось неблагоразумнымъ говорить слишкомъ громко о томъ правѣ, которое присваивали себѣ—чувствуя свою силу—державы, собиравшіяся хозяйничать въ Европѣ и направлять ее, хотя бы силой, періодическими конгрессами и военными экзекуціями, по путямъ, намѣченнымъ Священнымъ Союзомъ. Правда, въ этомъ актѣ было сказано, что союзники не станутъ рѣшать вопросовъ, касающихся какого-либо государства, иначе, какъ послѣ „формальнаго, со стороны послѣдняго, приглашенія“. Но это было только фразой на бумагѣ; пятерной союзъ разумѣлъ подъ государствами только государей; онъ игнорировалъ націи и разсчитывалъ на возможность создать приглашенія, въ случаѣ нужды.

Послѣ этого Ахенскій конгрессъ пустилъ по Европѣ широковѣщательную декларацію, помѣченную, какъ и протоколъ, 15-мъ ноября и предназначенную для того, чтобы успокоить всѣ кабинеты относительно замысловъ великихъ державъ. Въ этой деклараціи было сказано, что союзъ будетъ особенно заботиться о „строгомъ соблюденіи принциповъ международнаго права“; что онъ будетъ подавать „примѣръ правосудія, согласія и умѣренности“;—наконецъ, что всѣ силы союзныхъ монарховъ будутъ направлены къ тому, чтобы „покровительствовать мирнымъ искусствамъ, увеличивать внутреннее благосостояніе своихъ государствъ и поднимать тѣ религіозныя и нравственныя чувства, упадокъ которыхъ былъ такъ рѣзко отмѣченъ печальными событіями послѣдняго времени“.

Въ этихъ послѣднихъ выраженіяхъ проскальзывала основная забота союзниковъ, заключавшаяся въ томъ, чтобы безпрерывно и повсемѣстно противодѣйствовать принципамъ Революціи. Въ сущности, самымъ явнымъ слѣдствіемъ конгресса было то, объ чемъ не

было сказано ни слова: взаимное страхованіе государей противъ ихъ народовъ. Въ своихъ заявленіяхъ дипломаты, конечно, громко протестовали противъ обвиненія въ томъ, что они, будто бы, злоумышляли противъ свободы. На самомъ же дѣлѣ они ничего другого и не дѣлали; и если бы были мыслимы по этому вопросу какія-нибудь сомнѣнія, то они всѣ уничтожатся при чтеніи слѣдующихъ строкъ, написанныхъ Гентцемъ, который былъ секретаремъ на Ахенскомъ конгрессѣ и лучше, чѣмъ кто-либо, зналъ всю подкладку дѣла.

„На этомъ конгрессѣ не обсуждались вопросы ни объ образѣ правленія, ни о системахъ представительства, ни о сохраненіи или измѣненіи привилегій дворянства, ни о свободѣ печати, ни о религіи. Депутаты тщательно избѣгали давать поводъ злорадству и болтливости и ограничивались обозначеніемъ въ офиціальныхъ актахъ такихъ заявленій, которыя соотвѣтствовали ихъ тайнымъ желаніямъ, но которыя не могли быть изложены открыто, изъ опасенія вызвать непріятные толки и враждебную критику. Они сдѣлали даже больше. Монархи и министры поняли, что̀ именно предписывалъ имъ ихъ общій интересъ. Они живо чувствовали необходимость взаимнаго довѣрія и согласія, болѣе тѣснаго, чѣмъ то, которое могутъ установить трактаты; они пожертвовали своими второстепенными интересами... и заглушили всѣ остальныя соображенія передъ высшею обязанностью предохранить власть отъ крушенія путемъ избавленія народовъ отъ свойственныхъ имъ заблужденій. Не вступая въ излишніе договоры, они заключили тѣсное соглашеніе относительно того, какъ бороться съ надвигавшейся грозой“.

Изъ этого отрывка видно, что Священный Союзъ, несмотря на увѣренія Меттерниха, не былъ пустымъ словомъ; что народы были вполнѣ правы, относясь къ нему всерьезъ и видя въ немъ крестовый походъ противъ революціонныхъ принциповъ. Изъ него видно также, что Священный Союзъ готовился въ недалекомъ будущемъ къ жестокой борьбѣ. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, что онъ въ этомъ отношеніи былъ правъ. Оно покажетъ также — съ большей полнотой, чѣмъ это возможно было сдѣлать въ настоящей главѣ—каковы были тѣ внутреннія причины, которыя должны были въ немного лѣтъ обезсилить и, въ концѣ концовъ, разрушить Священный Союзъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первыя попытки возврата къ революціоннымъ идеямъ [1]).

§ 1. Партикуляризмъ и Священный Союзъ. — § 2. Революціонная Германія въ 1819 году.—§ 3. Теплицъ и Карлсбадъ.—§ 4. Конференціи въ Вѣнѣ и заключительный Актъ 1820 года.—§ 5. Либеральная Франція, Деказъ и Ришелье.—§ 6. Революціи въ Испаніи и въ Португаліи.—7. Революція въ Неаполѣ и конгрессъ въ Троппау.— § 8. Революція въ Пьемонтѣ, возстаніе въ Греціи и конгрессъ въ Лайбахѣ.

(1818—1821).

§ 1. Въ періодъ съ 1818 по 1821 годъ Священный Союзъ проявилъ наибольшую энергію и смѣлость въ проведеніи контръреволюціонной программы. Но даже въ этотъ періодъ, въ его политикѣ вовсе не оказывалось того однообразія и той солидар-

[1]) Пособія: Bianchi, Storia documentata della diplomatia europea in Italia (1815—1861);—Bignon, Le Congrès de Troppau; — Cantù, Della indipendenza italiana, t. II;—Castlereagh, Correspondence; — Colletta, Histoire du royaume de Naples depuis Charles VI jusqu'à Ferdinand (1734—1825), t. II;—Costa de Beauregard, La Jeunesse du roi Charles-Albert;—Cornewall Lewis, Histoire gouvernementale de l'Angleterre depuis 1770 jusqu'à 1830; — Deventer (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne;—Gentz (E. de), Dépêches inédites, t. I;—Gervinus, Histoire du XIX siècle, t. IX, X, XI, XII, XVI et XVII; — Gordon, History of the Greek revolution;—Hardenberg, Mémoires;—Hyde de Neuville, Mémoireset souvenirs, t. II;—Juchereau de Saint-Denis, Histoire de l'empire ottoman;—Hubbard (G.), Histoire contemporaine de l'Espagne, t. II;—Lesur, Annuaire historique, années 1818—1821;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. III;—Martignac (de), Essai historique sur la révolution d'Espagne;—Pradt (de), l'Europe après les congrès d'Aix-la-Chapelle;—Saint-Marc-Girardin, Les Origines de la question d'Orient (Revue des Deux Mondes, 1-er mai 1864); — Soutzo (Alexandre), Histoire de la révolution grecque; — Vaulabelle (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. V;—Viel-Castel (баронъ), Histoire de la Restauration, t. VII, VIII, IX, X.

ности, которыхъ можно было бы ожидать отъ государствъ, объединенныхъ подъ такимъ громкимъ названіемъ. Каждый изъ государей, входившихъ въ его составъ, соглашался бороться съ общимъ врагомъ не иначе какъ въ удобное для себя время, въ подходящемъ мѣстѣ и сообразно со своими частными интересами. Разногласія, зависть и соперничество, съ грѣхомъ пополамъ, остававшіяся скрытыми въ мирное время,—начинали обнаруживаться, по мѣрѣ того, какъ повсемѣстно разрасталось революціонное волненіе, несмотря на то, что это послѣднее, казалось, должно было пробудить у государей именно чувство солидарности.

Съ этихъ поръ партикуляризмъ сталъ обнаруживаться даже у того изъ союзныхъ правительствъ, которое провозгласило себя самымъ ревностнымъ защитникомъ стараго порядка и которое наиболѣе настойчиво ратовало за сохраненіе и поддержаніе Союза. Мы имѣемъ въ виду Австрію.

§ 2. Пробужденіе національностей и успѣхи либеральныхъ идей казались вѣнскому двору опасными, гдѣ бы они ни появлялись. Но особенно необходимою признавалъ онъ борьбу съ нею въ Германіи. Разсматривая ее, какъ необходимую принадлежность своихъ владѣній и добиваясь въ ней исключительнаго первенства, вѣнскій дворъ не могъ согласиться на то, чтобы дѣлить плоды репрессій въ этой странѣ съ государями, заинтересованными въ ограниченіи его вліянія въ Германскомъ Союзѣ. Само собою разумѣется, что онъ ни за что въ мірѣ не обратился бы за помощью, напримѣръ, къ Франціи. Не хотѣлъ онъ также и вмѣшательства Россіи, которую находилъ во многихъ отношеніяхъ довольно опасною для себя. Даже Англію хотѣлъ онъ устранить отъ германскихъ дѣлъ, боясь, повидимому, того, чтобы британское вліяніе, распространяясь изъ Ганновера все далѣе и далѣе по Германіи, не образовало, въ концѣ концовъ, противовѣса его собственному авторитету. Еще болѣе основаній было у Австріи для того, чтобы дѣйствовать безъ помощи Пруссіи, такъ какъ скрытое и настойчивое противодѣйствіе этой послѣдней не могло не безпокоить вѣнскаго двора. Тѣмъ не менѣе нельзя было обойтись безъ ея услугъ. Меттернихъ хорошо сознавалъ, что если онъ не пріобщитъ Пруссію къ Реакціи, то берлинскому кабинету не останется ничего болѣе, какъ взять на себя руководительство революціоннымъ движеніемъ. Онъ предпочелъ поэтому имѣть Пруссію за собой, а не противъ себя. Выгода отъ этого была двоякая: съ одной стороны, онъ заставлялъ ее служить интересамъ Австріи, а съ другой — дѣлалъ ее непопуляр-

ною. Такимъ образомъ, въ теченіе всего 1818 года и даже раньше, онъ не щадилъ никакихъ жертвъ для того, чтобы привлечь на свою сторону короля Фридриха-Вильгельма и убѣдить его въ необходимости соединиться съ императоромъ Францемъ для подавленія варварства якобинцевъ.

Этого государя, проникнутаго до мозга костей доктринами абсолютизма, убѣдить было не трудно. Меттернихъ привлекъ на свою сторону даже Гарденберга, не столько силою своихъ доводовъ, сколько мягкимъ запугиваніемъ. Со времени Ахенскаго конгресса планъ нѣмецкой контръ-революціи былъ вчернѣ набросанъ австрійскимъ министромъ по соглашенію съ прусскимъ канцлеромъ [1]). Нерѣшительный Фридрихъ-Вильгельмъ, за всю свою жизнь не сумѣвшій принять ни одного безповоротнаго рѣшенія, въ началѣ 1819 г., повидимому, снова проникся либеральными идеями. Онъ снова заговорилъ, хотя и робко, о томъ, что слѣдуетъ, наконецъ, дать народу хартію, обѣщанную въ 1815 г.,—назначилъ министромъ Гумбольдта [2]), бывшаго передъ тѣмъ въ опалѣ, и посвятилъ его въ свои новые планы. Этотъ министръ былъ уполномоченъ выработать планъ конституціи. Штейнъ обсуждалъ съ нимъ основныя ея положенія. Эту эволюцію можно понять, если мы вспомнимъ, что нѣкоторые нѣмецкіе государи, въ сущности столь же мало раздѣлявшіе принципы 1789 г., какъ и прусскій король,—старались въ это время избавиться отъ гегемоніи Вѣны

[1]) Это можно доказать ссылкой на два его мемуара, съ которыми онъ обратился 14 ноября 1818 года къ Витгенштейну, снесшись предварительно съ Гарденбергомъ. Въ первой изъ нихъ онъ стремился показать, что представительная система окажется роковой для прусской монархіи; что Фридрихъ Вильгельмъ не долженъ связывать себѣ рукъ; что онъ въ достаточной степени исполнитъ свои обѣщанія, если возстановитъ прежнія мѣстныя провинціальныя учрежденія, т.-е. если онъ создастъ провинціальные штаты, по одному общему типу, безо всякой связи между собой, съ чисто совѣщательнымъ характеромъ, съ одними только административными функціями, безъ права иниціативы. Во второмъ мемуарѣ онъ очень нападалъ на университеты, куда, по его мнѣнію, молодые люди шли развивать свой революціонный духъ,—на гимнастическія общества, какъ на очаги якобинизма,—на свободу печати, которую, полагалъ онъ, настало время обуздать.

[2]) Гумбольдтъ (Вильгельмъ), поэтъ, критикъ, филологъ, государственный дѣятель (братъ Александра Гумбольдта), родился въ Потсдамѣ 22 іюня 1767 г.; прусскій министръ-резидентъ въ Римѣ (1802); тайный совѣтникъ и начальникъ департамента духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (1808); полномочный министръ въ Вѣнѣ (1810); представитель Пруссіи на конгрессѣ въ Прагѣ (1813), затѣмъ въ Шатильонѣ (1814) и на конгрессѣ въ Вѣнѣ (1814—1815); чрезвычайный посланникъ въ Лондонѣ (1816); министръ и членъ коммиссіи по составленію прусской конституціи (1818); уволенъ 31 декабря 1819 г.; съ этихъ поръ посвятилъ себя всецѣло наукамъ; умеръ 8 апрѣля 1835 года.

и Берлина и пріобрѣсти расположеніе нѣмецкой націи, добровольно даруя подданнымъ парламентскій образъ правленія. Въ этомъ направленіи, съ 1816 года, выступилъ великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, вызвавъ подражаніе у своихъ сосѣдей [1]). Баварскій король, обманутый въ своихъ надеждахъ на территоріальное увеличеніе,—надеждахъ, еще недавно поддерживавшихся Австріей, сталъ привлекать въ свою пользу народныя симпатіи, отпадавшія отъ Фридриха-Вильгельма, и ввелъ въ дѣйствіе, съ 26 мая 1818 г., конституцію, безъ сомнѣнія, мало демократическую, но все-таки составлявшую серьезную побѣду революціонныхъ принциповъ. Великій герцогъ баденскій, все еще находившійся подъ страхомъ быть лишеннымъ нѣсколькихъ провинцій въ пользу Баваріи, поспѣшилъ опубликовать еще болѣе либеральную конституцію (22 октября 1818 г.) [2]). Король вюртембергскій, общій ихъ сосѣдъ, счелъ необходимымъ составить въ 1817 году актъ, который онъ сдѣлалъ бы основнымъ закономъ своей страны, еслибы нѣкоторые протесты не принудили его отложить исполненіе своего плана. Вотъ почему, прусскій король, боясь потерять всю свою популярность въ Германіи въ томъ случаѣ, еслибы онъ не послѣдовалъ, хотя бы для вида, подобнымъ примѣрамъ, сталъ также склоняться на сторону уступокъ.

Но Меттернихъ, глубоко встревоженный, сталъ доказывать ему, что онъ погубитъ себя своею слабостью;—что не слѣдуетъ принимать въ соображеніе революціонныя идеи;—что для нѣмецкихъ бунтовщиковъ суть дѣла заключается не въ томъ, чтобы провести въ различныхъ государствахъ Союза парламентскій образъ правленія (вообще отвратительное учрежденіе), но въ томъ, чтобы разрушить всѣ троны, уничтожить всѣ власти, ниспровергнуть всѣ сословія и ввести въ Соединенной Германіи кровавое господство демагогіи. Нѣкоторое волненіе, въ самомъ дѣлѣ, стало проявляться, если не въ южной Германіи, гдѣ поводы къ тому были до нѣкоторой степени устранены, то, во всякомъ случаѣ, въ средней и сѣверной ея частяхъ, гдѣ абсолютизмъ, бюрократія и феодализмъ, возстановленные во всѣхъ деталяхъ, бросали все болѣе и болѣе дерзкіе вызовы современному духу времени. Въ этихъ частяхъ Германіи университеты, пользуясь, благодаря своимъ старымъ привилегіямъ, почти неограниченною самостоятельностью, сдѣлались очагами пропаганды, опасной для монархической власти.

[1]) Особенно у герцога Саксенъ-Кобургъ-Саальфельдскаго въ 1816 г. и у герцога Саксенъ-Гильдбургаузенскаго въ 1818 г.

[2]) Она признавала, напримѣръ, принципъ отвѣтственности министровъ и принципъ публичности парламентскихъ преній.

Пресса, пользуясь въ нѣкоторыхъ незначительныхъ государствахъ [1]) извѣстной свободою, распространяла унитарныя и демократическія доктрины, которыя воспламеняли до фанатизма если не все населеніе, то, во всякомъ случаѣ, учащуюся молодежь. Политическія ассоціаціи размножались и начинали сближаться другъ съ другомъ. Іенская Burschenschaft, основанная въ 1816 году, превратилась, въ октябрѣ 1818 года, въ союзъ, привлекшій студентовъ почти всѣхъ университетовъ. На этихъ сборищахъ доходили до утвержденія, что цѣль оправдываетъ средства, что всѣ оружія хороши противъ измѣнниковъ и тиранновъ и что не только возстаніе, но и убійство отдѣльныхъ лицъ можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, похвальнымъ дѣломъ.

Никто изъ окружающихъ Фридриха-Вильгельма не рѣшился называть преувеличеніями зловѣщія предсказанія Меттерниха съ того дня, когда узнали объ убійствѣ Коцебу, знаменитаго, но очень непопулярнаго писателя, въ котораго студентъ Карлъ Зандъ хладнокровно всадилъ кинжалъ на улицахъ Мангейма, 23 марта 1819 года [2]). Австрійскій министръ, путешествовавшій въ это время со своимъ монархомъ по Италіи, былъ крайне взволнованъ этимъ событіемъ; но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что,

---

[1]) Въ особенности въ великомъ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ. Въ это время конституціонные принципы были защищаемы съ большимъ рвеніемъ Немезидой Людена; Архивомъ государственной конституціи (Staatsverfassungsarchiv) и Изидой Окена; Журналомъ оппозиціи (Oppositions-Blatt); Новымъ Рейнскимъ Меркуріемъ; Другомъ народа (Volksfreund), Виланда. —Въ Рейнскихъ провинціяхъ, Рейнскій Меркурій, Дозорный (Wächter), и другія крайне патріотическія изданія давали тонъ прессѣ, обращавшей на себя вниманіе своими нападками на Францію.

[2]) Коцебу (Августъ-Фридрихъ-Фердинандъ), драматическій писатель и нѣмецкій публицистъ, извѣстный съ юности своею плодовитостью и живостью пера; человѣкъ тщеславный и непостоянный. Родился въ Веймарѣ въ 1761 г.; съ раннихъ лѣтъ поступилъ на службу Россіи; назначенъ въ 1792 году предсѣдателемъ суда въ Эстляндіи, вернулся въ Германію, былъ два года директоромъ королевскаго театра въ Вѣнѣ (1798—1800); явился снова въ Россію, былъ сосланъ въ Сибирь за памфлетъ, но вскорѣ возвращенъ; сдѣлался директоромъ нѣмецкаго театра въ С. Петербургѣ и произведенъ въ надворные совѣтники (1801); удалился затѣмъ въ Веймаръ (1802) и послѣ Іенскаго сраженія сталъ редактировать въ С.-Петербургѣ изданія, враждебныя Франціи; былъ прикомандированъ въ 1812 году къ русской арміи въ качествѣ официальнаго корреспондента; способствовалъ своими письмами, въ 1813 году, возстанію въ Германіи и пріобрѣлъ нѣкоторое политическое значеніе. Русскій генеральный консулъ въ Пруссіи въ 1814—1816 г. Въ 1817 году ему было поручено Александромъ I доставлять періодическія свѣдѣнія о состояніи общаго настроенія въ Германіи. Онъ писалъ эти письма въ направленіи, совершенно противоположномъ нѣмецкимъ стремленіямъ того времени. Благодаря этому, онъ сдѣлался жертвой негодованія университетской молодежи.

въ общей сложности обстоятельствъ, убійство это является даже выгоднымъ; изъ излишка зла, въ концѣ концовъ, вытекаетъ добро; онъ утѣшалъ себя надеждой на то, что прусскій король не станетъ болѣе сквозь пальцы смотрѣть на опасность революціи. Вся его переписка въ теченіе апрѣля, мая и іюня мѣсяцевъ 1819 года вертѣлась на необходимости, по возможности, быстрѣе водворить спокойствіе въ Германіи энергичными реакціонными мѣрами. Нужно во что бы то ни стало подавить якобинизмъ. Когда нѣкоторые князья, какъ великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, начали поощрять новаторовъ, онъ, въ своихъ обвиненіяхъ и угрозахъ, ставитъ ихъ на одну доску съ революціонерами. Это—клика, не заслуживающая никакой пощады. Нужно безъ замедленія лѣчить Германію раскаленнымъ желѣзомъ отъ гангрены. Впрочемъ, если Меттернихъ сильно расположенъ къ жестокимъ мѣрамъ, то его корреспондентъ и постоянный вдохновитель, Гентцъ, свирѣпствуетъ еще больше. Этотъ дипломатъ, оставаясь въ Вѣнѣ и видя всѣ событія вблизи, — становится отъ страха совсѣмъ несговорчивымъ и не перестаетъ рекомендовать министру жестокія и поспѣшныя мѣры; безъ нихъ-де долженъ погибнуть миръ не только въ Германіи, но и въ Европѣ. Въ концѣ концовъ оказывается, что именно Гентцъ продиктовываетъ своему шефу — впрочемъ нисколько не выдвигая впередъ своей персоны—ту высоко-практическую и жестокую программу, которую послѣдній проводилъ впослѣдствіи подъ своимъ именемъ.

§ 3. Меттернихъ предполагалъ провести, прежде всего, при помощи союзнаго германскаго сейма тѣ строгія репрессивныя мѣры, которыя, по его мнѣнію, вызывались обстоятельствами. Гентцъ, не безъ основанія, возражалъ, что это собраніе, разрозненное и безсильное, по обыкновенію, погубитъ дѣло своею медлительностью и, можетъ быть, даже и недобросовѣстнымъ отношеніемъ нѣкоторыхъ его членовъ. Онъ, съ своей стороны, совѣтовалъ выработать эти мѣры помимо и независимо отъ сейма и затѣмъ сообщить ихъ ему для свѣдѣнія. По его мнѣнію, нужно было вызвать прусскаго короля, войти съ нимъ въ секретные переговоры и затѣмъ, когда берлинскій и вѣнскій дворы придутъ къ окончательному соглашенію, собрать, для вида, конференцію, на которую обѣ великія нѣмецкія державы пригласятъ остальныхъ членовъ союза не столько для того, чтобы обсуждать съ ними новые законопроекты, сколько для того, чтобы навязать нѣчто предрѣшенное. Два секретныхъ совѣщанія должны быть созваны послѣдовательно, одно въ Карлсбадѣ, другое—въ Вѣнѣ. Карлс-

бадское совѣщаніе, болѣе неотложное, задастся цѣлью изыскать репрессивныя мѣры противъ поднимающагося въ данный моментъ волненія въ Германіи; на это засѣданіе Австрія и Пруссія могутъ пригласить не болѣе 4 или 5 второстепенныхъ государствъ. Совѣщаніе въ Вѣнѣ, на которомъ всѣ члены союза будутъ имѣть полномочныхъ представителей, — будетъ посвящено выработкѣ основного закона, который дополнитъ, приспособитъ къ обстоятельствамъ и въ извѣстномъ направленіи измѣнитъ союзный Актъ 1815 г.

Программа Гентца была принята Меттернихомъ, который, по возвращеніи въ Германію, поспѣшилъ отправиться въ Чехію; туда же пріѣхалъ, со своей стороны, въ концѣ іюля и Фридрихъ-Вильгельмъ. Прусскій король, даже и послѣ убійства Коцебу, выказывавшій нѣкоторое нежеланіе слѣдовать за политикой австрійскаго министра, прибылъ въ Теплицъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новаго покушенія революціонеровъ. Нѣсколько дней передъ тѣмъ [1]) предсѣдатель нассаускаго регентства, Ибелль, едва не сдѣлался жертвой убійцы. Въ то же самое время, бурныя собранія происходили въ различныхъ мѣстахъ Германіи, особенно же въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ, гдѣ онѣ должны были повторяться еще много разъ. Прусское правительство отвѣтило закрытіемъ журналовъ, отрѣшеніемъ отъ должности профессоровъ, арестованіемъ популярныхъ писателей и подчиненіемъ университетовъ и ученыхъ ассоціацій драконовскому надзору. Но всего этого было недостаточно. Меттерниху нужно было, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ личное участіе въ австрійской политикѣ; поэтому, дабы сломить его упорство, онъ категорически заявилъ ему, что если онъ не подчинится политикѣ императора Франца, то этотъ послѣдній предоставитъ его собственной своей участи и выйдетъ изъ числа членовъ германскаго союза. Если Пруссія, говорилъ онъ, не желаетъ быть правительствомъ, достойнымъ этого имени, то ей стоитъ только заявить объ этомъ; если она желаетъ погибнуть, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что и Австрія должна погибнуть съ нею вмѣстѣ. Въ подобномъ случаѣ, это послѣднее государство „замкнется въ самомъ себѣ и будетъ проводить, въ интересахъ собственнаго спасенія, политику, совершенно отличную отъ той, которой она придерживалась до сихъ поръ“. Эти заявленія онъ дѣлаетъ-де по порученію своего государя, который, спустя нѣсколько дней, писалъ еще: „Если вы потерпите неудачу... то

[1]) 1-го іюля.

намъ придется перейти къ изолированной политикѣ, согласованной съ интересами подданныхъ австрійскаго государства. Если вы сочтете нужнымъ, вы можете открыто заявить эту угрозу".

Была ли серьезна эта угроза? Мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, тактика Меттерниха имѣла удивительный успѣхъ. Бѣдный прусскій король, столько натерпѣвшійся отъ судьбы, такъ боялся Революціи и такъ сильно трепеталъ при мысли, что ему придется бороться съ нею въ Германіи собственными своими силами,—что, не обращая вниманія ни на какія другія соображенія, онъ на долгое время сталъ покорнымъ приверженцемъ своего могущественнаго сосѣда. Для того, чтобы понять, почему берлинскій дворъ, начиная съ этого момента, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ничѣмъ не выдвигался впередъ и почти рабски слѣдовалъ за политикой своей соперницы, — нужно помнить о переговорахъ въ Теплицѣ и о томъ ужасѣ, подъ вліяніемъ котораго Фридрихъ-Вильгельмъ III подчинился первому министру Австріи.

Въ три дня (съ 29-го іюля по 1-е августа) Меттернихъ заставилъ прусскаго короля цѣликомъ принять его программу. Король поклялся не только отречься отъ своего проекта представительной конституціи, но еще и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, отмѣнѣ парламентаризма во всей Германіи. Когда двѣ великія державы оказались согласными, занавѣсъ былъ поднятъ, и комедія, приготовленная Гентцемъ, могла начаться.

Первый актъ прошелъ блестяще. Конференція въ Карлсбадѣ была открыта 7 августа. Кромѣ Австріи и Пруссіи, въ ней участвовали слѣдующія государства: Саксонія, Ганноверъ, Баварія, Баденъ, Нассау, Вюртембергъ, Мекленбургъ, курфюршество Гессенское и Саксенъ-Веймаръ. Уже 30 августа конференція прекратила свои засѣданія. Какіе дебаты произошли на этихъ засѣданіяхъ?—публика не узнала этого въ точности, такъ какъ они держались въ секретѣ, и протоколы не были опубликованы. Но результатъ этого совѣщанія вскорѣ сталъ извѣстнымъ. Рѣшенія, принятыя конференціей въ Карлсбадѣ и представлявшія собою не что иное, какъ ультиматумъ, продиктованный Австріей и Пруссіей, были переданы Меттернихомъ, вмѣстѣ съ обстоятельнымъ докладомъ,—Франкфуртскому сейму; этотъ послѣдній переработалъ ихъ 20 сентября въ федеральный законъ; каждый членъ этого собранія былъ заранѣе уполномоченъ на то своимъ правительствомъ.

Первое изъ этихъ рѣшеній относилось къ предварительному изысканію мѣръ, которыми можно было бы обезпечить исполненіе

постановленій, указанныхъ собраніемъ; въ силу этого рѣшенія была составлена комиссія изъ пяти членовъ, избираемыхъ изъ состава сейма и смѣняемыхъ каждые 6 мѣсяцевъ; этой комиссіи было поручено поддерживать авторитетъ закона или мирнымъ путемъ, или силою оружія. Второе рѣшеніе гласило, что каждый университетъ впредь долженъ быть поставленъ подъ авторитетное покровительство куратора или комиссара, назначаемаго монархомъ данной страны. Это лицо должно будетъ слѣдить за духомъ преподаванія, наблюдать, исключать и даже сажать въ тюрьму учащихъ и учащихся. Германскія правительства обязывались другъ предъ другомъ удалять профессоровъ и студентовъ, которые будутъ имъ указаны кураторами, какъ опасные люди, и которые, будучи удалены изъ одного университета, будутъ лишаемы съ того времени права поступить въ какой-либо другой. Всякое тайное или недозволенное общество — въ частности, Буршеншафтъ — должно быть преслѣдуемо и уничтожаемо: тотъ, кто будетъ уличенъ въ участіи въ этихъ обществахъ, будетъ лишенъ права государственной службы. Затѣмъ шла очередь прессы, судьбы которой были опредѣлены третьимъ декретомъ: отнынѣ и впредь до изданія окончательнаго закона (имѣющаго быть выработаннымъ не позже, какъ черезъ 5 лѣтъ), періодическія изданія и изданія менѣе 20 печатныхъ листовъ должны быть подчинены предварительной цензурѣ; остальныя изданія оставались подъ страхомъ репрессивныхъ мѣръ. Каждое государство было обязано преслѣдовать автора произведенія, опубликованнаго въ предѣлахъ его территоріи, — отъ своего имени, по жалобѣ одного изъ союзниковъ; если же оно отказывалось, то сеймъ долженъ былъ принудить его отъ имени союза. Вообще же сеймъ могъ по своему собственному усмотрѣнію преслѣдовать и налагать запрещенія на изданія; на эти запрещенія не было апелляціи. Писатель, смѣлость котораго доводила журналъ до запрещенія, не имѣлъ права, въ теченіе 5 лѣтъ, принимать участіе ни въ какихъ другихъ изданіяхъ. Наконецъ, отвѣтственность за проступки налагалась не только на главныхъ редакторовъ, но также на издателей и типографщиковъ. Таковы были мѣры на будущее время. По отношенію къ прошедшему, послѣдній декретъ сейма создавалъ слѣдственную комиссію изъ семи членовъ, утвержденныхъ властью союза. Этотъ грозный совѣтъ имѣлъ цѣлью наблюдать „за проступками, происхожденіемъ и многочисленными развѣтвленіями революціонной пропаганды и демократическихъ союзовъ“, нарушавшихъ спокойствіе монарховъ. Всякое государство должно было по возможности содѣйствовать дѣятельности этой слѣд-

ственной комиссіи; всѣ мѣстныя власти были ей подчинены; она могла требовать ареста всякаго заподозрѣннаго лица и, въ случаѣ неисполненія ея повелѣній, требовать суда предъ сеймомъ.

§ 4. Это драконовское законодательство немедленно было введено въ дѣйствіе и погрузило на долгое время всю Германію въ глубокое отчаяніе. Но, какъ мы говорили немного выше, Австрія и Пруссія видѣли въ немъ только временное средство для борьбы съ опасностью. Для того, чтобы обезпечить и упрочить спокойствіе и на будущее время, эти два государства стали изыскивать такія постоянныя мѣры, которыя дали бы имъ возможность толковать и примѣнять въ смыслѣ ихъ политики союзный Актъ 1815 года. Эта конституція, какъ мы видѣли выше, приводила Германію къ полному безсилію и не обезпечивала странѣ даже единой власти, т.-е. не давала ей возможности желать, рѣшать и дѣйствовать. Не надо забывать, что эта конституція была создана Австріей въ тотъ періодъ, когда послѣдняя боялась замысловъ Пруссіи и хотѣла помѣшать ей играть главенствующую роль въ союзѣ. Но теперь, когда терроризированный берлинскій дворъ покорно слѣдовалъ за вѣнскимъ, этотъ послѣдній начиналъ склоняться къ тому, чтобы создать изъ сейма дѣйствительно-сильную власть, облеченную законодательными и исполнительными функціями, благодаря которымъ онъ вскорѣ подчинилъ бы своей волѣ всю Германію. Онъ не скрывалъ, что германская конституція, преобразованная въ такомъ смыслѣ, будетъ являться средствомъ уничтожить или видоизмѣнить въ болѣе монархическомъ смыслѣ мѣстныя конституціи, которыя были дарованы нѣкоторыми германскими государями. Рѣшенія Карлсбадской конференціи должны были предупредить насильственную революцію; конференціи въ Вѣнѣ должны были, по мысли Меттерниха, предупредить возможность даже и мирной революціи.

Второй актъ не доставилъ австрійскому министру столько же удовольствія, какъ первый. Если два главныхъ нѣмецкихъ двора вошли теперь въ соглашеніе для притѣсненія мелкихъ, то эти послѣдніе, приведенные сначала въ замѣшательство, примирились затѣмъ другъ съ другомъ для того, чтобы противодѣйствовать Австріи и Пруссіи, и стали обращаться къ иностраннымъ государямъ, которые, если не всѣ были расположены поддерживать ихъ, то всѣ съ удовольствіемъ наблюдали за уменьшеніемъ въ Германіи неограниченнаго авторитета Австріи и Пруссіи. Европа имѣла нѣкоторое основаніе безпокоиться при

мысли о возможности осуществленія такой програмы, которая дозволяла бы этимъ двумъ державамъ, не совпадавшимъ съ Германіей ни своей территоріей, ни своей политикой,—пользоваться, по своему усмотрѣнію и въ своихъ собственныхъ интересахъ, всѣми силами германскаго Союза. Поэтому, между прочимъ, берлинскій и вѣнскій дворы, въ октябрѣ 1819 года, т.-е. ко времени открытія новой конференціи, сочли своимъ долгомъ обратиться ко всѣмъ иностраннымъ правительствамъ съ нотами самаго успокоительнаго характера. Они работали-де до сихъ поръ исключительно въ смыслѣ поддержанія всеобщаго спокойствія и порядка, созданнаго договорами 1815 года; этой политикѣ они будутъ слѣдовать и впредь.

Послѣ подобныхъ увѣреній, Франція и Англія, каковы бы ни были ихъ скрытыя намѣренія, ничѣмъ не проявили таковыхъ. Иначе было съ Россіей; къ концу года она заняла довольно враждебное положеніе относительно Австріи. Императоръ Александръ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, принималъ въ Варшавѣ своего шурина, короля Вюртембергскаго, который, на-спѣхъ обнародовавъ обѣщанную подданнымъ конституцію для того, чтобы она отнынѣ была совершившимся фактомъ, поѣхалъ просить у императора покровительства во имя свободы, монархическихъ принциповъ и Священнаго Союза,—трехъ принциповъ, одинаково дорогихъ для царя. Этотъ послѣдній понималъ не такъ узко, какъ Меттернихъ, Союзъ, который былъ утвержденъ государями мистическимъ актомъ 1815 года. По его мнѣнію, этотъ договоръ предписывалъ союзнымъ государямъ считать одинаково интересующими ихъ всѣ тѣ политическія затрудненія, которыя могутъ возникнуть въ любомъ государствѣ Европы; этотъ договоръ опредѣлялъ, по его мнѣнію, что всякое столкновеніе между нѣсколькими государствами должно по необходимости повлечь за собою коллективное вмѣшательство всего Союза и можетъ быть рѣшено только этимъ послѣднимъ; что никакое возмущеніе подданныхъ противъ своихъ государей недопустимо, но что добровольныя уступки государей своимъ подданнымъ—законны и должны быть свято соблюдаемы. Въ виду всего этого, Александръ I склонялся къ тому, чтобы поддержать требованія второстепенныхъ членовъ германскаго Союза, и собирался употребить свое вліяніе на борьбу съ угрожающимъ возрастаніемъ авторитета Австріи и Пруссіи; вліяніе же это, въ случаѣ необходимости, могли поддержать много сотенъ тысячъ солдатъ.

Явное увеличеніе числа русскихъ войскъ въ Польшѣ за послѣдніе мѣсяцы 1819 года, казалось, указывали на его воин-

ственныя намѣренія, о причинахъ которыхъ вѣнскій дворъ осторожно потребовалъ у Александра I объясненій. Разумѣется, онъ отвѣтилъ самыми пылкими увѣреніями въ преданности своему вѣрному союзнику, императору Францу, но войскъ не распустилъ. Собирался ли онъ дѣйствительно напасть па Австрію? Держалъ ли онъ свои войска для того, чтобы воспользоваться ими на Востокѣ, гдѣ начинали собираться грозныя тучи? Можетъ быть, и то, и другое являлось одинаково возможнымъ. Выжидая того момента, когда обстоятельства принудятъ его дѣйствовать, онъ, въ декабрѣ, циркуляромъ Нессельроде, открыто поддержалъ южно-германскія государства въ ихъ оппозиціи австро-прусскимъ планамъ; болѣе того, въ январѣ, онъ, не скрываясь, предложилъ англійскому правительству вмѣшаться вмѣстѣ съ нимъ въ германскія дѣла и оказать помощь тѣмъ государямъ, независимости которыхъ угрожала программа Меттерниха. Вюртембергскій король, чувствуя за собою прочную поддержку, уже не ограничивался серьозными спорами на конференціяхъ въ Вѣнѣ, а сталъ требовать въ мартѣ мѣсяцѣ, чтобы выработанные тамъ принципы были еще разъ пересмотрѣны, съ полной свободой, въ союзномъ сеймѣ. Идя далѣе, онъ потребовалъ затѣмъ, чтобы всѣ мѣры, дополняющія тотъ Актъ, который былъ разсмотрѣнъ отъ имени Европы вѣнскимъ конгрессомъ, были провѣрены и санкціонированы всею Европою.

Читая письма Меттерниха, невозможно догадаться о тѣхъ тяжелыхъ затрудненіяхъ, съ которыми онъ боролся на конференціяхъ въ Вѣнѣ. Этотъ тщеславный и хитрый дипломатъ имѣлъ привычку вывертываться изъ всѣхъ затрудненій при помощи лжи и притворной увѣренности; обманывая своихъ современниковъ, онъ, кромѣ того, разсчитывалъ ввести въ заблужденіе и потомство, притворяясь тѣмъ болѣе довольнымъ, чѣмъ менѣе основаній къ тому имѣлъ, и тѣмъ болѣе торжествующимъ, чѣмъ бо̀льшая опасность грозила его политикѣ. Поэтому нельзя принимать въ серьезъ его бахвальства и тѣхъ увѣреній въ своей непогрѣшимости, которыя онъ расточаетъ себѣ на всякой страницѣ. Истина заключается въ томъ, что его проектъ былъ безъ возраженій принятъ въ Карлсбадѣ;—въ Вѣнѣ же произошло нѣчто совсѣмъ другое. Конференціи, на которыя вмѣстѣ съ представителями Австріи и Пруссіи, были приглашены представители и отъ другихъ германскихъ государствъ, были открыты 25 ноября 1819 года. Онѣ закончились только 15 мая 1820 года принятіемъ окончательнаго акта, который далеко не отвѣчалъ ни желаніямъ, ни надеждамъ Меттерниха. Безъ сомнѣнія, британ-

скій кабинетъ, не особенно склонный, по обыкновенію, сообразовываться съ личными взглядами царя, отклонилъ предложеніе этого государя; занятый въ это время демократической пропагандой въ Англіи [1]), онъ не счелъ возможнымъ выказать острый интересъ къ вопросу о развитіи конституціонныхъ идей въ Германіи. Но, боясь, какъ бы весь этотъ австро-русскій конфликтъ не привелъ къ столкновенію на Востокѣ, британскій кабинетъ секретно склонилъ Меттерниха къ серьезнымъ уступкамъ. Эти уступки пришлось сдѣлать въ особенности потому, что только въ виду ихъ Вюртембергъ и государства, ставшія на его сторону, отказались настаивать на созывѣ сейма и даже обще-европейскаго конгресса (апрѣль 1820 г.). Въ общемъ, актъ 15 мая, обращенный немного позже во Франкфуртѣ въ основной законъ Германскаго союза (8 іюня), былъ только пересказомъ той неопредѣленно-распущенной и мало правительственной конституціи, которую германскіе государи приняли въ 1815 г. Правда, въ ней было сказано, что никакая конституція не должна противорѣчить общему акту и итти вразрѣзъ правамъ суверенитета, воплощеннаго повсюду въ личности государя. Но если этому послѣднему угодно было бы раздѣлить съ народомъ свой суверенитетъ, то какъ, спрашивается, можно было помѣшать ему въ этомъ? Наконецъ, существующія конституціи были утверждены и было установлено, что онѣ могутъ быть измѣняемы только законными путями. Если мы примемъ въ соображеніе, что многія изъ нихъ были въ прямомъ противорѣчіи съ Актомъ 1815 года,— то намъ будетъ ясно, что этотъ послѣдній лишался почти всякаго значенія. Конечно Заключительный Актъ предусматривалъ случаи спора отдѣльныхъ государствъ между собою, а также

---

[1]) Континентальная система принудила европейскія государства обходиться безъ англійскихъ продуктовъ и дать національной промышленности громадное развитіе. Кромѣ того, земледѣльческій кризисъ, обусловленный голодомъ 1816 и 1817 гг., наиболѣе свирѣпствовалъ именно въ Великобританіи, гдѣ торіи, стоявшіе тогда у власти, покровительствовали только крупному землевладѣнію и поэтому препятствовали ввозу сельскихъ продуктовъ изъ-за границы, удерживая цѣны на хлѣбъ на высотѣ 60 шиллинговъ за квартеръ (около 36 франковъ за гектолитръ). Въ виду этого, рабочее населеніе повело очень живую агитацію. Вожди народной партіи требовали реформы конституціи; нѣкоторые доходили даже до требованія всеобщей подачи голосовъ. Министерство принуждено было на нѣкоторое время прекратить дѣйствіе Habeas Corpus Act и ограничить личную свободу. Его безтактности вызвали въ различныхъ городахъ, главнымъ образомъ, въ Бирмингамѣ и Манчестерѣ (1818 г., въ августѣ) бурныя возстанія, которыя были усмирены со страшной жестокостью и на которыя парламентъ отвѣтилъ драконовскими законами шести актовъ (ноябрь, 1819 г.), достойными карлсбадскихъ резолюцій.

и случаи ихъ сопротивленія постановленіямъ сейма. Но каковы были тѣ пути, которыми Союзъ могъ бороться съ неповиновеніемъ? Оказывается, что суда никакого организовано не было. Намѣчена была лишь крайне запутанная и медленная аустрегальная процедура, не являвшаяся, конечно, сколько-нибудь дѣйствительною санкціею. Ни одно нѣмецкое государство не имѣло права вступать, во время войны, въ соглашеніе съ врагами Союза, но самый Союзъ не могъ быть принужденъ помогать Австріи или Пруссіи въ ихъ частныхъ спорахъ съ иностранными государствами. Наконецъ, сеймъ, конечно, былъ объявленъ суверённымъ, но второстепенныя государства съумѣли довести его до смѣшного безсилія своими настойчивыми требованіями единогласія при голосованіи всѣхъ мѣръ, касавшихся общихъ интересовъ Германіи [1]). Итакъ, въ 1820 г., столь же мало, какъ и въ 1815 г., федеральная конституція не могла обезпечить Германіи ни сильной центральной власти, ни истинно-національныхъ реформъ. Въ 1815 г., Германію сдѣлала недвижною, конечно, Австрія; теперь послѣдней было столь же трудно двинуть сеймъ впередъ, какъ и назадъ. Еще на цѣлое полустолѣтіе эта часть Европы была обречена на полное безсиліе; и не Австріи суждено было разбудить Германію.

§ 5. Австрійская политика встрѣчала противодѣйствіе въ Германіи. Русская—была въ одинаковомъ положеніи, какъ въ Германіи, такъ, въ то же время, и въ другихъ странахъ, въ которыхъ царь былъ особенно заинтересованъ борьбой съ Революціей. Въ 1819 году Александръ I обращалъ особенное вниманіе на Францію. Успѣхи либерализма въ этомъ государствѣ причиняли ему безпокойство и приводили его въ дурное расположеніе духа; онъ этого даже нисколько не старался скрывать. Въ сущности, онъ, не смѣя высказать, сожалѣлъ о томъ, что онъ не могъ по прежнему имѣть первенствующее вліяніе на Тюильрійскій кабинетъ. Герцогъ Ришелье покинулъ свой постъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1818 г. Этотъ государственный дѣятель, вернувшись изъ Ахена, собрался сдержать то нравственное обязательство, которое союзные государи и въ особенности, русскій императоръ, заставили его дать; а именно, онъ собрался измѣнить избирательные законы 1817 г., слишкомъ, по имъ мнѣнію, благопріятные либеральной партіи. Но предложеніе, сдѣланное имъ по этому поводу Людовику XVIII, не было принято.

[1]) См. выше, стр. 62.

Король никогда особенно не любилъ царя; теперь, когда эвакуація французской территоріи была окончена, онъ думалъ, что можетъ обойтись безъ его покровительства и вполнѣ ввѣрился человѣку, завидовавшему Ришелье и мечтавшему замѣстить его. Это былъ Деказъ; онъ безъ труда отдалилъ короля отъ министра, котораго онъ изображалъ преданнымъ русской политикѣ и стремящимся ослабить свою твердость по отношенію къ крайнимъ. Поэтому, когда герцогъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, Людовикъ XVIII принялъ ее и составилъ кабинетъ, номинальнымъ главой котораго былъ генералъ Дессоль, а дѣйствительнымъ вождемъ, съ самаго начала,—Деказъ [1]). Этотъ послѣдній, упрекая Ришелье въ слишкомъ большихъ симпатіяхъ къ контръреволюціи, долженъ былъ, конечно, примкнуть къ противоположной партіи. Благодаря ему, не только избирательный законъ остался въ прежней силѣ [2]), но и свобода печати была обезпечена, въ довольно широкой мѣрѣ, новыми законами [3]). Прежніе слуги имперіи и даже республики начали снова появляться, въ довольно большомъ количествѣ, въ административныхъ должно-

[1]) Дессоль (Жанъ-Жозефъ-Павелъ-Августинъ, маркизъ), родился въ Охъ (Auch) въ 1767 г.; былъ военнымъ во время революціи; начальникъ дивизіи въ 1799 г.; адъютантъ Моро въ 1800 г.; попалъ во время имперіи почти въ немилость за свою привязанность къ этому генералу; министръ и генералъ-маіоръ національной гвардіи государства въ 1814 г.; пэръ Франціи; получилъ титулъ маркиза въ 1817 г.; министръ иностранныхъ дѣлъ и президентъ совѣта (29 декабря 1818 г.), скончался въ Парижѣ 1828 г.—Деказъ (Илья, герцогъ). Родился въ Сентъ-Мартинѣ-де-Лей (Жиронда) въ 1780 г.; адвокатъ, судья въ сенскомъ трибуналѣ (1805 г.); кабинетъ-совѣтникъ голландскаго короля (1807 г.); секретарь особыхъ порученій императрицы-матери и совѣтникъ при императорскомъ дворѣ въ Парижѣ (1811 г.); перешелъ къ Бурбонамъ въ 1814 г.; префектъ полиціи (7 іюля 1815 г.); сильно покровительствуемый Людовикомъ XVIII, онъ былъ назначенъ министромъ полиціи въ сентябрѣ слѣдующаго года; пожалованъ въ графское достоинство въ 1816 г.; пэръ Франціи въ 1818 г.; министръ внутреннихъ дѣлъ (декабрь 1818 г.); президентъ совѣта 20 ноября 1819 г.; свергнутъ „крайними“ въ февралѣ 1820 г.; пожалованъ въ герцоги и сдѣланъ членомъ тайнаго совѣта; посолъ въ Лондонѣ съ 1820 до 1821 г.; перешелъ на сторону Людовика-Филиппа въ 1830 г.; главный докладчикъ палаты пэровъ съ 1834 г. до 1848 г.; скончался въ 1861 г.—Въ министерствѣ 29 декабря 1818 г., портфели финансовъ, юстиціи и военный были въ рукахъ у Луи, де-Серра и Гувіонъ-Сенъ-Сира. Они перешли къ Руа, де-Серру и Латуръ-Мобургу, 20 ноября 1819 г., когда Паскье занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Несмотря на предложеніе Бартелеми (20 февраля 1819 г.), потерпѣвшее пораженіе въ палатѣ пэровъ, благодаря назначенію 73 новыхъ пэровъ; оно было затѣмъ отклонено (мартъ) и палатой депутатовъ.

[3]) Эти законы представляли настоящій прогрессъ и были вотированы въ апрѣлѣ и маѣ 1819 г. Они освобождали журналы отъ цензуры и передавали въ вѣдѣніе судовъ проступки противъ законовъ о печати.

стяхъ. Эта эволюція французскаго правительства, безъ сомнѣнія, не могла не оскорбить царя, совѣтовавшаго совершенно противоположное. Но въ особенности разсердила его та почтительная уступчивость, которую проявлялъ новый министръ къ Великобританіи, естественной соперницѣ Россіи. Ришелье опирался на петербургскій кабинетъ. Деказъ же, естественно, склонялся на сторону лондонскаго двора. Поццо-ди-Борго, посланникъ Александра I, еще недавно былъ безпрестаннымъ совѣтникомъ французскаго правительства; почти всегда его слушались. Теперь,—представитель Англіи сдѣлался ближайшимъ довѣреннымъ французскаго кабинета. Поэтому, русскій императоръ выказалъ нѣсколько разъ, начиная съ 1819 г., свое неудовольствіе; но это обстоятельство, повидимому, нисколько не тронуло Людовика XVIII. Каподистріа, пріѣхавшій въ Парижъ на нѣсколько недѣль въ августѣ мѣсяцѣ, такъ же, какъ и Поццо-ди-Борго, не сумѣлъ поссорить короля съ его фаворитомъ. Вскорѣ новые выборы усилили, какъ и предшествующіе, либеральную партію, которая насчитывала съ этого времени 90 представителей въ палатѣ депутатовъ. Къ великому негодованію „крайнихъ" и всего Священнаго Союза, въ депутаты былъ выбранъ членъ конвента, Грегуаръ. Враги свободы заявляли, что ужасы 1793 г. не замедлятъ вернуться. Но Деказъ не только не былъ отстраненъ, но вскорѣ былъ даже оффиціально призванъ на постъ президента совѣта (ноябрь 1819 г.). Большинство изгнанниковъ 1815 и 1816 г. получили позволеніе вернуться во Францію. Нѣкоторымъ изъ нихъ было даже возвращено званіе пэровъ; другіе получили таковое.

Русскій императоръ вышелъ изъ терпѣнія. Не имѣя возможности заставить Людовика XVIII слушать совѣты Россіи, онъ рѣшилъ напугать его и, въ случаѣ надобности, принудить его. Онъ формально предложилъ монархамъ, принимавшимъ участіе въ четвертномъ союзѣ 20 ноября 1815 г., коллективно вмѣшаться во французскія дѣла и убѣдить короля перемѣнить политику. Хотѣлъ ли онъ довести дѣло до войны? Наврядъ ли. Но если даже дѣло шло только о нравственномъ насиліи, которое нужно было произвести надъ французскимъ правительствомъ, то и въ этомъ отношеніи политика Россіи не имѣла никакого шанса быть одобренной другими великими державами. Прежде всего, Англія могла только потерять отъ низверженія министерства Деказа. Поэтому, она отказала вѣжливо, но твердо, подчиниться планамъ Александра I и удовольствовалась тѣмъ, что посовѣтовала кабинету, отъ себя, сдѣлать нѣкоторыя уступки кон-

сервативной партіи. Австрія, безъ сомнѣнія, оплакивала прогрессъ либерализма въ нашемъ отечествѣ и жаждала реакціи. Но она, въ особенности въ эту минуту (январь 1820 г.), не желала ни отдѣлиться отъ Англіи, услуги которой ей были необходимы, ни поддерживать царя и создавать министерскій кризисъ, который могъ вернуть герцога Ришелье на прежній постъ. Берлинскій дворъ смотрѣлъ въ это время глазами Вѣны. Русское предложеніе, поэтому, не имѣло успѣха. Но трагическое происшествіе, случившееся при этомъ, позволило царю отчасти возвратить прежнюю, потерянную имъ во Франціи, позицію. Убійство герцога Беррійскаго (13 февраля 1820 г.) породило въ партіи крайнихъ и даже во многихъ членахъ королевской фамиліи такое ожесточеніе противъ Деказа, что старый и больной Людовикъ XVIII не былъ въ силахъ поддержать его. Но, не желая окончательно отдаться въ руки графа д'Артуа и его ретроградной камарильи, король, отказавшись отъ своего фаворита, замѣнилъ его герцогомъ Ришелье, искреннимъ, но умѣреннымъ, роялистомъ, способнымъ, по его мнѣнію, бороться, съ одинаковой рѣшимостью, и съ правой, и съ лѣвой оппозиціей. Царь, очевидно, былъ обрадованъ этимъ рѣшеніемъ. Герцогъ далъ ему, къ тому же, полное удовлетвореніе по вопросу объ избирательномъ законѣ [1]) и сталъ возобновлять узы, немного ослабѣвшія, которыя еще недавно соединяли правительства Франціи и Россіи. Столь же очевидно, что Англія безъ удовольствія узнала о возвращеніи Ришелье и съ этой минуты стала подрывать его авторитетъ и противодѣйствовать его политикѣ. Что касается Австріи, то, радуясь реакціоннымъ мѣрамъ, проводимымъ новымъ министромъ, она находила ихъ недостаточными. Она желала видѣть у власти крайнихъ. Ея представитель въ Парижѣ старался всѣми силами ускорить то событіе, въ ожиданіи котораго Меттернихъ продолжалъ доказывать русскому императору, что министръ Ришелье не можетъ гарантировать ему прочнаго и сильнаго союза, такъ какъ, угрожаемый, съ одной стороны, крайними, а съ другой — либералами, онъ не можетъ

---

[1]) По закону „двойного вотированія“, принятому въ іюнѣ 1820 г., созданы были два рода избирательныхъ коллегій: окружныя коллегіи, составленныя изъ избирателей, платящихъ 300 ф. прямыхъ налоговъ и назначающихъ 258 депутатовъ, и департаментскія коллегіи, назначающія 172 депутатовъ; въ нихъ участвовали избиратели, платящіе 1.000 ф. налоговъ. Эти послѣдніе вотировали и въ первыхъ, и во вторыхъ: отъ нихъ, т.-е. отъ аристократіи, должны были зависѣть выборы. Кромѣ того, министерство Ришелье, съ марта мѣсяца, ограничило свободу личности и свободу печати.

быть достаточно сильнымъ и заниматься чѣмъ-либо другимъ, кромѣ сохраненія собственной своей позиціи; что страхъ скомпрометтировать себя или передъ правой, или передъ лѣвой—никогда не позволитъ ему рѣшительно принять чью-либо сторону въ вопросахъ иностранной политики. Самъ же онъ поддерживалъ во французскомъ министрѣ вѣроломными совѣтами ту нерѣшимость и ту трусость, изъ которыхъ онъ потомъ дѣлалъ доводы противъ Ришелье. Такимъ образомъ, онъ предупреждалъ тѣсный союзъ, который, вслѣдствіе дружбы Александра I и Ришелье, могъ бы установиться между двумя дворами.

§ 6. С.-Петербургскій кабинетъ тщетно старался въ это время сдѣлать возможнымъ вмѣшательство Священнаго Союза въ Испаніи; въ этомъ государствѣ онъ, съ 1815 г., какъ и во Франціи, имѣлъ главенствующее значеніе: всякая революція должна была подорвать это значеніе Россіи. Со времени Вѣнскаго конгресса, Александръ I всегда стремился привлечь къ своей политикѣ и мадридскій, и парижскій кабинеты. Мы видѣли раньше, съ какимъ жаромъ онъ принялъ сторону испанскаго правительства въ его войнѣ съ американскими колоніями. Но онъ не могъ достигнуть того, чтобы Англія и, слѣдовательно, другія великія державы, присоединились къ его проекту коллективнаго посредничества между Фердинандомъ VII и его заокеанскими подданными. Колоніи, тайно поощряемыя британскимъ правительствомъ, вслѣдствіе этого, настолько сильно подвинули свои дѣла, что сдѣлали съ 1819 г. весьма мало вѣроятнымъ возстановленіе власти метрополіи [1]). Испанскій король, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, т.-е. почти не имѣя таковыхъ, составилъ съ громаднымъ трудомъ корпусъ отъ 20 до 25 тысячъ человѣкъ, который долженъ былъ быть его послѣдней картой въ борьбѣ съ инсургентами. Его войска, собранныя около Кадикса, на островѣ Леонѣ, должны были оставаться тамъ около года, потому что не было денегъ для уплаты за перевозъ ихъ въ Америку. Это долгое замедленіе дало возможность вождямъ конституціонной партіи, имѣвшей много сторонниковъ въ арміи, поднять военное возстаніе, которое разразилось 1 января 1820 г. подъ предводительствомъ капитана Ріего и, изъ глубины Андалузіи, вскорѣ рас-

[1]) Парагвай, въ сущности, былъ независимъ съ 1811 г.; Штаты Ла-Платы—съ 1814 г.; Чили—съ 1818 г.; Венецуэла и Новая Гренада, большей частью, тоже были независимы со времени побѣды, одержанной Боливаромъ при Боякѣ (7 августа 1819 г.). Испанцы держались, но съ большимъ трудомъ, только въ Перу и въ Мексикѣ.

пространилось и на всѣ другія провинціи государства. Испанія, возмущенная ужаснымъ и безумнымъ деспотизмомъ Фердинанда, возстала, какъ одинъ человѣкъ, въ два мѣсяца, и 7 марта этотъ монархъ, настолько же трусливый съ возставшими, какъ и жестокій съ покорными, принялъ, какъ того желали вожди этого движенія, демократическую конституцію 1812 г. и призвалъ въ министерство патріотовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были передъ тѣмъ изгнаны или сосланы имъ же самимъ. Съ 9 іюля кортесы, свободно избранные, собрались и стали разрушать въ слѣдующіе мѣсяцы тѣ привилегіи и реакціонныя мѣры, которыя были возстановлены королемъ и его камарильей съ 1814 г.

При первомъ извѣстіи объ этихъ событіяхъ, русскій императоръ, вѣрный тому принципу, что всякое возстаніе незаконно и обусловливаетъ вмѣшательство Священнаго Союза,—предложилъ, чтобы пять великихъ державъ соединились для возстановленія порядка въ Испаніи посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ и, если понадобится, военной силой. Это предложеніе было сдѣлано въ мартѣ, было возобновлено два мѣсяца спустя и повторено нѣсколько разъ въ концѣ 1820 г. Царь каждый разъ настаивалъ на необходимости вмѣшательства съ тѣмъ большимъ жаромъ, что революціонная опасность, казалось, усиливалась на полуостровѣ и грозила сосѣднимъ странамъ. Если Англія мало поддерживала его во Франціи, то она, очевидно, была еще менѣе расположена—въ угоду ему—бороться въ Испаніи съ такимъ переворотомъ, вся выгода котораго должна была выпасть именно на ея долю. Кастльри, къ тому же, отвѣтилъ, не безъ основанія, что указанная опасность не казалась ему, по своему свойству, слишкомъ сильно грозящею спокойствію Европы; Священный же Союзъ, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ добра Фердинанду VII, если во имя его пойдетъ противъ патріотически настроенной испанской арміи. Не такъ ли монархическая коалиція, въ былое время, скомпрометтировала и погубила Людовика XVI? Англійскій министръ не объяснялъ того, что его правительство желало продленія смуты на полуостровѣ, такъ какъ надѣялось, и совершенно правильно, что раздираемая борьбой партій Испанія не будетъ въ состояніи снова овладѣть своими колоніями; но такова была, въ сущности, его основная мысль. Прибавимъ, что если вмѣшательство Священнаго Союза должно было бы привести къ военнымъ дѣйствіямъ, то только Франціи могло быть поручено осуществленіе вмѣшательства; лондонскій же дворъ, очевидно, тѣмъ менѣе готовъ былъ согласиться на это, что франко-русское вліяніе, которому онъ такъ завидовалъ,

могло бы достичь до Португаліи, гдѣ, въ августѣ 1820 г., разгоралась революція, подобная испанской и по своему происхожденію, и по своей программѣ [1]).

Боязнью усиленія политической власти французскаго правительства объясняется также и то упорство, съ которымъ вѣнскій дворъ, а за нимъ и берлинскій, отклонили предложеніе императора Александра. Меттернихъ, конечно, осуждалъ испанскую и португальскую революціи, но—въ концѣ-концовъ—онъ предпочиталъ лучше дать имъ немного развиться, чѣмъ позволить Людовику XVIII пріобрѣсти, путемъ борьбы съ ними, преобладающее значеніе въ Западной Европѣ. Къ тому же, онъ доказывалъ царю, что министерство Ришелье не отважится на военную экспедицію по ту сторону Пиренеевъ; это обстоятельство было ему тѣмъ болѣе хорошо извѣстно, что онъ самъ отклонялъ французскій кабинетъ отъ такой экспедиціи. Этотъ послѣдній, несмотря на желаніе снова укрѣпить франко-русское соглашеніе, боялся вызвать, своимъ, очевидно, реакціоннымъ вмѣшательствомъ въ Испаніи,—революціонное возстаніе во Франціи, гдѣ въ эту минуту (августъ 1820 г.) тайныя общества доказывали свою силу угрожающими заговорами [2]). Словомъ, Священный Союзъ, казалось, не былъ въ состояніи подавить революціонный духъ ни въ Испаніи, ни во Франціи, такъ какъ ни въ томъ, ни въ другомъ изъ этихъ государствъ онъ не выказывалъ единства взглядовъ и солидарности, необходимыхъ для того, чтобы упрочить ему успѣхъ.

§ 7. Если Священный Союзъ добился бо́льшихъ успѣховъ въ Италіи, гдѣ свободомыслящая партія проявляла въ то время весьма энергичную дѣятельность, то это могло быть объяснено тѣмъ, что вмѣшательство въ итальянскія дѣла было произведено великою державою, безусловно рѣшившею дѣйствовать и не встрѣчавшею серьезнаго противодѣйствія со стороны другихъ государствъ. Читатель припомнитъ, что трактаты 1815 года предоставили Австріи не только преобладающее, но почти что суверенное по-

[1]) Она была результатомъ военнаго возстанія, зачинщикомъ котораго былъ полковникъ Сепульведа (въ Порто, 24 августа 1820 г.). Овладѣвъ этимъ городомъ, бунтовщики двинулись на Лиссабонъ, который отворилъ имъ свои ворота, и принудили Регентство обѣщать конституцію, основанную на тѣхъ же принципахъ, какъ и испанская.

[2]) Именно, военнымъ заговоромъ 10 августа, вождями котораго были неизвѣстные офицеры, но иниціатива котораго шла отъ очень вліятельныхъ лицъ, а, главное, отъ генерала Лафайета.

ложеніе на Аппенинскомъ полуостровѣ [1]). На этомъ полуостровѣ, какъ и въ Германіи, глухо волновалась нація, обманутая въ своихъ надеждахъ коалиціею, призвавшею ее въ 1814 г. къ оружію. Большинство мелкихъ итальянскихъ деспотовъ представляли собою людей безъ разума и безъ чести; будучи рабами Австріи и тиранами своихъ подданныхъ, они возобновляли, отъ Альпъ до Адріатики и до Мессинскаго пролива, такія устарѣлыя установленія, которыя шли вразрѣзъ съ новой культурой. Въ Италіи—больше, можетъ быть, чѣмъ въ Испаніи,—тайныя общества были въ почетѣ, а заговоры, умножаясь съ каждымъ днемъ, знаменовали собой пробужденіе національности, надолго, по мнѣнію Меттерниха, усыпленной. Испанская зараза добралась прежде всего до неаполитанцевъ, и они дали первый примѣръ возстанія. Начиная со 2 іюля 1820 года многіе полки, расположенные въ Нолѣ и въ Авеллино, провозгласили (какъ и на островѣ Леонѣ) конституцію 1812 года. Старый король Фердинандъ, дрожа отъ страха, съ еще большей готовностью, чѣмъ его племянникъ, принялъ ее, отдалъ власть въ руки карбонаріевъ, облачился въ ихъ эмблемы и поклялся на Библіи уважать права своего народа. Но его коварство, во всякомъ случаѣ, равнялась коварству испанскаго короля; послѣдній, несмотря на данную клятву, тайно призвалъ на помощь Россію, а Фердинандъ неаполитанскій, также вопреки своей клятвѣ, сейчасъ же сталъ взывать къ Австріи.

Вѣнскій дворъ ни минуты не колебался; онъ, не безъ основанія, указывалъ, что неаполитанская революція могла сдѣлаться исходной точкой національнаго возстанія, которое мгновенно охватило бы всю страну до Альпъ и которое, очевидно, имѣло своей конечной цѣлью—освобожденіе полуострова отъ всякой иностранной зависимости. Приходилось спѣшить съ репрессіей. Съ августа и сентября мѣсяца, австрійскія войска стали наводнять ломбардо-венеціанское королевство. Меттернихъ не скрывалъ того, какъ именно онъ хотѣлъ ими воспользоваться; онъ тѣмъ болѣе открыто говорилъ о правахъ своего монарха, что король Обѣихъ Сицилій обязался, по трактату 1815 года, не давать своимъ подданнымъ конституціи безъ согласія Австріи. Но, какъ бы рѣшительно ни проводилъ своихъ плановъ министръ Франца I, онъ все-таки не рискнулъ приняться за дѣло, не удостовѣрившись предварительно въ томъ, какъ относятся великія державы къ подобному предпріятію. Онъ серьезно опасался,

[1]) См. выше, Введеніе и главу I.

чтобы французскій дворъ, тѣсно связанный съ Неаполемъ династическими узами и враждебно относившійся къ австрійской гегемоніи въ Италіи, не вздумалъ либо отнять у Австріи выгоду исключительнаго вмѣшательства, предложивъ ей свое содѣйствіе, —либо уничтожить возможность этого вмѣшательства, предложивъ себя въ качествѣ посредника между королемъ Фердинандомъ и его подданными. На дѣлѣ оказалось, что этотъ послѣдній планъ и былъ принятъ министерствомъ Ришелье. А именно, французскій кабинетъ не осмѣлился предложить свое вооруженное содѣйствіе итальянской контръ-революціи. Онъ боялся, чтобы либеральная партія во Франціи не отвѣтила на такую политику —возстаніемъ. Но онъ не могъ поддерживать и новаго неаполитанскаго правительства изъ страха, чтобы „ультра-роялисты“ не объявили его якобинскимъ (впрочемъ, эта мысль ему даже и не пришла въ голову). Кабинетъ Ришелье не могъ, наконецъ, остаться безучастнымъ, потому что тогда и ультра-роялисты, и либералы осыпали бы его упреками въ томъ, что онъ губитъ послѣдній престижъ и вліяніе Франціи. Поэтому, онъ усиленно сталъ хлопотать о томъ, чтобы склонить неаполитанцевъ къ добровольному измѣненію своей конституціи въ духѣ угодномъ и королю (который могъ бы тогда принять ее безъ задней мысли), и царю (который принялъ бы ее согласно съ его монархическими идеями). Подобный результатъ былъ бы для правительства Людовика XVIII большимъ и почетнымъ успѣхомъ. И именно, поэтому, австрійскій кабинетъ сталъ изо всѣхъ силъ противодѣйствовать плану Ришелье. Чтобы погубить этотъ планъ, Меттернихъ рѣшилъ, просто-на-просто, предложить, для виду, итальянскій вопросъ на обсужденіе пятерного союза и просить у послѣдняго полномочій дѣйствовать; онъ зналъ, что при данныхъ обстоятельствахъ, союзъ не могъ ему отказать въ такихъ полномочіяхъ. Въ этомъ случаѣ онъ являлся бы, слѣдовательно, исполнителемъ желаній Европы, и никакое правительство не осмѣлилось бы противодѣйствовать его планамъ. Указанная интрига Меттерниха и повела къ созванію Троппаускаго конгресса, который открылся 25 октября 1820 года. На этотъ конгрессъ явились представители великихъ державъ, австрійскій и русскій императоры и прусскій король.

Троппаускій конгрессъ, продолжавшійся два мѣсяца, былъ, таки, серьезнымъ испытаніемъ для дипломатическаго искусства австрійскаго министра. Но Меттернихъ былъ пріученъ лавировать между опасностями; если онъ не всегда умѣлъ смотрѣть

далеко впередъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ отличался удивительнымъ искусствомъ избѣгать трудностей въ данный моментъ.

Изъ четырехъ державъ, приглашенныхъ Австріей въ Троппау, только со стороны Пруссіи не ожидалось особенныхъ препятствій. У Франціи не было достаточной свободы дѣйствій для того, чтобы одной занять явно враждебную позицію противъ вѣнскаго кабинета и поставить ему рѣшительное veto. Но она могла стать между двумя остальными державами и воспользоваться ихъ неизбѣжнымъ разногласіемъ. Россія и Англія, въ самомъ дѣлѣ, являлись на этотъ конгрессъ съ двумя трудно примиримыми планами. Императоръ Александръ I все болѣе и болѣе настаивалъ на своей любимой идеѣ и держался того мнѣнія, что неаполитанскій вопросъ, какъ и всякій другой, подлежащій—теперь или въ будущемъ—разсмотрѣнію Европы, долженъ быть отданъ на обсужденіе великаго Союза. Онъ считалъ вполнѣ естественнымъ —и въ этомъ отношеніи онъ послѣдовательно развивалъ свои любимые политическіе принципы,—чтобы Священный Союзъ вмѣшался въ неаполитанскія дѣла, въ случаѣ необходимости, силою и уничтожилъ конституцію, очевидно навязанную монарху мятежниками. Но Александръ I считалъ нужнымъ воспользоваться обстоятельствами для того, чтобы провозгласить предъ небомъ и землей то право Священнаго Союза, котораго еще никто до тѣхъ поръ не осмѣлился формулировать публично и которое должно было заключаться въ возможности осуществлять полицейскую власть по всей Европѣ и неограниченно вмѣшиваться во внутреннія дѣла всякаго государства, коль скоро того потребуетъ соблюденіе трактатовъ и нравственнаго порядка, вытекающаго изъ нихъ. Поэтому, онъ требовалъ прежде всего, чтобы конгрессъ въ весьма недвусмысленной деклараціи призналъ это право за высшій и неизмѣнный законъ. Полномочіе же австрійской арміи идти на Неаполь было бы только примѣненіемъ этого общаго принципа. Съ другой стороны, такъ какъ онъ, во всякомъ случаѣ, еще не былъ приверженцемъ абсолютной реакціи въ томъ видѣ, какъ ее проповѣдывалъ Меттернихъ, и такъ какъ нѣкоторые изъ его министровъ (въ частности, Каподистріа, который сопровождалъ его въ Троппау) [1]) старались

[1]) „Недавно, писалъ Меттернихъ 8 августа 1820 г., императоръ Александръ I признался въ слѣдующемъ: съ 1814 года, я ошибался относительно общественнаго настроенія; то, что я считалъ за правду,—я сегодня нахожу ложнымъ. Я дѣлалъ много дурного, но я постараюсь все поправить".—Но онъ зналъ, что Каподистріа оказываетъ на Александра I большое вліяніе. „Новости, сообщенныя мнѣ Лебцельтерномъ, читаемъ мы въ его перепискѣ (14 октября) и превосходны, и непріятны

поддерживать его въ состояніи какого-то полу-либерализма,—то онъ и не соглашался взять на себя роль притѣснителя народовъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Священный Союзъ вооружился для защиты монарховъ противъ мятежа, но объявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Священный Союзъ вовсе не заключенъ для того, чтобы подавлять вольности, добровольно дарованныя монархами; если онъ, въ данномъ случаѣ, и соглашался на то, чтобы Австрія вооруженными силами уничтожила конституцію, возникшую какъ слѣдствіе мятежа, то онъ ставилъ условіе, чтобы король Фердинандъ даровалъ своимъ подданнымъ умѣренную конституцію, когда онъ будетъ возстановленъ на тронѣ.

Эта фантазія царя сильно мѣшала Меттерниху. Лично, онъ не допускалъ возможности иного образа правленія, кромѣ абсолютизма, и поэтому имѣлъ твердое намѣреніе возстановить таковой въ Неаполѣ. Что касается обнародованія принципіальной деклараціи, предложенной Александромъ I, то онъ находилъ ее ненужною и опасною; онъ считалъ, что такая декларація могла бы послужить только къ тому, чтобы вновь разжечь энергію революціонеровъ во всей Европѣ. Кромѣ того, ея существеннымъ недостаткомъ—въ глазахъ австрійскаго канцлера—являлось то обстоятельство, что противъ нея сильно протестовала Англія. Политика британскаго кабинета была діаметрально противоположна политикѣ царя. Къ слову сказать, она была и менѣе честна. Кастльри, подобно своему шефу, Ливерпулю, и большинству своихъ товарищей, питалъ глубокую ненависть къ Революціи. Онъ не собирался бороться съ парламентскимъ образомъ правленія въ Англіи, но въ то же время онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вводить его въ остальной Европѣ. Въ 1815 году онъ безъ сожалѣнія бросилъ на произволъ судьбы сицилій-

---

Превосходно настроеніе императора; непріятна та путаница, которую Каподистріа вноситъ во всѣ мои предложенія...“—Когда русскій министръ прибылъ въ Троппау, Меттернихъ имѣлъ съ нимъ продолжительныя совѣщанія. Онъ старался склонить его на свою сторону, достигъ немногаго и злился. „Онъ уже уѣхалъ! писалъ онъ 29 октября. Онъ преподнесъ мнѣ длинный обзоръ гражданскаго общества. Онъ говорилъ о его артеріяхъ и каналахъ, о его силахъ и слабостяхъ, о его воспріимчивости и о его составныхъ частяхъ... Чортъ меня побери, если я не зналъ всего этого въ двѣнадцать лѣтъ!.. Ограниченный умъ есть не что иное, какъ ограниченная глупость ..“ Со своей стороны, Гентцъ (въ депешѣ 30 октября) утверждалъ, что царь сильно исправился, но все же еще не совсѣмъ отрекся отъ своихъ либеральныхъ идей. Что же касается Каподистріа, то Гентцъ называетъ его извращеннымъ умомъ. Онъ бредилъ „о лучшемъ порядкѣ вещей, достигнутомъ на вполнѣ развращенномъ населеніи“, и былъ „еще болѣе неправъ, чѣмъ его августѣйшій монархъ“.

скую конституцію 1812 года, бывшую дѣломъ Англіи [1]); что же касается неаполитанской конституціи 1820 года, то онъ столь же открыто, какъ и Меттернихъ, порицалъ ее. Онъ объявлялъ, что, по его мнѣнію, высказанное Австріей желаніе возстановить manu militari порядокъ въ Обѣихъ Сициліяхъ было согласно не только съ трактатомъ 12 іюня 1815 г., но также и съ необходимостью подавить возстаніе, компрометирующее законную власть императора Франца I въ Италіи. Вѣнскому двору грозила опасность; берясь за оружіе, онъ только защищался. Неаполитанскій вопросъ представлялъ-де большой интересъ для Вѣны, но, съ другой стороны, этотъ интересъ имѣлся только для нея. Пусть Австрія сама расправляется со своими врагами; Англія этому никакихъ преградъ не поставитъ; если бы аналогичная опасность грозила Англіи,—британское правительство поступило бы точно такъ же. Австріи нѣтъ даже надобности просить у кого-либо разрѣшенія; ни Великобританія, ни остальныя державы не призваны дать ей таковое. Исходя изъ этихъ основныхъ началъ, Кастльри протестовалъ противъ желанія провозгласить общимъ и неизмѣннымъ закономъ—принципъ вмѣшательства, нисколько не связаннаго, по его мнѣнію, съ сущностью пятерного союза. Пять главныхъ европейскихъ державъ соединились для обезпеченія территоріальнаго равновѣсія, установленнаго трактатами 1815 года; что же касается равновѣсія нравственнаго и преобладанія того или другого образа внутренняго правленія, то этотъ вопросъ не могъ быть рѣшенъ даже въ общихъ выраженіяхъ. Нѣкоторые случаи оказались предусмотрѣнными; напримѣръ, было создано обязательство не возводить династіи Наполеона на французскій престолъ. Но внѣ этого конкретнаго случая, право коллективнаго вмѣшательства не могло быть оправдываемо. Каждая держава сама являлась судьей своихъ интересовъ и того положенія, которое она должна была занять по отношенію къ сосѣдямъ, ведущимъ компрометирующую внѣшнюю политику. Но нельзя допустить, чтобы Священный Союзъ a priori принялъ на себя обязательство поддерживать во всѣхъ возможныхъ случаяхъ и во всѣхъ странахъ именно данныя политическія теоріи противъ данныхъ другихъ. Ни одна нація, достойная этого имени, не согласится на то, чтобы иностранцы вмѣшивались въ ея внутреннія дѣла во имя отвлеченныхъ принциповъ. Англія, напримѣръ, никогда не позволитъ, чтобы у нея

[1]) Она была навязана королю Фердинанду лордомъ Бентинкомъ, который въ то время былъ настоящимъ диктаторомъ Сициліи.

требовали отчета о томъ, какими законами она управляется. Словомъ, Англія согласна на то, чтобы Австрія дѣйствовала въ Неаполѣ на свой страхъ. Но она ни за что на свѣтѣ не согласится подписать декларацію, предложенную царемъ.

Положеніе, занятое англійскими министрами, было очень выгоднымъ. Парламентскій образъ правленія, которому они служили, и либерально-демократическая агитація, которая въ этотъ именно моментъ (въ концѣ 1820 г.) ознаменовывала собою восшествіе на престолъ непопулярнаго Георга IV [1]), заставляли ихъ отклонить отъ себя всякую внѣшнюю солидарность съ политикой, результатомъ которой явился бы постоянный крестовый походъ монарховъ противъ народовъ. Поэтому, въ теоріи, они громко протестовали противъ идей Священнаго Союза. Къ тому же, они не могли согласиться съ опубликованіемъ такой декларація, на основаніи которой русскій императоръ не преминулъ бы впослѣдствіи потребовать военнаго вмѣшательства въ испанскія дѣла; этого они ни подъ какимъ видомъ не хотѣли допустить. И въ то же время имъ было пріятно, чтобы Австрія устроила контръ-революцію въ Неаполѣ, ибо, по ихъ мнѣнію, для Англіи было очень важно, чтобы французское вліяніе отнюдь не возрождалось въ Италіи.

Въ водоворотѣ этихъ русскихъ и англійскихъ теорій, французскіе министры не могли чувствовать себя очень ловко. Конституціонныя начала, офиціальными защитниками которыхъ они являлись въ силу хартіи, запрещали имъ допустить неограниченное право вмѣшательства въ томъ видѣ, какъ его требовалъ Александръ I. Но они также боялись обидѣть царя своею оппозиціею и сдѣлать невозможнымъ заключеніе франко-русскаго союза, одного изъ наиболѣе дорогихъ своихъ желаній. Они также симпатизировали сохраненію нѣкотораго парламентскаго образа правленія въ Неаполѣ. Но для всего этого имъ нужно было содѣйствіе Англіи, а его-то они и не имѣли.

Всѣ эти несогласія во взглядахъ и интересахъ привели, въ общемъ, на Троппаускомъ конгрессѣ къ слѣдующимъ результатамъ: Англія и Франція объявили (первая очень категорично, вторая въ болѣе неопредѣленныхъ и смягченныхъ выраженіяхъ),

---

[1]) Общественное мнѣніе упрекало его въ томъ, что онъ измѣнилъ друзьямъ своей молодости—вигамъ, и примкнулъ къ партіи тори, которую тогда ненавидѣли. Его безпутная жизнь уже давно навлекла на него презрѣніе націи. Къ тому же, онъ имѣлъ глупость возбудить противъ своей жены, королевы Каролины, постыдное судебное дѣло, которое еще болѣе увеличило негодованіе, бушевавшее противъ него въ большихъ городахъ и, въ особенности, въ Лондонѣ.

что онѣ не могутъ присоединиться къ предложенной русскимъ императоромъ принципіальной деклараціи. Ихъ представители, однако, продолжали присутствовать на совѣщаніяхъ; но для того, чтобы не обнаруживать несогласія, которое могло бы быть гибельнымъ для Священнаго Союза, было рѣшено, что конгрессъ не будетъ публиковать офиціальныхъ протоколовъ. Такъ какъ представители двухъ несогласныхъ державъ ничего не хотѣли подписывать, то только три державы изъ пяти (а именно: Австрія, Пруссія и Россія) принимали рѣшенія. Меттернихъ, для того чтобы добиться отъ царя разрѣшенія дѣйствовать въ Неаполѣ, выставилъ относительно содержанія деклараціи нѣсколько такихъ требованій, которыя—завѣдомо для него—были совсѣмъ не по вкусу Александру I. Онъ требовалъ, напримѣръ, чтобы право вмѣшательства было установлено даже по отношенію къ тѣмъ государствамъ, въ которыхъ монархи добровольно сдѣлали бы уступки Революціи (онъ имѣлъ въ виду баденскаго, баварскаго и вюртембергскаго монарховъ, находившихся подъ покровительствомъ Александра I). Въ концѣ концовъ, русскій императоръ, несмотря на присутствіе Каподистріа, подпалъ въ Троппау, какъ и въ Ахенѣ, подъ реакціонное вліяніе Меттерниха [1]) и согласился на то, чтобы вѣнскій дворъ возстановилъ въ Неаполѣ, подъ условіемъ нѣкоторыхъ административныхъ реформъ, неограниченную монархію. За эту цѣну Австрія сдѣлалась немного уступчивѣе относительно содержанія деклараціи.

Декларація, подписанная 13 ноября представителями Австріи, Россіи и Пруссіи, была, съ комментаріями, объявлена Европѣ въ русскомъ циркулярѣ 8 декабря. Вотъ наиболѣе знаменательныя мѣста его: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ государствахъ, принимающихъ участіе въ европейскомъ союзѣ, образъ ихъ внутренняго правленія будетъ измѣненъ путемъ возстанія, и когда это измѣненіе будетъ представлять опасность для другихъ членовъ Союза, — эти государства будутъ исключены изъ числа участниковъ на все то время, пока ихъ состояніе не будетъ представлять гарантій порядка и стойкости.

„Союзныя державы не только будутъ заявлять открыто о та-

[1]) Австрійскій министръ изображалъ ему картину положенія Испаніи, Франціи и Италіи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ;—указывалъ ему, со свойственнымъ ему преувеличеніемъ, какъ повсюду якобинская революція идетъ приступомъ противъ троновъ. Въ особенности подѣйствовалъ онъ на него тѣмъ, что изображалъ ему незначительную военную смуту, только-что случившуюся передъ тѣмъ въ С.-Петербургѣ, въ видѣ угрожающаго симптома общей агитаціи, проникавшей, по его мнѣнію, уже и въ Россію.

комъ исключеніи, но кромѣ того,—оставаясь вѣрными высказаннымъ ими принципамъ и уваженію ко власти законнаго правительства и его свободной волѣ,—онѣ обязываются отказывать въ признаніи перемѣнъ, происшедшихъ незаконнымъ путемъ.

„Когда государства, въ которыхъ произойдутъ подобныя перемѣны, будутъ угрожать другимъ державамъ, по причинѣ своей близости, неминуемою опасностью и когда державы будутъ въ состояніи оказать на нихъ благотворное вліяніе, — союзники употребятъ, для возвращенія ихъ въ лоно союза, сначала дружественныя мѣры, а затѣмъ принудительную силу, поскольку примѣненіе таковой будетъ неизбѣжнымъ“.

Этотъ манифестъ, излагавшій въ столь грозныхъ выраженіяхъ ту политику, которую общественное мнѣніе съ перваго же дня приписывало Священному Союзу, надѣлалъ въ Европѣ очень много шуму; стало яснымъ, что существуетъ намѣреніе предпринять противо-революціонный крестовый походъ, и что три наиболѣе грозныя державы соединились именно для того, чтобы обезпечить его исполненіе. Но и протесты, которыми англійское правительство сочло нужнымъ отвѣтить на эту принципіальную декларацію (19 декабря—16 января), также не остались не замѣченными. Двѣ ноты, которыя Кастльри посвятилъ опроверженію Троппаускихъ доктринъ, давали понять, что британскій кабинетъ питаетъ непреодолимое отвращеніе къ теоріи вмѣшательства. Даже французское министерство, и то должно было объявить (февраль 1821 г.), что король Людовикъ XVIII могъ бы присоединиться къ вышеупомянутому манифесту не иначе, какъ съ оговоркой о своихъ парламентскихъ обязанностяхъ. Вся Европа знала, что, несмотря на протестъ, кабинетъ Ливерпуля не помѣшаетъ дѣлу контръ-революціи въ Неаполѣ, и что герцогъ Ришелье, несмотря на все свое желаніе, также не будетъ ему серьезно противодѣйствовать; но, во всякомъ случаѣ, стали поговаривать, что различіе взглядовъ, обнаруженное въ этомъ обмѣнѣ дипломатическихъ нотъ, рано или поздно приведетъ европейскій совѣтъ къ безсилію; что настанетъ день, когда либеральная партія и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ будетъ у власти; что она будетъ говорить такъ же, какъ Кастльри и какъ Ришелье, но что она будетъ сообразовывать свои поступки со своими заявленіями, и что серьезнаго противодѣйствія двухъ такихъ державъ, какъ Англія и Франція, будетъ достаточно для сведенія Священнаго Союза на нѣтъ.

§ 8. Между тѣмъ Меттернихъ въ точности проводилъ свою

программу. Въ Троппау было рѣшено перенести конгрессъ въ Лайбахъ, — т.-е. ближе къ Италіи, — и пригласить неаполитанскаго короля пріѣхать туда для переговоровъ съ союзниками о способахъ возстановить порядокъ въ его государствѣ. Неаполитанскій парламентъ поступилъ бы благоразумно, если бы онъ или не позволилъ своему монарху, готовившемуся измѣнить, ѣхать на конгрессъ, или же постарался подчеркнуть неправоту Австріи, послѣдовавъ совѣтамъ Франціи и смягчивъ конституцію 1820 года въ болѣе монархическомъ духѣ. Но онъ не съумѣлъ рѣшиться ни на то, ни на другое. Конституція была объявлена не подлежащею измѣненіямъ, а королю дано было разрѣшеніе покинуть Неаполь послѣ принятія, въ двадцатый разъ, присяги. Старикъ Фердинандъ заплатилъ за это довѣріе тѣмъ, что, едва пріѣхавъ въ Ливорно (16 декабря), онъ поспѣшилъ отказаться отъ всѣхъ своихъ обѣщаній и сталъ просить—съ сугубымъ заискиваніемъ—вооруженной помощи Священнаго Союза. Въ первой половинѣ января онъ явился въ Лайбахъ, гдѣ Меттерниху съ большимъ трудомъ удалось объяснить ему, что онъ долженъ,—если онъ не желаетъ опозорить себя передъ всей Европой,—соблюдать нѣкоторую осторожность въ рѣчахъ по отношенію къ той неаполитанской конституціонной партіи, которая еще недавно была предметомъ его заискиваній. Ему проредактировали въ приличной формѣ письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ своего сына, оставленнаго регентомъ Обѣихъ Сицилій, о планѣ Священнаго Союза и требовалъ подчиненія. Послѣ этого, остальные итальянскіе монархи были, для виду, допущены на конгрессъ, и всѣ, за исключеніемъ лишь одного [1]), одобрили австрійскую программу. Австрія предложила или, вѣрнѣе, навязала своему низкому союзнику [2]) схему государственной организаціи (въ февралѣ), а тотъ,

[1]) Папскій посолъ, Спина, объявилъ, что его монархъ, намѣстникъ Бога мира, не желаетъ „принимать участія ни въ какомъ дѣлѣ, могущемъ повлечь за собою войну", и считаетъ необходимымъ остаться нейтральнымъ во избѣжаніе внезапнаго нападенія со стороны неаполитанцевъ.

[2]) Согласно этой программѣ, король долженъ былъ учредить двѣ государственныя консульты (одну для Неаполитанской территоріи, другую для Сициліи), провинціальные совѣты, муниципальные совѣты и пр. Конечно, члены этихъ комиссій должны были быть назначаемы имъ самимъ. Какая бы то ни была мысль о парламентаризмѣ и конституціонныхъ вольностяхъ была устранена. На вопросъ французскаго уполномоченнаго Ла-Ферронэ о томъ, будетъ ли дозволено, по возвращеніи Фердинанда въ свои владѣнія, измѣнить предписанный ему образъ правленія,—Меттернихъ холодно отвѣчалъ, что это не будетъ допущено, такъ какъ итальянскія державы не могутъ „допустить возникновенія режима, не совмѣстимаго съ ихъ спокойствіемъ".

все еще дрожа отъ страха, медленно направился къ своей столицѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобы австрійскіе солдаты прибыли туда гораздо раньше его.

Результатъ кампаніи былъ, съ самаго начала, очевиднымъ. Въ началѣ марта экзекуціонная армія приблизилась къ неаполитанскимъ границамъ; послѣ короткой стычки она разсѣяла, 7 марта, конституціонныя войска. Двѣ недѣли спустя, она вошла въ Неаполь, гдѣ, подъ ея покровительствомъ, разразилась реакція еще болѣе жестокая, чѣмъ въ 1799 году [1]). Конгрессъ былъ офиціально закрытъ. Монархи и ихъ министры условились снова собраться около сентября мѣсяца слѣдующаго года, вѣроятно, во Флоренціи, для обсужденія итальянскихъ дѣлъ и для принятія необходимыхъ мѣръ. А пока, они рѣшили остаться въ Лайбахѣ до полнаго возстановленія порядка въ Обѣихъ Сициліяхъ. И въ этотъ моментъ, еще до окончанія маленькаго неаполитанскаго похода, два новыхъ очень важныхъ извѣстія почти одновременно возбудили и даже увеличили ихъ безпокойство: съ одной стороны, они узнали, что въ Піемонтѣ военный заговоръ также привелъ къ провозглашенію конституціи; съ другой стороны, имъ сообщили, что князь Ипсиланти съ вооруженными силами проникъ въ дунайскія княжества и призвалъ всѣхъ грековъ къ возстанію противъ Турціи.

И дѣйствительно, піемонтскіе патріоты, столь же плохо управляемые Викторомъ-Эммануиломъ I, какъ и неаполитанцы—Фердинандомъ Бурбономъ, сочли возможнымъ воспользоваться тѣмъ временемъ, какъ австрійская армія углублялась на югъ полуострова—для того, чтобы провозгласить свободу. Послѣ отреченія короля отъ власти, которую онъ передалъ своему брату, Карлу-Феликсу, и во время отсутствія послѣдняго—Санта-Роза [2]), Лизіо и Колленьо [3]), завладѣвъ 12 марта Александріей и Тури-

[1]) Послѣ паденія партенопейской республики, основанной французами въ 1799 году. Вызванная Лайбахскимъ конгрессомъ реакція пролила потоки крови въ Обѣихъ Сициліяхъ. Еще въ 1822 году состоялось нѣсколько сотенъ смертныхъ приговоровъ.

[2]) Санта-Роза (графъ Санторре) родился въ Савильяно въ 1783 году; офицеръ піемонтской арміи; супрефектъ Специи (1812); опредѣленъ, послѣ 1815 года, на важную должность въ военномъ министерствѣ въ Туринѣ; главный зачинщикъ мартовскаго возстанія 1821 года; присужденъ къ смертной казни; скрывался въ Испаніи, во Франціи и затѣмъ въ Англіи; волонтеръ греческой арміи (1824); убитъ турками на островѣ Сфактеріи 8 мая 1824 года.

[3]) Колленьо (Гіацинтъ-Прована) родился въ Туринѣ 4 іюня 1794 года; артиллерійскій офицеръ во время имперіи; вернулся въ Туринъ послѣ 1814 года; шталмейстеръ Карла-Альберта, въ то время князя Савойи-Кариньяна; замѣшанъ въ революціи 1821 года; волонтеръ въ Греціи, затѣмъ въ Португаліи и Испаніи; про-

номъ, принудили регента Карла-Альберта, тайно склонявшагося къ ихъ партіи, провозгласить испанскую конституцію 1812 года. Ихъ соумышленники стали волновать центральную Италію, а нѣсколько народныхъ возмущеній, отмѣченныхъ немного позже по ту сторону Альпъ [1]), дали поводъ думать, что Франція тоже начинаетъ подниматься. Безъ сомнѣнія, Австрія была достаточно сильна для того, чтобы оказать сопротивленіе Турину одновременно съ Неаполемъ; но что̀ произошло бы въ томъ случаѣ, если бы въ то время, какъ она будетъ употреблять бо̀льшую часть своихъ силъ на подавленіе итальянскаго возстанія, оттоманская имперія пала подъ ударами партіи, очевидно поощряемой Россіею? Не было ли бы это и для Австріи, и для всей Европы,—началомъ кризиса, способнаго разрушить въ немного мѣсяцевъ все политическое зданіе, съ такимъ трудомъ выстроенное въ 1815 году?

Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что царь и его министръ, Каподистріа, были главными зачинщиками того волненія, которое въ этотъ моментъ проявлялось почти на всемъ Балканскомъ полуостровѣ; не даромъ, Россія уже пять лѣтъ поддерживала съ Портой ссору относительно нѣкоторыхъ сомнительныхъ или спорныхъ условій Бухарестскаго трактата. Было извѣстно также, что греческая гетерія, въ послѣдніе годы, развилась въ Россіи въ очень сильной степени; это развитіе гетеріи сопоставляли съ поѣздкой Каподистріа, предпринятой имъ въ 1819 г. на Іоническіе острова, и съ возмущеніемъ, получившимся въ результатѣ [2]); извѣстно было и то, что греческіе эмиссары два года тому назадъ пріѣзжали къ царю съ просьбою назначить имъ предводителя и по̀дать сигналъ къ возстанію. Было очевидно, что Александръ Ипсиланти, генералъ-майоръ русской службы, уже въ іюлѣ мѣсяцѣ 1820 года уѣхавшій въ Кишиневъ и организовывавшій тамъ свое нападеніе на отто̀манскую имперію, могъ покинуть С.-Петербургъ и предаться своимъ военнымъ приготовленіямъ не иначе, какъ съ молчаливаго согласія императора. Кромѣ того, въ первой его прокламаціи содержались знамена-

фессоръ геологіи въ Бордо, затѣмъ во Флоренціи (1841); военный министръ въ Ломбардіи (1848); сардинскій полномочный министръ въ Парижѣ (1852); умеръ 29 сентября 1856 года.

[1]) Особенно въ Гренублѣ (18—20 марта 1821 года).

[2]) Этотъ министръ, получивъ отъ царя послѣ Ахенскаго конгресса отпускъ, поѣхалъ въ Корфу. Его пребываніе на этомъ островѣ, съ одной стороны, возбудило не мало надеждъ и, съ другой стороны, побудило мѣстное населеніе къ сопротивленію англійскому управленію, бывшему въ то время очень притѣснительнымъ. Поэтому, немного позже вспыхнуло народное возстаніе въ Ст.-Морѣ.

тельныя строки: „Если бы нѣсколько отчаянныхъ турокъ совершили набѣгъ на вашу территорію, то не пугайтесь, ибо великая держава стоитъ наготовѣ и покараетъ ихъ".

Въ общемъ, дѣло имѣло такой видъ, какъ будто Александръ I съ глубокимъ маккіавелизмомъ собирался воспользоваться тѣмъ моментомъ, когда заинтересованныя державы будутъ всецѣло заняты движеніемъ на западѣ,—для того, чтобы наложить свою руку на оттоманскую имперію.

На дѣлѣ же, царь былъ менѣе вѣроломенъ, чѣмъ это можно было думать о немъ. Во всякій другой моментъ онъ былъ бы очень радъ тому волненію, которое Ипсиланти долженъ былъ вызвать въ турецкой имперіи; но теперь онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что этотъ послѣдній выбралъ для своей экспедиціи крайне неблагопріятную минуту. Такимъ образомъ оказывалось, что призывъ къ чувству чести Александра I не остался безплоднымъ. Меттернихъ весьма легко добился отъ него порицанія того необдуманнаго предпріятія, которое, само по себѣ, могло казаться результатомъ сложнаго разсчета русскихъ политиковъ; онъ объяснилъ ему, что было бы недостойно—подвергать опасности всю Европу, разъ онъ только-что передъ тѣмъ поклялся обезпечить ея миръ;—въ частности, что это было бы особенно вѣроломно по отношенію къ Австріи, такъ какъ она именно теперь рисковала всѣми своими силами для того, чтобы охранить Европу отъ революціонной чумы. Дѣло-де идетъ о подавленіи возстанія не въ одномъ только Піемонтѣ; Францiя также жаждетъ революціи. Министерство Ришелье не способно удержать ее; оно само созналось въ этомъ; еще недавно, въ Лайбахѣ, оно отказалось провести контръ-революцію въ Испаніи, несмотря на повторныя настоянія Фердинанда VII, именно потому, что всякая попытка такого рода приведетъ въ Парижѣ и въ провинціи къ вспышкѣ, могущей оказаться гибельной для престола Людовика XVIII. Эта вспышка неминуема; не лежитъ ли, поэтому, въ виду такой опасности, на великомъ государѣ, основателѣ Священнаго Союза,—обязанность избавить Европу отъ всякихъ новыхъ осложненій?

Эти аргументы, казалось, сильно подѣйствовали на Александра I. Онъ объявилъ себя вылѣченнымъ отъ всякихъ либеральныхъ фантазій; онъ поклялся посвятить всю свою грозную силу исключительно повсемѣстной борьбѣ съ революціоннымъ чудовищемъ во всѣхъ его видахъ; онъ даже предложилъ отправить на помощь Австріи сто тысячъ войска для дѣйствій въ Италіи и на Альпахъ. И съ другой стороны, для того, чтобы

доказать свою добросовѣстность, онъ объявилъ въ дипломатическихъ документахъ, получившихъ широкую гласность (мартъ, апрѣль 1821), что онъ не принимаетъ никакого участія въ предпріятіи Ипсиланти; что попытка грековъ безразсудна, и что сами они—мятежники, взявшіеся за оружіе только изъ революціонныхъ побужденій и не заслуживающіе, по мнѣнію монарховъ, никакого сочувствія. Словомъ, видно было, что онъ готовъ на все, лишь бы только отдѣлаться отъ отвѣтственности за происшествія, сценой которыхъ въ этотъ моментъ былъ Востокъ.

Былъ ли онъ при этомъ свободенъ отъ всякой задней мысли? Въ этомъ позволяютъ сильно сомнѣваться дальнѣйшія событія. Царь, въ сущности, разсчитывалъ, все-таки, извлечь впослѣдствіи выгоду изъ восточнаго кризиса и надѣялся, что Австрія, въ отплату за теперешнюю его уступчивость, сдѣлается—потомъ—сговорчивѣе относительно оттоманской имперіи. Вѣнскій дворъ, можетъ быть, поддерживалъ въ немъ такое убѣжденіе; а, пока, онъ поспѣшилъ использовать доброе расположеніе царя. Ему, впрочемъ, не было необходимости въ предложенныхъ Александромъ I ста тысячахъ солдатъ, двинувшихся уже, было, въ путь. Піемонтская революція была подавлена еще скорѣе неаполитанской. Призванные Карломъ - Феликсомъ австрійцы, послѣ незначительной битвы при Новарѣ (8 апрѣля), вошли въ Туринъ; формальный договоръ разрѣшилъ имъ занять сардинскую территорію на довольно долгій промежутокъ времени; другой договоръ разрѣшилъ имъ оккупацію въ Неаполѣ. Такимъ образомъ, вся Италія была подчинена ихъ волѣ, и дискреціонный режимъ, бывшій, по мнѣнію Меттерниха, идеаломъ правленія, снова безпрепятственно развернулся по несчастной странѣ.

Монархи и ихъ министры покинули Лайбахъ въ маѣ мѣсяцѣ 1821 года. Циркуляръ, подписанный тремя державами, представлявшими отнынѣ Священный Союзъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, пространно объяснилъ Европѣ, что этотъ союзъ существуетъ только для ея блага;—что во время послѣднихъ событій онъ имѣлъ въ виду исключительно соблюденіе трактатовъ и общаго мира и благополучія народовъ, — что, впрочемъ, онъ всегда будетъ считать себя вправѣ вмѣшиваться для защиты законной власти противъ мятежниковъ, ибо „полезныя и необходимыя измѣненія въ законодательствѣ и управленіи государствами должны исходить только отъ доброй воли и разсудительнаго и просвѣщеннаго побужденія тѣхъ, кого Богъ сдѣлалъ отвѣтственными во власти“.

Такимъ образомъ была открыто объявлена война принципамъ 1789 года; и, можетъ быть, три сѣверныя державы добились бы, на время, исполненія своей программы, если бы восточный кризисъ, о первой вспышкѣ котораго мы только-что говорили и къ дальнѣйшему изложенію котораго мы теперь приступимъ,—не заставилъ ихъ разъединиться и надолго отказаться отъ всякаго совмѣстнаго дѣйствія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отъ Лайбаха до Вероны [1]).

§ 1. Пиренейскій полуостровъ и вопросъ о колоніяхъ въ 1821 году.—§ 2. Греческій вопросъ и русскія ноты.—§ 3. Ганноверское свиданіе и вѣнская конференція.—§ 4. Распространеніе революціонныхъ началъ въ Испаніи, Португаліи и Америкѣ.—§ 5. Планы великихъ державъ при открытіи конгресса въ Веронѣ.—§ 6. Веронскій конгрессъ и испанскія дѣла.—§ 7. Остальные вопросы, которые были затронуты въ Веронѣ.—§ 8. Нравственное насиліе надъ Франціей; конецъ конгресса.

(1821—1822 г.).

§ 1. Двѣ изъ великихъ Европейскихъ державъ, Франція и Англія, объявили себя въ Лайбахѣ несогласными съ политикой Священнаго Союза: первая—боязливо, вторая—съ большей твердостью. Впрочемъ, ни та, ни другая не рѣшилась на фактическое противодѣйствіе этой политикѣ. Событія, о которыхъ мы будемъ говорить въ настоящей главѣ, содѣйствовали возвращенію парижскаго кабинета на нѣкоторое время къ политикѣ трехъ сѣверныхъ монарховъ; но, съ другой стороны, эти же

[1]) Источники: Bignon, des Cabinets et des Peuples;—Chateaubriand, Le Congrès de Vérone;—Cornewall Lewis, Histoire gouvernementale de l'Angleterre depuis 1770 jusqu'à 1830;—Deventer (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne;—Gentz (F. de), Dépêches, t. II;—Gervinus, Histoire du XIX siècle, t. IX, X, XI, XII, XIII, XVI, XVII;—Gordon, History of the Greek revolution;—Hyde de Neuville, Mémoires et Souvenirs, t. II;—Hubbard, Histoire contemporaire de l'Espagne, t. II;—Juchereau de Saint Denis, Histoire de l'empire ottoman;—Lesur, Annuaire historique, années 1821—1822;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. III;—Pereira da Silva, Historia da fundaçao do Imperio brazileiro;—Soutzo (Al.), Histoire de la révolution grecque;—Vaulabelle (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. V et VI;—Villèle (графъ), Mémoires; Viel Castel (баронъ) Histoire de la Restauration, t. X и XI, etc.

событія окончательно подчеркнули обособленное положеніе Великобританіи.

Въ серединѣ и въ концѣ 1821 года Меттернихъ, несмотря на свои недавнія удачи и на свойственную ему высокомѣрную увѣренность [1]), отнюдь не былъ спокоенъ и не скрывалъ того, что общее спокойствіе и, въ частности, спокойствіе отдѣльныхъ монарховъ оказывалось весьма мало обезпеченнымъ. „Какъ многое еще должно быть нами сдѣлано!"—пишетъ онъ въ это время одному изъ своихъ друзей [2]). И дѣйствительно, революція вовсе еще не была побѣждена. Австрія, правда, сдерживала ее въ Италіи,—но только цѣною военной оккупаціи, которая заставляла ее держать въ чужой странѣ, въ полномъ бездѣйствіи, свои лучшія войска и, такимъ образомъ, мѣшала ей дѣйствовать въ другихъ мѣстностяхъ. Въ Германіи—даже нѣкоторые монархи

[1]) Можно себѣ составить нѣкоторое представленіе о его высокомѣріи, перечитывая его переписку за 1821 годъ (т.-е. во время и послѣ конгресса). „Я никогда не былъ болѣе счастливъ", пишетъ онъ, „чѣмъ при настоящихъ обстоятельствахъ, потому что я достигъ теперь разумнаго возраста и увѣренъ, что не надѣлаю ошибокъ. Я сдѣлался безстрашнымъ и боюсь ошибиться только насчетъ справедливости и полезности. . Мои враги должны находить меня очень неудобнымъ для себя... Въ первый разъ за тридцать лѣтъ начата была открытая борьба со зломъ, которое до сихъ поръ изображали слабому человѣчеству, какъ первѣйшее изъ благъ... Я принадлежу къ тому типу людей, которые живутъ не столько для настоящаго, сколько для будущаго... я постоянно думаю о будущемъ: я глубоко убѣжденъ, что легче рискую ошибиться насчетъ настоящаго, чѣмъ насчетъ будущаго". „Можетъ быть, прибавляетъ онъ, какой-нибудь „порядочный человѣкъ отыщетъ мое имя и повѣдаетъ въ 2240 году міру, что и въ далекомъ прошломъ жилъ политическій дѣятель, менѣе ограниченный, чѣмъ большинство его современниковъ, достигшихъ, будто бы, въ своемъ тщеславномъ самообольщеніи, апогея цивилизаціи..." Къ концу конгресса, радуясь своей побѣдѣ, онъ писалъ: „Либераламъ придется, таки, повонить; я заранѣе радуюсь этому. Я обожаю ругательства тѣхъ людей, коимъ я намѣренно наступаю на ноги. Говорили, напримѣръ, что мы не посмѣемъ напасть на неаполитанскія „вольности" и что въ противномъ случаѣ мы будемъ разбиты. Жалкіе люди!.. Революціи вышли изъ моды и скоро отойдутъ въ вѣчность, такъ же, какъ и мода защищать добродѣтель англійской королевы Каролины. Онѣ не будутъ имѣть никакой почвы, походя на заигрываніе старыхъ кокетокъ. Мы совершили работу, подъ которой подпишется, не краснѣя, всякій честный человѣкъ... Нами сдѣлано хорошее и великое дѣло".

[2]) „Произошло чрезвычайно благодѣтельное для насъ событіе. Оно даетъ намъ возможность продолжать нашу жизнь. Но не больше! Пока мы не можемъ еще сдѣлать ни одного шага за предѣлы этой элементарной возможности. Зло достигло колоссальнаго развитія. Общественное мнѣніе совершенно развращено. Я сошлюсь хотя бы на настроеніе нашей собственной столицы. Представьте себѣ, что въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Берлинѣ, Лондонѣ, во всей Германіи и Италіи, въ Россіи и чуть что не въ Америкѣ наши побѣды изображаются, какъ злодѣянія; наши планы—какъ ошибки, а наши намѣренія—какъ преступное безуміе. Очарованіе исчезло. Какъ многое еще должно быть нами сдѣлано!" (Письмо графу Стадіону 1821 года, 21 апрѣля)

безусловно защищали парламентскія установленія, дарованныя ими своимъ подданнымъ. Унитарное и демократическое волненіе возрождалось во многихъ пунктахъ. Новыя тайныя общества (Меннербундъ, Югендбундъ и другія) [1]) вербовали университетскую молодежь во имя свободы. Іена, Дармштадтъ и Штуттгардтъ снова становились центрами дѣятельной пропаганды, находившей поддержку въ Швейцаріи, въ которой скрывались писатели и заговорщики, наиболѣе боявшіеся Майнцской комиссіи [2]). Смѣлые экономисты (какъ, напримѣръ, Листъ) волновали націю, указывая ей на тѣ выгоды, которыя должны были быть результатомъ торговаго союза; этимъ они подготовляли почву Zollverein'у. Во Франціи, министерство Ришелье съ трудомъ отбивалось отъ нападокъ крайней правой и либераловъ; одинаково ненавистное обѣимъ этимъ партіямъ, оно находилось подъ постоянной угрозой ихъ коалиціи и немедленнаго, въ такомъ случаѣ, паденія. Карбонаризмъ, вывезенный изъ Италіи Дюгіедомъ и Жуберомъ, развивался въ Парижѣ и въ провинціи съ чудовищной быстротой; онъ начиналъ проникать въ армію и подготовлялъ возстаніе, явной цѣлью котораго должно было быть сверженіе Бурбоновъ. Опасность казалась приверженцамъ Священнаго Союза, такимъ образомъ, очень серьезной. Въ общемъ, однако, въ тѣхъ странахъ, о которыхъ мы только что говорили, пламя лишь начинало еще разгораться. Наоборотъ, оно вспыхнуло съ всепоглощающей, казалось, силой на двухъ обширныхъ театрахъ событій, привлекшихъ къ себѣ взоры всѣхъ. Въ этомъ смыслѣ нужно назвать, съ одной стороны, пиренейскій полуостровъ съ принадлежащими Испаніи землями въ Новомъ Свѣтѣ, а съ другой—балканскій полуостровъ.

Въ Испаніи, Фердинандъ VII и его камарилья продолжали обманывать націю; они злоупотребляли довѣрчиво-мирнымъ настроеніемъ умѣренной партіи, губили—интригами и очевидной злостностью своихъ намѣреній—наиболѣе умѣренныя министер-

[1]) Первое общество существовало до 1824 года и имѣло три главныхъ центра: Дармштадтъ, Эрфуртъ и Куръ въ Швейцаріи, гдѣ его поддерживали многочисленные нѣмецкіе эмигранты: Снель, Вэлькеръ, братья Фоллены и т. д.—Второе было основано въ Іенѣ, весной 1821 года, Шревицемъ изъ Ростока, только что пріѣхавшимъ изъ Кура. Оно просуществовало только одинъ годъ.

[2]) Майнцская комиссія, учрежденная въ 1819 году, организовала настоящую инквизицію и произвела по всей Германіи большія разслѣдованія, результатомъ коихъ явились, въ маѣ 1822 года, 32 особыхъ донесенія (за которыми послѣдовали два другія къ концу того же года). Въ общемъ, она не съумѣла открыть ни одного настоящаго заговора и занималась только тѣмъ, что вела тенденціозные процессы.

ства [1]), умножали просьбы о помощи, обращаемыя къ Священному Союзу и даже подкупали шайки „апостоликовъ", которые съ конца 1820 года начали междоусобную войну въ сѣверныхъ провинціяхъ. Вообще, эта партія не останавливалась ни передъ какими средствами для того, чтобы, по возможности, раздражить сторонниковъ конституціи и вызвать ихъ на необдуманныя дѣйствія. Инсургенты, приверженцы неограниченной формы правленія, находили помощь и покровительство въ Байоннѣ, гдѣ они съумѣли даже учредить свое регентство [2]). Французское вмѣшательство казалось неминуемымъ (іюль 1821 г.). Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи явилось созданіе „санитарнаго кордона", составленнаго изъ военныхъ силъ, число коихъ не переставало увеличиваться; кордонъ этотъ, на словахъ, предназначенъ былъ для борьбы противъ заноса желтой лихорадки изъ Каталоніи въ округа, смежные съ Пиренеями. Народное волненіе и недовольство все росло и росло въ Испаніи; доказательствомъ тому служили февральскіе выборы 1822 года, окончившіеся побѣдой партіи „exaltados" [3]). Президентомъ кортесовъ въ скоромъ времени сдѣлался Ріего, наиболѣе рьяный членъ радикальныхъ клубовъ. При такомъ положеніи внутренней политики, Испанія имѣла менѣе, чѣмъ когда-либо, шансовъ вернуть свои американскія колоніи къ повиновенію. Къ тому же, она была, при конституціонномъ правленіи, столь же мало расположена итти на компромиссы съ колоніями, какъ и при неограниченной королевской власти. Продолжая прежнюю свою политику, она требовала, чтобы заокеанскія владѣнія подчинились метрополіи безусловно. Испанцамъ казалось, что допуская колоніи къ участію въ политической свободѣ, они отнимали у нихъ всякій поводъ къ продолженію возстанія. Но испано-американскія государства желали полной независимости. Они противились требованіямъ кортесовъ тѣмъ болѣе энергично, что за этими требованіями они не усматривали никакихъ серьезныхъ средствъ понужденія. Такимъ образомъ, Аргентинская республика, которая одно время готова была заключить перемиріе съ правительствомъ Фердинанда VII, отказалась, въ 1821 году, отъ какихъ бы то ни было уступокъ. Парагвай, управляемый Франсіа, сдѣлался совершенно недоступнымъ давленію извнѣ. Чили было

[1]) Министерство Аргуэля уволено въ мартѣ 1821 года; министерство Бардакси— въ декабрѣ того же года.

[2]) Главными вождями его были сначала Эгійа и Квесада.

[3]) Такъ называли вождей радикальной партіи.

окончательно освобождено усиліями Кохрана и Сентъ-Мартена [1]), перенесшими затѣмъ свою революціонную дѣятельность въ нижнее Перу. Симонъ Боливаръ, Освободитель (el libertador), какъ его называли, одержалъ побѣду при Боякѣ [2]) и основалъ Колумбійскую конфедерацію, а затѣмъ, послѣ перемирія, предписаннаго имъ испанскимъ войскамъ (октябрь 1820 года—апрѣль 1821 г.), обезпечилъ, окончательной побѣдой при Карабобо (24 іюня 1821 г.), славу своего знамени, распространенную позднѣе его сообщниками вплоть до Каракаса, Боготы, Квито и еще далѣе. Даже Мексика, которую, съ грѣхомъ пополамъ, держали въ повиновеніи вплоть до конца 1820 года, тоже сдѣлалась центромъ мятежнаго возстанія. Въ этой странѣ церковная партія, раздраженная антиклерикальными поползновеніями кортесовъ, присоединилась къ партіи патріотовъ и, выбравъ своимъ главой честолюбиваго Итурбида [3]), заставила вице-короля О'Донойя [4]) подписать Кордовскій трактатъ, утверждавшій, въ принципѣ, автономію страны.

Португальская монархія была потрясена не менѣе испанской. Лиссабонскіе кортесы, собравшись вскорѣ послѣ революціи 1820 года (26 января 1821 года), выказали себя болѣе предпріимчивыми и болѣе смѣлыми, чѣмъ мадридскіе. Король Іоаннъ VI, жившій уже тринадцать лѣтъ въ Бразиліи, въ концѣ концовъ, рѣшился покинуть эту страну. Онъ вернулся въ свою столицу

[1]) Сентъ-Мартенъ (Хуанъ-Хозе) родился въ Ла-Платѣ въ 1778 году; офицеръ испанской арміи съ 1798 года; генералъ аргентинской арміи (1816 годъ), посланникъ въ Чили въ 1818 году, затѣмъ въ Перу въ 1821 году; онъ значительно способствовалъ освобожденію послѣдняго. Протекторъ этой послѣдней республики (1821—1822); рано отказался отъ политической карьеры и провелъ послѣднія двадцать пять лѣтъ своей жизни въ Англіи и во Франціи. Умеръ въ Булони-Сюръ-Меръ въ 1850 году.

[2]) 7 августа 1819 года.

[3]) Итурбидъ (Августинъ) родился въ Вальядолидѣ (Мексика) въ 1783 году. Пятнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ ряды испанской арміи, гдѣ онъ началъ отличаться, съ 1810 года, въ сраженіяхъ съ мексиканскими инсургентами, причемъ получилъ чинъ генерала. Попавъ въ сильное подозрѣніе въ виду завѣдомаго его честолюбія, онъ былъ отрѣшенъ отъ должности въ 1816 году. Революціонеръ и генералиссимусъ мексиканскихъ войскъ (сентябрь 1820 года). Конгрессъ поставилъ его во главѣ исполнительной власти. Императоръ Мексики (18 мая 1822 года); свергнутъ и принужденъ покинуть страну 11 мая 1823 года; эмигрировалъ въ Италію, потомъ въ Швейцарію, Бельгію и снова въ Италію. Разстрѣлянъ въ Падиллѣ (Тамолипасъ), вслѣдствіе новой попытки завладѣть Мексикой (19 іюля 1824 года).

[4]) О'Донойя (Жуанъ), испанскій генералъ, назначенъ кадикскими кортесами въ 1810 году военнымъ министромъ. Въ 1814 году попалъ въ немилость у короля Фердинанда VII. Вице-король Мексики (въ 1820 году); скончался немного спустя послѣ кордовскаго трактата (8 октября 1821 г.).

въ іюлѣ 1821 года. Престарѣлый, невѣжественный и слабый, онъ пассивно подчинялся требованіямъ своихъ подданныхъ, давалъ подобно Фердинанду VII много клятвъ и соблюдалъ ихъ не лучше своего сосѣда. Онъ поручилъ своему старшему сыну, Дону Педро [1]), управленіе Бразиліей, огромной и богатой страной, въ которой волновалось населеніе болѣе многочисленное, чѣмъ въ метрополіи, и столь же склонное къ свободѣ, какъ и испанскія колоніи. Плохо руководимый эмиссарами Священнаго Союза, онъ тайно разрѣшилъ этому юному принцу, въ нѣкоторой степени, примѣняться къ желаніямъ этой колоніи. Въ его глазахъ, это былъ одинъ изъ способовъ освободить ее отъ лиссабонскихъ революціонеровъ. Разсчетъ оказался невѣрнымъ, а игра—опасной. Бразильскіе націоналисты, находя возможнымъ бороться за свои права, сдѣлались при этомъ весьма мало уступчивыми, а у Португаліи не было силы принудить ихъ къ послушанію. Поэтому, съ конца 1821 года колонія пошла по пути эмансипаціи гораздо далѣе, чѣмъ этого желалъ престарѣлый король. Португальскіе кортесы (ничуть не болѣе благоразумные, чѣмъ испанскіе) сами толкали Бразилію на мятежъ своими высокомѣрными и безтактными требованіями. Донъ Педро, принуждаемый ими вернуться въ Европу (октябрь), нашелъ удобнымъ сдѣлать колоніи уступку и остался въ Ріо-Жанейро (январь 1822 года), гдѣ онъ вскорѣ долженъ былъ по просьбѣ страны созвать учредительное собраніе.

Священный Союзъ (и, въ особенности, Австрія, которая претендовала на управленіе имъ) не могъ относиться спокойно къ революціямъ: испанской, португальской и американской. Но не съ этой стороны опасность казалась ему наиболѣе грозною. Что успокаивало его—по меньшей мѣрѣ, отрицательно—такъ это то, что единственная изъ великихъ европейскихъ державъ, по многимъ причинамъ заинтересованная въ распространеніи смуты, въ данную минуту воздерживалась отъ этого. Мы говоримъ объ Англіи. Безъ сомнѣнія, британское правительство желало эманси-

[1]) Педро I-й (Антоній-Іосифъ д'Алькантара), старшій сынъ Іоанна VI португальскаго. Родился въ Лиссабонѣ 12 октября 1798 года. Женился въ 1817 году на эрцгерцогинѣ Леопольдинѣ, дочери австрійскаго императора Франца I, сестрѣ Маріи-Луизы. Непремѣнный протекторъ (13 мая 1822 года), затѣмъ императоръ Бразиліи (12 октября 1822 г.). Наслѣдникъ португальской короны (19 мая 1826 г.), отъ которой онъ отказался въ пользу дочери своей, донны Маріи (2 мая 1826 года). Принужденъ отказаться отъ бразильской короны, 7 апрѣля 1831 года. Умеръ въ Лиссабонѣ (24 сентября 1834 года), употребивъ послѣдніе годы своей жизни на борьбу за права своей дочери противъ брата и узурпатора, Донъ-Мигуэля.

націи испанскихъ и португальскихъ колоній; но не нужно забывать, что министерство Ливерпуля, принципіально консервативное, косо смотрѣло на всѣ, вообще, революціи. Кастльри, его министръ иностранныхъ дѣлъ, не менѣе Меттерниха, былъ склоненъ къ принципамъ автократіи. Поэтому, ему было трудно въ Америкѣ поддерживать дѣло, котораго въ Европѣ онъ не одобрялъ и съ которымъ боролся всѣми своими силами. Подобная запутанность положенія принуждала его къ бездѣйствію и давала поводъ думать, что еще долго ему не удастся предпринять ничего рѣшительнаго въ Америкѣ.

§ 2. Въ Новомъ Свѣтѣ, слѣдовательно, происшествія начали затягиваться. Наоборотъ, на востокѣ, съ поразительной быстротой разгорался общій конфликтъ, повидимому, грозившій охватить всю Европу.

Въ Молдавіи и Валахіи мятежныя движенія были прекращены довольно быстро. Александръ Ипсиланти приказалъ разстрѣлять своего соперника, Ѳеодора Владимиреско. Но самъ онъ не былъ поддержанъ царемъ въ своемъ предпріятіи и былъ безъ труда оттѣсненъ турецкими войсками къ трансильванской границѣ. Ему пришлось перейти ее, и австрійскія власти немедленно схватили и посадили его въ тюрьму [1]) (іюнь, 1821 г.). Съ этого момента княжества, разоренныя огнемъ и мечемъ, подверглись всѣмъ жестокостямъ оттоманскихъ солдатъ. Наоборотъ, въ центрѣ и на югѣ Балканскаго полуострова, мятежъ распространялся все съ бо̀льшей и бо̀льшей силою. Пелопонесъ, центральная Греція, острова, весь или почти весь эллинскій міръ,— начинали подниматься подъ вліяніемъ гетеристовъ. Смѣлые моряки Гидры, Псары и Специи распространялись по всему архипелагу и устрашали турецкихъ адмираловъ свой смѣлостью. На сушѣ—Наваринъ и Монембазія оказались въ рукахъ инсургентовъ. Важная крѣпость Триполисъ была взята штурмомъ, послѣ шестимѣсячной осады (апрѣль—октябрь). Были учреждены три правительствующіе сената: первый—въ Мореѣ (іюнь), второй— въ восточной Греціи (сентябрь), третій — въ западной Греціи (ноябрь 1821 года). Затѣмъ состоялось соединенное собраніе депутатовъ всей націи; оно потребовало у Европы тѣхъ правъ, которыя слишкомъ долго были попираемы въ Греціи; оно же начало подготовлять окончательную побѣду, организовавъ центральную власть (январь, 1822). Что же касается турецкаго прави-

[1]) Въ Мюнкацѣ, гдѣ онъ содержался до 1827 года

тельства, то оно, по обыкновенію, было застигнуто врасплохъ. Ему недоставало денегъ. Оно принуждено было отправить значительную часть своихъ войскъ за Дунай; остальныя были заняты борьбой съ возмутившимся эпирскимъ пашей [1]), который, несмотря на безсиліе и понесенныя потери, все еще не сдавался. Поэтому, Порта почти нигдѣ не могла задержать эллинскаго возстанія, и шансы послѣдняго стали увеличиваться съ каждымъ днемъ.

Окончательная побѣда грековъ казалась тѣмъ болѣе вѣроятной, а паденіе Оттоманской Имперіи тѣмъ болѣе близкимъ,—что бунтовщики, повидимому, разсчитывали получить въ ближайшемъ будущемъ помощь извнѣ. Великая держава, содѣйствіе которой было обѣщано восточнымъ христіанамъ Александромъ Ипсиланти, собиралась итти на помощь. А государства, наиболѣе заинтересованныя въ сохраненіи въ Константинополѣ status quo, начинали совѣщаться о томъ, какъ предупредить тѣ потрясенія, которыя должны были бы возникнуть въ Европѣ вслѣдствіе такого осложненія.

Императоръ Александръ I, какъ извѣстно, въ Лайбахѣ отказался отъ грековъ. Меттернихъ заявлялъ, съ присущей ему хвастливостью, что его удалось отвлечь отъ Греціи навсегда. Но, въ сущности, австрійскій министръ вовсе не такъ ужъ окончательно убѣдилъ царя, чтобы его трудно было переубѣдить такимъ его совѣтникамъ, какъ Каподистріа, Поццо-ди-Борго и Строгановъ; они открыто стали защищать передъ царемъ инсургентовъ и склонять его къ тому, чтобы воспользоваться случаемъ и осуществить, наконецъ, традиціонную программу русской дипломатіи. Вернувшись въ Россію (въ іюнѣ 1821 года), царь могъ замѣтить и въ Варшавѣ, и, особенно, въ Петербургѣ,—насколько греческій вопросъ былъ уже популярнымъ. Вся имперія была охвачена національно-религіознымъ увлеченіемъ, тяготѣвшимъ къ крестовому походу. Общественное мнѣніе требовало, чтобы императоръ заступился за православіе, такъ долго находившееся подъ гнетомъ ислама, и освободилъ христіанскую землю отъ мусульманскаго варварства. Развѣ Россія, говорили въ тѣ дни, не является, по договору, покровительницей восточнаго православія? Развѣ

---

[1]) Али изъ Тебелена въ Албаніи, родился около 1741 года; попавъ на военную службу, онъ такъ отличился въ турецкой арміи, что сдѣланъ былъ пашей Янины въ 1788 году; главнокомандующій въ Румыніи съ 1803 года; съ 1814 онъ началъ вести себя, какъ независимый монархъ Эпира. Махмудъ принужденъ былъ въ 1821 году послать большое войско, чтобы осадить его столицу. Онъ сопротивлялся цѣлый годъ и погибъ вслѣдствіе измѣны.

Порта не учиняетъ надъ православіемъ всевозможныхъ звѣрствъ, возмущающихъ весь цивилизованный міръ? Махмудъ только-что передъ тѣмъ повѣсилъ у воротъ дворца, въ первый день Пасхи; константинопольскаго патріарха въ полномъ архіерейскомъ облаченіи. Множество другихъ епископовъ, по его приказанію, подверглись той же участи. Толпа фанатиковъ ежедневно избивала христіанъ въ главныхъ городахъ Оттоманской Имперіи, безнаказанно грабила и совершала безчисленное множество другихъ звѣрствъ. Даже подданные царя, и тѣ подвергались насилію и угрозамъ. Русскія суда были задержаны въ Босфорѣ. Нормальное правленіе не было возстановлено въ княжествахъ; турки продолжали занимать и опустошать ихъ. Съ первыхъ же дней греческаго возстанія, султанъ, путемъ воззванія [1]), надѣлавшаго много шуму въ магометанскомъ мірѣ, призвалъ всѣхъ своихъ мусульманскихъ подданныхъ къ „священной войнѣ" во имя пророка и корана. Православной Россіи необходимо-де было немедленно отвѣтить на этотъ вызовъ. Это было не только мнѣніемъ всего русскаго народа, но даже и самого Александра I, который, съ присущимъ ему непостоянствомъ и горячностью, скоро рѣшилъ обратиться къ турецкой имперіи съ открытымъ вызовомъ. Онъ, вообще, былъ убѣжденъ, что послѣ жертвъ, принесенныхъ имъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ и, въ частности, во время Лайбахскаго конгресса, во имя спокойствія Европы и великаго Союза, ни одно правительство не могло отказать ему въ томъ удовлетвореніи,—столь, по его мнѣнію, законномъ,— котораго онъ искалъ. Онъ колебался недолго и 28 іюня послалъ Портѣ, черезъ Строганова, своего посланника въ Константинополѣ, высокомѣрный ультиматумъ. Въ этомъ документѣ, очень ловко составленномъ, русское правительство не ограничивалось перечисленіемъ частныхъ недоразумѣній между Россіей и Портой, но старалось доказать, что греческій вопросъ представляетъ интересъ для „всѣхъ европейскихъ дворовъ"; что власть турокъ не можетъ быть сохранена въ Греціи безъ серьезной опасности для европейскаго мира и принциповъ Священнаго Союза. Такимъ образомъ, между прочимъ, оправдывались подозрѣнія, которыя раньше возбудилъ Александръ I, отказавъ Турціи въ гарантіи вѣнскаго конгресса и подчеркнувъ христіанскій элементъ въ томъ новомъ международномъ правѣ, которому, какъ онъ

[1]) Хатти-Шерифъ 31 марта, энергичное воззваніе, имѣвшее цѣлью подѣйствовать на религіозныя страсти турокъ, которымъ оно предписывало „отказаться отъ удовольствій общественной жизни, пріобрѣсти оружіе и лошадей и вернуться къ обычаямъ предковъ и къ прежней воинской жизни турецкаго народа".

утверждалъ, было положено основаніе актомъ 26-го сентября 1815 года. „Блистательная Порта, говорилъ ультиматумъ, ставитъ христіанскія государства въ необходимость задать себѣ вопросъ, могутъ ли они спокойно смотрѣть на уничтоженіе цѣлаго православнаго народа, могутъ ли они терпѣть подобныя оскорбленія религіи и допускать существованіе государства, угрожающаго нарушить миръ, купленный Европою цѣною столькихъ жертвъ...“ Русское правительство, такимъ образомъ, объявляло Портѣ, что оно будетъ считать ее врагомъ христіанскаго міра, если въ теченіе восьми дней она формально не приметъ слѣдующихъ условій: 1) возстановить церкви, разрушенныя или попорченныя мусульманскими фанатиками; 2) обезпечить христіанскому культу серьезныя гарантіи и полную защиту; 3) отличать, въ числѣ подданныхъ провинцій, взволнованныхъ войной, виновныхъ отъ невиновныхъ и щадить тѣхъ, которые остались покорными или которые покорятся въ назначенный срокъ; 4) возстановить въ дунайскихъ княжествахъ предписанный трактатами режимъ и немедленно удалить турецкія войска. Чтобы еще больше подчеркнуть свои намѣренія и увлечь Европу на путь своей политики, царь послалъ 4 іюля четыремъ великимъ державамъ, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ союзницъ,—ноту, въ которой онъ старался доказать, что его поведеніе не содержало ни малѣйшей непослѣдовательности, и что въ его программѣ не было никакой честолюбивой задней мысли; что онъ являлся на Балканскомъ полуостровѣ, какъ и повсюду, явнымъ противникомъ революціи и поборникомъ порядка; что, наконецъ, совершенно естественно было бы предоставить ему, отъ имени Священнаго Союза, возстановленіе порядка въ Греціи, подобно тому, какъ Австрія была уполномочена на аналогичныя дѣйствія въ Испаніи. Поэтому, онъ категорически спрашивалъ союзниковъ: 1) что̀ они предпримутъ, если возникнетъ война между Россіей и Портой? и 2) что̀ они предложатъ, взамѣнъ турецкаго господства, если во время этой войны оно будетъ уничтожено? Изъ этого предложенія ясно видно, что Александръ считалъ турецкое наслѣдіе подлежащимъ дѣлежу. Ни онъ, ни его министры не скрывали, что цѣлью ультиматума было вызвать войну, а также и того, что они предполагали тотчасъ же начать военныя дѣйствія.

§ 3. Велико было волненіе Европы, когда она узнала, что вслѣдствіе возраженій, коими Диванъ отвѣтилъ на московскія требованія, Строгановъ покинулъ Константинополь, и что дипломатическія сношенія между Портой и Россіей были прерваны

(8 августа 1821 года). Александръ уже собиралъ свои войска въ южныхъ губерніяхъ имперіи. Но, преслѣдуя, какъ всегда, двоякую цѣль,—проведенія личной политики и сохраненія солидарности между великими державами, какъ это было предписано актомъ 26 сентября 1815 года,—онъ долго не рѣшался открыть военныя дѣйствія и начать исполнять то рѣшеніе, которое еще не было произнесено Европой. Къ тому же, двѣ великія державы, вмѣсто того, чтобы оказывать ему поддержку, старались, наоборотъ, помѣшать исполненію его плановъ. Австрія и Англія считали немыслимымъ, чтобы вопросъ о существованіи Оттоманской Имперіи былъ поставленъ на очередь и всѣми силами старались предупредить то столкновеніе, котораго можно было ожидать послѣ ультиматума 28 іюля. Кастльри и Меттернихъ, прежде чѣмъ офиціально отвѣтить на ноту 4 іюля, въ секретныхъ письмахъ сообщили царю, что событія на Востокѣ „составляютъ развитіе революціонныхъ началъ, послѣдовательно распространявшихся по Европѣ и вспыхивавшихъ каждый разъ, какъ верховная власть ослабѣвала по какой-нибудь причинѣ“;—что революціонное дѣло не заслуживаетъ въ Греціи бо́льшей поддержки, чѣмъ въ Италіи;—что нужно предоставить законной власти, т.-е. Портѣ, право бороться съ нимъ;—что неистовства и безумія турокъ сами собою прекратятся, какъ только султанъ не будетъ имѣть возможности подозрѣвать своего сосѣда въ потворствѣ мятежу; что участь грековъ, безъ сомнѣнія, является прискорбной, но— что напрасна была надежда на возможность измѣненій или улучшеній этой участи ихъ, не сопряженныхъ съ кореннымъ переворотомъ во всемъ политическомъ строѣ Европы. Развѣ, къ тому же, греки не являются зачинщиками? И развѣ турки не имѣютъ права защищаться? Что же касается Александра I, то „вѣроятно Провидѣніе никогда не давало ему возможности явить міру и потомству болѣе высокій образецъ примѣненія на практикѣ его принциповъ, ибо, въ данномъ случаѣ, имѣлась возможность выказать по отношенію къ фанатичному и полуварварскому правительству ту степень умѣренности и великодушія, которую могли внушить этому могущественному Государю лишь высокая религіозность и искренняя приверженность къ началамъ, такъ могущественно развитымъ Его Императорскимъ Величествомъ“.

Это было почти что насмѣшкой, и царь уже собирался обидѣться на эти ироническіе совѣты, какъ на оскорбленіе. Но нѣкоторыя новыя вѣсти, дошедшія изъ Германіи, вскорѣ возбудили въ немъ опасеніе, что вѣнскій и лондонскій дворы могутъ не ограничиться, въ своей оппозиціи, однѣми колкостями. Дѣйстви-

тельно, въ октябрѣ, король Георгъ IV, не посѣщавшій, со времени восшествія на престолъ, своихъ ганноверскихъ владѣній, явился туда подъ предлогомъ принятія отъ своихъ нѣмецкихъ подданныхъ изъявленій ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ; на самомъ же дѣлѣ, это было сдѣлано для того, чтобы дать возможность Меттерниху, также пріѣхавшему туда, лично переговорить о восточныхъ дѣлахъ съ Кастльри, послѣдовавшимъ за своимъ королемъ. Два министра выработали общій планъ дѣйствій, при помощи котораго англійскій и австрійскій монархи должны были приложить всѣ усилія къ сохраненію мира между Россіей и Турціей, противодѣйствуя всему тому, что̀ могло нарушить этотъ миръ. Кромѣ того, тайное соглашеніе устанавливало необходимость, не переставая, изображать царю революцію,—какъ главнаго и единственнаго врага, подлежащаго уничтоженію; въ особенности же, должны были они стараться внести охлажденіе въ его отношенія къ Каподистріа, усиліямъ котораго приписывали, не безъ основанія, недавній поворотъ въ политикѣ царя. Послѣ этого совѣщанія, Австрія и Англія послали отвѣтъ на ноту 4-го іюля, въ томъ смыслѣ, что имъ вовсе нѣтъ необходимости формулировать предложенія относительно системы, которая могла бы замѣнить существующее на Востокѣ положеніе дѣлъ. Такая формулировка должна исходить отъ самой Россіи; во всякомъ случаѣ всякій проектъ раздробленія турецкой имперіи натолкнется неминуемо на единодушный протестъ Европы. Вѣнскій и лондонскій кабинеты постараются-де добиться того, чтобы султанъ далъ царю полное удовлетвореніе, согласно существующимъ трактатамъ. Что же касается грековъ (какъ бы ни было достойно сочувствія ихъ положеніе), то государственные люди,—которымъ воспрещено „дѣйствовать подъ вліяніемъ совѣтовъ, подсказываемыхъ не разумомъ, а сердцемъ",—могутъ только выразить „пожеланіе, чтобы время и Провидѣніе даровали этому народу то облегченіе, котораго они не могутъ доставить ему, не измѣняя своему долгу" (октябрь—ноябрь 1821 года).

Австро-англійское соглашеніе быстро охладило воинственное настроеніе царя; боясь, чтобы указанныя двѣ державы не оказали фактическаго сопротивленія, онъ рѣшилъ нѣсколько отложить исполненіе своихъ плановъ. Къ тому же, его предложенія не имѣли въ Берлинѣ и въ Парижѣ бо̀льшаго успѣха, чѣмъ въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ. Пруссія въ это время была совершенно подчинена австрійской политикѣ; что же касается Франціи, то, несмотря на соблазнительныя предложенія, сдѣланныя ей Александромъ, приглашавшимъ ее принять участіе въ дѣлежѣ ту-

рецкой добычи [1]), она не рискнула скомпрометировать себя. Ришелье былъ слишкомъ занятъ испанскими дѣлами и боялся дать Англіи поводъ признать независимость американскихъ государствъ; поэтому, онъ не рѣшился броситься, очертя голову, въ восточныя дѣла. Къ тому же, вскорѣ послѣ этого, парламентская коалиція, составленная при тайномъ содѣйствіи Австріи и Англіи, изъ крайнихъ роялистовъ и либераловъ принудила Ришелье оставить свой постъ (декабрь 1821 года), а его замѣститель, Виллель [2]), возвышенію котораго такъ радовались Ливерпуль и Меттернихъ, — былъ еще менѣе согласенъ поддерживать политическіе планы императора Александра I. Если, въ довершеніе всего, мы вспомнимъ, что греческое Національное Собраніе, открытое 1 января 1822 года, поспѣшило составить крайне демократическую конституцію [3]) (13 января) и провозгласило полную независимость Греціи (27 января), — то намъ станетъ понятнымъ то странное охлажденіе царя къ любимому вопросу, которое стало проявляться около этого времени. Съ одной стороны, его отталкивала мысль о необходимости итти на компромиссы съ революціонерами путемъ признанія эпидаврскихъ резолюцій, а съ другой стороны—вѣрный политическимъ традиціямъ, которыя должны были пережить его въ Россіи,— онъ намѣревался потрясти Оттоманскую Имперію и поднять са-

[1]) Александръ, разговаривая съ Ферронэ, посланникомъ Франціи, 19 іюля, сказалъ ему: „выбирайте отъ Гибралтарскаго пролива до Дарданеллъ то, что вамъ нравится, и разсчитывайте не только на согласіе, но даже и на искреннюю, существенную поддержку Россіи... Необходимо какъ можно дальше оттѣснить турокъ, дабы остальныя державы могли устроить свои дѣла... Въ данный моментъ Франція должна имѣть своей союзницей именно Россію“.

[2]) Виллель (Жанъ-Баптистъ-Серафимъ-Жозефъ, графъ) родился въ Тулузѣ 14 августа 1773 года. Въ молодости морской офицеръ; женившись, поселился на островѣ Бурбонъ; членъ генеральнаго совѣта Верхней Гаронны (куда онъ переселился въ 1807 году), выдѣлился въ 1813—1814 году своей оппозиціей Имперіи, своей преданностью Бурбонамъ и своими стремленіями возстановить прежній режимъ; членъ „Безподобной Палаты“ въ 1815 году, въ которой онъ сильно выдѣлился въ рядахъ крайнихъ роялистовъ не только своимъ реакціоннымъ пыломъ, но и своими способностями къ разрѣшенію сложныхъ политическихъ и финансовыхъ вопросовъ; избранъ депутатомъ послѣ ордоннанса 5 сентября 1816 года; министръ безъ портфеля (въ 1820 г.), министръ финансовъ (декабрь 1821 г.), президентъ совѣта (въ 1822 г.), свергнутъ въ концѣ 1827 г. Пэръ Франціи (3 января 1828 г.), вернулся къ частной жизни въ 1830 г.; умеръ въ Тулузѣ 13 марта 1854 г.

[3]) Она провозглашала суверенитетъ народа, равенство всѣхъ грековъ передъ закономъ, свободу религіи; учреждала законодательный Сенатъ, изъ депутатовъ, выбранныхъ на одинъ годъ, и Исполнительный Совѣтъ изъ пяти членовъ, выбранныхъ Сенатомъ, не изъ своей среды и также на одинъ годъ. Исполнительный Совѣтъ назначалъ, съ своей стороны, министровъ, отвѣтственныхъ передъ Сенатомъ.

мосознапіе христіанской національности путемъ образованія на ея развалинахъ не самостоятельныхъ государствъ, а вассальныхъ, зависимыхъ отъ Россіи, княжествъ, неспособныхъ освободиться отъ ея протектората. Все предыдущее объясняетъ ту легкость, съ которой Александръ I,—попавшій въ непріятное положеніе и желавшій выйти изъ него безъ униженій—согласился, въ концѣ 1821 г., на посредничество, предложенное ему Австріей и Англіей. Это же объясняетъ намъ и тѣ двѣ высокомѣрныя ноты, коими Порта, еще въ августѣ мѣсяцѣ опасавшаяся войны, могла, 2 декабря 1821 г. и 28 февраля 1822 г., снова отвѣтить на русскія требованія, не вызвавъ объявленія войны. Эти ноты не давали царю почти никакого удовлетворенія [1]. Меттернихъ вскорѣ замѣтилъ перемѣну, происшедшую въ настроеніи русскаго императора; поэтому, ему пришла мысль воспользоваться удобнымъ случаемъ и польстить Александру I притворнымъ согласіемъ на его требованія; вообще, онъ обходился съ русскимъ царемъ, какъ съ большимъ ребенкомъ, въ ожиданіи того момента, когда ему больше не нужно будетъ щадить столь легко раздражавшееся самолюбіе этого монарха. Онъ предложилъ, поэтому, (январь — февраль 1822 г.) покончить въ Вѣнѣ, на конференціи, очень похожей на конгрессъ, съ дѣломъ умиротворенія Греціи. Англія сперва немного удивилась подобной тактикѣ. Въ 1822 году ей было столь же невыгодно, какъ и въ 1821 году, подчинять существованіе турецкой имперіи рѣшеніямъ Священнаго Союза. Но ей дали понять, что переговоры не будутъ вестись всерьезъ,— что нужно только выиграть время. Порта, освободившись отъ Али-паши, только что убитаго (февраль), можетъ теперь направить всѣ свои силы противъ грековъ; но ей нужно нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы сосредоточить ихъ въ центрѣ Пелопонеса, главномъ очагѣ возстанія. До этого времени, Англія и Австрія подѣлятъ между собою роли; первая изъ этихъ державъ будетъ дѣйствовать въ Константинополѣ такимъ образомъ, чтобы заставить Порту дать царю то удовлетвореніе, котораго онъ требовалъ во имя трактатовъ,—въ частности, относительно Дунайскихъ княжествъ; вторая должна будетъ выработать планъ умиротворенія Греціи путемъ европейскаго вмѣшательства. Планъ же этотъ, даже въ принципѣ своемъ очень плохой, сдѣлается лишнимъ или благодаря побѣдамъ, которыя одержитъ турецкая армія, или благо-

[1]) Порта утверждала въ неясныхъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ, что она, будто бы, исполнена самыхъ миролюбивыхъ намѣреній; уступки же, которыхъ у нея требовали, она обставляла массой условій, а именно: возстановленіемъ спокойствія въ Имперіи и выдачей тѣхъ ея подданныхъ, которые бѣжали въ Россію.

царя отказу, который Порта, конечно, противопоставитъ вмѣшательству Священнаго Союза въ отношенія между ней и ея подданными.

Комедія была выполнена съ пунктуальной точностью. Въ мартѣ мѣсяцѣ русскій посланникъ, Татищевъ, явился въ Вѣну, гдѣ Меттернихъ принялъ мѣры задержать его возможно дольше предварительными переговорами. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Татищевъ засталъ царя весьма обрадованнымъ тѣми извѣстіями, которыя только что передъ тѣмъ были получены имъ изъ Константинополя. Оказывалось, что представителю Англіи, Странгфорду [1]), удалось принудить Диванъ къ обѣщанію, что въ самый короткій срокъ въ Молдавіи и Валахіи будутъ назначены два новыхъ господаря (апрѣль — май 1822 г.). Александръ I, видимо начинавшій охладѣвать къ Каподистріа, поспѣшилъ снова отправить Татищева въ Вѣну и обѣщалъ пріѣхать туда лично въ сентябрѣ мѣсяцѣ, т.-е. по дорогѣ на Веронскій конгрессъ, назначенный, годъ [2]) тому назадъ, для окончательнаго улаженія итальянскихъ дѣлъ. Но хитрый австрійскій канцлеръ съумѣлъ оттянуть начало совѣщанія до 28 іюня. Затѣмъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (іюль и августъ), совѣщанія почти бездѣйствовали и, какъ можно было ожидать, въ концѣ концовъ, привели къ совершенно отрицательному результату. А именно, Порта, получивъ отъ Австріи и Англіи официальное приглашеніе послать уполномоченнаго въ Вѣну, предпочла послѣдовать ихъ тайнымъ совѣтамъ и отвѣтила категорическимъ отказомъ [3]). Царь, еще недавно относившійся такъ щепетильно къ туркамъ, на этотъ разъ, казалось, долженъ былъ окончательно разгнѣваться. Но когда обнаружилось, что онъ прибылъ въ Вѣну безъ Каподистріа, которому онъ только что передъ тѣмъ (для вида?) велѣлъ подать въ отставку [4]), — то всѣ поняли, что его протестъ противъ ту-

[1]) Странгфордъ (Перси-Клинтонъ-Сидней-Смитъ, виконтъ) лордъ Пенкэстръ, родился въ Ирландіи 31 августа 1780 г. Секретарь посольства (1803 г.). Полномочный министръ (1806 г.) въ Лиссабонѣ; потомъ полномочный министръ въ Стокгольмѣ (1817 г.); посланникъ въ Константинополѣ (1820 г.); посланникъ въ С.-Петербургѣ (1825 г.); пэръ Англіи (1825 г.); былъ отправленъ съ особой миссіей къ императору Бразиліи (1828 г.); скончался въ Лондонѣ 29 марта 1855 г.

[2]) Монархи, находившіеся въ Лайбахѣ, рѣшили собраться на слѣдующій годъ на новый конгрессъ во Флоренцію.

[3]) Въ этотъ моментъ она была тѣмъ менѣе сговорчива, что турецкая армія Драмали, какъ разъ передъ тѣмъ, съумѣла опустошить почти всю центральную Грецію и завладѣла Мореей; правительство же мятежниковъ, принужденное укрыться на корабляхъ, казалось доведеннымъ до послѣдней крайности.

[4]) Этотъ министръ, выйдя въ отставку, удалился въ Швейцарію, гдѣ и прожилъ

рецкой политики не будетъ серьезнымъ. Меттернихъ исполнился восторга и объявилъ, что Александръ I окончательно сталъ въ ряды защитниковъ святого дѣла. Александръ, сдѣлавъ Странгфорду нѣкоторые упреки, отложилъ исполненіе своей восточной программы на неопредѣленное время. По крайней мѣрѣ, нота 26 сентября давала поводъ надѣяться на это, такъ какъ въ ней выражалось согласіе возобновить дипломатическія сношенія съ Портой на слѣдующихъ трехъ, мало обременительныхъ для нея, условіяхъ: 1) Порта должна офиціально сообщить Александру I объ избраніи господарей; 2) возстановить коммерческія привиллегіи Россіи въ Оттоманской Имперіи, и, наконецъ, 3) принять рядъ мѣръ для обезпеченія тѣхъ правъ и преимуществъ, нарушеніе которыхъ заставило возмутиться греческую націю.

§ 4. Въ сущности, самодержецъ вовсе не былъ такъ сговорчивъ, какъ это казалось: такъ какъ ему препятствовали въ данный моментъ привести въ исполненіе на Востокѣ его планы, то онъ намѣревался взяться за нихъ нѣсколько позднѣе. Въ данную минуту, революція, за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ все болѣе и болѣе распространявшаяся на западѣ, казалась ему единственнымъ серьезнымъ врагомъ. Пиренейскій полуостровъ, почти цѣликомъ объятый революціонной пропагандой, привлекалъ все его вниманіе. Вооруженное вмѣшательство Священнаго Союза, по его мнѣнію, было въ Испаніи совершенно необходимымъ. Но эта мѣра, въ его глазахъ, была лишь косвеннымъ, хотя и вѣрнымъ, средствомъ добиться содѣйствія Франціи, котораго онъ искалъ такъ давно и на которое онъ разсчитывалъ для осуществленія своего великаго плана. Дѣло въ томъ, что это государство могло присоединиться къ его балканской политикѣ еще съ меньшей свободой при Виллелѣ, чѣмъ при Ришелье. Съ момента назначенія новаго министра, карбонаризмъ принялъ во Франціи боевую и аггресивную форму, возбуждавшую серьезныя опасенія у сторонниковъ реставрированной монархіи. Множество заговоровъ было открыто, почти одновременно [1]), въ различныхъ пунктахъ королевства. Всѣ они имѣли цѣлью побудить армію къ возстанію; приверженность этой послѣдней къ Бурбонамъ съ каждымъ днемъ становилась все болѣе и болѣе проблематичною. Партія ультра-

---

нѣсколько лѣтъ, впрочемъ не прекращая съ Александромъ и, позднѣе, съ его преемникомъ, дружественной переписки.

[1]) Самые замѣчательные и важные заговоры были: Бельфорскій, Тулонскій, Рошельскій и Сомюрскій. Открытіе ихъ породило громкіе процессы и кровавыя казни въ 1822 году.

роялистовъ, стоявшая теперь у власти, очищала составъ чиновниковъ и старалась лишить свободы печать [1]), поощряла выходки конгрегаціи [2]) и съ каждымъ днемъ увеличивала свою непопулярность. Легитимному престолу угрожала серьезная опасность. Но волненіе, господствовавшее во Франціи, могло бы быть легко подавленнымъ, если бы ему не способствовало и не помогало сосѣдство съ мятежной Испаніей. По словамъ умѣренныхъ, нужно было прежде всего именно въ Испаніи подавить и уничтожить якобинизмъ. Разъ ему будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ, партія порядка безъ труда проведетъ на сѣверѣ Пиренеевъ ту сильную реакцію, о которой она мечтаетъ. Во Франціи водворится снова внутреннее спокойствіе и она получитъ свободу дѣйствій и союзовъ. Это было также и мнѣніемъ царя. Поэтому, его главнымъ желаніемъ, когда онъ поѣхалъ на конгрессъ въ Верону, было наказать Испанію, подобно тому, какъ была наказана Италія въ 1821 году.

Кромѣ того, онъ надѣялся этимъ нанести двойной ударъ, такъ какъ подобное вмѣшательство должно было оказаться очень непріятнымъ для Англіи, виды которой на Америку были давно ему извѣстны.

Въ Испаніи положеніе было очень серьезнымъ съ тѣхъ поръ, какъ Фердинандъ VII, вслѣдствіе неудавшейся попытки военнаго государственнаго переворота (7 іюля 1822 г.), долженъ былъ примириться съ избраніемъ министра изъ среды „exaltados“. Этотъ король, разъ двадцать нарушавшій данныя клятвы, сталъ умножать свои тайныя воззванія къ вождямъ Священнаго Союза, а, въ особенности, къ русскому императору, который въ маѣ мѣсяцѣ возобновилъ предложеніе о крестовомъ походѣ противъ испанской революціи. Междоусобная война принимала въ баскскихъ провинціяхъ: Наваррѣ, Аррагоніи и Каталоніи—самые угрожающіе размѣры. Апостолики завладѣли въ іюнѣ крѣпостью Ургель. Они учредили 14 сентября 1822 г. регентство; послѣднее, считая короля плѣнникомъ, объявило недѣйствительными

[1]) По законамъ, вотированнымъ въ февралѣ 1822 года, всѣ проступки противъ конституціонной власти короля и государственной власти, а также дѣянія, направленныя къ возбужденію ненависти и презрѣнія къ правительству или къ отдѣльному классу граждан и т. п., были переданы въ вѣдѣніе исправительныхъ судовъ; эти же законы подчиняли журналы разрѣшительной системѣ.

[2]) Такъ называли полу-религіозную, полу-политическую ассоціацію, членами которой были главные представители духовенства и партіи умѣренныхъ; она дѣйствовала, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Ордена Іезуитовъ и стремилась къ возстановленію церковныхъ и дворянскихъ привилегій.

всѣ официальные акты, подписанные имъ послѣ 7 марта 1820 г. Это самозванное правленіе, не признанное ни однимъ изъ большихъ европейскихъ дворовъ, получало, однако, отъ многихъ изъ нихъ поощренія и различнаго рода помощь. Франція служила ему опорой и базисомъ. Оно, къ тому же, разсчитывало, что официальная помощь этого государства скоро будетъ предложена ему. Санитарный кордонъ, поставленный годъ тому назадъ вдоль Пиренеевъ, началъ превращаться въ настоящую армію и принялъ знаменательное названіе наблюдательнаго корпуса. Зато Англія, не поощряя открыто конституціонной партіи, воздерживалась по отношенію къ ней отъ всякой враждебной манифестаціи. Анархія, въ которой находилась Испанія, была ей слишкомъ выгодна, и потому она не торопилась покончить ее. Дѣйствительно, колоніи этой державы были теперь, благодаря междоусобной войнѣ, такъ ослабившей метрополію, почти совершенно свободными. Эквадоръ былъ освобожденъ Боливаромъ и его главнымъ адъютантомъ, Сюкромъ. Возстаніе распространялось и усиливалось въ Перу; въ Мексикѣ Итурбидъ, тайно покровительствуемый Великобританіей, только что провозгласилъ себя императоромъ [1].

Соединенные Штаты, послѣ окончательной уступки Флориды Испаніей (іюль 1821 г.) [2], не считали нужнымъ долѣе щадить послѣдней; до этого момента они всегда поощряли возстаніе, теперь же они окончательно санкціонировали его, официально признавъ независимость испано-американскихъ государствъ (апрѣль 1822 года). Англія, боясь, какъ бы они не отняли у нея богатыхъ торговыхъ рынковъ, которые она искала въ Новомъ Свѣтѣ, въ скоромъ времени принуждена была послѣдовать этому примѣру. А до этого, она исподтишка эксплоатировала португальскую революцію, облегчая Бразиліи ея эмансипацію и ища въ этой эмансипаціи усиленія своего вліянія. Въ тотъ моментъ, когда лиссабонскіе кортесы приняли конституцію болѣе радикальную, чѣмъ испанская (сентябрь-октябрь), Д. Педро, провозглашенный съ 13 мая конституціоннымъ защитникомъ и постояннымъ покровителемъ Бразиліи, объявилъ, что плѣнъ, въ которомъ, по его словамъ, находился его отецъ,

[1] 18 мая 1822 года.

[2] Вслѣдствіе денежныхъ требованій, восходившихъ къ 1802 году, Соединенные Штаты, занявшіе въ первый разъ Флориду въ 1810 году, опять захватили ее въ 1818 г.. Испанія уступила имъ эту провинцію по трактату 22 февраля 1819 г.: но она долго не ратификовала и не исполняла его, такъ что названная территорія передана была фактически вашингтонскому правительству только 17 іюля 1821 года.

вынуждаетъ его порвать всякую связь съ метрополіей и превратить великую лузитанскую колонію—въ имперію, главой которой онъ провозгласилъ самого себя.

Изъ всего этого видно, насколько водвореніе порядка и монархіи въ Испаніи и Португаліи было желательно русскому императору въ моментъ открытія Веронскаго конгресса.

§ 5. Этотъ съѣздъ монарховъ и ихъ министровъ былъ созванъ въ половинѣ октября 1822. Какъ и въ Лайбахѣ, кромѣ русскаго царя, сюда явились австрійскій императоръ и прусскій король; кромѣ того, здѣсь фигурировала бо̀льшая часть итальянскихъ государей. Пять великихъ державъ, имѣвшихъ претензію распоряжаться европейскими дѣлами, были представлены, кромѣ того, главными членами важнѣйшими изъ ихъ дипломатическихъ миссій [1]. Итальянскія дѣла, подавшія въ предыдущемъ году поводъ къ созванію этого собранія, были, очевидно, съ первыхъ же дней отодвинуты на второй планъ. Главнымъ же предметомъ обсужденія сдѣлался испанскій вопросъ; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ничего другого и не трогали.

Очень восторженно настроенный, по обыкновенію, императоръ Александръ I заявлялъ, что прибылъ на конгрессъ для того, чтобы возстановить и упрочить законную власть въ Мадридѣ; что эту реакцію, необходимую для спокойствія Европы, можно произвести только съ помощью французскихъ войскъ; что и онъ, въ случаѣ необходимости, подастъ помощь своими собственными войсками для того, чтобы достигнуть столь желаннаго результата; что, во всякомъ случаѣ, онъ не уѣдетъ изъ Вероны, не обезпечивъ вмѣшательства путемъ спеціальнаго договора съ союзниками; что скорѣе онъ доживетъ въ Веронѣ до сѣдыхъ волосъ, чѣмъ отправится въ Россію, не давъ Европѣ новаго доказательства своего попеченія и вѣрности своимъ принципамъ. Эта рѣшительная и угрожающая постановка вопроса не могла

[1]) Находившіеся на Веронскомъ конгрессѣ монархи были: австрійскій и русскій императоры; короли: прусскій, сардинскій и Обѣихъ Сицилій; великій герцогъ тосканскій, герцогъ моденскій, герцогиня пармская. Въ число дипломатовъ входили: со стороны Австріи: Меттернихъ, Эстергази, Лебцельтернъ, Зичи, Фиккельмонтъ, Бомбелль и Гентцъ;—Франціи: Монморанси, Шатобріанъ, Караманъ, Ла Ферронэ, де-Серръ, Райневаль, Ла Мезонфоръ; — Великобританіи: Веллингтонъ, Стюартъ (получившій титулъ лорда Лондондерри послѣ недавно умершаго старшаго брата, бывшаго лорда Кастльри), Гордонъ, Странгфордъ, Фредерикъ Ламбъ, Бургерсъ;—Неаполя: Руффо;—Пруссіи: Гарденбергъ, Бернсторфъ, Гатцфельдъ;—Рима: кардиналъ Спина;—Россіи, Нессельроде, Поццо-ди-Борго, Ливенъ, Татищевъ, Штакельбергъ, Убриль;—Сардиніи: Туръ, etc.

не привести въ замѣшательство французское правительство, такъ какъ она, въ результатѣ, должна была обратить Францію въ покорнаго палача, исполняющаго приговоры Священнаго Союза. Виллель, осторожный администраторъ съ твердымъ и не расположеннымъ къ сантиментальной политикѣ умомъ, опасался поссорить такой экспедиціей Францію съ Англіей; онъ уже заранѣе догадывался, что лондонскій кабинетъ отвѣтитъ на французскую оккупацію офиціальнымъ признаніемъ независимости испано-американскихъ республикъ; онъ опасался также и броженія умовъ въ арміи, а именно того, чтобы вмѣсто похода на Мадридъ она не совершила того „полъ-оборота направо", о которомъ проповѣдовалъ популярный поэтъ [1]), совѣтуя солдатамъ итти не въ Испанію, а на Парижъ; наконецъ, заботясь о положеніи финансовъ, порученныхъ его спеціальному попеченію, онъ не хотѣлъ подвергнуть только что оправившуюся отъ разгрома Францію — войнѣ, безъ сомнѣнія, болѣе разорительной, чѣмъ почетной. Надо замѣтить, впрочемъ, что его коллега, Матьё Монморанси [2]), министръ иностранныхъ дѣлъ, которому надлежало явиться въ Веронѣ представителемъ Франціи, былъ противоположнаго мнѣнія и, слѣдуя предписаніямъ конгрегаціи, склонялся на сторону русскаго царя. А потому, президентъ совѣта счелъ необходимымъ дать ему въ помощники, нашего посла въ Лондонѣ, Шатобріана [3]), котораго онъ считалъ за надежнаго человѣка, и который, что̀ бы

[1]) Беранже.

[2]) Монморанси (Матьё-Фелисите де Монморанси-Лаваль, виконтъ, позднѣе герцогъ) родился въ Парижѣ въ 1767; товарищъ Лафайета во время американской войны; депутатъ отъ дворянства въ Генеральныхъ Штатахъ (1789), гдѣ выдвинулся своимъ либерализмомъ; адъютантъ маршала Люкнера (1791); эмигрировалъ въ 1792; потомъ удалился въ Коппе къ m-me Сталь; прибылъ во Францію въ 1795; обратился въ 1814 г. къ доктринамъ ультра-роялистовъ; пэръ Франціи; вліятельный и преданный членъ конгрегаціи; министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ 14 декабря 1821; замѣщенъ на этомъ посту Шатобріаномъ въ декабрѣ 1822; сдѣланъ герцогомъ (1822), потомъ министромъ, членомъ тайнаго совѣта, гувернеромъ герцога Бордо; умеръ въ Парижѣ, въ 1826.

[3]) Шатобріанъ (Франсуа-Рене, виконтъ), знаменитый писатель, сочиненія котораго черезчуръ хорошо извѣстны, чтобы нужно было ихъ здѣсь перечислять; родился близь Сенъ-Мало 4 сентября 1768; подпоручикъ Наваррскаго полка (1787); эмигрировалъ въ 1792, рядовой у Конде (1792-1793); отправился въ Англію, потомъ вернулся во Францію послѣ 18 брюмера; секретарь посольства въ Римѣ, затѣмъ полномочный министръ въ Вале; въ отставкѣ послѣ казни герцога Энгіенскаго (1804); назначенъ полномочнымъ министромъ въ Швецію послѣ первой реставраціи; бѣжалъ въ Гентъ съ Людовикомъ XVIII въ 1815; пэръ Франціи; посолъ въ Берлинѣ (1821), потомъ въ Лондонѣ; министръ иностранныхъ дѣлъ (декабрь 1822); въ опалѣ въ 1824; посолъ въ Римѣ (1828-1829); вернулся къ частной жизни при іюльскомъ правительствѣ; умеръ 4 іюля 1848.

онъ ни говорилъ въ своихъ Мемуарахъ, не имѣлъ никакого установившагося мнѣнія по испанскому вопросу. Въ общемъ, никто не зналъ, что̀ будетъ дѣлать Франція. Но нельзя было сомнѣваться относительно того положенія, какое займетъ на конгрессѣ Англія. Кастльри, лично, конечно, оспаривалъ бы всякій проектъ вмѣшательства. Но этотъ министръ только что передъ тѣмъ исчезъ съ политическаго горизонта [1]). Его преемникомъ былъ Георгъ Кэннингъ, издавна извѣстный не только своимъ дивнымъ краснорѣчіемъ, но также и тою выдающеюся ролью, которую онъ игралъ во главѣ англійской дипломатіи во время Наполеона I; онъ тотчасъ же взялъ по отношенію къ Священному Союзу тонъ много болѣе рѣзкій и рѣшительный, чѣмъ тотъ, которымъ разговаривалъ старый другъ Меттерниха. Кэннингъ жестоко ненавидѣлъ австрійскаго канцлера и его политику, и принадлежалъ къ тѣмъ торіямъ, которые, подобно его учителю Вилліаму Питту, не стояли за систематическую борьбу съ Революціей; онъ думалъ, что пропагандированіе конституціонныхъ идей ни въ какомъ случаѣ не можетъ представить опасности его роднинѣ, пріобрѣвшей, благодаря парламентскому режиму, такое огромное вліяніе во всемъ свѣтѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, что онъ былъ расположенъ, во имя этихъ идей, подражать донъ-кихотству Александра I или систематическому упрямству Меттерниховскаго абсолютизма. Англичанинъ до мозга костей, онъ заботился исключительно о поддержаніи и увеличеніи авторитета своей страны; ему было важно сохранять во всякій данный моментъ полную свободу дѣйствій. Онъ сознательно уклонялся отъ всякаго компромисса, который, какъ Священный Союзъ, связалъ бы ему руки и, парализовавъ свободу англійской дипломатіи, помѣшалъ бы ему—истому оппортунисту—примѣнять принципы только въ свое время, въ своемъ мѣстѣ и въ свою мѣру. Въ видѣ общаго тезиса, онъ полагалъ, что его странѣ выгоднѣе бороться за свободу, чѣмъ противъ нея; и этимъ объясняется вся его политика за время памятнаго министерства, столь рьяно боровшагося съ Священнымъ Союзомъ. Зная, что Меттернихъ и Александръ I не любятъ его, онъ не явился въ Верону, а отправилъ вмѣсто себя Веллингтона, ярого консерватора, но, въ то же время, человѣка очень преданнаго истиннымъ британскимъ интересамъ. Веллингтону даны были инструкціи не впутывать Англію ни прямо, ни косвенно, въ исполненіе предложенной

[1]) Недавно передъ тѣмъ, послѣ смерти своего отца, онъ получилъ титулъ маркиза Лондондерри. Онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, по причинамъ, оставшимся невыясненными, въ замкѣ Нортъ-Грэй-Плэсъ (графство Кентъ), 12 августа 1822.

царемъ экзекуціи и помѣшать вторженію войскъ Священнаго Союза въ предѣлы Португаліи, въ виду тѣхъ договоровъ, которые связывали эту страну съ Великобританіей; — ничего не предпринимать для защиты конституцій 1820 и 1822 гг., какъ въ Лиссабонѣ, такъ и въ Мадридѣ, но ясно показать, что если лондонскій дворъ и не считаетъ необходимымъ защищать ихъ, то онъ, все-таки, сохраняетъ свободу дѣйствій относительно американскихъ колоній. Изъ этого видно, что Англія предпочитала—болѣе хитро, чѣмъ великодушно—не столько предупредить французское вмѣшательство въ испанскія дѣла, сколько сдѣлать изъ него предлогъ для выполненія своихъ торгашескихъ плановъ въ Новомъ Свѣтѣ. Что же касается до двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ, то одна изъ нихъ, Пруссія, шла на буксирѣ Австріи; вовсе не симпатизируя идеѣ вооруженнаго вмѣшательства, она боялась увеличенія французскаго вліянія и возможности франко-русскаго союза и потому покорялась необходимости, признавая, что вмѣшательство, какъ ни какъ, возстановитъ абсолютизмъ въ Испаніи и, одновременно, составитъ единственный мыслимый предлогъ для отвлеченія царя отъ восточныхъ дѣлъ.

§ 6. Какъ только открылся конгрессъ, Монморанси, прибывшій изъ Вѣны, гдѣ Александръ I успѣлъ привлечь его на свою сторону, превысилъ инструкціи, данныя ему Виллелемъ и предписывавшія ему не дѣлать никакихъ предложеній по вопросу объ Испаніи, держаться выжидательной политики и не допустить насилія надъ Франціей. Отвѣчая на коварное приглашеніе Меттерниха, онъ прочелъ, 20 октября, представителямъ великихъ державъ очень неосторожную ноту, въ которой указывалъ, что испанская анархія ставитъ Францію въ опасное положеніе; что война не только возможна, но и вѣроятна; что ей будетъ, безъ сомнѣнія, предшествовать отозваніе нашего посла изъ Мадрида; что, наконецъ, онъ желаетъ знать, послѣдуютъ ли августѣйшіе союзники примѣру Франціи, если она рѣшится на такую мѣру воздѣйствія, а также доставятъ ли они ей какую-нибудь моральную и матеріальную помощь. Онъ добавлялъ, что Франція желаетъ дѣйствовать за Пиренеями самостоятельно и выбрать по своему усмотрѣнію моментъ для экзекуціи, а также, что небольшой наблюдательный корпусъ изъ войскъ Священнаго Союза, будетъ ей достаточною помощью. Опрометчивый Монморанси не съумѣлъ ограничиться даже этимъ. Представители четырехъ державъ прочли ему свои отвѣты въ засѣданіи 31 октября. Англія

отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ. Россія безъ оговорокъ согласилась на воинственную программу Монморанси. Австрія и Пруссія давали обѣщаніе отозвать своихъ посланниковъ и обусловливали дальнѣйшими переговорами свое активное участіе въ экспедиціи. Но самая важная часть этихъ отвѣтовъ трехъ сѣверныхъ правительствъ заключалась въ томъ, что они требовали выработки на самомъ конгрессѣ программы тѣхъ дѣйствій, которыя должны были привести къ разрыву съ Испаніей. Русскій царь держался того принципіальнаго мнѣнія, что контръ-революція должна быть совершена въ Испаніи такъ же, какъ ранѣе въ Италіи, т.-е. въ силу приговора Священнаго Союза. Меттернихъ также склонялся къ тому, чтобы Франція не могла дѣйствовать свободно, а была бы принуждена исполнять чужія предписанія. По его предложенію, было рѣшено, чтобы четыре державы, въ принципѣ согласившіяся на вмѣшательство, одновременно обратились къ своимъ посламъ въ Испаніи съ нотами и предложили Фердинанду VII, въ самой энергичной формѣ, немедленно возстановить суверенитетъ власти; послѣ отказа, который долженъ былъ послѣдовать со стороны министерства Санъ-Мигуэля [1]), послы должны были бы тотчасъ покинуть Мадридъ; подразумѣвалось, что ихъ отъѣздъ будетъ сигналомъ къ начатію войны.

Монморанси, отъ всего сердца желавшій, чтобы экспедиція состоялась, понялъ, что скомпрометировалъ свое правительство. Между тѣмъ Виллель не прекращалъ напоминать ему о своихъ инструкціяхъ и усиленно рекомендовалъ ему осторожность: „Наша первая обязанность, писалъ онъ, заключается въ томъ, чтобы дѣйствовать по нашему собственному почину; иначе мы будемъ обвинены или въ томъ, что мы вызвали репрессію монарховъ противъ Испаніи, или же, что мы были вовлечены въ войну, вопреки нашему желанію и по постановленію иностранцевъ“. Глава

[1]) Санъ-Мигуэль (Эваристо) родился въ Гижонѣ, 26 октября 1785; плѣнникомъ во Франціи во время Имперіи, послѣ того какъ доблестно сражался за независимость Испаніи; назначенъ главнымъ адъютантомъ Ріего, въ 1820; секретарь конституціонной юнты; министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ, составленномъ Фердинандомъ VII послѣ 7 іюля 1822; уволенъ (1823); раненъ въ сраженіи съ французской арміей; плѣнникъ во Франціи (1823), затѣмъ бѣжалъ въ Англію; возвратился въ Испанію (1824); назначенъ генералъ-маіоромъ при Маріи Христинѣ; депутатъ Овіедо; военный министръ въ кабинетѣ Эспартеро; генералъ-лейтенантъ въ 1843; президентъ совѣта для обороны Мадрида и военный министръ въ 1854; немного спустя назначенъ маршаломъ, герцогомъ, испанскимъ грандомъ перваго класса, главнымъ начальникомъ и инспекторомъ милиціи; умеръ въ Мадридѣ 29 мая 1862.

французскаго посольства еще отбивался—слабо—отъ требованій и предложеній императора Александра I; онъ, напримѣръ, объявилъ съ нѣкоторой гордостью, что его правительство никогда не допуститъ русскую армію пройти въ Испанію черезъ Францію. Царь сталъ настаивать еще сильнѣе, совѣтуя ему поспѣшить съ экспедиціей, вся честь которой должна была выпасть на долю Людовика XVIII. Меттернихъ, слѣдуя своей обычной политикѣ, не упускалъ случая изобразить царю французское правительство нерасположеннымъ поддерживать его требованія. Тогда Александръ I начиналъ гнѣваться, распекать Монморанси, грозить. „Итакъ вы не хотите ничего дѣлать?“ сказалъ однажды послѣднему министръ Нессельроде. „Хорошо, мы оставимъ васъ съ вашей Англіей и посмотримъ, какъ себя будете тогда чувствовать“. Поццо-ди-Борго поговаривалъ о возвращеніи въ Парижъ и объ устройствѣ коалиціи крайнихъ роялистовъ противъ кабинета Виллеля. Всего этого было достаточно для того, чтобы заставить главнаго французскаго полномочнаго министра исполнить всѣ желанія Священнаго Союза. Еще меньшаго достаточно было для того, чтобы сломить упорство его помощника, Шатобріана, тщеславіе котораго легко поддалось вліянію заигрываній Александра I. Послѣднему стоило весьма небольшого труда вскружить голову этому честолюбивому и легкомысленному человѣку. Александръ I указалъ Шатобріану на то, какія великія дѣла они могутъ сдѣлать вдвоемъ, если Шатобріану удастся—съ помощью русскаго царя—добиться власти. Войдя въ тѣсный союзъ съ Испаніей и Россіей, Франція пріобрѣтетъ въ Европѣ прежнее громадное вліяніе; она будетъ направлять по своему усмотрѣнію дѣла Новаго Свѣта, вопреки британскимъ проискамъ; что касается восточнаго кризиса, она оставитъ полную свободу дѣйствій петербургскому двору, который, въ отплату за это, дозволитъ ей широко вознаградить себя за потери, понесенныя въ 1814 и 1815 гг.. Все это, конечно, было высказано лишь намеками. Но Шатобріанъ уже заранѣе предвкушалъ блестящіе результаты такой грандіозной политики. А въ ожиданіи ея результатовъ онъ слушалъ царя, удивлялся его талантамъ, дѣлалъ видъ, что вѣритъ въ его полное, безпрестанно выставляемое на видъ [1]), безкорыстіе, и, дѣлая испанскую войну неизбѣжною,—предполагалъ

[1]) „Что могло бы меня прельщать?“—говорилъ Александръ I Шатобріану. „Затѣмъ увеличивать мою имперію? Провидѣніе дало мнѣ въ руки 800 тысячъ солдатъ не для того, чтобы удовлетворять свои прихоти,— но для того, чтобы покровительствовать религіи, нравственности, справедливости, и установить тѣ принципы порядка, на которыхъ держится все человѣчество“.

привести жалкаго Кэннинга къ самой печальной неудачѣ; политическіе расчеты этого послѣдняго внушали ему состраданіе.

Составленіе нотъ, которыя было рѣшено отправить въ Мадридъ, потребовало нѣсколько недѣль. Наконецъ, онѣ были прочтены въ собраніи представителей. Французская нота была наименѣе рѣзка: Виллель все еще старался спасти, какіе можно, шансы на сохраненіе мира. Напротивъ того, Пруссія, Австрія и, въ особенности, Россія представили ноты, столь вызывающія, что одна отсылка ихъ равнялась объявленію войны. Въ тотъ же день, четыре державы, высказывавшіяся за вмѣшательство, установили актомъ, вполнѣ походившимъ на настоящій союзный договоръ, тѣ причины, на основаніи которыхъ Франція имѣла право начать войну и требовать себѣ помощи. Эти причины были слѣдующія: 1) подстрекательство французскихъ подданныхъ къ возмущенію, исходящее отъ испанскаго правительства; 2) сверженіе Фердинанда VII или же какое-либо посягательство противъ членовъ его семьи; 3) измѣненіе законовъ о престолонаслѣдіи въ Испаніи. Впрочемъ Франція была уполномочена открывать враждебныя дѣйствія и по другимъ причинамъ; но въ послѣднемъ случаѣ Священный Союзъ не былъ бы обязанъ помогать ей; впрочемъ, онъ всегда будетъ считать себя заинтересованнымъ въ возстановленіи порядка на полуостровѣ и будетъ содѣйствовать Франціи дипломатическимъ путемъ. Наконецъ, французское правительство, взамѣнъ за принятыя тремя союзниками обязательства, должно было согласиться на взаимность, т.-е. предоставить имъ право заставить Францію вести войну даже въ томъ случаѣ, если бы въ послѣдній моментъ она начала отказываться.

Легко понять, что такое соглашеніе не могло быть одобрено въ Англіи. Представители этой державы позаботились о томъ, чтобы ихъ оппозиція была ясно констатирована и сдѣлалась извѣстна всей Европѣ. Меттернихъ выразилъ, было, желаніе, чтобы Веллингтонъ взялъ обратно свою ноту 31 октября (для того, чтобы не обнаруживать разлада, происшедшаго въ средѣ великаго союза) или, по крайней мѣрѣ, согласился не упоминать о ней въ протоколахъ. Но „желѣзный герцогъ“ объявилъ, что онъ не допускаетъ возникновенія, относительно англійской политики, ни сомнѣній, ни недоразумѣній; поэтому онъ не только ничего не взялъ обратно, но даже препроводилъ конгрессу еще двѣ новыя ноты, 19 и 22 ноября; первая изъ нихъ указывала, что британское правительство не могло согласиться на только что установленный casus foederis и продолжало считать задуманное вмѣшательство опаснымъ и неосновательнымъ пред-

пріятіемъ; вторая же подчеркивала твердое намѣреніе Англіи не посылать, по примѣру прочихъ великихъ державъ, кабинету Санъ-Мигуэля угрожающихъ нотъ. Англія, говорилось въ этой нотѣ, придерживается основного принципа—никогда не вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ. Ея представитель останется въ Мадридѣ и получитъ приказъ „приложить всѣ свои старанія къ тому, чтобы успокоить то броженіе, которое будетъ результатомъ поступковъ другихъ посольствъ“. Нѣсколько дней спустя (26 ноября), Веллингтонъ, по окончаніи безрезультатныхъ и довольно безтолковыхъ дебатовъ объ испанскихъ колоніяхъ въ Америкѣ, — офиціально объявилъ о томъ намѣреніи Кэннинга, о которомъ уже давно шли разговоры среди дипломатовъ, а именно о томъ, что лондонскій кабинетъ не будетъ въ состояніи неопредѣленно долго воздерживаться отъ признанія независимости этихъ новыхъ государствъ; — что онъ не имѣетъ права изслѣдовать юридическій вопросъ;—что онъ до сихъ поръ желаетъ примиренія упомянутыхъ колоній съ ихъ метрополіей, но что онъ долженъ прежде всего помогать торговымъ сношеніямъ англійскихъ подданныхъ и поэтому оставляетъ за собой право принять по отношенію къ Новому Свѣту тѣ рѣшенія, которыя будутъ подсказаны ему обстоятельствами. Смыслъ этихъ нотъ ясно показывалъ, что Англія очень мало заинтересована, собственно, въ Испаніи, но что она собирается извлечь выгоду изъ той ошибки, которую сдѣлаетъ Франція, вооруженною силою возстановляя тамъ абсолютизмъ. Надо было быть немного наивнымъ (какъ иногда и бывалъ императоръ Александръ I) для того, чтобы повѣрить, въ концѣ ноября 1822 года, что Сентъ-Джемсскій кабинетъ расположенъ заключить союзъ съ кортесами и защищать ихъ противъ французскаго вторженія. Кэннингъ, дѣйствительно, въ этотъ самый моментъ, велъ переговоры съ Санъ-Мигуэлемъ; можетъ быть, онъ давно давалъ ему надежду на добрыя услуги Англіи; но, въ сущности, его цѣлью было воспользоваться отчаяннымъ положеніемъ Испаніи и вырвать у нея значительное вознагражденіе за убытки, понесенные англійской торговлей на Антильскихъ островахъ. На самомъ же дѣлѣ, не Испанія, а Америка была тѣмъ государствомъ, которое эта политика хотѣла предохранять отъ французскаго вліянія. Дальнѣйшія событія будутъ служить хорошимъ доказательствомъ этого положенія.

§ 7. 22-го ноября Монморанси уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ представилъ Людовику XVIII и Виллелю — тѣ условія, на ко-

торыя онъ согласился въ Веронѣ. Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія со стороны французскаго правительства, конгрессъ обсуждалъ разные политическіе вопросы, конечно менѣе серьезные, чѣмъ испанскій, но все-таки не безъинтересные для Священнаго Союза.

Правда, конгрессъ не могъ придти къ соглашенію ни по вопросу о политикѣ съ испано-американскими государствами, ни по вопросу о сношеніяхъ съ Бразиліей, независимость которой—какъ это ни кажется страннымъ на первый взглядъ—почти открыто поддерживалъ Меттернихъ [1]). Россія высказалась за легитимитетъ еще болѣе рѣшительно, чѣмъ прежде; Англія объявила, что мало имъ интересуется въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ; Австрія и Франція, по разнымъ мотивамъ, лавировали между правомъ и фактомъ. Однимъ словомъ, въ Веронѣ, какъ и въ Ахенѣ, не было принято никакого рѣшенія, и новое замедленіе должно было помочь окончательному тріумфу революціонныхъ идей въ Америкѣ.

Вопросъ о торгѣ неграми, разрѣшенія котораго Англія добивалась съ такой настойчивостью уже въ теченіе многихъ лѣтъ, былъ поставленъ ею на Веронскомъ конгрессѣ, какъ этого и слѣдовало ожидать. Но немилость, въ которой находилась эта великая держава у четырехъ другихъ, сдѣлала безплодными всѣ ея усилія, направленныя къ уничтоженію позорной торговли [2]). Державы снова ограничились фразами. Въ частности, французское правительство отказалось подчиниться мѣрамъ надзора, контроля и репрессій, предложеннымъ кабинетомъ Ливерпуля. Въ общемъ, конгрессъ отвѣтилъ на предложеніе Великобританіи почти платонической декларацією относительно торга неграми [3]). Въ этой деклараціи говорилось, что собравшіеся и представленные въ Веронѣ монархи, продолжая поддерживать принципы, высказанные ими еще въ 1815 г., открыто осуждаютъ эту преступную торговлю, соглашаются содѣйствовать всему тому, что обезпечивало бы ея уничтоженіе, и готовы приступить къ добросовѣстному обсужденію всѣхъ мѣръ, клонящихся къ этой цѣли, лишь бы онѣ были „согласны съ правами и интересами ихъ подданныхъ“.

[1]) Это можно объяснить близкимъ родствомъ, соединявшимъ Д. Педро съ австрійскимъ императоромъ Францемъ I.

[2]) Вопросъ этотъ обсуждался, начиная съ 1815 г., на международной конференціи въ Лондонѣ. Англія снова подняла его въ 1818 г. въ Ахенѣ. Въ 1822 г., какъ и прежде, она хотѣла обуздать торговлю нѣкоторыми существенными мѣрами и, прежде всего, установленіемъ права осмотра.

[3]) 28 ноября 1822 г.

Изъ этого видно, что державы не слишкомъ себя компрометировали, и что требовалось еще не мало лѣтъ для того, чтобы Европа приняла дѣйствительныя мѣры къ обузданію торга неграми.

Восточный вопросъ былъ также разсмотрѣнъ собравшимися въ Веронѣ дипломатами, въ теченіе ноября 1822 г.. Но въ виду тогдашняго настроенія царя, этотъ вопросъ не могъ возбудить слишкомъ живыхъ преній. Попрежнему оговаривая свои права и указывая на инертность Порты, русское правительство удовольствовалось повтореніемъ (въ двухъ новыхъ нотахъ) [1]) тѣхъ— по виду столь умѣренныхъ — требованій, съ которыми оно выступило въ Вѣнѣ 26 сентября. Оно болѣе откровенно, чѣмъ когда-либо, выставляло на видъ свое безкорыстіе и соглашалось принять для рѣшенія его споровъ съ Турціей добрыя услуги Австріи и Англіи, которыя хотя и осыпали его похвалами, но въ то же самое время намѣревались, все-таки, обмануть Россію. Что же касается до грековъ, то державы явились вполнѣ солидарными въ своемъ рѣшеніи не одобрять ихъ возстанія и не оказывать имъ никакой помощи, даже моральной. Самъ царь, безъ жалости относившійся теперь ко всему тому, что напоминало революціонное движеніе, объявилъ ихъ недостойными своей симпатіи и уже не настаивалъ болѣе на томъ, чтобы ихъ уполномоченные, выжидавшіе въ Анконѣ, были приняты конгрессомъ. Греческое правительство, съ большимъ трудомъ отстаивавшее Пелопонесъ у турецкихъ полчищъ Драмали, сочло нужнымъ отправить торжественное посольство для того, чтобы просить помощи у собранныхъ въ Веронѣ монарховъ и министровъ. Ихъ делегаты должны были сослаться на солидарность, существующую между отдѣльными членами христіанской великой семьи;—протестовать противъ проведенія какой бы то ни было аналогіи между греческой революціей, не могущей ни въ какомъ отношеніи тревожить членовъ Священнаго Союза, и революціями испанской и итальянской;—наконецъ, просить, чтобы участь ихъ страны не была рѣшаема безъ вѣдома ея представителей. Но сколько глава этой миссіи, Андрей Метаксасъ [2]), ни умножалъ своихъ

---

[1]) Отъ 9 и 27 ноября.

[2]) Метаксасъ (Андрей, графъ) родился на о. Кефалоніи въ 1796 г.; командиръ греческаго военнаго корпуса въ 1821 г.; министръ временнаго правительства въ 1822; членъ административной комиссіи Семи (1832—1833 гг.), затѣмъ уполномоченный различныхъ дипломатическихъ миссій; министръ финансовъ (1841 г.); президентъ совѣта (1843 г.); генералъ (1849 г.); полномочный министръ въ Константинополѣ (1850 г.); умеръ въ 1860 г.

просьбъ, сколько ни обращался онъ лично къ папѣ, русскому императору и полномочному французскому послу Караману [1]),—конгрессъ, все-таки, отказался принять его; черезъ нѣсколько недѣль, полиція Св. Престола была вынуждена, изъ угожденія Священному Союзу, заставить его покинуть Анкону.

Итальянскія дѣла заняли государственныхъ дѣятелей, собравшихся въ Веронѣ, нѣсколько недѣль. Всѣ правительства этой страны имѣли на этомъ конгрессѣ своихъ уполномоченныхъ; большая часть этихъ послѣднихъ состояла не только изъ министровъ, но даже изъ представителей царствующихъ династій. Впрочемъ, по постановленію заправилъ европейскаго концерта, они были допущены только къ обсужденію своихъ мѣстныхъ интересовъ. Каждое изъ этихъ маленькихъ государствъ Аппенинскаго полуострова, за исключеніемъ Св. Престола, трепетало передъ вѣнскимъ дворомъ и покорно переносило его покровительство, даже тогда, когда его и не желало. Неаполитанскій король самъ просилъ о томъ, чтобы занятіе его территоріи австрійскими войсками было продолжено до того времени, когда онъ сформируетъ хорошую армію; а это не могло состояться въ близкомъ будущемъ [2]). Сардинскій король, Карлъ-Феликсъ, согласился, къ великому неудовольствію Франціи, оставить въ Пьемонтѣ, до 1 октября 1823 г., гарнизоны, которые были поставлены тамъ со времени Наварры. Онъ даже согласился бы лишить правъ престолонаслѣдованія, въ границахъ возможности, принца Кариньянскаго, Карла-Альберта,—въ пользу Франца IV, австро-моденскаго герцога [3]). Но права Карла Альберта, признанныя вѣнскимъ трактатомъ [4]), были открыто поддерживаемы Франціей и Россіей, во имя легитимитета, и, въ концѣ концовъ, восторжествовали. Эти двѣ державы разрушили, кромѣ того, тайные замыслы Меттерниха, уже давно задумавшаго переустроить Италію въ федеративный союзъ, въ которомъ гегемонія прина-

[1]) Караманъ (Луи-Шарль-Викторъ Рикэ, маркизъ, впослѣдствіи герцогъ), родился въ 1762 г.; посланъ Людовикомъ XVI, съ 1789—1792 г., съ нѣсколькими конфиденціальными миссіями; эмигрировалъ; былъ въ теченіе 10 лѣтъ на прусской службѣ; въ заключеніи, по приказанію Наполеона, при Консульствѣ и Имперіи; посолъ въ Берлинѣ (сент. 1814 г.); пэръ Франціи (1815 г.), посолъ въ Вѣнѣ (1816—1828); присоединился къ Іюльскому правительству (1830 г.); волонтеръ въ первой экспедиціи противъ Константины (1836 г.); умеръ въ Парижѣ въ 1839 г.

[2]) Этотъ оккупаціонный отрядъ былъ сокращенъ къ этому времени съ 52000 человѣкъ до 35000.

[3]) Онъ женился, въ 1812 г., на Маріи-Беатрисѣ Савойской, дочери Виктора Эммануила I.

[4]) См. выше, стр. 66.

длежала бы, естественнымъ образомъ, Австріи. Онъ предполагалъ начать выполненіе своей программы съ учрежденія въ Піаченцѣ „сыскной комиссіи", аналогичной съ майнцской; онъ предполагалъ распространить впослѣдствіи ея власть на весь полуостровъ. Папскій посолъ, Спина, поддерживаемый, въ особенности, представителями Франціи, открыто протестовалъ противъ подобнаго учрежденія, указывая, что всякое государство должно пользоваться полной свободой въ борьбѣ съ заговорами;—что только тогда можно добиться удовлетворительныхъ результатовъ; — что если на полуостровѣ, дѣйствительно, и происходитъ нѣкоторое революціонное броженіе, то его нельзя успокоить путемъ увеличенія въ Италіи австрійскаго вліянія;—что этимъ можно достигнуть только обратныхъ результатовъ. „Австрія насъ обвиняетъ въ снисходительности къ карбонаріямъ, писалъ кардиналъ. Ихъ число вовсе не такъ велико, какъ обыкновенно думаютъ. Все населеніе Италіи солидарно только въ своей ненависти къ Австріи и къ ея владычеству. Эта ненависть объединяетъ самыя противоположныя партіи. И Австрія хочетъ заставить насъ бороться именно съ этой ненавистью. Мы не можемъ добросовѣстно поддерживать ее въ этомъ направленіи". Эти энергичныя слова остановили пылъ Меттерниха и заставили его отложить на болѣе благопріятное время выполненіе своей программы. Въ этотъ же моментъ ему пришлось удовольствоваться офиціальнымъ протестомъ Лебцельтерна противъ безпечности итальянскихъ государствъ по отношенію къ революціонерамъ, и тѣмъ отчетомъ, который каждое изъ нихъ представило конгрессу относительно мѣръ, принятыхъ съ 1821 г. для борьбы съ этими послѣдними. Въ концѣ концовъ онъ объявилъ имъ, отъ имени трехъ сѣверныхъ государствъ (Франція и Англія, какъ и въ Лайбахѣ, отказались поддерживать его итальянскую политику), что Священный Союзъ продолжаетъ покровительствовать имъ, такъ какъ онъ „преисполненъ искренней и неослабѣвающей дружбой къ итальянскимъ дворамъ; дипломатическіе агенты трехъ монарховъ будутъ поэтому продолжать свои усилія, направленныя къ поддержанію этой дружбы [1])".

§ 8. Въ то время, какъ Веронскій конгрессъ обсуждалъ всѣ эти вопросы, въ тотъ моментъ представлявшіе второстепенный

[1]) Въ то же самое время относительно Швейцаріи три вышеупомянутыя державы приняли угрожающее положеніе, потребовавъ у этой республики изгнанія или выдачи тѣхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ агитаторовъ, которымъ она великодушно оказывала свое покровительство, особенно съ 1820 г.

интересъ, самый жгучій изъ нихъ, т.-е. вопросъ о вмѣшательствѣ въ испанскія дѣла, разсматривался въ Парижѣ, гдѣ Виллелю и Монморанси оказалось очень труднымъ прійти къ соглашенію. Первый министръ Франціи все еще предпочиталъ уклониться отъ войны. Но въ то же время онъ сознавалъ, что его сотоварищъ опирался на конгрегацію, и что конгрегація желала войны, во что бы то ни стало. Онъ жалкимъ образомъ цѣплялся за свой министерскій постъ и поэтому слишкомъ уступалъ ультрароялистамъ. Если онъ временами и рѣшался порицать въ Journal des Débats и Moniteur'ѣ политику вмѣшательства, то одновременно онъ противорѣчилъ самому себѣ, усиливая вдоль Пиринеевъ обсерваціонный корпусъ и доставляя апостоликамъ всякую помощь для продолженія въ Испаніи междуусобной войны. Онъ отъ всего сердца желалъ, чтобы въ Мадридѣ революціонная партія обезоружила Священный Союзъ, измѣнивъ конституцію 1820 г. въ болѣе монархическомъ и консервативномъ духѣ. Но всѣ его усилія остались безплодными (какъ и при его предшественникѣ, Ришелье). Отчаяваясь въ успѣхѣ этого дѣла, онъ старался выиграть время. Въ виду этого, онъ съумѣлъ склонить Людовика XVIII, 5 октября, къ тому, чтобы упросить три сѣверныя державы замедлить, пока что, отправку нотъ въ Мадридъ. Въ тотъ же самый день былъ отправленъ въ Мадридъ нарочный. Но отвѣтъ державъ оказался въ полномъ противорѣчіи съ желаніями французскаго министра.

Русскій императоръ болѣе, чѣмъ когда-либо, желалъ войны, а Меттернихъ, въ свою очередь, болѣе прежняго, старался угодить ему. Въ Италіи стало извѣстно, что Ургельское регентство, изгнанное изъ Испаніи, въ ноябрѣ укрылось во Франціи [1]) и терпитъ бѣдствія. Александръ I заявилъ, что не потерпитъ ни малѣйшаго промедленія. Курьеръ Виллеля прибылъ 11 декабря. 13-го же числа, Австрія, Пруссія и Россія объявили, въ сухихъ выраженіяхъ, представителямъ Франціи, что Людовикъ XVIII воленъ выбирать время и способъ разрыва съ Мадридомъ, но что немедленная отсылка нотъ отъ имени сѣверныхъ монарховъ рѣшена;—что конгрессъ не долженъ быть безплоднымъ, и что Священный Союзъ не можетъ отступать отъ своихъ постановленій. Шатобріанъ, замѣститель Монморанси въ Веронѣ, согласился признать, что Франція связана честнымъ словомъ и должна поступать безъ промедленія. Ему сдѣлали только одну

[1]) Оно было принуждено покинуть Ургель 10 ноября и прибыло въ Тулузу 28 числа того же мѣсяца.

уступку (для спасенія призрака свободы дѣйствій французскаго правительства): ему разрѣшили отозвать изъ Мадрида своего посла послѣ отъѣзда другихъ. Въ общемъ, вопросъ о войнѣ былъ рѣшенъ окончательно. Раздраженіе царя росло съ часу на часъ; онъ открыто заявлялъ, что будетъ смотрѣть на Францію, какъ на соучастницу Испаніи, заслуживающую соотвѣтственнаго обращенія съ ней, — если она не покорится его требованіямъ. Шатобріанъ, въ свою очередь, отправился въ Парижъ (13 декабря), давъ обѣщаніе уничтожить послѣднія колебанія Виллеля.

На слѣдующій день (14 декабря) было объявлено закрытіе конгресса. Три сѣверные монарха, соединившіеся, какъ и въ Лайбахѣ, для укрощенія и преданія проклятію Революціи, не желали покинуть Верону, не изложивъ своихъ новыхъ рѣшеній и не формулировавъ еще разъ своихъ принциповъ. Циркуляръ, выпущенный ими передъ отъѣздомъ изъ Вероны, прежде всего подчеркивалъ то безкорыстіе и прямодушіе, съ которыми они вели дѣло возстановленія порядка въ Италіи. Затѣмъ, въ немъ высказывалось порицаніе Греціи; эта христіанская страна была признана заслуживающею улучшенія ея участи; но возстаніе ея — по принципу, формѣ и цѣли чисто революціонное — объявлялось въ высшей степени преступнымъ. Испанія, подлежащая вразумленію, изображалась, какъ „печальный примѣръ неминуемыхъ послѣдствій всякаго посягательства противъ вѣчныхъ законовъ морали". Во всякомъ случаѣ, Священный Союзъ, желая только мира и благоденствія для своихъ народовъ, будетъ неуклонно и повсемѣстно преслѣдовать лживыя и мрачныя агитаторскія шайки, возмущающія и Европу и Америку. „Монархи, читаемъ мы въ циркулярѣ, не сочтутъ оконченнымъ своего дѣла до тѣхъ поръ, пока не вырвутъ у нихъ оружія, которое онѣ могутъ обратить противъ спокойствія народовъ". Наконецъ, этотъ документъ звучалъ угрозой столько же для отдѣльныхъ государей, какъ и отдѣльныхъ народностей; европейскіе заправилы давали ясно понять нѣкоторымъ монархамъ, что не перестанутъ ни присматривать за ними, ни давать имъ предписанія. Въ частности, противъ нѣмецкихъ государей, которымъ Меттернихъ неоднократно ставилъ на видъ гибельность ихъ тенденцій, были направлены слѣдующія строки циркуляра: „Монархи хотятъ вѣрить, что среди лицъ, облеченныхъ, въ какой бы то ни было формѣ, верховною властью, они повсюду встрѣтятъ вѣрныхъ союзниковъ, уважающихъ не только букву, но и духъ всѣхъ тѣхъ трактатовъ, которые составляютъ въ настоящее время основу европейской политической системы".

Этотъ новый манифестъ контръ-революціи былъ продиктованъ вѣнскимъ дворомъ. Послѣдній надѣялся, съ помощью Россіи, Пруссіи и Франціи завершить быстро и безъ препятствій то дѣло, которое такъ блестяще было начато въ 1819 и 1821 гг. Но въ дальнѣйшемъ ему пришлось считаться съ Англіей, которая, при Кастльри, нападала на Священный Союзъ только на словахъ, а теперь, при Кэннингѣ, должна была нанести ему смертельный ударъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣдніе годы царя-идеолога [1]).

§ 1. Министерство Виллеля и испанскія дѣла. — § 2. Реакціонная политика 1823 и 1824 гг..—§ 3. Торжество революціи въ Новомъ Свѣтѣ. — § 4. Усиленіе сочувствія къ грекамъ. въ Англіи.—§ 5. Переговоры въ Петербургѣ и смерть Александра I.

(1822—1825).

§ 1. Результатомъ Веронскаго конгресса была противореволюціонная политика 1823 и 1824 годовъ, послѣдствія коей сдѣлались замѣтными почти по всей Европѣ; но вскорѣ затѣмъ, отвѣтомъ на эту политику явилась не менѣе энергичная дѣятельность въ противоположномъ направленіи, обязанная своимъ возникновеніемъ, главнымъ образомъ, перемѣнамъ, происшедшимъ въ политикѣ Англіи.

Естественно, что реакція коснулась, прежде всего, Испаніи.

1) Источники: Chateaubriand, Mémoires d'outre-tombe;—Cornewall Lewis, Histoire gouvernementale de l'Angleterre depuis 1770 jusqu'à 1830; — Deventer (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne;—Fabvier (генералъ), Papiers de famille (inédits);—Gentz (F. de), Dépêches inédites, t. II et III;—Gervinus, Histoire du XIX siècle, t. IX, X, XI, XIV et XV; — Gordon, History of the Greek revolution; — Hubbard (G.), Histoire contemporaine de l'Espagne, t. II; — Juchereau de Saint-Denis, Histoire de l'empire ottoman;—Lesur, Annuaire historique, années 1822—1825;—Marcellus (графъ), Souvenirs diplomatiques; Id., Correspondance intime de M. de Chateaubriand sur la politique de 1822 et 1823;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. IV;—Pereira da Silva, Historia da fundaçao do Imperio brazileiro;—Schnitzler (J.—H.) Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre I-er et Nicolas, et particulièrement pendant la crise de 1825;—Soutzo (Al.), Histoire de la restauration grecque;—Stapleton, George Canning and his times;—Vaulabelle, Histoire des deux Restaurations, t. IV et VII;—Viel-Castel (баронъ), Histoire de la Restauration, t. XII, XIII, XIV, XV и т. д.

Священный Союзъ осудилъ эту страну, возложивъ обязанность исполнить рѣшеніе на Людовика XVIII. Правда, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль можно было еще думать, что французскій король уклонится отъ исполненія этого порученія. Послѣ возвращенія Шатобріана, который привезъ съ собой ультиматумъ конгресса (20 декабря 1822 г.), Виллель употребилъ всѣ усилія для того, чтобы предупредить войну, которой онъ никогда не желалъ, и отвѣтственность за которую его пугала. Онъ добился того, что Монморанси долженъ былъ покинуть министерскій постъ (25 декабря). Въ то время какъ угрожающія ноты Австріи, Пруссіи и Россіи прибывали въ Мадридъ, а посланники этихъ трехъ дворовъ, соотвѣтственно состоявшемуся между ними соглашенію, покидали Испанію (9 января)—представитель Людовика XVIII, де-ла-Гардъ, сообщилъ Санъ Мигуэлю ноту, правда, рѣзкую, но сравнительно миролюбивую, содержаніе коей не обусловливало немедленнаго отъѣзда этого дипломата. Примиреніе было еще возможнымъ; но для того чтобы оно состоялось, необходимо было, чтобы испанское министерство согласилось на тѣ измѣненія въ конституціи 1820 года, проведенія которыхъ желалъ Виллель. Къ несчастью, Санъ Мигуэль и его приверженцы категорически отказались отъ всякой уступки, такъ какъ ихъ патріотическое чувство было возмущено притязаніями Священнаго Союза, а ихъ упорство было поддерживаемо химерической надеждой на союзъ съ Англіей [1]). Отвѣтъ ихъ, неблагоразумно одобренный кортесами, былъ составленъ въ столь надменныхъ и мало миролюбивыхъ выраженіяхъ, что Людовикъ XVIII, подчасъ бывавшій гордымъ, тотчасъ объявилъ себя оскорбленнымъ. Де-ла-Гардъ, вслѣдъ за другими, долженъ былъ потребовать свои вѣрительныя грамоты и оставилъ Мадридъ 18 января 1823 года. Однако, даже въ этотъ моментъ, Виллель имѣлъ намѣреніе ограничиться дипломатическимъ разрывомъ. Но сильно раздраженный король все болѣе склонялся на сторону войны, подъ вліяніемъ своихъ родственниковъ и представителей крайней партіи. Президентъ совѣта не встрѣтилъ поддержки въ новомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ это мѣсто, послѣ Монморанси, занялъ

[1]) Лондонскій кабинетъ потребовалъ отъ кортесовъ снятія блокады съ береговъ Венецуэллы и значительнаго вознагражденія за убытки, понесенные вслѣдствіе войны британскими подданными въ Америкѣ. Онъ добился почти всего того, чего желалъ, (дек. 1822—янв. 1823 г.), давъ взамѣнъ лишь обѣщаніе дипломатическихъ услугъ. Англичане даже помѣшали Испаніи заключить союзъ съ Португаліей, такъ какъ послѣдняя, въ случаѣ соединенія съ этой державой, могла подвергнуться нападенію со стороны Франціи, а лондонскій кабинетъ не желалъ ее защищать.

Шатобріанъ, желавшій похода, во что бы то ни стало. Виллелю доказывали, что если онъ не начнетъ войны по ту сторону Пиренеевъ въ интересахъ Священнаго Союза, то ему придется вести ее противъ послѣдняго на берегахъ Рейна (что было, по меньшей мѣрѣ, сильно преувеличено). Но доводъ, который восторжествовалъ надъ его послѣдними колебаніями, заключался въ угрозѣ ниспроверженія, категорически высказанной вождями партіи ультра-роялистовъ, коей онъ обязанъ былъ своею властью. Передъ подобнымъ ультиматумомъ онъ уступилъ, вопреки своимъ убѣжденіямъ. 28 января, при открытіи палатъ, тронная рѣчь объявила, наконецъ, Франціи, что походъ рѣшенъ окончательно; сто тысячъ французовъ подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго должны были войти въ Испанію.

Общественное мнѣніе безуспѣшно протестовало противъ этого предпріятія, такъ явно навязаннаго французскому правительству Священнымъ Союзомъ. Тщетны были указанія на непослѣдовательность образа дѣйствій конституціоннаго короля, употребляющаго свою армію для уничтоженія конституціи и возстановленія абсолютизма у своихъ сосѣдей. Тщетны были вѣсскіе доводы противъ похода, опиравшіеся на то обстоятельство, что на судьбы Хартіи могла косвенно повліять испанская реакціонная политика. Манюэль былъ силой вынужденъ оставить свое мѣсто въ палатѣ; но нація не воодушевлялась; армія, несмотря на нѣкоторыя тайныя подстрекательства [2]), оставалась въ повиновеніи, и, въ первыхъ числахъ апрѣля, передовыя колонны французскихъ войскъ перешли Пиренеи.

§ 2. Мы не станемъ описывать кампаніи 1823 года, которая, въ виду значительнаго превосходства нашихъ войскъ и той поддержки, которую они встрѣчали у испанской апостолической партіи, — не была слишкомъ тяжела ни для герцога Ангулемскаго, ни для его офицеровъ. Ограничимся указаніемъ на ея результаты. Съ послѣднихъ чиселъ мая, племянникъ Людовика XVIII находился въ Мадридѣ, откуда министерство и кортесы бѣжали

[1]) Войска, расположенныя вдоль Пиренеевъ, подвергались сильному вліянію карбонаріевъ. Было открыто и уничтожено нѣсколько заговоровъ, имѣвшихъ цѣлью побудить войска возстать и обратиться противъ правительства Реставраціи. Даже въ самый послѣдній моментъ, въ апрѣлѣ, когда французскія войска переходили испанскую границу, они были встрѣчены полковникомъ Фабвье и нѣсколькими французскими выходцами, принадлежавшими къ либеральной партіи; размахивая передъ войсками трехцвѣтнымъ знаменемъ, эта кучка людей пыталась, — правда не вступая въ бой — остановить французскія войска.

въ Севилью, увозя съ собой Фердинанда VII. Въ Испаніи было учреждено регентство [1]), которое, несмотря на свои добрыя намѣренія не замедлило ознаменовать свою дѣятельность ужасающими выходками, направленными противъ конституціонной партіи. Такъ какъ французы продолжали наступать, то кортесы принуждены были скрыться въ Кадиксѣ; король при этомъ отказался слѣдовать за ними, вслѣдствіе чего они отрѣшили его отъ власти на время путешествія (11—15 іюня). Наконецъ, конституціонное правительство казалось осажденнымъ французами (іюль—августъ), а его генералы начали сдаваться въ разныхъ мѣстахъ, почти не сражаясь. Союзниковъ не оказывалось; Англія, до самаго конца, помогала только на словахъ. Такимъ образомъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ пришлось отказаться отъ сопротивленія, сдѣлавшагося невозможнымъ, и возвратить свободу Фердинанду VII, который далъ рядъ торжественныхъ и клятвенныхъ обѣщаній амнистіи, былъ отведенъ во французскій лагерь и, какъ можно было ожидать, тотчасъ же отрекся отъ всѣхъ своихъ обѣщаній (1 октября). Съ этого дня надъ Испаніей разразилась безумная по своей жестокости реакція; страна покрылась эшафотами; Ріего былъ повѣшенъ, не безъ торжественности, въ Мадридѣ. Снова началось, какъ въ 1814 г., царство произвола и деспотизма; всякія вольности были уничтожены. Король,—развратный, слабый и невѣжественный,—поддерживаемый фаворитами самаго послѣдняго разбора, казалось, получилъ наконецъ неограниченную власть лишь для того, чтобы обагрить всю Испанію кровью жертвъ своей мести. Французамъ и даже самому ихъ предводителю, не имѣвшему недостатка ни въ гуманности, ни въ справедливости,—пришлось краснѣть за то, что ихъ появленіе въ Испаніи оказалось причиной такихъ сатурналій. Герцогъ Ангулемскій, послѣ напрасныхъ усилій умѣрить терроръ апостоликовъ, отправился обратно во Францію, исполненный отвращенія. Но его войскамъ еще долгое время пришлось оставаться по ту сторону Пиренеевъ, поддерживая недостойнаго государя, возвращеннаго ихъ усиліями изъ Кадикса.

Въ Португаліи реакція не стала дожидать капитуляціи кадиксскихъ кортесовъ. Въ этой странѣ была своя апостолическая партія, желавшая, подобно испанской, уничтоженія конституціи и возстановленія абсолютизма. Она не преминула призвать къ

[1]) Оно носило названіе Регентства королевства на время плѣна Е. В. короля Фердинанда VII и состояло изъ герцоговъ де Инфантадо и де Монтемаръ, епископа д'Осма, барона д'Эроль и Кальдерона (съ Каломардомъ въ качествѣ секретаря).

себѣ на помощь французовъ. Но такъ какъ Англія заявила, (нотой Кэннинга отъ 31 марта и нѣкоторыми другими), что она не позволитъ войскамъ Людовика XVIII проникнуть въ страну, независимость коей была ею гарантирована,—то герцогъ Ангулемскій принялъ всѣ мѣры для того, чтобы не нарушать нейтралитета португальской территоріи. За это, британское правительство, не желая дать Франціи поводъ напасть на Португалію, постаралось сдѣлать невозможнымъ тотъ союзъ, который лиссабонскіе кортесы пытались, было, заключить съ мадридскими. Въ сущности, британскій кабинетъ былъ очень доволенъ, что ему удалось изолировать Португалію, такъ какъ ея политика сдѣлалась антианглійскою съ того момента, какъ провозглашена была конституція. Сентъ-Джемсскій кабинетъ предполагалъ, что торжество мадридской контръ-революціи не замедлитъ, въ силу своей естественной заразительности, оказать нѣкоторый эффектъ и въ Лиссабонѣ; а такой результатъ не могъ не быть благопріятнымъ для англичанъ. Указанныя ожиданія не замедлили оправдаться. Графъ д'Амаранте, глава португальскихъ абсолютистовъ, послѣ первой, безплодной попытки ниспровергнуть конституціонное правительство (мартъ, апрѣль), видя, что французы проникли уже въ Кастилію и Эстремадуру,—взялся къ концу мая за оружіе; съ согласія королевы Карлотты [1]) и ея сына, Д. Мигуэля, кумира всей партіи, онъ поднялъ большую часть войскъ на борьбу за прежній режимъ.

Король Іоаннъ VI отправился къ инсургентамъ и нѣсколько дней спустя съ торжествомъ вошелъ въ Лиссабонъ, возвративъ себѣ прежнюю неограниченную власть. Онъ также мало заботился о своихъ клятвахъ, какъ и Фердинандъ VII, но, къ счастью, оказался менѣе склоннымъ къ репрессаліямъ и мести. Впрочемъ, его супругу и сына также окружала буйная и властолюбивая камарилья, которая, какъ мы увидимъ далѣе, все-таки съумѣла оказать вредное вліяніе на судьбы королевства въ 1823 и 1824 гг.

Событія, театромъ коихъ оказался пиренейскій полуостровъ, произвели на Францію косвенное вліяніе, не вполнѣ благопріятное для ея вольностей. Крайніе роялисты торжествовали отъ радости, думая, что наступаетъ моментъ осуществленія надеждъ эмигрантовъ, такъ долго остававшихся тщетными. Чтобы угодить имъ, пришлось въ декабрѣ распустить палату депутатовъ и приступить къ новымъ выборамъ. Такъ какъ эти выборы происхо-

[1]) Супруга Іоанна VI и сестра Фердинанда VII.

дили подъ безпримѣрнымъ въ исторіи давленіемъ со стороны правительства, то изъ состава новаго Законодательнаго собранія оказались устраненными почти всѣ представители либеральной партіи (февраль 1824 г.). Вскорѣ палата-находка—новая палата (Chambre retrouvée, какъ называлъ ее Людовикъ XVIII) рѣшительно принялась за дѣло. Закономъ о семилѣтнемъ срокѣ полномочій за ней было обезпечено достаточно времени для того, чтобы до конца провести противореволюціонную программу. Уже въ это время поднимался вопросъ о законѣ противъ святотатства, о вознагражденіи эмигрантамъ за понесенные убытки и т. п. Всѣ эти мѣры не могли нравиться народу, который еще имѣлъ въ своей средѣ столь многихъ лицъ, пережившихъ 1789 годъ. Высокомѣріе и заносчивость конгрегаціи и крайнихъ роялистовъ еще болѣе усилились, когда, въ сентябрѣ 1824 года, на престолъ вступилъ Карлъ X. Извѣстно, какими реакціонными законами ознаменовалось начало царствованія этого государя, безразсудно хвалившагося, что онъ ничего не забылъ и ничему не научился со времени революціи (это обстоятельство, впрочемъ, не мѣшало Меттерниху бояться, по временамъ, какъ бы Карлъ X не склонился на сторону либерализма) [1].

Трудно было, правда, вполнѣ удовлетворить австрійскаго канцлера, этого жреца абсолютизма и застоя, не допускавшаго ни малѣйшаго раздѣленія власти между государями и ихъ подданными. Мы видѣли выше, каковы были, послѣ Веронскаго конгресса, планы и надежды этого министра относительно Германіи. Меттерниху важно было, прежде всего, завершить дѣло реакціи, начатое въ германскомъ Союзѣ въ 1820 г.. Онъ безпрестанно повторялъ императору, что наступило время побудить монарховъ южной Германіи или совершенно уничтожить дарованныя ими конституціи, или, по крайней мѣрѣ, измѣнить ихъ и сдѣлать безвредными, путемъ уничтоженія гласности парламентскихъ деба-

---

[1]) „Карлъ X,—писалъ онъ 23 октября 1824 г.—человѣкъ искренній, честный, любезный, рыцарски благородный и религіозный—но въ то же время слабый, подчиняющійся всякимъ внушеніямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, очень упрямый и даже пылкій въ своихъ минутныхъ увлеченіяхъ; все это заставляетъ опасаться вредной для престижа власти непослѣдовательности въ управленіи и слабости въ сопротивленіи либеральному вліянію, которое дофинъ, повидимому, оказываетъ на своего отца“.—Изъ другого письма австрійскаго министра (23 сентября 1824 г.) можно заключить, что онъ былъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о способностяхъ французскаго короля: „... Онъ смѣлъ и справедливъ; если бы у него, вдобавокъ, было побольше твердости характера, то онъ могъ бы блистать въ средѣ посредственныхъ монарховъ; я не цареубійца, но, все-таки, позволю себѣ утверждать, что бываютъ монархи посредственные...“

товъ и усиленія правительственнаго давленія на выборы. Такова была программа, которую онъ, по возвращеніи изъ Италіи, предложилъ баварскому королю (декабрь 1822 г.) и которую, на вѣнской конференціи въ январѣ 1823 г., онъ пытался (впрочемъ, безуспѣшно), навязать представителямъ различныхъ государствъ, заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ. Немного позднѣе онъ назначилъ на должность предсѣдателя союзнаго собранія,—вмѣсто Буоль-Шауэнштейна, слишкомъ мягкаго и нерѣшительнаго,—графа Мюнхъ-Беллинггаузена [1]), какъ болѣе предусмотрительнаго, смѣлаго и вліятельнаго дипломата. Послѣдній, по своему произволу направляя работы этого собранія,—сообщая ему или скрывая отъ него, по своему усмотрѣнію, положеніе дѣлъ,—чрезмѣрно удлинняя или сокращая продолжительность происходившихъ въ немъ преній,—не замедлилъ пріобрѣсть надъ нимъ вліяніе, которому ничто не могло противиться. Впрочемъ, оппозиція государей, на которую съ давнихъ поръ жаловался Меттернихъ, еще не высказывала, въ этотъ моментъ, своего послѣдняго слова. Король баварскій, повидимому, все еще оставался сторонникомъ конституціи; но самымъ упорнымъ изъ германскихъ государей оказался король Вильгельмъ вюртембергскій, протестъ котораго противъ постановленій Веронскаго конгресса произвелъ, въ началѣ 1823 года, значительную сенсацію при дворахъ неограниченныхъ монарховъ. Этотъ государь еще болѣе ухудшилъ свое положеніе тѣмъ, что помѣшалъ сейму согласиться безъ оговорокъ, какъ того хотѣлъ вѣнскій кабинетъ, на циркуляръ 14 декабря 1822 года,—а также и тѣмъ, что, въ лицѣ своего уполномоченнаго Вангенгейна, постоянно защищалъ на сеймѣ здравый смыслъ и справедливость противъ теоріи непогрѣшимости монарховъ. Такой примѣръ грозилъ сдѣлаться заразительнымъ. Но, въ этотъ моментъ, новости, пришедшія изъ Испаніи и Португаліи, значительно охладили либерализмъ германскихъ князей. Австрія прекратила дипломатическія сношенія съ Вюртембергомъ, побудила Россію и Пруссію поступить такъ же и, въ концѣ концовъ, добилась отозванія Вангенгейна. Она устранила также всѣхъ уполномоченныхъ, хоть сколько-нибудь выказывавшихъ независимость убѣжденій и чувствъ. Благодаря Мюнху, съ декабря 1823 года, гласность дебатовъ и трудовъ сейма была

[1]) Графъ Мюнхъ-Беллинггаузенъ (Эдуардъ-Іоахимъ) родился въ Вѣнѣ въ 1786 г.; губернаторъ Праги; затѣмъ состоялъ при Меттернихѣ, пользовавшемся его услугами въ разныхъ дипломатическихъ переговорахъ; представитель Австріи на сеймѣ во Франкфуртѣ, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ съ 1823 по 1848 г.; послѣ этого онъ возвратился къ частной жизни.

почти что уничтожена. Напротивъ, Майнцская коммиссія, нѣкоторое время бездѣйствовавшая, возобновила свои разслѣдованія съ удвоенной энергіей, открыла и, какъ разъ во-время, донесла о нѣсколькихъ тайныхъ обществахъ и опасныхъ брошюрахъ и тѣмъ навела страхъ даже на тѣхъ государей, которые наиболѣе упорно боролись до того времени съ политикой Священнаго Союза. Даже и эти монархи стали понемногу терять мужество; къ тому же, почти всѣ они (въ томъ числѣ и самъ король вюртембергскій) находились безпрестанно въ конфликтѣ съ своими парламентами и потому начинали сознавать нѣкоторую стѣснительность конституціоннаго режима. Они удивлялись правильности, съ которой функціонировалъ государственный механизмъ Пруссіи, въ которой Фридрихъ-Вильгельмъ, надававъ такъ много обѣщаній, учредилъ не народное представительство, а просто провинціальные совѣты, имѣвшіе въ политическихъ вопросахъ лишь совѣщательный голосъ (іюнь 1823 г.). Этой перемѣной настроенія объясняется та сравнительная легкость, съ которою Меттернихъ добился въ 1824 г. отъ большей части германскихъ государствъ принятія, по крайней мѣрѣ теоретическаго, плана реакціи. Послѣ пребыванія въ Баваріи, гдѣ онъ склонилъ на свою сторону короля Максимиліана [1]), онъ отправился въ свой замокъ Іоганнисбергъ, гдѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ установилъ окончательный планъ кампаніи (іюнь, іюль 1824 г.). Здѣсь-то,—въ интимныхъ собраніяхъ, походившихъ на карлсбадскую и вѣнскую конференціи,—и были приняты тѣ рѣшенія, которыя Меттернихъ съ давнихъ поръ пытался навязать союзному сейму. Этотъ послѣдній, спустя нѣсколько дней, принялъ ихъ безъ сопротивленія (16 августа). Постановленія эти содержали въ себѣ: 1) категорическое запрещеніе государямъ отказываться въ пользу своихъ подданныхъ отъ основныхъ правъ,—и предложеніе ограничить гласность парламентскихъ дебатовъ; 2) сохраненіе въ силѣ того режима, который былъ введенъ въ университетахъ съ 1819 года; 3) возобновленіе закона о печати, который былъ изданъ въ томъ же году на пятилѣтній срокъ. Если прибавить къ этому, что функціи Майнцской комиссіи были сохранены на неопредѣленный срокъ,—то станетъ яснымъ, что Меттернихъ имѣлъ нѣкоторое основаніе восхищаться результатами своихъ усилій и могъ надѣяться увидѣть со временемъ

[1]) Родился въ 1756 г.; герцогъ Дэ-Понъ въ 1795 г.; преемникъ Максимиліана-Іосифа I, курфюрста баварскаго съ 1799 г.; союзникъ Наполеона, который сдѣлалъ его баварскимъ королемъ (1806 г.); членъ Рейнскаго союза (1806); перешелъ на сторону великой коалиціи въ 1813 г.; умеръ 13 октября 1825 г.

Европу совершенно подчиненною тому надзирательно-отеческому режиму, который былъ, по его мнѣнію, идеаломъ государственнаго устройства.

§ 3. Испанская война имѣла, кромѣ описанныхъ послѣдствій, еще и другія. Если ея результатомъ явилась реакція на пиренейскомъ полуостровѣ, во Франціи и въ Германіи, то, съ другой стороны, она привела къ окончательной побѣдѣ революціонныхъ началъ въ Америкѣ, гдѣ Кэннингъ, въ концѣ-концовъ, нанесъ непоправимый ударъ Священному Союзу.

Англійскій министръ, повидимому, болѣе хитрый и ужъ, конечно, болѣе искусный, чѣмъ австрійскій канцлеръ, открыто высказался на веронскомъ конгрессѣ противъ вооруженнаго вмѣшательства въ испанскія дѣла и съ негодованіемъ протестовалъ противъ абсолютистскихъ доктринъ, такъ безразсудно выдвигавшихся французскимъ правительствомъ. Однажды, въ началѣ 1823 года, въ разговорѣ съ графомъ де Марселлюсъ [1]), французскимъ повѣреннымъ въ Лондонѣ, онъ воскликнулъ: „Вы предпринимаете цѣлый крестовый походъ противъ политическихъ ученій! Развѣ вы не знаете, что система теорій, имѣющая своимъ источникомъ монарха, намъ ненавистна, и что британская политическая система является именно результатомъ цѣлаго ряда побѣдъ, одержанныхъ подданными надъ монархами?..“ Въ другой разъ онъ прибавилъ: „Если Фердинандъ, подобно Іакову II, противится волѣ народа, то онъ заслуживаетъ той же самой участи. Обратите вниманіе: этотъ примѣръ можетъ пригодиться и для васъ... У васъ также найдется человѣкъ, достойный короны...“ Французское правительство не обратило вниманія ни на уговоры, ни на пророчества, ни даже на прямое неудовольствіе, высказанное лондонскимъ кабинетомъ, послѣ того, какъ походъ былъ окончательно рѣшенъ. Но Кэннингъ, осуждавшій съ такой энергіей политику Людовика XVIII, изъявлявшій сочувствіе испан-

[1]) Графъ де Марселлюсъ (Марія-Луи-Жанъ-Андре-Шарль Демартенъ дю Тиракъ)—сынъ графа де Марселлюсъ, извѣстнаго съ 1815 года за свои пылкія ультрароялистскія убѣжденія; родился 19 января 1796 г.; секретарь посольства въ Константинополѣ въ 1815 г.; былъ посылаемъ съ различными порученіями на Востокъ, откуда прислалъ во Францію статую Венеры Милосской (1820 г.); первый секретарь посольства въ Лондонѣ (1821 г.); повѣренный въ дѣлахъ въ Лондонѣ (сент. 1822 г.); посланъ съ чрезвычайными полномочіями въ Мадридъ (1824 г.), затѣмъ въ Лукку (1826—1829 г.); приглашенъ на постъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ въ министерствѣ Полиньяка (этой должности онъ не принялъ); возвратился къ частной жизни послѣ іюльской революціи. Послѣдніе годы жизни посвятилъ литературной дѣятельности.

скимъ кортесамъ и нѣсколько разъ предлагавшій имъ свои добрыя услуги,—вовсе, однако, не имѣлъ намѣренія силой противодѣйствовать французскому вмѣшательству. Онъ порицалъ это вмѣшательство только потому, что по совѣсти признавалъ его несправедливымъ и нелѣпымъ. Но въ глубинѣ души онъ былъ очень радъ происшедшему. Планы его нѣсколько двусмысленной политики не находились ни въ какомъ противорѣчіи съ тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы французская армія проникла въ Испанію, прочно тамъ водворилась, начала тамъ распоряжаться и продолжала оставаться въ этой странѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Мы видѣли, что англійскій министръ-президентъ хладнокровно далъ погибнуть правительству кадикскихъ кортесовъ, даже не разрѣшивъ кортесамъ лиссабонскимъ соединиться съ ними. Онъ хотѣлъ имѣть право утверждать, что Испанія болѣе не является хозяиномъ даже въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ; что она находится подъ опекой Франціи; что это послѣднее государство, пріобрѣтя значительное вліяніе на югѣ Пиренеевъ, тѣмъ самымъ дало Англіи право наложить свою руку на испанскія колоніи, въ которыхъ возстановленіе власти метрополіи оказалось бы, иначе, прямымъ подаркомъ для Франціи. Именно въ этомъ направленіи онъ неуклонно и повелъ дѣло. Соотвѣтствіе его политики съ политикой министерства Виллеля было, въ теченіе 1823 и 1824 гг., совершенно очевиднымъ. Правительство Георга IV, повидимому, старалось въ точности согласовывать, въ этотъ періодъ, свой образъ дѣйствій съ политикой Людовика XVIII; въ результатѣ получалось, что на каждый успѣхъ, котораго добивались французы въ Испаніи,—Сенъ-Джемсскій кабинетъ, въ отвѣтъ, заявлялъ соотвѣтственное новое притязаніе и, въ концѣ-концовъ, добивался соотвѣтственнаго новаго успѣха въ Новомъ Свѣтѣ.

Прежде всего, въ тотъ моментъ, когда герцогъ Ангулемскій приготовился перейти Пиренеи, Кэннингъ, нотой 31 марта 1823 года, объявилъ, что „независимость испанскихъ колоній представляетъ совершившійся фактъ, но что офиціальное признаніе этого факта зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ или отъ внутренняго развитія соотвѣтствующихъ государствъ, развитія, могущаго повести къ установленію правильнаго образа правленія“. Этими словами онъ хотѣлъ сказать, что если французы останутся на продолжительное время въ Испаніи, или если они попытаются наложить руку на испанскія колоніи,—то Англія не затруднится заключить союзъ съ испано-американскими государствами и приметъ ихъ подъ свою защиту. Подъ вну-

треннимъ развитіемъ Англія разумѣла укрѣпленіе консервативныхъ началъ. Британскій кабинетъ былъ бы очень радъ склонить колоніи къ монархическому, а не республиканскому образу правленія, хотя бы только для того, чтобы изъять ихъ, насколько возможно, изъ сферы вліянія Соединенныхъ Штатовъ. Англія, напримѣръ, очень благосклонно относилась къ Мексикѣ, съ тѣхъ поръ какъ послѣдняя превратилась въ имперію подъ властью Итурбида. Само собою разумѣется, что Кэннингъ, какъ опытный и легко приспособлявшійся къ обстоятельствамъ дипломатъ, имѣлъ твердое намѣреніе, въ случаѣ надобности, признать даже и республики. Въ самомъ дѣлѣ, если ужъ Англіи не удастся забрать подъ исключительное свое вліяніе политическую и экономическую жизнь новыхъ государствъ,—то желательно, по крайней мѣрѣ, не допустить, чтобы это вліяніе было захвачено въ свои руки вашингтонскимъ правительствомъ.

Въ серединѣ 1823 года, въ Лондонѣ узнали о паденіи Итурбида, который, впрочемъ, и лично вскорѣ явился искать убѣжища въ Великобританіи. Мексика, подъ вліяніемъ Соединенныхъ Штатовъ, реорганизовала свое государственное устройство по типу федеративной республики. Кэннингъ, разсудивъ, насколько трудно будетъ помѣшать американцамъ захватить свою долю, предпочелъ не бороться съ ними, а вступить съ ними въ соглашеніе. Въ это время французы занимали уже почти всю Испанію. Вскорѣ они устроились въ ней, какъ дома, и перестали даже и говорить о возвращеніи за Пиренеи. Въ этотъ самый моментъ, Шатобріанъ, сдѣлавшійся уже министромъ и преисполненный грандіозныхъ, но фантастическихъ проектовъ, выработанныхъ имъ въ Веронѣ совмѣстно съ царемъ,—предложилъ разрѣшить, при посредствѣ Священнаго Союза, вопросъ объ испанскихъ колоніяхъ на новомъ конгрессѣ. Этимъ онъ наивно далъ въ руки главѣ Foreign Office'а такое оружіе, которымъ тотъ не преминулъ воспользоваться. Шатобріанъ мечталъ о примиреніи Фердинанда VII съ мятежными подданными, — примиреніи, благодаря коему колоніи превратились бы въ автономныя королевства, управляемыя принцами Бурбонскаго дома, въ томъ числѣ и французскими. Подобное рѣшеніе вопроса могло быть приведено въ исполненіе только силою, а силу могла предоставить въ распоряженіе Испаніи—только Франція. Людовикъ XVIII получилъ бы, этимъ путемъ, порученіе исполнить въ Америкѣ, точно такъ же, какъ и въ Испаніи, постановленіе Священнаго Союза.

Вся Англія приходила въ ярость при этой мысли; сильно возмущались также и Соединенные Штаты. Поэтому, Кэннингъ

счелъ необходимымъ предложить (въ августѣ 1823 г.) вашингтонскому кабинету, чтобы онъ, совмѣстно съ лондонскимъ дворомъ, оказалъ энергичное сопротивленіе планамъ, приписывавшимся Франціи. Это предложеніе было принято съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Впрочемъ, Англія первая подала примѣръ, заявивъ въ нотѣ, обошедшей всю Европу, что она немедленно признаетъ независимость новыхъ государствъ, если Испанія встрѣтитъ поддержку въ своихъ стремленіяхъ къ насильственному подчиненію ихъ или если она пожелаетъ возобновить тѣ стѣсненія, которымъ она раньше подвергала торговлю. Спустя нѣсколько дней (17 октября), лондонскій дворъ приступилъ къ приготовленію того рѣшительнаго шага, которымъ онъ грозилъ мадридскому кабинету, а именно, онъ назначилъ консуловъ въ главные города испанской Америки. Наконецъ, 2 декабря, президентъ Соединенныхъ Штатовъ Монроэ въ торжественномъ посланіи вашингтонскому конгрессу категорически установилъ принципъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи догматомъ вѣры американцевъ и гласившій, что свободныя государства Новаго Свѣта отнынѣ должны быть неприкосновенными для Европы, не имѣющей-де никакого права вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла. „Мы должны заявить, писалъ этотъ президентъ, что будемъ смотрѣть на всякую ихъ [1]) попытку распространить свою политическую систему на какую-нибудь страну, лежащую въ этомъ полушаріи, — какъ на поступокъ, угрожающій нашему спокойствію и нашей безопасности... Что касается правительствъ, независимость которыхъ мы признали по строгомъ обсужденіи дѣла и согласно съ принципами справедливости, — то мы не можемъ смотрѣть на вмѣшательство въ ихъ дѣла какой-бы то ни было европейской державы, желающей стѣснить ихъ свободу или вообще оказать какое-либо вліяніе на ихъ судьбу,—иначе, какъ на проявленіе враждебнаго отношенія къ Соединеннымъ Штатамъ. Мы заявили, въ моментъ признанія независимости новыхъ государствъ, что мы останемся нейтральными по отношенію къ ихъ войнѣ съ Испаніей,—и мы остались вѣрными нашему слову. Мы и впредь останемся вѣрными, если только не произойдетъ такой перемѣны въ обстоятельствахъ, которая, по мнѣнію нашихъ компетентныхъ властей, сдѣлаетъ неизбѣжной перемѣну также и въ нашей политикѣ,—перемѣну, необходимую для нашей безопасности... Наша политика по отношенію къ Европѣ состоитъ въ томъ, чтобы ни-

---

[1]) Онъ разумѣлъ членовъ Священнаго Союза.

когда не вмѣшиваться во внутреннія дѣла какой бы то ни было изъ державъ этой части свѣта и считать фактически существующія въ ней правительства—законными... Но когда рѣчь заходитъ о нашихъ личныхъ симпатіяхъ—дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, если союзныя державы пожелаютъ провести свою политическую систему на томъ или другомъ изъ американскихъ материковъ, то онѣ не могутъ достигнуть своей цѣли, не угрожая нашему благосостоянію и нашему спокойствію. Ни одна изъ этихъ державъ не можетъ думать, что наши южно-американскіе братья добровольно примутъ навязываемую систему, если имъ только будетъ предоставлена въ этомъ отношеніи полная свобода дѣйствій. И мы, съ своей стороны, не можемъ остаться равнодушными свидѣтелями этого вмѣшательства, въ какой бы формѣ оно ни проявилось...“

Эта энергичная манифестація, явившаяся результатомъ соглашенія между Англіей и Соединенными Штатами, должна была наглядно показать всякому здравомыслящему человѣку, насколько безплодною будетъ фантастическая политика Шатобріана. Кэннингъ чувствовалъ теперь свою силу, и когда Фердинандъ VII, подстрекаемый французскимъ дворомъ, предложилъ открыть въ Парижѣ переговоры для разсмотрѣнія испано-американскаго вопроса (26 декабря 1823 г.), лондонскій кабинетъ не ограничился простымъ отказомъ, но категорически заявилъ, что единственное возможное рѣшеніе этого вопроса есть признаніе совершившагося факта. Англійская торговля, заявлялъ Кэннингъ въ своей нотѣ 30 января 1824 г., достигла въ колоніяхъ такого развитія, что оказалось необходимымъ дать ей прямое покровительство въ формѣ назначенія консуловъ... Къ тому же, эти государства не будутъ въ состояніи долго существовать, не ставъ въ ясно опредѣленныя политическія отношенія къ европейскимъ правительствамъ; поэтому, нельзя болѣе медлить признаніемъ независимыми тѣхъ изъ нихъ, которыя фактически добились независимости. Англійское правительство просило мадридскій кабинетъ первымъ провозгласить независимость колоній, „чтобы не связывать себѣ рукъ на неопредѣленное время“. Его намѣреніе дать Испаніи возможность сдѣлать первый шагъ можетъ-де черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отступить на задній планъ передъ новыми, болѣе важными соображеніями.

Этими послѣдними словами глава Foreign-Office'а намекалъ на французскую оккупацію Испаніи, на которую онъ продолжалъ смотрѣть, какъ на угрозу для Англіи. Виллель, какъ умный человѣкъ, хорошо понимавшій суть политики Кэннинга, про-

силъ Людовика XVIII немедленно отозвать французскія войска изъ-за Пиренеевъ, дабы лишить англичанъ главнаго ихъ оружія. Но положеніе правительства Фердинанда VII, благодаря безумнымъ реакціоннымъ выходкамъ этого государя, было столь непрочно, что указанная мѣра являлась въ этотъ моментъ совершенно невозможной [1]). 9 февраля 1824 г. французскій посланникъ въ Мадридѣ, Таларю [2]), заключилъ съ испанскимъ министромъ О'Фаліа [3]) договоръ, въ силу котораго французскія войска, вмѣсто того чтобы возвратиться во Францію, должны были остаться на полуостровѣ до 1 іюля того-же года. Результатомъ этого соглашенія было прежде всего то, что лондонскій дворъ доставилъ Итурбиду возможность вернуться въ Мексику, чтобы снова бороться за свою корону; затѣмъ, на новое предложеніе относительно созванія конференціи, — Кэннингъ отвѣтилъ отказомъ еще болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ въ первый разъ (май 1824 г.). „Англія, заявилъ онъ, будетъ дѣйствовать такъ, какъ найдетъ нужнымъ, не помня зла и не поддаваясь вліянію враждебныхъ чувствъ, но также и не обращая вниманія на мадридскій дворъ...“

Вскорѣ затѣмъ извѣстіе о томъ, что эвакуація Испаніи, въ силу новаго договора (30 іюня), отложена до 1 января 1825 года, дало поводъ англійскому министерству сдѣлать новый шагъ впередъ. Старые тори, вродѣ Ливерпуля и Веллингтона, противившіеся, подобно Кастльри, принципамъ революціи и находившіе притомъ поддержку въ королѣ Георгѣ VII, до этого момента упорно отвергали не только формальное признаніе независимости испано-американскихъ республикъ, но даже и всякое соглашеніе, которое могло показаться равносильнымъ таковому. Въ іюлѣ 1824 года Кэннингъ — менѣе совѣстливый и болѣе смѣлый, чѣмъ тори, —

[1]) Старая конституціонная партія, отчаянной выходкой при Тарифѣ (августъ 1824 г.), показала вскорѣ послѣ этого, что она еще не отказалась отъ всякой надежды.

[2]) Маркизъ де-Таларю родился въ 1773 г., умеръ въ Парижѣ въ 1850 г.; пэръ Франціи и посланникъ при испанскомъ дворѣ (1823—1824 г.); министръ (1827); возвратился къ частной жизни послѣ іюльской революціи.

[3]) Графъ О'Фаліа (Нарцисъ де-Эредіа) родился въ 1777 г.; секретарь посольства въ Соединенныхъ Штатахъ (1800); столоначальникъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (1808); вышелъ въ отставку послѣ вступленія на престолъ Іосифа Бонапарта; призванъ Фердинандомъ VII на постъ министра юстиціи (1823), а затѣмъ иностранныхъ дѣлъ; посланникъ въ Лондонѣ (1827); затѣмъ въ Парижѣ (1828); министръ внутреннихъ дѣлъ (1832 — 1833); душеприказчикъ Фердинанда VII и членъ совѣта регентства (1833); президентъ совѣта министровъ съ портфелемъ министра иностранныхъ дѣлъ (1837—1838); умеръ въ 1843 г.

съумѣлъ заставить ихъ сдѣлать рѣшительный шагъ по тому пути, на который онъ съ давнихъ поръ замышлялъ ихъ увлечь. Съ аргентинской конфедераціей были открыты переговоры относительно заключенія торговаго трактата, который и былъ подписанъ въ октябрѣ слѣдующаго года; разумѣется этотъ договоръ обезпечилъ Англіи значительныя выгоды въ бассейнѣ Ла-Платы. Послѣ этого шага, сдѣлалось невозможнымъ оттягивать на долгое время официальное признаніе независимости республикъ. И дѣйствительно, оно не заставило себя ждать. Извѣстіе о томъ, что предпріятіе Итурбида потерпѣло полную неудачу въ Мексикѣ, гдѣ онъ былъ разстрѣлянъ по распоряженію федеративныхъ властей (въ іюлѣ), еще болѣе усилило тотъ страхъ, съ которымъ англійское правительство относилось къ возрастающему въ Америкѣ вліянію Соединенныхъ Штатовъ. Къ тому же, Кэннингъ доказалъ и своимъ товарищамъ по министерству, и самому королю, что испано-американскія государства эмансипировались уже окончательно и что Великобританія не можетъ скомпрометировать себя назначеніемъ своихъ представителей. Дѣйствительно, въ это время на всемъ американскомъ материкѣ во власти испанцевъ находилась лишь незначительная часть Перу; да и оттуда новыя побѣды Боливара и Сюкра вскорѣ заставили ихъ удалиться навсегда [1]). Наконецъ, министры-тори и король Георгъ IV перестали колебаться, узнавъ, что договоромъ, заключеннымъ 10 декабря, французская оккупація Испаніи продолжена на все время, пока она будетъ необходима для Фердинанда VII, т.-е., другими словами, на неопредѣленный срокъ. Кэннингъ былъ тотчасъ же уполномоченъ сдѣлать послѣдній шагъ. Тогда онъ объявилъ, 1-го января 1825 г., иностраннымъ посланникамъ аккредитованнымъ при лондонскомъ дворѣ, что онъ собирается назначить въ испано-американскія республики повѣренныхъ въ дѣлахъ, торжественно признать колоніи независимыми государствами и заключить съ ними торговые договоры. Эта новость никого въ Европѣ не удивила: ее давно уже ожидали. Не всѣ державы послѣдовали немедленно примѣру Соединенныхъ Штатовъ и Англіи. Но если нѣкоторыя изъ нихъ долго заставили ждать признанія съ ихъ стороны независимости испано-американскихъ республикъ, то, по крайней мѣрѣ, онѣ приняли по отношенію

[1]) Призванный перуанской республикой на помощь, Боливаръ послалъ сначала этому государству своего офицера Сюкра, а затѣмъ отправился самъ въ Лиму, гдѣ и былъ провозглашенъ диктаторомъ (1 сент. 1823 г.). Послѣ битвы при Айакухо, выигранной Сюкромъ 8 декабря 1824 г., испанцы удержали за собою въ Перу только Каллао, откуда вынуждены были удалиться 11 января 1826 года.

къ этимъ республикамъ такой modus vivendi, который былъ равносиленъ признанію.

При указанныхъ обстоятельствахъ, не могло уже быть и рѣчи о задуманномъ, было, Александромъ I и Шатобріаномъ соглашеніи европейскихъ державъ по вопросамъ о судьбѣ Новаго Свѣта. Впрочемъ, Шатобріану помѣшалъ въ его замыслахъ Фердинандъ VII, можетъ быть, еще болѣе чѣмъ Кэннингъ. Испанскій король, несмотря на явное свое безсиліе возстановить господство Испаніи по ту сторону Атлантическаго океана,—упорно отвергалъ всякую мысль о томъ, чтобы предоставить возмутившимся колоніямъ политическую автономію. Поэтому, онъ счелъ нужнымъ содѣйствовать паденію Шатобріана, отъ котораго Виллель былъ очень радъ отдѣлаться, какъ отъ товарища, стѣснявшаго свободу его дѣйствій [1]). Съ опалой этого министра рушились и его широковѣщательные планы. Такимъ образомъ, въ началѣ 1825 г. испанской Америкѣ больше уже не грозила опасность со стороны ни одной изъ европейскихъ державъ. Казалось даже, что она вскорѣ совершенно обезпечитъ себя отъ всякаго новаго враждебнаго покушенія со стороны Священнаго Союза, отозвавшись на призывъ Боливара, который проектировалъ соединить въ одинъ огромный союзъ всѣ республики [2]).

Если эмансипація испанскихъ колоній горячо интересовала Кэннинга, то не менѣе сильно желалъ онъ и независимости Бразиліи, самой обширной и самой богатой изъ португальскихъ колоній. И въ этомъ отношеніи,—его искусная и твердая политика увѣнчалась также полнымъ успѣхомъ. Если предшественникъ Кэннинга, Кастльри, считалъ нужнымъ поддерживать Дона Педро въ его новыхъ стремленіяхъ къ освобожденію, то легко понять, что онъ самъ выказалъ еще болѣе симпатій этому государю. Онъ желалъ, чтобы первый императоръ Бразиліи прибѣгнулъ къ покровительству Англіи и не могъ обойтись безъ ея помощи. Поэтому, посылая втихомолку Дону Педро всякаго рода помощь, онъ старался поддержать его въ его усиліяхъ изгнать

[1]) Шатобріанъ былъ довольно безцеремонно отставленъ въ іюнѣ 1824 г.; съ этого момента онъ перешелъ на сторону либеральной оппозиціи и сталъ вести въ Journal des Débats знаменательную кампанію противъ кабинета Виллеля.

[2]) Освободитель, державшій уже подъ своею властью Колумбію, Перу и Боливію, пригласилъ (7 дек. 1824 г.) всѣ американскія правительства на конгрессъ, гдѣ онъ предполагалъ склонить ихъ къ заключенію постояннаго союза. Но не всѣ государства отозвались на его призывъ. Конгрессъ, открывшійся въ Панамѣ 22 іюня 1826 г., состоялъ только изъ представителей Мексики, Гватемалы, Колумбіи и Перу. Онъ окончился совершенно безрезультатно. Аналогичныя попытки были повторяемы и впослѣдствіи, въ различное время. Онѣ имѣли столь же мало успѣха.

изъ Бразиліи португальскія войска и обуздать сепаратистскія стремленія, грозившія возникающей имперіи распаденіемъ. Въ 1823 г., независимость ново-лузитанской монархіи была поддержана, главнымъ образомъ, побѣдами англійскаго адмирала (Кохранъ). Впрочемъ, Кэннингу было гораздо легче защищать противъ англійскихъ торіевъ и Священнаго Союза—дѣло Бразиліи, чѣмъ испано-американскихъ республикъ. Онъ указывалъ, что въ Новомъ Свѣтѣ эта страна, по консервативному строю ея учрежденій, представляетъ счастливый контрастъ съ сосѣдними государствами, гдѣ безраздѣльно господствуетъ революціонный духъ; что она составляетъ необходимый противовѣсъ этимъ государствамъ и гарантируетъ политическое равновѣсіе и миръ не только для Америки, но и для Европы. Онъ восхвалялъ быстро созрѣвшую мудрость и твердость Д. Педро, который не только не уступалъ якобинцамъ, но даже распустилъ въ ноябрѣ 1823 г. слишкомъ бурное собраніе депутатовъ, отказался принять навязываемую ему конституцію и самъ даровалъ своимъ подданнымъ основные законы (январь 1824 г.). Все это не могло не понравиться русскому царю. Что касается австрійскаго императора, связаннаго съ Д. Педро узами близкаго родства, то онъ былъ радъ признать какой-угодно совершившійся фактъ. Притомъ, Кэннингъ не упускалъ случая напомнить, что молодой бразильскій государь является, въ то же время, наслѣдникомъ португальской короны, и что поэтому связь Бразиліи съ Португаліей нельзя считать окончательно порванною. Въ сущности, Кэннингъ дѣйствовалъ не совсѣмъ искренно, выставляя этотъ послѣдній аргументъ; его тайнымъ желаніемъ было—воспрепятствовать всякому, даже династическому, сближенію между этими двумя государствами, и онъ имѣлъ въ виду помѣшать своему ставленнику получить впослѣдствіи вторую корону.

Въ данный же моментъ ему было важно склонить Португалію къ признанію независимости Бразиліи; притомъ, ему необходимо было достигнуть этой цѣли путемъ убѣжденія, такъ какъ Англія вовсе не желала поссориться съ государствомъ, на которое она въ теченіе болѣе ста лѣтъ оказывала давленіе, какъ нельзя болѣе выгодное для ея политики и торговли. Правда, это вліяніе нѣсколько ослабѣло въ періодъ времени съ 1820 по 1823 г., т.-е. во время правленія кортесовъ. Поэтому, между прочимъ, британское правительство и не поддерживало въ Лиссабонѣ конституцію, какъ не поддерживало оно ее и въ Мадридѣ и въ Кадиксѣ. Послѣ реакціи, происшедшей въ іюнѣ 1823 г., Іоаннъ VI, сдѣлавшійся снова неограниченнымъ мо-

пархомъ, возобновилъ дружественныя отношенія къ лондонскому двору. Но этотъ старикъ былъ нерѣшителенъ и слабъ и, повидимому, тяготѣлъ къ Франціи не менѣе, чѣмъ къ Англіи. Жалкій король, онъ чувствовалъ себя очень непрочно на тронѣ; кромѣ революціи, которая снова могла поколебать его положеніе, —чистые апостолики, фанатики реакціи, также подкапывались подъ его власть. Эта партія, еще болѣе буйная и ослѣпленная, чѣмъ камарилья Фердинанда VII, упрекала Іоанна VI за его умѣренность и мягкость. Руководимая королевой Шарлоттой и вторымъ сыномъ короля, Д. Мигуэлемъ [1]), человѣкомъ молодымъ, невѣжественнымъ и ограниченнымъ, но честолюбивымъ и жестокимъ,—эта партія мечтала о томъ, чтобы доставить власть этому принцу, въ крайнемъ случаѣ, путемъ государственнаго переворота или преступленія. Въ февралѣ 1824 г. она умертвила герцога Луле, главнаго совѣтника короля. Въ маѣ того же года она внезапно захватила Іоанна VI и собиралась уже заставить его или отказаться отъ власти, или, по крайней мѣрѣ, передать управленіе своему младшему сыну. Для того, чтобы возвратить несчастному государю свободу, пришлось прибѣгнуть къ серьезному вмѣшательству дипломатическаго корпуса и, въ особенности, французскаго и англійскаго пословъ. Д. Мигуэль былъ схваченъ, въ свою очередь выпросилъ себѣ прощеніе и былъ изгнанъ въ Австрію, откуда онъ позже вернулся въ Португалію на горе своей родины. Если представитель Англіи въ Лиссабонѣ съ такой энергіей высказался противъ этого юнаго принца, то это произошло главнымъ образомъ потому, что онъ зналъ его за яраго противника всякаго соглашенія съ Бразиліей. Но послѣ освобожденія Іоанна VI, ему пришлось бороться съ французскимъ посломъ, Гидъ де Невиллемъ [2]), энергичнымъ и пред-

[1]) Мигуэль (донъ Марія-Эваристо) родился въ Лиссабонѣ въ 1802 г.; пытался произвести государственный переворотъ, результатомъ котораго было его изгнаніе въ 1824 г.; удалился въ Вѣну; затѣмъ былъ назначенъ Дономъ Педро—регентомъ Португаліи (1826 г.); провозглашенъ апостоликами королемъ; принужденъ бороться съ конституціоналистами, восставшими противъ него во имя Донны Маріи; низложенъ и изгнанъ въ 1834 г.; поселился въ Римѣ; женился въ 1851 г. на принцессѣ Аделаидѣ де-Левенштейнъ-Вертгеймъ-Розенбергъ, отъ которой въ 1853 г. у него родился сынъ, названный также Д. Мигуэлемъ. Умирая (1866), онъ передалъ послѣднему свои притязанія на португальскую корону.

[2]) Баронъ Гидъ де Невилль (Жанъ-Гильомъ) родился въ Ла-Шаритэ на Луарѣ въ 1776 г., въ семьѣ англійскаго происхожденія; очень дѣятельный и энергичный членъ французской партіи роялистовъ съ 1792—1800 г.; по ошибкѣ замѣшанъ въ процессъ объ адской машинѣ (1800—1801 г.); удалился въ Соединенные Штаты 1805 г.), гдѣ сдружился съ генераломъ Моро; возвратился во Францію (1814 г.);

пріимчивымъ человѣкомъ, вліяніе котораго на стараго короля, значительно усилившееся вслѣдствіе только-что оказанной услуги, могло помѣшать планамъ Великобританіи относительно Д. Педро. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, поэтому, происходила между уполномоченными парижскаго и лондонскаго дворовъ въ Лиссабонѣ ожесточенная борьба за вліяніе на португальскаго короля. Гидъ де Невилль требовалъ, чтобы переговоры—уже давно открытые въ Лондонѣ—о примиреніи Португаліи съ Бразиліей были перенесены въ Парижъ. Здѣсь эти переговоры происходили бы подъ руководствомъ Франціи, и, конечно, результатъ ихъ получился бы болѣе соотвѣтственный видамъ послѣдней, т.-е. болѣе согласованный съ доктриной легитимизма. Нѣкоторые министры Іоанна VI и, особенно, графъ Памплона [1]) выказали готовность содѣйствовать планамъ Невилля. Но другіе, какъ, напримѣръ, герцогъ Пальмелла [2]), держали сторону британской программы и

раздѣлилъ участь Людовика XVIII, послѣдовавъ за нимъ въ Гентъ въ 1815 г.; депутатъ Ніевры въ безподобной палатѣ депутатовъ; французскій посланникъ въ Соединенныхъ Штатахъ (1816 г.), затѣмъ въ Португаліи; морской министръ (1828—1829 г.); вѣрный сторонникъ легитимизма послѣ 1830 г.; вмѣстѣ съ Шатобріаномъ подвергся преслѣдованію со стороны іюльскаго правительства (1832 г.); умеръ въ Парижѣ въ 1857 г.; авторъ многихъ рѣчей, разныхъ политическихъ брошюръ и интересныхъ, недавно изданныхъ, Мемуаровъ и Воспоминаній.

[1]) Памплона (Мануэль-Игнатій-Мартинъ, баронъ де Корте-Реаль), графъ де Сюберра, родился въ Ангра (островъ Терцейра) въ 1760 г.; въ юности офицеръ русской службы; полковникъ португальской арміи (1801 г.); начальникъ главнаго штаба въ 1808 г.; на французской службѣ (1812 г.); Людовикъ XVIII назначилъ его военнымъ губернаторомъ въ департаментахъ Котъ-д'Оръ и Луара-и-Шеръ; вернулся въ Португалію въ 1821 г.; депутатъ въ собраніи кортесовъ, камергеръ короля Іоанна VI, государственный совѣтникъ, военный министръ (1821—1823 г.); президентъ совѣта министровъ и посланникъ въ Испаніи (1825—1827 г.); въ 1828 г. арестованъ; умеръ въ тюрьмѣ въ Эльвасѣ въ 1832 г.

[2]) Пальмелла (донъ Педро де Суза-Гольштейнъ) родился въ Туринѣ 12 мая 1781 г.; совѣтникъ посольства въ Португаліи (1802 г.); затѣмъ посланникъ въ Римѣ; состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ M-me де Сталь; вернулся въ Португалію (1806 г.); адъютантъ генерала Франта въ арміи Веллингтона; полномочный министръ въ Кадиксѣ (1810 г.); затѣмъ въ Лондонѣ; представитель Португаліи на вѣнскомъ конгрессѣ (1814 г.); призванъ въ Бразилію и назначенъ Іоанномъ VI министромъ иностранныхъ дѣлъ (1816 г.); въ отставкѣ послѣ революціи 1820 года; министръ иностранныхъ дѣлъ и президентъ совѣта (1823 г.); арестованъ по приказанію Д. Мигуэля въ 1824 г.; министръ внутреннихъ дѣлъ (1824 г.); посланникъ въ Лондонѣ (1825 г.); президентъ конституціонной юнты, возставшей противъ Д. Мигуэля (1828 г.); глава регентства, учрежденнаго на островѣ Терцейрѣ; назначенъ Д. Педро, отъ имени Донны Маріи, министромъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ (3 марта 1832 г.); получилъ титулъ герцога (13 іюня 1833 г.); президентъ палаты пэровъ (1833—1834 г.); президентъ совѣта (24 сент. 1834 г.); удаленъ отъ должности въ 1835 году; снова назначенъ президентомъ совѣта и министромъ иностранныхъ дѣлъ

желали, подобно Кэннингу, чтобы лузитано-бразильскій вопросъ былъ рѣшенъ въ Лондонѣ, при посредствѣ Георга IV и притомъ въ смыслѣ признанія новой имперіи независимымъ государствомъ. Послѣ цѣлаго ряда тайныхъ интригъ, французскій министръ, воспользовавшись боязливостью стараго короля, предложилъ ему ввести въ Португалію, на помощь, часть войскъ, занимавшихъ въ это время Испанію. Англія поставила тогда все на карту. Кэннингъ категорически объявилъ, что онъ не потерпитъ подобнаго вмѣшательства и будетъ противодѣйствовать ему, въ случаѣ надобности, силой. Затѣмъ онъ пригрозилъ Іоанну VI отозваніемъ англійской эскадры, стаціонировавшей въ виду португальской столицы и составлявшей главную его охрану. Несчастный старикъ тотчасъ же отказался отъ сопротивленія. Гидъ де Невилль, скомпрометировавшій свое правительство, былъ отозванъ Виллелемъ. Памплона впалъ въ немилость; Пальмелла сдѣлался всемогущимъ (январь 1825 г.) и былъ посланъ въ Лондонъ для переговоровъ по бразильскому дѣлу. Съ этого момента, вопросъ быстро сталъ близиться къ разрѣшенію, въ желательномъ для Кэннинга смыслѣ. Посредничество въ этомъ дѣлѣ, согласно волѣ этого министра, было возложено на лондонскій дворъ. Англійскій дипломатъ, Чарльзъ Стюартъ, былъ посланъ въ Лиссабонъ и получилъ 13 мая отъ Іоанна VI хартію, въ которой этотъ государь отказывался отъ своихъ правъ на Бразилію въ пользу своего старшаго сына. Отсюда отъ отправился въ Ріо-Жанейро, гдѣ и былъ подписанъ, съ соблюденіемъ всякихъ формальностей, договоръ (26 августа) между прежней колоніей и ея метрополіей. Къ концу года независимость Бразиліи была признана не только Португаліей, но и всей Европой. Указанное соглашеніе оставляло, правда, въ видѣ грозной неизвѣстности вопросъ о правахъ Д. Педро на родительскую корону. Но Кэннингъ имѣлъ обыкновеніе бороться съ затрудненіями поочередно, а возникавшій такимъ образомъ вопросъ не могъ ни захватить его врасплохъ, ни устрашить.

Пока, ему было достаточно имѣть увѣренность въ томъ, что онъ обезпечилъ въ Америкѣ огромные рынки для англійской торговли, которая, подъ нарождающимся вліяніемъ ученія о свободной торговлѣ [1]), начала достигать небывалыхъ до того вре-

7 февраля 1844 г., затѣмъ 20 мая 1846 г.; президентъ палаты пэровъ (окт. 1846 г.); умеръ въ Лиссабонѣ 13 октября 1850 г.

[1]) Англійское правительство подъ вліяніемъ Гучиссона (президента бюро торговли съ 1823 г.) предприняло борьбу съ покровительственной системой, которой оно до тѣхъ поръ строго держалось. Оно добилось того, что парламентомъ были допущены: право дружественныхъ державъ привозить товары въ порты Великобри-

мени размѣровъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ, онъ свыше всякихъ ожиданій расширилъ кругъ политическихъ связей и вліянія Великобританіи. Но главная его заслуга заключалась въ томъ, что, освятивъ договоромъ результаты серьезной революціи,—онъ нанесъ чувствительный ударъ Священному Союзу; и этотъ ударъ не являлся послѣднимъ.

§ 4. Можно спросить себя, почему Кэннингъ, съ 1822 г. рѣшившій признать независимость новыхъ американскихъ государствъ, почти три года медлилъ съ исполненіемъ своего плана. Дѣло въ томъ, что вначалѣ, т.-е. вплоть до конца 1824 г., этотъ благоразумный и осторожный политикъ могъ бояться, что русскій императоръ послѣдуетъ его примѣру и, воспользовавшись его вмѣшательствомъ въ дѣла Новаго Свѣта, самъ вмѣшается въ греческую смуту и такимъ образомъ пріобрѣтетъ преобладающее вліяніе на Востокѣ. Но съ конца 1824 года онъ этого болѣе не боялся; въ этотъ промежутокъ времени,—благодаря ряду дѣйствій болѣе искусныхъ, чѣмъ прямодушныхъ,—онъ получилъ возможность эксплоатировать въ своихъ интересахъ революціонныя движенія не только въ Америкѣ, но и на Востокѣ, гдѣ онъ сдѣлался хозяиномъ положенія. Двойственная политика, которой держался въ греко-турецкомъ вопросѣ Кэннингъ, заслуживаетъ нѣсколько болѣе подробнаго изложенія. Этотъ министръ, какъ Кастльри и Питтъ, въ теченіе всей своей жизни горячо стоялъ за сохраненіе оттоманской имперіи. Поэтому, онъ постоянно старался изобразить Англію, въ глазахъ Порты, естественною союзницею противъ Россіи. Съ другой стороны, этотъ геніальный оппортунистъ вынужденъ былъ нѣсколько измѣнить то отношеніе Великобританіи къ греческому возстанію, котораго считалъ необходимымъ держаться его предшественникъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ видѣлъ, начиная съ конца 1822 г., что греки, еще недавно находившіеся въ совершенной крайности, восторжествовали надъ Драмали и такимъ образомъ еще разъ доказали свой героизмъ и жизненность, воодушевлявшіе всю Европу и предвѣщавшіе близкую побѣду. Такъ

таніи; отмѣна дифференціальныхъ пошлинъ; взаимность въ вопросахъ мореплаванія. Благодаря Гучиссону были отмѣнены пошлины на соль, кофе, табакъ, пряности; сравнены были въ торговомъ отношеніи права Ирландіи и Англіи; установлена была подвижная скала пошлинъ на хлѣбъ; вмѣсто многихъ запрещеній введены были пошлины; наконецъ, англійскимъ колоніямъ, которыя до сихъ поръ могли торговать только съ Англіей, было даровано право непосредственной торговли съ колоніями другихъ державъ.

какъ, несмотря на очевидную слабость и явную анархію, этотъ маленькій народъ все еще сопротивлялся, то это доказывало, что онъ достоинъ свободы и можетъ ее пріобрѣсти. Если же, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ побѣдить, то нельзя было допустить, чтобы онъ считалъ себя обязаннымъ своимъ успѣхомъ—державѣ, соперничавшей съ Англіей. Эта послѣдняя, изъ-за своихъ собственныхъ выгодъ должна была, при наступленіи рѣшительнаго момента, взять на себя руководство движеніемъ: во-первыхъ, для того, чтобы отнять его у Россіи, а во-вторыхъ—для того, чтобы предотвратить паденіе турецкой имперіи и обезпечить англійскіе интересы.

Такая перемѣна политики была неизбѣжна для парламентскаго министра, обязаннаго считаться не только съ палатой, но и съ общественнымъ мнѣніемъ. Греческій вопросъ, который англичане сначала игнорировали и осмѣивали, начиналъ становиться популярнымъ. Да и англійскіе капиталисты, уже въ началѣ 1823 г., начали усматривать, что Англія можетъ извлечь и выгоду, и славу изъ своевременно оказанной Греціи поддержки, способной обезпечить этому новому государству независимость и благосостояніе. Они полагали (и Кэннингъ вмѣстѣ съ ними), что если они не рискнутъ своими капиталами, то французскіе банкиры окажутся, быть можетъ, менѣе трусливыми. Дѣйствительно, греческое дѣло, поддержанное сначала Ришелье и оставленное затѣмъ на произволъ судьбы Виллелемъ, въ первое время его министерской карьеры въ 1823 г.,—возбуждало теперь необыкновенное сочувствіе во Франціи. Повсюду организовывались комитеты для того, чтобы посылкой денегъ, оружія, провіанта и волонтеровъ помогать борцамъ за древнюю христіанскую Грецію, знамя которой объединяло всѣ партіи. Крайніе роялисты и либералы съ равнымъ энтузіазмомъ привѣтствовали возрожденіе націи, располагавшей къ себѣ однихъ—религіознымъ чувствомъ, а другихъ—революціоннымъ порывомъ. Послѣ Веронскаго конгресса, посланникъ Метаксаса, Журдэнъ, пріѣхалъ въ Парижъ для того, чтобы заключить заемъ отъ имени греческаго правительства. Англичане сочли нужнымъ перетянуть это предпріятіе на свою сторону. Дѣло въ томъ, что до Кэннинга начинали доходить слухи о намѣреніи французскихъ филэллиновъ предложить инсургентамъ въ качествѣ короля—принца французскаго происхожденія, напримѣръ, сына герцога Орлеанскаго [1]). Англія

[1]) Дѣло шло о герцогѣ Немурскомъ, кандидатура котораго была предложена, въ серединѣ 1824 г., самому Маврокордато докторомъ Витали, агентомъ герцога Орлеан-

не могла оставаться безучастной. Этимъ и объясняется поворотъ въ ея политикѣ.

Если Кэннингъ, во время Веронскаго конгресса и немного позже, съ такою сдержанностью относился къ греческому вопросу, то это происходило потому, что онъ не желалъ, чтобы судьба этого народа, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, была разрѣшена Священнымъ Союзомъ. Притомъ, занятая испанскими дѣлами, Англія не была настолько свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы подвергать себя новымъ затрудненіямъ на Востокѣ. Но, въ первыхъ мѣсяцахъ 1823 г., Кэннингъ явно перемѣнилъ свое отношеніе къ инсургентамъ. Губернаторъ Іоническихъ острововъ, еще недавно встрѣчавшій ихъ пушечными выстрѣлами, сталъ почти открыто оказывать имъ поддержку [1]). Стали устанавливаться все болѣе тѣсныя и частыя сношенія агентовъ англійскаго правительства съ нѣкоторыми вождями греческой революціи; въ частности—съ выдающимся дипломатомъ, Маврокордато, который былъ убѣжденъ, что его страна своимъ спасеніемъ будетъ обязана Англіи [2]). Блокада, установленная греческимъ правительствомъ въ различныхъ пунктахъ греческаго и турецкаго побережья, была признана de facto британскимъ кабинетомъ.

скаго. Немного позже (апрѣль 1825 г.) кандидатура его была поддержана также генераломъ Рошемъ, котораго послало въ Навплію Благотворительное общество для помощи грекамъ. Полковникъ Фабвье, которому греки поручили важный постъ также занялся этимъ вопросомъ совмѣстно съ своимъ корреспондентомъ, Себастіани, довѣреннымъ герцога Орлеанскаго. Я нашелъ подтвержденія этому въ его бумагахъ, до сихъ поръ неизданныхъ, но сообщенныхъ мнѣ его семьей.

[1]) Въ началѣ 1823 г. Мэтлэндъ, губернаторъ Іоническихъ острововъ, вошелъ съ начальниками инсургентовъ въ Мореѣ въ переговоры, которые могли подать имъ надежду на посредничество Англіи; въ мартѣ, англійское правительство признало de facto блокаду, объявленную греческимъ флотомъ. Оно открыто покровительствовало инсургентамъ и не противодѣйствовало филэллинскимъ комитетамъ.

[2]) Маврокордато (Александръ) родился въ 1791 г. въ Фанарѣ, въ Константинополѣ; происходилъ изъ древняго, славнаго и вліятельнаго греческаго рода; былъ секретаремъ своего дяди, Ивана Карадіа, валахскаго господаря (1812); глава возстанія въ западной Греціи (1821 г.); членъ національнаго собранія, гдѣ провелъ Эпидаврскую конституцію; затѣмъ начальникъ исполнительнаго совѣта (13 января 1822 г.): защитникъ Миссолонги (1822—1823 г.); секретарь исполнительной власти, затѣмъ въ отставкѣ; въ оппозиціи съ Колокотронисомъ; очень вліятеленъ въ 1824—1825 г., благодаря своимъ личнымъ дипломатическимъ связямъ и уваженію, которымъ пользовался въ Англіи; посланъ на Критъ въ правленіе Каподистріа; министръ финансовъ въ началѣ царствованія Оттона (1832 г.); затѣмъ представитель Греціи въ Мюнхенѣ, Берлинѣ, Лондонѣ; президентъ палаты депутатовъ послѣ революціи 1843 г.; президентъ совѣта министровъ (24 марта 1844 г.); полномочный министръ въ Парижѣ (1848 г.); снова приглашенъ на постъ президента совѣта (1854 г.); въ отставкѣ (1856 г.); умеръ въ Эгинѣ въ 1865 году.

Министерство Ливерпуля позволяло организовываться и открыто дѣйствовать въ Эдинбургѣ, Лондонѣ и другихъ мѣстахъ вліятельнымъ комитетамъ, которые тратили громадныя средства на поддержку греческаго возстанія. Оно позволило полковнику Шангопу отправиться въ Миссолонги; немного позднѣе оно разрѣшило лорду Байрону жить на островѣ Корфу (іюль 1823 г.) и тамъ, на свободѣ, организовать экспедицію, съ которою онъ и отправился, въ январѣ 1824 г., въ этотъ же городъ. Въ это же время въ Лондонѣ былъ заключенъ первый заемъ въ 800.000 фунтовъ стерлинговъ для Греціи, которая уже привыкала относиться къ Англіи, какъ къ единственной державѣ, расположенной оказать ей серьезную помощь. Греки, безъ сомнѣнія, преувеличивали дѣйствительное расположеніе къ нимъ британскаго правительства. Тѣмъ не менѣе справедливо, что,—благодаря помощи съ запада, всю честь которой они приписывали британскому правительству,—они продолжали успѣшно бороться съ своими притѣснителями, несмотря на разногласія, доходившія по временамъ до междоусобной войны [1]), а также, что они не возлагали болѣе надеждъ на Россію. Что же думалъ предпринять императоръ Александръ I? Дѣйствительно отрекся ли онъ отъ греческой націи, надежды которой онъ нѣкогда такъ горячо поддерживалъ? Конечно, нѣтъ. Но увеличивающаяся съ годами нерѣшительность, боязнь принести въ жертву дорогому для него дѣлу существованіе Священнаго Союза, ужасъ предъ Революціей и заблужденія, постоянно поддерживаемыя двусмысленной политикой Австріи,—все это мѣшало ему до самой смерти принять окончательное рѣшеніе.

На Веронскомъ конгрессѣ, царь желалъ, не торопясь и по своему усмотрѣнію, разрѣшить испанскій вопросъ и подготовить, на досугѣ, столько разъ откладываемое осуществленіе своихъ плановъ относительно Востока. Онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Каподистріа, который, удалившись въ Женеву, посылалъ ему оттуда свои совѣты и постоянно поддерживалъ его враждебное отношеніе къ Турціи. Но царь считалъ необходимымъ выждать. Въ самомъ дѣлѣ, за время испанской экспедиціи, онъ старательно медлилъ заключеніемъ съ Портой того соглашенія, которое совсѣмъ, было, подготовили русскія ноты 26 сентября, 9 и 27 ноября 1822 г.. Переговоры относительно отдѣльныхъ притязаній Россіи продолжались еще болѣе года, не-

[1]) Именно въ 1824 г., когда Колокотронисъ возсталъ противъ законнаго правительства, руководимаго Кондуріотисомъ.

смотря на всѣ усилія Австріи и Англіи привести ихъ, возможно скорѣе, къ благополучному окончанію. Тактика этихъ двухъ державъ сводилась въ это время къ тому, чтобы быстро добиться возвращенія русскаго посольства въ Константинополь; онѣ полагали, что, благодаря такому примиренію съ Портой, царь окажется въ положеніи лица, публично отрекшагося отъ своей прежней политики и, такимъ образомъ, потеряетъ послѣдніе остатки своего вліянія на грековъ. Но императоръ Александръ I, понимавшій этотъ планъ, былъ очень мало расположенъ къ тому, чтобы доставить имъ подобное удовольствіе. Для сохраненія своего вліянія въ Греціи, онъ настаивалъ на томъ, чтобы возвращенію его посланника въ Константинополь предшествовало окончательное разрѣшеніе Восточнаго вопроса. Но этого-то именно и не желали вѣнскій и лондонскій дворы. Что же касается Турціи, то, хотя она и понимала, какія выгоды она получитъ отъ возвращенія русскаго посольства, однако она все-таки сознавала, что вслѣдъ за этой уступкой царь непремѣнно снова подниметъ наболѣвшій вопросъ о замиреніи [1]); поэтому, она выказывала очень мало готовности покончить съ петербургскимъ кабинетомъ переговоры по частнымъ вопросамъ. Только въ концѣ февраля 1823 г. она сообщила царю о назначеніи новыхъ господарей Молдавіи и Валахіи; и только въ концѣ этого года она согласилась дать царю то удовлетвореніе по вопросу о торговлѣ, котораго онъ столько времени уже добивался [2]). Впрочемъ, постоянно задерживая эвакуацію княжествъ, на которой такъ настаивала Россія,—и султанъ также медлилъ съ окончательнымъ примиреніемъ; въ глубинѣ души, онъ не желалъ таковаго еще больше, чѣмъ его противникъ.

Однако, какъ только кончилась испанская война, императоръ Александръ I опять взялся за дѣло европейскаго соглашенія объ умиротвореніи Греціи; онъ даже выразилъ желаніе видѣть лично австрійскаго императора для того, чтобы обсудить съ нимъ свой планъ дѣйствій; и вотъ, оба государя встрѣтились въ Черновицахъ (октябрь 1823 г.), между тѣмъ какъ Нессельроде отпра-

---

[1]) Т.-е., за греческій вопросъ.

[2]) Царь требовалъ, въ частности, или сохраненія выгоднаго для русскаго флага на Черномъ морѣ права симуляціи, или свободы для различныхъ государствъ торговать подъ своими собственными флагами. Царь протестовалъ также противъ нѣкоторыхъ запрещеній и ограниченій, отъ которыхъ, по винѣ турецкаго правительства, очень страдала русская торговля и возобновленіе которыхъ въ февралѣ 1824 г. было для нея особенно чувствительно.

вился для переговоровъ о томъ же самомъ дѣлѣ въ Львовъ къ больному, въ этотъ моментъ, Меттерниху.

На этихъ двухъ свиданіяхъ было условлено, что Австрія и Англія приложатъ въ Константинополѣ всѣ усилія для предотвращенія русско-турецкой войны, и что, съ другой стороны, пять великихъ державъ будутъ приглашены въ С.-Петербургъ на конференцію для выработки мѣръ возстановленія мира на Востокѣ. Этотъ проектъ прикрывалъ собою новыя козни Меттерниха. Этотъ министръ относился къ царю, какъ къ большому ребенку, котораго можно, будто бы, усыпить потворствомъ. Трудно выиграть что-нибудь, думалъ онъ, открыто противодѣйствуя его капризамъ. Напротивъ, болѣе вѣрнымъ средствомъ будетъ—дѣлать видъ, что соглашаешься съ нимъ. Сблизившись съ нимъ, можно будетъ тѣмъ легче противодѣйствовать его замысламъ подъ личиной притворной помощи. Самое существенное—теперь, какъ и раньше—заключалось въ томъ, чтобы развлекать его обѣщаніями и такимъ образомъ заставить его потерять время. Въ то же самое время вѣнскій дворъ втайнѣ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы заставить султана призвать на помощь противъ грековъ египетскаго пашу Мегемета-Али [1]), силъ котораго, казалось, было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы въ одну кампанію подавить возстаніе. Махмудъ, несмотря на нежеланіе просить помощи и подчиниться условіямъ вассала, могущество и надменность котораго начинали уже безпокоить его, все-таки покорился очевидной необходимости. Турецко-египетское соглашеніе было заключено въ началѣ 1824 г.. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ греческая революція должна была быть, безъ сомнѣнія, подавлена безвозвратно; Меттернихъ, къ тому же, разсчитывалъ, что открытіе конференціи замедлится вслѣдствіе противодѣйствія Англіи и что, разъ начавшись, она затянется на неопредѣленное время благодаря усиліямъ этой державы, на которую онъ, сверхъ того, втайнѣ предполагалъ свалить отвѣтственность за неудачу русской поли-

[1]) Мегеметъ-Али (по арабски Могаммедъ-Али) родился въ 1769 г. въ Кавалѣ (Румелія), съ раннихъ лѣтъ сирота, воспитанъ губернаторомъ Кавалы, на дочери котораго женился; долгое время торговецъ табакомъ, затѣмъ офицеръ въ албанскомъ корпусѣ, посланномъ Портой въ Египетъ (1799 г.); губернаторъ Каира (1806 г.); укрѣпилъ свою власть избіеніемъ мамелюковъ (1811 г.); облеченъ губернаторской властью въ Верхнемъ Египтѣ; утвердился на этомъ посту побѣдами въ Аравіи (1812—1818) въ Нубіи, Кордофанѣ, Сеннаарѣ и т. д; преобразователь Египта; затѣмъ паша Кандіи (1824 г.), въ отплату за помощь, оказанную имъ Махмуду (1824—1828 г.) противъ грековъ; побѣдитель въ Сиріи (1831—1832 г.); успѣшныя дѣйствія его остановлены въ 1833 и 1841 г. великими европейскими державами; сошелъ съ ума въ 1847 г.; умеръ въ 1849 г.

тики, неудачу, — подготовленную, въ сущности, имъ самимъ. Греки, думалъ онъ, тѣмъ временемъ будутъ раздавлены; вопросъ о греческой автономiи сдѣлается празднымъ, и комедiя будетъ сыграна.

Англiя, казалось, начала играть въ руку канцлера, когда она потребовала, чтобы, предъ открытiемъ конференцiи, Россiя сообщила свой проектъ преобразованiя Грецiи. Это предложенiе скрывало въ себѣ западню, которой царь не съумѣлъ избѣжать. Въ секретной нотѣ, отправленной въ январѣ 1824 г. и получившей, спустя нѣсколько мѣсяцевъ,—неизвѣстно какимъ образомъ—очень непрiятную для царя гласность, императоръ Александръ I объявлялъ, что, по его мнѣнiю, возмутившаяся страна должна быть раздѣлена на 3 части (Грецiя западная, Грецiя восточная и Морея), изъ которыхъ каждая должна превратиться въ вассальное, по отношенiю къ Турцiи, княжество, приблизительно на такихъ условiяхъ, какъ Молдавiя и Валахiя. Такое предложенiе должно было, очевидно, въ одно и то же время привести въ гнѣвъ и султана, который все еще требовалъ отъ своихъ мятежныхъ подданныхъ полнаго подчиненiя,—и греческiй народъ, который съ негодованiемъ отвергалъ всякую мысль о раздробленiи или о вассальной зависимости. Такимъ образомъ, русское правительство разоблачило свои эгоистическiе планы. Изъ этой программы явствовало, что его цѣлью было нанести ударъ оттоманской имперiи или даже совершенно уничтожить ее, но, въ то же время, не допустить образованiя на Балканскомъ полуостровѣ государства настолько свободнаго и сильнаго, чтобы оно могло существовать самостоятельно и обходиться безъ московско-славянской помощи. Можно себѣ представить, какую громадную выгоду извлекли изъ этого документа англiйскiе дипломаты и въ Навплiи [1]), и въ Константинополѣ.

Посылка русской ноты не слишкомъ подвинула впередъ вопросъ о конференцiи. Австрiя и Англiя продолжали утверждать, что открытiю дипломатическихъ совѣщанiй должно предшествовать возвращенiе русской миссiи въ Константинополь. Порта же тянула съ эвакуацiей княжествъ и безъ конца отписывалась отъ русскихъ требованiй. Въ маѣ, однако, она собралась, наконецъ, дать императору Александру I нѣкоторое удовлетворенiе [2]). Государь объявилъ тогда, что онъ готовъ назначить посланника

---

[1]) Этотъ городъ, съ 1823 г., служилъ мѣстомъ пребыванiя греческаго правительства.

[2]) Дѣло шло объ удаленiи со службы бешли-агъ, начальниковъ военной полицiи на службѣ господарей. Эта полицiя, вопреки договорамъ, находилась въ то время подъ командой турецкихъ офицеровъ.

(іюнь); затѣмъ, полагая, что всѣ необходимыя уступки сдѣланы, онъ объявилъ конференцію открытой и, для начала, потребовалъ, чтобы пять державъ предложили Портѣ и Греціи перемиріе и свое коллективное посредничество. Но это предложеніе было принято только ad referendum; посланники заявили, что имъ необходимо получить инструкціи отъ своихъ дворовъ. Царь понялъ, что они хотятъ затянуть дѣло и что онъ не добьется отъ нихъ ничего, пока не согласится на новыя уступки. 28 августа онъ офиціальною нотой объявилъ державамъ о назначеніи Рибопьера [1]) русскимъ посломъ въ Турціи. Но, съ другой стороны,— вѣрный своей нерѣшительности,—онъ отложилъ до новаго распоряженія отъѣздъ этого дипломата.

Императоръ Александръ Павловичъ надѣялся, что эта полууступка доставитъ ему хоть немного болѣе расположенія со стороны Австріи и Англіи. Онъ съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ разрѣшенія на конференціи Восточнаго вопроса, — что Греція, казалось, находилась уже на краю гибели. Ибрагимъ-паша [2]), сынъ Мегемета-Али, отправился изъ Египта съ огромнымъ флотомъ и арміей. Со дня на день ожидали его высадки въ Мореѣ. Несчастная страна, раздираемая междоусобной войной партій, казалось, не была въ состояніи долго сопротивляться ему [3]). Поэтому, греческое государство обратилось съ мольбой къ тѣмъ болѣе крупнымъ державамъ, которыя, какъ оно думало, расположены были помочь ему не за слишкомъ дорогую цѣну. Такими державами, по мнѣнію грековъ, являлись Франція и Англія. Кандидатура герцога Немурскаго на греческій престолъ становилась все болѣе и болѣе популярною. Этого было достаточно для того, чтобы Кэннингъ еще болѣе рѣшительно измѣнилъ свою

[1]) Рибопьеръ (Александръ) родился 21 апрѣля 1783 г., во французской семьѣ, эмигрировавшей вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта; адъютантъ императора Павла I; исполнялъ разныя дипломатическія порученія (1806—1807 г.); главный директоръ банковъ русской имперіи; посолъ въ Константинополѣ (1824—1827 г. и 1829—1836 г.); посолъ въ Берлинѣ (1831—1832 г.); членъ государственнаго совѣта и оберъ-мундшенкъ; умеръ въ Петербургѣ 5 іюня 1865 года.

[2]) Родился въ Кавалѣ (Румелія) въ 1792 г.; побѣдитель Вагабитовъ (1816—1818 г.); назначенъ пашой въ Мекку (1818 г.); послѣ удачныхъ кампаній въ Сеннарѣ, Дарфурѣ и Кордофанѣ, посланъ въ Грецію (1825 г.); посланъ своимъ отцомъ для завоеванія Сиріи (1831—1832 г.); остановленъ договоромъ въ Кутайѣ (1833 г.); губернаторъ Сиріи; опять побѣждаетъ турокъ при Незибѣ (1839 г.); вынужденъ оставить Сирію (1840—1841 г.); умеръ въ Каирѣ въ 1848 г.

[3]) Новое возстаніе, во главѣ котораго стоялъ Колокотронисъ, поднялось противъ законнаго правительства въ октябрѣ и ноябрѣ 1824 г.; оно заливало Пелопонесъ потоками крови вплоть до января 1825 г.

политику и еще болѣе открыто сталъ дѣйствовать въ пользу грековъ. Русскiй проектъ о раздѣленiи Грецiи на три части былъ оглашенъ въ iюнѣ 1824 г.; греческое правительство сочло своею обязанностью выступить противъ него съ энергичнымъ протестомъ, препровожденнымъ въ августѣ мѣсяцѣ прежде всего лондонскому кабинету. Глава Foreign Office'а не только очень благосклонно принялъ эту ноту, но еще и отвѣтилъ на нее офицiально (въ ноябрѣ); въ своемъ отвѣтѣ, не компрометируя себя и не принимая никакихъ обязательствъ, могущихъ повредить добрымъ отношенiямъ Англiи и Порты, —онъ, тѣмъ не менѣе, давалъ понять, что Англiя не покинетъ грековъ въ тотъ моментъ, когда ея посредничество будетъ имъ совершенно необходимо. Впрочемъ, самый фактъ открытыхъ сношенiй съ греческимъ правительствомъ былъ уже равносиленъ признанiю его въ качествѣ воюющей стороны, а этого еще не сдѣлалъ ни одинъ дворъ. Въ то же время англiйскiй министръ извѣстилъ русскiй кабинетъ, что его родственникъ, Стратфордъ-Кэннингъ [1]), назначенный участвовать въ петербургской конференцiи и до сихъ поръ откладывавшiй свой отъѣздъ, отправится въ эту столицу; но Кэннингъ прибавлялъ, что онъ не будетъ присутствовать на вышеупомянутой конференцiи по греческому вопросу и ограничится участiемъ въ переговорахъ о незначительномъ спорѣ, касающемся Сѣверной Америки. Я убѣдился, писалъ онъ, какъ въ Навплiи, такъ и въ Константинополѣ, что вслѣдствiе предложеннаго царемъ проекта примиренiя, коллективное посредничество державъ будетъ энергично отклонено и Грецiей, и Турцiей; въ концѣ концовъ, пришлось бы силой заставить воюющiя стороны принять русскiй проектъ; Англiя не согласна на это; поэтому, она будетъ держаться въ сторонѣ и, во всемъ что касается Восточнаго вопроса, сохранитъ за собой свободу дѣйствiй.

§ 5. Узнавъ (декабрь 1824 г.) о томъ, что Англiя отказываетъ ему въ содѣйствiи и такимъ образомъ дѣлаетъ неосуществимыми его планы, — царь проявилъ сначала сильное негодо-

---

[1]) Стратфордъ-Кэннингъ (виконтъ Стратфордъ Радклиффъ съ 1832 г.); двоюродный братъ Георга Кэннинга, родился въ 1788 г.; секретарь посольства въ 1809 г. въ Константинополѣ; полномочный министръ въ Швейцарiи (1814 г.); представитель Англiи на вѣнскомъ конгрессѣ; полномочный министръ въ Соединенныхъ Штатахъ (1820—1823 г.); посланъ съ порученiемъ въ С.-Петербургъ (1824 г.); посланникъ въ Константинополѣ съ 1825 по 1828 г. и съ 1841 по 1857 г.; кавалеръ ордена подвязки (ноябрь 1869 г.); авторъ замѣчательныхъ сочиненiй и рѣчей о событiяхъ на Востокѣ (1875—1878 г.); умеръ 14 августа 1880 г.

ванiе. Онъ объявилъ, что не будетъ болѣе входить съ лондонскимъ дворомъ въ сношенія по греческимъ дѣламъ, и сталъ держать почти что въ карантинѣ Стратфордъ-Кэннинга, вскорѣ послѣ того прибывшаго въ С. Петербургъ (январь 1825 г.). Но если несочувственное отношеніе къ его планамъ со стороны англійскаго кабинета приводило царя въ такое сильное негодованіе, то еще болѣе доставляло оно непріятностей австрійскому императору и его первому министру. Меттернихъ, вѣрный своей тактикѣ, состоявшей въ томъ, чтобы, подъ видомъ помощи, противодѣйствовать царю и разстраивать его планы, отнюдь не ссорясь съ нимъ, — желалъ, чтобы Англія приняла участіе въ переговорахъ; онъ собирался свалить на нее, въ глазахъ Александра I, отвѣтственность за ту неудачу, которою, согласно его замысламъ, должны были кончиться эти переговоры. Такъ какъ эта держава отказывалась явиться на конференцію, то Австріи приходилось высказаться рѣшительно и сказать категоричное нѣтъ. И слѣдовательно, ей, а не кому другому, русскій императоръ долженъ былъ приписать неудачу своихъ плановъ. Безъ сомнѣнія, онъ тѣмъ болѣе былъ бы возмущенъ такимъ поведеніемъ вѣнскаго двора, что послѣдній надавалъ ему обѣщаній и относился, повидимому, съ большимъ сочувствіемъ къ его программѣ. Очевидно, Кэннингъ именно на это разсчитывалъ. Этотъ министръ былъ очень доволенъ тѣмъ, что такимъ образомъ ему удавалось скомпрометировать предъ царемъ Меттерниха, котораго онъ ненавидѣлъ и который ему платилъ тою же монетою. Эти два государственныхъ дѣятеля представляли другъ другу полную противоположность и по характеру, и по наклонностямъ. Канцлеръ безустанно старался погубить своего соперника, выставляя его въ глазахъ Георга IV, Ливерпуля и Веллингтона,—какъ злого генія и бунтовщика, губящаго европейскій миръ. Кэннингъ, со своей стороны, видѣлъ въ Меттернихѣ только плута, только „самаго отъявленнаго мошенника во всемъ цивилизованномъ мірѣ“, —и постоянно говорилъ и писалъ это [1]). Понятно, какое удоудовольствіе доставляла ему возможность не только разстроить его интриги, но и одурачить предъ лицомъ всей Европы, какъ это онъ и сдѣлалъ.

Австрія, въ угоду царю дѣлавшая видъ, что нетерпѣливо

[1]) „Вы знаете, писалъ онъ въ 1825 г. лорду Грэнвиллю, какого я мнѣнія о Меттернихѣ: это самый большой мошенникъ и самый отъявленный лгунъ не только на континентѣ, но пожалуй, и во всемъ цивилизованномъ мірѣ“.—Меттернихъ, со своей стороны, не лучше отзывался о Кэннингѣ въ своихъ письмахъ и пытался его очернить во мнѣніи короля Георга IV.

ждетъ начатія переговоровъ, болѣе не могла противодѣйствовать ихъ открытію. Происходили эти переговоры въ С.-Петербургѣ съ февраля мѣсяца по апрѣль 1825 г.. Но съ самаго начала они показали всю свою безплодность. При открытіи ихъ, Россія подала мысль, прежде всего, потребовать заключенія перемирія между Турціей и Греціей,—предложить имъ коллективное посредничество и, въ случаѣ отказа, примѣнить по отношенію къ нимъ „принудительныя мѣры". Это равнялось тому, чтобы предложить Священному Союзу вмѣшаться manu militari въ дѣла Балканскаго полуострова, какъ онъ въ свое время дѣлалъ это въ Италіи и Испаніи; только, на этотъ разъ исполнителемъ его предписаній явился бы, безъ сомнѣнія, русскій императоръ. Какой отвѣтъ дали державы на такое предложеніе? Царь отлично понималъ, что въ данный моментъ Франція, если и примкнетъ къ его планамъ, то безъ особенной поспѣшности. Шатобріанъ, столь сочувственно относившійся къ этимъ планамъ, ужъ нѣсколько мѣсяцевъ не былъ больше министромъ. Виллель же, президентъ совѣта при Карлѣ X и Людовикѣ XVIII, не желалъ ссориться съ Англіей и боялся, вдобавокъ, чтобы, вслѣдствіе разрыва съ Турціей, Франція не потеряла своего значительнаго вліянія на Мегемета-Али, египетскаго пашу [1]). Императоръ Александръ I понималъ, что Виллель не желаетъ себя компрометировать и что онъ выскажется по этому вопросу не раньше, чѣмъ будетъ полученъ отвѣтъ австрійскаго правительства на предложенія русскаго двора. Царь имѣлъ, затѣмъ, полное основаніе предполагать, что берлинскій дворъ, всегда солидарный съ вѣнскимъ, поступитъ такъ же, какъ и этотъ послѣдній. Онъ, поэтому, усиленно желалъ, чтобы императоръ Францъ согласился на его программу. И онъ былъ тѣмъ болѣе раздраженъ отказомъ этого государя, сведшимъ на нѣтъ всѣ его планы. Австрійскій посолъ въ С.-Петербургѣ, Лебцельтернъ, объявилъ отъ имени своего государя, что этотъ послѣдній не согласится на примѣненіе принудительныхъ мѣръ, предложенныхъ царемъ. Такъ какъ русскіе дипломаты настаивали, то австрійскій, не безъ коварства, высказалъ мысль, что принудительныя мѣры могутъ быть допущены

[1]) Этому человѣку въ его молодости покровительствовалъ одинъ марсельскій купецъ. Онъ питалъ всегда расположеніе къ нашей странѣ. Сдѣлавшись властителемъ Египта, онъ, казалось, желалъ преобразовать его, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, по французскому образцу. Онъ всѣми силами покровительствовалъ французской торговлѣ, и большая часть инженеровъ, механиковъ, химиковъ докторовъ, военныхъ и моряковъ, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ страшнымъ могуществомъ, была доставлена ему Франціей.

только въ формѣ офиціальнаго признанія независимости Греціи. Онъ прекрасно понималъ, что императоръ Александръ I не желаетъ такого оборота дѣла. Указаннымъ предложеніемъ, австрійскій дворъ разоблачалъ тайные разсчеты русской дипломатіи и смертельно оскорблялъ русскаго царя. Однимъ словомъ, послѣ шестинедѣльныхъ переговоровъ, благодаря такой политикѣ вѣнскаго двора, конференція пришла, какъ къ результату, къ подписанію (7 апрѣля 1825 г.) безцвѣтнаго и лишеннаго всякаго значенія протокола. Въ силу этого протокола, державы обязывались только: 1) просить Порту добровольно согласиться дать своимъ возмутившимся подданнымъ надлежащее удовлетвореніе; 2) въ случаѣ отказа, предложить ей свое посредничество. Каждая держава должна была, впрочемъ, выступить по отдѣльности; ни о перемиріи, ни о примѣненіи принудительныхъ мѣръ къ той или другой воюющей сторонѣ не было больше и рѣчи. Александръ I, возмущенный такимъ разрѣшеніемъ вопроса, объявилъ, циркуляромъ 16 апрѣля, что онъ намѣренъ предложить непосредственно государямъ, своимъ союзникамъ и друзьямъ, то вмѣшательство въ дѣла Греціи, котораго онъ такъ страстно желалъ и которое оказывалось необходимымъ, съ одной стороны, по чувству человѣчности, а съ другой—въ виду опасности революціоннаго движенія. Но онъ не питалъ особенныхъ надеждъ на успѣхъ подобнаго шага. И дѣйствительно, эта попытка должна была, въ концѣ концовъ, привести, какъ и его программа на конференціи,—къ самой жалкой неудачѣ.

Предложенія четырехъ дворовъ были рѣшительно отвергнуты Портою. Махмудъ—болѣе чѣмъ когда бы то ни было, несговорчивый—отвѣтилъ, что не дастъ своимъ подданнымъ ни вольностей, ни гарантій, вплоть до момента ихъ безусловнаго подчиненія, а также, что онъ никогда не допуститъ вмѣшательства между нимъ и греками—какой бы то ни было изъ иностранныхъ державъ, вмѣстѣ или по отдѣльности. Султанъ въ данный моментъ былъ ободренъ блестящими успѣхами Ибрагима, который, высадившись въ Мореѣ (январь), успѣлъ взять Наваринъ (май 1825 г.), затѣмъ Триполицу и явился ужъ къ воротамъ Навпліи. Меттернихъ, по тѣмъ же причинамъ, пересталъ скрывать свои замыслы. Полагая, что греки окончательно погибли, онъ довольно открыто и очень неблагоразумно сталъ хвастать тѣмъ, что провелъ царя, льстя его самолюбію притворнымъ сочувствіемъ его планамъ,—и утверждалъ, что онъ велъ съ нимъ переговоры лишь для того, чтобы дать ему возможность оправдать передъ русскимъ народомъ свое бездѣйствіе на Востокѣ; короче говоря, онъ объ-

являлъ, что заставилъ царя потерять дорогое и уже невозвратимое время. Онъ довелъ свою дерзость и легкомысліе даже до того, что предложилъ (іюль) этому государю возобновить въ С.-Петербургѣ переговоры. На это царь сухо отвѣчалъ (въ августѣ и сентябрѣ), что они были закрыты, и что онъ ихъ не возобновитъ; что замиреніе Греціи стоитъ теперь у него на второмъ планѣ; что онъ ничего не требуетъ болѣе отъ Европы; что онъ теперь самъ займется своими частными счетами съ Турціей и отомститъ за себя, если эта держава не дастъ ему, наконецъ, законныхъ удовлетвореній, столь давно стоящихъ на очереди. Съ этого момента и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, петербургскій кабинетъ сталъ очень рѣзко возобновлять свои жалобы на неисполненіе обѣщаній Порты относительно княжествъ, гдѣ бешли-аги, турецкіе офицеры, все еще незаконно пользовались властью. Онъ потребовалъ, отъ имени сербовъ, вольностей, обѣщанныхъ имъ Бухарестскимъ трактатомъ, и освобожденія ихъ депутатовъ, находившихся съ 1821 г. въ заключеніи въ Константинополѣ. Угрожающій характеръ этихъ требованій былъ, къ тому же, усиливаемъ все болѣе и болѣе очевиднымъ сосредоточеніемъ русскихъ войскъ по близости Прута, а также и отъѣздомъ императора Александра I въ южныя губерніи (сентябрь).

Казалось, такимъ образомъ, что козни Меттерниха должны были привести, въ ближайшемъ будущемъ, къ той русско-турецкой войнѣ, которой онъ такъ боялся и которую онъ съ такимъ трудомъ предотвращалъ въ теченіе слишкомъ четырехъ лѣтъ. Въ то же самое время, и въ Греціи интриги австрійскаго канцлера, въ своемъ окончательномъ результатѣ, привели его къ серьезной неудачѣ.

Вопреки его ожиданіямъ, греки все еще держались. Въ тотъ моментъ, когда ему слѣдовало нанести послѣдній ударъ,—Ибрагимъ вдругъ остановился. Навплія была пощажена; египетская армія, въ іюлѣ, стала возвращаться къ Триполицѣ и Наварину. Голосъ англійскаго офицера, командора Гамильтона,—безъ сомнѣнія уполномоченнаго своимъ правительствомъ пригрозить вмѣшательствомъ Великобританіи,—произвелъ въ теченіе нѣсколькихъ дней эту неожиданную перемѣну. Кэннингъ разсудилъ, что царь слишкомъ раздраженъ и что греческое дѣло находится въ слишкомъ неблагопріятномъ положеніи; въ виду этого, онъ счелъ нужнымъ открыто высказаться отъ имени Великобританіи. Онъ зналъ, къ тому же, что французская партія волновалась все болѣе и болѣе и что кандидатура герцога Немурскаго въ этотъ моментъ

серьезно обсуждалась [1]) въ Греціи. Однимъ словомъ, онъ поспѣшилъ заговорить и заговорилъ такъ рѣшительно, что Навплія была спасена. Этотъ мастерской ударъ долженъ былъ, въ окончательномъ своемъ результатѣ, обезпечить Англіи преобладающее вліяніе на грековъ. Этотъ небольшой народъ чувствовалъ себя еще въ большой опасности. Столица Греціи была, правда, спасена, но египтяне все еще владѣли почти всей Мореей; Миссолонги были тѣсно осаждены турками. Покровительство великой державы было болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо. Англійскіе агенты создали въ Греціи движеніе, которое привело въ августѣ къ составленію петиціи, обращенной къ лондонскому двору и просившей о томъ, чтобы Англія офиціально приняла грековъ подъ свое покровительство и дала имъ короля. На принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго [2]), долгое время уже находившагося въ Англіи и пользовавшагося тамъ большой популярностью, стали указывать почти открыто, какъ на будущаго главу новаго государства. Искусный Кэннингъ достигъ, такимъ образомъ, своей цѣли. Греція отдавалась ему въ руки. Греческій вопросъ не могъ уже болѣе быть разрѣшеннымъ ни вопреки волѣ Англіи, ни помимо ея. Казалось даже, что онъ долженъ былъ быть разрѣшенъ, въ ближайшемъ будущемъ, ею одною.

Всегда осторожный въ своихъ дѣйствіяхъ, лондонскій дворъ уклонился отъ того, чтобы формально принять обращенную къ нему просьбу. Это значило бы поссориться съ Турціей, чего онъ ни въ какомъ случаѣ не желалъ. Но Англія не оставила грековъ безъ нѣкотораго обнадеживанія. Она дала имъ понять нотой, помѣченной октябремъ, что, если она въ данный моментъ не можетъ внять ихъ зову и измѣнить — какъ по отношенію къ нимъ, такъ и по отношенію къ Турціи—свой благожелательный

[1]) Фабвье съ давнихъ поръ, а генералъ Рошъ съ апрѣля мѣсяца—поддерживали ее изо всѣхъ силъ; въ іюлѣ довольно многочисленное собраніе, гдѣ находились такіе люди, какъ Колеттисъ, Димитрій Ипсиланти, Гурасъ и другіе, приняли эту кандидатуру въ Мегарѣ.

[2]) Леопольдъ I (Георгъ-Христіанъ-Фредерикъ), сынъ короля Франца Саксенъ-Кобургъ-Саальфельдскаго; родился въ Кобургѣ 15 декабря 1790 г.; генералъ русской службы (1808 г.), которую долженъ былъ оставить въ 1810 г. по волѣ Наполеона и къ которой снова вернулся въ 1813 г.; натурализовался въ Англіи (27 марта 1816 г.), женился на принцессѣ Шарлоттѣ, дочери принца Уэльскаго и наслѣдницѣ англійскаго трона (2 мая 1816 г.); овдовѣлъ, не имѣя дѣтей (5 ноября 1817 г.); получилъ отъ лондонской конференціи 1830 г. предложеніе принять греческую корону, но отказался отъ нея; бельгійскій король (1831 г.); женился во второй разъ, 9 августа 1832 г., на принцессѣ Луизѣ Орлеанской, дочери Луи-Филиппа; умеръ въ Лэкенскомъ замкѣ 10 декабря 1865 г.

нейтралитетъ, то она не перестанетъ заботиться о нихъ и не позволитъ ни одной державѣ навязать имъ рѣшеніе, противорѣчащее ихъ интересамъ.

Торжество Кэннинга выяснилось въ еще болѣе полной мѣрѣ въ тотъ моментъ, когда царь, раздраженный интригами Австріи, съ досады, сталъ искать сближенія съ британскимъ правительствомъ [1]) и предложилъ ему принять на себя исключительное посредничество въ греко-турецкомъ вопросѣ. Пруссія, Франція и Австрія сочли своей обязанностью, немного спустя, обратиться къ сентъ-джемсскому кабинету съ аналогичнымъ предложеніемъ. Не желали ли эти державы такимъ образомъ заставить Англію скомпрометировать себя? Въ особенности, не было ли этой скрытой мысли у императора Александра I? Не предполагалъ ли онъ въ ближайшемъ будущемъ вознаградить себя, объявивъ войну туркамъ и завладѣвъ княжествами? Это предположеніе очень вѣроятно. Но Кэннингъ былъ на-сторожѣ; всѣ мѣры предосторожности были имъ приняты. Онъ далъ понять, что, если русскіе перейдутъ Прутъ, то англичане немедленно займутъ Морею и греческіе острова.

Вся Европа находилась въ состояніи напряженнаго ожиданія. Важное и совершенно неожиданное извѣстіе вдругъ измѣнило настроеніе умовъ и общее направленіе европейской политики. 1 декабря 1825 г. императоръ Александръ I, здоровье котораго, несмотря на его еще молодые годы [2]), было разстроено перенесенными неудачами, послѣ непродолжительной болѣзни скончался въ Таганрогѣ. Судя по тѣмъ событіямъ, которыя совершались подъ конецъ его царствованія, и которыхъ онъ не могъ предотвратить, можно было предвидѣть, что Священный Союзъ не долго просуществуетъ послѣ его смерти: уже при его жизни онъ начиналъ распадаться. Впрочемъ, благодаря своему непостоянству и своимъ всегдашнимъ колебаніямъ, Священный Союзъ не далъ ни одного изъ тѣхъ двухъ великихъ результатовъ, которые надѣялся извлечь изъ него императоръ Александръ I. Онъ желалъ, чтобы этотъ союзъ служилъ прочной гарантіей политическаго равновѣсія въ Европѣ, а въ дѣйствительности это равновѣсіе подвергалось въ то время бо́льшей опасности, чѣмъ когда бы то ни было въ другое время. Онъ желалъ, чтобы этотъ союзъ мо-

[1]) Онъ поручилъ г-жѣ Ливенъ, супругѣ своего посла въ Лондонѣ, имѣвшей нѣкоторое вліяніе на Кэннинга, дать ему понять, что искреннее и плодотворное по своимъ результатамъ сближеніе между Англіей и Россіей не представляетъ ничего невозможнаго.

[2]) Ему было всего 48 лѣтъ.

нарховъ доставилъ свободу народамъ, а, въ дѣйствительности, онъ послужилъ только къ ихъ порабощенію. Императоръ Александръ I самъ своимъ властолюбіемъ нарушилъ спокойствіе Европы и самъ сдѣлался проповѣдникомъ реакціи; но онъ настолько слабо сознавалъ это, что еще на смертномъ одрѣ заявлялъ о своей вѣрности духу Священнаго Союза и либеральнымъ [1]) убѣжденіямъ своей молодости.

[1]) Онъ говорилъ даже: „республиканскимъ“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Кэннингъ, Николай I и Греція [1]).

§ 1. Восшествіе на престолъ императора Николая I.—§ 2. Русскій ультиматумъ, посольство Веллингтона и протоколъ 4-го апрѣля.—§ 3. Махмудъ и Аккерманская конвенція.—§ 4. Кэннингъ и португальское престолонаслѣдіе. – § 5. Греческій вопросъ и Лондонскій трактатъ.—§ 6. На другой день послѣ Наварина.—§ 7. Политика Веллингтона.—§ 8. Русско-турецкая война.—§ 9. Происки и неудачи Меттерниха; берлинскій дворъ и зарожденіе Zollverein'a.—§ 10. Лондонская конференція и протоколъ 22-го марта.—§ 11. Адріанопольскій договоръ.—§ 12. Освобожденіе Греціи.—§ 13. Утопія Полиньяка.

(1825—1830).

§ 1. Послѣ смерти Александра I, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, вниманіе Европы было отвлечено отъ Греціи необычайными событіями, происходившими въ Россіи.

[1]) Источники: Balleydier, Histoire de l'empereur Nicolas.—Chateaubriand. Mémoires d'outre-tombe.—Cornewall Lewis, Histoire gouvernementale de l'Angleterre depuis 1770 jusqu'à 1830; — Canitz-Dallwitz (C.-E.-W., баронъ), Denkschriften, t. I.—Deventer (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne.—Fabvier (генералъ), Papiers de famille (inédits);—Gentz (F. de), Dépêches inédites, t. III.—Gervinus, Histoire du XIX siècle, t. XVI, XVII, XVIII;—Gordon, History of the Greek revolution.—Hervé (Ed.), la Crise irlandaise depuis la fin du XVIII siècle.—Hubbard, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. II.—Juchereau de Saint-Denis, Histoire de l'empire ottoman; — Lesur, Annuaire historique, années 1825 — 1830. — Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. IV, V;—Plantet (Eugène), Correspondance des deys d'Alger avec la cour de France (1579—1833).—Saint-René Taillandier, la Serbie.—Schnitlzer, Histoire intime de la Russie.—Soutzo (Al.), Histoire de la révolution grecque.—Stapleton, George Canning and his times. — Thiersch, de l'Etat actuel de la Grèce.—Vaulabelle (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. VII et VIII. — Villèle (графъ), Mémoires.—Viel-Castel (баронъ), Histoire de la Restauration, t. XV — XX. — Wellington, Civil and political correspondence; — id. Speeches in Parliament; — Worms (Emile), l'Allemagne économique ou histoire du Zollverein allemand.

Покойный царь не имѣлъ дѣтей. Но послѣ него осталось три брата, изъ которыхъ старшій, Константинъ [1]), являлся наслѣдникомъ престола. Великій князь Константинъ, не лишенный природнаго ума, былъ человѣкомъ не вполнѣ уравновѣшеннымъ; то—любящій и добрый, а то — жестокій и несдержанный, онъ напоминалъ Павла I, грубаго и мало образованнаго. Разведясь съ своей первой женой, онъ женился на польской графинѣ Грудзинской и счелъ нужнымъ письменно отречься отъ всѣхъ своихъ правъ на императорскій престолъ (1820 — 1822). Но его отреченіе, принятое Александромъ I, оставалось тайной. Даже великій князь Николай Павловичъ [2]), который, по рожденію, долженъ былъ за нимъ вступить на престолъ, не зналъ о существованіи акта, передававшаго ему корону. Когда смерть царя стала извѣстной въ С.-Петербургѣ, ему предъявили этотъ документъ. Но онъ не счелъ возможнымъ воспользоваться отреченіемъ, до того времени остававшимся въ секретѣ, и его первымъ дѣйствіемъ было присягнуть самому и велѣть присягать другимъ — императору Константину (9 декабря). Этотъ послѣдній (онъ уже давно проживалъ въ Варшавѣ въ качествѣ главнокомандующаго польской арміей) провозгласилъ царемъ, наоборотъ, Николая I, который, со своей стороны, отказался принять императорскій титулъ, пока старшій братъ торжественно не повторитъ своего отреченія. Эта борьба великодушій чуть было не имѣла трагической развязки. Въ теченіе уже многихъ лѣтъ и въ Россіи, и въ Польшѣ существовали тайныя общества [3]), революціонныя стремленія которыхъ были до крайности возбуждены въ послѣдніе—столь реакціонные—годы правленія Александра I. Эти

---

[1]) Константинъ Павловичъ, второй сынъ императора Павла I, род. въ 1779 г.; воспитывался, какъ и старшій его братъ, подъ руководствомъ швейцарца Лагарпа; занималъ различные посты въ русской арміи съ 1799 до 1814 г.; военный губернаторъ Польши (1815); оставилъ Варшаву во время возстанія (ноябрь 1830 г.); умеръ отъ холеры 27 іюля 1831 г.

[2]) Третій сынъ Павла I, род. въ Гатчинѣ 7-го іюля 1796 г.; женился 31 іюля 1817 г. на принцессѣ Шарлоттѣ, дочери прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III; русскій императоръ (дек. 1825 г.); умеръ 2 марта 1855 г.

[3]) Пропагандисты, разсѣявшіеся, было, въ 1821 г., не замедлили сплотиться вновь; они имѣли большой успѣхъ въ Южной арміи, благодаря Пестелю, въ западной — благодаря Рылѣеву, Муравьеву, Оболенскому, Тургеневу и другимъ офицерамъ; не малый успѣхъ имѣли они и въ С.-Петербургѣ. Съ другой стороны, въ 1822 г. образовалось „Патріотическое общество“ или „Косари“ въ Польшѣ, во главѣ съ Уминскимъ; въ 1823 г. — „Общество соединенныхъ славянъ“, во главѣ съ Борисовымъ, и др. Эти различныя общества начали сплачиваться въ 1823 и 1824 гг., и обнаруженіе нѣкоторыхъ ихъ происковъ особенно омрачило послѣдніе дни императора Александра I.

общества вербовали себѣ членовъ, главнымъ образомъ, среди русской военной знати, сильно желавшей играть политическую роль; они имѣли многозначительныя связи въ обѣихъ арміяхъ, западной и южной. Ихъ руководители—Пестель, Муравьевъ, Рылѣевъ, Тургеневъ, Уминскій—намѣревались не только возстановить значеніе парламентарнаго режима въ Польшѣ, гдѣ онъ былъ положительно сведенъ на нѣтъ [1]), но и ввести его въ Россіи; нѣкоторые изъ нихъ поговаривали о республикѣ, другіе мечтали о федераціи славянскихъ народовъ. Пользуясь тѣмъ періодомъ времени, когда междуцарствіе, продолжавшееся болѣе трехъ недѣль, парализовало общественныя власти, нѣкоторые изъ нихъ попытались возмутить петербургскій гарнизонъ во имя Константина въ тотъ день, когда великій князь Николай Павловичъ, принявшій, наконецъ, титулъ императора, приказалъ войскамъ принести ему присягу на вѣрность (26 декабря). Но они успѣли склонить къ этому только одинъ полкъ. Новый царь прибылъ на мѣсто бунта и разсѣялъ ихъ картечными выстрѣлами. Черезъ нѣсколько часовъ отъ этой вспышки не осталось и слѣда. Съ другой стороны, и тѣ заговорщики, которые во многихъ мѣстахъ взялись за оружіе на Югѣ, не были болѣе счастливы, чѣмъ петербургскіе. Такимъ образомъ, къ концу января Николай I уже добился всеобщаго признанія и повиновенія въ Имперіи. Энергія, которою были ознаменованы его первые шаги, показала Европѣ, что этотъ государь не будетъ особенно похожъ на своего предшественника и что онъ съумѣетъ и желать, и дѣйствовать. Послѣдующая исторія его царствованія доказала, что это предсказаніе было вполнѣ вѣрно.

Наслѣднику Александра I было тридцать лѣтъ; онъ былъ мало знакомъ дипломатамъ, которые считали его всецѣло погруженнымъ, подобно отцу, въ мелочи казарменной жизни; никто не предполагалъ, что этотъ человѣкъ, въ непродолжительномъ времени, станетъ играть одну изъ первыхъ ролей въ Европѣ. Меттернихъ, бывшій большимъ хитрецомъ,—что не мѣшало ему безпрестанно ошибаться,—держался того убѣжденія, что Николай I посвятитъ всѣ свои заботы реорганизаціи сильно пошатнувшихся финансовъ, распущенной администраціи и нѣсколько ослабленной центральной власти. Это были, конечно, задачи, которыми Николай I не собирался пренебрегать. Онъ относился чрезвычайно ревниво къ своей монаршей власти и былъ достаточно энер-

[1]) Сейму не было оставлено никакой свободы; онъ не собирался съ 1820 по 1825 г.; публичность засѣданій была уничтожена; русскіе были назначаемы въ громадномъ количествѣ въ польскую администрацію.

гиченъ для того, чтобы широко проявлять свое самодержавіе. Необыкновенно отчетливое его мышленіе допускало только одинъ способъ управлять народами, а именно — военное командованіе и устраненіе подданныхъ отъ участія въ верховной власти. Ему были совершенно чужды утопіи и либеральныя увлеченія Александра I. Въ теченіе тридцати лѣтъ революціонныя идеи не имѣли въ Европѣ болѣе рѣшительнаго и грознаго противника, чѣмъ Николай I. Но заботы внутренняго управленія не мѣшали ему помнить, что русскій императоръ долженъ и во-внѣ блюсти и защищать важные интересы своей страны. Восточный вопросъ въ особенности привлекъ его вниманіе съ первыхъ же дней его царствованія и затѣмъ озабочивалъ его до самой смерти. Какъ и Александръ Павловичъ, Николай I мечталъ о томъ, чтобы разрушить турецкую имперію или, по крайней мѣрѣ, ослабить ее настолько, чтобы она была навсегда подчинена его политикѣ. И притомъ, его нельзя было отклонить отъ намѣченной цѣли; въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличался отъ брата. Трудно было и провести этого человѣка. Онъ имѣлъ то большое преимущество передъ профессіональными дипломатами, что онъ умѣлъ не хуже ихъ, при надобности, скрывать свои намѣренія и что, разъ принявъ или объявивъ свое рѣшеніе, онъ послѣдовательно проводилъ таковое, несмотря на всѣ ихъ хитрости.

§ 2. Съ самаго начала своего царствованія, Николай I торжественно заявилъ, что онъ считаетъ себя солидарнымъ съ своимъ предшественникомъ относительно Оттоманской имперіи, а также, что онъ намѣренъ именно продолжать политику Александра. Но онъ прибавлялъ, не безъ остроумія, что онъ не хочетъ повторять съизнова. Этимъ заявленіемъ онъ открыто указывалъ, какою прямою дорогою онъ собирался итти. Я беру, говорилъ онъ, русскую политику въ томъ ея пунктѣ, гдѣ оставилъ ее мой братъ. А братъ, въ моментъ своей смерти, былъ въ ссорѣ съ Турціей и обнаруживалъ намѣреніе разсчитаться съ ней оружіемъ, не спрашиваясь Европы. Поэтому, Николай I началъ съ объявленія о своемъ желаніи кончить дѣло войной съ Портой, если она не уступитъ его требованіямъ. И очень скоро было замѣчено, что онъ не отступитъ,—что угрозы въ его устахъ не будутъ пустыми словами. Поэтому, при разныхъ европейскихъ дворахъ прочитали не безъ ужаса ультиматумъ, который онъ велѣлъ вручить султану черезъ два мѣсяца послѣ восшествія на престолъ (17 марта 1826 г.). Этотъ актъ, въ очень высокомѣрномъ тонѣ, ставилъ турецкому правительству три слѣдующія усло-

вія: 1) княжества Молдавія и Валахія должны быть возстановлены, въ политическомъ, военномъ и гражданскомъ отношеніи, въ томъ видѣ, какъ они существовали до 1821 г.; 2) сербскіе депутаты должны быть отпущены на свободу, а ихъ страна—должна получить учрежденія, обѣщанныя ей по Бухарестскому договору; 3) оттоманскіе послы должны быть присланы на русскую границу для переговоровъ съ представителями царя относительно этого договора и тѣхъ трудностей его толкованія, по поводу которыхъ, уже съ 1816 г., спорили Россія и Турція. Шестинедѣльный срокъ былъ данъ Дивану для принятія этихъ условій. Если, по истеченіи этого времени, Порта будетъ еще упорствовать,—русскій повѣренный въ дѣлахъ покинетъ Константинополь, и „министрамъ Его Высочества легко представить себѣ послѣдствія такого событія".

Что касается грековъ, то новый императоръ ничего о нихъ не говорилъ въ ультиматумѣ. Въ разговорахъ онъ также относился къ нимъ, повидимому, съ полнымъ безразличіемъ. Онъ выражался о нихъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ. Это — говорилъ онъ—мятежники, революціонеры, варвары. Я никогда не пожелаю побѣды народу, возставшему противъ своего монарха, а тѣмъ болѣе не сдѣлаю ничего, чтобы помочь ему въ этомъ.

Однако эти фразы не могли разувѣрить нѣкоторыхъ дипломатовъ и, въ особенности, Кэннинга, очень хорошо знавшаго, что царь, несмотря на всѣ свои заявленія, оказывалъ довѣріе друзьямъ греческаго дѣла и, въ ихъ числѣ, Сперанскому [1]), а также, что онъ находился въ близкой дружбѣ съ Каподистріа (опала котораго была, конечно, только фиктивной). Во всякомъ случаѣ, даже предполагая, что Николай I не станетъ непосредственно поддерживать грековъ, нельзя было не признавать того, что вступленіе русскихъ въ княжества, заставляя турокъ перейти на Дунай, обезпечитъ грекамъ побѣду. Невозможно было не сознавать также и того, что Николай I, если военное счастье ему улыбнется не уклонится, вѣроятно, отъ роли вершителя судебъ всего Балканскаго полуострова, съ одного конца до

[1]) Сперанскій (Михаилъ, графъ), род. во Владимірской губ. въ 1771 г.; профессоръ математики въ С.-Петербургской духовной Академіи (1797); статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта (1801); получилъ отъ Александра I порученіе реорганизовать министерство внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра юстиціи (1808); тайный совѣтникъ (1809); подвергся опалѣ и изгнанію (1812); сибирскій генералъ-губернаторъ (1819); снова призванъ ко двору и назначенъ сенаное Собраніе Законовъ; торомъ (1821); очень вліятеленъ при Николаѣ, поручившемъ ему редактировать Полграфъ—1838 г.; ум. въ 1839 г.

другого. Глава Foreign Office'а имѣлъ, поэтому, твердое намѣреніе воспрепятствовать, во что бы то ни стало, той войнѣ, которую, казалось, собирался вызвать Николай I; кромѣ того, онъ считалъ нужнымъ во всякомъ случаѣ заранѣе связать русскаго императора такимъ соглашеніемъ, которое не позволило бы ему впослѣдствіи единолично и по собственному усмотрѣнію разрѣшить греческій вопросъ.

Конечно, Англія очень хотѣла бы разрѣшить этотъ вопросъ безъ участія остальныхъ державъ, путемъ посредничества между обѣими воюющими сторонами. Кэннингъ, съ одной стороны, боясь Россіи, а съ другой—опасаясь интригъ Франціи и орлеанистовъ (очень дѣятельно работавшихъ въ Греціи въ началѣ 1826 г.), поручилъ своему двоюродному брату, Стратфорду, отправиться на Востокъ и предложить Портѣ и правительству Навпліи планъ примиренія, наиболѣе отвѣчавшій интересамъ лондонскаго кабинета. Эта программа соотвѣтствовала старой политикѣ торіевъ, боявшихся одновременно и ослабленія оттоманской имперіи, и созданія новаго морского государства на Средиземномъ морѣ; согласно ей, Греція, въ составѣ приблизительно Мореи и острововъ,—должна была быть сдѣлана автономнымъ государствомъ, соединеннымъ съ Турціей узами вассальныхъ отношеній. Греки, съ которыми Стратфордъ повидался проѣздомъ, приняли эту программу или, по крайней мѣрѣ, притворились склонными обратиться къ англійскому посредничеству (январь 1826 г.) [1]). Ихъ дѣла въ этотъ моментъ были очень плохи. Ибрагимъ и Решидъ-паша окружали Миссолонги. Геройство этого города, оплота западной Греціи, начинало истощаться [2]). Слабое правительство Навпліи имѣло поэтому больше, чѣмъ когда-нибудь, необходимость поступать съ Англіей осторожно. Наоборотъ, въ Константинополѣ англійскій посолъ не могъ ничего добиться отъ Порты (февраль), сильно возгордившейся вслѣдствіе своихъ успѣховъ и получавшей постоянную поддержку отъ Австріи. Турецкіе министры осыпали Стратфорда - Кэннинга горькими упреками за тѣ шаги, которые онъ только-что сдѣлалъ въ Греціи. Въ сотый разъ повторяли они, что султанъ никогда не допуститъ вмѣшательства третьей державы въ его отношенія къ возмутившимся подданнымъ. Кромѣ того, они показывали меньше, чѣмъ когда-нибудь, расположенія подчиниться требованіямъ Россіи.

[1]) Они, дѣйствительно, обратились къ Англіи офиціально за посредничествомъ въ апрѣлѣ этого года.

[2]) Осада продолжалась до 22 апрѣля; но уже съ начала года никто не сомнѣвался, что городъ будетъ взятъ.

Британскій кабинетъ заранѣе предвидѣлъ это сопротивленіе. Поэтому, продолжая переговоры съ турками, онъ придумалъ средство устрашить одновременно и царя, и султана. Въ февралѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургъ былъ посланъ Веллингтонъ, будто бы для того, чтобы поздравить Николая I съ восшествіемъ на престолъ, а въ дѣйствительности — для того, чтобы договориться съ нимъ о восточныхъ дѣлахъ. Военная слава и консервативныя убѣжденія этого человѣка должны были особенно расположить къ нему русскаго монарха; ему было поручено предложить добрыя услуги Англіи для улаженія спора съ Турціей и просить присоединенія Россіи къ британскому посредничеству между греками и Портой. Что касается перваго пункта, то Николай I категорически отвергъ предложенія почтеннаго лорда. Этотъ споръ касался его, только его одного, и онъ не желалъ, чтобы непрошенный посредникъ лишилъ его тѣхъ выгодъ, которыя онъ надѣялся извлечь изъ столкновенія съ Турціей. Съ тѣмъ большей убѣдительностью Веллингтонъ сталъ, зато, доказывать, что Англія особенно заинтересована въ греческомъ вопросѣ и не допуститъ оставленія его на произволъ судьбы. Онъ далъ очень ясно понять императору, что только подъ этимъ условіемъ Великобританія можетъ обѣщать ему свой нейтралитетъ въ будущемъ столкновеніи съ султаномъ; — что, въ противномъ случаѣ, она сохранитъ за собой полную свободу дѣйствій на Востокѣ. При всей рѣзкости внѣшнихъ пріемовъ, царь былъ не менѣе хитеръ, чѣмъ Кэннингъ. Если Англія боялась, чтобы онъ не разрѣшилъ греческаго вопроса безъ ея содѣйствія, — то и онъ, съ своей стороны, не менѣе опасался, чтобы эта держава сама не уладила греческихъ дѣлъ, не спросивъ его. Но онъ искусно скрывалъ эти опасенія и дѣлалъ видъ, что ему совершенно безразлична судьба этихъ бунтовщиковъ. Благодаря довольно забавной перемѣнѣ ролей, въ этотъ моментъ Россія, вызвавшая греческую революцію, заставляла Англію, нѣкогда столь враждебную этому движенію, упрашивать себя—не оставаться равнодушной къ грекамъ. Въ концѣ концовъ, царь далъ себя убѣдить; и такимъ образомъ въ С.-Петербургѣ было заключено соглашеніе, объявленное затѣмъ Европѣ протоколомъ 4-го апрѣля 1826 г..

Этотъ протоколъ, бывшій первымъ европейскимъ дипломатическимъ актомъ, касавшимся освобожденія Греціи, постановлялъ, что Россія допуститъ посредничество Англіи между греческимъ правительствомъ и Портой; что она будетъ содѣйствовать этому посредничеству по мѣрѣ силъ (сохраняя свободу выбора средствъ);

что эти двѣ державы потребуютъ для Греціи автономіи; что Греція впредь должна будетъ только платить дань Турціи; что она сама будетъ выбирать главу своего правительства, впрочемъ утверждаемаго Портою; что это соглашеніе будетъ сохранять силу, каковы бы ни были отношенія Россіи къ Оттоманской имперіи; что каждая изъ договаривающихся сторонъ заранѣе отказывается отъ всѣхъ территоріальныхъ, финансовыхъ и коммерческихъ преимуществъ, которыя бы не были объявлены общими для всѣхъ европейскихъ государствъ послѣ окончательнаго умиротворенія Греціи; наконецъ, что будущій порядокъ вещей будетъ гарантированъ остальными великими державами, такъ какъ Англія, въ виду особеннаго характера ея учрежденій, не можетъ взять на себя подобной обязанности.

Кэннингъ былъ весьма обрадованъ заключенію этого протокола: онъ думалъ, что этимъ онъ подчинялъ царя своей политикѣ. Кромѣ того, онъ былъ убѣжденъ, что Россія впредь совершенно отдѣлится отъ Австріи, что̀ также было, въ его глазахъ, не малой выгодой.

§ 3. Актъ 4-го апрѣля былъ подписанъ въ величайшей тайнѣ. Правда, царь не могъ удержаться отъ того, чтобы вскорѣ затѣмъ не разгласить его; но много еще мѣсяцевъ должно было пройти раньше, чѣмъ обѣ договаривающіяся стороны рѣшили оффиціально извѣстить о немъ Европу. Не слѣдовало, разоблачая преждевременно этотъ договоръ или, во всякомъ случаѣ, выдавая его за окончательный,—ожесточать Порту, которая, не имѣя что̀ терять, легко могла затѣмъ отказаться отъ всякихъ переговоровъ съ Россіей и, съ отчаянія, попытать счастья въ войнѣ. Удобнѣе было представить его сначала турецкимъ министрамъ лишь какъ набросокъ, какъ неопредѣленную угрозу, какъ средство устрашенія. Нужно было дать понять Портѣ, что если бы она дошла до войны съ царемъ, то ей нечего было бы разсчитывать на содѣйствіе Англіи; слѣдовало внушить ей надежду, что, уступая Россіи, она могла только выиграть въ греческомъ вопросѣ. Меттернихъ, или плохо освѣдомившись о томъ, что̀ произошло въ С.-Петербургѣ, или просто не придавая этому большого значенія, держался самъ того мнѣнія, что Турціи нечего будетъ бояться съ того момента, какъ она уладитъ дѣло съ Россіей. Поэтому, желая предотвратить войну, которая могла потрясти не только Балканскій полуостровъ, но и Австрійскую имперію и всю центральную Европу, онъ выдвинулъ на первый

планъ именно приведенный аргументъ, стараясь склонить Порту на принятіе царскаго ультиматума.

Его усилія не остались безплодными: по истеченіи срока, назначеннаго Россіей [1]), рейсъ-эффенди извѣстилъ ея уполномоченнаго, что Его Высочество принимаетъ основанія соглашенія, предложеннаго русскимъ императоромъ (12 мая 1826 г.). Сербскіе депутаты были отпущены на свободу; послѣднія турецкія войска, находившіяся въ Княжествахъ, были отозваны, и Диванъ обѣщалъ послать двухъ полномочныхъ министровъ, чтобы выработать съ представителями царя, Воронцовымъ [2]) и Рибопьеромъ, окончательный договоръ.

Эта поздняя, но полная покорность султана скрывала, конечно, заднія мысли. Махмудъ—монархъ бурныхъ и страстныхъ настроеній—рѣшался уступить на одинъ моментъ для того, чтобы черезъ нѣсколько времени страшно отомстить. Онъ слишкомъ хорошо зналъ русскую настойчивость и потому не сомнѣвался въ томъ, что попытки царя умиротворить Грецію повторятся рано или поздно. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, выиграть время и имѣть возможность, въ виду предстоящей рѣшительной борьбы, реорганизовать свои военныя силы. А потому, принявъ ультиматумъ царя, онъ тотчасъ издалъ декретъ о преобразованіи, по европейскому образцу, янычарской милиціи, прежде столь крѣпкой, а теперь столь испорченной и выродившейся (28 мая 1826 г.). Въ то же время, онъ заранѣе учитывалъ тѣ выгоды, которыя могъ доставить Турціи надвигавшійся въ этотъ моментъ конфликтъ между Россіей и Персіей, всѣми мѣрами стараясь сдѣлать его неизбѣжнымъ для тегеранскаго двора.

Но всѣ эти разсчеты оказались ошибочными. Провозглашенная военная реформа имѣла первымъ результатомъ возстаніе янычаръ, которыхъ пришлось разстрѣливать картечью въ Константинополѣ (15 іюня); корпусъ янычаръ пришлось затѣмъ немедленно уничтожить во всей имперіи. Въ 24 часа эти грубые и недисциплинированные солдаты, составлявшіе, однако, въ общемъ, лучшее войско султана, были разогнаны и уничтожены.

---

[1]) Черезъ ея повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ.

[2]) Воронцовъ (Михаилъ), род. въ Москвѣ въ 1782 г.; занималъ различные посты въ арміи при Александрѣ I съ 1801 по 1814 г.; поставленъ во главѣ русскаго оккупаціоннаго корпуса во Франціи (1815—1818 г.); представитель Россіи на Ахенскомъ конгрессѣ (1818 г.); губернаторъ Бессарабіи и Новороссіи; велъ вмѣстѣ съ Рибопьеромъ переговоры въ Аккерманѣ (1826 г.); преемникъ Меншикова въ Дунайской арміи (1828 г.), главнокомандующій кавказской арміей (1844—1853); князь—за взятіе Дарго (1845 г.); ум. 18 ноября 1856 г.

Султанъ, имѣвшій до той поры плохую армію, оказался совсѣмъ безъ арміи. Онъ, конечно, началъ съ большой энергіей работать надъ созданіемъ новой, но это не могло быть сдѣлано въ одинъ день. Съ другой стороны, хотя война Россіи съ Персіей и вспыхнула, какъ онъ того желалъ (іюль 1826 г.),—но первая изъ этихъ державъ съ самаго начала добилась если не рѣшительныхъ побѣдъ, то, во всякомъ случаѣ, пріобрѣтеній, позволявшихъ ей надѣяться на заключеніе славнаго и выгоднаго мира въ слѣдующемъ году.

Уполномоченные царя, пользуясь временнымъ безсиліемъ турецкаго правительства, могли поэтому показать себя еще болѣе требовательными, чѣмъ они были бы на слѣдующій день послѣ предъявленія ультиматума. Переговоры, происходившіе на русской территоріи, въ Аккерманѣ, и начавшіеся 1-го августа, грозили затянуться, вслѣдствіе невозможности, какъ говорили турецкіе послы, принять ихъ чрезмѣрныя условія. А именно, турки не соглашались, прежде всего, на тѣ громадныя, по ихъ мнѣнію, торговыя привилегіи, которыхъ требовала Россія; затѣмъ они объявляли чрезмѣрнымъ требованіе, выставленное этой державой, относительно сохраненія за ней мѣстностей по берегу Чернаго моря, незаконно захваченныхъ ею со времени Бухарестскаго договора. Въ сентябрѣ, уполномоченные Николая вдругъ заявили, что они ни въ чемъ уступить не могутъ; что всѣ указанныя требованія нужно цѣликомъ или принять, или отвергнуть, и что они прекратятъ совѣщанія, если ихъ предложенія не будутъ приняты до 7-го октября. Турки, лишенные всякой поддержки, должны были подчиниться, и въ тотъ самый день, когда истекалъ срокъ, назначенный русскими,—было, наконецъ, подписано соглашеніе, заключенія коего Александръ I такъ долго, но тщетно добивался.

Аккерманскою конвенціей категорически подтверждались главныя постановленія Бухарестскаго трактата. Точно такъ же подтверждались и привилегіи Молдавіи и Валахіи; при этомъ, онѣ должны были быть, кромѣ того, санкціонированы еще и возобновленіемъ султанскаго хатти-шерифа 1802 г.. Россія соглашалась, впрочемъ, на то, чтобы господари этихъ провинцій выбирались изъ мѣстныхъ бояръ, а не изъ грековъ-фанаріотовъ [1]), какъ это было раньше. Сербія должна была получить,

[1]) Имя, которое давалось имъ по константинопольскому кварталу, населенному съ XV в. выдающимися греческими фамиліями. Среди этихъ-то фамилій султанъ, до начала XIX в., и выбиралъ обыкновенно господарей—въ ущербъ боярамъ, т.-е. наиболѣе знатнымъ людямъ Молдавіи и Валахіи.

не позднѣе какъ черезъ восемнадцать мѣсяцевъ, конституцію, такъ давно ей обѣщанную. Царь же сохранялъ за собой въ Азіи все, что занимали въ этотъ моментъ его войска. Смѣшанная комиссія должна будетъ разобрать жалобы подданныхъ обоихъ договаривающихся государствъ. Порта вознаградитъ русскихъ подданныхъ за всѣ убытки, понесенные ими отъ грабежей варварійскихъ пиратовъ, и въ будущемъ приметъ мѣры противъ этихъ послѣднихъ. Русскіе будутъ имѣть полную свободу торговли въ оттоманскихъ портахъ и моряхъ на совершенно равныхъ основаніяхъ съ турками. Наконецъ, Порта должна будетъ тщательно обсудить указанія русскаго правительства на невыгодное положеніе тѣхъ державъ, которые еще не имѣли права проводить свои торговыя суда въ Черное море.

Одновременно съ главнымъ, было заключено два дополнительныхъ соглашенія. Первое касалось княжествъ Молдавіи и Валахіи. Оно установляло, что господари будутъ впредь выбираться изъ бояръ-уроженцевъ страны, на семилѣтній срокъ, мѣстными Диванами (впрочемъ, требовалось согласіе Порты); кромѣ того, они не будутъ смѣщаемы безъ согласія Россіи; налоги будутъ регулируемы властями страны, по соглашенію съ обѣими договаривающимися державами; „бешли“ будутъ возстановлены въ томъ видѣ, какъ они существовали до 1821 г.; княжества получатъ полную свободу въ торговомъ отношеніи; наконецъ дана будетъ двухлѣтняя отсрочка для уплаты дани, предписанной хатти-шерифомъ 1802 г., и проч., и проч.... Второе же соглашеніе указывало, что турецкое правительство выработаетъ, сообща съ сербскими депутатами, мѣры, необходимыя для того, чтобы обезпечить этой странѣ свободу культа, избраніе главы, независимость администраціи, ... соединеніе различныхъ налоговъ въ одинъ, предоставленіе сербамъ управленія имуществами, принадлежащими мусульманамъ (съ обязательствомъ выплачивать доходъ, получаемый съ нихъ, вмѣстѣ съ данью); свободу торговли, позволеніе сербскимъ купцамъ путешествовать по турецкимъ владѣніямъ съ національными паспортами, учрежденіе госпиталей, школъ, типографій, и, наконецъ, запрещеніе мусульманамъ, не принадлежащимъ къ гарнизонамъ, селиться въ Сербіи.

Изъ этого видно, что, благодаря указаннымъ привилегіямъ, это княжество ставилось почти въ одинаковое положеніе съ Молдавіей и Валахіей.

Аккерманскою конвенціей Кэннингъ помѣшалъ возникновенію войны между Россіей и Портой. Быть можетъ, этотъ результатъ казался ему—въ этотъ моментъ—достаточнымъ. Въ

сущности, онъ смотрѣлъ на протоколъ 4-го апрѣля, какъ на палліативъ: находя его очень удобнымъ для того, чтобы заставить царя считаться съ Англіей при регулированіи греческаго вопроса,—онъ, въ то же время, не желалъ, чтобы Николай I могъ извлечь изъ этого соглашенія личную выгоду, раздѣливъ съ Великобританіей честь разрѣшенія этого наболѣвшаго вопроса. Онъ озаботился, поэтому, чтобы тѣ средства, которыми можно было бы провести протоколъ на практикѣ,—были опредѣлены лишь послѣдующимъ соглашеніемъ. Его намѣреніе, какъ и намѣренія торіевъ, раздѣлявшихъ съ нимъ власть, заключались въ томъ, чтобы, какъ можно дольше, протянуть эти переговоры, предлагая царю лишь палліативныя или вовсе непрактичныя мѣры. Онъ собирался этимъ путемъ выиграть время, разсчитывая, что ему, можетъ быть, удастся отвлечь вниманіе С.-Петербурга и навязать и въ Константинополѣ, и въ Навпліи исключительное свое посредничество. Только въ сентябрѣ мѣсяцѣ сообщилъ онъ русскому кабинету свое предложеніе относительно мѣръ, коими можно было бы привести въ исполненіе протоколъ. Но и въ этотъ моментъ, предвидя, что Порта откажется принять посредничество двухъ державъ,—онъ не указывалъ иной принудительной мѣры, кромѣ отозванія русскаго и англійскаго пословъ,—да и то, подъ условіемъ, чтобы и остальныя великія державы также уполномочили своихъ представителей покинуть Константинополь (онъ хорошо зналъ, что одна держава, во всякомъ случаѣ, откажется сдѣлать это). Если бы этого оказалось недостаточно, то онъ предлагалъ пригрозить объявленіемъ независимости Греціи (прекрасно зная, что царь не легко согласится на такое рѣшеніе).

§ 4. У Кэннинга былъ, впрочемъ, въ это время еще и другой мотивъ, побуждавшій его затягивать разрѣшеніе греческаго вопроса и устранять возникновеніе осложненій на Востокѣ. Дѣло въ томъ, что его вниманіе было обращено, главнымъ образомъ, на Западъ. На Пиренейскомъ полуостровѣ происходили важныя событія, и Англіи невозможно было оставить ихъ безъ вниманія. Вспомнимъ, что съ начала 1825 года она возвратила себѣ въ Португаліи то преобладающее вліяніе, которымъ она тамъ прежде такъ долго пользовалась. Но, со смерти Іоанна VI (10 марта 1826 г.), ей угрожало уничтоженіе этого вліянія. Іоаннъ VI оставилъ послѣ себя двухъ сыновей. Старшій, Донъ Педро, казалось, долженъ былъ наслѣдовать его престолъ. Но съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался императоромъ Бразиліи, многіе порту-

гальцы смотрѣли на него, какъ на измѣнника или, во всякомъ случаѣ, какъ на чужестранца, утверждая при этомъ, что всѣ его права на престолъ тѣмъ самымъ перешли къ его брату Дону Мигуэлю. А этотъ послѣдній, въ качествѣ главы абсолютистской и апостолической партіи, находилъ поддержку со стороны испанскаго короля, Фердинанда VII, которому онъ приходился, къ тому же, племянникомъ. Фердинандъ же, съ своей стороны, царствовалъ только по милости французовъ и подъ защитой ихъ штыковъ. Донъ Мигуэль, пользовавшійся, разумѣется, симпатіями французскихъ ультра-роялистовъ, могъ, слѣдовательно, встрѣтить поддержку и со стороны правительства Карла X. Кромѣ того, онъ могъ разсчитывать также и на поддержку,—въ крайнемъ случаѣ, нравственную,—австрійскаго двора, который уже два года удерживалъ его въ Вѣнѣ, воспитывая въ немъ любовь къ абсолютной монархіи. Этихъ основаній было достаточно для того, чтобы Кэннингъ высказался противъ него и попытался удалить его отъ власти или, въ крайнемъ случаѣ, не дать ему возможности слишкомъ рѣзко проявлять, стоя у кормила власти, личныя симпатіи и антипатіи. Англіи было выгодно, по мнѣнію Кэннинга, пробудить въ Португаліи къ жизни конституціонную партію и взять ее подъ свое покровительство. Эта партія естественно должна была противопоставить Дону Мигуэлю—Дона Педро, тѣмъ болѣе, что Донъ Педро былъ стариннымъ приверженцемъ британскаго правительства. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Кэннингъ допускалъ мысль о соединеніи двухъ коронъ—португальской и бразильской—въ одномъ лицѣ. Онъ былъ слишкомъ хорошимъ англичаниномъ, чтобы желать этого. А потому онъ придумалъ такую политическую комбинацію, которая должна была одновременно предупредить сближеніе какъ двухъ указанныхъ государствъ, такъ и торжество англофобской партіи въ Лиссабонѣ. А именно, онъ намѣревался побудить Дона Педро, очень хорошо понимавшаго, что онъ не можетъ царствовать сразу по обѣ стороны океана [1]),—отречься отъ португальской короны въ пользу своей дочери, юной Донны Маріи, и завѣщать бразильскую корону своему сыну; Донна Марія будетъ выдана замужъ за Дона Мигуэля, личное честолюбіе котораго будетъ такимъ образомъ удовлетворено. А апостолическая партія (т.-е. косвенно Фердинандъ VII и Карлъ X) будетъ отстранена отъ него путемъ введенія въ Португаліи парламентарнаго режима. Въ этомъ направленіи Донъ Педро, подъ вліяніемъ англій-

[1]) Ни португальцы, ни, въ особенности, бразильцы не согласились бы на это.

скаго агента, Чарльза Стюарта, дѣйствительно и попробовалъ повести дѣло съ конца апрѣля и первыхъ чиселъ мая 1826 г.. Бразильскій императоръ началъ съ того, что пожаловалъ Португаліи конституціонную хартію, довольно похожую на хартію Людовика XVIII; затѣмъ онъ отрекся отъ престола въ пользу Донны Маріи, съ тѣмъ условіемъ, что она выйдетъ замужъ за Дона Мигуэля, а этотъ послѣдній—согласится признать конституцію и явится въ Ріо-де-Жанейро за полученіемъ инструкцій отъ своего старшаго брата.

Эту программу было легче составить, чѣмъ осуществить. Инфанта Изабелла [1]), послѣ смерти Іоанна VI сдѣлавшаяся португальской королевой-регентшей, дѣйствительно велѣла провозгласить въ іюлѣ конституцію и сама присягнула на вѣрность ей. Но апостолическая партія, все еще руководимая Амаранте [2]), воспротивилась этому, заявивъ, что Донъ Мигуэль есть законный наслѣдникъ короны, и начавъ возстаніе во имя его правъ. Неоднократно разбитые въ различныхъ сраженіяхъ, они каждый разъ находили себѣ убѣжище на испанской территоріи, гдѣ Фердинандъ VII не только не бралъ ихъ подъ стражу, но даже открыто снабжалъ ихъ средствами для продолженія борьбы. Тщетно протестовала регентша. Фердинандъ отказался принять ея посланника, отвѣтилъ лживыми объясненіями и вообще не далъ никакого удовлетворенія. Тщетны были также усилія англійскаго посла въ Мадридѣ, Чарльза Лэмба, требовавшаго соблюденія началъ международнаго права. Французскій же посолъ, маркизъ де Мустье [3]), болѣе послушный внушеніямъ своихъ друзей ультрароялистовъ, чѣмъ мудрымъ указаніямъ Виллеля, совѣтовавшаго ему дѣйствовать солидарно съ англійскимъ посломъ, втайнѣ поощрялъ предосудительные поступки испанскаго короля по от-

[1]) Изабелла-Марія, третья дочь Іоанна VI, род. 4 іюля 1801 г.; отправлена въ 1807 г. въ Бразилію, откуда вернулась съ отцомъ въ 1821 г.; послѣ его смерти она сдѣлалась португальской регентшей; замѣщенная въ этомъ званіи Дономъ Мигуэлемъ въ 1828 г., она съ тѣхъ поръ не играла больше никакой политической роли.

[2]) Который назывался теперь маркизомъ де Шавъ.

[3]) Мустье (Клементъ-Эдуардъ, маркизъ), род. въ Кобленцѣ 2 янв. 1779 г.; заключенъ въ тюрьму во время террора: солдатъ подъ командою Фроттэ въ Нормандіи (1796); причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ (1800 г.), секретарь посольства, повѣренный въ дѣлахъ въ Дрезденѣ, полномочный министръ при дворѣ великаго герцога баденскаго, затѣмъ—при дворѣ короля вюртембергскаго (1800—1812 г.); полномочный министръ въ Ганноверѣ (1820 г.), потомъ въ Бернѣ; депутатъ города Дубса (1824 г.); завѣдующій политическимъ отдѣломъ министерства иностранныхъ дѣлъ; посолъ въ Швейцаріи, затѣмъ (1825 г.) въ Испаніи; отозванъ въ 1826 г.; ум. въ Парижѣ 5-го янв. 1830 г.

ношенію къ Изабеллѣ. Фердинандъ, дрожавшій отъ страха при одной мысли, что конституціонная зараза проникнетъ въ его владѣнія, держалъ себя по отношенію къ Португаліи почти такъ же, какъ французское правительство—по отношенію къ Испаніи съ 1820 до 1823 г.. Разница заключалась только въ томъ, что позади лиссабонскихъ кортесовъ стояла Англія.

Правда, Кэннингъ не рѣшался открыто вмѣшиваться въ португальскія дѣла, не будучи вполнѣ увѣренъ въ томъ, что онъ не вольетъ такимъ своимъ шагомъ новыхъ силъ въ Священный Союзъ. Онъ отправился въ сентябрѣ въ Парижъ, добился отъ Виллеля нѣсколькихъ благопріятныхъ заявленій, но могъ вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться, что этотъ министръ находится, какъ и въ 1823 г., всецѣло подъ вліяніемъ ультра-роялистовъ. Меттернихъ все еще удерживалъ въ Вѣнѣ Дона Мигуэля, который, несмотря на свое нѣсколько позднее согласіе признать португальскую конституцію и несмотря на обрученіе съ Донной Маріей [1]), не оставлялъ, въ сущности, ни своихъ притязаній, ни своихъ надеждъ, прекрасно понимая, что вѣнскій дворъ никогда не оставитъ его безъ поддержки. Пруссія же въ это время еще слѣдовала за австрійскимъ дворомъ и вообще не желала себя компрометировать. И, слѣдовательно, одна единственная изъ великихъ державъ одобряла и формально поддерживала планы Кэннинга, и это была какъ разъ та держава, глава которой проповѣдывалъ и осуществлялъ на практикѣ самые крайніе абсолютистическіе принципы. Мы имѣемъ въ виду Россію. Царь Николай I умѣлъ подчасъ быть, какъ и англійскій министръ, оппортунистомъ. А потому, намѣренно не обращая вниманія на ненавистный ему парламентаризмъ, коего защитниками въ Лиссабонѣ являлись англичане, онъ, во-первыхъ, открыто заявлялъ, что по пиренейскимъ вопросамъ его одобреніе и содѣйствіе всецѣло на сторонѣ британскаго правительства; во-вторыхъ, онъ давалъ своему послу въ Мадридѣ инструкціи, аналогичныя съ тѣми, которыя получалъ и Лэмбъ; и, въ-третьихъ, онъ неоднократно указывалъ, что Англія должна имѣть преобладающее вліяніе въ Португаліи.

Но при этомъ онъ прибавлялъ, что Россія должна имѣть аналогичное вліяніе въ оттоманской имперіи. Эти слова ясно показываютъ, что онъ вовсе не былъ расположенъ давать что-нибудь даромъ и что онъ соглашался покровительствовать, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, португальской политикѣ Кэннинга не иначе, какъ за хорошее вознагражденіе. Дѣйствительно, какъ разъ въ

[1]) Въ октябрѣ 1826 г.

это время онъ отвѣтилъ на англійскія предложенія, касавшіяся приведенія въ исполненіе протокола,—такою программою, что всѣмъ стало яснымъ, какъ хорошо онъ зналъ, что̀ дѣлалъ въ тотъ моментъ, когда онъ подписывалъ соглашеніе 4-го апрѣля. Если, говорилъ онъ, двѣ союзныя державы собираются предложить свое посредничество Турціи и Греціи, то онѣ должны сначала установить, что онѣ будутъ поддерживать его силой, т.-е. что въ случаѣ надобности онѣ перейдутъ отъ совѣтовъ къ угрозамъ и отъ угрозъ—къ дѣйствію. „Итти до конца“,—такова была его программа. Англійское министерство не сочло возможнымъ отвергнуть ее. Поэтому, въ Лондонѣ Кэннингъ и Ливенъ [1]) рѣшили, что протоколъ будетъ оффиціально сообщенъ великимъ державамъ; въ томъ случаѣ, если эти державы не присоединятся къ нему, Англія и Россія, тѣмъ не менѣе, проведутъ его постановленія, не останавливаясь, въ случаѣ необходимости, передъ примѣненіемъ силы, необходимой для того, чтобы побудить Турцію и Грецію согласиться на перемиріе, а затѣмъ и на общія условія мира въ томъ видѣ, какъ они были намѣчены 4-го апрѣля (20,22 ноября). Благодаря этой уступкѣ, Кэннингъ получилъ свободу вмѣшаться, даже военной силой, въ дѣла Португаліи, гдѣ какъ разъ въ это время (конецъ ноября) возмущеніе „апостоликовъ“—болѣе серьезное, чѣмъ предыдущія, и поддержанное, какъ и прежнія, испанскимъ правительствомъ,—заставило королеву-регентшу обратиться, на основаніи международныхъ договоровъ, къ военной помощи Великобританіи. Въ виду этого глава Foreign Office'а больше уже не колебался. Послѣ произнесенной имъ въ палатѣ общинъ рѣчи (12 декабря), въ которой онъ не побоялся напомнить, что Англіи пришлось, для того, чтобы создать противовѣсъ французскому вліянію, „призвать къ жизни“ испано-американскія республики, отъ которыхъ

[1]) Ливенъ (Христофоръ Андреевичъ, князь), генералъ-лейтенантъ въ 1807-г.; полномочный министръ Россіи въ Берлинѣ (1810); посолъ въ Лондонѣ съ 1812 по 1834 г.; затѣмъ назначенъ воспитателемъ наслѣдника цесаревича Александра; ум. въ Римѣ 19 января 1839 г.—Его жена, княгиня Ливенъ (Доротея Христофоровна Бенкендорфъ), род. въ 1786 г., вышла замужъ въ 1801 г.; фрейлина императрицы; пріобрѣла, благодаря своему уму и знакомству съ общественными дѣлами, не только большую славу, но и значительное вліяніе. Она имѣла сильное вліяніе въ Россіи на Александра I и Николая I, въ Англіи—на Кастльри, Кэннинга и Георга IV, во Франціи (гдѣ она провела вторую половину царствованія Людовика-Филиппа)—на Гизо, для котораго, говорятъ, она была политической Эгеріей. Послѣ февральской революціи она удалилась въ Лондонъ, но потомъ скоро вернулась въ Парижъ, который покинула въ 1854 г.; въ слѣдующемъ году вернулась въ Парижъ и тамъ же умерла 26 января 1857 г.

зависѣло распространить революцію по всей Европѣ,—въ Лиссабонъ было отправлено десять тысячъ англичанъ. Франція не протестовала, такъ какъ она знала, что таково было желаніе Россіи. Виллель даже отозвалъ изъ Мадрида де-Мустье, превысившаго свои инструкціи. Напуганная апостолическая партія разсѣялась. Испанское правительство, послѣ нѣсколькихъ военныхъ демонстрацій на португальской границѣ, кончило тѣмъ, что успокоилось, и конституціонная партія оказалась на нѣкоторое время хозяйкой положенія въ лузитанской монархіи.

§ 5. Въ это время протоколъ 4-го апрѣля, пущенный по Европѣ, дѣлалъ свое дѣло, встрѣтивъ, впрочемъ, возраженія. Такъ, Австрія отвѣтила 22 декабря, что державы могутъ предложить свое посредничество не иначе, какъ въ отвѣтъ на соотвѣтствующую просьбу со стороны мятежниковъ. По мнѣнію Австріи, имѣлось только одно средство умиротворить Грецію, а именно, дать султану возможность свободно и добровольно даровать этой странѣ тѣ учрежденія, которыя могутъ обезпечить ей безмятежное счастье. Прусское правительство, неизмѣнно проникнутое легитимистскими принципами Священнаго Союза, отвѣтило въ томъ же смыслѣ. Что же касается Франціи, то она высказалась совершенно иначе. Виллель и тутъ началъ, было, колебаться. Но общественное мнѣніе, все болѣе и болѣе сочувствовавшее грекамъ, стало его увлекать; къ тому же, ему необходимо было загладить какою-нибудь энергичною манифестаціей свое жалкое поведеніе на пиренейскомъ полуостровѣ. Кромѣ того, и Россія, не переставая, побуждала французское правительство вмѣшаться, съ своей стороны, въ дѣло урегулированія греческаго вопроса и доказывала ему, насколько необходимо помѣшать упроченію британскаго вліянія въ Греціи. Англія, съ своей стороны, также старалась заинтересовать французское правительство въ греческомъ вопросѣ, указывая, что Франція должна образовать противовѣсъ Россіи. Все это объясняетъ причины, почему парижскій кабинетъ не только не отвергъ протокола, но даже прямо предложилъ превратить его въ союзный договоръ между Николаемъ I, Георгомъ IV и Карломъ X, съ цѣлью умиротворенія Востока. Это предложеніе, естественно, было принято въ принципѣ (январь 1827 г.), и съ этого момента оставалось только сговориться о подробностяхъ совмѣстныхъ дѣйствій.

Несмотря на то, что звѣзда Меттерниха начинала замѣтно блѣднѣть, этотъ послѣдній не признавалъ еще себя побѣжденнымъ

но онъ чувствовалъ, что обстоятельства все менѣе и менѣе давали ему просторъ для проявленія присущаго ему таланта дипломатической изворотливости. Напримѣръ, ему пришла мысль побудить Францію потребовать, чтобы державы, въ случаѣ образованія особаго греческаго государства, по крайней мѣрѣ, гарантировали на будущее время цѣлость оттоманской имперіи. Но Россія тотчасъ же погубила этотъ проектъ, категорически заявивъ, что, хотя и не имѣя въ виду разрушать турецкую монархію,—она, во всякомъ случаѣ, далека отъ мысли принять на себя защиту этой послѣдней. Тогда австрійскій канцлеръ сдѣлалъ болѣе скромное предложеніе о созваніи въ Лондонѣ „греческой“ конференціи изъ представителей пяти великихъ державъ. Это предложеніе имѣло нѣкоторые шансы на успѣхъ, потому что торіи школы Ливерпуля и Веллингтона, подобно Меттерниху, вовсе не желали освобожденія Греціи и были очень склонны къ тому, чтобы затянуть дѣло новыми переговорами. Но, къ несчастью для министра Франца I, въ Англіи какъ разъ въ это время былъ поставленъ во главѣ министерства Кэннингъ, его личный врагъ. Апоплексическій ударъ только-что передъ тѣмъ заставилъ лорда Ливерпуля подать въ отставку, и, послѣ нѣсколькихъ недѣль кризиса, Кэннингъ сдѣлался первымъ министромъ (10 апрѣля). Этотъ великій государственный человѣкъ все болѣе и болѣе склонялся къ партіи виговъ и начиналъ —подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія — поддерживать повсюду въ Европѣ принципы свободы; новое назначеніе развязывало ему руки, тѣмъ болѣе, что наиболѣе крайніе тори прежняго министерства (Веллингтонъ, Эльдонъ, Бэтерстъ, Пиль и др.) отказались участвовать въ его кабинетѣ и вышли въ отставку. Употребленіе принудительныхъ мѣръ на Востокѣ нисколько не пугало смѣлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ гибкаго ума Кэннинга; а мысль объ эвентуальномъ признаніи полной независимости Греціи не представлялась ему неосуществимою.

Впрочемъ, заключеніе тройственнаго договора становилось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что каждая изъ заинтересованныхъ въ въ этомъ дѣлѣ державъ боялась, главнымъ образомъ, именно увеличенія вліянія въ Греціи двухъ остальныхъ. Въ этотъ моментъ (апрѣль 1827 г). Англія, казалось, забирала въ свои руки военное руководительство греческой революціей, заставивъ національное собраніе въ Герміонѣ назначить двухъ англичанъ, Черча и Кохрана, генералиссимусомъ и адмираломъ. Россія, наоборотъ, начинала захватывать руководительство политическое, проведя опубликованіе новой конституціи и выборы Каподистріа

на постъ президента республики. Франція же теряла подъ ногами почву и поэтому особенно сильно старалась наверстать прежнія ошибки.

Въ общемъ, три державы единодушно желали поспѣшить вмѣшательствомъ. Лондонскій дворъ, долго льстившій себя надеждою, что ему удастся заставить Порту принять его частное посредничество, еще и въ февралѣ мѣсяцѣ не успѣлъ достигнуть этой цѣли. Въ этотъ моментъ въ Константинополь прибылъ русскій посолъ Рибопьеръ, и представители двухъ державъ, подписавшихъ протоколъ 4-го апрѣля, сообщили турецкому правительству — сначала офиціозно, а потомъ офиціально — содержаніе этого акта (февраль, мартъ). Министры султана, постоянно находившіе поддержку въ коварной политикѣ Вѣны, отвѣтили всѣми мыслимыми способами промедленія: они назначали и затягивали сроки, уклонялись отъ отвѣтовъ и всячески старались выиграть время, чтобы турецкая армія Решида успѣла взять Аѳины. Въ виду совершившагося уже паденія Миссолонгъ, сдача Аѳинъ, осажденныхъ съ августа мѣсяца 1826 г., должна была оказаться, по мнѣнію турокъ, смертельнымъ ударомъ для возстанія. Аѳины, дѣйствительно, капитулировали въ іюнѣ, и тогда Порта—въ отвѣтъ на четвертое или пятое требованіе высказаться по поводу протокола—съ надменностью заявила, что султанъ никогда не допуститъ вмѣшательства иностранныхъ государствъ въ его отношенія къ собственнымъ подданнымъ.

Непосредственнымъ результатомъ этого отказа должно было быть и, дѣйствительно, было заключеніе тройственнаго союза. Съ этого момента греки такъ ослабѣли, раздробились [1]) и пали духомъ, что нельзя было больше терять ни минуты. Поэтому договоръ, такъ давно обсуждавшійся тремя державами, былъ, наконецъ, подписанъ въ Лондонѣ 6 іюля 1827 г.. Начиная съ этого дня, греческій народъ, въ сущности такъ презираемый и игнорируемый Священнымъ Союзомъ, но сумѣвшій затѣмъ завоевать своимъ патріотизмомъ и героизмомъ симпатіи Европы, получалъ гарантію того, что большинство державъ Священнаго Союза впредь поддержитъ его въ борьбѣ съ турками. Авторы договора мотивировали его составленіе, прежде всего, необходимостью покончить съ положеніемъ вещей, вредно отзы-

[1]) Въ отсутствіе Каподистріа, не успѣвшаго еще прибыть въ Грецію, временное правительство довело себя до полнаго безсилія и окончательной утраты авторитета. Члены его принуждены были спасаться въ одномъ изъ фортовъ Навпліи, такъ какъ самый городъ былъ охваченъ междоусобной войной.

вающимся на ихъ торговлѣ [1]), а затѣмъ—соображеніями человѣчности и призывомъ, формально обращеннымъ къ двумъ изъ нихъ отъ греческаго правительства. Общія условія будущаго замиренія почти совпадали съ тѣми, которыя были указаны въ протоколѣ 4-го апрѣля. Для осуществленія же договора на практикѣ, секретная добавочная статья опредѣляла, что сначала посредничество трехъ державъ будетъ предложено Портѣ путемъ коллективной ноты; въ случаѣ отказа, черезъ мѣсяцъ или даже черезъ двѣ недѣли, вторая нота сообщитъ Дивану рѣшеніе державъ учредить консульства въ важнѣйшихъ греческихъ городахъ и силою оружія заставить обѣ воюющія стороны согласиться на перемиріе, хотя бы въ отношеніи дѣйствій на морѣ. При всемъ томъ подразумѣвалось, что указанныя принудительныя мѣры не должны вовлечь державы въ войну ни съ одной изъ сторонъ.

Эта конвенція, важная побѣда революціонныхъ началъ, была тѣмъ болѣе знаменательна, что она являлась результатомъ совмѣстной работы трехъ правительствъ, бывшихъ прежде связанными договорами совсѣмъ иного характера. Не мудрено, поэтому, что она произвела во всей Европѣ огромное впечатлѣніе. Если нѣкоторые сторонники Священнаго Союза и продолжали, послѣ этого, считать его сохранившимъ свое значеніе,—то, во всякомъ случаѣ, они сознавали, что конвенція 1827 года пробила широкую брешь въ общемъ укладѣ этого Союза.

Лондонскій трактатъ былъ сообщенъ въ первыхъ числахъ августа греческому правительству, которое и поспѣшило къ нему присоединиться. Но Порта, все еще поддерживаемая въ своихъ иллюзіяхъ Австріей, заявила, было, сначала, что не желаетъ даже знакомиться съ его содержаніемъ (16 августа). Пришлось пригрозить ей, 30 августа, тѣми принудительными мѣрами, къ которымъ предполагали прибѣгнуть союзники. Но и угрозы не

[1]) Во вступленіи къ трактату говорилось: „...три монарха проникнуты сознаніемъ необходимости положить конецъ кровавой борьбѣ, которая, приводя греческія провинціи и острова Архипелага къ полной анархіи, приноситъ съ каждымъ днемъ все новыя и новыя помѣхи европейской торговлѣ и благопріятствуетъ развитію пиратства; все это не только подвергаетъ подданныхъ высокихъ договаривающихся сторонъ значительнымъ потерямъ, но еще и требуетъ обременительныхъ мѣръ надзора и репрессіи; кромѣ того, короли Франціи и Великобританіи получили со стороны грековъ настойчивое приглашеніе предложить Портѣ свое посредничество. Въ виду всего этого, указанные два монарха, совмѣстно съ русскимъ императоромъ, одушевленные желаніемъ избѣгнуть пролитія крови и предупредить бѣдствія, которыя можетъ повлечь за собой продленіе подобнаго положенія вещей,—постановили соединить свои усилія... и т. д.“

сдѣлали Порту болѣе благоразумной, и она протянула весь сентябрь мѣсяцъ въ мелочныхъ спорахъ и жалобахъ на вмѣшательство державъ, не дѣлая ни малѣйшихъ уступокъ. Три державы, въ виду этого, принуждены были начать приготовленія къ принудительнымъ мѣрамъ. 4-го сентября ихъ константинопольскіе послы обратились къ соотвѣтствующимъ адмираламъ, крейсеровавшимъ съ нѣкотораго времени въ Архипелагѣ, съ инструкціями насчетъ того, какъ имъ впредь поступать съ турецко-египетскимъ флотомъ. Имъ было приказано препятствовать всякой перевозкѣ оттоманскихъ войскъ и всякимъ дѣйствіямъ таковыхъ на побережьѣ, долженствовавшемъ, въ скоромъ времени, по всей вѣроятности, сдѣлаться территоріей новаго греческаго государства. Греческія же войска, напротивъ, должны были быть удалены изъ мѣстностей, находящихся внѣ этихъ границъ. Вслѣдствіе этого, начальникъ англійской эскадры, Кодрингтонъ [1]), къ которому вскорѣ присоединился французскій адмиралъ де-Риньи [2]), сообщилъ Ибрагиму-пашѣ, въ концѣ сентября, о намѣреніяхъ союзниковъ. Этотъ послѣдній, соединивъ въ Наваринской гавани подъ своимъ начальствомъ египетскіе корабли и турецкій флотъ и самъ ожидая приказаній изъ Константинополя, согласился на двадцатидневное перемиріе. Правда, вскорѣ послѣ этого сынъ Мегемета-Али счелъ себя въ правѣ, въ виду нѣкоторыхъ движеній грековъ въ Коринѳскомъ заливѣ, возобновить наступательныя дѣйствія. Но Кодрингтонъ заставилъ его вернуться въ Наваринскую бухту и, соединивъ свою эскадру съ французской и русской (подъ начальствомъ адмирала Гейдена) [3]), явился туда (18 октября) съ цѣлью предложить ему оставить Грецію.

Въ этотъ моментъ сраженіе не могло не произойти; а между тѣмъ, надежда, что миръ между союзниками и Портой будетъ

[1]) Кодрингтонъ (сэръ Эдуардъ) род. въ 1770 г.; контръ-адмиралъ въ 1814 г.; вице-адмиралъ въ 1821 г.; отозванъ изъ Греціи торійскимъ министерствомъ въ 1828 г.; членъ парламента, гдѣ онъ принадлежалъ къ либеральной партіи съ 1834 до 1840 г.; камергеръ королевы Викторіи (1846) и адмиралъ; умеръ въ Лондонѣ въ 1851 г.

[2]) Де-Риньи (Анри-Готье, графъ) род. въ г. Туль въ 1782 г.; пятнадцати лѣтъ поступилъ на морскую службу; лейтенантъ въ 1809 г.; капитанъ (1816 г.); начальникъ французской эскадры въ Левантѣ (1822); контръ-адмиралъ въ 1825 г.; вице-адмиралъ послѣ Наваринскаго сраженія; морской министръ (1831—1834); министръ иностранныхъ дѣлъ (1834) и снова — морской (въ томъ же году); посолъ въ Неаполѣ; ум. въ Парижѣ въ 1835 г.

[3]) Гейденъ (графъ); род. въ 1772 г. въ Голландіи; рано поступилъ тамъ на морскую службу; перешелъ около 1795 г. на русскую службу; контръ-адмиралъ въ 1817 г.; вице-адмиралъ послѣ Наваринскаго боя.

сохраненъ, все еще не покидала дипломатовъ. Въ частности, Меттернихъ больше, чѣмъ когда-нибудь, вѣрилъ въ возможность предупредить войну. А именно, одно, только что передъ тѣмъ происшедшее, событіе первостепенной важности, казалось, должно было обезпечить ему въ ближайшемъ будущемъ возвращеніе былой удачи. Кэннингъ, которому было въ этотъ моментъ всего 57 лѣтъ, умеръ 8-го августа отъ непосильныхъ трудовъ, послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни. Одинъ изъ его товарищей по кабинету, нѣкто Годричъ [1]), занялъ постъ перваго лорда казначейства, но не могъ помѣшать старой партіи торіевъ вновь пріобрѣсти вліяніе въ министерствѣ путемъ привлеченія въ его составъ Веллингтона. Австрійскій канцлеръ думалъ поэтому, что послѣ исчезновенія „зловреднаго метеора" (какъ онъ называлъ Кэннинга) [2]) британскій кабинетъ будетъ менѣе, чѣмъ прежній, склоненъ къ политикѣ приключеній и мало-по-малу предастъ забвенію трактатъ 6-го іюля. Онъ разсчитывалъ также, что эвентуальныя осложненія на Западѣ въ состояніи будутъ отвлечь вниманіе Европы отъ восточнаго вопроса: апостолическая партія начинала въ этотъ самый моментъ (августъ, сентябрь) возстаніе въ Каталоніи во имя Донъ Карлоса [3]), въ качествѣ преемника Фер-

[1]) Годричъ (Фредерикъ-Джонъ-Робинсонъ, виконтъ Годричъ, потомъ графъ Райпонъ), род. въ Лондонѣ въ 1782 г.; членъ палаты общинъ (1806 г.); секретарь посольства въ Вѣнѣ (1807 г.); помощникъ статсъ-секретаря по военнымъ дѣламъ (1809 г.); казначей морского вѣдомства (1811 г.); вице-президентъ торговаго департамента (1812 г.); главный поборникъ закона 1815 г. о хлѣбныхъ пошлинахъ, сдѣлавшаго его очень непопулярнымъ; присоединился къ программѣ Кэннинга, сдѣлавшаго его канцлеромъ казначейства въ 1822 г.; статсъ-секретарь колоній (1827 г.); первый лордъ казначейства послѣ смерти Кэннинга; въ отставкѣ (14 дек. 1827 г.); статсъ-секретарь колоній въ министерствѣ Грея (1830 г.); графъ Райпонъ и хранитель малой государственной печати (1832 г.); вновь сблизился съ торіями начиная съ 1834 г.; президентъ торговаго департамента въ кабинетѣ Пиля (1841 г.); президентъ Индійскаго Контроля (1842 — 1846); ум. въ Пэтней-Хисъ (въ графствѣ Сэррей) въ 1859 г.

[2]) „Мы сидѣли за столомъ", читаемъ мы въ одномъ письмѣ Гентца (Briefe an Pilat, II, p. 224), „когда пришло важное извѣстіе о смерти Кэннинга. Вы представляете себѣ происшедшее волненіе; собравшіеся поднялись съ своихъ мѣстъ, не кончивъ обѣда... Съ всякой точки зрѣнія, эта смерть должна быть разсматриваема какъ милость свыше".

[3]) Карлосъ (Карлосъ-Марія-Исидоръ Бурбонъ, Донъ), второй сынъ Карла IV и братъ Фердинанда VII, род. 1788 г.; заключенъ Наполеономъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, въ Валенсэ въ 1808 г.; вернулся въ Испанію въ 1814 г.; глава абсолютистской и апостолической партіи, поддерживавшей его притязанія на престолъ послѣ смерти Фердинанда VII (1833г.); принужденъ покинуть Испанію послѣ шестилѣтней борьбы (1839 г.); водворенъ Людовикомъ-Филиппомъ въ Буржѣ; извѣстенъ подъ именемъ графа де-Молине съ 1844 г., когда онъ отказался отъ своихъ при-

динанда VII, и противъ этого послѣдняго монарха, недостаточно твердаго, по ихъ мнѣнію, въ осуществленіи своей самодержавной власти. Съ другой стороны, Донъ Мигуэль, признанный, въ концѣ концовъ, Англіей, по просьбѣ Австріи и Франціи, въ качествѣ регента Португаліи, собирался отправиться въ Лиссабонъ, гдѣ его появленіе должно было, конечно, вызвать новыя волненія. Наконецъ, въ Парижѣ министерство Виллеля переживало послѣднія свои минуты, ежедневно рискуя быть опрокинутымъ избирателями. Меттернихъ думалъ, поэтому, что ему удастся, благодаря всѣмъ этимъ осложненіямъ, лишній разъ помѣшать осуществленію честолюбивыхъ замысловъ Россіи на Востокѣ. Еще въ октябрѣ 1827 г. онъ воображалъ, что ему удастся добиться того, чтобы Диванъ обратился къ Австріи за посредничествомъ въ его сношеніяхъ съ союзниками. Оттоманскіе министры, повидимому, соглашались на это. Поэтому, Меттернихъ, еще недавно находившійся въ совершенно безсильномъ положеніи, начиналъ думать, что ему суждено еще разъ сыграть роль вершителя судебъ Европы.

Наваринскія пушки должны были скоро разсѣять эту иллюзію, весьма наивную для такого дипломата, какъ Меттернихъ.

§ 6. 20 октября 1827 года адмиралы трехъ союзныхъ державъ въ общемъ сраженіи, которое они предвидѣли, но не вызвали,—почти совершенно уничтожили турецко-египетскій флотъ. Чтобы спасти нѣсколько уцѣлѣвшихъ кораблей, Ибрагимъ долженъ былъ принять на себя обязательство не пользоваться ими противъ грековъ.

Извѣстіе объ этой важной битвѣ должно было, прежде всего, еще болѣе укрѣпить надежды и притязанія греческаго правительства. Увѣрившись въ томъ, что имъ нечего бояться своихъ враговъ, по крайней мѣрѣ на морѣ, греки поспѣшили усилить свои нападенія и расширить свои операціи. Такъ, напримѣръ, они, подъ начальствомъ Фабвье [1]), предприняли экспедицію противъ

тязаній въ пользу своего старшаго сына—Карлоса графа де-Монтемоленъ; удалился въ Австрію (1847 г.); умеръ въ Тріестѣ въ 1855 г.

[1]) Баронъ Фабвье (Шарль) родился въ Понтъ-а-Муссонъ въ 1782 г.; воспитанникъ политехническаго училища (1802 г.), затѣмъ артиллерійскій офицеръ; адъютантъ маршала Мармона (1811 г.); полковникъ и баронъ съ 1813 г.; замѣшанъ въ нѣсколькихъ либеральныхъ заговорахъ противъ Реставраціи (1820—1822 г.); поступилъ на службу Греціи (1824 г.), регулярными войсками которой командовалъ начиная съ 1825 г.; вернулся во Францію (1829 г.); генералъ-маіоръ (1830 г.); генералъ-лейтенантъ (1839 г.); пэръ Франціи (1845 г.); посланъ съ офиціознымъ пору-

острова Хіоса (ноябрь). Въ то же самое время, подъ начальствомъ Черча они сдѣлали рѣшительную попытку снова овладѣть Акарнаніей и Этоліей. Немного спустя, они возобновили свои усилія захватить Кандію. Ихъ политическіе вожди не безъ основанія полагали, что чѣмъ больше территоріи они захватятъ въ свои руки, тѣмъ больше они будутъ въ состояніи удержать; а также, что—при опредѣленіи границъ новаго государства — дипломатамъ придется считаться съ совершившимися фактами.

Наоборотъ, что касается Порты, то Наваринское сраженіе не только не сдѣлало ее болѣе сговорчивой, но даже уничтожило послѣдній ея здравый смыслъ и благоразуміе. Махмудъ былъ человѣкъ энергичный, но жестокій и причудливый; онъ часто мѣнялъ министровъ и, какъ истый восточный деспотъ, требовалъ отъ своихъ слугъ не столько таланта, сколько умѣнья потворствовать его страстямъ. Менѣе, чѣмъ когда бы то ни было, расположенный примириться съ греками и принять посредничество союзниковъ, уничтожившихъ его флотъ, — онъ приказалъ рейсъ-эффенди потребовать отъ трехъ державъ, подписавшихъ лондонскій договоръ, самаго полнаго удовлетворенія за оскорбленія и убытки, причиненные Портѣ. Посланники Франціи, Англіи и Россіи, конечно, отвѣтили на это требованіе категорическимъ отказомъ (10 ноября) и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль тщетно убѣждали турецкихъ министровъ принять предложенія тройственнаго союза. Все, чего они могли отъ нихъ добиться, было обѣщаніе, что на „предварительное изъявленіе покорности“ со стороны мятежниковъ султанъ милостиво отвѣтитъ амнистіей;—что онъ возобновитъ порядокъ вещей, уничтоженный въ 1821 г.;—что Греціи будетъ обезпечена „кроткая и справедливая“ администрація. Больше ничего. Если бы государь пожелалъ впослѣдствіи дать больше, то это въ его власти; но никто не можетъ его къ этому принудить. Рѣшившись на послѣднее средство, представители трехъ дворовъ потребовали обратно свои вѣрительныя грамоты и, несмотря на старанія турецкихъ министровъ удержать ихъ, покинули Константинополь 8 декабря. Тотчасъ же послѣ этого, султанъ и въ столицѣ, и провинціяхъ сталъ разжигать, въ особенности противъ Россіи, жестокость и фанатизмъ мусульманъ. Послѣдніе набросились на христіанъ; подданные царя, находившіеся въ Турціи, подверглись преслѣдованію, заключенію въ тюрьмы, всевозможнымъ обидамъ; ихъ товары были захвачены

ченіемъ въ Копенгагенъ (1849 г.); депутатъ въ законодательномъ собраніи (1849—1851 г.); умеръ въ Парижѣ въ 1855 г.

или разграблены. Въ то же самое время Порта подговорила персидскаго шаха, вынужденнаго, вслѣдствіе большихъ неудачъ, понесенныхъ имъ въ кампанію 1827 г., заключить невыгодный миръ [1]) съ императоромъ Николаемъ I,—и убѣдила его отказаться отъ ратификаціи договора. Онъ снова взялся за оружіе. Наконецъ, султанъ созвалъ въ Константинополь „айановъ" или начальниковъ округовъ изъ всѣхъ почти оттоманскихъ провинцій и обратился къ нимъ, 18 декабря, съ горячимъ манифестомъ, въ которомъ онъ открыто обвинялъ Россію въ томъ, что она, съ 1821 г., постоянно поддерживала инсургентовъ въ его имперіи. Онъ заявлялъ въ этомъ актѣ, что былъ гнуснымъ образомъ обманутъ въ Аккерманѣ, такъ какъ царь увѣрилъ его, что не станетъ болѣе вмѣшиваться въ греческій вопросъ; — что онъ былъ принужденъ, въ 1826 г., подчиниться унизительнымъ условіямъ, скрыть свое неудовольствіе и отложить свою месть, но что теперь пришло, наконецъ, время отомстить за поруганную честь ислама. Поэтому, онъ обращался съ призывомъ къ „правовѣрнымъ". Онъ надѣялся, что они вспомнятъ славу своихъ предковъ и затмятъ ее славой своихъ собственныхъ подвиговъ.

Этотъ документъ, столь неосторожный и неблагоразумный, не предназначался для гласности. Европа въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не знала его существованія. Но въ концѣ 1827 г. царь былъ уже достаточно ознакомленъ съ намѣреніями султана по отношенію къ себѣ, для того, чтобы не дать себя предупредить. Лондонскій договоръ былъ подтвержденъ и возобновленъ 12 декабря. Русскій императоръ пытался, было, во имя этого соглашенія, склонить своихъ союзниковъ къ цѣлому ряду мѣръ, гораздо болѣе энергичныхъ, чѣмъ тѣ средства принужденія, которыя были одобрены ранѣе, — и брался быть главнымъ исполнителемъ этихъ мѣръ. А именно, въ нотѣ 6 января 1828 г., онъ предлагалъ: 1) занять Молдавію и Валахію русскими войсками; 2) воспользоваться союзнымъ флотомъ для блокады Константинополя и Александріи, а также для освобожденія и защиты Мореи; 3) поддержать Каподистріа, президента греческой республики, значительными денежными пособіями; 4) поручить посланникамъ трехъ державъ, прежде аккредитованнымъ въ Константинополѣ, собраться въ Корфу и открыть тамъ переговоры съ цѣлью облегчить заключеніе мира.

[1]) Русскіе дошли до Эривани и взяли этотъ городъ 13 октября. Затѣмъ, былъ заключенъ договоръ (2—3 ноября), по которому Фетъ-Али-Шахъ уступалъ имъ ханства эриванское и нахичеванское, обязывался уплатить двадцать милліоновъ рублей и т. д.

§ 7. Изъ этого видно, какія выгоды русскій императоръ намѣревался извлечь изъ тройственнаго союза. Вынужденный имѣть дѣло со столь смѣлымъ, рѣшительнымъ и пылкимъ государемъ, Меттернихъ по прежнему тратилъ свои силы на жалкія интриги и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе терялъ свое политическое вліяніе. Само собою разумѣется, что послѣ наваринскаго сраженія онъ не осмѣливался болѣе говорить о посредничествѣ Австріи. Онъ даже беззастѣнчиво отрицалъ, въ концѣ 1827 г., что эта идея исходила отъ него. Онъ по обыкновенію разсыпался въ изъявленіяхъ преданности русскому правительству. Царь, который ему не вѣрилъ, потребовалъ, чтобы онъ, въ доказательство своей искренности, воспользовался своимъ вліяніемъ на Турцію и добился отъ нея уступокъ союзнымъ державамъ. Меттернихъ поспѣшилъ исполнить это требованіе, но сдѣлалъ это такъ неискренно и продолжалъ вести двойную игру такъ искусно, что султанъ остался, попрежнему, несговорчивымъ. Въ февралѣ 1828 г. австрійскій канцлеръ все еще предлагалъ тремъ союзнымъ дворамъ, въ качествѣ основного пункта окончательнаго соглашенія,—не что иное, какъ свой вѣчный планъ: поставить судьбу Греціи въ зависимость отъ предварительнаго изъявленія покорности и отъ тѣхъ учрежденій, которыя будутъ добровольно дарованы ей султаномъ.

Въ этотъ моментъ, впрочемъ, хитрый дипломатъ снова началъ надѣяться. Ему казалось теперь, что не трудно будетъ разстроить тройственный союзъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи произошла новая перемѣна министерства (8 января 1828 г.). Веллингтонъ сдѣлался первымъ лордомъ казначейства. Вмѣстѣ съ нимъ вернулись къ политической дѣятельности Бэтерстъ [1]) и Пиль [2]). Нѣкоторые изъ друзей Кэннинга удалились отъ дѣлъ;

---

[1]) Графъ Бэтерстъ (Генри) родился въ 1762 г.; членъ коммиссіи по дѣламъ Индіи въ 1793 г.; министръ колоній (1809 г.); вышелъ въ отставку въ 1827 г.; президентъ совѣта въ кабинетѣ Веллингтона (1828—1830 г.); умеръ въ 1834 г.

[2]) Пиль (Робертъ) родился въ Чэмбей-Голѣ, около Бюри (графство Ланкастеръ) 5 февраля 1788 г.; членъ палаты общинъ (1809 г.), гдѣ онъ не замедлилъ обратить на себя вниманіе партіи тори, которая стала возлагать на него большія надежды; товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ (1810 г.); секретарь по дѣламъ Ирландіи (1812 г.); авторъ билля о возобновленіи платежей звонкой монетой (1819 г.); министръ внутреннихъ дѣлъ (1822 г.); вышелъ въ отставку, когда Кэннингъ занялъ постъ перваго министра (1827 г.); министръ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Веллингтона (1828—1830 г.); выказалъ сочувствіе дѣлу эмансипаціи католиковъ (1829 г.); глава партіи тори съ 1830 г.; первый лордъ казначейства (1834—1835 г.); снова призванъ на постъ главы министерства (сент. 1841 г.); виновникъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ; свергнутъ въ іюнѣ 1846 г.; умеръ въ Лондонѣ 2 іюля 1850 г.

остальные вскорѣ должны были послѣдовать за ними. Глава новаго кабинета нѣкогда подписалъ протоколъ 4 апрѣля, имѣвшій цѣлью связать Россію. А между тѣмъ оказывалось, что эта держава не только не встрѣтила затрудненій въ своей политикѣ на востокѣ, но даже заставила Англію дѣйствовать заодно съ ней; она, повидимому, готовилась и впредь увлекать ее за собой. Веллингтонъ и его друзья сильно безпокоились. Они не питали никакой симпатіи къ Греціи. Возникновеніе этого новаго государства представлялось для нихъ событіемъ вдвойнѣ неблагопріятнымъ для ихъ страны: во-первыхъ потому, что этимъ должна была быть ослаблена турецкая имперія, а во-вторыхъ потому, что отъ этого могло пострадать морское могущество Великобританіи на Средиземномъ морѣ. Они сожалѣли о наваринскомъ сраженіи; они публично называли это сраженіе (устами Георга IV) „несчастнымъ происшествіемъ". Поэтому, ихъ живѣйшимъ желаніемъ, въ данный моментъ, было—затормозить, нейтрализовать воинственныя стремленія царя.

Но какимъ образомъ могли они это сдѣлать? Австрія подстрекала ихъ, но не давала обѣщанія вступить съ Англіей въ союзъ. Ихъ дѣло было бы выиграно, еслибъ они могли склонить на свою сторону Францію и отвлечь ее отъ союза съ царемъ. Къ несчастью для нихъ, въ то самое время, когда Веллингтонъ сдѣлался первымъ министромъ, Виллель, всегда питавшій нѣкоторую слабость къ Англіи, принужденъ былъ уступить свое мѣсто Мартиньяку [1] (4 января 1828 г.), а этотъ государственный человѣкъ, точно такъ же какъ и его товарищи [2]), открыто выражалъ свои симпатіи и Греціи, и Россіи. Британскій кабинетъ не пощадилъ ничего въ своихъ стремленіяхъ привлечь на свою сторону правительство Карла X. Онъ выказалъ особенную уступчивость по отношенію къ Франціи во всемъ, что касалось дѣлъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Онъ позволилъ Дону Мигуэлю высадиться въ Лиссабонѣ и захватить въ свои руки правленіе (фе-

[1]) Виконтъ де-Мартиньякъ (Жанъ-Батистъ-Сильверъ-Гей) родился въ Бордо въ 1776 г.; секретарь Сійэса въ 1798 г., затѣмъ адвокатъ въ Бордо; генеральный адвокатъ при королевскомъ судѣ этого города (1815 г.); затѣмъ генеральный прокуроръ въ Лиможѣ; депутатъ съ 1821 г.; очень вліятеленъ въ палатѣ, благодаря своему краснорѣчію; членъ государственнаго совѣта въ 1822 г.; гражданскій комиссаръ при испанской экспедиціи (1822 г.); министръ внутреннихъ дѣлъ (январь 1828 г.—августъ 1829 г.); защитникъ Полиньяка передъ судомъ пэровъ послѣ іюльской революціи; умеръ въ 1832 г.

[2]) Въ новомъ кабинетѣ портфель министра иностранныхъ дѣлъ былъ предоставленъ Ла-Ферронэ, прежнему посланнику въ Петербургѣ, личному другу Александра и Николая I.

враль 1828 г.). Онъ отозвалъ изъ Португаліи войска, посланныя туда Кэннингомъ, и, вопреки заявленіямъ этого министра, согласился на то, чтобы послѣ ихъ удаленія часть французской арміи, въ теченіе еще нѣсколькихъ мѣсяцевъ, оставалась въ Испаніи. Вскорѣ Донъ Мигуэль, которому удаленіе англичанъ развязало руки, открыто нарушилъ договоръ, въ силу котораго онъ пользовался властью, распустилъ конституціонныхъ кортесовъ, созвалъ прежніе португальскіе штаты (2 мая), установилъ во всей странѣ господство террора, добился отъ собранія, составленнаго изъ его креатуръ, устраненія отъ престола какъ Донны Маріи, такъ и Дона Педро, уничтожилъ хартію, дарованную бразильскимъ императоромъ, вопреки своей присягѣ овладѣлъ короной (іюль) и, не заботясь о Европѣ, которая почти единогласно [1]) отказазалась признать его королемъ, сталъ управлять деспотически, давъ волю произволу апостолической партіи. Англійское правительство, которое восемнадцать мѣсяцевъ передъ тѣмъ относилось столь враждебно къ его притязаніямъ и его партіи, теперь, хотя и не одобрило его поступковъ, но, однако, и не стѣснило свободы его дѣйствій и не воспротивилось его узурпаціи. Въ сущности, Веллингтонъ довольно мало заботился о томъ, будетъ или не будетъ въ Португаліи конституція. Но ему важно было пріобрѣсти расположеніе французскаго правительства.

Но, въ сущности, всѣ его старанія оказались совершенно напрасными. Если тріумфъ Дона Мигуэля могъ быть пріятенъ Карлу X и его камарильѣ, то Мартиньякъ и его товарищи, искренно преданные конституціоннымъ принципамъ, были мало склонны радоваться ему. Они гораздо болѣе своихъ предшественниковъ стремились служить дѣлу свободы и общественному мнѣнію и старались поднять престижъ Франціи; поэтому, они имѣли твердое намѣреніе не оставлять Греціи на произволъ судьбы. Они стремились освободить этотъ маленькій народъ и не желали ни того, чтобы Англія помѣшала этому освобожденію, ни того, чтобы вся честь его выпала на долю Россіи. Впрочемъ, петербургскій кабинетъ начиналъ дѣлать имъ очень соблазнительныя предложенія, результатомъ которыхъ могло быть для Франціи серьезное вознагражденіе за потери, понесенныя ею въ 1814 и 1815 гг.

[1]) Единственныя правительства, представители которыхъ не покинули Лиссабона послѣ захвата имъ короны, были: Испанія, Святѣйшій престолъ и Соединенные Штаты.

§ 8. Такимъ образомъ, министерство Мартиньяка твердо стояло за союзъ съ Россіей. Оно требовало только того, чтобы Франціи было позволено, для противодѣйствія чрезмѣрному вліянію царя на Востокѣ, послать оккупаціонный корпусъ въ Морею. Это предложеніе не могло нравиться лондонскому кабинету. Но онъ не имѣлъ никакой возможности отвергнуть его вслѣдствіе того, что, съ одной стороны, онъ самъ понималъ необходимость равновѣсія, а съ другой стороны (желая избѣгнуть даже малѣйшихъ признаковъ враждебнаго отношенія къ Турціи)—не осмѣливался выступить съ предложеніемъ объ отправкѣ въ Пелопонесъ англійскихъ солдатъ. Сентъ-Джемсскій кабинетъ тѣмъ менѣе могъ отклонить требованіе французскаго правительства, что въ концѣ февраля русскій императоръ, отказываясь отъ прежней программы (6 янв.), выказалъ твердую рѣшимость вступить въ войну съ Турціей, что бы ни сказали или ни предприняли его союзники. Онъ зналъ теперь о манифестѣ Махмуда къ „айанамъ“. Онъ указывалъ, что такой манифестъ представляетъ собою объявленіе войны, что аккерманская конвенція нарушена, что онъ оружіемъ будетъ защищать свои личныя попранныя права, а также, что онъ на свой рискъ и страхъ постарается привести въ исполненіе лондонскій трактатъ, разъ остальныя двѣ державы, заключившія съ нимъ этотъ договоръ, не расположены вмѣстѣ съ нимъ добиваться его осуществленія. Было извѣстно, что у этого человѣка поступки соотвѣтствовали словамъ.

Было также извѣстно, что теперь онъ имѣлъ возможность обратить противъ турокъ всѣ силы своей имперіи. Война съ Персіей была уже окончена. Фетъ-Али-Шахъ [1]), послѣ непродолжительной зимней кампаніи, кончившейся для него новой неудачей, принужденъ былъ заключить въ Туркманчаѣ (22 февраля 1828 г.) миръ, условія котораго были ему продиктованы еще три мѣсяца передъ тѣмъ. Русскія войска могли теперь немедленно направиться къ Дунаю и, одновременно, произвести нападеніе съ тыла на Малую Азію. Британскій кабинетъ, не находя поддержки у Франціи, долженъ былъ подчиниться и, въ на-

[1]) Фетъ-Али-Шахъ родился въ 1762 г., сдѣлался въ 1792 г. государемъ Персіи послѣ своего дяди Аги-Могаммеда; вскорѣ былъ вынужденъ вести войну съ русскими, которые отняли у него Грузію (1803 г.); принималъ (1805—1807 г.) пословъ Наполеона, который, подавъ ему надежду на союзъ, отказался отъ него въ Тильзитѣ; долженъ былъ уступить царю Дагестанъ по Гюлистанскому трактату (1813 г.); вступилъ съ Портой въ войну, не имѣвшую серьезныхъ послѣдствій, и умеръ въ 1834 г., послѣ того какъ, предъ концомъ жизни, потерпѣлъ неудачу въ войнѣ съ русскими.

чалѣ марта, сталъ требовать отъ царя отказа отъ свободы дѣйствій только въ Средиземномъ морѣ, гдѣ—по его словамъ—каждый изъ трехъ союзныхъ флотовъ долженъ былъ дѣйствовать только въ соотвѣтствіи съ лондонскимъ трактатомъ и коллективными постановленіями трехъ договаривавшихся сторонъ.

Въ это время, Меттернихъ, доведенный до отчаянія уклончивыми и пренебрежительными отвѣтами на его февральскія предложенія, сталъ изобрѣтать новыя средства выиграть время. Но ему, положительно, не везло. Такъ, въ концѣ марта 1823 г., онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ предложить признать независимость Греціи. Въ данный моментъ, какъ и въ 1824 г., это была, съ его стороны, только грубая хитрость. Онъ хорошо зналъ, что такое разрѣшеніе вопроса будетъ отвергнуто царемъ. На это онъ и надѣялся. Но, въ сущности, онъ не могъ даже разсчитывать на то, что императоръ Николай I согласится начать переговоры относительно подобнаго проекта, разъ онъ исходилъ изъ Вѣны. Онъ долженъ былъ знать, что этотъ государь уже давно былъ на-сторожѣ противъ Австріи. Онъ, конечно, зналъ это. Поэтому, для того, чтобы разсѣять недовѣріе царя и снова расположить его къ австрійской политикѣ, онъ счелъ нужнымъ отправить въ С.-Петербургъ спеціальнаго посла, графа Зичи, которому было поручено убѣдить императора Николая I, что онъ идетъ по ложному пути,—что въ Европѣ существуетъ только одинъ врагъ, съ которымъ нужно бороться, а именно Революція,—что пора вернуться на путь, который былъ указанъ Священнымъ Союзомъ и которому Австрія всегда оставалась вѣрна.

Зичи сразу замѣтилъ, что императоръ Николай I чрезвычайно возмущенъ послѣдними поступками Меттерниха. Неужели, спрашивалъ этотъ государь, вѣнскій дворъ собирается обуздать Революцію именно путемъ признанія независимости Греціи? Съ своей стороны, что бы ни говорили другіе, онъ всегда останется самымъ горячимъ сторонникомъ и самымъ стойкимъ защитникомъ Священнаго Союза; онъ останется вѣрнымъ своимъ монархическимъ принципамъ и, если австрійскій императоръ будетъ нуждаться въ его помощи, онъ всегда готовъ помочь ему. Что же касается грековъ, то онъ презираетъ ихъ, гнушается ими; онъ видитъ въ нихъ только мятежниковъ; онъ вовсе не желаетъ ихъ освобожденія. У него нѣтъ никакихъ честолюбивыхъ стремленій, онъ не желаетъ ни увеличенія своихъ владѣній, ни какихъ бы то ни было завоеваній. Но онъ долженъ отомстить за честь своей короны и защитить тѣ интересы своей имперіи, которымъ грозитъ опасность со стороны турокъ. Онъ будетъ вести войну и, когда дѣло

дойдетъ до заключенія мира, онъ сумѣетъ принять надлежащія мѣры для того, чтобы обезпечить преобладающее вліяніе Россіи въ турецкой имперіи [1]).

Все это не было пустыми угрозами. Нѣсколько дней спустя послѣ разговора съ Зичи, русскій императоръ разослалъ европейскимъ дворамъ манифестъ о войнѣ съ Турціей (26 апрѣля). Онъ обѣщалъ (29 апрѣля), правда, дѣлая въ этомъ уступку лондонскому двору, что, до новаго распоряженія, начальникъ русскаго флота будетъ дѣйствовать только по соглашенію съ французскимъ и англійскимъ адмиралами. Но на сушѣ враждебныя дѣйствія начались почти тотчасъ же, такъ какъ 7 мая русскія войска перешли Прутъ.

Британское правительство, которое такъ желало удержать царя, принуждено было уступить и предоставить ему свободу дѣйствій. Веллингтону не оставалось ничего больше, какъ заявить себя удовлетвореннымъ послѣдними сообщеніями русскаго правительства (іюнь 1828 г.); онъ возобновилъ въ Лондонѣ, 2 іюля, совѣщанія трехъ союзныхъ дворовъ, прекращенныя нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, и согласился на переговоры въ Корфу, которые и начались 9-го августа. Затѣмъ, пойдя на уступки по отношенію къ императору Николаю I, онъ принужденъ былъ держаться аналогичнаго образа дѣйствій и по отношенію къ Карлу X. А именно, онъ долженъ былъ позволить, соглашеніемъ 19 іюля, чтобы отрядъ французскихъ войскъ былъ отправленъ изъ Тулона въ Морею. Впрочемъ, онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы это соглашеніе оказалось безполезнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, англійское правительство усиленно стремилось къ тому, чтобы отнять у Франціи честь изгнанія египтянъ изъ Пелопонеса и лишить ее тѣхъ выгодъ, которыя должно было ей доставить присутствіе ея войскъ въ Греціи; поэтому, англійскій кабинетъ сталъ вести дѣятельные переговоры и съ Ибрагимомъ, и съ Мегеметомъ-Али, намѣреваясь мирнымъ путемъ добиться возвращенія полуострова въ руки грековъ. Онъ достигъ этого результата 6 августа (конвенція въ Александріи). Но, прежде чѣмъ объ этомъ соглашеніи стало извѣстно въ Парижѣ и Лондонѣ, генералъ Мэзонъ [2]) уже

[1]) Эти строки представляютъ собою краткое изложеніе разговора императора Николая I съ Зичи, 21 апрѣля 1828 г.

[2]) Мэзонъ (Николай-Жозефъ) родился въ 1771 г. въ Эпинэ (департаментъ Сены и Уазы); волонтеръ въ 1792 г.; бригадный генералъ при Аустерлицѣ (1805 г.); дивизіонный генералъ въ 1812 г.; посланъ во главѣ сѣверной арміи для защиты Бельгіи въ 1814 г.; получилъ титулъ маркиза отъ Людовика XVIII въ 1817 г.; маршалъ Франціи послѣ экспедиціи въ Морею (1828 г.); министръ иностранныхъ дѣлъ (1830 г.),

отплылъ изъ Тулона. Французскія войска вскорѣ высадились въ Мореѣ и, безъ выстрѣла, заняли, въ теченіе сентября и октября, эту часть Греціи, оттѣснивъ египтянъ и турокъ.

Въ этотъ моментъ, султанъ, видя, что русскіе, съ одной стороны, во главѣ съ царемъ доходятъ до середины Болгаріи, а съ другой—подъ начальствомъ Паскевича [1]) занимаютъ Арменію, счелъ необходимымъ понизить свой заносчивый тонъ. Съ іюля по сентябрь его министры прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы разстроить тройственный союзъ, приглашая Францію и Англію вернуть ихъ посланниковъ въ Константинополь и выказывая готовность вступить съ этими двумя державами въ переговоры относительно примиренія съ Греціей. Но Веллингтонъ опасался того, что если онъ приметъ это предложеніе, то царь сочтетъ себя свободнымъ отъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя по лондонскому договору, и со своими побѣдоносными войсками произведетъ страшныя потрясенія на Востокѣ. Меттернихъ также боялся такого исхода. Поэтому, предложенія Турціи не имѣли въ данный моментъ никакихъ послѣдствій, и тройственный союзъ продолжалъ свое существованіе.

§ 9. Правда, что положеніе вещей вскорѣ должно было, повидимому, измѣниться. Веллингтонъ (и, вмѣстѣ съ нимъ, вся Европа) думалъ, что русскій императоръ, имѣя на своей сторонѣ столь громадное военное и экономическое преимущество, въ одну кампанію легко покончитъ съ турками. На дѣлѣ же вышло не совсѣмъ такъ. Правда, русскіе одержали значительные успѣхи въ Азіи. Но въ Европѣ, гдѣ, собственно, долженъ былъ быть нанесенъ рѣшительный ударъ, они потерпѣли серьезныя неудачи. Ихъ плохо организованная армія, едва-едва, взяла Варну, но не могла справиться съ лагеремъ подъ Шумлой, гдѣ расположились, для защиты Балканскихъ переваловъ, новыя, обученныя по европейскому образцу, турецкія войска; она принуждена была, кромѣ

затѣмъ посолъ въ Вѣнѣ, въ С.-Петербургѣ (1833 г.); военный министръ (1835 г.); умеръ въ 1840 г.

[1]) Паскевичъ, Иванъ Федоровичъ, родился въ Могилевѣ въ 1777 г.; пажъ императора Павла I, затѣмъ адъютантъ Александра I, генералъ-маіоръ въ 1810 г.; генералъ-лейтенантъ въ 1813 г.; главнокомандующій кавказской арміей (1826), побѣдитель персовъ; главнокомандующій русской арміей въ Азіи, гдѣ одержалъ крупныя побѣды надъ турками (1828—1829 г.); посланъ усмирить возмутившуюся Польшу (1831 г.), получилъ титулъ князя Варшавскаго; намѣстникъ въ Польшѣ; главнокомандующій арміей, посланной на помощь австрійцамъ для усмиренія Венгріи въ 1849 г.; главнокомандующій дунайской арміей, во главѣ которой не имѣлъ успѣха въ 1854 г.; умеръ въ Варшавѣ 29 января 1856 г.

того, послѣ громадныхъ потерь, снять осаду съ Силистріи и произвести, въ октябрѣ и ноябрѣ, очень тяжелое отступленіе по направленію къ Молдо-Валахіи; это отступленіе Меттернихъ поспѣшилъ, не безъ преувеличенія, сравнить съ 1812 годомъ.

Такая перемѣна преисполнила радостью сердце австрійскаго министра. Пока русскіе вели свои дѣла удачно, онъ отнюдь не грозилъ имъ. Но лишь только онъ замѣтилъ перемѣну къ худшему, какъ тотчасъ же сдѣлался храбрѣе. Онъ издалъ отъ имени императора приказъ о производствѣ рекрутскаго набора и смотровъ. Теперь онъ уже не довольствовался тѣмъ, что поощрялъ турокъ въ ихъ сопротивленіи, доставляя имъ полезныя свѣдѣнія и распространяя по всей Европѣ слухи о гибели Россіи. Теперь онъ уже начиналъ заговаривать о томъ, чтобы устроить противъ Россіи великую коалицію. Но съ кѣмъ? И кто явился бы застрѣльщикомъ? Англія могла сражаться только на морѣ. Франція открыто заявляла, что она возьметъ сторону царя и что заставитъ Австрію обратиться къ Италіи и Рейну [1]), если только послѣдняя сдѣлаетъ попытку начать военныя дѣйствія противъ Польши.

При такомъ положеніи дѣла вѣнскій дворъ могъ рискнуть только въ томъ случаѣ, еслибы онъ былъ увѣренъ въ содѣйствіи Пруссіи. Но именно эта держава начинала отдѣляться отъ Австріи. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ связанъ тѣсною дружбою съ царемъ Николаемъ I. Онъ выдалъ за него замужъ одну изъ своихъ дочерей. Второй его сынъ, принцъ Вильгельмъ [2]), былъ также близкимъ другомъ этого монарха и впослѣдствіи даже женился на его родственницѣ [3]). Вообще, берлинскій дворъ, мало-по-малу успокоенный по отношенію къ такъ испугавшей его, въ 1819 и 1820 гг., революціонной опасности, тайно склонялся теперь къ такой эволюціи, которая должна была позволить ему поставить себя, по отношенію къ Австріи, сперва въ независимое, а немного погодя—и во враждебное положеніе. Гарденбергъ, всецѣло подчинявшійся Меттерниху въ послѣдніе годы своей жизни, умеръ въ 1822 г.. Ему наслѣдовали другіе министры, тактика которыхъ заключалась въ томъ, чтобы отнюдь не противодѣйствовать реакціоннымъ предложеніямъ Австріи, извлекать изъ нихъ, при случаѣ, выгоду,—но, однако, всегда пере-

[1]) Такъ заявилъ канцлеру въ довольно ясныхъ выраженіяхъ французскій посолъ въ Россіи, герцогъ Мортемаръ, при проѣздѣ черезъ Вѣну, въ концѣ 1828 г.

[2]) Впослѣдствіи прусскій король и германскій императоръ, родился въ 1797 г., умеръ въ 1888 г.

[3]) Принцесса Веймарская, Августа, впослѣдствіи германская императрица.

носить иниціативу на Австрію и, какъ бы по необходимости слѣдуя за ней, сохранять возможность въ одинъ прекрасный день всю вину свалить на нее [1]. Мало-по-малу Германія дала себя вовлечь въ эту игру. Она находила берлинскій дворъ, въ сравненіи съ вѣнскимъ, либеральнымъ. Она выражала удивленіе по поводу совершенной исправности прусской администраціи и того благополучія, которое доставилъ своимъ владѣніямъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Какъ и передъ 1815 г., она начинала обращать взоры на государство, истинно-протестантское и нѣмецкое (какимъ не была Австрія), заинтересованное въ томъ, чтобы доставить Германіи безцѣнное благо національнаго единства, и способное защитить ее. Никто не сомнѣвался въ томъ, что національное единство было еще очень далеко. Но не могло ли это государство—въ ожиданіи этого единства и не мѣшая его осуществленію,—не могло ли оно обезпечить Германіи то таможенное и торговое единство, котораго тщетно просила, съ 1820 г., у Сейма нѣмецкая торговая ассоціація [2]? Не Пруссія ли, въ виду ея извѣстной географической раздробленности, должна была вы-

---

[1] „Необходимо,—читаемъ мы въ секретномъ мемуарѣ, написанномъ въ 1822 г., повидимому, Эйхгорномъ,—во всѣхъ случаяхъ предоставлять Австріи всю инициативу, которой она столь домогается. По неизмѣнной политикѣ среднихъ и малыхъ государствъ, ихъ недовольство будетъ всегда направлено противъ того государства, которое будетъ требовать себѣ первенства; и, можетъ быть, единственный способъ возстановить первенство Пруссіи заключается въ томъ, чтобы создать для этого недовольства другой объектъ, чѣмъ Пруссія. Послѣдняя же можетъ принять на себя пассивную роль и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣлать видъ, будто она только слѣдуетъ за австрійской политикой... Чѣмъ болѣе она будетъ принимать этотъ видъ пассивности, тѣмъ скорѣе, навѣрно, присоединится къ ней большинство государствъ конфедераціи, если разрывъ союза Австріи съ Пруссіей заставитъ уничтожиться то совокупное давленіе, которое онъ оказываетъ на Германію. Пруссіи нужно будетъ пріобрѣсти рѣшающее вліяніе на нѣмецкую націю, какъ государству, истинно-нѣмецкому и дѣйствительно представляющему изъ себя Германію... Пруссія должна изобразить изъ себя государство, не склоняющееся къ народнымъ формамъ управленія, но, все-таки, слѣдующее въ управленіи наиболѣе либеральнымъ принципамъ; она должна помогать всегда и всюду искусству и просвѣщенію, обладать наиболѣе твердой и просвѣщенной администраціей и, наконецъ, открывать всякому таланту наиболѣе подходящую дорогу“.

[2] Германская ассоціація торговли и промышленности, основана во Франкфуртѣ, въ апрѣлѣ 1819 г., по мысли извѣстнаго экономиста Фридриха Листа; ея просьбы о единствѣ границы встрѣтили на карлсбадской и вѣнской (1819, 1820 гг.) конференціяхъ лишь презрѣніе и невниманіе; вызвала въ Германіи національную агитацію, первыми признаками которой явились конгрессы въ Дармштадтѣ (сент. 1820 г.), Готѣ (1821 г.), Раштадтѣ (1823 г.), Штутгардтѣ (1825 г.); эти конгрессы были оставлены Франкфуртскимъ собраніемъ безъ послѣдствій, но привели къ первымъ переговорамъ между Вюртембергомъ и Баваріей и возбудили впослѣдствіи вниманіе и соревнованіе Пруссіи.

играть болѣе всякаго другого государства Союза отъ такой реформы, которая учетверила бы въ нѣсколько лѣтъ земельное и промышленное значеніе Германіи, уничтоживъ внутри государства тягостныя преграды и застраховавъ страну отъ иноземнаго экономическаго вторженія? Кому, какъ не берлинскому двору, могло быть выгодно такое единеніе интересовъ, которое должно было дать, въ результатѣ, единеніе идей и учрежденій? Обо всемъ этомъ пока еще, повидимому, не очень-то сильно заботились въ Вѣнѣ. Но все это начинали понимать на берегахъ Шпрее [1]. Соревнуясь съ Баваріей и Вюртембергомъ, учредившими между собою единство границъ [2], прусское правительство начало уже вовлекать въ подобное соглашеніе нѣкоторыя второстепенныя, пограничныя съ нимъ государства [3]. Затѣмъ оно сблизилось съ мюнхенскимъ и штутгардтскимъ дворами спеціальнымъ соглашеніемъ, заставивъ ихъ примкнуть къ своей экономической политикѣ, и прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы разрушить Тюрингенское соглашеніе, родъ контръ-лиги, организованной нѣкоторыми сѣверными [4] германскими государствами противъ Пруссіи. Однимъ словомъ, Zollverein зарождался; и зарождался онъ по мысли и подъ покровительствомъ Пруссіи. Не трудно понять, что въ этотъ моментъ берлинскій кабинетъ былъ

---

[1]) Внутреннія границы были уничтожены въ Пруссіи съ 16 іюля 1816 г. Впослѣдствіи, отмѣнивъ всѣ запреты, Фридрихъ-Вильгельмъ положилъ начало свободной торговлѣ (кромѣ тарифа на потребленіе и транзитъ, въ 40—60%, лежавшаго, главнымъ образомъ, на иностранныхъ мануфактурныхъ товарахъ). Такъ какъ прусская промышленность пріобрѣла уже большое развитіе, то она безъ опасности могла допустить до извѣстной степени иностранный ввозъ; и она могла, такимъ образомъ, открыть себѣ, по взаимности, новые рынки. Сверхъ того, новый тарифъ служилъ для берлинскаго правительства способомъ поправить свои финансы. Этотъ тарифъ былъ пересмотрѣнъ и улучшенъ въ 1821 г. настолько, что вызвалъ удивленіе Хускиссона. Пруссія, кромѣ того, извлекала значительныя выгоды изъ своего акта о навигаціи (20 іюля 1822 г.). Наконецъ, учрежденіе провинціальныхъ совѣтовъ (1823 г.) и окружныхъ совѣтовъ (1825 г.) не мало способствовало упроченію ея матеріальнаго благосостоянія.

[2]) Трактатъ о торговлѣ и границахъ, заключенный между этими двумя государствами 12 апрѣля 1827 г., сдѣлался 18 января 1828 г. истиннымъ таможеннымъ союзомъ; къ нему присоединились, 26 сент. того же года, два княжества Гогенцоллернъ.

[3]) Великое герцогство Гессенъ-Дармштадтское—трактатомъ 14 февраля 1828 г., и княжества Ангальтъ-Кетенъ и Ангальтъ-Дессау—17 іюня того же года.

[4]) Тюрингенское соглашеніе, которое, впрочемъ, не было основано, подобно двумъ первымъ, на принципѣ единенія границъ, заключало въ себѣ Бременъ, Франкфуртъ, Брауншвейгъ, Ганноверъ, Гессенъ (курфюршество), Гессенъ-Гомбургъ, Нассау, Ольденбургъ, княжества Рейссъ, Саксонское королевство, великія герцогства и герцогства саксонскія и княжество Шварцбургское.

очень мало расположенъ подвергать опасности свое дѣтище и не соглашался пуститься на рискованное предпріятіе, выгодное только Австріи, т.-е. такой державѣ, которую онъ, въ сущности, ненавидѣлъ, и вліяніе которой старался вытѣснить изъ Германіи.

Коалиція, о которой мечталъ, въ концѣ 1828 г., Меттернихъ, не состоялась. Но, все-таки, Россія, одно время, рисковала быть покинутой двумя ея союзниками. Послѣ того, какъ царь принужденъ былъ отступить, Веллингтонъ, казалось, менѣе, чѣмъ прежде, сталъ бояться его гнѣва на случай, если Австрія и Франція возвратятъ себѣ свободу дѣйствій. Раздосадованный блокадой, которую учредилъ по собственному своему почину въ Дарданеллахъ русскій императоръ,—глава британскаго кабинета сталъ особенно усердно заискивать у французскаго правительства. Принимая, напримѣръ, въ качествѣ королевы, молодую Донну Марію [1]), онъ одновременно, проявилъ странную снисходительность къ Д. Мигуэлю, что̀, впрочемъ, ничуть не тронуло Мартиньяка; затѣмъ онъ согласился, чтобы французская бригада, впредь до новаго приказа, продолжала занимать Пелопонесъ— что̀ понравилось уже гораздо болѣе этому министру. Но, несмотря на все это, онъ не могъ добиться того, чтобы Франція открыто порвала съ Россіей. Правда, принятый 16 ноября лондонской конференціей протоколъ гласилъ, что эта держава соединится съ Англіей и отправитъ въ Константинополь посла съ порученіемъ вести переговоры о умиротвореніи Греціи. Но это постановленіе сопровождалось оговоркой, что оно будетъ исполнено только съ одобренія царя, которому долженъ былъ о немъ донести Ливенъ. Легко можно было ожидать, что царь выставитъ съ своей стороны условія и, такимъ образомъ, сведетъ на нѣтъ планы Веллингтона.

§ 10. Дозволительно спросить себя, какимъ образомъ Меттернихъ, потерпѣвъ столько неудачъ, могъ еще надѣяться на то, что ему удастся затормозить или, по крайней мѣрѣ, отдалить освобожденіе Греціи. Но дѣло въ томъ, что этотъ государственный человѣкъ не легко терялъ вѣру въ себя. Оказывается, что въ это самое время (декабрь 1828 г.) онъ пускаетъ въ ходъ мысль о созваніи конгресса, на который можно было бы возложить дѣло умиротворенія востока. Одновременно, онъ работаетъ, сообща съ

[1]) Она прибыла въ Англію въ сентябрѣ 1828 г. и пробыла тамъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Веллингтономъ надъ тѣмъ, чтобы замѣстить Ля-Ферронэ [1])—лондонскимъ посломъ, княземъ Полиньякомъ, такъ какъ послѣдній, убѣжденный монархистъ, долженъ былъ быть, по разсчетамъ Меттерниха, болѣе уступчивымъ въ греческомъ вопросѣ. Но этотъ маленькій заговоръ не удался (февраль 1829 г.). Съ другой стороны, очень встревоженный ирландскимъ движеніемъ, бывшимъ въ этотъ моментъ въ самомъ разгарѣ [2]) и не дозволявшимъ Веллингтону подвергать свою политику новымъ осложненіямъ, британскій кабинетъ счелъ необходимымъ воздержаться отъ всякаго противодѣйствія русской политикѣ. Въ виду всего этого, австрійскій канцлеръ, безъ особенныхъ колебаній, рѣшилъ повиниться; онъ отказался отъ проекта созвать конгрессъ и отправилъ въ Петербургъ своего лучшаго ученика, Фиккельмонта, для того, чтобы возобновить увѣренія въ преданности царю; впрочемъ, Николай I и его приближенные отвѣтили на нихъ съ весьма презрительной ироніей (февраль, мартъ 1829 г.).

Петербургскій кабинетъ не отказывалъ въ своемъ согласіи на протоколъ 16 ноября, но требовалъ, чтобы, прежде отправки назначенныхъ въ Константинополь французскаго и англійскаго пословъ, лондонская конференція (гдѣ онъ былъ представленъ) окончательно утвердила программу умиротворенія. Пришлось согласиться на это, и протоколъ 22 марта 1829 г., въ большей своей части согласованный съ русскими предложеніями, явился инструкціей для дипломатовъ, отправлявшихся на востокъ.

Въ силу этого соглашенія (основныя его статьи были подробно разсмотрѣны, въ Корфу и Поросѣ, Каподистріа и представителями трехъ державъ), Греція должна была составиться изъ Мореи, Цикладъ и континентальной Греціи вплоть до заливовъ Арта и Воло; она будетъ представлять конституціонную монархію и управляться христіанскимъ монархомъ, не находящимся въ родствѣ съ правящими дворами Франціи, Англіи и Россіи. На первый разъ, глава этого государства будетъ назначенъ, съ согласія Порты, тремя союзными державами; Греція будетъ пла-

[1]) Ля-Ферронэ (Пьеръ-Людовикъ-Августъ Ферронъ, графъ) родился въ Сэнъ-Мало въ 1777 г.; эмигрировалъ во время революціи; адъютантъ герцога Беррійскаго; посланъ графомъ де-Провансъ въ 1812 г. съ порученіемъ къ Александру I; вернулся во Францію въ 1814 г.; генералъ-майоръ, пэръ Франціи; полномочный министръ въ Даніи (1817 г.); посолъ въ Россіи (1819 г.); министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Мартиньяка (1828 г.); посолъ въ Римѣ (февраль 1830 г.); уволенъ въ отставку послѣ Іюльской революціи; умеръ въ 1842 г.

[2]) Въ этотъ моментъ вопросъ объ эмансипаціи католиковъ волновалъ не только парламентъ, но и всѣ, вообще, три королевства.

тить султану ежегодную дань въ размѣрѣ 1.500.000 піастровъ и вознаградить турецкихъ собственниковъ за тѣ недвижимости, которыя они принуждены будутъ покинуть.

Правда, Англія сдѣлала къ протоколу прибавку, которая дѣлала полученіе согласія навплійскаго правительства весьма затруднительнымъ. Дѣйствительно, изъ угожденія ей, было постановлено, что вплоть до окончательнаго разрѣшенія греческаго вопроса, эллинскія войска будутъ занимать только Морею и острова, т.-е. только тѣ территоріи, которыя были имъ гарантированы. Каподистріа не преминулъ протестовать противъ такого требованія, такъ какъ онъ зналъ, что оно не будетъ поддержано ни Франціей, ни Россіей (май 1829), и не только не очистилъ ни одного пункта, занятаго его войсками, но даже продвинулъ дальше къ сѣверу свои силы, чтобы увеличить, если возможно, новое государство. Что касается до турецкаго правительства, то оно приняло, съ большимъ почетомъ, въ іюнѣ двухъ пословъ Франціи и Англіи, но выказало очень мало желанія подчиниться какому бы то ни было посредничеству и дать свое согласіе на протоколъ.

§ 11. Этотъ безконечный конфликтъ интересовъ и честолюбій могъ быть прекращенъ, очевидно, только войной. Кампанія 1828 г. была въ высокой степени нерѣшительною. Полную противоположность ей составила кампанія 1829 г. Въ Азіи Паскевичъ дошелъ до Эрзерума и завладѣлъ имъ. Но наиболѣе тяжкіе удары были нанесены Портѣ въ Европѣ. Пользуясь диверсіей, сдѣланной греками, обновленная и реорганизованная русская армія снова появилась въ Болгаріи, разбила турокъ при Кулевчѣ (іюнь), взяла Силистрію и, съ изумительной смѣлостью преодолѣвъ въ одинъ переходъ Балканы, появилась 20 августа подъ Адріанополемъ подъ начальствомъ Дибича [1]), который, спустя нѣсколько дней, продвинулъ свои аванпосты почти вплоть до Константинополя.

Дибичъ дѣйствовалъ съ большимъ рискомъ, ставя все на

[1]) Дибичъ Забалканскій (Карлъ-Жанъ-Фридрихъ-Антонъ, графъ) родился въ Гросслиссѣ (Силезія) въ 1785 г.; весьма молодымъ поступилъ на русскую службу; начальникъ главнаго штаба Виттгенштейна 1812 г.,—Барклая де-Толли въ 1813 г.; послѣ Лейпцига, генералъ-лейтенантъ; назначенъ генералъ-адъютантомъ (1815 г.); генералъ-майоръ русской арміи въ 1820 г.; составитель плана турецкой кампаніи въ 1828 г.; назначенъ главнокомандующимъ вмѣсто Виттгенштейна (18 марта 1829 г.); фельдмаршалъ (1829 г.); главнокомандующій надъ арміей, назначенной дѣйствовать въ Польшѣ (1830 г.); умеръ отъ холеры въ Пултускѣ 9 іюня 1831 г.

карту; дѣло въ томъ, что, находясь въ самомъ сердцѣ непріятельской страны, онъ могъ располагать всего 20 т. солдатъ, такъ что приближавшійся форсированными переходами паша Скодры могъ напасть на него съ фланга. Императоръ Николай I, зная, что онъ подвергается опасности, и желая поскорѣе покончить съ разорительной войной, обратился за посредничествомъ къ своему тестю, прусскому королю (іюнь 1829 г.). Послѣдній отправилъ въ Константинополь Мюффлинга [2]), одного изъ своихъ генераловъ, предписавъ ему ускорить заключеніе мира. Пока Дибичъ находился еще далеко, султанъ оставался несговорчивымъ. Наоборотъ, когда въ Константинополѣ узнали о приближеніи русскихъ, Махмудъ и министры точно потеряли голову. Впрочемъ, присутствіе духа не было сохранено даже во французскомъ и англійскомъ посольствахъ; никто не съумѣлъ понять того, что нѣсколько дней спокойнаго сопротивленія навѣрное доведутъ армію царя до полной гибели. Всѣ хотѣли немедленнаго заключенія мира, какой бы цѣною ни пришлось его купить. Мюффлингъ отправился обратно, но другой прусскій агентъ, Ройеръ, былъ экстренно отправленъ къ Дибичу, и при его посредничествѣ были подписаны, 14 сентября, Адріанопольскій договоръ и конвенціи, имѣвшія цѣлью выяснить и обезпечить его исполненіе.

Самый договоръ обусловливалъ, что царь возвратитъ султану всѣ свои европейскія завоеванія, кромѣ острововъ въ устьѣ Дуная, но сохранитъ въ Азіи, сверхъ уступленныхъ уже по Аккерманской конвенціи мѣстъ,—Анапу, Поти, Ахалцыхъ, Атцкуръ и Акхалкалаки. Были подтверждены еще разъ и утверждены права Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Порта предоставляла свободный проходъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ для русскихъ судовъ, а также для судовъ всѣхъ дружественныхъ ей державъ. Русскимъ подданнымъ была дана полная свобода торговли по всей оттоманской имперіи и по Черному морю. Султанъ обязывался уплатить царю 11 милліоновъ 500 тысячъ дукатовъ (137 милл. франковъ) вознагражденія частнымъ лицамъ и казнѣ; въ обезпеченіе этой суммы Болгарія и княжества должны были остаться временно оккупированными.

[1]) Мюффлингъ (Фридрихъ-Фердинандъ-Карлъ, баронъ), родился въ Галлѣ въ 1775 г.; генералъ-квартирмейстеръ Силезской арміи въ 1813 г.; губернаторъ Парижа въ 1815 г., назначенный союзниками; членъ Ахенскаго конгресса (1818 г.); начальникъ генеральнаго штаба прусской арміи (1820 г.); командиръ 7-го армейскаго корпуса (1832 г.); губернаторъ Берлина (1837 г.); президентъ государственнаго совѣта (1841 г.); генералъ-фельдмаршалъ (1847 г.); авторъ значительныхъ военныхъ историческихъ трудовъ; умеръ въ 1851 г.

Наконецъ, Порта безусловно присоединилась къ трактату 6 іюля и протоколу 22 марта относительно Греціи. Къ главному договору о мирѣ была присоединена конвенція объ уплатѣ вознагражденія и договоръ относительно Молдавіи и Валахіи. Этотъ послѣдній, кромѣ другихъ нововведеній, упоминалъ о томъ, что господари будутъ назначаться пожизненно, а не на семь лѣтъ, и что турецкія укрѣпленія на лѣвомъ берегу Дуная будутъ уступлены княжествамъ и срыты.

Это заключеніе мира было самой блестящей побѣдой, какую только могла одержать Россія въ то время на востокѣ. Горделивая и рѣшительная политика Николая I дала свои плоды. Лишившись Молдавіи, Валахіи, Сербіи и Греціи, новый укладъ которыхъ служилъ внѣ всякаго сомнѣнія вѣрнымъ путемъ къ дальнѣйшей полной независимости,—оттоманская имперія являлась униженною и со всѣхъ сторонъ открытою русскому вліянію. Благодаря выговоренному вознагражденію, очевидно превышавшему финансы Турціи, царь могъ особенно сильно вліять на нее. Въ Азіи онъ пріобрѣлъ наступательные пункты. Получивъ свободу мореплаванія по Черному морю и проливамъ, особыя торговыя преимущества, вліяніе на вассальныя государства и пользуясь старыми притязаніями на протекторатъ надъ всѣми христіанскими подданными турецкой имперіи, царь былъ въ состояніи эксплоатировать ее, парализовать ея дѣйствія и во всякій моментъ создавать предлоги для недоразумѣній; этимъ путемъ онъ безъ издержекъ и безъ опасности господствовалъ надъ Турціей столь же полно, какъ еслибы онъ открыто утвердился въ Константинополѣ. Онъ принялъ видъ человѣка умѣреннаго въ своихъ требованіяхъ и въ то же время сдѣлался повелителемъ Востока. Оттоманская имперія, какъ писалъ немного позже Нессельроде, принуждена была принять протекторатъ Россіи и исполнять отнынѣ ея желанія; а заключенныя обязательства должны были заставить Турцію еще долгое время сознавать какъ сущность своего отношенія къ побѣдителямъ, такъ и безнадежную опасность всякой попытки освободиться отъ возложеннаго на нее ига.

§ 12. Турецкое правительство признало—но слишкомъ поздно—какую ошибку оно сдѣлало, поспѣшивъ со заключеніемъ мира. Въ концѣ сентября, паша Скодры вышелъ съ своими войсками изъ Филиппополя и могъ нанести пораженіе арміи Дибича. Послѣдній, сильно обезпокоенный такимъ положеніемъ вещей, приложилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы изобразить султану

вышеупомянутаго пашу, какъ любимца янычаръ, имѣющаго цѣлью отомстить за нихъ и ограничить власть султана. Махмудъ повѣрилъ этому и предпочелъ лучше исполнить Адріанопольскій трактатъ, чѣмъ подчиниться желаніямъ одного изъ своихъ подданныхъ. Съ давнихъ поръ обѣщанная сербамъ автономія была, наконецъ, дарована хатти-шерифомъ 29 ноября 1829 г.. Привилегіи Молдавіи и Валахіи были возобновлены. Всѣ турецкіе рынки были открыты русскимъ подданнымъ. Порта оказала нѣкоторое упорство (да и то въ очень робкой формѣ) лишь по греческому вопросу и по вопросу объ уплатѣ военной контрибуціи. Относительно этого послѣдняго пункта, Порта, путемъ усиленныхъ просьбъ, получила отъ побѣдителя весьма значительную уступку. Послѣ переговоровъ, происходившихъ въ С.-Петербургѣ и продолжавшихся всю зиму, царь, съ высокомѣрной снисходительностью сюзерена къ своему вассалу, согласился сбавить съ военной контрибуціи 3 милліона червонцевъ, приказалъ своимъ войскамъ очистить Румелію и Болгарію и объявилъ, что, начиная съ октября мѣсяца, т.-е. съ того времени, когда Порта должна была уплатить первый взносъ, онъ сохранитъ за собой въ качествѣ залога лишь крѣпость Силистрію (10 апрѣля 1830 г.). Царь прекрасно понималъ, что этимъ онъ нисколько не компрометируетъ свего положенія. Онъ зналъ, что Турція на долго окажется связанной по рукамъ и ногамъ, а также, что русскія войска, благодаря беззащитности княжествъ и свободѣ перехода черезъ Дунай, въ любое время будутъ въ состояніи двинуться, по крайней мѣрѣ, до Балканъ. Кромѣ того, было условлено, что, въ виду такихъ жертвъ со стороны царя, султанъ дастъ безусловное согласіе на постановленія лондонской конференціи по греческому вопросу; а постановленія эти лишь въ частностяхъ отличались отъ протокола 22 марта.

Греки, фактически освобожденные отъ турецкаго ига, не соглашались уже больше на ту вассальную зависимость, которой они, было, подчинились въ минуту наиболѣе тяжелыхъ испытаній послѣднихъ годовъ. Они домогались теперь независимости безусловной, и домогались ея съ тѣмъ большею настойчивостью, что двѣ изъ трехъ державъ, связанныхъ лондонскимъ трактатомъ, поддерживали ихъ требованія. Дѣйствительно, и Франція, и, въ особенности, Англія были заинтересованы въ томъ, чтобы Россія не могла извлекать выгоду изъ бѣдственнаго состоянія турецкой имперіи и вызывать новыя осложненія, вмѣшиваясь въ дѣла внутренняго управленія новаго государства, подобно тому какъ она это дѣлала по отношенію къ Молдавіи и Валахіи, нахо-

дившихся въ аналогичномъ вассальномъ отношенiи. Поэтому, конференцiя, снова открывшая свои засѣданiя въ октябрѣ 1829 года, постановила уничтожить всякую связь греческаго правительства съ Портой. Россiя, въ данномъ случаѣ, не протестовала, такъ какъ, принимая во вниманiе послѣднiя событiя, она видѣла, что за ней вполнѣ обезпечено главенствующее положенiе не только въ Константинополѣ, но и въ Навплiи. Русское правительство даже выразило желанiе (съ цѣлью еще болѣе ослабить Турцiю и создать затрудненiя для Англiи, боявшейся потерять Iоническiе острова), чтобы вновь созданное государство простиралось съ восточной стороны до залива Арта, какъ это было обѣщано Грецiи протоколомъ 22 марта. Но Великобританiя не согласилась на это. Поэтому, рѣшено было, что Грецiя будетъ состоять только изъ полуострова Мореи, островов Цикладскихъ и земель, расположенныхъ между устьями рѣкъ Сперхiя и Аспропотама (Акарнанiя не вошла въ составъ Грецiи). Относительно образа правленiя, было предложено объявить Грецiю монархiей, и изъ значительнаго числа представленныхъ державами кандидатовъ, лондонская конференцiя выбрала принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, котораго греки, еще пять лѣтъ тому назадъ, просили занять греческiй тронъ. Всѣ эти постановленiя вошли въ протоколы, подписанные державами 3 февраля 1830 г. [1]). Въ этотъ моментъ греческiй вопросъ казался улаженнымъ.

Однако, дипломатамъ пришлось еще не мало потрудиться, дабы разрѣшить его окончательно. Въ самомъ дѣлѣ, Леопольдъ, первоначально, повидимому, желавшiй занять греческiй тронъ [2]), теперь сталъ медлить.

Онъ былъ человѣкомъ въ высокой степени образованнымъ, сообразительнымъ и твердымъ во взглядахъ. Онъ былъ женатъ на принцессѣ Шарлоттѣ, единственной дочери англiйскаго принцарегента (впослѣдствiи Георга IV). Овдовѣвъ въ 1817 году и не имѣя дѣтей, онъ не покинулъ Великобританiи, гдѣ у него было громадное имущество и гдѣ онъ прiобрѣлъ среди партiи виговъ значительное влiянiе. Внушая опасенiе партiи торiевъ, сильно

[1]) Протоколовъ было три: въ-первомъ изъ нихъ Грецiя объявлялась независимымъ государствомъ и устанавливались ея границы; во-второмъ, принцу Леопольду предлагался тронъ; наконецъ, въ послѣднемъ протоколѣ обезпечивалась, по требованiю Францiи, свобода вѣроисповѣданiй и, въ частности, свобода исповѣданiя католической религiи въ новомъ государствѣ.

[2]) Въ 1829 году Леопольдъ послалъ въ Грецiю, въ качествѣ агента своей кандидатуры, брата барона Штокмара, своего любимца. Мемуары послѣдняго весьма цѣнны для изученiя исторiи Леопольда и королевы Викторiи.

желавшихъ отправить его куда-либо на Востокъ, онъ, въ то же время, былъ въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ съ своимъ зятемъ. Но этотъ послѣдній, на 68 году своей жизни, заболѣлъ (въ январѣ 1830 г.) и былъ близокъ къ смерти. Послѣ него престолъ долженъ былъ перейти къ его брату, герцогу Кларенскому [1]), тоже пожилому и больному человѣку. Такъ какъ и этотъ принцъ не имѣлъ прямого наслѣдника, то англійская корона послѣ него должна была перейти къ его племянницѣ, малолѣтней Викторіи [2]). Послѣдняя приходилась племянницей и ему, и Леопольду. Такъ какъ въ это время Викторіи было только 11 лѣтъ, то являлась необходимость въ установленіи, отъ ея имени, регентства, которое, какъ слѣдовало полагать, должно было быть поручено Леопольду. Вотъ почему, онъ не принялъ греческую корону сразу, а сталъ ставить свои условія. Онъ потребовалъ у конференціи (11 февраля), чтобы, во-первыхъ, независимость Греціи была „гарантирована“ державами; во-вторыхъ, чтобы новое государство было увеличено присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ острововъ Архипелага и расширеніемъ его сѣверныхъ границъ; въ-третьихъ, чтобы за Греціей была обезпечена денежная помощь, въ которой она сильно нуждалась; въ-четвертыхъ, наконецъ, чтобы у нея не была сразу отнята военная помощь тройственнаго союза.

Конференція отвѣтила ему протоколомъ 20 февраля, въ которомъ соглашалась на слѣдующія три условія: независимость Греціи и необходимый для вновь созданнаго государства заемъ въ 60 милліоновъ будутъ гарантированы; французскія войска, занимавшія Морею, останутся тамъ еще на годъ; но границы, установленныя конвенціей 3 февраля, отнюдь не будутъ измѣнены; державы только берутъ на себя трудъ выхлопотать у султана свободу и особенное управленіе для острововъ Самоса и Кандіи. Не выказывая большого энтузіазма, принцъ Леопольдъ объявилъ себя удовлетвореннымъ, и конференція рѣшила, что ея постановленія, со всѣми измѣненіями, будутъ сообщены навплійскому и константинопольскому правительствамъ. Порта, нѣкогда столь упрямая, присоединилась теперь съ величайшей покорностью къ рѣ-

---

[1]) Онъ родился въ 1765 году; англійскій король съ 28 іюня 1830 г., подъ именемъ Вильгельма IV. Умеръ 28 іюня 1837 года.

[2]) Викторія-Александрина, дочь герцога Кентскаго и внучка Георга III, родилась 24 мая 1819 г. Англійская королева съ 28 іюня 1837 г.; 10 февраля 1840 г. вышла замужъ за принца Альберта Саксенъ-Кобургскаго; въ 1876 г. была провозглашена императрицей Индіи. (Умерла въ 1901 г.). Ея мать, Марія-Луиза-Викторія Саксенъ-Кобургская (родилась въ 1785 г., умерла въ 1861 г.), была сестрой Леопольда.

шеніямъ конференціи. Совершенно иначе отнеслась къ этому Греція. Каподистріа, тайно подстрекаемый Россіей (эта послѣдняя не желала видѣть на тронѣ англійскаго кандидата) и сильно озабоченный—хотя онъ говорилъ обратное—тѣмъ, чтобы сохранить за собой власть, употребилъ всѣ свои усилія, стараясь отбить у Леопольда охоту ѣхать въ Грецію. Со времени своего прибытія въ Навплію (январь 1828 г.), бывшій министръ Александра I пользовался тамъ настоящей диктаторской властью. Онъ пріостановилъ дѣйствіе греческой конституціи 1827 г. и управлялъ страной единолично, безъ чьего-либо контроля, такъ какъ и сенатъ былъ всецѣло на его сторонѣ [1]). Для Каподистріа не представилось затрудненій получить отъ сената отвѣтъ, согласный съ его секретными планами. Мнѣніе, выраженное сенатомъ, подъ его вліяніемъ (10 апрѣля), было, съ внѣшней стороны, полно почтительности по отношенію къ конференціи и къ принцу Леопольду. Но, по содержанію, оно отнюдь не являлось безусловнымъ одобреніемъ послѣднихъ протоколовъ. Въ этомъ документѣ говорилось о томъ, что греческій народъ самъ имѣетъ право опредѣлить свою участь и что конституція должна быть свободно обсуждена его представителями; что новое государство не можетъ довольствоваться предѣлами, предоставленными ему конвенціей 3 февраля; наконецъ, что приглашенный управлять страной принцъ долженъ принять, если еще не принялъ, греческую вѣру. Таковъ былъ отвѣтъ сената. Что касается самого Каподистріа, то онъ открыто одобрилъ выборъ конференціи и просилъ Леопольда (22 апрѣля) поскорѣе пріѣхать въ Грецію. Но онъ въ такихъ мрачныхъ краскахъ представилъ герцогу бѣдность и анархію этой несчастной страны, своеволіе и грубость его будущихъ подданныхъ, ихъ неудовольствіе по поводу рѣшенія державъ относительно предѣловъ Греціи,—что принцъ, и раньше не особенно склонный компрометировать себя среди подобнаго народа, на этотъ разъ, не колеблясь, отказался отъ короны. Необходимо замѣтить, что болѣзненное состояніе Георга IV ухудшалось съ каждымъ днемъ. Поэтому, Леопольдъ сообщилъ конференціи, что онъ не можетъ принять ея предложенія, и, несмотря на настоятельныя просьбы, торжественно отказался

[1]) Вмѣсто Пангеллениона, учрежденнаго Каподистріа въ 1828 г. (всѣ члены его были назначены имъ самимъ), національное собраніе учредило въ Аргосѣ, въ іюлѣ 1829 г., Сенатъ изъ 27 членовъ, изъ коихъ 21 должны были быть назначены самимъ Каподистріа изъ 60 кандидатовъ, представляемыхъ собраніемъ; онъ могъ, по своему усмотрѣнію, выбрать шесть остальныхъ кандидатовъ, а также лицъ для замѣщенія освобождавшихся вакансій.

отъ предложенной ему короны (12 мая). Такимъ образомъ, дипломаты вынуждены были предоставить ее другому. Но, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они никакъ не могли притти между собою къ соглашенію относительно выбора новаго кандидата; въ августѣ 1830 г., греческая нація, не особенно, впрочемъ, довольная Каподистріа и его политическими кознями, продолжала ожидать отъ конференціи монарха.

§ 13. Итакъ, греческій вопросъ все еще оставался на европейскомъ горизонтѣ въ видѣ темнаго пятна, чреватаго бурями. Востокъ все еще былъ причиной безпокойствъ для европейскихъ правительствъ и, въ особенности, для Австріи и Англіи. И тревога, внушаемая имъ европейскимъ державамъ, имѣла тѣмъ бо̀льшее основаніе, что нѣкоторыя изъ правительствъ клали этотъ вопросъ въ основу дерзкихъ и опасныхъ проектовъ, при осуществленіи коихъ пришлось бы разрушить, почти до основанія, политическое зданіе, воздвигнутое вѣнскимъ конгрессомъ. Князь Полиньякъ [1]), появленіе котораго у власти было встрѣчено съ такою радостью Меттернихомъ и Веллингтономъ, сдѣлался, 8-го августа 1829 г., первымъ министромъ Карла X; но оказалось, что его внѣшняя политика далеко не удовлетворяла и вовсе не успокаивала этихъ обоихъ государственныхъ дѣятелей. Этотъ человѣкъ (одно его имя звучало вызовомъ для либераловъ и сторонниковъ хартіи) надѣялся, съ помощью грандіозныхъ внѣшнихъ политическихъ комбинацій установить во внутреннемъ управленіи Франціи съ давнихъ поръ ожидаемый его друзьями режимъ произвола и реакціи. Будучи сторонникомъ тѣснаго сближенія Россіи и Франціи, онъ, въ сентябрѣ 1829 года, добился отъ своихъ товарищей по министерству и отъ своего монарха принятія такого плана, благодаря которому Карлъ X и Николай I, пользуясь восточнымъ кризисомъ, могли бы передѣлать почти всю карту Европы. Согласно этому плану, турки изгонялись окончательно съ Балканскаго полуострова. Россія пріобрѣтала Молдавію и Валахію. Австрія получала Сербію,

[1]) Полиньякъ (Юлій-Августъ-Арманъ-Марія, князь) родился въ Версали въ 1780 г.; крестный сынъ Маріи-Антуанетты; увезенъ своей эмигрировавшей семьей (1789 г.); замѣшанъ въ дѣлѣ Кадудаля (1804 г.) и долгое время содержался въ тюрьмѣ по приказу Наполеона; по порученію Людовика XVIII, исполнялъ дипломатическія обязанности при папѣ (1814 г.), сдѣлавшемъ его римскимъ княземъ; пэръ Франціи (1816 г.); посолъ въ Лондонѣ (1823—1829 гг.); министръ иностранныхъ дѣлъ (8 августа) и президентъ совѣта (18 ноября 1829 г.); главный виновникъ ордоннансовъ, приведшихъ къ Іюльской революціи; осужденъ на вѣчное заключеніе въ тюрьму палатой пэровъ (декабрь 1830 г.); помилованъ въ 1837 г.; умеръ въ Сенъ-Жерменѣ въ Лэ (1847 г.).

Боснію, Герцеговину и турецкую Далмацію. Остальная часть полуострова, съ Константинополемъ, Греціей и островами, должна была составить новое государство, управленіе которымъ возлагалось на нидерландскаго короля. Самое же нидерландское королевство переставало существовать. Нидерландскія земли должны были перейти къ Пруссіи, которая получала, кромѣ того, Саксонію, но зато отказывалась отъ принадлежавшихъ ей земель по лѣвому берегу Рейна. Бельгія съ Люксембургомъ выпадали на долю Франціи, получавшей еще небольшія провинціи, отнятыя у нея трактатомъ 20 ноября 1815 г. Рейнскія провинціи Пруссіи отдавались саксонскому королю. Баварія, вслѣдствіе нѣкотораго увеличенія своей территоріи, не должна была больше составлять двухъ отдѣльныхъ частей. Англіи предлагались голландскія колоніи. Наконецъ, варварійскія государства должны были сдѣлаться независимыми.

Этотъ грандіозный и химерическій проектъ былъ сообщенъ Николаю I только послѣ заключенія адріанопольскаго мира. Прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій па Востокѣ нисколько не мѣшало Полиньяку, въ теченіе зимы 1829 и 1830 гг., продолжать разработку основныхъ пунктовъ только-что изложеннаго нами проекта. Онъ завелъ секретные переговоры, но тайна ихъ, мало-по-малу, стала обнаруживаться. Безъ сомнѣнія, никакого окончательнаго рѣшенія не было принято ни Франціей, ни Россіей. Нельзя даже предположить, чтобы заключеніе договора или, въ особенности, приведеніе его въ исполненіе, было особенно близко. Но можно съ увѣренностью утверждать, что между Россіей и Франціей царствовало полное согласіе. Особенно бросается въ глаза (первые мѣсяцы 1830 г.) та снисходительность, съ которою петербургскій кабинетъ отнесся къ французской экспедиціи, отправленной Полиньякомъ, въ ожиданіи лучшаго, противъ алжирскаго дея. Карлу X и его министрамъ было необходимо стяжать себѣ нѣкоторое количество военной славы къ моменту объявленія іюльскими ордонансами войны противъ Революціи. Поэтому, ссылаясь на оскорбленіе, полученное однимъ изъ французскихъ консуловъ въ 1827 г. еще не отмщенное [1]), они готовились, при посредствѣ большихъ вооруженій, завоевать Алжиръ. Тщетно Англія, отъ имени какъ султана, котораго вас-

[1]) Алжирскій дей Гуссейнъ, въ отвѣтъ на денежныя требованія, источникъ которыхъ восходилъ къ эпохѣ Имперіи и консульства, ударилъ вѣеромъ по лицу, въ порывѣ гнѣва, французскаго консула Деваля (1827 г.). Французское правительство, не будучи въ состояніи получить надлежащее удовлетвореніе, подвергло Алжиръ продолжительной блокадѣ

саломъ [1]) былъ дей, такъ и отъ своего собственнаго, попробовала задержать это предпріятіе. Но ея возраженія и предостереженія не помѣшали отправкѣ экспедиціи (май 1830 г.). Нѣсколько недѣль спустя, было получено извѣстіе, что французы завладѣли Алжиромъ (іюль). Лондонскій дворъ обратился не безъ высокомѣрія съ запросомъ, собираются ли французы тамъ оставаться. А такъ какъ Карлъ X не оказался расположеннымъ выпустить изъ рукъ добычу, то отношенія Франціи и Англіи сдѣлались въ высокой степени натянутыми, и можно было думать, что обѣ эти державы находятся наканунѣ серьезнаго столкновенія.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что съ нѣкотораго времени, и, въ особенности, къ серединѣ 1830 года, распаденіе Священнаго Союза стало совершившимся фактомъ. Изъ пяти великихъ державъ, которыя нѣкогда, подъ покровительствомъ Александра I, заключили братскій союзъ, въ данную минуту, согласными между собою оставались только двѣ: Франція и Россія. И та, и другая находились во враждѣ съ Англіей и Австріей. Отношенія этой послѣдней державы къ Пруссіи были полны недоразумѣній. Австрія была совершенно изолирована. Меттернихъ, собиравшійся, по своему усмотрѣнію, вершать дѣла Европы—или, вѣрнѣе, мѣшать ей двигаться впередъ — оказывался потерявшимъ почти весь свой авторитетъ. Матеріальное равновѣсіе, основанное на трактатахъ 1815 года, было менѣе прочно, и болѣе, чѣмъ когда-либо, въ опасности. Что касается равновѣсія моральнаго, то, неоднократно нарушаемое и раньше, оно готовилось получить окончательный ударъ отъ революціи 1830 года. Проявленія духа свободы, такъ жестоко подавленныя въ періодъ 1820—1823 гг., повсюду возрождались и, очевидно, готовили свое отмщеніе. Освобожденіе Америки и Греціи являлось примѣромъ подражанія для всѣхъ національностей и всѣхъ угнетенныхъ народовъ. Польша собиралась добиваться своихъ правъ. Германія начинала сознавать свои интересы и свою силу. Бельгія волновалась. Въ Англіи демократія роптала [2]). Въ Италіи стали снова составляться заговоры. Абсолютизмъ и конституціонный режимъ, прикрываясь именемъ Д. Мигуэля и Д. Маріи, со-

---

[1]) Франція уже давно не признавала этой вассальной зависимости, утверждая, что она сама своими силами имѣетъ право добиться удовлетворенія, не получая такового отъ Порты.

[2]) Въ Великобританіи, въ это время, злобой дня былъ вопросъ объ избирательной реформѣ, т.-е. о расширеніи того олигархическаго ценза, который отстаивала торійская партія, лишая всю страну политической свободы.

перничали между собой въ Португаліи. Аналогичный споръ шелъ и въ Испаніи, благодаря распоряженіямъ Фердинанда VII [1]). Наконецъ, Франція, являвшаяся уже 40 лѣтъ главнымъ очагомъ Революціи, собиралась отвѣтить на ордонансы Карла X побѣдоноснымъ возстаніемъ; и вся Европа точно ждала его для того, чтобы возстать въ свою очередь.

[1]) По поводу права наслѣдованія. См. ниже, глава IX.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Революція и политика „золотой середины“ [1]).

§ 1. Признаніе іюльской монархіи со стороны Европы.—§ 2. Революція въ Бельгіи и лондонская конференція.—§ 3. Варшава и Брюссель.—§ 4. Итальянскій кризисъ въ 1831 г.—§ 5. Казимиръ Перье и меморандумъ 21 мая.—§ 6. Леопольдъ I, бельгійскій король.—§ 7. Гибель Польши.—§ 8. Французы въ Бельгіи, договоръ 24-хъ статей.—§ 9. Анконское дѣло.—§ 10. Россія и Востокъ въ началѣ 1832 г.

(1830—1832 г.).

§ 1. За іюльскими днями 1830 г., о которыхъ мы не будемъ здѣсь говорить, послѣдовалъ революціонный переворотъ, заставившій всю монархическую Европу бояться полнаго уничто-

---

[1]) Источники: Anonyme, das Koenigsthum in Belgien;—Araminski (S.), Histoire de la révolution polonaise;—Balleydier, Histoire de l'empereur Nicolas;—Bavay (de), Histoire de la révolution belge de 1830;—Belliard (генералъ), Mémoires;—Blanc (L.), Histoire de dix ans, t. I, II, III;—Bollaert (W.), The wars of succession of Portugal and Spain;—Broglie (герцогъ), Souvenirs;—Bulwer, Life of Palmerston;—Canitz-Dallwitz (баронъ), Denkschriften, t. I;—Cantù, della Indipendenza italiana, t. II;—Capefigue, l'Europe depuis l'avénement du roi Louis-Philippe, t. I-VI;—Carné (L. de), la Belgique, sa révolution et sa nationalité (Revue des Deux Mondes, 15 mai, 1-er et 15 juin 1836);—Deventer (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne;—Gervinus, Histoire du XIX siècle, t. XIX, XX, XXI, XXII;—Guizot, Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, t. II;—Haussonville (графъ), Histoire de la politique extérieure du gouvernement français (1830—1878), t. I;—Hillebrande (K.), Geschichte Frankreichs 1830—1870), t. I;—Hubbard, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. II;—Lelewel (J.), Histoire de Pologne;—Lesur, Annuaire historique, années 1830—1832;—Lytton-Bulwer, Essai sur Talleyrand;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. V;—Mieroslawski, Histoire de Pologne;—Montalivet (графъ), la Politique conservatrice de Casimir Périer (Revue de Deux Mondes, 1-er février 1882);—Nothomb, Essai historique et politique de la révolution de Belgique;—Rochechouart (графъ), Souvenirs;—Salvandy (de), Seize mois, ou la révolution

женія порядка вещей, установленнаго въ 1815 году. Вліяніе этого переворота, какъ мы увидимъ далѣе, стало ослабѣвать только съ марта 1831 г.

Первое время можно было думать, что Франція, ниспровергнувъ династію, дважды насильно навязанную ей извнѣ, не только потребуетъ возстановленія прежнихъ своихъ границъ, но еще и пригласитъ всѣ угнетенныя націи отомстить за себя и образовать „Священный Союзъ народовъ". Воспоминаніе о ея славѣ, также какъ и о ея пораженіяхъ; демократическая горячка, которою она была охвачена; либеральный космополитизмъ, наиболѣе убѣжденнымъ проповѣдникомъ котораго былъ ея кумиръ, Лафайэтъ [1],—все это, казалось, побуждало ее стать во главѣ крестоваго похода, предъ которымъ должны были пасть всѣ троны. При дворахъ неограниченныхъ государей господствовала тревога, и въ одинъ изъ первыхъ дней замѣшательства старый прусскій король воскликнулъ: „Если французы не пойдутъ дальше Рейна, я не тронусь съ мѣста".

Государи успокоились на-половину, узнавъ, что развитіе революціоннаго движенія въ Парижѣ замедлилось, что республика, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, не торжествуетъ, и что на мѣсто свергнутаго короля всталъ новый монархъ. Легитимизмъ палъ вмѣстѣ съ Карломъ X. Но уже посреди баррикадъ снова возрождался перевѣсъ консервативной партіи, съ Людо-

---

et les révolutionnaires;—Saint-René Taillandier, le roi Léopold et la reine Victoria;—Thiersch, de l'Etat actuel de la Grèce;—Thureau-Dangin, Histoire de la monarchie de juillet, t. I et II;—Wellington, Civil and political Correspondence; id., Speeches in Parliament, etc.

[1] Маркизъ де Лафайетъ (Мари-Жанъ-Поль-Рохъ-Ивъ-Жильберъ де-Мотье) родился въ Шаваньякъ д'Овернь (Верхняя Луара) 6 сентября 1757 г.; былъ однимъ изъ офицеровъ Вашингтона во время войны за независимость Америки (1777—1782); членъ собранія нотаблей въ 1787 г.; депутатъ отъ дворянства въ генеральныхъ штатахъ (1789 г.), гдѣ онъ былъ однимъ изъ зачинщиковъ революціи; главный начальникъ національной гвардіи (іюль 1789 г.); вышелъ въ отставку (1791 г.); назначенъ командующимъ сѣверной арміей (1792 г.); скомпрометировалъ себя оппозиціей передовой партіи; отрѣшенъ отъ должности и подвергся обвиненію, что заставило его бѣжать (августъ 1792 г.); арестованъ коалиціей и находился въ заключеніи съ 1792 по 1797 г.; послѣ 18 брюмера возвратился во Францію, гдѣ выказалъ враждебное отношеніе къ Имперіи; членъ палаты представителей (1815 г.), гдѣ онъ сильно содѣйствовалъ окончательному паденію Наполеона; членъ палаты депутатовъ съ 1818 по 1824 г. и съ 1827 по 1830 г.; главный вдохновитель оппозиціи и заговоровъ либеральной партіи въ эпоху Реставраціи; членъ, или, вѣрнѣе, глава муниципальной комиссіи во время іюльскихъ дней 1830 г., когда онъ пользовался чѣмъ-то въ родѣ диктаторской власти; главный начальникъ всей національной гвардіи королевства; вышелъ въ отставку (декабрь 1830 г.), и съ этихъ поръ снова сдѣлался главою оппозиціи; умеръ въ Парижѣ 20 марта 1834 г.

викомъ-Филиппомъ во главѣ. Этотъ умный и хитрый честолюбецъ, такъ терпѣливо съумѣвшій выждать время и, благодаря преданной ему партіи [1]), такъ неожиданно захватившій корону, вовсе не былъ расположенъ вступать, во имя революціи, въ борьбу со старымъ порядкомъ въ Европѣ. Этотъ государь, возведенный на престолъ мятежемъ и отрекшійся затѣмъ отъ него, уже по самому характеру своему былъ расположенъ къ миру. Притомъ власть его, вдвойнѣ незаконно захваченная, не основывалась ни на божественномъ, ни на народномъ правѣ; онъ не былъ также связанъ ни съ Священнымъ Союзомъ, ни съ революціей, такъ какъ не могъ сослаться ни на династическое право наслѣдственности, ни на волю народа. Вслѣдствіе всего этого, онъ не видѣлъ для себя никакой выгоды въ войнѣ. Наоборотъ, онъ былъ убѣжденъ, что война во всякомъ случаѣ будетъ для него гибельна. Онъ говорилъ себѣ, что, потерпѣвъ пораженіе, онъ навѣрно будетъ низложенъ монархами, а добившись побѣды, будетъ увлеченъ слишкомъ далеко демократами. Впрочемъ, онъ и не надѣялся на побѣду. Поэтому, вмѣсто того, чтобы храбриться и грозить Европѣ, онъ съ первыхъ же дней своего царствованія думалъ только о томъ, какъ бы задобрить ее. Конечно, ему трудно было пріобрѣсти ея полное довѣріе. Вѣдь въ то время, какъ онъ заявлялъ старымъ дворамъ о своемъ уваженіи къ акту 1815 года, ему приходилось, по крайней мѣрѣ на первое время, щадить внутри государства иллюзіи народной партіи, возстаніе которой было ему такъ выгодно и лозунгомъ которой было: „реваншъ“. Если онъ подавалъ правую руку Таллейрану [2]), человѣку 1814 г., то онъ былъ обязанъ протянуть лѣвую—также и Лафайэту, человѣку 1789 г. Его первое министерство [3]), въ лицѣ Казимира Перье, Дюпена, Моле, Гизо, герцога Брольи и Себастіани, казалось, представляло залогъ вѣрности, такъ называемой, политикѣ сопротивленія; но съ другой стороны, въ составъ его входили представители и политики движенія, вродѣ Дюпона д'Эръ, Лаффита, Биньона. Какой бы изъ этихъ двухъ противоположныхъ программъ ни отдавалъ въ душѣ предпочтеніе король-гражданинъ, онъ долженъ былъ, поневолѣ, лавировать между тою и другою. Европа относилась къ нему съ недовѣріемъ, какъ къ одному

[1]) Главными вождями ея были Лаффитъ, Казимиръ Перье, Себастіани, и, конечно, Таллейранъ.

[2]) Таллейранъ, бывшій въ то время его самымъ близкимъ довѣреннымъ лицомъ, оказалъ ему неоцѣнимую услугу, склонивъ на его сторону дипломатовъ.

[3]) Составленное 11 августа 1830 г.

изъ воиновъ въ Революціи, а Франція—какъ къ человѣку, высказавшему сочувствіе контръ-революціи; такимъ образомъ, онъ осужденъ былъ всю свою жизнь вести двойную игру, и никогда не могъ онъ добиться ни съ той, ни съ другой стороны полнаго довѣрія.

Со дня вступленія его на престолъ, главнымъ предметомъ заботы было для него—добиться признанія законности установленнаго имъ правительства. Къ большому счастью для него, Европа не могла поступить съ нимъ такъ, какъ съ Наполеономъ въ 1815 году, т.-е. объявить его внѣ закона. Не было болѣе вѣнскаго конгресса, на которомъ можно было произнести приговоръ; не было болѣе и армій, вполнѣ готовыхъ выступить противъ Франціи. Нужно также добавить, что герцогъ Орлеанскій далеко не внушалъ такого страха, какъ Бонапартъ. Впрочемъ, какъ бы ни были (съ августа 1830 г.) государственные люди, вродѣ Меттерниха [1]), расположены организовать коалицію противъ „короля баррикадъ"—они должны были признать, что соглашеніе великихъ державъ даже противъ революціонной Франціи было впредь невозможно. Для того, чтобы великій союзъ могъ снова образоваться, ему недоставало одного необходимаго элемента, который всегда входилъ въ его составъ съ 1793 по 1815 г. и который, какъ это было хорошо извѣстно, главнымъ образомъ и доставилъ ему побѣду. Мы говоримъ объ Англіи, которая не только не осуждала іюльскихъ событій, а, напротивъ, привѣтствовала ихъ, какъ торжество ея политики. Несмотря на страхъ, внушаемый имъ демократіей, тори, въ рукахъ которыхъ находилась тогда власть, встрѣтили съ удовольствіемъ паденіе Карла X, такъ какъ его тѣсный союзъ съ Россіей и проекты территоріальныхъ измѣненій угрожали самымъ важнымъ интересамъ Англіи. Незадолго передъ тѣмъ, покореніе Алжира окончательно поссорило торіевъ съ этимъ государемъ. Поэтому, они вполнѣ были расположены вступить въ дружескія отношенія съ его преемникомъ, который, конечно, не могъ думать о томъ, чтобы измѣнить карту Европы. Виги были того же мнѣнія и, кромѣ того, по духу партіи радовались успѣху революціи, примѣръ которой служилъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ для ихъ собственнаго дѣла [2]). Такимъ образомъ, Людовику-Филиппу

[1]) Изъ его переписки видно, что его первой мыслью въ этотъ моментъ было—устроить соглашеніе великихъ державъ сѣвера противъ революціонной Франціи; онъ обращался относительно этого съ предложеніемъ къ Нессельроде.

[2]) Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ 1830 г., Веллингтонъ былъ ниспровергнутъ, и лордъ Грей, глава виговъ, составилъ новое министерство.

нечего было бояться, что его первые шаги къ сближенію съ Англіей будутъ недружелюбно встрѣчены Сентъ-Джемсскимъ кабинетомъ.

Съ самого начала своего царствованія, новый французскій король сдѣлалъ основаніемъ своей политики „сердечное соглашеніе“ съ Англіей. Поэтому, въ ожиданіи того момента, когда перемѣна обстоятельствъ позволитъ ему пріобрѣсти дружбу старыхъ абсолютныхъ дворовъ, онъ выказалъ особенную заботливость по вопросу о союзѣ съ этой державой и ничего не щадилъ, чтобы сдѣлать его возможнымъ. Министерство Веллингтона съ неудовольствіемъ смотрѣло на завоеваніе Алжира. Іюльское правительство дало ему понять, что въ данный моментъ оно не можетъ эвакуировать этотъ городъ, не рискуя сдѣлаться окончательно непопулярнымъ. Но оно не утверждало, что удержитъ его за собой; оно поспѣшило отозвать половину или двѣ-трети экспедиціоннаго корпуса и по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, повидимому, отказалось отъ всякой серьезной попытки распространять свои завоеванія [1]). Эту осторожность во всемъ, что касалось Африки, оно соблюдало, затѣмъ, въ теченіе еще трехъ или четырехъ лѣтъ, т.-е. вплоть до того времени, когда узы, связывавшія его съ Англіей, стали ослабѣвать. Излишне добавлять, что Людовикъ-Филиппъ, извѣщая лондонскій дворъ о своемъ вступленіи на престолъ, заявилъ, что акты 1815 г. и установленное ими территоріальное положеніе не подвергнутся съ его стороны никакимъ посягательствамъ. Но лучшимъ залогомъ дружбы, который онъ могъ дать Великобританіи, было назначеніе представителемъ Франціи въ Лондонѣ—человѣка, который принималъ важнѣйшее участіе въ трудахъ вѣнскаго конгресса и имя котораго, съ давнихъ поръ ненавистное русскому правительству, казалось символомъ англо-французскаго союза. Мы говоримъ о Таллейранѣ. Этотъ дипломатъ, котораго Европа не забыла, несмотря на продолжительную опалу, и который, оставаясь въ тѣни, былъ главнымъ руководителемъ интриги, доставившей престолъ новому королю,—сдѣлался въ этотъ моментъ самымъ близкимъ и вліятельнымъ совѣтникомъ Людовика-Филиппа. Отъ него одного зависѣло назначеніе его главой министерства. Но онъ полагалъ, что будетъ въ состояніи оказать болѣе услугъ іюльской монархіи въ Лон-

[1]) Генералъ Клозель, замѣнившій Бурмона въ его должности (сентябрь 1830 г.), долженъ былъ вернуться во Францію послѣ своей блестящей, но, въ окончательномъ результатѣ, безплодной экспедиціи въ Медеа (январь 1831 г.). Его первые преемники Бертезенъ, Савари, Вуароль, не могли по недостатку средствъ предпринять что-либо значительное (1831—1834 г.).

донѣ, гдѣ его политическій престижъ не былъ еще затронутъ,— чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ съ давнихъ поръ общественное мнѣніе относилось къ нему враждебно, вслѣдствіе его двусмысленнаго поведенія и содѣйствія, оказаннаго имъ реставраціи. Такимъ образомъ, въ концѣ августа онъ былъ назначенъ—согласно своему желанію—на должность посла, что доставило живѣйшее удовольствіе англійскому правительству; Людовикъ-Филиппъ, офиціально признанный 1-го сентября лондонскимъ дворомъ, могъ безъ особенной боязни ждать отвѣта остальныхъ державъ на извѣщеніе о его вступленіи на престолъ.

Можно представить себѣ, что кабинеты трехъ великихъ державъ сѣвера не были расположены завязать особенно дружественныя сношенія съ новой монархіей. Но что они могли сдѣлать? Іюльскія событія захватили ихъ врасплохъ. Англія не была съ ними заодно. Къ тому же, одинъ изъ этихъ кабинетовъ— именно австрійскій,—несмотря на свою ненависть къ революціи, не былъ, въ сущности, особенно огорченъ паденіемъ Карла X, такъ какъ политика этого государя въ послѣдніе годы внушала ему серьезныя опасенія. Наконецъ, Людовикъ-Филиппъ казался такъ покорнымъ, такъ слабымъ, такъ внушающимъ довѣріе! Въ искусно-составленныхъ письмахъ онъ объявлялъ, что не желалъ революціи; напротивъ, онъ сожалѣлъ о томъ, что она произошла; обстоятельства возложили на него тяжелую обязанность вступить на престолъ своего собственнаго двоюроднаго брата: развѣ не важно было возстановить порядокъ во Франціи, воспрепятствовать его нарушенію въ Европѣ и внушить уваженіе къ договорамъ 1815 г., основѣ спокойствія всего міра? Новая монархія не представляетъ никакой опасности для существующаго порядка вещей; наоборотъ, она служитъ ему охраной. Меттернихъ и императоръ Францъ I приняли къ свѣдѣнію эти красивыя заявленія. Старый и неувѣренный въ своихъ силахъ прусскій король, который въ теченіе нѣсколькихъ дней дрожалъ за свои рейнскія провинціи и ужъ конечно не раздѣлялъ воинственнаго пыла окружавшихъ его царедворцевъ, объявилъ себя удовлетвореннымъ, лишь только Людовикъ-Филиппъ далъ и, затѣмъ, подтвердилъ обѣщаніе, что Франція не будетъ стремиться ни къ какому расширенію своей территоріи. Такимъ образомъ, дворы вѣнскій и берлинскій признали совершившійся фактъ и пообѣщали іюльскому правительству поддерживать съ нимъ дружественныя отношенія, впрочемъ, при непремѣнномъ условіи строгаго соблюденія существующихъ договоровъ. Что касается петербургскаго кабинета, то онъ, понятно, былъ менѣе всѣхъ осталь-

ныхъ расположенъ примириться съ послѣдними событіями. Въ лицѣ Карла X императоръ Николай Павловичъ терялъ союзника, на содѣйствіе котораго онъ уже давно разсчитывалъ; въ Людовикѣ-Филиппѣ, другѣ Англіи, онъ могъ видѣть для себя только врага. Его монархическая щепетильность, усугубленная тѣмъ ущербомъ, который былъ нанесенъ его интересамъ, возмущалась при мысли вступить въ сношенія съ узурпаторомъ и, такимъ образомъ, примириться съ мятежемъ. Но какъ могъ онъ одинъ объявить войну вѣроломному государю, разъ Австрія и Пруссія отнеслись къ нему благосклонно? Императоръ Николай I, несмотря на свою горячность, обладалъ умомъ политика. Онъ счелъ своей обязанностью выждать время, и, поэтому, вслѣдъ за другими, объявилъ, что признаетъ Людовика-Филиппа французскимъ королемъ. Правда, что это было сдѣлано въ выраженіяхъ въ высшей степени высокомѣрныхъ и невѣжливыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, назвавъ революцію, доставившую престолъ Людовику-Филиппу „событіемъ, заслуживающимъ постояннаго порицанія", императоръ Николай Павловичъ прибавлялъ, что ему нѣтъ необходимости высказывать свое мнѣніе относительно мотивовъ, побудившихъ этого государя принять корону; подъ конецъ, онъ напоминалъ Людовику-Филиппу, что Россія, по прежнему, находится въ тѣсномъ единеніи со „своими союзниками" (т.-е. съ Пруссіей и Австріей) и будетъ всѣми мѣрами поддерживать уваженіе къ договорамъ 1815 г. Но преемникъ Карла X не былъ гордъ, и если, въ существѣ дѣла, его самолюбіе и было оскорблено такимъ высокомѣрнымъ тономъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ постарался отнюдь не показать этого.

Послѣ того, какъ главныя державы подали примѣръ, прочимъ оставалось только послѣдовать за ними. Въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ 1830 г., іюльское правительство было послѣдовательно признано всѣми государями Европы, исключая, впрочемъ, португальскаго короля Донъ Мигуэля, котораго и Франція, со своей стороны, не признавала законнымъ монархомъ [1]),—и герцога Моденскаго, категорически отказавшагося вступить въ сношенія съ властью, порожденною революціей. Но дружба этихъ двухъ государей не была необходима для Франціи. Испанскій король Фердинандъ VII въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, казалось, былъ также мало расположенъ пожать ту руку, которую ему

[1]) Іюльское правительство, естественно выказывало сочувствіе конституціонному дѣлу, представителями котораго были въ Португаліи сторонники Донны Маріи. Донъ Мигуэль съ своей стороны поощрялъ интриги французскихъ легитимистовъ. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, а именно Бурмонъ, предложили ему свои услуги.

протягивали. Но когда тюильрійскій кабинетъ сдѣлалъ видъ, что намѣренъ оказать поддержку Минѣ, Вальдесу и другимъ вождямъ конституціонной партіи, готовившимся перейти Пиренеи [1]), то онъ немедленно прекратилъ свои безсильныя попытки сопротивленія.

§ 2. Такимъ образомъ, монархическая Европа принимала миролюбивыя заявленія Людовика-Филиппа, не желая подвергать сомнѣнію ихъ искренность. Но это не могло доставить ей особенно большого успокоенія, такъ какъ она спрашивала себя, насколько французскій король будетъ въ состояніи исполнить свои обязательства. Представлялось большимъ вопросомъ—не будетъ ли онъ вскорѣ или увлеченъ, или низвергнутъ сторонниками революціонной пропаганды, и не подвергнется ли, несмотря на всѣ его увѣренія, политическое зданіе, съ такимъ трудомъ воздвигнутое вѣнскимъ конгрессомъ,—опасности скораго и полнаго разрушенія.

И въ самомъ дѣлѣ, событія, послѣдовавшія за іюльскими днями, были такого рода, что могли только усилить тревогу, возбужденную этими послѣдними среди друзей Священнаго Союза. Побуждаемые со стороны такихъ людей, какъ Лафайэтъ, Могенъ, Ламаркъ, а также парижскою прессою и клубами, открыто обѣщавшими всѣмъ угнетеннымъ поддержку освобожденной Франціи, —народности, не признанныя въ 1815 г., взялись за оружіе и потребовали себѣ правъ. 25-го августа, революція, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разгоравшаяся въ Бельгіи, вспыхнула тамъ съ такой силой, что въ самое короткое время охватила всю страну. Бельгійскій народъ, насильно соединенный въ 1815 г. дипломатами съ Голландіей, вопреки его интересамъ, языку и религіи, потребовалъ послѣ брюссельскаго возстанія только административной автономіи. Спустя нѣсколько недѣль, когда были пролиты потоки крови для защиты бельгійской столицы противъ нидерландской арміи (23—26 сентября), бельгійцы учредили у себя временное правительство, которое, съ 4 октября, стало дѣйствовать совершенно независимо и поспѣшило созвать народное собраніе. Въ то же самое время возстаніе, словно вспышка пороха, распространилось по Германіи вплоть до Ахена и Кельна, перешло Рейнъ, заставило герцога брауншвейгскаго бѣжать изъ

[1]) Они были изгнаны съ 1823 г. Немного спустя, они дѣйствительно проникли въ Испанію; но ихъ попытки, лишенныя поддержки французскаго правительства, потерпѣли полную неудачу.

своихъ владѣній, вынудило великаго герцога гессенъ-кассельскаго, короля саксонскаго и еще нѣсколькихъ государей обѣщать своимъ подданнымъ конституціи и снова пробудило въ университетахъ духъ Tugendbund'а и Burschenschaft'а.

Конечно, двумъ великимъ германскимъ дворамъ нечего было опасаться того, чтобы нѣмецкій народъ бросился въ объятія Франціи [1]). Поэтому, они ограничились на первое время тѣмъ, что побудили союзное собраніе издать (21 октября) распоряженіе о мѣрахъ охраненія внутренняго порядка, которыя казались имъ достаточными для того, чтобы предупредить новыя волненія, сдержать прессу и защитить государей отъ притязаній со стороны ихъ подданныхъ [2]). Но въ Бельгіи революція, находясь въ стѣсненномъ положеніи, очень легко могла призвать на помощь іюльское правительство. Брюссель былъ вѣдь, раньше когда-то, французскимъ городомъ; и онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы снова стать таковымъ же. Если бы это предположеніе осуществилось, если бы Франція, разрушивъ крѣпкій оплотъ, воздвигнутый вдоль ея сѣверной границы коалиціей 1814 г., могла снова угрожать Англіи изъ Антверпена, Германіи изъ Маастрихта и Люксембурга,—то куда дѣвалось бы то политическое равновѣсіемъ, необходимымъ условіемъ котораго служило безсиліе Франціи? Вотъ что составляло въ теченіе нѣсколькихъ недѣль важный предметъ заботы не только для вѣнскаго и берлинскаго, но и для лондонскаго и петербургскаго дворовъ, точно также, какъ и для всего германскаго союза.

Послѣ рѣшительной битвы при Брюсселѣ, нидерландскій король, видя, что собственными силами ему не усмирить Бельгіи, обратился офиціально за поддержкой къ четыремъ великимъ державамъ, обезпечившимъ ему въ 1814 г. обладаніе этой страной. Но онъ совершенно ошибся въ своихъ разсчетахъ получить требуемую имъ помощь. Что касается Россіи, то она находилась слишкомъ далеко и не имѣла возможности немедленно помочь ему. Австрія была занята наблюденіемъ за Италіей, гдѣ

[1]) Въ это время, вожди національной и демократической партій въ Германіи относились къ наслѣдственному врагу не менѣе недружелюбно, чѣмъ абсолютные министры Вѣны и Берлина.

[2]) Резолюція союзнаго собранія 21 октября гласила, что всѣ союзныя правительства должны помогать другъ другу противъ Революціи по непосредственному требованію того изъ нихъ, кто подвергнется опасности, что они должны держать въ готовности свои войска, удвоить надзоръ за печатью и не проявлять по отношенію къ новымъ вѣяніямъ „неумѣстной снисходительности, опасной для всего германскаго союза и несовмѣстимой съ обязанностями ихъ, какъ членовъ конфедераціи“.

Революція, какъ она справедливо предполагала, не могла не попробовать вскорѣ своихъ силъ. Одна Пруссія могла свободно располагать своей арміей. Она тотчасъ же и предложила голландскому королю воспользоваться ею. Но едва ея посланникъ въ Парижѣ, баронъ Вертеръ, сообщилъ французскому правительству о намѣреніи своего короля, какъ графъ Моле, [1]) французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, рѣшительно воспротивился проекту Фридриха-Вильгельма. Этотъ государственный человѣкъ заявилъ, что если прусскія войска перейдутъ границы Бельгіи, то и французскія войска немедленно вступятъ въ эту страну. Когда его спросили, по какому праву, онъ отвѣтилъ, что это будетъ сдѣлано во имя принципа невмѣшательства — теоріи очень растяжимой, въ силу которой французское правительство, по его словамъ, имѣло право препятствовать другимъ державамъ распоряжаться, въ ущербъ интересамъ Франціи, въ сосѣднихъ съ нею странахъ и уничтожать въ нихъ вліяніе Франціи. Можетъ быть, относительно такой постановки вопроса можно было поспорить. Но фактически, Пруссія въ этотъ моментъ не чувствовала на своей сторонѣ перевѣса силъ. Она уступила.

Графъ Моле не принадлежалъ къ партіи движенія. Но, подобно Людовику-Филиппу, онъ былъ радъ распаденію нидерландскаго королевства и полагалъ, что честь и интересы Франціи обязываютъ ее не допускать возвращенія Бельгіи подъ прежнее иго. Впрочемъ, ни онъ, ни французскій король не говорили бы такимъ смѣлымъ тономъ, если бы не были увѣрены въ поддержкѣ британскаго правительства. Конечно, Веллингтонъ, для котораго нидерландское королевство было любимымъ дѣтищемъ, не безъ огорченія и не безъ опасенія смотрѣлъ на брюссельскую революцію.

[1]) Графъ Моле (Луи-Матье) родился въ Парижѣ 23 января 1780 г.; былъ докладчикомъ при государственномъ совѣтѣ (1806 г.); префектъ департамента Котъ д'Оръ (1807 г.); членъ государственнаго совѣта и главный директоръ путей сообщенія (1809 г.); верховный судья (или министръ юстиціи) въ 1813 г.; перешелъ на сторону Бурбоновъ въ 1814 г.; назначенъ Наполеономъ во время Ста Дней пэромъ Франціи; пожалованъ тѣмъ же титуломъ и возстановленъ въ званіи члена государственнаго совѣта во время второй Реставраціи (1815 г.), морской министръ въ кабинетѣ Ришелье (1817—1818 г.); министръ иностранныхъ дѣлъ съ 11 августа 1830 г.; вышелъ въ отставку 2 ноября слѣдующаго года; президентъ совѣта министровъ и министръ иностранныхъ дѣлъ съ 6 сентября 1836 г.; ниспровергнутъ парламентской коалиціей (8 марта 1839 г.); членъ французской Академіи (1840 г.); приглашенъ Людовикомъ Филиппомъ 23 февраля 1848 г. составить кабинетъ, котораго онъ, однако не успѣлъ сформировать; членъ Законодательнаго Собранія (1849—1851 г.), гдѣ онъ былъ однимъ изъ вождей реакціи; возвратился къ частной жизни послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г.; умеръ въ замкѣ Шамплатре 25 ноября 1855 г.

Но ни онъ, ни его друзья не скрывали отъ себя того факта, что возобновленіе союза Бельгіи съ Голландіей было дѣломъ очень труднымъ, чтобы не сказать—невозможнымъ. Къ тому же, они очень заботились о томъ, чтобы отвлечь Францію отъ союза съ Россіей, вслѣдствіе чего считали нужнымъ сдѣлать ей нѣкоторыя уступки. Такимъ образомъ, съ начала октября они въ глубинѣ души были склонны дать свое согласіе на отдѣленіе Бельгіи. Они ставили только одно условіе, а именно, чтобы эта страна—ни прямо, ни косвенно — не подпала подъ господство Франціи. Таллейранъ поспѣшилъ успокоить ихъ, заявивъ, что Людовикъ-Филиппъ отказывается отъ всякаго намѣренія присоединить Бельгію къ своимъ владѣніямъ или возвести на ея престолъ одного изъ своихъ сыновей; что онъ согласенъ предоставить рѣшеніе ея участи дипломатическому соглашенію пяти великихъ державъ; что онъ будетъ удерживаться отъ всякой пропаганды въ этой странѣ, и что, наконецъ, онъ не станетъ противиться тому, чтобы королемъ новаго государства сдѣлался принцъ изъ дома Нассау [1]). Результатомъ этихъ обязательствъ былъ вѣжливый, но рѣшительный отказъ, которымъ Англія отвѣтила нидерландскому королю на его просьбу о помощи.

Предоставить пяти великимъ державамъ рѣшеніе будущей судьбы Бельгіи—это, конечно, не значило оставаться вѣрнымъ принципу невмѣшательства. Это значило почти то же, что обратиться къ Священному Союзу. Но Таллейранъ и Людовикъ-Филиппъ не гнались за тѣмъ, чтобы быть всегда послѣдовательными. Выгода и удобный случай служили единственными принципами ихъ политики. Итакъ, Франція и Англія оказывались дѣйствующими заодно. Что касается Австріи, Пруссіи и Россіи, то онѣ приняли предложеніе о созывѣ конференціи, такъ какъ это служило для нихъ средствомъ выиграть время.

Посланники этихъ трехъ державъ и іюльскаго правительства, аккредитованные при англійскомъ дворѣ, не замедлили собраться въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ лорда Эбердина [2]),

---

[1]) Протоколъ 15 октября 1830 г., подписанный княземъ Таллейраномъ и лордомъ Эбердиномъ.

[2]) Графъ Эбердинъ (Джорджъ Гамильтонъ Гордонъ), родился въ Эдинбургѣ 28 января 1784 г., извѣстенъ сначала подъ именемъ лорда Гаддо; выборный пэръ Шотландіи (1807 г.); посолъ въ Вѣнѣ (1813 г.); посланъ съ порученіемъ въ Неаполь къ Мюрату; наслѣдственный пэръ (іюнь 1814 г.); канцлеръ ланкастерскаго герцогства (январь 1828 г.), затѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ торійскомъ кабинетѣ герцога Веллингтона; вышелъ въ отставку вмѣстѣ со своими товарищами (ноябрь 1830 г.); министръ колоній въ первомъ кабинетѣ Пиля (1834 — 1835 г.) и

главы Foreign Office'а. Рѣшено было, что они будутъ дѣйствовать не въ качествѣ суверениаго конгресса, а что ихъ рѣшенія получатъ силу только послѣ утвержденія со стороны соотвѣтствующихъ дворовъ. Первый ихъ протоколъ, помѣченный 4 ноября, заключалъ въ себѣ предложеніе перемирія, съ которымъ рѣшено было обратиться одновременно и къ нидерландскому королю, и къ временному правительству въ Брюсселѣ. Два агента,—одинъ французъ, а другой англичанинъ [1],—были тотчасъ же посланы конференціей въ Бельгію. Представители великихъ державъ смотрѣли на возставшій народъ уже какъ на воюющую сторону и поступали съ нимъ соотвѣтственно этому. Законность возстанія была, такимъ образомъ косвенно признана.

Перемѣна министерства, происшедшая вскорѣ послѣ этого въ Англіи, еще болѣе ободрила бельгійцевъ. Веллингтонъ, упорно сопротивлявшійся той избирательной реформѣ, которой требовала страна, сдѣлался къ этому времени столь же непопулярнымъ въ Лондонѣ, какъ Полиньякъ въ Парижѣ. Поэтому, главѣ виговъ, съ давнихъ поръ обѣщавшихъ эту реформу, лорду Грею [2], которому и самъ король Вильгельмъ IV желалъ передать управленіе дѣлами,—съ большою легкостью удалось ниспровергнуть этого министра. Надо думать, что и Таллейранъ, между прочимъ, былъ замѣшанъ въ этомъ кризисѣ. Онъ предполагалъ, что внутреннія затрудненія надолго свяжутъ внѣшнюю политику лорда Грея. Къ тому же члены новаго кабинета были, всѣ безъ исключенія, либералами чистой воды: всѣ они радостно привѣтствовали, въ свое время, іюльскую революцію; поэтому, онъ надѣялся, что они съ большей готовностью станутъ содѣйствовать планамъ французскаго правительства относительно Бельгіи. Людовикъ-Филиппъ, по отношенію къ этой странѣ, совсѣмъ не былъ, въ сущности, столь безкорыстнымъ, какимъ онъ себя изображалъ. Но впослѣдствіи оказалось, что виги лишь немногимъ болѣе содѣйствовали его тайнымъ честолюбивымъ замысламъ, чѣмъ тори. Преемникомъ лорда Эбердина былъ лордъ

министръ иностранныхъ дѣлъ во второмъ (1841—1846 г.); первый лордъ казначейства (дек. 1852—февраль 1855); умеръ 14 дек. 1860 г.

[1]) Брессонъ и Картрайтъ.

[2]) Графъ Грей (Чарльзъ Говикъ), родился въ Фаллоуденѣ (Нортумберлэндъ) въ 1764 г.; членъ палаты общинъ (1786 г.), гдѣ съ самаго начала занялъ видное мѣсто среди либеральной партіи; первый лордъ адмиралтейства, затѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ (1806 г.); вышелъ въ отставку (1807 г.); пэръ Англіи (1807 г.); глава партіи виговъ въ верхней палатѣ, противникъ Ливерпуля и даже Кэннинга; первый лордъ казначейства (ноябрь 1830 г.); вынужденъ оставить должность въ 1834 г.; умеръ въ 1845 г.

Пальмерстонъ [1]). Узкій и завистливый патріотизмъ этого государственнаго человѣка вскорѣ сдѣлалъ очень сомнительными и сердечность, и прочность англо-французскаго соглашенія.

Между тѣмъ бельгійцы, сдерживаемые дотолѣ Веллингтономъ, поспѣшили разорвать послѣднія узы, связывавшія ихъ съ Голландіей. Черезъ два дня послѣ перемѣны британскаго кабинета, національный конгрессъ, собравшійся въ Брюсселѣ 10 ноября, торжественно провозгласилъ независимость страны (18 ноября). Спустя еще два дня, онъ, чтобы не лишиться расположенія великихъ дворовъ, рѣшилъ, что правительство новаго государства будетъ организовано въ формѣ конституціонной монархіи. Но 22 ноября онъ навсегда устранилъ отъ престола принцевъ изъ Нассаускаго дома. Понятно, что тюильрійскій кабинетъ, готовившій втайнѣ кандидатуру герцога Немурскаго, второго сына Людовика-Филиппа, безусловно одобрилъ подобную мѣру.

Но если счастье, повидимому, улыбалось Людовику-Филиппу, то это послужило поводомъ къ тому, что державы сѣвера, не перестававшія наблюдать за нимъ, снова приняли угрожающее положеніе. Вѣна, Берлинъ и Петербургъ обвинили его одновременно въ безсиліи и недобросовѣстности. Меттернихъ указывалъ на Францію, какъ на очагъ революціи. „Противопоставимъ, писалъ онъ [2]), союзъ между правительствами и народомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова,—тому ложному братству, которое враги порядка и мира пытаются установить между верховною революціонною властью и пролетаріями". Что же касается принципа невмѣшательства, то онъ съ негодованіемъ заявлялъ, что никогда не допуститъ его примѣненія. „Это—читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ [3])—разбойники, отрицающіе полицію, и поджигатели, протестующіе противъ пожарныхъ". Послы прус-

---

[1]) Виконтъ Пальмерстонъ (Генри-Джонъ Темпль) родился въ Бродландѣ (графство Соутамптонъ) 20 октября 1784 г.; членъ палаты общинъ (1807 г.), гдѣ онъ въ теченіе долгаго времени занималъ мѣсто въ рядахъ партіи тори; лордъ адмиралтейства (1807 г.); военный министръ съ 1809 по 1828 г.; перешелъ на сторону виговъ и получилъ въ кабинетѣ лорда Грея портфель министра иностранныхъ дѣлъ (1830 г.), отъ котораго долженъ былъ отказаться въ ноябрѣ 1834 г.; снова занималъ этотъ постъ съ апрѣля 1835 по 1841 г. и съ іюля 1846 г. до декабря 1851; министръ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Эбердина (1852 г.); первый лордъ казначейства (мартъ 1855—февраль 1858 г.); призванъ въ іюнѣ 1859 г. на постъ главы министерства, на которомъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 18 октября 1865 г.

[2]) 21 октября, въ депешѣ, адресованной князю Эстергази, австрійскому посланнику въ Лондонѣ.

[3]) Адресованномъ, подобно предыдущему, Эстергази и помѣченномъ также 21 октября.

скій, австрійскій и русскій съ неудовольствіемъ констатировали, что въ Парижѣ революціонное волненіе отнюдь не утихало. Возмущеніе 18 октября [1]) послужило для нихъ однимъ изъ доказательствъ этого. Другимъ доказательствомъ являлся составъ кабинета 2 ноября. Партія сопротивленія удалилась отъ дѣлъ. У власти осталась одна партія движенія; во главѣ ея стоялъ Лаффитъ [2]), который, безъ сомнѣнія, не желалъ войны, но тѣмъ не менѣе открыто заявлялъ, что не боится ея и усердно готовится къ ней. Вскорѣ стало извѣстно, что въ центральной и восточной Европѣ происходятъ внушающія безпокойство передвиженія войскъ. Пруссія собирала свои силы вдоль Рейна и Мозеля, Австрія посылала къ границамъ Швейцаріи и Италіи свои лучшіе полки. Русскій императоръ издалъ распоряженія относительно новыхъ наборовъ и мобилизировалъ армію, расположенную въ Польшѣ. Заключенъ былъ союзъ трехъ абсолютныхъ державъ, и когда Лаффитъ, 1-го декабря, заявилъ съ трибуны, что не боится его, союзъ, спустя нѣсколько дней, отвѣтилъ дипломатическимъ циркуляромъ, въ которомъ рѣшительно утверждалъ, что имѣетъ право поддерживать оружіемъ порядокъ въ Европѣ и уничтожать во всякой странѣ общаго врага, т.-е. Революцію.

Такимъ образомъ, къ концу 1830 года въ Европѣ, казалось, готовилась вспыхнуть общая война. Чтобы спасти Францію отъ грозившей ей бѣды, необходимо было новое неожиданное событіе. Таковымъ явилось возстаніе въ русской Польшѣ.

§ 3. Эта несчастная страна, автономія которой была мало уважаема въ царствованіе Александра I, а при императорѣ Николаѣ I превратилась почти въ пустое слово, желала, чтобы ея

---

[1]) Въ этотъ день толпа бросилась къ Пале-Роялю и Венсенскому замку, гдѣ содержались въ заключеніи прежніе министры Карла X (Полиньякъ и др.), и потребовала ихъ смерти.

[2]) Лаффитъ (Жакъ), родился въ Байоннѣ 24 октября 1767 г.; бухгалтеръ банкира Перрего (1788 г.); сдѣлался его компаньономъ (1800 г.), затѣмъ преемникомъ; управляющій государственнымъ банкомъ (1809 г.); президентъ коммерческаго суда въ департаментѣ Сены; директоръ государственнаго банка (25 апр. 1814 г.); членъ палаты депутатовъ, гдѣ онъ засѣдалъ безъ перерыва съ 1816 по 1830 г. и гдѣ онъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вождей либеральной партіи; назначенъ Людовикомъ-Филиппомъ, который былъ въ значительной степени обязанъ ему своимъ вступленіемъ на престолъ, министромъ безъ портфеля (11 авг. 1830 г.), затѣмъ министромъ финансовъ и президентомъ Совѣта (2 ноября 1830 г.); въ отставкѣ съ 13 марта 1831 г.; съ тѣхъ поръ оставался въ палатѣ депутатовъ въ рядахъ радикальной оппозиціи до самой смерти, послѣдовавшей 26 мая 1844 г.

конституція стала дѣйствительностью, и требовала, чтобы прежняя Польша была, насколько возможно, возстановлена столько разъ уже обѣщаннымъ присоединеніемъ Литвы и другихъ областей. Іюльская революція возбудила въ Варшавѣ необыкновенный энтузіазмъ и радость. Патріоты, подстрекаемые французской пропагандой, снова принялись составлять заговоры. Въ глубокой тайнѣ было подготовлено всеобщее возстаніе. Оно должно было вспыхнуть въ февралѣ 1831 г.. Но въ виду мѣръ, принятыхъ царемъ и его союзниками противъ Франціи, поляки рѣшили не ждать долѣе и обезсилить коалицію, отвлекая геройской диверсіей въ свою сторону ея главныя военныя силы, т.-е. русскую армію. Въ ночь съ 29 на 30 ноября Варшава возстала. Генералиссимусъ, великій князь Константинъ Павловичъ, братъ императора Николая I, долженъ былъ отступить. Генералъ Хлопицкій, располагавшій къ себѣ своихъ соотечественниковъ прежней славной службой въ арміи Наполеона, былъ провозглашенъ диктаторомъ (5 декабря). Въ нѣсколько дней вся Польша была уже на ногахъ, и къ концу 1830 года на ея территоріи не оставалось болѣе ни одного русскаго солдата.

Съ этого времени, дѣйствія новаго Священнаго Союза оказались парализованными. Царь надолго не могъ имѣть въ виду другой цѣли, кромѣ усмиренія Польши: не покоривъ Варшавы, нельзя было и думать о движеніи на западъ. Прусскій король и австрійскій императоръ не рѣшались начать войну безъ него. Впрочемъ, значительная часть ихъ силъ была имъ необходима для того, чтобы воспрепятствовать возстанію распространиться въ тѣхъ частяхъ Польши, которыя достались имъ во время раздѣла. Такимъ образомъ, судьба продолжала благопріятствовать Франціи. Можно было опасаться, что она станетъ злоупотреблять своимъ счастьемъ. Поэтому, сдѣлалось настоятельно необходимымъ умиротворить ее и обезоружить новыми уступками. Безъ сомнѣнія, съ этой именно цѣлью лондонская конференція, до тѣхъ поръ избѣгавшая высказаться относительно будущаго положенія Бельгіи, формально признала протоколомъ 20 декабря принципъ независимости этой страны и, спустя короткое время (9 января 1831 г.), принудила нидерландскаго короля принять то перемиріе, которое она ему вначалѣ тольк предлагала.

Казалось, что послѣ всего происшедшаго Людовикъ-Филиппъ долженъ былъ обнаружить болѣе смѣлости, чѣмъ въ первые дни своего царствованія. Но этотъ государь не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которымъ удача кружитъ голову. Притомъ, послѣднія событія были еще мало извѣстны и значеніе ихъ было не-

достаточно хорошо выяснено; поэтому, онъ все еще полагалъ, что ему грозитъ опасность со стороны коалиціи. Вотъ почему именно въ этотъ моментъ онъ поспѣшилъ избавиться отъ Лафайэта, вмѣстѣ съ которымъ вышелъ въ отставку и Дюпонъ д'Эръ; а спустя нѣсколько дней онъ отправилъ въ Петербургъ, въ качествѣ посланника, герцога Мортемара [1]), пользовавшагося расположеніемъ царя; герцогъ долженъ былъ увѣрить послѣдняго, что поляки не получатъ отъ французскаго короля никакой поддержки. Такого рода уступчивость подняла бодрость сѣверныхъ дворовъ. Къ тому же, неразсчетливое благоразуміе Хлопицкаго дало возможность русскимъ войскамъ оправиться. Польскій диктаторъ, вмѣсто того, чтобы идти въ Литву, которая ожидала его, готовая возстать,—потерялъ нѣсколько недѣль на переговоры съ царемъ. Этотъ послѣдній, разумѣется, отказался идти на уступки. Когда объ этомъ узнали въ Варшавѣ (15 января), Хлопицкій подалъ въ отставку. Въ Польшу вскорѣ вступила русская армія, которая успѣла сформироваться и теперь грозно двигалась по направленію къ Вислѣ.

Между тѣмъ лондонская конференція открыла враждебныя дѣйствія противъ Франціи двумя протоколами 20 и 27 января 1831 г.. Первый изъ нихъ заключалъ столь важную для Европы статью о томъ, что Бельгія будетъ представлять нейтральное государство; затѣмъ, по этому протоколу, Люксембургъ, на который Бельгія предъявляла притязанія, какъ на одну изъ составныхъ частей ея территоріи, попрежнему долженъ былъ остаться въ рукахъ нидерландскаго короля; послѣднему присуждались также Маастрихтъ и устья Шельды. Согласно второму протоколу, государственный долгъ Нидерландовъ долженъ былъ быть раздѣленъ, и новое государство должно было принять на себя $^{16}/_{31}$ его общей суммы. Эти два постановленія,

[1]) Герцогъ Мортемаръ (Казимиръ-Луи-Викторьенъ де Рошешуаръ) родился въ Парижѣ 20 марта 1787 г.; увезенъ изъ Франціи своимъ эмигрировавшимъ семействомъ (1791); возвратился во Францію (1801 г.); драгунскій подпоручикъ (10 февраля 1806 г.); ординарецъ Наполеона I (12 февраля 1811 г.); перешелъ на сторону Людовика XVIII, который назначилъ его пэромъ Франціи и капитаномъ; полковникъ швейцарской королевской гвардіи (1814); генералъ-маіоръ національной гвардіи Парижа (14 октября 1815); генералъ-маіоръ (1815 г.); посланникъ въ Россіи (мартъ 1828 г.); генералъ-лейтенантъ (23 октября 1828 г.); получилъ слишкомъ поздно отъ Карла X порученіе сформировать министерство, чтобы замѣнить кабинетъ Полиньяка (29 іюля 1830 г.); примкнулъ къ Людовику-Филиппу; посланникъ въ С.-Петербургѣ (1831—1833 г.); перешелъ въ 1849 г. на сторону Людовика-Наполеона, который назначилъ его командиромъ 19 военной дивизіи; сенаторъ (27 марта 1852 г.); умеръ въ Нофлѣ, близъ Монфоръ-Ламори, 1 января 1875 г.

противъ которыхъ брюссельскій конгрессъ поспѣшилъ протестовать (30 января), представляли двойной ударъ для Франціи, обнаруживавшей все болѣе и болѣе ясное желаніе подчинить себѣ Бельгію. Извѣстно было, что, несмотря на офиціально сдѣланное Людовикомъ-Филиппомъ и затѣмъ нѣсколько разъ повторенное заявленіе о томъ, что онъ не приметъ короны для герцога Немурскаго, кандидатура этого принца была все-таки втайнѣ поддерживаема въ Брюсселѣ французскими агентами. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, чтобы обезпечить успѣхъ этой агитаціи, заявилъ, что не соглашается съ послѣдними протоколами лондонской конференціи (1-го февраля). Въ то же время, онъ далъ понять, что Бельгіи придется отказаться отъ поддержки Франціи, если она признаетъ своимъ государемъ герцога Лейхтенбергскаго [1]), сына Евгенія Богарне, на избраніе котораго французское правительство предполагало смотрѣть, какъ на бонапартистскую угрозу. Наоборотъ, сѣверныя державы старались выказать расположеніе этому кандидату, безъ сомнѣнія не столько затѣмъ, чтобы доставить ему побѣду, сколько затѣмъ, чтобы принудить его противника взять обратно свою кандидатуру. Въ день выборовъ борьба была очень ожесточенна. Въ концѣ концовъ, послѣ второй баллотировки, конгрессъ провозгласилъ королемъ герцога Немурскаго. Но онъ одержалъ верхъ большинствомъ только одного голоса [2]). Столь незначительное большинство разстроило замыслы Людовика-Филиппа. Раньше, онъ тайно давалъ понять бельгійцамъ, что если успѣхъ его сына будетъ блестящимъ, то онъ сдѣлаетъ видъ, что его принудили согласиться на избраніе; конференція-де не осмѣлится, въ такомъ случаѣ, отмѣнить почти единодушное рѣшеніе націи. Но онъ, очевидно, не могъ воспользоваться избраніемъ столь спорнымъ и сомнительнымъ. Результатомъ всѣхъ этихъ происковъ было то, что конференція, новымъ протоколомъ (7 февраля), высказалась одновременно какъ противъ герцога Немурскаго, такъ и противъ герцога Лейхтенбергскаго. Французскій король торжественно отклонилъ корону (17 февраля), предложенную его сыну бельгійцами; а этимъ послѣднимъ пришлось,

---

[1]) Герцогъ Лейхтенбергскій (Августъ-Карлъ-Евгеній-Наполеонъ), князь Эйхштедтскій, родился въ Миланѣ 9 декабря 1810 г.; кандидатъ на бельгійскій престолъ въ 1831 г.; вступилъ въ бракъ 26 января 1835 г. съ португальской королевой Донной Маріей; умеръ въ Лиссабонѣ 28 марта 1835 г.

[2]) Онъ получилъ 96 голосовъ противъ 74, поданныхъ въ пользу Лейхтенберга, и 21—въ пользу эрцгерцога Карла.

въ ожиданіи лучшаго, избрать регента [1]). Но три сѣверныя державы и Англія оказались столь мало благодарными Людовику-Филиппу за этотъ отказъ, что ихъ представители даже объявили протоколы 20 и 27 января окончательными и стали грозить Бельгіи насильственными мѣрами, если она не приметъ ихъ въ опредѣленный срокъ. Одновременно, Пруссія двинула свои войска по направленію къ Маасу, а союзному собранію въ Франкфуртѣ предложено было мобилизировать армію подъ предлогомъ защиты Люксембурга, одной изъ составныхъ частей германской конфедераціи [2]).

§ 4. Великая европейская война, предотвращенная въ декабрѣ, становилась, такимъ образомъ, снова неизбѣжной. Въ Парижѣ толпа находилась въ возбужденномъ состояніи, а Лаффитъ, въ рукахъ котораго попрежнему находилась власть, хотя и не раздѣлялъ увлеченій журналовъ и народныхъ кружковъ, но, повидимому, не былъ расположенъ и уступать. Смѣлость французскаго министерства поддерживалось не только рѣшительнымъ образомъ дѣйствій бельгійцевъ, но и тѣмъ мужественнымъ сопротивленіемъ, которое оказывали своимъ врагамъ поляки. Несмотря на громадное численное превосходство, русскіе терпѣли неудачи около Варшавы [3]). Съ другой стороны, въ Германіи попрежнему происходило глухое броженіе; несмотря на постановленія союзнаго собранія, нѣкоторые изъ нѣмецкихъ государей принуждены были раздѣлить власть съ представителями своихъ подданныхъ [4]).

Швейцарія, гдѣ уже втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ велась борьба противъ аристократическихъ учрежденій, навязанныхъ ей въ 1814 году, выказала намѣреніе, въ случаѣ надобности, защищать оружіемъ свой нейтралитетъ [5]), и, несмотря

---

[1]) Въ лицѣ Сюрле Шокье, президента конгресса, который принялъ власть 25 февраля.

[2]) По требованію нидерландскаго короля, союзное собраніе, въ засѣданіи 18 марта, рѣшило мобилизировать для этого государя отрядъ въ 24.000 человѣкъ, готовый выступить въ походъ, чтобы возстановить его власть въ великомъ герцогствѣ.

[3]) Разбитые первый разъ при Ваврѣ (19—20 февраля), они отчасти выиграли сраженіе при Гроховѣ (25 февраля); затѣмъ, они потерпѣли новыя важныя неудачи при Ваврѣ, Дембе и Игани (31 марта, 1 и 10 апрѣля).

[4]) Такого рода перемѣны произошли или готовились произойти, главнымъ образомъ, въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, курфюршествѣ Гессенскомъ и Саксоніи.

[5]) „Союзное собраніе... заявляетъ... что оно приняло твердое рѣшеніе, въ случаѣ войны между сосѣдними державами, соблюдать строгій нейтралитетъ. Оно имѣетъ на это право.... и это право было ему гарантировано... Собраніе заявляетъ также, что для защиты этого права оно станетъ употреблять всѣ средства, какія только

на настоятельныя требованія и угрозы Австріи, отказывалась распустить свои войска.

Но болѣе всего смѣлости придавало Лаффиту и парижскимъ пропагандистамъ положеніе дѣлъ въ Италіи, гдѣ революція, давно уже ожидаемая, подняла, наконецъ, свое знамя.

Несмотря на реакцію 1821 г., карбонаріи никогда не переставали агитировать въ этой странѣ. Унитарно-демократическая партія,—пока еще немногочисленная, такъ какъ главная масса народа не примыкала къ ней,—была, однако, достаточно сильна для того, чтобы поднять всю страну. На этотъ разъ, возстаніе вспыхнуло не въ Неаполѣ и не въ Туринѣ, а въ маленькихъ центральныхъ герцогствахъ и въ Церковной области, т.-е. въ тѣхъ частяхъ Италіи, гдѣ управленіе было наиболѣе неудовлетворительно. Въ тотъ самый моментъ, когда кардиналы — въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ засѣдавшіе на конклавѣ въ Римѣ—избрали, наконецъ, въ лицѣ Григорія XVI, преемника папѣ Пію VIII [1]), патріоты возстали, одновременно, въ Моденѣ, Болоньѣ, Анконѣ, Пармѣ и т. д. (3, 10 февраля). Герцогъ Францискъ Эсте и эрцгерцогиня Марія-Луиза припуждены были обратиться въ бѣгство. Эмилія, Романья и Легатства въ нѣсколько дней оказались предоставленными собственной своей участи, и временное правительство, установленное въ Болоньѣ, расширило вскорѣ свою побѣдоносную пропаганду вплоть до воротъ Рима.

Итальянцы, подобно полякамъ, разсчитывали на помощь Франціи, такъ какъ ее олицетворялъ въ ихъ глазахъ Лафайэтъ, неблагоразумно обнадеживавшій возставшіе народы. Но французскія знамена были еще далеко, а близка была — австрійская армія, понемногу собранная, за послѣдніе мѣсяцы, между Венеціей и Миланомъ и ждавшая только знака со стороны Мет-

будутъ находиться въ его распоряженіи. Желая мира, но не боясь и тяжелой борьбы, надѣясь на Бога своихъ отцовъ, союзники съ спокойствіемъ и твердостью будутъ ожидать дальнѣйшихъ событій. Они соединятъ всѣ свои усилія для того, чтобы защищать неприкосновенность территоріи, независимость націи и старинную свободу. При настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ собраніе ввѣряетъ судьбы государства патріотизму, мужеству и твердости всѣхъ швейцарцевъ, которыхъ она призоветъ къ оружію съ единственной цѣлью защищать границы отъ всякаго внѣшняго нападенія, съ какой бы стороны оно ни послѣдовало“... (Декларація, принятая союзнымъ собраніемъ въ засѣданіи 25 декабря 1830 г.).

[1]) Пій VIII (Франсуа-Ксавье Кастильони) родился въ 1761 г., преемникъ Льва XII съ марта 1829 г., умеръ въ ноябрѣ 1830 г..—Григорій XVI (Мавро Капеллари), родился въ Беллунѣ въ 1765 г., былъ сначала монахомъ; кардиналъ и начальникъ коллегіи миссіонеровъ въ 1826 г.; получилъ тіару въ 1831 году и умеръ въ 1846 году.

терниха, чтобы перейти По. При первомъ извѣстіи о волненіяхъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, вѣнскій кабинетъ заявилъ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи вмѣшаться съ орудіемъ въ рукахъ и защитить интересы государей, находившихся въ опасности. Французское министерство немедленно протестовало противъ подобнаго намѣренія. Лаффитъ заявилъ, что если Австрія имѣетъ безспорное право подавлять возстанія въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, которое ей принадлежитъ, и что если, строго говоря, можно признать за ней такое же право и въ герцогствахъ Пармскомъ и Моденскомъ, возвращеніе которыхъ было ей обѣщано, — то ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы она являлась полицейскимъ въ папской области, т.-е. въ территоріи, независимость которой признана договорами. Если она позволитъ себѣ такое злоупотребленіе, то принципъ невмѣшательства разрѣшитъ Франціи, не менѣе заинтересованной въ дѣлахъ Италіи, воспротивиться подобному насилію, хотя бы даже и силой. Маршалу Мэзону, французскому послу въ Вѣнѣ, пришлось объясняться относительно этого вопроса съ австрійскимъ канцлеромъ. Но онъ не съумѣлъ напугать его. Меттернихъ отвѣтилъ рѣшительно, что австрійскія войска вступятъ не только въ Модену и Парму, но и въ Болонью и Анкону; что папа самъ призываетъ ихъ; что если Франція хочетъ войны — Австрія съумѣетъ доставить ей это удовольствіе [1]). Маршалъ счелъ открытіе военныхъ дѣйствій неизбѣжнымъ и тотчасъ же извѣстилъ французское министерство, чтобы оно готовилось къ войнѣ. Въ то же время онъ счелъ себя въ правѣ предложить генералу

[1]) „Если Франція желаетъ войны (писалъ онъ еще 16 марта къ Аппоньи, австрійскому посланнику въ Парижѣ), пусть она объявитъ ее Европѣ, пусть попытается распространить Революцію тамъ, гдѣ мы ее подавляемъ уже однимъ своимъ появленіемъ, издалека...“ Съ другой стороны, Меттернихъ пытался напугать іюльское правительство, представляя ему, что торжество революціи было бы въ то же время торжествомъ фамиліи Бонапартовъ, которая, какъ онъ говорилъ, дѣятельно агитировала въ Италіи, ожидая возможности возвратиться во Францію. Онъ указывалъ, что Людовикъ-Филиппъ долженъ быть ему благодаренъ за то, что онъ не выставляетъ противъ него Наполеона II (герцога Рейхштадтскаго); что будучи вынужденъ обстоятельствами, вѣнскій дворъ можетъ не всегда остаться столь сдержаннымъ. „Неужели никому въ Парижѣ,—читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ Аппоньи,—не пришло въ голову, насколько они должны быть благодарны намъ за наше безукоризненное поведеніе по отношенію къ Наполеону II? Прошу извиненія за это указаніе, но оно можетъ пріобрѣсть нѣкоторое значеніе, если въ самомъ дѣлѣ Людовикъ-Филиппъ захочетъ играть роль завоевателя или главы революціонной пропаганды. Атакованные въ нашемъ послѣднемъ убѣжищѣ, вынужденные сражаться за наше существованіе,—мы не будемъ настолько ангелами, чтобы не стрѣлять изо всѣхъ нашихъ батарей“.

Гиллемино, представителю Франціи въ Константинополѣ, убѣдить султана вооружиться и отомстить Россіи, союзницѣ Австріи, за униженіе Турціи въ Адріанополѣ.

Такимъ образомъ, въ первыхъ числахъ марта 1831 г., почти вся Европа, казалось, должна была обратиться въ огромное поле сраженій, на которомъ Революція, олицетворяемая въ особенности Франціей, должна была вступить въ борьбу съ новымъ Священнымъ Союзомъ. Однако, и на этотъ разъ пожаръ былъ предотвращенъ. Миръ имѣлъ въ Тюильри вѣрнаго охранителя, въ лицѣ Людовика-Филиппа. Король баррикадъ рѣшительно не желалъ слѣдовать за партіей движенія въ ея смѣлыхъ предпріятіяхъ; онъ давно уже замышлялъ отдѣлаться отъ своихъ компрометирующихъ друзей, благодаря которымъ Франція постоянно находилась въ опасности подвергнуться или междоусобной, или внѣшней войнѣ. Лаффитъ былъ ему теперь въ тягость почти столько же, сколько, прежде, Лафайэтъ. Этотъ министръ, не имѣя силъ водворить порядокъ даже въ Парижѣ [1]), сверхъ того, потерялъ всякій авторитетъ въ палатѣ депутатовъ; такимъ образомъ, Людовику-Филиппу не стоило никакого труда отдѣлаться отъ кабинета, котораго не желалъ и парламентъ. 13 марта 1831 года, Лаффитъ принужденъ былъ уступить свое президентство—Казимиру Перье [2]); партія сопротивленія стала у власти и ей теперь приходилось показать свои способности.

§ 5. Казимиръ Перье, человѣкъ энергичнаго и даже пылкаго характера, держался почти такой же политической программы, какъ и Людовикъ-Филиппъ; но онъ имѣлъ твердое намѣреніе дѣйствительно привести ее въ исполненіе и, въ случаѣ необходимости, прибѣгнуть для этого даже къ силѣ. Внутри государства онъ искалъ порядка и совершенно не былъ расположенъ итти на компромиссы съ бунтовщиками. Во внѣшней политикѣ онъ искренно

---

[1]) Здѣсь произошли возмущенія: 21 декабря, по поводу процесса министровъ Карла X, и 14 февраля, кончившееся разгромомъ архіепископскаго дома.

[2]) Казимиръ Перье родился въ Греноблѣ 21 октября 1777 г.; инженерный офицеръ въ республиканской арміи, затѣмъ глава крупнаго банкирскаго дома въ Парижѣ (1802); членъ палаты депутатовъ (1817 г.), гдѣ, до 1830 г., онъ принадлежалъ къ либеральной оппозиціи; министръ безъ портфеля (11 августа 1830 г.); въ отставкѣ (2 ноября 1830 г.); затѣмъ президентъ палаты депутатовъ; президентъ совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ (13 марта 1831 г.); умеръ въ Парижѣ 16 мая 1832 г. — Другіе члены сформированнаго имъ кабинета: Себастіани (иностранныхъ дѣлъ); Луи (финансовъ); Бартъ (юстиціи); Монталиве (народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій); д'Аргу (торговли и общественныхъ работъ); Сультъ (военный); Риньи (морской и колоній).

желалъ мира. Трактаты 1815 года, по его мнѣнію, давали, въ общемъ, серьезную гарантію мира для Европы. Онъ не требовалъ для Франціи никакого расширенія владѣній. Онъ желалъ только, чтобы она оставалась свободной и сохранила свое вліяніе какъ на Бельгію, освобожденіе которой было ей такъ выгодно, такъ и на Италію, гдѣ она не могла допустить исключительнаго перевѣса Австріи. Онъ желалъ немногаго и, такимъ образомъ, думалъ успокоить иностранные дворы, враждебные іюльскому правительству. Но онъ всегда готовъ былъ настаивать на своемъ и этимъ внушалъ имъ сильное безпокойство. Его умѣренность, соединенная со смѣлостью, вскорѣ создала ему огромное вліяніе въ Европѣ. И скоро вошло въ обыкновеніе считаться съ нимъ тѣмъ болѣе, что онъ, чрезвычайно дорожа своею властью, не раздѣлялъ ее ни съ кѣмъ, даже съ самимъ королемъ, и не позволялъ Людовику-Филиппу лично вмѣшиваться въ политику отвѣтственнаго министерства, какъ это дѣлалось при Лаффитѣ [1]).

Новый президентъ совѣта министровъ началъ свою дѣятельность тѣмъ, что въ замѣчательной по своей рѣшимости рѣчи (18 марта) въ палатѣ депутатовъ заявилъ, что не, будучи враждебнымъ дѣлу угнетенныхъ народовъ, добивающихся возвращенія независимости, онъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ итти къ нимъ на помощь, если этого не требуютъ собственные интересы его страны. „Кровь Франціи,—воскликнулъ онъ,—принадлежитъ только ей“. Этимъ онъ выражалъ—только въ болѣе благородной формѣ,—мысль Дюпена, гласившую: „Каждый для себя, каждый у себя“. Это была политика эгоистическая и узкая; но ей, при всемъ томъ, нельзя было отказать въ благоразуміи. Оппозиція протестовала, но министръ не обращалъ на это никакого вниманія, и его отношенія къ иностраннымъ державамъ сохранили строгое соотвѣтствіе съ его программой.

Что касается Италіи, то Казимиръ Перье прежде всего отказался смотрѣть на вступленіе австрійскихъ войскъ въ Церковную область, какъ на casus belli. Но онъ не скрылъ отъ вѣнскаго двора того, что онъ находилъ этотъ пріемъ—ненормальнымъ, и крайне невыгоднымъ для Франціи. Онъ указалъ, поэтому, что лучшимъ средствомъ для предупрежденія недоразумѣній и, слѣдовательно, конфликта между обѣими державами, будетъ—добиться для подданныхъ папы нѣкоторыхъ администра-

[1]) И какъ это дѣлалось позже, въ особенности во вторую половину царствованія Людовика-Филиппа, при помощи непосредственной переписки съ французскими послами и иностранными министрами.

тивныхъ реформъ, которыя позволяли бы надѣяться, что волненія въ центральной Италіи больше не повторятся. Вслѣдствіе этого онъ предложилъ, чтобы пять великихъ державъ приложили свои соединенныя усилія къ тому, чтобы заставить папу Григорія XVI согласиться на нѣкоторыя реформы. Меттернихъ, въ глубинѣ души, вовсе не желалъ, чтобы церковная область находилась подъ хорошимъ управленіемъ; ему не могло не нравиться то обстоятельство, что папа, отъ времени до времени, нуждался въ австрійскихъ штыкахъ для поддержанія своей власти. Но онъ не могъ этого открыто заявить. Дворамъ же берлинскому, петербургскому и лондонскому почти такъ же, какъ и вѣнскому, — было бы непріятно всякое распространеніе, благодаря вышеупомянутымъ реформамъ, французскаго вліянія по ту сторону Альпъ. Но предложеніе Казимира Перье было составлено такъ умно, что невозможно было открыто противодѣйствовать ему. Поэтому, державы — для вида — сочувственно приняли это предложеніе, и 21 мая 1831 г. ихъ представители, одновременно съ французскимъ посломъ, обратились къ кардиналу Бернетти [1]), государственному секретарю папы, съ меморандумомъ, въ которомъ просили Его Святѣйшество даровать, наконецъ, своимъ подданнымъ нѣкоторыя гарантіи порядка и свободы, путемъ установленія муниципальныхъ учрежденій и провинціальныхъ совѣтовъ, учрежденія серьезнаго контроля надъ финансами и, наконецъ, пересмотра кодекса и преобразованія судовъ. Римскій дворъ нисколько не разсердился. Онъ заявилъ, что принимаетъ, для разработки, предложенные ему вопросы. Онъ даже опубликовалъ, нѣсколько времени спустя (5 іюля, 5, 31 октября, 4, 5 ноября), рядъ эдиктовъ, которыми — по его утвержденію — онъ удовлетворилъ требованіямъ пяти великихъ дворовъ. Реформы, на которыя онъ согласился, были, правда, ничтожны и ни въ какомъ отношеніи не могли удовлетворить населеніе Легатствъ. Но французская дипломатія добилась болѣе цѣннаго результата:

---

[1]) Бернетти (Ѳома) родился въ Фермо въ 1779 г.; секретарь суда въ Ротѣ; подвергся нѣкоторому преслѣдованію со стороны Наполеона во время плѣна Пія VII; получилъ отъ этого папы (1816 г.) порученіе реорганизовать военное управленіе; представитель Святѣйшаго Престола въ Петербургѣ, затѣмъ легатъ въ Равеннѣ и Болоньѣ; кардиналъ въ 1827 г.; государственный секретарь въ 1828 г.; первый секретарь при Григоріи XVI (1831 г.); уволенъ въ отставку въ 1835 г. по требованію Австріи и назначенъ вицеканцлеромъ римской церкви; совѣтникъ Пія IX (1846 г.), за которымъ онъ послѣдовалъ въ Гаэту въ 1848 г.; умеръ въ своемъ родномъ городѣ въ 1852 г.

эвакуаціи Церковной области, исполненной австрійцами въ іюлѣ, по требованію кабинета Перье.

§ 6. Въ данный моментъ, итальянскія дѣла не волновали болѣе политическаго міра. Въ теченіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ вниманіе государственныхъ людей было занято исключительно Бельгіей, интересы которой страдали болѣе, чѣмъ когда либо, и будущность которой предвѣщала много бурнаго.

Казимиръ Перье, желая избѣжать всякаго безполезнаго или опаснаго конфликта, въ началѣ апрѣля присоединился, отъ лица Франціи, къ протоколамъ 20 и 27 января. Нидерландскій король принялъ ихъ уже задолго до того, такъ какъ онъ находилъ ихъ выгодными для себя. Но брюссельскій конгрессъ продолжалъ ихъ отвергать и возмущался тѣмъ насиліемъ, которое хотѣлъ употребить противъ Бельгіи европейскій концертъ. Новый ультиматумъ былъ посланъ къ нему 10 мая. Къ чему должно было привести дальнѣйшее его сопротивленіе? Онъ, все-таки, настоялъ на своемъ, и, къ общему удивленію, лондонская конференція не только не заставила его подчиниться условіямъ, которыя онъ считалъ невозможнымъ принять, — но даже замѣтно улучшила эти условія. Чтобы понять эту перемѣну политики, необходимо вспомнить, что январскіе протоколы, несочувственно встрѣченные въ Бельгіи, были редактированы въ то время, когда можно было опасаться установленія слишкомъ тѣсной связи между этой страной и Франціей. Но іюльское правительство, которое не осмѣлилось ни дать короля новому государству, ни съ твердостью поддержать его территоріальныя и финансовыя претензіи, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣло уже наполовину потерять свое вліяніе въ Брюсселѣ. Англія сочла этотъ моментъ очень удобнымъ для того, чтобы привлечь на свою сторону бельгійскій народъ. Когда герцоги Немурскій и Лейхтенбергскій были устранены отъ трона, она осторожно выдвинула своего кандидата, котораго уже столько времени держала въ запасѣ. Кандидатура принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, котораго, въ 1830 г., собирались сдѣлать греческимъ королемъ, благодаря усиліямъ британскихъ агентовъ, имѣла тѣмъ большій успѣхъ, что его избраніе, по словамъ этихъ агентовъ, обезпечивало Бельгіи пересмотръ январскихъ протоколовъ. Дѣйствительно, Пальмерстонъ добился отъ конференціи, 21 мая, новой декларації, гласившей, что, въ случаѣ избранія на престолъ Леопольда, пять державъ обѣщаютъ начать переговоры съ нидерландскимъ королемъ относительно того, чтобы предоставить Бель-

гіи, за надлежащее вознагражденіе,—обладаніе великимъ герцогствомъ люксембургскимъ, впрочемъ, безъ нарушенія его связи съ германскимъ союзомъ. Австрія, Пруссія и Россія присоединились на этотъ разъ къ Англіи для того, чтобы причинить непріятность Франціи. Что касается этой послѣдней державы, выказывавшей столь сильное желаніе оставаться въ дружбѣ съ Англіей, то она не могла представить никакого убѣдительнаго довода противъ избранія принца. Поэтому, она согласилась, не выказывая своего неудовольствія. Впрочемъ, ей молча дали понять, что этотъ будущій бельгійскій король вступитъ въ бракъ съ дочерью Людовика-Филиппа. Благодаря такому соглашенію, британская дипломатія не могла вполнѣ забрать Брюссель въ свои руки.

Въ виду намѣреній, высказанныхъ конференціей 21 мая, бельгійцы сдѣлали бы громадную ошибку, если бы отвергли Леопольда. 4 іюня конгрессъ огромнымъ большинствомъ голосовъ [1]) избралъ его на престолъ. Тотчасъ была къ нему отправлена депутація для того, чтобы офиціально предложить ему корону. Принцъ отвѣтилъ, что приметъ корону, какъ только державы окончательно установятъ условія существованія новаго государства, и конгрессъ согласится на этотъ договоръ. Пальмерстонъ, спѣшившій покончить съ этимъ дѣломъ, торопилъ конференцію, и вскорѣ, подъ его вліяніемъ, было принято соглашеніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ договора изъ 18-ти статей. Это соглашеніе, легшее въ основаніе переговоровъ между правительствами Брюсселя и Гааги, не отнимало окончательно Люксембурга отъ Бельгіи; а именно, ей предоставляли въ Маастрихтѣ то, что не принадлежало Голландіи въ 1790 г.. Въ торговомъ отношеніи, новому королевству предоставлялись всѣ льготы, заключавшіяся въ правилахъ, изданныхъ вѣнскимъ конгрессомъ относительно плаванія по рѣкамъ: въ данномъ случаѣ, эти принципы примѣнялись также и къ плаванію по каналамъ. Наконецъ, Бельгіи давали надежду на значительное облегченіе денежныхъ обязательствъ, возложенныхъ на нее протоколомъ 27 января.

Въ тотъ самый день, когда было подписано это соглашеніе (26 іюня), Леопольдъ объявилъ себя удовлетвореннымъ и заявилъ, что онъ приметъ корону, если брюссельскій конгрессъ не воспротивится трактату. Но восемнадцать статей не могли быть приняты этимъ собраніемъ безъ возраженій. Бельгійцы повторяли, что Маастрихтъ имъ необходимъ для защиты, что они не могутъ допустить раздѣла ни этого города, ни его территоріи; — что

[1]) Онъ получилъ 152 голоса изъ 196 подданныхъ.

Люксембургъ принадлежитъ имъ, и что несправедливо требовать отъ нихъ вознагражденія за возвратъ ихъ собственности; наконецъ, что независимость политическая, коммерческая и хозяйственная ихъ страны не можетъ быть обезпечена, если Нидерланды не уступятъ имъ зеландскую Фландрію [1]). На конгрессѣ происходили горячіе споры. Въ концѣ концовъ, проектъ договора былъ принятъ въ Брюсселѣ 9 іюня. Но всего этого можетъ быть и не случилось бы безъ одной дипломатической хитрости со стороны Англіи. Связь двухъ революцій, польской и бельгійской, даетъ намъ возможность если не одобрить, то, во всякомъ случаѣ, объяснить этотъ послѣдній маневръ.

§ 7. Національное правительство въ Варшавѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выдерживало геройскую, но неравную борьбу; послѣ нѣсколькихъ славныхъ, но безрезультатныхъ успѣховъ, оно потерпѣло при Остроленкѣ (26 мая) трудно поправимое пораженіе. Его попытки поднять возстаніе на Волыни и въ Литвѣ потерпѣли неудачу. Въ іюнѣ, Паскевичъ, смѣнившій Дибича, принялъ командованіе надъ русской арміей, усиленной огромными подкрѣпленіями. Немного спустя, онъ уже былъ готовъ перейти Вислу и зайти въ тылъ Варшавѣ. Борясь съ врагомъ, средства котораго казались неистощимыми, несчастная Польша была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Вслѣдствіе состоявшагося съ петербургскимъ дворомъ соглашенія, Австрія и Пруссія строго охраняли свои восточныя границы и никого не пропускали. Берлинскій дворъ не ограничивался такимъ отрицательнымъ содѣйствіемъ, но еще и активно помогалъ предпріятіямъ Паскевича. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, поляки обратились съ мольбой къ Франціи. Графъ Валевскій [2]), вслѣдъ за столь многими другими, явился просить

[1]) Т.-е. часть фламандскаго побережья (подлѣ котораго лежитъ островъ Вальхеренъ), господствующую надъ устьемъ Шельды и, въ концѣ концовъ, оставшуюся за Нидерландами.

[2]) Графъ Валевскій (Александръ-Флоріанъ-Іосифъ Колонна), сынъ графини Валевской, одной изъ фавориток Наполеона I; родился въ замкѣ Валевицы 4 мая 1810 г.; посланъ правительствомъ польскихъ повстанцевъ въ Лондонъ и Парижъ (1831 г.), принялъ французское подданство, офицеръ арміи въ Африкѣ, въ отставкѣ въ 1837 г.; редакторъ Messager des Chambres, авторъ нѣсколькихъ брошюръ и театральныхъ пьесъ, не имѣвшихъ успѣха, несмотря на старанія его друзей; посланъ Тьеромъ съ дипломатической миссіей въ Египетъ (1840 г.); атташе при французскомъ посольствѣ въ Буэносъ-Айресѣ, въ близкихъ сношеніяхъ съ Елисейскимъ дворцомъ во время второй республики; полномочный посолъ во Флоренціи (1849 г.), затѣмъ въ Неаполѣ, въ Мадридѣ; посолъ въ Лондонѣ (1851 г.); сенаторъ (26 апрѣля

помощи у іюльскаго правительства. Людовикъ-Филиппъ и Казиміръ Перье совершенно не желали компрометировать себя изъ-за Польши. Но общество и въ Парижѣ, и во всей Франціи принимало такое участіе въ судьбахъ этой храброй націи, что они должны были, по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, что слѣдуютъ за общественнымъ мнѣніемъ. У нихъ явилась мысль о посредничествѣ между царемъ и его возмутившимися подданными, и они предложили ее на усмотрѣніе Меттерниху, прося у него содѣйствія. Австрійскій канцлеръ, въ глубинѣ души, не былъ бы огорченъ, если бы Польша спаслась. Но онъ, точно такъ же, не желалъ себя компрометировать и, вслѣдствіе этого, выразилъ желаніе, чтобы Англія также взялась за это дѣло. Казалось, что британское правительство съ поспѣшностью воспользуется удобнымъ случаемъ увеличить замѣшательство и безпорядки въ Россіи. Ничего такого, однако, не произошло. Лондонскій дворъ, напротивъ, старался не раздражать царя, такъ какъ послѣдній, встрѣтивъ препятствія въ Польшѣ, могъ въ этотъ моментъ—на другомъ театрѣ дѣйствій — блестящимъ образомъ вознаградить себя. Въ самомъ дѣлѣ, Турція все еще находилась, такъ сказать во власти Россіи. Императоръ Николай I все еще занималъ княжества. Въ его власти было — поколебать и даже уничтожить оттоманскую имперію. Съ другой стороны, нельзя было забывать и того, что Греція не имѣла еще короля, и что она все еще находилась подъ управленіемъ Каподистріа, т.-е. царскаго ставленника. Этотъ государственный человѣкъ сдѣлался на родинѣ чрезвычайно непопулярнымъ вслѣдствіе своего властолюбія. Противъ него вспыхнуло серьезное возстаніе въ Мореѣ и на островахъ (апрѣль 1831 г.). Онъ тотчасъ же призвалъ на помощь русскій флотъ. Отъ царя зависѣло снова нарушить спокойствіе на Востокѣ, и это, безъ сомнѣнія, и произошло бы, если бы Англія сдѣлала видъ, что покровительствуетъ полякамъ, надъ которыми онъ уже готовъ былъ восторжествовать. Вслѣдствіе этого понятно, что предложенная Франціей [1]) идея посредничества имѣла слишкомъ мало шансовъ быть принятой британскимъ правительствомъ. Но съ другой стороны бельгійцы, повидимому, упорно настаивали

1855 г.); министръ иностранныхъ дѣлъ (1855 г.); предсѣдатель парижскаго конгресса (1856 г.); уступилъ свое мѣсто въ министерствѣ Тувенелю (январь 1860 г.) и назначенъ членомъ тайнаго совѣта; министръ (24 ноября 1860 г.); въ отставкѣ въ іюнѣ 1863 г.; предсѣдатель законодательнаго собранія (1865 г.); во враждѣ съ Руеромъ, благодаря чему, въ концѣ концовъ, долженъ былъ отказаться отъ своей должности (1867); умеръ въ Страсбургѣ 27 октября 1868 г.

[1]) Въ нотѣ отправленной Таллейраномъ Пальмерстону 20 іюня 1831 г.

на томъ, чтобы это предложенiе имѣло серьезныя послѣдствiя. Имъ казалось, что Польша должна быть ихъ оплотомъ; они боялись, что царь, справившись съ Варшавой, почувствуетъ себя свободнымъ и, возобновивъ тройственный сѣверный союзъ, подастъ сигналъ къ противореволюцiонному крестовому походу, первой жертвой котораго окажется Бельгiя. Лондонскiй кабинетъ, съ своей стороны, чрезвычайно желалъ того, чтобы брюссельское правительство прекратило свое сопротивленiе противъ трактата изъ восемнадцати статей. Пальмерстонъ, не отличавшiйся особенной разборчивостью въ средствахъ, вышелъ изъ затруднительнаго положенiя тѣмъ, что, съ одной стороны, замедлилъ съ офицiальнымъ отвѣтомъ на предложенiе Францiи, а съ другой—поручилъ Понсонби [1]), своему представителю въ Брюсселѣ, подать бельгiйцамъ надежду на присоединенiе Великобританiи къ проекту посредничества, если только бельгiйцы примутъ трактатъ. Результатомъ такого политическаго маневра было принятiе конгрессомъ (9 iюля) восемнадцати статей; нѣсколько дней спустя, Пальмерстонъ отвѣтилъ рѣшительнымъ и категорическимъ отказомъ на предложенiе французскаго правительства. Польша была окончательно осуждена на погибель.

§ 8. Леопольдъ не имѣлъ болѣе никакихъ основанiй оставаться въ Лондонѣ. Поэтому, онъ поспѣшилъ покинуть этотъ городъ и вступить въ управленiе своимъ государствомъ; 21 iюля онъ былъ уже въ Брюсселѣ, гдѣ, послѣ принесенiя имъ присяги конституцiи, конгрессъ торжественно призналъ его королемъ. Но почти тотчасъ-же произошло осложненiе, котораго новый государь конечно не ожидалъ. Нидерландскiй король открыто протестовалъ противъ проекта восемнадцати статей (12 iюля). Францiя и Англiя не предполагали, чтобы онъ былъ намѣренъ противиться этому проекту силою оружiя. Но Вильгельмъ I, котораго втайнѣ подстрекали сѣверные дворы и которому особенно много помогала въ его военныхъ приготовленiяхъ Пруссiя, уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ былъ готовъ къ войнѣ. 1 августа онъ вдругъ отказался отъ навязаннаго ему перемирiя, и его войска вошли въ Бельгiю. Леопольдъ поспѣшно отправился туда, гдѣ грозила наибольшая опасность. Но его силы такъ уступали си-

[1]) Виконтъ Понсонби (Джонъ) родился въ 1770 г.; членъ палаты лордовъ (1806 г.), гдѣ онъ принадлежалъ къ партiи виговъ; полномочный министръ въ Буэносъ-Айресѣ (1826 г.), въ Бразилiи (1828 г.), въ Бельгiи (1830 г.), въ Неаполѣ (1832 г.); посланникъ въ Константинополѣ съ 1832 по 1841 годъ, въ Вѣнѣ съ 1846 по 1851 г.; умеръ въ Брайтонѣ въ 1855 г.

ламъ его противника, что онъ не могъ долго выдерживать борьбу. Въ нѣсколько дней голландцы овладѣли Гассельтомъ, Лувеномъ и были уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Брюсселя. Бельгійское правительство считало себя погибшимъ. Одна Франція могла спасти его; поэтому, оно, не колеблясь, обратилось къ ней съ просьбой о помощи.

Въ разсчеты Казимира Перье вовсе не входило, чтобы новое государство погибло [1]). Это былъ человѣкъ дѣла, котораго не пугала мысль о военномъ предпріятіи. Незадолго передъ тѣмъ, чтобы добиться удовлетворенія за обиды, нанесенныя нѣсколькимъ французскимъ гражданамъ, онъ послалъ эскадру къ устью Таго, овладѣлъ фарватеромъ этой рѣки и, не заботясь о возможности протеста со стороны Англіи, угрозой бомбардировать Лиссабонъ принудилъ узурпатора Дона Мигуэля подписать самыя унизительныя условія примиренія (7—14 іюля). Такъ какъ положеніе дѣлъ не позволяло медлить, то онъ, по первому призыву Леопольда, сталъ дѣйствовать на личный свой страхъ. По его распоряженію, пятьдесятъ тысячъ французскихъ солдатъ вступили въ Бельгію подъ начальствомъ маршала Жерара, который, 12 августа, занялъ Брюссель. Въ виду подобной демонстраціи, голландцы должны были отступить. Они даже не пытались бороться, и, безъ выстрѣла, поспѣшно ушли назадъ 20-го августа; за исключеніемъ Антверпена, котораго они никогда не теряли, въ ихъ рукахъ не оставалось болѣе ни одного пункта бельгійской территоріи.

Это смѣлое предпріятіе Казимира Перье вызвало неудовольствіе со стороны сѣверныхъ державъ, а также и Англіи. Французское правительство должно было объяснить конференціи, что оно не успѣло войти съ ней въ соглашеніе относительно Бельгіи, такъ какъ было вынуждено дѣйствовать съ крайнею поспѣшностью. Кромѣ того оно поспѣшило заявить, что Жераръ и его отрядъ будутъ отозваны; и, дѣйствительно, очень скоро это было исполнено. Но, хотя французы и очистили Бельгію,—эта страна не могла не смотрѣть на нихъ, какъ на спасителей, какъ на естественныхъ своихъ покровителей. Авторитетъ іюльскаго правительства въ Брюсселѣ достигъ высшей степени. Новой монархіи приходилось организовать свою армію и финансовое дѣло подъ покровительствомъ Франціи. Подъ вліяніемъ этой же державы, повидимому, должна была сформироваться и ея политика.

[1]) Во Франціи произошелъ министерскій кризисъ (конецъ іюля), и Казимиръ Перье подалъ въ отставку; но неизбѣжность новыхъ важныхъ затрудненій со стороны Бельгіи склонила его снова принять власть.

Лондонскій кабинетъ не далъ себѣ труда скрыть свое неудовольствіе. Пальмерстонъ тотчасъ же сталъ выказывать менѣе сочувствія къ стремленіямъ бельгійцевъ, чѣмъ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, и подъ предлогомъ, что нидерландскій король никогда не согласится на договоръ восемнадцати статей и что, безъ сомнѣнія, трудно будетъ принудить его къ этому, — вскорѣ предложилъ конференціи измѣнить свое рѣшеніе. Представители Австріи, Пруссіи и Россіи, довольные возможностью причинить непріятность Франціи, не имѣли намѣренія противорѣчить ему. Такимъ образомъ, ему удалось склонить лондонскихъ дипломатовъ подписать, 15 октября, новое соглашеніе, гораздо менѣе выгодное для Бельгіи, чѣмъ предыдущее. Этотъ проектъ договора, называемый проектомъ двадцати четырехъ статей, предоставлялъ Бельгіи только часть Люксембурга и оставлялъ столицу этого государства въ рукахъ нидерландскаго короля. Послѣдній, въ вознагражденіе за то, что отказывался отъ этой провинціи, получалъ значительную часть Лимбурга; кромѣ того, онъ удерживалъ за собой Маастрихтъ, Венлоо и лѣвый берегъ Шельды. Сообщая о своемъ рѣшеніи брюссельскому двору, конференція указала: 1) что новыя статьи будутъ имѣть всю силу и значеніе формальнаго соглашенія между бельгійскимъ правительствомъ и пятью великими державами; 2) что эти державы гарантируютъ ихъ исполненіе; 3) что, послѣ принятія ихъ обѣими сторонами, онѣ дословно войдутъ въ договоръ, который будетъ заключенъ непосредственно между Бельгіей и Голландіей; 4) что этотъ договоръ точно такъ же будетъ гарантированъ великими державами; 5) что статьи, о которыхъ идетъ рѣчь, образуютъ одно цѣлое и не допускаютъ раздѣленія, и, наконецъ, 6) что онѣ представляютъ безповоротный проектъ примиренія, и что державы рѣшили принудить къ нему обѣ воюющія стороны; что державы эти обязываются добиться согласія Голландіи, хотя бы она стала даже сопротивляться, и что онѣ употребятъ всѣ средства, находящіяся въ ихъ распоряженіи, для того, чтобы предупредить возобновленіе враждебныхъ дѣйствій между Леопольдомъ и Вильгельмомъ.

Брюссельскій парламентъ, сначала, съ большимъ неудовольствіемъ встрѣтилъ договоръ двадцати четырехъ статей. Но обстоятельства не позволяли ему отвергнуть его. Англія представляла его, какъ своего рода ультиматумъ. Франція, повидимому, собиралась принять его, такъ какъ ей обѣщано было уничтоженіе главныхъ бельгійскихъ крѣпостей, построенныхъ вдоль сѣ-

верной ея границы, въ силу договоровъ 1815 года [1]). Что касается сѣверныхъ дворовъ, то слѣдовало бояться, что они найдутъ даже этотъ договоръ еще слишкомъ выгоднымъ для Бельгіи, такъ что ссориться съ ними было бы несвоевременно. Польша, оставленная безъ поддержки Франціей и Великобританіей, только что передъ тѣмъ вынуждена была покориться. Варшава находилась въ рукахъ русскихъ съ 7 сентября. Ничто, казалось, не мѣшало тройственному союзу сформироваться вновь и направить свои удары на западъ. Поэтому, Бельгія подчинилась приговору конференціи, и 15-го ноября ея представитель въ Лондонѣ, ванъ-де-Вейеръ [2]), подписалъ договоръ, въ силу котораго пять великихъ державъ, чтобы вознаградить бельгійское правительство за его согласіе, гарантировали ему исполненіе двадцати четырехъ статей и заявили о своемъ дружественномъ расположеніи къ королю Леопольду.

Заключительный параграфъ этого акта гласилъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ будетъ ратификованъ договаривающимися сторонами. Но не слѣдуетъ забывать, что члены конференціи не были облечены полномочіями со стороны ихъ правительствъ. Англія и Бельгія считали договоръ окончательнымъ; первая потому, что онъ былъ ея созданіемъ, а вторая—потому что боялась, отказомъ отъ него, поставить себя въ неудобное положеніе. Но Франція колебалась ратификовать этотъ договоръ, считая его недостаточно выгоднымъ для брюссельскаго двора; сѣверныя же державы, казалось, склонны были отвергнуть его по діаметрально-противоположной причинѣ.

§ 9. Іюльское правительство уступило первымъ и, въ январѣ 1832 г., пришло къ полному соглашенію съ лондонскимъ кабинетомъ относительно двадцати четырехъ статей. Но оно сдѣлало эту уступку не даромъ. Дѣйствительно, Казимиръ Перье добился того, что Англія одобрила его планы относительно Италіи; а исполненіе этихъ послѣднихъ должно было, съ другой стороны,

[1]) Дѣйствительно, протоколъ 16 ноября заключалъ въ себѣ распоряженіе объ уничтоженіи крѣпостей: Мененъ, Атъ, Монсъ, Филиппевиль и Маріенбургъ.

[2]) Ванъ-де-Вейеръ (Сильвенъ) родился въ Лувенѣ въ 1803 г.; адвокатъ въ Брюсселѣ, затѣмъ хранитель библіотеки этого города; редакторъ Нидерландскаго Курьера до 1830 г.; членъ временнаго правительства Бельгіи (сентябрь 1830 г.); министръ иностранныхъ дѣлъ во время регентства Сюрле де-Шокье (1831 г.); посланъ Леопольдомъ въ качествѣ полномочнаго министра въ Лондонъ, откуда онъ вернулся въ 1845 году, чтобы занять постъ президента бельгійскаго кабинета, но на который онъ снова возвратился въ 1846 г. и на которомъ оставался до 1867 г.; умеръ въ 1874 г.

побудить Австрію прекратить свою оппозицію вышеупомянутому проекту. А именно, глава тюильрійскаго кабинета предполагалъ послать французскія войска въ Церковную область, и такъ какъ онъ не могъ—боясь крупныхъ осложненій—отправить ихъ черезъ Пьемонтъ [1]), то долженъ былъ выбрать путь моремъ. Всякое же морское предпріятіе Франціи, обыкновенно, вызывало опасенія со стороны Англіи. Но такъ какъ въ данный моментъ между интересами обѣихъ державъ существовала тѣсная связь, и такъ какъ умѣренность кабинета Перье внушала полное довѣріе, то лондонскій дворъ не сталъ противиться указанному проекту.

Реформы, о которыхъ съ такой торжественностью возвѣстилъ Святѣйшій Престолъ въ своемъ отвѣтѣ на меморандумъ 21 мая, свелись къ очень немногому. А на практикѣ, папскіе министры свели ихъ и совсѣмъ ужъ къ нулю. Казимиръ Перье считалъ себя обманутымъ, а онъ этого не любилъ. Къ тому же, папское правительство выказало желаніе послать въ Легатства регулярныя войска, для того чтобы обезоружить гражданскую гвардію, служившую въ то время для этихъ провинцій единственной гарантіей противъ произвола абсолютной власти; и, предвидя сопротивленіе, папа заранѣе обезпечилъ себѣ содѣйствіе австрійскихъ войскъ. На этотъ разъ, Казимиръ Перье рѣшилъ, что Франція не можетъ, безъ униженія для себя и ущерба для своихъ интересовъ, позволить вѣнскому двору распоряжаться единолично въ Италіи. Поэтому, въ началѣ января 1832 г. онъ, черезъ французскаго посланника въ Римѣ, Сентъ-Олера [2]), предложилъ папѣ дозволить Франціи, какъ католической державѣ, преданной Святѣйшему Престолу,—содѣйствовать, подобно Австріи, возстановленію порядка въ его области, въ случаѣ если бы этотъ порядокъ былъ нарушенъ. Римскій дворъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, давая понять, что вмѣшательство Франціи послужитъ для итальянцевъ поощреніемъ къ революціи, между тѣмъ какъ вмѣшательство Австріи окажетъ совершенно обратное дѣйствіе.

[1]) Карлъ-Альбертъ наслѣдовалъ 27 апрѣля 1831 г. сардинскій престолъ послѣ Карла-Феликса, находившагося въ союзѣ съ Австріей и пользовавшагося ея покровительствомъ. Каковы бы ни были его дѣйствительныя чувства, онъ выказывалъ въ то время почти безусловное повиновеніе вѣнскому двору.

[2]) Графъ Сентъ-Олеръ (Луи Клэръ де-Бопуаль), родился въ Сенъ-Меарѣ (Дордонь) въ 1778 г.; камергеръ Наполеона въ 1809 г.; префектъ маасскаго департамента (1813 г.), затѣмъ, послѣ Реставраціи, префектъ департамента Верхней Гаронны (1814 г.); членъ палаты депутатовъ, гдѣ онъ, съ 1815 по 1829 г., занималъ мѣсто въ рядахъ конституціонной партіи; пэръ Франціи (1829 г.), посланникъ въ Римѣ (1831 г.), въ Вѣнѣ (1833—1841 г.), въ Лондонѣ (1841—1847 г.); членъ французской Академіи съ 1841 г.; умеръ въ Парижѣ въ 1854 г.

Въ то же самое время, Перье сообщилъ о своемъ намѣреніи Меттерниху, который всѣми силами протестовалъ, не доходя, впрочемъ, какъ въ предыдущемъ году, до угрозъ войной.

Французскій министръ не далъ себя ни отклонить отъ своего намѣренія, ни запугать. Къ концу января вступленіе папскихъ войскъ въ Легатства повлекло за собой новыя волненія, какъ это и можно было ожидать. Почти тотчасъ же австрійская армія появилась въ Болоньѣ. Но едва она успѣла пробыть тамъ нѣсколько дней, какъ Казимиръ Перье смѣло привелъ въ исполненіе свою угрозу. 22 февраля французскій полкъ вдругъ высадился передъ Анконой, разбилъ ея ворота и овладѣлъ этимъ городомъ; папскія войска отступили безъ сопротивленія.

Римскій дворъ тотчасъ же громко запротестовалъ. Кардиналъ Бернетти заявилъ, что подобнаго посягательства не видано было со времени сарацинъ. Меттернихъ называлъ энергичный поступокъ французскаго министра нападеніемъ изъ засады и разбоемъ. Посланники сѣверныхъ дворовъ обратились къ Казимиру Перье съ запросомъ о томъ, существуетъ ли еще въ Европѣ публичное право. „Публичное право въ Европѣ, отвѣтилъ онъ гордо, защищаю я; неужели вы думаете, что легко соблюдать договоры и миръ? Необходимо, чтобы была соблюдена также и честь Франціи; она-то и предписываетъ мнѣ то, что я дѣлаю. Я имѣю право на довѣріе Европы и я разсчитываю на него“. Передъ такой твердостью, въ концѣ концовъ, преклонились всѣ. Австрійскій дворъ продолжалъ проклинать Францію, но не осмѣлился потребовать эвакуаціи Анконы; даже римскій дворъ, и тотъ принужденъ былъ безропотно смотрѣть на то, какъ надъ стѣнами этого города развѣвалось знамя революціи; договоромъ 16 апрѣля постановлено было, что французскія войска останутся тамъ до тѣхъ поръ, пока австрійскія силы не будутъ удалены изъ Легатствъ.

§ 10. Меттернихъ отлично понималъ, не сознаваясь впрочемъ въ этомъ, что въ данный моментъ судьба Италіи находилась въ рукахъ Франціи, и что стоило новому гарнизону Анконы дать сигналъ, какъ революція охватила бы, въ нѣсколько дней, всю страну отъ Альпъ до Мессинскаго пролива и даже далѣе. Поэтому, онъ счелъ за лучшее не доводить іюльское правительство до крайности упорнымъ сопротивленіемъ договору изъ двадцати четырехъ статей. Можетъ быть, несмотря на все, онъ упорно продолжалъ бы отвергать это соглашеніе, если бы вмѣстѣ съ нимъ продолжала бы послѣдовательно противиться и Пруссія.

Но когда берлинскій дворъ подчинился обстоятельствамъ, то и онъ, съ своей стороны, уступилъ: 18 апрѣля договоръ, окончательно признававшій бельгійское государство, былъ утвержденъ одновременно отъ имени Франца I и Фридриха-Вильгельма III [1]).

Если прусское правительство, несмотря на свои тѣсныя связи съ нидерландскимъ дворомъ [2]), въ концѣ концовъ, оставило его безъ поддержки, то это объясняется тѣмъ, что примѣръ такой перемѣны политики былъ поданъ Россіей. Императоръ Николай I, расположенный болѣе всякаго другого государя оказывать покровительство нидерландскому королю, старшій сынъ котораго былъ его зятемъ, самъ послалъ въ февралѣ одного изъ своихъ совѣтниковъ, князя Орлова [3]), къ этому государю съ порученіемъ склонить его на уступки; затѣмъ, такъ какъ голландское правительство продолжало упорно требовать важныхъ измѣненій въ договорѣ [4]), онъ далъ ему понять, что не одобряетъ его требованій и не можетъ болѣе оказывать ему поддержку (конецъ марта 1832 г.) [5]).

[1]) Обѣ великія германскія державы согласились, правда, на договоръ съ нѣкоторыми незначительными оговорками, которыми онѣ и воспользовались впослѣдствіи для того, чтобы вызвать новыя затрудненія; объ этомъ см. въ слѣдующей главѣ.

[2]) Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Вильгельмъ I, нидерландскій король, былъ, по матери, двоюроднымъ внукомъ Фридриха Великаго и что онъ былъ женатъ на сестрѣ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III.

[3]) Князь Орловъ (Алексѣй Ѳедоровичъ) родился въ Москвѣ въ 1786 г.; адъютантъ великаго князя Константина Павловича; полковникъ конной гвардіи во время бунта декабристовъ, въ подавленіи котораго принималъ важное участіе (декабрь 1825 г.); командовалъ дивизіей въ войнѣ противъ турокъ, затѣмъ назначенъ для переговоровъ о мирѣ въ Адріанополѣ (сентябрь 1829 г.); чрезвычайный посолъ въ Константинополѣ (1830 г.); отправленъ съ порученіями въ Польшу (1830—1831 г.) затѣмъ посланъ въ Лондонъ для переговоровъ по бельгійскимъ дѣламъ (1832 г.); поставленъ во главѣ арміи, отправленной царемъ на помощь султану; главный авторъ договора въ Ункіаръ-Скелесси (1833 г.); назначенъ послѣдовательно: генераломъ отъ кавалеріи, членомъ государственнаго совѣта, шефомъ жандармовъ (1844 г.), начальникомъ тайной полиціи; принималъ участіе въ берлинской и ольмюцской конференціяхъ въ 1853 г.; неудачно исполнилъ въ Вѣнѣ, въ началѣ 1854 г., секретное порученіе своего государя; былъ представителемъ Россіи на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г.; получилъ титулъ князя; предсѣдатель государственнаго совѣта; умеръ въ С.-Петербургѣ въ 1861 году.

[4]) А именно, оно требовало: 1) измѣненія статьи, относящейся къ внутренней торговлѣ и праву проведенія судовъ и установки бакановъ на Шельдѣ; 2) отмѣны проекта дороги или канала въ Лимбургѣ для бельгійцевъ; 3) капитализаціи части долга, возложеннаго на Бельгію; 4) соглашенія относительно ликвидаціи дѣлъ синдиката для погашенія долговъ, соотвѣтственно съ прежними предложеніями голландскаго кабинета; 5) расширенія территоріи въ Лимбургѣ; 6) отсрочки дальнѣйшихъ переговоровъ по вопросу о Люксембургѣ.

[5]) Договоръ двадцати четырехъ статей былъ ратификованъ русскимъ правительствомъ въ началѣ мая.

Уступчивость царя по отношенію къ планамъ Англіи и Франціи была бы непонятна, въ особенности послѣ его побѣды надъ поляками, если бы она не находила себѣ объясненія въ Восточномъ вопросѣ, который въ этотъ моментъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, занималъ петербургскій кабинетъ. Послѣ капитуляціи Варшавы императоръ Николай I принужденъ былъ обратить свое вниманіе сначала на Грецію, а затѣмъ на Турцію, гдѣ, казалось, готовились совершиться новыя грозныя событія. Въ первомъ изъ этихъ двухъ государствъ его вліяніе подвергалось опасности вслѣдствіе смерти Каподистріа, убитаго въ Навпліи братьями Мавромихалисъ 9 октября 1831 г.. Братъ убитаго [1]) попытался, было, наслѣдовать его власть. Но бо̀льшая часть Греціи возстала противъ него, и онъ вынужденъ былъ оставить свой постъ 10 апрѣля 1832 г.. Русскій императоръ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ занятъ переговорами съ одной стороны съ Франціей и Англіей, а съ другой—съ Портой, относительно того, чтобы дать Греціи короля и, путемъ расширенія ея территоріальныхъ предѣловъ, обезпечить себѣ ея признательность. Въ описываемый нами моментъ это дѣло было близко къ благополучному окончанію. Протоколъ 7 мая 1832 г., подписанный въ Лондонѣ, вручалъ греческую корону юному Оттону баварскому [2]) и давалъ ему гарантіи, ранѣе предложенныя Леопольду. Этотъ протоколъ подавалъ также надежду на то, что предѣлы его государства, ограниченнаго пока устьемъ Аспропотама, будутъ расширены до залива Арта [3]). Съ этой стороны политическій горизонтъ, казалось, наконецъ прояснялся. Но онъ омрачался все болѣе и болѣе со стороны Турціи, гдѣ султану, совершенно обезсилѣвшему въ безплодныхъ попыткахъ провести реформы, грозила опасность со стороны самаго могущественнаго изъ его вассаловъ. Мегеметъ-Али, египетскій паша, обманутый въ надеждѣ получить управленіе Мореей, попытался вознаградить себя завоеваніемъ Сиріи [4]). Его сынъ, Ибрагимъ, проникъ съ войскомъ въ эту страну; съ декабря 1831 г. онъ осаждалъ Сенъ-Жанъ-д'Акръ. Эта крѣпость была вскорѣ взята; а царь,

[1]) Іоаннъ-Марія Августинъ, графъ Каподистріа, умеръ въ 1842 г.

[2]) Сынъ короля Людовика Баварскаго; родился 1 іюня 1815 г.: греческій король съ 1832 г.; низвергнутъ въ 1862 г.; умеръ въ Бамбергѣ 26 іюля 1867 г., не оставивъ дѣтей отъ брака съ принцессой Амаліей Ольденбургской.

[3]) Дѣйствительно, Порта согласилась на эту уступку 16 сентября слѣдующаго года за вознагражденіе въ двѣнадцать милліоновъ піастровъ.

[4]) Онъ утверждалъ, что имѣлъ причину жаловаться на пашу Сенъ-Жанъ д'Акра и, несмотря на протестъ султана, намѣревался самъ отомстить за себя.

сберегая свои силы для покровительства Махмуду, ставшему, такъ сказать, его вассаломъ, былъ, понятно, очень мало расположенъ къ тому, чтобы вызывать новыя осложненія на Западѣ.

Словомъ, къ серединѣ 1832 г. Европа, на минуту приведенная въ замѣшательство іюльскимъ переворотомъ, снова успокоилась. Договоры 1815 года подверглись большимъ измѣненіямъ. За Франціей было признано право самостоятельно распоряжаться собой. Бельгія была освобождена и объявлена нейтральной. Въ Италіи уже болѣе не распоряжалась исключительно одна Австрія. Но Польшѣ не удалось возвратиться къ самостоятельности. Были попытки возстановить Священный Союзъ, но онѣ оказались неудачными. Революція была сдерживаема даже въ томъ государствѣ, гдѣ она вспыхнула, было, въ 1830 году. Равновѣсіе, кое-какъ установившееся между державами, казалось, имѣло своимъ главнымъ защитникомъ того энергичнаго министра, которому Людовикъ-Филиппъ, противъ воли, принужденъ былъ, съ марта 1831 г., подчиняться. Таково было положеніе дѣлъ въ тотъ моментъ, когда умеръ (16 мая) Казиміръ Перье, унесенный холерной эпидеміей, свирѣпствовавшей тогда въ Парижѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

„Сердечное согласіе“.

§ 1. Западныя государства и сѣверныя правительства въ 1832 г. — § 2. Бельгійскія дѣла: трактатъ 22 октября и осада Антверпена.— § 3. Восточный вопросъ: Махмудъ, Мегеметъ-Али и Николай I; Кутайскій и Ункіаръ-Скелесскій договоры. — § 4. Политика Священнаго Союза; Теплицъ и Мюнхенгрецъ. — § 5. Меттернихъ и контръ-революція.— § 6. Португалія, Испанія и четверной союзъ.

(1832—1834 г.).

§ 1. Контръ-революція, представленная на сѣверѣ кабинетами трехъ великихъ державъ, на нѣкоторое время имѣла во Франціи сильнаго покровителя и, въ то же время, укротителя—въ лицѣ Казимира Перье. Послѣ него, она снова потеряла спокойствіе и стала дерзка.

Едва этотъ государственный мужъ сошелъ со сцены, какъ и само Іюльское правительство чуть не было сметено двойнымъ кризисомъ. Герцогиня Беррійская провозгласила во имя своего сына возстаніе легитимистовъ въ Вандеѣ (куда она прибыла въ концѣ мая 1832 г., послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Провансѣ). Въ Парижѣ, нѣсколько дней спустя, республиканская партія устроила вооруженный мятежъ; первые успѣхи безпорядковъ дали ей энергію и смѣлость,—и войскамъ короля-буржуа пришлось выдерживать на улицахъ столицы правильныя сраженія (5—6 іюня). Конечно, это двойное возстаніе было достаточно быстро подавлено. Однако, умы были смущены; нѣсколько мѣсяцевъ Франція не была покойна, и это мѣшало найти преемника Казимиру Перье. Портфель президента былъ предложенъ Таллейрану, потомъ Дюпэну. И тотъ, и другой отказались. Вплоть до октября оставаясь безъ вождя, министерство, безпомощное внутри страны, не имѣло вліянія и на международную

политику. Англія оставалась вѣрнымъ союзникомъ для Людовика-Филиппа, но она была связана внутренними осложненіями. Лордъ Грей, послѣ борьбы, охватившей всю страну, провелъ наконецъ парламентскую реформу (4 іюня) [1]; теперь ему угрожала ирландская агитація, грозная болѣе, чѣмъ когда либо; казалось, ему еще долго было суждено оставаться парализованнымъ въ своей политикѣ [2].

Зато, Пруссія, Россія и Австрія начинали принимать грозно-выжидательное положеніе по отношенію къ Европѣ. Онѣ собирались съ силами. Русскій императоръ, разгромивъ Польшу, энергично руссифицировалъ эту страну, подавляя всякія націоналистическія попытки, и нигдѣ не встрѣчалъ отпора. Императоръ австрійскій и король прусскій не только поддерживали со всею строгостью въ своихъ владѣніяхъ порядокъ, т.-е. безропотную подавленность и послушаніе, но еще оказывали сильное давленіе и на Франкфуртскій сеймъ (28 іюня — 5 іюля), который, по ихъ наущенію, издалъ двѣ серіи декретовъ. Одни должны были свести на нѣтъ во всей Германіи парламентскія права и подчинить конституціи и парламенты надзору федеральной власти; другіе—должны были возобновить и даже усилить репрессивныя мѣры, принятыя въ 1819 г. относительно прессы и университетовъ; они имѣли цѣлью подавлять ассоціаціи, народныя движенія и, зорко выслѣживая, предупреждать и подавлять всякую иностранную пропаганду [3].

[1]) Эта реформа уничтожала позорную олигархію, уравнивала избирательныя права и ободряла демократію. Съ одной стороны, она устанавливала нѣкоторое соотвѣтствіе между числомъ представителей и числомъ населенія въ городахъ, мѣстечкахъ и графствахъ. Съ другой (и это былъ большой шагъ впередъ)—устанавливала слѣдующій избирательный цензъ: „Впредь избирателемъ дѣлался, въ городахъ, всякій наниматель дома съ наемной платой въ 10 фунтовъ стерлинговъ (250 фр.), имѣющій въ этомъ городѣ постоянное мѣсто жительства; въ графствахъ избирателями становились, кромѣ поземельныхъ собственниковъ (freeholders) съ доходомъ въ 40 шиллинговъ, — держатели 60-лѣтней аренды (copyholders), на тѣхъ же условіяхъ (10 фунтовъ стерлинговъ дохода). Тѣ же лица, которыя имѣли аренду на 20 лѣтъ или на сроки по усмотрѣнію собственника (tenant at will), становились избирателями только въ томъ случаѣ, если платили оброкъ въ 50 фунтовъ стерлинговъ“. Итакъ, Англія была еще далека отъ всеобщей подачи голосовъ. Но это былъ первый шагъ къ той цѣли, которую она съ тѣхъ поръ упорно преслѣдовала.

[2]) Эмансипація католиковъ, вотированная въ 1829 г. послѣ навсегда памятной парламентской борьбы, не удовлетворяла ирландцевъ, находившихся такъ давно подъ ужаснымъ гнетомъ. Они желали тогда, какъ и теперь — аграрной свободы и національной автономіи. Защитникомъ ихъ интересовъ являлся великій агитаторъ О'Коннелль, который еще долго оставался самымъ мощнымъ бойцомъ за попранныя права ирландцевъ.

[3]) Многіе нѣмецкіе государи должны были съ 1830 г. дать своимъ подданнымъ конституціи. Другіе съ трудомъ боролись противъ возраставшей смѣлости своихъ

§ 2. Не одни только три могущественныхъ сѣверныхъ государя чувствовали себя смѣлѣе въ виду политическихъ смутъ въ Англіи и во Франціи. Нидерландскій король также находилъ въ нихъ нѣкоторый источникъ новыхъ надеждъ: именно въ виду этихъ смутъ, онъ отказывался признать бельгійскую революцію, все еще разсчитывая добиться пересмотра договора двадцати четырехъ статей. Противъ этого договора гаагскій дворъ сдѣлалъ много возраженій. Но въ особенности не соглашался онъ предоставить Бельгіи тѣ средства сообщенія—моремъ и сушей,—которыя лондонская конференція обѣщала новому государству со стороны Голландіи; или, если и соглашался, то на очень тяжелыхъ условіяхъ. Онъ требовалъ, въ частности, чтобы долгъ, переложенный на брюссельское правительство, былъ уплоченъ наличными деньгами, а не рентой. Онъ объявлялъ также, что часть территоріи Лимбурга, уступленная ему, не удовлетворяетъ его. Уступая желанію гаагскаго двора, сѣверныя державы ратификовали договоръ 24 статей лишь съ оговоркой о возможности измѣненій путемъ непосредственнаго соглашенія между Брюсселемъ и Гаагой. Но старый король Вильгельмъ соглашался вступить въ переговоры съ Леопольдомъ только тогда, когда конференція дастъ на это формальное согласіе. Это требованіе не было удовлетворено, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ сопротивленія, гаагскій дворъ выказалъ готовность войти въ переговоры съ Брюсселемъ. Но бельгійскій дворъ уже давно настаивалъ на

парламентовъ. Идея германскаго объединенія пріобрѣтала все бо̀льшую и бо̀льшую популярность и громко проповѣдывалась на бурныхъ собраніяхъ; напримѣръ, въ Гамбахѣ (27 мая 1832 г.). Сеймовыя рѣшенія (28 іюня) имѣли слѣдующее содержаніе: 1) Народныя собранія не являются равноправными сотрудниками нѣмецкихъ государей: они призываются только для исполненія напередъ опредѣленныхъ обязанностей (т.-е. народный суверенитетъ въ корнѣ отвергался); правительства должны отклонять петиціи государственныхъ чиновъ, если онѣ будутъ въ противорѣчіи съ только-что изложеннымъ принципомъ; 2) отказъ палатъ отъ вотированія налоговъ есть начало бунта; Сеймъ долженъ подавлять таковой по собственной иниціативѣ; въ крайнемъ случаѣ, силой; 3) внутреннее законодательство каждаго отдѣльнаго государства не должно итти вразрѣзъ съ цѣлью Союза, ни препятствовать исполненію союзныхъ обязанностей; 4) Сеймъ назначитъ (сначала на 6 лѣтъ) комиссію для наблюденія за парламентскими преніями; 5) правительства союзныхъ государствъ обязуются препятствовать манифестаціямъ народныхъ собраній, враждебнымъ Союзу; 6) Сеймъ имѣетъ исключительное право толковать союзный договоръ и вѣнскій окончательный Актъ.—Что же касается резолюціи 5-го іюля, то она имѣла своимъ содержаніемъ подавленіе революціонныхъ происковъ. Она возобновляла и, въ частностяхъ, даже значительно усиливала репрессивныя мѣры, уже предпринятыя раньше Сеймомъ по отношенію къ прессѣ, политическимъ ассоціаціямъ, народнымъ праздникамъ и собраніямъ, мятежнымъ эмблемамъ, университетамъ, полиціи и военной помощи, поставляемой союзными государствами и т. д.

томъ, чтобы, прежде всякихъ переговоровъ о спорномъ,—по крайней мѣрѣ, было исполнено то, что̀ не вызывало никакихъ сомнѣній. Нидерландскій король больше уже не добивался того измѣненія границъ, на которомъ онъ такъ долго настаивалъ. Леопольдъ потребовалъ, поэтому, чтобы голландскія войска безъ замедленія очистили территорію, уступленную Бельгіи трактатомъ 15-го ноября. Впрочемъ, онъ соглашался самъ поступить такъ же. Но Вильгельмъ,—въ сущности не желая переговоровъ и все еще разсчитывая вернуться въ Брюссель,—отвѣтилъ новыми придирками и новыми отсрочками. Словомъ, наступилъ сентябрь 1832 г., а ни одинъ вопросъ еще не былъ рѣшенъ.

Бельгійцы начали терять терпѣніе. Въ упорномъ нежеланіи голландцевъ очистить подлежащія возврату позиціи (въ особенности Антверпенъ),—бельгійскій народъ видѣлъ болѣе, чѣмъ нарушеніе своихъ интересовъ. Онъ видѣлъ въ немъ вызывающій образъ дѣйствій и оскорбленіе, котораго не желалъ прощать. Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, Леопольдъ принужденъ былъ возвысить голосъ. А именно, въ виду возможнаго столкновенія съ своимъ сосѣдомъ, онъ обратился къ пяти великимъ державамъ за матеріальною помощью: подписавъ трактатъ 15 ноября, онѣ, вѣдь, гарантировали его исполненіе.

Французское правительство готово было исполнить всякое желаніе Леопольда. Бельгійскій король только-что передъ тѣмъ женился (8 авг.) на старшей дочери Людовика-Филиппа. Іюльское королевство, столь близко принимавшее къ сердцу свои династическіе интересы, не могло оставить его въ нуждѣ. Къ тому же, французское правительство прекрасно понимало, что нѣсколько во̀-время сдѣланныхъ выстрѣловъ возвратятъ ему дома популярность, а за границей—уваженіе; и въ той, и въ другомъ оно въ этотъ моментъ сильно нуждалось. Лондонскій дворъ также не хотѣлъ покинуть Леопольда, собственную свою креатуру. Къ тому же, Англія вовсе не желала, чтобы Франція вторично спасала самостоятельно Бельгію. Поэтому, поддерживая Францію, она, собственно, стремилась ослабить вліяніе своей союзницы. Что же касается 3-хъ сѣверныхъ державъ, то онѣ не рѣшались открыто поддерживать Нидерланды. Но, въ то же время, весь ихъ политическій укладъ не позволялъ этимъ государствамъ силою заставить монарха исполнять договоръ, имѣвшій своимъ основаніемъ Революцію. Въ виду этого, онѣ отказались (1 октября) принимать участіе въ принудительныхъ мѣрахъ противъ гаагскаго двора. Этимъ, въ сущности, уничтожалось всякое значеніе лондонской конференціи.

Лондонскій и парижскій дворы не уступили угрозамъ. Бельгія волновалась все болѣе и болѣе; Леопольдъ былъ принужденъ выбрать министровъ изъ партіи войны, и брюссельскій кабинетъ выразилъ намѣреніе добиться своими собственными силами справедливости въ томъ случаѣ, если, до 3-го ноября, двѣ западныя державы не обезпечатъ удовлетвореніе его законныхъ притязаній. Людовикъ-Филиппъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, организовалъ, 11 октября, энергичное министерство, которое, начиная съ маршала Сульта, человѣка военной складки, было, почти сплошь, составлено изъ людей большого таланта и сильной энергіи; назовемъ Тьера, Гизо, герцога Брольи [1]). Внутренній миръ во Франціи былъ обезпеченъ на нѣкоторое время арестомъ герцогини Беррійской (7-го ноября), когда она, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тайнаго пребыванія въ Нантѣ, была задержана и отправлена въ цитадель Блэ [2]). Что касается затрудненій внѣшней политики, то они были устранены военнымъ соглашеніемъ съ Англіей 22-го октября: рѣшено было освободить Антверпенъ. По этому договору, осадить его должна была французская армія, а блокировать Голландію и запереть ея гавани—соединенный флотъ. Кромѣ того, войска Людовика-Филиппа, разумѣется, не могли (и въ этомъ можно было усмотрѣть мѣры предосторожности англичанъ) занимать бельгійскихъ крѣпостей и переходить на голландскую границу; послѣ взятія Антверпена, они должны были немедленно возвратиться во Францію. Было также рѣшено, что войска Леопольда не будутъ участвовать въ предполагаемой экзекуціи и останутся лишь пассивными зрителями. Эта странная оговорка была вдвойнѣ выгодна для С.-Джемскаго кабинета: съ одной стороны, въ глазахъ Европы, такой

---

[1]) Вотъ каковъ былъ составъ этого кабинета: президентъ совѣта и военный министръ—маршалъ Сультъ; министръ юстиціи и земледѣлія — Бартъ; иностранныхъ дѣлъ—герцогъ Брольи; морской министръ — адмиралъ Риньи; министръ внутреннихъ дѣлъ—Тьеръ; народнаго просвѣщенія—Гизо; торговли и общественныхъ работъ—д'Аргу; финансовъ—Гюманнъ.

[2]) Тамъ она содержалась до іюля 1833 года. Людовикъ-Филиппъ не выказалъ никакого великодушія по отношенію къ этой принцессѣ, собственной своей племянницѣ. Онъ отпустилъ ее только тогда, когда ему удалось оффиціально констатировать рожденіе у нея дочери; это обстоятельство вынудило герцогиню Беррійскую признать, что она заключила въ тюрьмѣ тайный бракъ съ неаполитанскимъ дворяниномъ, графомъ Луккези-Пали; этотъ фактъ окончательно погубилъ ее въ глазахъ легитимистовъ, и она перестала быть ихъ главой. Карлъ X и его семья стали послѣ этого относиться къ ней болѣе, чѣмъ холодно. Она удалилась въ Италію и не играла болѣе, по крайней мѣрѣ открыто, никакой политической роли. Она умерла въ Брунзэ (Штирія) 17-го апрѣля 1870 года.

французскій походъ на Шельду не являлся походомъ бельгійскихъ союзниковъ; — въ Бельгію вступали не революціонеры, а исполнители воли всей Европы, дѣйствующіе въ ея собственныхъ интересахъ; съ другой стороны, англичане понимали, что Бельгія долго не проститъ того униженія, которому она должна была подвергнуться, и въ этомъ они были правы.

Лондонскій и парижскій кабинеты силились доказать сѣвернымъ державамъ, что трактатъ 22 октября не угрожалъ европейскому равновѣсію. Это имъ не вполнѣ удалось. Особенно недовольна была Пруссія; она скоро приняла по отношенію къ Франціи угрожающее положеніе. Въ этомъ случаѣ, старый король Фридрихъ-Вильгельмъ, человѣкъ довольно мирнаго характера, поддался вліянію воинствующей партіи; ссылаясь на то, что Бельгія была объявлена нейтральной, онъ даже собрался, было, воспрепятствовать французскимъ военнымъ операціямъ въ этой странѣ. Въ началѣ ноября онъ открыто двинулъ свои войска къ Маасу, и маршалъ Сультъ долженъ былъ, на всякій случай, принять серьезныя мѣры къ отпору. Но берлинскій дворъ въ 1830 г. не хотѣлъ начинать безъ союзниковъ ту войну, которая могла стоить ему рейнской провинціи. Теперь, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, ему казалась необходимою помощь Австріи и Россіи. Но теперь, какъ и въ 1830 году, ему пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ.

Царь, можетъ быть, очень желалъ помѣряться силами съ Франціей. Но его войско могло выступить только черезъ 6 мѣсяцевъ, какъ онъ объ этомъ и сообщилъ Фридриху-Вильгельму. Что касается австрійскаго императора, то, разумѣется, онъ не питалъ особенно нѣжныхъ чувствъ къ Людовику-Филиппу. Не имѣя уже подъ рукой, для устрашенія, герцога Рейхштадтскаго, который только что передъ тѣмъ умеръ [1]), онъ пріютилъ въ Чехіи Карла X и его семью, предоставивъ имъ всѣ удобства для устройства заговоровъ противъ Іюльской монархіи [2]). Однако, съ другой стороны, Австрія не имѣла особеннаго желанія поддерживать и прусскія претензіи, тѣмъ болѣе, что вліяніе этого государства въ Германіи росло съ каждымъ днемъ, благодаря

---

[1]) 22-го іюля 1832 г., двадцати одного года.

[2]) Грачинъ, резиденція, дарованная, въ Прагѣ, ех-королю австрійскимъ императоромъ, сдѣлался предметомъ политическаго паломничества французскихъ легитимистовъ; до самой смерти Карла X, они постоянно посѣщали своихъ принцевъ для переговоровъ о томъ, какъ бы свергнуть Людовика-Филиппа и возвести на престолъ Генриха V. Относительно этихъ интригъ см. Меттернихъ, Мемуары, документы и т. д., т. V и VI.

тѣмъ таможеннымъ договорамъ, изъ которыхъ впослѣдствіи долженъ былъ вырости Zollverein [1]). Вѣнскій дворъ, заявляя о своей преданности—берлинскому и выражая желаніе доказать это, отвѣтилъ однако, что въ настоящій моментъ бо̀льшая часть его войскъ занята въ Италіи и Швейцаріи и не можетъ участвовать въ бельгійскихъ наступательныхъ операціяхъ; однако, если война будетъ угрожать Германскому союзу, Австрія присоединится къ Пруссіи.

Лично, Фридрихъ-Вильгельмъ искалъ только покоя. Поэтому, онъ не двинулся; и договоръ 22-го октября былъ исполненъ безъ всякихъ возраженій со стороны великихъ державъ. Въ то время, какъ англо-французскій флотъ блокировалъ нидерландскіе берега, около 15-го ноября въ Бельгію проникъ маршалъ Жераръ во главѣ прекрасной арміи; онъ осадилъ Антверпенъ. Послѣ 24 дней упорнаго сопротивленія, осажденные сдались на капитуляцію (23 декабря), и кампанія была закончена. Вѣрный своимъ обѣщаніямъ, тюильрійскій кабинетъ тотчасъ отозвалъ свои войска, которыя возвратились во Францію въ январѣ 1833 года. Обѣ западныя державы показали себя, послѣ побѣды, сдержанными ровно настолько, насколько онѣ могли быть безцеремонными.

---

[1]) Zollverein былъ учрежденъ 22 марта 1833 года трактатомъ, объединявшимъ однимъ таможеннымъ законодательствомъ слѣдующія девять государствъ: Пруссія, Ангальтъ-Бернбургъ, Ангальтъ-Дессау, Гессенъ, Баварію, Вюртембергъ, Гогенцоллернъ-Гехингенъ, Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, Гессенъ-Дармштадтъ. Къ этому договору 30 марта 1833 г. присоединилось королевство Саксонское, а 11 мая того же года — тѣ государства, которыя раньше образовали Тюрингенскій союзъ (Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Кобургъ-Гота, Шварцбургъ-Рудольштадтъ, Шварцбургъ-Зондергаузенъ, Рейссъ-Шлейцъ, Рейссъ-Грейцъ и т. д.). Новымъ договоромъ вводились слѣдующіе принципы: однообразіе ввозныхъ пошлинъ, свобода внутренней торговли, общность доходовъ. „Характерной чертой законодательной власти было требованіе полнаго единогласія въ рѣшеніяхъ. Большинство никогда не дѣлало закона. Въ совѣщаніяхъ Zollverein'а всегда царило полное равенство“. Комиссары союзныхъ государствъ ежегодно собирались по очереди въ какой-нибудь столицѣ; они должны были составлять годовой отчетъ, судить о всѣхъ случаяхъ нарушенія договора, разбирать споры, обсуждать нововведенія и т. д. Къ союзу скоро присоединились Гессенъ-Гомбургъ, Баденъ, Нассау (1835), Франкфуртъ-на-Майнѣ (1836), Липпе-Детмольдъ, Брауншвейгъ, княжество Вальдекское (1841), Люксембургъ (1842). Многія государства, образовавшія Steuerverein или ассоціацію налоговъ (Ганноверъ, Ольденбургъ, Шаумбургъ-Липпе), долго не присоединялись къ Zollverein'у (заключенный на 12 л., онъ былъ продолжаемъ на такой же срокъ въ 1841 г., 1853 г. и т. д.); точно также долго заставили ждать своего присоединенія города Бременъ, Гамбургъ, Любекъ и два Мекленбурга. Австрія, какъ будетъ видно дальше, начиная съ 1848 г., тщетно старалась войти въ союзъ. Съ 1866 г. и, въ особенности, съ 1871 г. таможенный союзъ превратился въ конституціонную норму новой Германіи.

А именно, онѣ вступили въ переговоры съ нидерландскимъ королемъ; неудачи не сдѣлали послѣдняго болѣе сговорчивымъ, такъ какъ онъ умудрился, пользуясь всякими проволочками и формальностями, еще на нѣсколько мѣсяцевъ оттянуть исполненіе того, къ чему принуждали его обѣ державы. Наконецъ, видя, что никто не приходитъ къ нему на помощь, онъ подписалъ 21-го мая 1833 г., въ Лондонѣ трактатъ, которымъ устанавливался между Бельгіей и Нидерландами modus vivendi, въ духѣ 24-хъ статей. Англія и Франція сняли блокаду, возвратили плѣнниковъ и секвестрованные корабли; за это, нидерландскій король открылъ бельгійцамъ торговые пути по Шельдѣ и Маасу и, не дожидаясь непосредственнаго соглашенія между нимъ и Леопольдомъ, призналъ нейтралитетъ новаго государства. Безъ сомнѣнія, онъ предполагалъ оттянуть это соглашеніе новыми придирками, что̀, дѣйствительно, онъ и продѣлывалъ съ успѣхомъ въ продолженіе 5 лѣтъ. Но зато и Бельгія уже не терпѣла—послѣ акта 21-го мая—посягательствъ со стороны своего прежняго повелителя.

§ 3. Мотивы, изложенные выше, не были единственными, почему Австрія и Россія отказались отъ предложеній Пруссіи и не вмѣшались въ бельгійскія дѣла. Востокъ еще разъ занялъ вниманіе Вѣны и С.-Петербурга и отвлекъ ихъ отъ Запада. Вскорѣ вся Европа забыла Бельгію, и взоры ея дипломатовъ перенеслись съ Антверпена на Константинополь.

Оттоманская имперія, болѣе чѣмъ когда-нибудь, грозила распаденіемъ. Но на этотъ разъ опасность надвигалась не со стороны Греціи. Это маленькое государство имѣло теперь своего короля [1]) и въ настоящій моментъ только и думало о томъ, чтобы разумными начинаніями загладить двѣнадцать лѣтъ внѣшней и внутренней войны. На этотъ разъ возмущеніе противъ Махмуда поднялось изъ самыхъ нѣдръ Ислама. Мегеметъ-Али, повелитель Египта и Аравіи, сталъ завоевывать Сирію и, казалось, не собирался на этомъ остановиться. 27-го мая 1830 года его сынъ Ибрагимъ овладѣлъ крѣпостью С. Жанъ-д'Акръ, а немного спустя — Дамаскомъ; затѣмъ, разбивъ турокъ при Гомсѣ и Бейланѣ (іюль), онъ не замедлилъ пройти ущелья Тавра. Султанъ поставилъ его вмѣстѣ со всѣми его приверженцами внѣ закона. Но это ничуть не остановило мятежника. Конецъ

[1]) Молодой Оттонъ прибылъ въ Грецію 6-го февраля 1833 года. До его совершеннолѣтія, регентомъ долженъ былъ состоять баварскій министръ д'Арманспергъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, французскія войска очистили Морею.

1832-го года застаетъ его уже въ самомъ сердцѣ Малой Азіи. 21-го декабря онъ разбилъ при Коніи на-голову великаго визиря, Решидъ-Магомета [1]). Казалось, уже ничто не могло остановить его движенія на Босфоръ. Впрочемъ, мусульманскія народности и не сопротивлялись ему. Ибрагимъ, подобно своему отцу, постоянно заявлялъ о своей преданности трону османлисовъ. Онъ говорилъ, что идетъ не разрушать его, а укрѣпить. Даже въ самомъ Константинополѣ многіе турки стояли на его сторонѣ. Въ глазахъ правовѣрныхъ, Махмудъ былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, гяуромъ; онъ, вѣдь, постоянно нарушалъ законъ Пророка и своими дерзкими новшествами навлекъ на имперію несчастія послѣднихъ лѣтъ. Сторонники института янычаръ не могли простить ему разрушенія этой древней милиціи; уже два года, какъ они агитировали въ различныхъ провинціяхъ, особенно въ Босніи и Герцеговинѣ. Короче, Ибрагиму, мстителю за поруганный Коранъ, нечего было бояться сопротивленія Стамбула. Но зато Махмудъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ, лично, будетъ лишенъ и трона, и жизни, какъ только мятежники войдутъ въ столицу;— а также, что на этотъ тронъ будетъ возведенъ какой-нибудь другой принцъ Оттоманской династіи, за спиной котораго будетъ управлять Мегеметъ-Али. Еще передъ Конійской битвой султанъ считалъ себя погибшимъ. Жажда власти и привязанность къ жизни заглушили въ немъ всякое другое чувство: онъ сталъ униженно просить помощи у великихъ державъ. Не всѣ изъ нихъ отвѣтили на его мольбы съ одинаковою поспѣшностью.

Въ виду положенія, занятаго Россіей на Востокѣ послѣ Адріанопольскаго мира, она, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтила на просьбу Порты самымъ безусловнымъ согласіемъ. Царю было выгодно, чтобы султанъ чувствовалъ себя въ полной зависимости отъ его благоусмотрѣнія и какъ бы признавалъ себя его вассаломъ. И напротивъ, ему было бы очень непріятно, если бы турецкая имперія, возрожденная Ибрагимомъ и Мегеметомъ, могла обойтись безъ его помощи и возвратила себѣ прежнюю независимость по отношенію къ Россіи. Николай I поспѣшилъ отправить къ Махмуду въ Константинополь одного изъ своихъ адъютантовъ, Муравьева, поручивъ послѣднему предложить султану помощь и арміей, и флотомъ. Этотъ генералъ имѣлъ также порученіе отправиться въ Александрію и постараться обуздать

---

[1]) Это былъ тотъ старый сераскиръ Румеліи, который взялъ Миссолонги въ 1826 г. и Аѳины въ 1827 г.

египетскаго пашу; и дѣйствительно, онъ отбылъ туда въ первыхъ числахъ января 1833 года.

Пруссія, которая охотно отстранялась отъ Восточнаго вопроса, приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы не скомпрометировать себя поспѣшными обѣщаніями. Австрія — теперь, какъ и до 1830 г.—боялась успѣховъ Россіи на Черномъ морѣ и въ Константинополѣ. Но еще больше страха внушала ей Революція, и это мѣшало вѣнскому двору явно перечить царю, такъ какъ помощь послѣдняго казалась ей необходимой для подавленія этого внутренняго врага. Австрія рѣшила поэтому дѣйствовать окольными путями, а, пока что, — ждать. Англія, интересы которой, какъ извѣстно, діаметрально расходились съ интересами Россіи, была связана, въ настоящій моментъ, Ирландіей. Впрочемъ, незадолго передъ тѣмъ, императоръ Николай положительно заявилъ англійскому посланнику [1]), что не нарушитъ на Востокѣ равновѣсія, установленнаго Европой. Слѣдуетъ добавить, что лондонскій кабинетъ имѣлъ и другую причину быть сдержаннымъ. Онъ не довѣрялъ Франціи: парижскій дворъ, подъ предлогомъ сердечнаго согласія (съ 1830 г.), могъ завлечь Англію дальше, чѣмъ это было желательно. Людовикъ-Филиппъ, казалось, что-то хитрилъ, и надо было ясно разобраться въ его истинныхъ намѣреніяхъ, прежде чѣмъ слѣдовать за нимъ.

Тюильрійскій кабинетъ былъ въ большой перѣшительности; это бросало на него тѣнь двуличности и подрывало къ нему довѣріе. Ему приходилось выбирать между тремя рѣшеніями: вступить въ тѣсное соглашеніе съ царемъ, по примѣру Карла X,— взять въ руки на свой страхъ дѣло Махмуда,—или открыто стать на сторону Мегемета-Али. Но первое значило порвать съ Англіей, чего совсѣмъ не хотѣлъ тюильрійскій кабинетъ; послѣднее значило нажить врага въ лицѣ Англіи, всегда ревниво оберегавшей свое вліяніе на Востокѣ, и рисковать войной съ Россіей. Оставалось избрать второй путь: поддержать султана, въ угоду лондонскому двору, и такимъ образомъ устранить русскій протекторатъ. Но, съ другой стороны, тюильрійскій дворъ вовсе не желалъ и того, чтобы Мегеметъ-Али потерялъ всѣ плоды своихъ побѣдъ. Египетскій паша уже давно имѣлъ у себя французовъ и въ администраціи, и въ арміи. Франція смотрѣла на него, какъ на кліента; онъ былъ очень популяренъ въ Парижѣ. Если

[1]) Министерство Грея послало, около середины 1832 г. лорда Дюргама въ С.-Петербургъ для того, чтобы ознакомиться со взглядами Николая I на Восточный вопросъ.

бы Франція не поддержала паши, то парламентъ, пресса и общество не простили бы этого іюльскому правительству. Изъ этого ясно, въ какомъ затрудненіи находилось министерство 11-го октября. Не удивительно, если ему не удалось выйти вполнѣ съ честью изъ этого положенія.

Послѣ отозванія Гильемино [1]) тюильрійскій кабинетъ имѣлъ въ Константинополѣ только повѣреннаго въ дѣлахъ, Варенна [2]). Не имѣя ни авторитета, ни полномочій посланника, онъ счелъ однако, своимъ долгомъ, въ противовѣсъ русскому вліянію, предложить Портѣ свои услуги и взялся повлiять на Ибрагима и Мегемета-Али. Онъ написалъ имъ письма: побѣдителя при Коніи онъ приглашалъ, отъ лица Франціи, остановить свое движеніе впередъ; египетскому пашѣ онъ рекомендовалъ согласиться на тѣ условія, которыя долженъ былъ ему предложить уполномоченный султана, Галиль-паша. Эти условія заключались въ томъ, что египетскому пашѣ предлагали четыре южныхъ пашалыка Сиріи (С. Жанъ-д'Акръ, Наплуза, Саида, Іерусалимъ); но Мегеметъ-Али требовалъ себѣ всю Сирію, а также округъ Аданы (въ Малой Азіи) и даже часть бассейна Тигра и Евфрата. Французскій консулъ въ Александріи поддерживалъ его притязанія, очевидно, съ вѣдома своего правительства. Поэтому, Мегеметъ могъ думать, или притворяться думающимъ, что поведеніе Варенна внушено ему дипломатическими приличіями, а не выражаетъ истиннаго отношенія іюльскаго правительства къ Египту. Итакъ, предложенія Порты были отвергнуты, между тѣмъ какъ Ибрагимъ, не смущаясь заявленіями Варенна, продвинулся въ Малой Азіи до Кутайи.

Узнавъ, что египетская армія продолжаетъ двигаться, Махмудъ пришелъ въ такой ужасъ, что, безъ дальнѣйшихъ размыш-

---

[1]) Гильемино (Арманъ-Шарль, графъ) родился въ Дюнкирхенѣ 2-го мая 1774 г.: подпоручикъ въ арміи Дюмурье въ 1792 г.; адъютантъ Моро въ 1798 г.; послѣ заговора Кадудаля былъ уволенъ въ отставку; возвращенъ на службу въ 1805 г.; бригадный генералъ въ 1808 г.; дивизіонный — въ 1813 г.; при реставраціи назначенъ членомъ комиссіи для защиты королевства (1818) и хранителемъ военнаго капитала (1822); начальникъ главнаго штаба при арміи герцога Ангулемскаго въ Испаніи (1823); пэръ Франціи (9 октября 1823 г.); посланникъ въ Константинополѣ (1824 г.), откуда онъ былъ отозванъ 2-го ноября 1831 г.; умеръ въ Баденѣ 14-го марта 1840 года.

[2]) Варениъ (Жакъ-Эдуардъ, баронъ Бюрньо) родился въ Шалонѣ-на-Саонѣ въ 1795 г.; секретарь посольства во время реставраціи; полномочный министръ въ Португаліи во время іюльской монархіи; депутатъ Шалона-на-Саонѣ отъ 1842 до 1846 г.; вышелъ изъ дипломатическаго корпуса въ 1848 г.; полномочный министръ въ Берлинѣ (1852); отозванъ и назначенъ сенаторомъ въ 1853 г.; умеръ въ Кремелонѣ въ сентябрѣ 1873 года.

леній, прямо обратился за помощью къ русскому флоту (конецъ января 1833 г.). Русскій посланникъ, Бутеневъ, объявилъ, что черезъ нѣсколько дней севастопольская эскадра появится въ Босфорѣ. Тѣмъ временемъ, Муравьевъ возвратился изъ Александріи. Его миссія была до нѣкоторой степени удачною; Мегеметъ далъ, наконецъ, Ибрагиму приказаніе остановиться. Это было новымъ успѣхомъ для русской политики. Но если враги не угрожали Босфору, зачѣмъ было вызывать туда царскій флотъ? По просьбѣ Франціи, поддержанной Англіей и Австріей, султанъ потребовалъ, чтобы русскій флотъ остался въ Крыму. Но,—по нежеланію ли Бутенева, или по другой какой причинѣ,—соотвѣтствующій приказъ не дошелъ во-время до мѣста назначенія, и 20 февраля флотъ Николая I бросилъ якорь передъ дворцомъ султана.

Въ этотъ моментъ въ Константинополь прибылъ Руссэнъ [1]), котораго кабинетъ 11-го октября только что аккредитовалъ въ качествѣ посланника при турецкомъ султанѣ. Это былъ человѣкъ смѣлый, гордый и близко принимавшій къ сердцу достоинство своей страны. Его раздражалъ видъ русскаго флага. Онъ попросилъ и даже потребовалъ его удаленія. Махмудъ и его министры, не безъ здраваго смысла, отвѣтили ему, что если бы онъ оказался достаточно сильнымъ для того, чтобы заставить Ибрагима и Мегемета принять условія, которыя тщетно предлагалъ имъ Галиль, то его желаніе было бы немедленно удовлетворено. Адмиралъ, не долго думая, объявилъ, что все принимаетъ на себя (24 февраля), и на слѣдующій день написалъ старому пашѣ и его сыну письма въ повелительномъ тонѣ, приглашая ихъ умѣрить свои требованія и помириться на четырехъ округахъ южной Сиріи.

Руссэнъ писалъ и говорилъ, какъ истый французъ. Безъ сомнѣнія, онъ и дѣйствовалъ бы не иначе, если бы для поддержки своихъ притязаній онъ имѣлъ флотъ, какъ при Лиссабонѣ. Къ несчастію, у него не было никакихъ средствъ принужденія. Мегеметъ-Али, который прекрасно догадывался объ этомъ, не обра-

---

[1]) Руссэнъ (Альбинъ-Рейнъ, баронъ) родился въ Дижонѣ 21-го апрѣля 1781 года; простой юнга въ 12 лѣтъ; капитанъ въ 1814 г., контръ-адмиралъ въ 1822 г.; членъ академіи наукъ (25-го января 1830 г.); командовалъ эскадрой во время занятія рѣки Таго, 14-го іюля 1831 г.; вице-адмиралъ (26 іюля 1831 г.); пэръ Франціи (11 октября 1832 г.); посланникъ въ Константинополѣ отъ 14 октября 1832 г. до 18 сентября 1839 г.; морской министръ (съ 1-го марта по 29 октября 1840 г.); адмиралъ 30 октября 1840 г.; снова морской министръ 7-го февраля 1843 г.; уволенъ въ отставку 24 іюля того-же года; умеръ въ Парижѣ 21 февраля 1854 года.

тилъ никакого вниманія на заявленія французскаго посланника. Впрочемъ, въ Александріи французскій консулъ Мимо [1]) продолжалъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ конфиденціальныхъ переговорахъ съ пашей, говорить совершенно въ другомъ тонѣ, чѣмъ французскій адмиралъ. Въ виду всего этого, отвѣтъ, который получилъ этотъ послѣдній отъ паши, совершенно не соотвѣтствовалъ необдуманнымъ обязательствамъ, принятымъ имъ по отношенію къ Портѣ. Мятежный вассалъ продолжалъ настаивать на всѣхъ требованіяхъ, предъявленныхъ раньше своему господину.

Неудача Руссэна вызвала у султана новый приступъ ужаса: онъ не только не отослалъ русскаго флота, но попросилъ даже усилить его и прислать дессантный отрядъ (20 марта). Двѣ недѣли спустя, 10 — 12 тысячъ солдатъ русскаго царя прибыли въ Константинополь и Скутари. Впрочемъ, это былъ только авангардъ. Настоящая армія формировалась въ придунайскихъ княжествахъ, и понадобилось бы всего нѣсколько недѣль для того, чтобы перевести ее на Босфоръ. На этотъ разъ Австрія и Англія, до сихъ поръ спокойныя, забили тревогу и рѣшили помочь Франціи. Представители трехъ державъ, не дожидаясь даже прибытія русскихъ войскъ, энергично и дружно потребовали отъ Махмуда, чтобы онъ сдѣлалъ своему вассалу уступки, достаточныя для того, чтобы успокоить его. Надо было возможно скорѣе помирить султана и пашу для того, чтобы удалить русскую помощь. Повелитель правовѣрныхъ тѣмъ менѣе сопротивлялся этимъ настояніямъ, что Россія ничего не имѣла противъ значительнаго увеличенія владѣній Мегемета-Али. Петербургскому кабинету даже было выгодно, чтобы Порта принесла новыя жертвы. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе она ослабѣвала и чѣмъ болѣе грозными для нея становились ея сосѣди, — тѣмъ болѣе росла у нея потребность или отомстить за себя, или защитить свое жалкое существованіе. Тѣмъ болѣе она нуждалась бы въ помощи царя. Во всякомъ случаѣ, теперь ужъ вся Европа совѣтовала Махмуду не упорствовать; въ концѣ марта онъ уступилъ. Французу Варенну было поручено, вмѣстѣ съ турецкимъ чиновникомъ, переговорить съ Ибрагимомъ о мирѣ. Дѣло не представляло никакой трудности. Все было окончено довольно быстро. Въ концѣ апрѣля миръ былъ, въ принципѣ, заключенъ. Онъ былъ объ-

[1]) Мимо (Жанъ-Францискъ) родился въ Мерю (Уаза) въ 1774 г.; генеральный секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ въ Итальянскомъ королевствѣ (1805); французскій консулъ въ Кальяри (1814 г.), въ Картагенѣ (1817), въ Венеціи (1826), въ Александріи (1829); генеральный консулъ тамъ же (1830); авторъ довольно многочисленныхъ историческихъ и литературныхъ трудовъ; умеръ 31 января 1847 года.

явленъ офиціально, въ первыхъ числахъ мая, двумя Хатти-шерифами султана: осужденіе Мегемета-Али снималось съ него; ему, сверхъ его прежнихъ владѣній, отдавалась вся Сирія и округъ Адана. Малая Азія оставалась, такимъ образомъ, открытою для египетскаго оружія; паша могъ считать свое возмущеніе удавшимся. Но надо замѣтить, что Махмудъ не былъ добросовѣстенъ, и даже въ тотъ самый моментъ, когда, казалось, онъ покорялся своей судьбѣ, турецкій султанъ давалъ себѣ слово въ недалекомъ будущемъ отомстить.

Въ концѣ мая Ибрагимъ началъ отступленіе. Черезъ шесть недѣль его войска возвратились домой. Россія не имѣла болѣе никакого предлога занимать Босфоръ и оба его берега. Она сдѣлала видъ, что ведетъ себя честно: въ отвѣтъ на предложеніе отозвать свой флотъ и свою армію, она, къ 10-му іюля, совершенно очистила занимаемую ею турецкую территорію. Но скоро разъяснилось, почему она была такъ сговорчива. За два дня передъ этимъ, Орловъ, близкій совѣтникъ царя, заключилъ съ Портой секретный Ункіаръ-Скелесскій договоръ, который устанавливалъ между Турціей и Россіей отношеніе явной зависимости.

Этимъ договоромъ обѣ стороны торжественно устанавливали, на восемь лѣтъ, оборонительный союзъ противъ всѣхъ своихъ враговъ: внѣшнихъ и внутреннихъ; при этомъ, каждый изъ союзниковъ давалъ обѣщаніе, въ случаѣ нужды, предоставлять всѣ свои силы въ распоряженіе другого. Если вспомнить, какія опасности угрожали турецкой имперіи, и какъ легко могла Россія смутить ея покой, то станетъ яснымъ, что, при желаніи, царь всегда могъ снова занять Константинополь. Со своей же стороны, царь отнюдь не открывалъ русской территоріи турецкому флоту и арміи. Въ дополнительной статьѣ говорилось, что султанъ могъ уклониться отъ доставленія войскъ, даже въ томъ случаѣ, если бы царь былъ въ правѣ требовать помощи. У султана просили помощи чисто отрицательной, но, съ точки зрѣнія царя, неоцѣненной: султану предоставлялось сквитаться съ Россіей простымъ закрытіемъ Дарданеллъ для всѣхъ враговъ Россіи. Дѣйствительно, подобнаго рода обязательство дѣлало русское государство почти неуязвимымъ. Если Россія и могла ждать въ недалекомъ будущемъ нападенія, то только со стороны Англіи или Франціи. Съ суши эти державы не могли напасть на нее, потому что надо было бы пересѣчь Германію. Балтійское море допускало военныя операціи въ теченіе лишь небольшой части года. Итакъ, лишь со стороны Чернаго моря можно было напасти Россіи

чувствительные удары. Закрывъ для Европы это море, царь могъ, безъ всякой опасности, позволить себѣ все, что угодно, по крайней мѣрѣ, противъ Запада; равновѣсіе въ Европѣ отнынѣ не существовало.

Парижскій и лондонскій дворы не замедлили узнать объ Ункіаръ-Скелесскомъ договорѣ. Разумѣется, они всполошились. Объясненія были затребованы какъ у Россіи, такъ и у Турціи. Ни та, ни другая не удовлетворили Европу своими отвѣтами. Англія и Франція послали въ Архипелагъ сильныя эскадры. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ дипломатическихъ кругахъ ждали окончательнаго разрыва между этими державами и Россіей.

§ 4. Австрія была обезпокоена не менѣе, чѣмъ двѣ западныя державы. Но ея положеніе было еще болѣе двусмысленнымъ, такъ какъ она не желала ссориться съ Петербургомъ. Меттернихъ, начиная съ 1830 г., замѣтно сближался съ царемъ. И теперь, когда онъ собирался возстановить въ Европѣ, при помощи главнымъ образомъ Россіи, Священный Союзъ монарховъ, — мысль порвать съ царемъ пугала его. Во всякомъ случаѣ, вѣрный своей тактикѣ выжидать время и обходить опасности, а не побѣждать ихъ,—онъ и въ данный моментъ довольствовался только тѣмъ, что рѣшилъ не дать царю немедленно воспользоваться Ункіаръ-Скелесскимъ договоромъ и заставить его успокоить Европу—черезъ посредство Австріи—относительно своихъ намѣреній. Именно для этой цѣли онъ и заставилъ своего монарха пригласить русскаго императора на свиданіе, гдѣ онъ собирался, между прочимъ, склонить его также и на великое дѣло контръ-революціи. Не трудно догадаться, что послѣдняя часть программы была въ его глазахъ наиболѣе важною. Меттернихъ настаивалъ на томъ, чтобы три великія абсолютныя монархіи, предъ лицомъ всей Европы, дали доказательство полнаго своего единенія и твердой рѣшимости воскресить славные былые дни Троппау и Лайбаха. Не менѣе нужнымъ онъ считалъ подчинить своей политикѣ и Пруссію. И дѣйствительно, берлинскій дворъ, казалось, готовъ былъ ускользнуть изъ-подъ австрійскаго вліянія. Экономическая эволюція, начало которой мы отмѣтили выше, была уже закончена. Благодаря новымъ трактатамъ, Zollverein сталъ совершившимся фактомъ. Стоя во главѣ экономическаго развитія Германіи, Пруссія дѣлалась теперь единой вершительницей судебъ этой страны. Народъ и союзныя правительства не могли не замѣчать огромныхъ выгодъ

этого союза. Не сумѣвъ ни предугадать этого экономическаго фактора, ни утилизировать его въ пользу Австріи, Меттернихъ не скрывалъ теперь, что берлинскій дворъ готовъ былъ захватить въ свои руки гегемонію всего германскаго міра,—что онъ, во всякомъ случаѣ, усиленно къ этому стремился [1]). И чтобы остановить растущее вліяніе Пруссіи, онъ не сумѣлъ выдумать ничего лучшаго, какъ пригласить эту державу снова выразить свою солидарность съ вѣнскимъ дворомъ по вопросу о контръреволюціи. Онъ упускалъ изъ виду, что Пруссія, не мѣшая развитію реакціонныхъ мѣръ, въ сущности полезныхъ для нея, собиралась вести себя такъ, чтобы всю отвѣтственность передъ Германіей свалить на вѣнскій дворъ, а также, что въ случаѣ опасности она не предполагала поддерживать Австрію.

Фридрихъ-Вильгельмъ, такъ же, какъ и Николай I, былъ приглашенъ Францемъ I. Онъ прибылъ въ Теплицъ, въ сопровожденіи двухъ своихъ совѣтниковъ: Бернсторфа [2]) и Анцил-

[1]) Это доказываетъ докладъ этого министра австрійскому императору (іюнь 1833 г.), по поводу Zollverein'а. Выписываемъ изъ этого доклада слѣдующія строки: „Рядъ государствъ, до сихъ поръ независимыхъ, принимаетъ по отношенію къ своему болѣе могущественному сосѣду обязательство, въ силу котораго они обѣщаютъ, въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей государственныхъ повинностей, сообразоваться съ его законами, его административными распоряженіями и его контролемъ. Равенство членовъ Союза уничтожается... чтобы дать мѣсто отношеніямъ кліентовъ къ патрону, или опекаемыхъ къ опекуну. Въ общемъ Союзѣ образуется частный Союзъ, status in statu, который.. возьметъ себѣ за правило лишь настолько быть за одно со всѣми, насколько планы всей Германіи будутъ согласоваться съ его собственными видами. Современемъ мы увидимъ, какъ мало-по-малу государства, вошедшія въ новый союзъ, сольются въ одно болѣе или менѣе компактное цѣлое; это совершится подъ активнымъ вліяніемъ Пруссіи и благодаря тѣмъ общимъ интересамъ, которые непремѣнно создадутся. Всякій вопросъ, поднятый на общемъ союзномъ собраніи, будетъ трактоваться и вотироваться по принципамъ, усвоеннымъ сообща новымъ политическимъ организмомъ... Менѣе чѣмъ другая держава, она (Пруссія) поступится своимъ вліяніемъ... т. к. ея древнія традиціи, внутренняя сила и непоколебимая вѣрность своимъ принципамъ призываютъ ее къ германской гегемоніи, если бы послѣдняя могла осуществиться. Поэтому, Пруссія... непремѣнно воспользуется приманкой матеріальныхъ интересовъ для того, чтобы ослабить австрійское вліяніе у приверженцевъ своей системы, чтобы сдѣлать отношенія къ намъ болѣе холодными, чтобы заставить ихъ обращать свои взоры съ надеждой или страхомъ только на Берлинъ, и наконецъ, чтобы сдѣлать изъ Австріи то, что́, съ точки зрѣнія коммерческой, она и теперь уже представляетъ по отношенію ко всѣмъ этимъ государствамъ, и что̀ съ какимъ-то особеннымъ упорствомъ и жаромъ проповѣдуютъ прусскіе писатели, — а именно заграницу“. Лучше сказать было трудно. Но почему Меттернихъ, постоянно хвастаясь своей прозорливостью, не предупредилъ столь грозныхъ событій уже въ 1815 г. или въ 1820 г.?

[2]) Бернсторфъ (Христіанъ, графъ) родился въ Копенгагенѣ въ 1769 г.; посланникъ Даніи въ Берлинѣ, потомъ въ Стокгольмѣ; министръ иностранныхъ дѣлъ отъ

лона [1]), и пробылъ тамъ съ 7-го по 16-ое августа. Ждали и русскаго императора, но этотъ государь, замѣшкавшись на пути, могъ прибыть въ Чехію только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Прусскій король не дождался и уѣхалъ. Его мѣсто занялъ его старшій сынъ, и новыя совѣщанія въ Мюнхенгрецѣ (10—20 сент.) сдѣлались естественнымъ дополненіемъ предыдущихъ.

Результатомъ всѣхъ этихъ переговоровъ между государями и министрами былъ рядъ протоколовъ, содержаніе которыхъ мы изобразимъ ниже.

Что касается восточнаго вопроса, то Австрія и Россія рѣшили поддерживать въ Турціи царствующую династію и объявляли, что онѣ не потерпятъ никакой перемѣны, которая грозила бы независимости суверенной власти въ оттоманской имперіи, путемъ ли установленія регентства или перемѣны династіи. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда интересы сторонъ могли потребовать исполненія Ункіаръ-Скелесскаго трактата, царь обязывался принимать нравственное посредничество Австріи. Этотъ государь заявлялъ, къ тому же, что у него нѣтъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ и что онъ ничуть не желаетъ увеличивать свое могущество насчетъ Турціи. Правда, онъ допускалъ, что настанетъ день, когда придется, можетъ быть, произвести раздѣлъ этой имперіи; но онъ давалъ обѣщаніе дѣйствовать въ этомъ случаѣ только по соглашенію съ великими державами.

Польша, недавно еще столь безпокойная и до сихъ поръ еще не умиротворенная, также привлекла вниманіе государей, собравшихся въ Мюнхенгрецѣ. Было рѣшено тремя великими державами, въ свое время подѣлившими эту страну, что онѣ

1797 г. до 1810 г.; посланникъ въ Парижѣ (1811); представитель Даніи на вѣнскомъ конгрессѣ (1814—1815); въ 1818 г. перешелъ на службу къ прусскому королю, который назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ; онъ былъ представителемъ Пруссіи на конгрессахъ въ Ахенѣ, Карлсбадѣ, Лайбахѣ, Веронѣ. Онъ былъ замѣщенъ Анцильономъ въ 1831 г. и умеръ въ Берлинѣ въ іюнѣ 1835 года.

[1]) Анцильонъ (Жанъ-Пьеръ-Фредерикъ) родился въ Берлинѣ 28 апрѣля 1766 года. Онъ принадлежалъ къ французской семьѣ, эмигрировавшей послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Профессоръ военной академіи, потомъ членъ королевской академіи въ Берлинѣ, прусскій исторіографъ, руководилъ съ 1806 г. воспитаніемъ наслѣднаго принца и его двоюроднаго брата Фридриха-Вильгельма-Людовика; авторъ историческихъ и философскихъ трудовъ, снискавшихъ ему большую извѣстность; былъ прикомандированъ послѣ 1815 г. къ департаменту иностранныхъ дѣлъ (въ Пруссіи) въ качествѣ совѣтника посольства, потомъ, какъ директоръ политическаго департамента (1825); въ 1830 г. былъ прикомандированъ къ министру Бернсторфу, котораго смѣнилъ въ іюнѣ 1831 г.; онъ умеръ 19-го апрѣля 1837 г.

гарантируютъ другъ другу мирное обладаніе тѣми польскими провинціями, которыя имъ достались при дѣлежѣ.

Былъ поднятъ также и бельгійскій вопросъ. Прусскій наслѣдный принцъ, большой сторонникъ войны, и, въ частности, войны съ Франціей, не оказался въ состояніи произвести давленіе на собравшихся. Было постановлено, что независимость и нейтралитетъ новаго государства останутся неприкосновенными; что великія державы, не медля, уладятъ не разрѣшенныя еще недоразумѣнія между Леопольдомъ и Вильгельмомъ; что, наконецъ, онѣ возьмутся за оружіе только въ томъ случаѣ, если разрѣшеніе бельгійскаго вопроса повлечетъ нарушеніе интересовъ германскаго Союза (который постановилъ не отказываться ни въ чемъ отъ своихъ правъ на Люксембургъ); но въ этомъ послѣднемъ случаѣ война должна была бы быть общею, и царь долженъ былъ бы доставить Пруссіи, по крайней мѣрѣ, 12000 солдатъ.

Что касается Германіи, то Меттернихъ изобразилъ теплицкому конгрессу полную недостаточность декретовъ 1822 г. для подавленія революціоннаго духа. Пропаганда объединителей и демократовъ болѣе чѣмъ когда-нибудь мутитъ-де Германію. Университеты продолжаютъ свои заговоры. Политическія общества, вродѣ Молодой Германіи, не поддаются устрашенію. Издали, парижскіе комитеты поддерживаютъ броженіе. Духъ возмущенія вѣетъ по всей нѣмецкой землѣ. Совсѣмъ еще недавно (3 апрѣля) во Франкфуртѣ вспыхнуло возстаніе и, чуть было, не разогнало Сейма; двумъ великимъ державамъ пришлось занять этотъ городъ своими войсками для того, чтобы предупредить болѣе серьезные безпорядки. Таковы были признаки того зла, на источникъ котораго австрійскій канцлеръ все время не переставалъ указывать. По его мнѣнію, такимъ источникомъ былъ парламентаризмъ во всѣхъ своихъ даже наиболѣе законныхъ проявленіяхъ. Меттернихъ не допускалъ того, чтобы, въ случаѣ несогласія между государемъ и палатою, воля перваго не становилась закономъ. Но въ особенности порицалъ онъ право палатъ не соглашаться на налоги и возмущался при мысли, что правительство, по недостатку денегъ, должно будетъ покориться волѣ собранія. Прусскій король, раздѣляя, въ сущности, его взгляды, не мѣшалъ ему дѣйствовать. Въ виду этого, въ Теплицѣ было рѣшено, что въ будущемъ году будетъ созвана въ Вѣнѣ конференція, на которой делегаты германскихъ государей обсудятъ мѣры пресѣченія того зла, которое угрожало Германіи. Это рѣшеніе было безъ измѣненій утверждено въ Мюнхенгрецѣ.

Не ограничиваясь одной Германіей, Меттернихъ хотѣлъ подавить, уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, задержать Революцію на всемъ пространствѣ Европы. Бельгія, Швейцарія [1]) и въ особенности Франція—со времени іюльскихъ дней—представляли собою рядъ убѣжищъ, куда стекались всѣ политическіе изгнанники и гдѣ космополиты-демократы, безъ устали, готовили новыя средства борьбы съ установленными властями. Не было ли вполнѣ законнымъ учредить противъ крестоваго похода Анархіи—лигу Порядка? Въ этомъ не сомнѣвались ни Меттернихъ, ни большая часть государственныхъ дѣятелей и монарховъ, собравшихся въ Мюнхенгрецѣ. Особенно протестовали сторонники Священнаго Союза противъ принципа невмѣшательства. Для борьбы съ нимъ, они даже связали себя форменнымъ трактатомъ. Этотъ трактатъ провозглашалъ право каждаго государя призвать на помощь Австрію, Пруссію и Россію или кого-нибудь другого—въ томъ случаѣ, если ему будутъ угрожать внутреннія смуты или внѣшнія опасности; упомянутыя государства могли, сообразно собственнымъ интересамъ и удобствамъ, уважить или отвергнуть просьбу. Трактатъ присовокуплялъ, что въ случаѣ, если какая-нибудь держава станетъ мѣшать такой помощи, то она будетъ объявлена общимъ врагомъ союзниковъ, и послѣдніе примутъ самыя рѣшительныя мѣры для обузданія такой дерзости. Это были—принципы Священнаго Союза въ ихъ чистѣйшей формѣ: въ Ахенѣ и Веронѣ было высказано буквально то же самое.

§ 5. Инціаторомъ и вдохновителемъ всѣхъ этихъ мюнхенгрецскихъ постановленій былъ Меттернихъ. На него выпадала задача, по возможности, обезпечить ихъ исполненіе. Что касается Восточнаго вопроса, то австрійскій дворъ довольно ловко проманеврировалъ до конца 1833 г. въ томъ смыслѣ, чтобы предупредить разрывъ между Россіей и великими западными державами, по поводу Ункіаръ-Скелесскаго договора. Онъ самъ вступилъ въ переговоры по этому вопросу съ Англіей и Франціей и доказывалъ, что въ данный моментъ царь не угрожаетъ независимости Оттоманской имперіи, и что, во всякомъ случаѣ, если понадобится,—Австрія окажетъ ей покровительство въ качествѣ

[1]) Въ этой странѣ аристократія, желавшая сохранить свои привилегіи, сдѣлалась предметомъ нападенія радикалъ-демократической партіи (съ 1830 г.); послѣдняя имѣла своей программой гражданское и политическое равенство; осуществленія этой программы она уже добилась въ главныхъ частяхъ (1831—1832 г.) въ кантонахъ Золотурнъ, Фрейбургъ, Цюрихъ, Сентъ-Галленъ, Тургау и Базель.

посредника. Съ другой стороны, онъ повелъ дѣло такъ, что русскій императоръ заключилъ съ Портой, въ январѣ 1834 г., конвенцію, по которой дунайскія княжества, занятыя съ 1828 г. русскими войсками, должны были быть наконецъ эвакуированы [1]). Парижскій и лондонскій дворы перестали вооружаться, отозвали свои эскадры и сочли возможнымъ возложить на дипломатію заботу объ обузданіи московскаго честолюбія. Въ Польшѣ, Меттернихъ долженъ былъ лишь охранять отъ всякаго посягательства statum quo; въ данный моментъ, это не представляло особенной трудности. Что касается бельгійскаго вопроса, то австрійскій министръ пригласилъ нидерландскаго короля не медлить его разрѣшеніемъ; однако, ни онъ, ни прусскіе, ни русскіе министры не были вовсе расположены его насиловать, и, какъ мы замѣтили выше, переговоры между Брюсселемъ и Гаагой должны были протянуться еще очень долгое время. Германскія дѣла были устроены такъ, какъ это было рѣшено на вѣнской конференціи. Делегаты нѣмецкихъ государей, собравшись въ столицѣ Австріи, въ январѣ 1834 г., составили въ іюнѣ длинный протоколъ, нѣчто въ родѣ контръ-революціоннаго кодекса; этотъ документъ былъ составленъ по предложенію и, можно сказать, подъ диктовку Меттерниха; главные его пункты, немного спустя, были приняты Союзомъ въ качествѣ законовъ. Сущность его заключалась въ томъ, что Сеймъ будетъ облеченъ властью приводить въ исполненіе свои приговоры и будетъ постановлять ихъ безапелляціонно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какое-нибудь нѣмецкое правительство, вслѣдствіе несогласій съ парламентомъ, обратится къ его третейскому суду. Право это предоставлялось Сейму независимо отъ того, будетъ ли спорнымъ пунктомъ толкованіе конституціоннаго закона,—вопросъ о предѣлахъ сотрудничества, предоставленнаго палатамъ въ дѣлѣ осуществленія нѣкоторыхъ опредѣленныхъ функцій,—или же отказъ въ денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для правительства [2]). Съ этого времени германскія конституціи должны были сдѣлаться мертвой буквой.

---

[1]) Эта конвенція (29 января 1834 года) прощала Портѣ часть контрибуціи, которую та еще не выплатила, разрѣшала въ пользу Россіи вопросъ объ азіатскихъ границахъ, обезпечивала эвакуацію Молдавіи и Валахіи (срокъ былъ назначенъ довольно отдаленный) и постановляла, что султанъ немедленно назначитъ господарей въ эти провинціи, а Россія будетъ еще восемь лѣтъ держать гарнизонъ въ Силистріи. Дѣйствительно, господари были назначены въ сентябрѣ мѣсяцѣ; немного позже русскія войска очистили княжества.

[2]) Сеймовый законъ относительно третейскаго суда (30 октября 1834 г.) —

Меттернихъ безъ большого труда провелъ въ Германіи контръ-революцію. Во имя правъ, гарантированныхъ союзнымъ государствамъ трактатами 1815 года, западныя державы протестовали, для виду, какъ онѣ уже и прежде не разъ это дѣлали. Но Австрія и ея союзники не обратили на это никакого вниманія. Лондонскій и парижскій дворы не настаивали. Въ концѣ концовъ, они едва ли слишкомъ безпокоились за нѣмецкія вольности. Но эти державы не могли допустить того, чтобы мюнхенгрецкій Священный Союзъ сталъ повсюду въ Европѣ преслѣдовать знамя конституціонной свободы и осуществлять полицейскія функціи. Поэтому, онѣ торжественно заявили, что не только не будутъ поддерживать политику сѣверныхъ дворовъ, но даже, въ случаѣ нужды, — воспротивятся ей. Франція, особенно чувствительно затронутая въ своихъ интересахъ и въ своемъ достоинствѣ, дала понять Меттерниху энергичною нотою герцога Брольи, что она будетъ бороться оружіемъ со всякой попыткой новой лиги вмѣшаться въ дѣла Бельгіи, Швейцаріи и Піемонта, находящихся въ сферѣ вліянія Франціи. Въ то же время, она заявляла, что не допуститъ того, чтобы вся Италія, по проекту Меттерниха, обратилась въ военную федерацію подъ гегемоніей Австріи. Вѣнскій дворъ не на шутку разсердился, въ свою очередь отвѣтилъ упреками и сталъ осыпать эпиграммами королевство баррикадъ и правительство золотой середины. Но, въ общемъ, онъ уклонился отъ конфликта. Австрія боялась, что, въ случаѣ войны, союзники, и въ особенности Пруссія, не пойдутъ за ней; ибо берлинскій кабинетъ, такъ сказать, нехотя присоединился къ союзу и былъ очень недоволенъ мюнхенгрецкимъ соглашеніемъ относительно права вмѣшательства [1]).

См. законъ 13-го ноября 1834 г., который подчинилъ университеты режиму, еще болѣе строгому, чѣмъ въ 1819 и 1832 г.г.

[1]) Анциллонъ не желалъ присутствовать на мюнхенгрецкой конференціи. Пруссія нѣкоторое время медлила формально санкціонировать протоколъ. Только 15-го октября 1833 года она дала свое согласіе, и то лишь по настоянію Нессельроде и Фиккельмонта, которые были посланы въ Берлинъ вѣнскимъ и петербургскимъ дворами спеціально для этой цѣли. Меттернихъ желалъ еще болѣе скомпрометировать Берлинъ. Онъ потребовалъ, чтобы трактатъ относительно права вмѣшательства былъ сообщенъ Франціи съ полной торжественностью, путемъ спеціальной ноты. Пруссія согласилась только на то, чтобы текстъ акта былъ сообщенъ секретно. Меттернихъ обнаружилъ нѣкоторое недовольство противъ Анциллона, который, по его словамъ, былъ только профессоромъ и ничего не смыслилъ въ политикѣ. Онъ находилъ его робкимъ и одержимымъ страхомъ скомпрометировать себя. „Онъ хотѣлъ, писалъ съ горечью австрійскій канцлеръ, играть роль контролера мюнхенгрецскихъ договоровъ".

§ 6. Обѣ великія конституціонныя державы выступили въ Европѣ на борьбу съ абсолютизмомъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Драматическія событія, происходившія въ это время на Пиренейскомъ полуостровѣ, позволили имъ укрѣпить и даже насадить конституціонный режимъ въ тѣхъ двухъ странахъ, гдѣ— въ виду противодѣйствія Священнаго Союза—свобода не успѣла еще акклиматизироваться.

Читателямъ извѣстны тѣ революціи, которымъ подвергалась Португалія, начиная съ 1820 года. Съ 1828 года въ Лиссабонѣ царствовалъ, посредствомъ террора, узурпаторъ Донъ Мигуэль. Но если апостолики были за него, то партія либераловъ была за его племянницу, Донну Марію, законную королеву; самые энергичные изъ ея приверженцевъ учредили въ 1830 г., на островѣ Терцейрѣ особое регентство. Въ слѣдующемъ году императоръ Педро, отказавшись отъ бразильской короны, въ виду событій, которыя мы не намѣрены здѣсь излагать (7 апрѣля 1831 г.), прибылъ въ Европу для того, чтобы поддержать права своей дочери. Въ Лондонѣ министерство виговъ приняло его весьма сердечно не только потому, что этотъ государь служилъ дѣлу свободы, но еще и потому, что онъ уже давно доказалъ свою покорность по отношенію къ Англіи. Въ Парижѣ Людовикъ-Филиппъ, вѣрный союзникъ Великобританіи, принялъ его тѣмъ болѣе радушно, что онъ былъ недоволенъ Мигуэлемъ за покровительство, оказываемое французскимъ легитимистамъ. Итакъ, ея императоръ оказался въ состояніи безпрепятственно организовать въ Бель-Иль-анъ-Меръ экспедицію, во главѣ которой онъ и отправился въ Терцейру (февраль 1832). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ высадился въ Португаліи, овладѣлъ Порто (іюль) и сталъ побѣдоносно отражать всѣ усилія Донъ Мигуэля выбить его изъ этой важной позиціи.

Однако, до конца 1832 г. узурпаторъ могъ, безъ особеннаго ущерба для себя, бороться противъ своего брата. Этимъ онъ былъ обязанъ мадридскому двору, столь явно склонявшемуся къ абсолютизму. Испанія открыто помогала ему продолжать войну и временами даже заявляла о своемъ желаніи заключить съ нимъ формальный договоръ. Но, начиная съ 1833 г., эта помощь начала оскудѣвать; и причиной этого явленія были дворцовыя интриги, которыя повели за собою тяжелыя послѣдствія не только для Португаліи, но и для Испаніи.

Преждевременно состарѣвшись, Фердинандъ VII, чувствуя близость смерти, уже нѣсколько лѣтъ былъ озабоченъ судьбой своего наслѣдства. Состоя въ четвертомъ бракѣ съ Маріей-

Христиной [1]), принцессой Обѣихъ-Сицилій, онъ имѣлъ только двухъ дочерей, отъ этого послѣдняго брака; старшая, Изабелла, родилась въ 1830 году. За нею онъ и хотѣлъ обезпечить корону. Прежде въ Испаніи женщинамъ дозволялось наслѣдовать тронъ. Однако, начиная съ царствованія Филиппа V (1713), въ этой странѣ былъ введенъ салическій законъ, опираясь на который Д. Карлосъ, братъ царствующаго государя, заранѣе предъявлялъ свои права на королевство. Правда, Фердинандъ VII пятаго апрѣля 1830 года опубликовалъ прагматическую санкцію, возстановляя этимъ актомъ старинные обычаи государства. Но Д. Карлосъ протестовалъ. Онъ былъ кумиромъ и надеждой апостолической партіи, уже давно сгоравшей отъ нетерпѣнія увидѣть его на престолѣ. Зато противная партія, которая снова начала поднимать голову, боролась за Изабеллу и мать ея, Христину, разсчитывая, что послѣдняя должна будетъ опереться на либераловъ для того, чтобы восторжествовать надъ Донъ Карлосомъ. Итакъ, войнѣ за наслѣдство предстояло—въ Испаніи такъ же какъ и въ Португаліи,—осложниться борьбой принциповъ.

Въ сентябрѣ 1832 г. Фердинандъ VII чуть было не померъ; его главный министръ Каломардъ [2]), преданный всею душою Донъ Карлосу, воспользовался помутнѣніемъ разсудка престарѣлаго короля для того, чтобы заставить его уничтожить прагматическую санкцію. Но уже очень скоро, оправившись отъ болѣзни, король уступилъ настояніямъ Маріи-Христины и формально возобновилъ актъ 5-го апрѣля 1830 года. Каломардъ попалъ въ немилость, и кормило правленія перешло въ руки Зеа Бермюдецъ [3]), государственнаго мужа, мало склоннаго къ

[1]) Вторая дочь Франциска I, короля Обѣихъ-Сицилій, эта принцесса родилась въ Неаполѣ 27 апрѣля 1806 года. Она приходилась сестрой Маріи-Каролинѣ, герцогинѣ Беррійской. Выйдя замужъ за Фердинанда VII 29 декабря 1829 г., она сдѣлалась послѣ смерти мужа регентшей Испаніи (1833), выдержала противъ Донъ Карлоса долгую войну, была свергнута Эспартеро и принуждена была спасаться во Францію (1840), возвратилась въ Испанію въ 1843 г., вступила въ бракъ съ камергеромъ Муньоцемъ, отъ котораго имѣла много дѣтей; Муньоцъ получилъ титулъ герцога Ріанцареса, а сама Марія-Христина—несмотря на свой бракъ—продолжала пользоваться большимъ вліяніемъ до конца правленія Изабеллы (1868); въ 1854 году Марія-Христина снова поселилась во Франціи. Она умерла въ Сентъ-Адрессѣ, около Гавра, 27 августа 1878 года.

[2]) Каломардъ или Каломардо (Францискъ-Ѳаддей) родился въ Виллелѣ (Арагонія) въ 1775 г.; первый секретарь фаворита Лардизабала (1814); потомъ секретарь кастильскаго совѣта; министръ юстиціи и главный совѣтникъ Фердинанда VII послѣ возстановленія абсолютизма, отъ 1824 до 1832 г.; умеръ въ Тулузѣ (1842), куда удалился послѣ восшествія на престолъ Изабеллы II.

[3]) Зеа Бермюдецъ (Франциско) родился въ Малагѣ въ 1772 г.; повѣренный въ

идеямъ конституціонной свободы, но зато чрезвычайно умѣреннаго; онъ былъ предметомъ ожесточенныхъ нападокъ со стороны партіи карлистовъ, и это заставило его сблизиться въ дѣлѣ политики съ либералами (окт.—ноябрь 1832). Была провозглашена амнистія. Печать получила нѣкоторую свободу. Большинство дѣятелей 1823-го года могло возвратиться въ Испанію; имъ была предоставлена нѣкоторая возможность достичь впослѣдствіи власти законнымъ путемъ. Перемѣна политики въ Мадридѣ должна была имѣть и дѣйствительно имѣла своимъ послѣдствіемъ ослабленіе, въ Португаліи, Дона Мигуэля. Зеа Бермюдецъ, безъ сомнѣнія, мало былъ расположенъ поддерживать Д. Педро, но ему не хотѣлось также компрометировать себя и покровительствомъ узурпатору, политическое единеніе котораго съ Д. Карлосомъ было тѣмъ болѣе тѣсно, что ихъ связывали близкія родственныя узы [1]). Поэтому, въ первой половинѣ 1833 года дѣло свободы быстро завоевало себѣ твердое положеніе въ лузитанской монархіи. Тщетно нѣкоторые французскіе легитимисты, съ громкими именами и большими заслугами (напримѣръ маршалъ Бурмонъ и генералъ Клуэ), старались защитить дѣло Д. Мигуэля. Противъ нихъ сражались другіе французы, какъ, напримѣръ, генералъ Солиньякъ, которому іюльское правительство разрѣшило поступить на службу въ конституціонную армію. Флотъ Д. Педро, подъ начальствомъ англичанина Нэпира [2]), вскорѣ одержалъ рѣ-

дѣлахъ въ С.-Петербургѣ отъ 1809 до 1820 г.; посланникъ въ Константинополѣ (1820); потомъ въ Лондонѣ (1823); призванъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, въ совѣтъ Фердинанда VII, гдѣ былъ представителемъ умѣренной партіи (іюнь 1824—октябрь 1825); посланникъ въ Дрезденѣ (1825), и затѣмъ снова въ Лондонѣ (1828), откуда возвратился въ Мадридъ (1832), чтобы стать во главѣ правленія, каковой постъ сохранилъ до января 1834 года; назначенъ сенаторомъ въ 1845 г.; умеръ въ Парижѣ въ 1850 г.

[1]) Д. Мигуэль такъ же, какъ и Д. Педро, былъ племянникомъ Д. Карлоса и Фердинанда VII.

[2]) Нэпиръ (сэръ Чарльзъ) родился въ Шотландіи 6-го марта 1786 г.; поступилъ во флотъ 13-ти лѣтъ; мичманъ въ 1802 г.; въ 1809 г. получилъ, за блестящую службу на Антильскихъ островахъ, чинъ капитана; затѣмъ онъ отличался (1811—1813) у береговъ Испаніи и въ арміи Веллингтона; принималъ видное участіе въ войнѣ противъ Соединенныхъ Штатовъ (въ 1813 и 1814); получилъ орденъ Подвязки (1815) и былъ на время уволенъ отъ службы. Призванный снова на службу, былъ отправленъ командовать эскадрой, крейсировавшей около береговъ Португаліи; былъ сдѣланъ Дономъ Педро — начальникомъ его флота (1833) и, послѣ побѣды Донны Маріи, былъ сдѣланъ вице-адмираломъ португальскаго флота. Возвратившись въ Англію, принялъ, въ 1839 г., командованіе эскадрой на Средиземномъ морѣ (въ качествѣ второго начальника); своими блестящими операціями, въ концѣ 1840 г., на берегахъ Египта и Сиріи, онъ заставилъ Мегемета-Али покориться Портѣ. Немного спустя, Нэпиръ, сдѣлавшись адъютантомъ королевы, былъ выбранъ въ палату общинъ (1841), гдѣ за-

шительную побѣду при мысѣ Св. Винцента. Нѣсколько дней спустя (24 іюля), флотъ вошелъ въ лиссабонскую гавань; самъ ех-императоръ вступилъ въ столицу 28 іюля, а 3-го сентября была устроена торжественная встрѣча молодой королевѣ. Д. Мигуэль съ приверженцами удержался только кое-гдѣ въ горахъ.

Но послѣ смерти Фердинанда VII, 29-го сентября, онъ снова воспрянулъ. Испанское наслѣдство, наконецъ, открылось. Согласно волѣ покойнаго короля, Марія-Христина объявила королевой свою старшую дочь, а себя—регентшей. Д. Педро же, со своей стороны, заявилъ о своихъ правахъ и обратился съ воззваніемъ къ кортесамъ прежней монархіи [1]), одновременно призвавъ своихъ друзей къ возстанію. Наварра, баскскія провинціи и часть Арагоніи стали на его сторону; въ концѣ 1833 года партія апостоликовъ, опираясь на Пиренеи, открыла военныя дѣйствія съ энергіей, предвѣщавшей долгую борьбу.

Большая часть Испаніи стояла за Изабеллу и Марію-Христину. Само собою разумѣется, что оба правительства, лиссабонское и мадридское, признали другъ друга немедленно. Въ свою очередь, Д. Карлосъ былъ признанъ Д. Мигуэлемъ и отправился въ Португалію на свиданіе съ нимъ. Что касается великихъ державъ, то довольно легко было предвидѣть, какую сторону будетъ держать каждая изъ нихъ. Россія и Пруссія стояли на сторонѣ двухъ католическихъ вождей-абсолютистовъ. Впрочемъ, онѣ не рѣшались открыто за нихъ заступиться. Но онѣ, все-таки, не признавали ни королевы Изабеллы, ни Маріи. Императоръ австрійскій признавалъ законность послѣдней, потому что Марія приходилась ему внучкой [2]); но онъ желалъ бы видѣть ее абсолютной государыней. По отношенію къ Изабеллѣ онъ воздерживался отъ рѣшенія, слѣдуя примѣру своихъ союзниковъ: Россіи и

сѣдалъ въ партіи виговъ. Контръ-адмиралъ съ голубымъ флагомъ въ 1846 г.; командовалъ военными морскими силами въ Ламаншѣ; вице-адмиралъ въ 1853 г.; во время Восточной войны начальствовалъ надъ балтійскимъ флотомъ, гдѣ однако не выполнилъ тѣхъ подвиговъ, о которыхъ довольно нескромно заранѣе распространялся (1854—1855). Адмиралъ съ бѣлымъ флагомъ (іюнь 1855 г.), былъ еще два раза выбранъ въ Парламентъ (1855—1857) и умеръ близъ Лондона 6 ноября 1860 г.

[1]) Кортесы por extamentos, по сословіямъ; нѣчто вродѣ французскихъ прежнихъ Генеральныхъ Штатовъ.

[2]) Она родилась въ Ріо-де-Жанейро, 4-го апрѣля 1819 г., отъ брака Д. Педро съ эрцгерцогиней Леопольдиной. Сдѣлавшись португальской королевой, она вышла замужъ, 27 января 1835 г., за герцога Лейхтенбергскаго, который скоро умеръ (27-го марта); 9 апрѣля 1836 г. она снова вышла замужъ за герцога Фердинанда Саксенъ-Кобургскаго. Послѣ очень безпокойнаго царствованія, она умерла въ Лиссабонѣ 15-го ноября 1853 г.

Пруссіи. Оставались Англія и Франція, положеніе которыхъ было чрезвычайно несходно.

Лондонскій дворъ, не колеблясь, высказался за Марію-Христину и ея дочь. Онъ полагалъ, что Испанія, благодаря уничтоженію салическаго закона, перестанетъ быть помѣстьемъ Бурбонскаго дома. Какъ только королева выйдетъ замужъ за человѣка, расположеннаго къ Великобританіи, — вліяніе послѣдней тотчасъ же вытѣснитъ Францію изъ Мадрида. Казалось бы, что, въ виду этого, іюльское правительство не должно было высказывать особой горячности по отношенію къ королевѣ Изабеллѣ. Но Людовикъ-Филиппъ, не говоря уже о томъ, что онъ питалъ тайную надежду выдать ее замужъ за подходящаго человѣка, видѣлъ въ Д. Карлосѣ личнаго врага, поддерживаемаго легитимистами. Такимъ образомъ, и онъ сталъ на сторону регентства. Министерство 11-го октября хотѣло даже, чтобы онъ не ограничивался пассивнымъ признаніемъ и косвенною подачею помощи. Въ концѣ 1833 года, мысль отправить французскую армію по ту сторону Пиренеевъ и помочь Изабеллѣ была очень подробно обсуждаема въ министерствѣ. Іюльское правительство видѣло въ этомъ предпріятіи средство увеличить свой военный престижъ и упрочить французское вліяніе въ Мадридѣ. Людовикъ-Филиппъ былъ согласенъ на это, такъ какъ предполагалъ, что появленіе французскихъ войскъ въ Испаніи не только подчинитъ страну его вліянію, но будетъ также сдерживать въ Мадридѣ революціонеровъ. Онъ боялся того, чтобы испанская демократія не воскресила конституціи 1820-го и 1812-го гг., что̀ было бы, по его мнѣнію, дурнымъ примѣромъ для Франціи.

Къ тому же онъ не былъ способенъ двинуть свою армію, не сообщивъ своихъ плановъ великимъ державамъ и въ особенности Англіи. Австрія, Россія и Пруссія, какъ и можно было предполагать, высказались противъ экспедиціи. Можетъ быть, іюльское правительство и рѣшилось бы поступить вопреки ихъ волѣ, если бы оно могло заручиться согласіемъ лондонскаго кабинета. Но англійскіе министры, и въ особенности Пальмерстонъ, ни за что не хотѣли того, чтобы французское знамя снова появилось въ Испаніи. Въ виду всего этого, кабинетъ 11-го октября долженъ былъ, въ угоду лондонскому двору, ограничиться только снаряженіемъ небольшого обсерваціоннаго отряда вдоль линіи Пиренейскихъ горъ.

Англійское правительство не ограничивалось тѣмъ, что не пускало въ Испанію войскъ своего союзника. Оно силилось уменьшить вліяніе Франціи въ Мадридѣ еще и тѣмъ, что льстило

либеральной партіи, уже достаточно сильной, несмотря на все противодѣйствіе іюльскаго правительства. Людовикъ-Филиппъ желалъ, чтобы Зеа Бермюдецъ оставался у власти. Но этотъ министръ и не думалъ поднимать рѣчь о конституціи или о созывѣ кортесовъ. Благодаря этому, онъ скоро сталъ очень непопулярнымъ. Лондонскому двору не стоило особыхъ усилій ускорить его паденіе (15 января 1834 г.) и выдвинуть Мартинеца-де-ла-Роза [1]), изгнанника 1823 г., который, хотя и исповѣдывалъ довольно умѣренные принципы, но, все-таки, намѣревался воскресить въ своей странѣ парламентаризмъ. Но англійскія интриги шли еще далѣе. Великобританія предложила новому министру союзъ, который тотъ не рѣшился отклонить. Въ то же самое время, Пальмерстонъ дѣлалъ аналогичныя предложенія лиссабонскому двору; послѣдній принялъ ихъ съ полною готовностью. Прошло нѣсколько недѣль, и результатомъ этихъ таинственныхъ переговоровъ явился трактатъ, подписанный въ Лондонѣ въ первыхъ числахъ апрѣля 1834 г.; фактически, онъ ставилъ весь Пиренейскій полуостровъ подъ протекторатъ Англіи. Эта конвенція имѣла цѣлью изгнать Д. Мигуэля и Д. Карлоса; для этого, регентша Испаніи предоставляла одинъ корпусъ въ распоряженіе Дона Педро, а англійская эскадра должна была помогать операціямъ и тѣмъ ускорить окончаніе войны.

Все это держалось въ такомъ секретѣ, что даже Таллейранъ, французскій посланникъ въ Лондонѣ, ничего не могъ узнать, несмотря на всю свою ловкость. Когда все было кончено, Пальмерстонъ сообщилъ ему о трактатѣ. Старый дипломатъ, оскорбленный этой интригой, не подалъ, однако, виду и потребовалъ

---

[1]) Мартинецъ-де-ла-Роза (Францискъ) родился въ Гренадѣ, въ 1779 г.; въ 19 лѣтъ профессоръ практической философіи; уполномоченъ кадикской юнтой отправиться въ Англію съ порученіемъ; возвратился въ 1811 году; секретарь комиссіи по вопросу о свободѣ печати, потомъ членъ кортесовъ (1813—1814); посаженъ въ тюрьму и затѣмъ отправленъ Фердинандомъ VII въ ссылку; освобожденъ революціей 1820-го года; немного спустя, выбранъ въ члены кортесовъ и призванъ на постъ президента въ совѣтѣ министровъ; изгнанъ послѣ реакціи 1823-го года; основался во Франціи, гдѣ прожилъ 8 лѣтъ, занимаясь, главнымъ образомъ, литературными трудами; возвратился въ Испанію (1831), и снова поставленъ во главѣ министерства (январь 1834 г.); авторъ королевскаго статута 1834 года; долженъ былъ удалиться въ іюнѣ 1835 года; посланникъ въ Парижѣ (1839), затѣмъ въ Римѣ (1842); членъ консервативнаго кабинета, образованнаго Нарваэсомъ и павшаго въ февралѣ 1846 года; вторично посланникъ во Франціи (1847—1851); президентъ второй палаты кортесовъ; первый государственный секретарь въ министерствѣ Армеро-Монъ (октябрь 1857 г.); президентъ государственнаго совѣта (іюль 1858 года), и еще разъ президентъ Палаты (1861); умеръ въ 1862 году. Онъ не менѣе извѣстенъ какъ литераторъ, чѣмъ какъ политическій ораторъ и государственный дѣятель.

чтобы Францію приняли въ качествѣ четвертаго союзника. Принципіально, въ этомъ ему не могли отказать. Такимъ образомъ, былъ подписанъ четверной союзъ (22 апрѣля). Но благодаря британскимъ проискамъ, участіе французовъ сводилось почти къ нулю. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ въ чемъ оно заключалось: „когда, по мнѣнію высокихъ договаривающихся сторонъ, помощь Франціи будетъ необходима для достиженія поставленной цѣли, Его Величество, французскій король, обязуется, въ этомъ случаѣ, поступать такъ, какъ будетъ постановлено съ общаго согласія между нимъ и тремя августѣйшими союзниками". Іюльское правительство считало заключеніе этого акта тріумфомъ своей политики, а на самомъ дѣлѣ весь инцидентъ сводился къ мистификаціи.

Во всякомъ случаѣ, дѣйствіе договора было быстро и рѣшительно, по крайней мѣрѣ, относительно Португаліи. Не прошло и мѣсяца, какъ Д. Мигуэль и Д. Карлосъ, отовсюду тѣснимые, должны были сдаться въ Эворѣ. Они были немедленно удалены съ полуострова.

Первому изъ нихъ не суждено было вернуться изъ своего изгнанія; но не такова была судьба второго. Скоро стало извѣстно, что Д. Карлосъ бѣжалъ изъ Англіи и, обманувъ французскую полицію, черезъ Парижъ достигъ Пиренеевъ; его появленіе въ странѣ басковъ вызвало общій энтузіазмъ приверженцевъ. Въ концѣ іюля 1834 года Д. Карлосъ владѣлъ уже бо́льшею частью сѣверной Испаніи; онъ именовалъ себя королемъ, назначалъ министровъ, аккредитовывалъ посланниковъ при великихъ сѣверныхъ дворахъ. Все это заставило четверной союзъ снова взяться за оружіе. Трактатъ 22-го апрѣля былъ не только подтвержденъ, но даже пополненъ новыми статьями, въ силу которыхъ англійское и французское правительства обязывались: первое—снабжать законное правительство припасами и оружіемъ, а также, въ случаѣ надобности, послать эскадру; второе — отрѣзать всякую доставку помощи инсургентамъ черезъ Пиренеи. Лиссабонскій дворъ былъ уполномоченъ оказать военную помощь Маріи-Христинѣ. Теперь, какъ и раньше, Франціи было удѣлено чрезвычайно мало активнаго участія.

Четверной союзъ, образуя, такъ сказать, крестовый походъ свободы противъ мюнхенгрецскихъ абсолютистовъ, могъ сдѣлаться своего рода тараномъ и пробить брешь въ крѣпкой лигѣ сѣверныхъ союзниковъ. Нѣкоторые публицисты такъ и считали этотъ союзъ—доказательствомъ тѣснаго единенія между Англіей и Франціей. Однако, сущность его показывала, что между двумя

союзницами начиналось охлажденіе; зависть одной и недоброжелательство другой только усиливали это охлажденіе. Сѣверныя державы, догадывавшіяся объ этомъ, съ своей стороны, всячески старались поддерживать нелады Франціи и Англіи, какъ это будетъ видно ниже.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Эволюція политики Людовика-Филиппа [1]).

§ 1. Послѣдній поворотъ политики Таллейрана. — § 2. Людовикъ-Филиппъ и вѣнскій дворъ въ 1834 и 1835 г.г. — § 3. Противо-французская политика Пальмерстона. — § 4. Министерство Тьера и австрійскій бракъ. — § 5. Молэ, Меттернихъ и Мельбурнъ. — § 6. Бельгійскій вопросъ; анконскій вопросъ.

(1834—1839 г.).

§ 1. Промежуточные пять лѣтъ между заключеніемъ четвернаго союза и восточнымъ кризисомъ 1839 года представляютъ въ исторіи европейской политики смутный и неинтересный періодъ, не выдвигающій впередъ ни одного выдающагося факта.

---

[1]) Источники: Blanc (L.), Histoire de dix ans, t. IV et V; — Berryer, Discours parlementaires;—Bulwer, Life of Palmerston, t. III;—Canitz-Dallwitz (баронъ), Denkschriften, t. I;—Capefigue, l'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe, t. XIII, IX et X; — Gréville, Les quinze premières années du règne de la reine Victoria;—Guizot, Mémoires, t. IV;—Haussonville (графъ), Histoire de la politique extérieure du gouvernement français, t. I;—Hillebrand (K.), Geschichte Frankreichs, t. I et II; — Hubbard, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. III et IV;—Ideville (H. d'), Le maréchal Bugeaud, t. II;—Lefebvre (Armand) Mahmoud et Méhémet-Ali (Revue des Deux Mondes, 15 mai 1839);—Lefebvre de Bécour, Des démêlés de la France avec la Suisse (Revue des Deux Mondes, 1-er novembre 1836); Lettres sur les affaires étrangères (Revue des deux Mondes, 1838—1839);—Lesur, Annuaire historique, années 1834—1839;—Loève-Veimars, Lettres du nord et du midi de l'Europe; Rapports de la France avec les grands et les petits États (Revue des Deux Mondes, 1837—1840);—Mac-Carthy, Histoire contemporaine de l'Angleterre depuis l'avènement de la reine Victoria, t. I; — Mazade (Ch. de), Monsieur Thiers;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. V et VI; — Saint-René Taillandier, Le roi Léopold et la reine Victoria;—Thiers, Discours parlementaires;—Thureau-Dangin, Histoire de la monarchie de Juillet, t. II et III, etc.

Съ нашей точки зрѣнія, эта переходная эпоха представляетъ интересъ, кажется, только въ томъ, что она—медленно и безъ шума—подготовила значительный переворотъ въ политикѣ великихъ державъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно въ этотъ періодъ сталъ постепенно ослабѣвать тотъ англо-французскій союзъ, который съ 1830 года противодѣйствовалъ сѣверной коалиціи и держалъ въ страхѣ всю Европу; подъ конецъ этого періода, онъ окончательно распадается и даетъ мѣсто новымъ комбинаціямъ силъ.

Государственный дѣятель, бывшій главнымъ иниціаторомъ этого союза, а именно Таллейранъ,—самъ началъ совѣтовать, съ конца 1834 года, отказаться отъ него. Этотъ дипломатъ, скрывавшій, подъ видомъ притворнаго безразличія и флегмы, весьма воспріимчивое самолюбіе и тщеславіе, былъ очень обиженъ Пальмерстономъ, который, не довольствуясь тѣмъ, что почти одурачилъ его [1]), началъ открыто хвастать этимъ фактомъ и говорилъ о Таллейранѣ съ крайне оскорбительною непочтительностью. Безъ сомнѣнія, кабинетъ виговъ, въ которомъ участвовалъ этотъ министръ, былъ свергнутъ. Но Пиль и Веллингтонъ, занявшіе мѣсто Мельбурна и Пальмерстона [2]), не прощали Таллейрану того, что онъ способствовалъ въ 1834 г. ихъ паденію. Поэтому, французскій посолъ счелъ необходимымъ просить о своемъ отозваніи, съ ноября мѣсяца 1834 года. Всѣ просьбы Людовика-Филиппа остаться на посту въ Лондонѣ оказались безполезными. Онъ вернулся во Францію въ началѣ 1835 года. Но, вступивши въ частную жизнь, онъ не счелъ нужнымъ настолько уклониться отъ политики, чтобы не поддерживать совѣтами свое любимое дѣтище, іюльскую монархію. Поэтому онъ не переставалъ, начиная съ этого времени, представлять правительству о необходимости радикально измѣнить курсъ его политики. Союзъ съ Англіей, говорилъ онъ, былъ необходимъ въ 1830 г., потому что въ тотъ моментъ Франція,—слабая и колеблющаяся,—не находила другихъ. Но теперь, когда новая монархія стала сильною и крѣпкою, она можетъ выбирать. Ничто не обязываетъ ее дольше оставаться на буксирѣ у такой державы, которая всячески завидовала ей и соединялась съ ней, главнымъ образомъ, не столько для того, чтобы помогать ей, сколько для того, чтобы

[1]) См. выше, стр. 339.

[2]) Вопросъ о реформаціи ирландской церкви повлекъ за собою, въ іюлѣ 1834 г., отставку лорда Грея; немного позднѣе, онъ былъ причиною отставки и лорда Мельбурна, который наслѣдовалъ ему въ качествѣ перваго лорда казначейства и самъ былъ замѣщенъ Робертомъ Пилемъ, представителемъ партіи тори (ноябрь—декабрь 1834 г.).

парализовать ее. Съ другой стороны, не было ли для нея крайне важнымъ укрѣпить дружбу съ тѣми великими континентальными державами, которыя до сихъ поръ относились къ ней такъ холодно? Невозможно укрѣпить династію, какъ таковую, путемъ братанья съ Революціей. Если Людовикъ-Филиппъ желаетъ перестать быть во мнѣніи Европы выскочкой, то ему необходимо искать опоры у легитимныхъ монархій.

§ 2. Таллейранъ ломился въ открытыя двери. Предложенная старымъ дипломатомъ политика во всемъ соотвѣтствовала вкусу и желаніямъ короля, который уже давно склонялся къ ней. Какъ и Таллейранъ, Людовикъ-Филиппъ находилъ, что союзъ съ Англіей начинаетъ обходиться слишкомъ дорого. Съ другой стороны, онъ въ душѣ сознавалъ всю хрупкость государственнаго зданія 1830 года—не то республиканскаго, не то королевскаго—и, не осмѣливаясь отдаться на произволъ демократовъ, онъ предпочиталъ сблизиться со старыми монархіями; его завѣтнымъ желаніемъ было—добиться положенія „брата“ абсолютныхъ монарховъ. Ему казалось, что если ему удастся проникнуть въ ихъ семью, то первоначальное іюльское клеймо будетъ снято съ него, и онъ станетъ законнымъ и увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ королемъ. Эти его стремленія натолкнули его на путь закулисной дипломатіи, при посредствѣ которой онъ, не заботясь о парламентскихъ порядкахъ [1]), связывалъ,—почти всегда безъ вѣдома своихъ министровъ,—не только свои собственные интересы, но и интересы Франціи. Послѣ нѣсколькихъ министерскихъ кризисовъ, королю снова навязали, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ и даже президента совѣта (мартъ 1835 г.), герцога Брольи [2]); строгое доктринерство послѣдняго стѣсняло короля, который даже вызвалъ его паденіе. Но если, въ присутствіи этого государственнаго дѣятеля, очень мало склоннаго уступать Свя-

[1]) См. Меттернихъ, Mémoires, documents et écrits divers, V и VI.

[2]) Брольи (Ахиллъ-Леонъ-Викторъ-Карлъ, герцогъ), внукъ маршала Брольи (умершаго въ 1804 г.), родился въ Парижѣ 28 ноября 1785 года; аудиторъ при государственномъ совѣтѣ; исполнялъ нѣсколько дипломатическихъ порученій во время имперіи; пэръ Франціи въ іюнѣ 1814 г.; женился въ 1816 г. на дочери барона Стааль; вліятельный членъ доктринерской партіи во время реставраціи; министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій (11 августа 1830 г.); уволенъ съ этого поста 2 ноября; министръ иностранныхъ дѣлъ съ 11 ноября 1832 г. до 4 апрѣля 1834 года; президентъ совѣта и снова министръ иностранныхъ дѣлъ съ марта 1835 г. до февраля 1836 г.; посланникъ въ Лондонѣ (1847—1848); представитель Эра въ законодательномъ собраніи (1849—1851); арестованъ 2 декабря; членъ французской академіи (1855); умеръ въ Парижѣ 25 января 1870 года.

щенному Союзу, Людовикъ-Филиппъ и былъ обязанъ сдерживаться, то онъ вознаграждалъ себя тайной перепиской съ различными иностранными министрами, а въ особенности съ Меттернихомъ, который, немного спустя, сдѣлался, какъ бы, его ближайшимъ наперсникомъ. Изъ трехъ великихъ сѣверныхъ державъ онъ больше всего заискивалъ у Австріи. Россія плохо принимала его заигрыванія. Царь не прощалъ іюльской монархіи ея баррикаднаго происхожденія; онъ считалъ ее отвѣтственною за тѣ выраженія симпатіи, которыми Франція четыре года манифестировала въ пользу Польши. И поэтому, отъ царя можно было ожидать только неблагопріятнаго отвѣта. Пруссія же, управляемая миролюбивымъ старикомъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, безъ сомнѣнія, была менѣе упорна. Поэтому Людовикъ-Филиппъ льстилъ ей изо всѣхъ силъ. Но въ ней онъ видѣлъ только палліативъ, или, вѣрнѣе, только прибавку къ болѣе важному союзу. У него завѣтной мыслью, какъ и у Таллейрана, было—обезпечить Франціи дружбу съ Австріей, первоклассною державою, къ тому же согласною съ его желаніями. Меттернихъ вовсе не обезкураживалъ Людовика-Филиппа. Онъ очень хорошо понималъ ту выгоду, которая представлялась его правительству вслѣдствіе отдѣленія Франціи отъ Англіи и вовлеченія ея въ контръ-революцію. Съ одной стороны, онъ не переставалъ напоминать своему царственному корреспонденту, что лондонскій кабинетъ ведетъ и всегда будетъ вести съ нимъ фальшивую игру. Съ другой стороны, онъ, то и дѣло, уговаривалъ его рѣшительно вступить на монархическій путь, т.-е. самому управлять, а не только быть королемъ, слѣдуя знаменательной формулѣ Тьера; онъ объяснялъ королю, что онъ долженъ управлять своими министрами и внушать имъ послушаніе; что онъ долженъ избавиться, насколько возможно, отъ парламентаризма, предупредить всякую новую агитацію энергическимъ законодательствомъ и честно присоединиться къ сѣвернымъ державамъ для подавленія Революціи въ Европѣ.

Людовикъ-Филиппъ былъ далекъ отъ мысли итти противъ подобной програмы: онъ соглашался исполнить всѣ предложенія канцлера. Ему было слишкомъ важно снискать его расположеніе, и потому онъ не позволялъ себѣ противорѣчить канцлеру. Оказывается, что французскій король мечталъ о бракѣ между герцогомъ Орлеанскимъ, своимъ старшимъ сыномъ и наслѣдникомъ, и австрійской эрцгерцогиней [1]). Съ 1834 года онъ гово-

[1]) Герцогъ Орлеанскій (Фердинандъ-Филиппъ-Людовикъ-Карлъ-Генрихъ) родился

рилъ объ отправленіи молодого принца въ Вѣну и не очень скрывалъ своихъ намѣреній о заключеніи брака. Правда, Меттернихъ находилъ, что баррикадный король дѣйствовалъ ужъ слишкомъ быстро. Онъ считалъ проектъ такого брака—безтактностью; эта „дипломатическая черепица", какъ онъ выражался, совсѣмъ оглушила его [1]). Что касается поѣздки въ Вѣну, то онъ старался учтиво отложить ее въ долгій ящикъ. Для этого онъ каждодневно находилъ новые предлоги. Сначала, будто императоръ долженъ быть въ отъѣздѣ и не будетъ имѣть удовольствіе видѣть герцога. Затѣмъ, Его Величество внезапно заболѣлъ,—какъ же ему достойнымъ образомъ чествовать герцога? Затѣмъ, императоръ умеръ (мартъ 1835 г.): не должно ли покончить съ трауромъ прежде, чѣмъ давать торжества? Однимъ словомъ, изобрѣтательный министръ очень хотѣлъ, чтобы Людовикъ-Филиппъ отказался отъ „дикой" мысли породниться съ Габсбургами. Но французскій король былъ очень упрямъ, и трудно было сбить его съ толку.

Онъ предполагалъ, что прежде, чѣмъ уступить его желаніямъ, вѣнскій дворъ хочетъ испытать его преданность монархическимъ принципамъ. Поэтому, онъ счелъ необходимымъ дать новыя доказательства. Въ предыдущемъ году онъ заставилъ принять строгій законъ объ ассоціаціяхъ и энергично подавилъ два республиканскія возстанія: въ Ліонѣ и въ Парижѣ [2]). Теперь онъ заставилъ палату пэровъ съ торжественностью осудить обвиняемыхъ въ апрѣльскихъ событіяхъ [3]). Онъ воспользовался об-

---

въ Палермо 3 сентября 1810 г.; носилъ до 1830 г. титулъ герцога Шартрскаго; умеръ отъ несчастнаго случая съ каретой во время поѣздки въ Нейли, 13 іюля 1842 г.—Эрцгерцогиня Тереза, на которой его отецъ хотѣлъ (1834—1836 г.) его женить, приходилась племянницей австрійскому императору; она была дочерью эрцгерцога Карла, который нѣкогда съ честью командовалъ австрійскими войсками; онъ жилъ до 1847 года.

[1]) „Вѣрить въ возможность женитьбы у насъ, писалъ онъ по поводу Людовика-Филиппа, это значитъ—еще разъ ошибаться. Мы испытали слишкомъ много печальнаго, чтобы воспоминанія могли скоро изгладиться, и я не знаю такой эрцгерцогини, которая бы согласилась на третью попытку". Австрійскій канцлеръ, какъ говорили, ожидалъ, что изъ этого проекта ничего не выйдетъ; въ Вѣнѣ, прибавлялъ онъ, не любятъ попадать въ Charivari.

[2]) Ліонское возстаніе было наиболѣе серьезнымъ; оно продолжалось отъ 9 до 13 апрѣля; въ Парижѣ возстаніе состоялось 13 и 14 апрѣля. Около того же времени была (16 апрѣля) попытка военнаго возмущенія въ Люневилѣ.

[3]) Процессъ продолжался съ февраля до декабря 1835 года. Послѣ бурныхъ преній, большинство обвиняемыхъ отказалось защищаться. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ кончили бѣгствомъ изъ тюрьмы. Остальныхъ приговорили къ тюремному заключенію или къ ссылкѣ.

щественнымъ негодованіемъ, которое было вызвано покушеніемъ Фьески (28 іюля 1835 г.), для ограниченія въ большихъ размѣрахъ, на основаніи сентябрьскихъ законовъ [1]), свободы печати и судебныхъ гарантій для политическихъ преступниковъ. Съ другой стороны, онъ воздерживался протестовать противъ грозныхъ для народовъ рѣшеній, принятыхъ новымъ австрійскимъ императоромъ [2]) въ Теплицѣ, въ концѣ сентября, вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ и русскимъ императоромъ. Эти три монарха, мало согласные въ нѣкоторыхъ дѣлахъ (напр., въ восточномъ вопросѣ), пришли легко къ соглашенію относительно Германіи, въ которой, благодаря имъ, еще усилилась власть сейма [3]),—относительно Швейцаріи, которую они рѣшили принудить къ изгнанію бѣглецовъ,—и относительно бѣдной Краковской республики, которую они хотѣли принудить къ тому же. Зналъ ли Людовикъ-Филиппъ также о томъ, что на случай, если онъ будетъ убитъ или ниспровергнутъ, три сѣверныя державы заранѣе рѣшили не признавать его наслѣдникомъ никого другого, кромѣ герцога Бордоскаго? Это неизвѣстно. Извѣстно только то, что теплицкія совѣщанія, достаточно напортившія крови герцогу Брольи, не помѣшали королю возобновить и увеличить свои заискиванія у вѣнскаго двора.

§ 3. По мѣрѣ того, какъ Людовикъ-Филиппъ сближался съ континентальными державами, Англія удалялась отъ него и, не расторгая союза, повидимому, начинала противодѣйствовать французской политикѣ. Правда, партія тори лишь на короткое

[1]) Первый изъ нихъ разрѣшилъ увеличить суды съ присяжными для разбора дѣла обвиняемыхъ въ мятежѣ; второй сдѣлалъ подачу голосовъ въ судѣ присяжныхъ закрытой и уменьшилъ большинство, необходимое для осужденія, съ 8 на 7; третій наказывалъ тюремнымъ заключеніемъ и денежнымъ штрафомъ отъ 10.000 до 50.000 франковъ всякое оскорбленіе личности короля и всякія нападки на основы правленія; онъ запрещалъ журналамъ даже говорить о королѣ и подвергалъ театральныя пьесы и художественныя произведенія предварительной цензурѣ.

[2]) Фердинандъ I родился въ Вѣнѣ 19 апрѣля 1793 года; отрекся отъ престола 2 декабря 1848 г.; умеръ въ Прагѣ 29 іюня 1875 года.

[3]) Сеймъ запретилъ въ концѣ 1835 г. продажу разныхъ народныхъ изданій (напр. Юная Германія). 28 апрѣля 1836 г. онъ рѣшилъ, что въ разныхъ государствахъ, входящихъ въ составъ конфедераціи, отчеты о дѣятельности палатъ могутъ быть публикуемы только по офиціальнымъ документамъ и газетамъ. 18 августа 1836 г. онъ рѣшилъ, что всякое покушеніе на существованіе, неприкосновенность и безопасность конфедераціи или кого-либо изъ ея членовъ будетъ разбираться и наказываться по дѣйствующимъ во всякомъ государствѣ законамъ объ охраненіи его государственнаго устройства; онъ установилъ также принципъ взаимной выдачи лицъ, обвиняемыхъ въ такихъ преступленіяхъ.

время осталась у власти. Въ апрѣлѣ 1835 г. ихъ замѣнили виги, и казалось, что они, какъ и прежде, должны бы были относиться къ іюльской монархіи гораздо лучше своихъ противниковъ. Но, имѣя главой (только по имени) лѣниваго скептика Мельбурна [1]), они, въ дѣйствительности, подпали подъ непреодолимое вліяніе лорда Пальмерстона, снова приглашеннаго направлять британскую дипломатію; онъ, казалось, былъ — больше, чѣмъ его учитель Кэннингъ, и почти столько же, сколько и его образецъ, Питтъ, — убѣжденъ въ томъ, что существенная задача англійскаго министерства состоитъ именно въ противодѣйствіи Франціи. У этого отважнаго и вздорнаго государственнаго дѣятеля вся политика состояла изъ одного только узкаго и завистливаго патріотизма, подозрительнаго и неразборчиваго на средства. Его дѣятельность была не менѣе грозна, чѣмъ его проницательность. Противники называли его головорѣзомъ. Но на дѣлѣ, онъ былъ не менѣе остороженъ, чѣмъ отваженъ, и его кажущаяся безразсудность была результатомъ разсчета, почти всегда вѣрнаго и, потому, успѣшнаго.

Когда онъ соединился съ іюльскимъ правительствомъ для того, чтобы поддерживать королеву Изабеллу, — какъ мы видѣли выше, — онъ сдѣлалъ это не столько съ цѣлью обезпечить успѣхъ этой королевы, сколько съ цѣлью вытѣснить или парализовать французское вліяніе въ Испаніи.

Происшествія, сценой которыхъ была Испанія въ занимающую насъ эпоху, а также и заигрыванія Людовика-Филиппа по отношенію къ сѣвернымъ державамъ не могли остановить его политики. Въ началѣ 1835 г. Пиренейскій полуостровъ былъ весь въ огнѣ; Донъ-Карлосъ, не признанный, но фактически поддерживаемый Австріею [2]), Пруссіею и Россіею, быстро подвигался впередъ. Въ маѣ мѣсяцѣ его войска занимали почти всю страну между Пиренеями и Эбро. Испуганная Марія-Христина обратилась за помощью къ Франціи. Но вмѣшательство въ дѣла Испаніи вовсе не улыбалось Людовику-Филиппу, который больше

[1]) Мельбурнъ (Виллльямъ-Ламбъ, виконтъ) родился въ Лондонѣ 15 марта 1779 г., членъ палаты общинъ (1805), гдѣ онъ засѣдалъ въ партіи виговъ; государственный секретарь по ирландскимъ дѣламъ въ министерствѣ Кэннинга (1827); членъ палаты лордовъ (1828); министръ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Грея (1830); первый лордъ казначейства (14 іюля 1834 г.); уволенъ въ ноябрѣ того же года; приглашенъ обратно стать во главѣ министерства (апрѣль 1835 г.); на этомъ посту онъ остался до сентября 1841 г.; умеръ въ Брокетъ-Голлѣ 24 ноября 1849 года.

[2]) По договору 28 іюня 1835 г., отрядъ англійскихъ волонтеровъ уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ отданъ былъ въ распоряженіе мадридскаго правительства.

всего боялся поссориться съ вѣнскимъ дворомъ. Однако, его министры вынудили его сдѣлать сенъ-джемсскому кабинету, согласно трактату четверного союза, предложеніе относительно отправленія французскаго войска въ Испанію. Къ большому удовольствію Людовика-Филиппа, Пальмерстонъ наотрѣзъ отвергъ это предложеніе и согласился только на допущеніе иностраннаго африканскаго легіона на службу Маріи-Христины. Король былъ очень радъ этому отказу; кабинетъ же чувствовалъ себя сильно оскорбленнымъ. Брольи и его товарищи отлично понимали дѣло: лондонскій дворъ не хотѣлъ имъ разрѣшить открыто поддерживать испанское министерство, во главѣ котораго въ то время стоялъ Торено [1]), только потому, что онъ предполагалъ, что послѣднее находится подъ вліяніемъ Франціи. Скоро, впрочемъ, этотъ кабинетъ палъ вслѣдствіе британскихъ интригъ. Въ сентябрѣ, Марія-Христина должна была передать предсѣдательство совѣта главѣ передовой партіи, Мендизабалу [2]), любимцу Пальмерстона, и, съ этихъ поръ, англійская дипломатія заняла почти суверенное положеніе въ Испаніи.

Въ то же самое время англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ тревожнымъ взоромъ слѣдилъ за успѣхами французскаго оружія въ Африкѣ и всевозможными средствами старался положить имъ конецъ. Читатель припомнитъ, что, для успокоенія Великобританіи, Людовикъ-Филиппъ, въ первые годы своего цар-

---

[1]) Торено (Жозе-Марія, виконтъ Матаросскій, впослѣдствіи графъ) родился въ Овіедо въ 1786 году; борецъ за независимость въ 1808 г.; посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Англію, затѣмъ депутатъ кадикскихъ кортесовъ (1811), гдѣ онъ игралъ весьма важную роль; послѣ возвращенія Фердинанда VII высланъ изъ Испаніи, куда онъ вернулся во время революціи 1820 года; членъ кортесовъ съ 1820 до 1823 года; снова изгнанъ, эмигрировалъ во Францію съ 1823 до 1833 года; назначенъ министромъ финансовъ (1834), затѣмъ назначенъ Маріею-Христиною предсѣдателемъ совѣта; низвергнутъ въ 1835 году; умеръ во Франціи въ 1843 году; авторъ замѣчательной книги: Исторія возстанія, войны и революціи въ Испаніи съ 1808 до 1814 г.

[2]) Мендизабалъ (Донъ-Жуанъ Альварецъ) родился въ Кадиксѣ около 1790 года; въ молодости своей занимался банковымъ дѣломъ; съ большою пользою помогалъ конституціонному правительству отъ 1820 до 1823 года; въ эту послѣднюю эпоху долженъ былъ покинуть Испанію и поселился въ Лондонѣ, гдѣ онъ открылъ большой торговый домъ; оказалъ, въ качествѣ финансиста, большія услуги Донъ-Педро съ 1827 г. и Маріи-Христинѣ съ 1833 года; Торено назначилъ его министромъ финансовъ (1835); вскорѣ послѣ этого занялъ мѣсто предсѣдателя совѣта; несмотря на свое хвастовство, не могъ прекратить междоусобную войну; былъ свергнутъ 15 мая 1836 года; еще два раза былъ министромъ финансовъ (1836—1837 и 1841—1843); послѣ паденія Эспартеро провелъ нѣсколько лѣтъ за границей, затѣмъ вернулся и умеръ въ Мадридѣ въ 1853 году.

ствованія, счелъ необходимымъ пріостановить завоеваніе Алжира, едва начатое Карломъ X; это завоеваніе должно было впослѣдствіи покрыть славой новое королевство. Въ промежутокъ времени между 1830 и 1834 гг., нѣсколько изолированныхъ пунктовъ на побережьи этой страны, какъ напр.: Бона, Оранъ, Арзевъ, были заняты французами. Но не было сдѣлано ни одной серьезной экспедиціи во внутрь страны; два страшныхъ врага: Ахметъ-бей въ Константинѣ и, въ особенности, Абдъ-эль-Кадеръ въ Маскарѣ успѣли за это время возбудить въ мѣстномъ населеніи фанатизмъ и организовать сильное сопротивленіе. Только въ 1834 году французское правительство, когда оно стало освобождаться отъ британскаго вліянія, громко заявило о своемъ желаніи подчинить весь Алжиръ своей власти [1]). Но достиженіе окончательнаго успѣха въ африканской войнѣ, получившей тогда по-истинѣ важное значеніе, должно было стоить французамъ не мало испытаній и разочарованій. Абдъ-эль-Кадеръ [2]), властитель третьей части Алжира, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Марокко и съ Гибралтаромъ; онъ уже имѣлъ и еще впредь долгое время долженъ былъ получать отъ Англіи не только нравственную поддержку, но и матеріальныя средства для продолженія борьбы, которая въ началѣ склонялась, было, въ его пользу. Благодаря этой тайной, но сильной поддержкѣ онъ разбилъ, напримѣръ, въ іюнѣ 1835 года, генерала Трезеля на берегахъ Макты и, шесть мѣсяцевъ спустя, очень мало ослабленный потерею Маскары и Тлемсена, окружилъ на побережьѣ небольшой отрядъ генерала д'Арланжа.

Если въ Алжирѣ Пальмерстонъ снабжалъ эмира средствами для борьбы противъ насъ, то ужъ, конечно, онъ не упускалъ въ Константинополѣ случая изображать насъ какъ ложныхъ друзей, которые, притворяясь усердными сторонниками оттоманской имперіи, стремятся только къ тому, чтобы ограбить и ослабить ее. Его представитель, Понсонби, былъ еще большимъ галлофобомъ, чѣмъ онъ самъ; при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ под-

[1]) Послѣ достопамятныхъ преній въ палатѣ депутатовъ (апрѣль—май 1834 г.). Немного времени спустя, въ іюлѣ, эта страна была обращена въ генералъ-губернаторство; первый, занимавшій эту должность, былъ генералъ Друэ д'Эрлонъ.

[2]) Главный предводитель арабовъ въ Алжирѣ, въ особенности послѣ 1833 года; замѣчателенъ тѣмъ, что оказалъ долгое сопротивленіе французскому оружію. Онъ родился по близости Маскары въ 1808 году. Схваченъ Ламорисьэромъ въ 1847 г., поселенъ во Франціи; отпущенъ на волю по честному слову въ 1852 г.; уѣхалъ въ Бруссу, въ Малой Азіи, откуда затѣмъ (1855) переселился въ Дамаскъ; онъ отважно защищалъ христіанъ во время рѣзни, происходившей тамъ въ 1860 году; отказался принять участіе въ алжирскомъ возстаніи 1871 года и умеръ 24 мая 1883 года.

говаривалъ турецкихъ министровъ протестовать противъ упроченія французовъ въ такой странѣ, которую Порта считала какъ бы своимъ владѣніемъ. Нерѣдко, она ставила этимъ нашего посла, адмирала Руссэна, въ большое затрудненіе. Британскіе дипломаты не пропускали также случая указывать на наше расположеніе къ непокорному пашѣ Мегемету-Али, который, не довольствуясь тѣмъ, что отнялъ у своего монарха лучшія имперскія провинціи, требовалъ теперь себѣ наслѣдственнаго надъ ними права. Махмудъ же скорѣе былъ расположенъ отнять ихъ у него, чѣмъ признать ихъ за нимъ; и для того, чтобы облегчить Махмуду его задачу, Англія старалась вызвать среди ливанскаго населенія возмущеніе противъ хедива. Британскій кабинетъ принималъ, по отношенію къ султану, положеніе чистосердечнаго защитника, не связаннаго съ нимъ никакими матеріальными интересами, и съ удовольствіемъ замѣчалъ каждодневный ростъ своего авторитета въ Константинополѣ. Лордъ Дюргамъ [1]), посланный съ особымъ порученіемъ, пріѣхалъ въ концѣ 1835 года въ Турцію и предложилъ посредничество своего правительства Портѣ, все еще находившейся, со времени заключенія Адріанопольскаго мира, подъ гнетомъ русскихъ требованій. Предложеніе было принято и, немного позже (мартъ 1836 г.), англійскій посланникъ заключилъ въ С.-Петербургѣ соглашеніе, согласно которому царь простилъ султану часть его долга и обязался въ теченіе года, по полученіи остатка, вывести свои войска изъ Силистріи.

Можетъ показаться страннымъ, почему с.-петербургскій кабинетъ оказался столь уступчивымъ по отношенію къ лондонскому двору. Оказывается, что соперничество Англіи и Россіи вовсе не прекращалось. Въ это самое время, двѣ державы наводняли своими происками Азію, власть надъ которой онѣ оспаривали тогда и нынѣ оспариваютъ другъ у друга [2]). Но въ

---

[1]) Дюргамъ (Джонъ-Джоржъ Ламбтонъ, графъ) родился въ Дюргамѣ 12 апрѣля 1792 года; съ 1813 г. избранъ въ палату общинъ, гдѣ онъ тотчасъ занялъ вліятельное положеніе среди радикальной партіи; членъ верхней палаты въ 1828 г.; лордъ тайной печати въ кабинетѣ, сформированномъ его тестемъ, лордомъ Грэемъ, въ 1830 году; уволенъ въ мартѣ 1833 г.; дважды былъ посылаемъ со спеціальными порученіями въ Россію (1832 и 1835); канадскій генералъ-губернаторъ (1838); умеръ на островѣ Уайтѣ, 28 іюля 1840 года.

[2]) Послѣ продолжительныхъ войнъ, Англія завершила завоеваніе Индіи покореніемъ Махраттовъ въ 1818 году; въ 1825 г. она заняла значительную часть Бирманскаго побережья; она завладѣла въ 1826 г. Малаккою; десять лѣтъ спустя, она захватила Сингапуръ; немного позже (1839), она подняла свой флагъ въ Аденѣ. Что касается Россіи, то она, не довольствуясь своими послѣдними побѣдами надъ Пер-

Европѣ онѣ считали нужнымъ—пока что—прекратить свои разногласія и соединить свои силы противъ того правительства, въ которомъ онѣ видѣли общаго врага. Россія съ неменьшимъ недовѣріемъ, чѣмъ Англія, относилась къ требованіямъ, поставленнымъ, при поддержкѣ Франціи, Мегеметомъ-Али.

Слѣдуетъ добавить, что Николай I, по причинамъ изложеннымъ выше, видѣлъ въ Людовикѣ-Филиппѣ своего личнаго врага и обращался съ нимъ, какъ съ таковымъ. Онъ не стѣснялся даже оскорблять его. Съ одной стороны, онъ очень настойчиво требовалъ отъ него уплаты долговъ, сдѣланныхъ нѣкогда Наполеономъ въ Варшавскомъ великомъ герцогствѣ, а съ другой—весьма рѣшительно выслалъ изъ Варшавы (въ декабрѣ 1835 г.) французскаго генеральнаго консула, подъ тѣмъ предлогомъ, что иностранному дипломатическому агенту нѣтъ основаній оставаться въ Польшѣ, т. е. странѣ, уже лишенной автономіи. Онъ продолжалъ болѣе чѣмъ холодно относиться къ нашимъ посланникамъ и, найдя, что его представитель въ Парижѣ, Поццо ди Борго, слишкомъ привязанъ къ Франціи, отправилъ его въ Лондонъ. Если политика Меттерниха клонилась къ тому, чтобы поссорить Англію съ іюльскимъ правительствомъ, то царь, съ своей стороны, также старался привлечь къ себѣ британскій кабинетъ и увеличить тѣ разногласія, которыя отдѣляли его отъ правительства Людовика-Филиппа. Нельзя, поэтому, удивляться тѣмъ уступкамъ, которыя онъ сдѣлалъ Англіи по восточному вопросу. Она просила для Турціи нѣкоторыхъ торговыхъ преимуществъ; царь согласился безъ колебанія. Англія, впрочемъ, не оставалась, съ своей стороны, въ долгу и, напримѣръ, чтобы досадить Франціи,—поддерживала увеличивающееся вліяніе Россіи въ Греціи.

§ 4. Англія тайно противодѣйствовала повсюду Людовику-Филиппу, и это обстоятельство должно было еще увеличить австрофильство его политики. Онъ тѣмъ менѣе былъ расположенъ порвать съ Австріей, что, съ февраля 1836 года, онъ опять избавился отъ того министра, котораго онъ вовсе не любилъ, и который постоянно противодѣйствовалъ его тайной дипломатіи. Герцогъ Брольи только-что передъ тѣмъ оставилъ свой постъ вслѣдствіе одного парламентскаго инцидента, въ созданіи коего

сіею (1813, 1828), добивалась успѣховъ на югѣ Кавказа, откуда, съ 1834 года, она старалась изгнать Шамиля; съ другой стороны, она дѣятельно колонизировала Сибирь и распространяла свою власть между Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ озеромъ и даже по долинамъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи. Она хотѣла вовлечь въ союзъ новаго персидскаго шаха, Мегемета, и побудить его къ нападенію на Гератъ.

король, вѣроятно, принималъ нѣкоторое участіе [1]), и вмѣсто него (Меттернихъ, какъ извѣстно, не могъ его переносить) на должность президента совѣта былъ приглашенъ совсѣмъ еще молодой Тьеръ [2]). Правда, начальникъ новаго кабинета былъ истиннымъ приверженцемъ Революціи. Но это былъ, по словамъ Меттерниха, опытный революціонеръ, понимавшій значеніе правительства и его нуждъ, умѣвшій, по мѣрѣ необходимости, обходить принципы и бывшій, въ общемъ, гораздо болѣе сговорчивымъ, чѣмъ доктринеръ-идеологъ [3]) Брольи. Очень дорожа властью, онъ собирался осуществлять ее единолично, за едино-

[1]) Голосованіе въ палатѣ депутатовъ вопроса о конверсіи ренты. Министръ финансовъ, Гюманнъ, поддержанный, какъ говорили, Людовикомъ-Филиппомъ, высказался по поводу этого вопроса, противъ президента Совѣта.

[2]) Тьеръ (Людовикъ-Адольфъ) родился въ Марсели 15 апрѣля 1797 г.; пріѣхалъ въ Парижъ въ 1821 г., гдѣ онъ тотчасъ же сталъ извѣстенъ, какъ талантливый журналистъ; издавалъ, съ 1823—1827 г., свою Исторію французской революціи; основалъ съ Арманомъ Каррелемъ и Миньэ (1 января 1830 г.) журналъ National; много способствовалъ восшествію Людовика-Филиппа на престолъ; сдѣлался, въ августѣ 1830 г., членомъ государственнаго совѣта, генеральнымъ секретаремъ, затѣмъ (ноябрь 1830 г.) помощникомъ государственнаго секретаря при министерствѣ финансовъ; по выборамъ въ департаментѣ Э назначенъ въ палату депутатовъ; вышелъ изъ состава кабинета вмѣстѣ съ Лаффитомъ (мартъ 1831 г.), но вступилъ въ него обратно 11 октября 1832 г. въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ; промѣнялъ его, немного спустя (декабрь), на портфель министра торговли и публичныхъ работъ, снова принялъ его въ апрѣлѣ 1834 г. и сохранилъ до февраля 1836 г. Онъ былъ принятъ въ члены Французской Академіи 13 декабря 1834 г. Президентъ Совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ съ 22 февраля по 6 сентября 1836 г.; съ этимъ двойнымъ титуломъ онъ снова появился у власти 1 марта 1840 г. Его замѣстили маршалъ Сультъ и Гизо 29 октября того же года; до конца правленія Людовика-Филиппа онъ былъ предводителемъ лѣваго центра въ палатѣ и началъ въ 1845 г. изданіе своей Исторіи Консульства и Имперіи, которое онъ окончилъ только въ 1860 г. Въ ночь съ 23 на 24 февраля 1848 г. онъ опять былъ приглашенъ въ министры, но не справился съ революціоннымъ теченіемъ. Избранный четырьмя департаментами въ учредительное собраніе (4 іюня 1848 г.), а затѣмъ въ законодательное собраніе (отъ Нижней Сены, въ 1849) онъ сталъ во главѣ монархической партіи, безразсудныя выходки которой сдѣлали возможнымъ государственный переворотъ 2 декабря 1851 года. Проведя 12 лѣтъ въ качествѣ частнаго лица, онъ опять вернулся къ политической дѣятельности въ качествѣ депутата Сены (май 1863 г.), былъ снова выбранъ (1869) и въ послѣдніе годы Имперіи состоялъ наиболѣе вліятельнымъ предводителемъ оппозиціонной партіи. Получилъ спеціальное дипломатическое порученіе отъ правительства Національной Обороны (сентябрь—октябрь 1870 г.); избранъ двадцатью семью департаментами въ національное собраніе (февраль 1871 г.); глава исполнительной власти (17 февраля), затѣмъ президентъ республики (31 августа 1871 г.); низвергнутъ монархической коалиціей 24 мая 1873 г.; повидимому, наканунѣ новаго возвращенія къ власти онъ скоропостижно скончался въ Сенъ-Жерменъ въ Лэ, 3 сентября 1877 г.

[3]) Выраженіе Меттерниха.

личною своею отвѣтственностью. Но такъ какъ въ данный моментъ онъ раздѣлялъ политическія мнѣнія Людовика-Филиппа, то онъ долженъ былъ меньше своего предшественника чувствовать тяжесть вмѣшательства короля въ его дипломатію. Подъ вліяніемъ своего бывшаго учителя, Таллейрана, все еще вдохновлявшаго его, Тьеръ въ это время былъ открытымъ сторонникомъ австрійскаго союза. Правда, онъ не былъ таковымъ, подобно королю, изъ-за личныхъ интересовъ. Его разсчетъ былъ чисто-патріотическимъ. Онъ надѣялся послужить своей родинѣ и считалъ возможнымъ использовать помощь Австріи, быть можетъ, даже обмануть ее; послѣднее онъ сдѣлалъ бы безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Въ этомъ государственномъ дѣятелѣ было много Пальмерстоновскаго, и его мораль, подобно англійской, не признавала другихъ основъ, кромѣ собственнаго патріотизма. Къ тому же, быть можетъ, онъ находилъ, по примѣру Пальмерстона, нѣкоторое удовольствіе въ интригѣ и коварствѣ. Впрочемъ, онъ въ то время былъ еще слишкомъ неопытенъ и всю свою жизнь—слишкомъ горячъ для того, чтобы вести борьбу съ такимъ тонкимъ дипломатомъ, какъ Меттернихъ. Поэтому, онъ не правъ былъ въ томъ, что въ основу своей политики клалъ намѣреніе провести австрійскаго канцлера; въ концѣ концовъ, конечно, обманутымъ оказался онъ самъ.

Подобно Людовику-Филиппу, Тьеръ имѣлъ неотступную мысль добиться для герцога Орлеанскаго руки эрцгерцогини Маріи-Терезіи. Поэтому, въ первое время своего министерства, онъ всячески угождалъ вѣнскому двору, желая привлечь его на свою сторону, несмотря на все его упорство. Итакъ, онъ началъ съ того, что допустилъ, почти безъ протеста и, во всякомъ случаѣ, безъ противодѣйствія, грубое нарушеніе трактатовъ 1815 года, допущенное тѣми самыми державами, которыя больше всего настаивали на строгомъ ихъ соблюденіи. Свободный городъ Краковъ, независимость котораго была гарантирована на вѣнскомъ конгрессѣ, только что передъ тѣмъ подвергся, 17 февраля 1836 года, со стороны трехъ сѣверныхъ державъ полной военной экзекуціи. Согласно теплицскому соглашенію, австрійскій императоръ, прусскій король и русскій императоръ ввели свои войска въ этотъ несчастный городъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ служитъ убѣжищемъ для агитаторовъ, удаленія которыхъ они требовали. Хотя французское правительство и не одобрило этого поступка, но, во всякомъ случаѣ, оно допустило его совершеніе. Эмигранты были грубо изгнаны изъ Кракова. Милиція этого города была распущена, вольности его—пріостановлены, сенатъ и управленіе

—реорганизованы, именемъ трехъ державъ. Порядокъ—въ смыслѣ Вѣны и Петербурга—былъ въ немъ уже давно водворенъ, а австрійскія войска все еще не уходили. Они оставили Краковъ только черезъ 5 лѣтъ, въ 1841 г.

Безъ сомнѣнія, общественное мнѣніе во Франціи не требовало отъ Людовика-Филиппа вооруженной мести за краковскія событія. Но оно желало, чтобы іюльское правительство отвѣтило на этотъ наступательный поворотъ Священнаго Союза шумной манифестаціей въ пользу конституціонныхъ началъ на такомъ театрѣ дѣйствій, гдѣ Франціи было легко вмѣшаться. А именно, какъ разъ въ этотъ моментъ Испанія представила Франціи удобный случай показать свою мощь. Мадридское правительство было въ отчаянномъ положеніи. Шайки карлистовъ появлялись уже въ самомъ сердцѣ Кастиліи; денегъ и войска не хватало. Англія очень безпокоилась и сама попросила того французскаго вмѣшательства, котораго она не допустила въ предыдущемъ году. Въ сущности, быть можетъ, она просила этого только въ надеждѣ на отказъ, думая, что ей удастся затѣмъ опозорить Францію въ Испаніи. Какъ бы то ни было, но Людовикъ-Филиппъ, всегда боявшійся осложненій, могущихъ явиться слѣдствіемъ подобнаго предпріятія, и склонный угождать Австріи, казалось, былъ меньше, чѣмъ въ 1835 г., расположенъ послать свое войско по ту сторону Пиренеевъ. Въ министерствѣ Брольи, Тьеръ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ экспедиціи въ Испанію; но теперь онъ становился на другую точку зрѣнія и не совѣтовалъ поддерживать Мендизабала, друга англичанъ. Однимъ словомъ, британское предложеніе было наотрѣзъ отвергнуто (18 марта 1836 г.). Немного позже, благодаря интригамъ, въ которыхъ отчасти участвовалъ нашъ посланникъ Рейневаль, Мендизабалъ былъ низвергнутъ, и съ министерствомъ Истурица [1] (май) возстановилось опять французское вліяніе въ Мадридѣ. Къ тому же, іюльское правительство предложило, въ видахъ окончанія войны, —женить старшаго сына Донъ-Карлоса на молодой коро-

[1]) Истурицъ (Ксавье) родился въ Кадиксѣ въ 1790 г.; членъ кортесовъ съ 1812—1814 и съ 1822—1823 г.; былъ осужденъ на смертную казнь послѣ возстановленія абсолютизма, бѣжалъ въ Англію; вызванъ обратно въ Испанію (1834); президентъ палаты депутатовъ (1835); президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ (15 мая 1836 г.); вынужденъ бѣжать вслѣдствіе революціи въ Граньѣ (августъ 1836 г.): прощенъ въ 1837 г.; снова приглашенъ на должность президента палаты въ 1839 г. и министерства въ апрѣлѣ 1846 г.; низложенъ въ декабрѣ того же года; испанскій посланникъ въ Лондонѣ (1848, 1850), въ С.-Петербургѣ (1856); снова облеченъ властью президента совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ (январь 1858 г.); посланникъ во Франціи (1863—1864); умеръ 16 апрѣля 1871 года.

левѣ Изабеллѣ. Пальмерстонъ, крайне раздраженный противъ Франціи, поклялся отомстить ей за это (эту клятву онъ блестяще исполнилъ черезъ нѣсколько лѣтъ). Но Людовикъ-Филиппъ и его министръ радовались своимъ маневрамъ и не сомнѣвались въ томъ, что Австрія тотчасъ же отплатитъ имъ за эти услуги.

Меттернихъ же, очевидно, старался не ускорять хода событій. Онъ требовалъ новыхъ доказательствъ дружбы. Теперь онъ говорилъ объ Анконѣ, гдѣ уже четыре года какъ развѣвалось французское знамя, и выражалъ свое живѣйшее желаніе, чтобы наши войска покинули эту крѣпость. Тьеръ не говорилъ „нѣтъ" и давалъ ему понять, что Франція не откажетъ Австріи въ этомъ удовлетвореніи, если состоится проектированная свадьба. Правда, онъ говорилъ это очень неискренно; ибо, несмотря на свадьбу, и даже на конвенцію 21 апрѣля 1832 года, согласно которой французы обязались покинуть Анкону, какъ только австрійцы сами покинутъ Легатства, онъ сталъ впослѣдствіи возбуждать новые предлоги для продолженія оккупаціи этой крѣпости. Меттернихъ предвидѣлъ это лукавство. И поэтому, онъ уклонялся отъ рѣшительнаго отвѣта по вопросу объ эрцгерцогинѣ, руки которой іюльское правительство, со своей стороны, офиціально еще не просило.

Тьеръ потерялъ, наконецъ, терпѣніе и рѣшилъ форсировать переговоры. Его самолюбіе было задѣто. Онъ ручался передъ Людовикомъ-Филиппомъ въ томъ, что добьется руки эрцгерцогини, и даже успѣлъ похвастать въ этомъ смыслѣ публично. Онъ рѣшилъ, что одинъ смѣлый шагъ прекратитъ всѣ затрудненія, и что личное и офиціальное предложеніе герцога Орлеанскаго положитъ конецъ колебаніямъ Вѣны. Поэтому, онъ склонилъ короля къ тому, чтобы послѣдній устроилъ поѣздку молодого принца вмѣстѣ съ его братомъ, герцогомъ Немурскимъ, въ Германію и, послѣ торжественнаго посѣщенія берлинскаго двора (съ цѣлью, безъ сомнѣнія, внушить вѣнскому кабинету боязнь, что между Франціей и Пруссіей можетъ установиться тѣсная дружба), отправилъ ихъ представиться вѣнскому двору, гдѣ старшій сынъ Людовика-Филиппа долженъ былъ сдѣлать предложеніе. Исполненіе программы шло сначала великолѣпно. Оба брата были съ почестями приняты въ Пруссіи, гдѣ высоко оцѣнили ихъ привѣтливость и гдѣ не пожалѣли—офиціальныхъ, по крайней мѣрѣ—выраженій симпатіи къ нимъ. Въ Вѣнѣ и въ Шенбруннѣ пріемъ былъ отпразднованъ еще торжественнѣе. Тогда герцогъ Орлеанскій рѣшилъ навѣстить эрцгерцога Карла и изложилъ ему свою просьбу. Послѣдній охотно далъ бы свое согласіе. Но ему не-

обходимо нужно было имѣть согласіе императора. А послѣдній, такъ же какъ и его отецъ, не принималъ никогда рѣшеній иначе, какъ съ вѣдома канцлера. Меттернихъ не желалъ этой женитьбы, прежде всего потому, что онъ боялся вызвать этимъ недовольство прусскаго короля и, въ особенности, царя;—затѣмъ потому, что не вѣрилъ въ устойчивость іюльской монархіи;—наконецъ, потому, что онъ не хотѣлъ увеличить вліяніе эрцгерцога Карла, далеко не принадлежавшаго къ числу его друзей. Поэтому, въ результатѣ его разговора съ монархомъ, герцогъ Орлеанскій получилъ категорическій отказъ. Бѣдный принцъ выказалъ большую твердость духа и совершенно хладнокровно, какъ настоящій дипломатъ, заявилъ, что онъ очарованъ сдѣланнымъ ему пріемомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ очень оскорбленъ. Что же касается Тьера, то и онъ былъ весьма пораженъ нанесенной ему обидой.

Не совсѣмъ такъ смотрѣлъ на дѣло Людовикъ-Филиппъ. Даже послѣ этой неудачи онъ упорно продолжалъ вѣрить въ возможность женитьбы и сталъ предлагать австрійскому двору новыя уступки, съ цѣлью добиться руки эрцгерцогини. Въ этотъ моментъ (іюнь—іюль 1836) вѣнскій кабинетъ требовалъ у швейцарскаго союза, съ усиленною настойчивостью, изгнанія политическихъ бѣглецовъ, для которыхъ Швейцарія служила убѣжищемъ, и которые, по мнѣнію Меттерниха, только и занимались тѣмъ, что составляли заговоры противъ безопасности монархій. До сихъ поръ, и въ особенности во время министерства Брольи, французское правительство, живо протестуя противъ указанныхъ политическихъ происковъ, все-таки поддерживало швейцарскую республику во имя начала невмѣшательства. Теперь же, напротивъ, оно сочло необходимымъ, подобно австрійскому правительству, занять по отношенію къ Швейцаріи угрожающее положеніе. Уже нѣсколько времени Швейцарія была обложена со стороны Германіи какъ бы блокадой; французское министерство объявило ей, что если она не приметъ, наконецъ, рѣшительныхъ мѣръ противъ бѣглецовъ, оно точно также прекратитъ всякія сношенія съ Швейцаріей. Герцогъ Монтебелло [1]), тогдаш-

[1]) Монтебелло (Наполеонъ-Ланнъ, герцогъ), сынъ маршала Ланна, родился въ Парижѣ 30 іюля 1801 года; Людовикъ XVIII назначилъ его пэромъ Франціи въ 1815 г.; вступилъ въ дипломатическую службу во время іюльской монархіи; полномочный министръ въ Швейцаріи (1836), затѣмъ въ Неаполѣ (1838); министръ иностранныхъ дѣлъ (1 апрѣля—12 мая 1839 г.); снова посланъ въ Неаполь; морской министръ (1847—1848); представитель Марны въ законодательномъ собраніи (1849—1851); посланникъ въ С.-Петербургѣ (1858—1864); сенаторъ (1864); вернулся къ

ній представитель Франціи въ Швейцаріи, принялъ такой надменный тонъ, что вся Гельвеція въ негодованіи возмутилась и потребовала его отозванія. Она возмутилась еще болѣе, когда узнала о тайныхъ дѣйствіяхъ Людовика-Филиппа, содержавшаго въ Швейцаріи, безъ вѣдома своего министра, шпіоновъ и агентовъ-подстрекателей (подобно полицейскому агенту Консейлю, арестованному въ Бернѣ въ августѣ 1836 г.). Но вскорѣ пришлось уступить силѣ, и Бернскій сеймъ принужденъ былъ принять (23 августа) законъ, благодаря которому иностраннымъ правительствамъ было обезпечено изгнаніе бѣглецовъ, намѣченныхъ ими союзнымъ властямъ.

Людовикъ-Филиппъ, повидимому, не собирался мстить Австріи. Но его новыя уступки этому двору остались столь же мало вознагражденными, какъ и прежнія. Почти одновременно — для того, чтобы покончить съ проектомъ женитьбы герцога Орлеанскаго на эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи,—Меттернихъ повелъ переговоры о выдачѣ ее замужъ за неаполитанскаго короля [1]). Что же касается до брака молодой королевы Изабеллы со старшимъ сыномъ Донъ-Карлоса, т.-е. до плана, давно взлелѣяннаго Людовикомъ-Филиппомъ,—то австрійскій министръ, полагая, повидимому, что ему нѣтъ больше надобности поддерживать хорошія отношенія съ Франціей, поставилъ для него совершенно невыполнимыя условія. А именно, французское правительство желало, чтобы Донъ-Карлосъ отказался отъ своихъ притязаній и вмѣстѣ со своимъ сыномъ призналъ законность правленія Изабеллы и конституцію. Но, послѣ долгаго и, безъ сомнѣнія, намѣреннаго промедленія, Меттернихъ заявилъ отъ имени трехъ сѣверныхъ державъ, что наслѣдникъ претендента на престолъ долженъ жениться *какъ король*, т.-е. не отказываясь ни отъ одного изъ своихъ личныхъ правъ.

По полученіи этого извѣстія, Тьеръ, менѣе выносливый, чѣмъ Людовикъ-Филиппъ, окончательно потерялъ всякое терпѣніе. Онъ не хотѣлъ быть для Европы предметомъ насмѣшекъ и, полагая, что Австрія ужъ слишкомъ много разъ проводила Францію,— объявилъ о своемъ намѣреніи занять положеніе, болѣе достойное Франціи. Онъ потребовалъ, чтобы іюльская монархія ни въ какомъ

частной жизни послѣ революціи 4 сентября 1870 года; умеръ въ Парижѣ 19 іюля 1874 года.

[1]) Этотъ бракъ состоялся въ ноябрѣ мѣсяцѣ и былъ тѣмъ болѣе оскорбительнымъ для Людовика-Филиппа, что неаполитанскій король приходился ему племянникомъ, и что французскій король незадолго передъ тѣмъ хотѣлъ женить его на одной изъ своихъ дочерей.

случаѣ не бросила дѣла Изабеллы и Маріи-Христины—на произволъ судьбы. Онъ собирался поддерживать ихъ, въ случаѣ необходимости, оружіемъ, не заботясь болѣе ни объ Англіи, ни объ Австріи. Вмѣшательство въ испанскія дѣла казалось ему въ этотъ моментъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что кабинету Истурица, покровительствуемому Франціею, грозила большая опасность. Карлисты все еще занимали сѣверную часть полуострова. Одинъ изъ ихъ предводителей, Гомецъ, спустился со своимъ отрядомъ въ самую Андалузію. Передовая же партія, приписывая продолженіе междоусобной войны всецѣло королевскому статуту и консервативной политикѣ кабинета, стала во многихъ городахъ волноваться и требовать введенія конституціи 1812 года. Движеніе въ пользу демократіи повсюду находило поддержку англійскихъ агентовъ. Тьеру это было не безъизвѣстно. Именно поэтому онъ и желалъ, чтобы Франція, по возможности скорѣе, доставила Маріи-Христинѣ помощь и выручила ее изъ грозившей ей двойной опасности. Чтобы избѣгнуть переговоровъ съ лондонскимъ кабинетомъ относительно отправки французскаго войска, онъ предполагалъ увеличить, путемъ мнимой вербовки охотниковъ, иностранный легіонъ, уже годъ тому назадъ предоставленный въ распоряженіе Маріи-Христины,—и довести его наличный составъ до внушительныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, въ іюлѣ и августѣ онъ сгруппировалъ у подножія Пиринеевъ отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ человѣкъ (безъ сомнѣнія, этотъ отрядъ былъ бы затѣмъ еще увеличенъ),—и вызвалъ изъ Африки генерала Бюжо командовать надъ ними. Но это предпріятіе очень не понравилось Людовику-Филиппу; онъ ни за что не хотѣлъ вмѣшиваться въ испанскія дѣла и потому, не будучи въ состояніи привлечь своего министра на свою сторону, онъ сталъ искать ему замѣстителя. Какъ разъ въ этотъ моментъ пришла въ Парижъ вѣсть о новой революціи въ Граньѣ. Въ ночь съ 12 на 13 августа въ Испаніи произошло военное возстаніе. Дворецъ Маріи-Христины былъ захваченъ; конституція 1812 года была—въ принципѣ—возстановлена; были созваны новые кортесы, чтобы привести ее въ соглашеніе съ настоящимъ положеніемъ и нуждами Испаніи. Наконецъ, Калатрава [1]), предводитель партіи exaltados, явился замѣстителемъ Истурица, въ

[1]) Калатрава (Жозе-Марія) родился въ Меридѣ въ 1781 г.; членъ кадикскихъ кортесовъ (1810); изгнанъ затѣмъ Фердинандомъ VII; вернулся въ Испанію послѣ революціи 1820 г.; министръ внутреннихъ дѣлъ (1822); снова въ изгнаніи съ 1823 до 1830 г.; президентъ совѣта въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ 1837 г.; сенаторъ (1843); умеръ въ 1846 году.

качествѣ министра-президента. Англійскій посолъ ничему не помѣшалъ: онъ чуть что не открыто проявлялъ свое удовольствіе. Эти происшествія дали Людовику-Филиппу новые аргументы противъ проекта вмѣшательства. Франція не могла, говорилъ онъ, итти на помощь испанской анархіи. Напрасно Тьеръ доказывалъ ему, что присутствіе французскихъ войскъ не только не поощритъ развитіе анархіи, но даже остановитъ его; что наилучшимъ средствомъ уничтожить анархію было бы возможно скорѣе подавить карлизмъ, и что не слѣдуетъ допустить упроченіе на полуостровѣ британскаго вліянія. Король не только не уступилъ, но, напротивъ, потребовалъ уменьшенія, а затѣмъ и распущенія того отряда, который былъ собранъ у Пиренеевъ. Не будучи въ состояніи проводить свои идеи, Тьеръ, вмѣстѣ со всѣми своими товарищами, подалъ въ отставку. 6 сентября 1836 г. его замѣстилъ графъ Молэ, въ качествѣ президента совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ.

§ 5. Кабинетъ Молэ, два съ половиною года управлявшій Франціею, держался политическихъ убѣжденій праваго центра; это направленіе было очень по душѣ Людовику-Филиппу; во внѣшней политикѣ оно сводилось, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы дѣйствовать заодно съ великими континентальными державами (въ особенности, съ Австріей и Пруссіей). Король и его новый министръ оказались искренними единомышленниками по вопросамъ внѣшней политики. Переписка между Меттернихомъ и Людовикомъ-Филиппомъ продолжалась въ самой дружественной формѣ. Молэ очень нравился Меттерниху. Нельзя и удивляться этому: онъ столько же, сколько и самъ французскій король, склоненъ былъ слушаться вѣнскаго двора.

Новый кабинетъ съ самаго начала показалъ, до какой степени онъ готовъ угождать австрійской политикѣ. Войска Фердинанда I все еще занимали Краковъ; пользованіе конституціонными правами было все еще пріостановлено въ этой злосчастной республикѣ. Молэ не счелъ себя призваннымъ протестовать противъ этого злоупотребленія болѣе энергично, чѣмъ Тьеръ. Въ отношеніяхъ къ Швейцаріи онъ всецѣло слѣдовалъ своему предшественнику. Союзныя власти съ негодованіемъ указывали на темные происки Консейля, и, казалось, собирались потребовать отъ Франціи удовлетворенія дипломатическимъ путемъ. Наущаемый Меттернихомъ, Молэ пригрозилъ конфедераціи разорительною блокадою, собралъ вдоль Юрскихъ горъ войска и заявилъ о своемъ намѣреніи пустить ихъ въ ходъ (сентябрь—

октябрь 1836 г.). Раздраженіе противъ іюльской монархіи достигло тогда въ Швейцаріи своей высшей точки. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему молодой Людовикъ Бонапартъ, считавшій себя, съ момента смерти герцога Рейхштадтскаго, наслѣдникомъ Наполеона,—могъ безопасно затѣять въ Швейцаріи свою страсбургскую экспедицію, имѣвшую, впрочемъ, столь печальный исходъ (30 окт.) [1]).

Въ концѣ концовъ, швейцарская республика должна была отказаться отъ всѣхъ своихъ требованій и примириться съ двойнымъ контролемъ: Австріи и Франціи. Въ своихъ отношеніяхъ къ Испаніи, Молэ, казалось, старался столь же усердно заслужить похвалы Меттерниха. Поэтому, онъ категорически заявилъ Маріи-Христинѣ, что ей нечего разсчитывать на вмѣшательство французской арміи. Что же касается Донъ-Карлоса, то Молэ конфиденціально сообщилъ канцлеру, что онъ согласится признать его испанскимъ королемъ, если тотъ добьется какого-либо рѣшительнаго успѣха.

Французское правительство старалось снискать расположеніе не одного только вѣнскаго двора. Оно льстило также и берлинскому двору, оказывало ему услуги и, при посредствѣ прусскихъ министровъ, Анциллона и Вертера, поддерживало стараго короля Фридриха-Вильгельма III, желавшаго умереть въ мирѣ, въ доброжелательномъ (по крайней мѣрѣ на видъ) расположеніи къ іюльской монархіи. Послѣ неудачи съ австрійской женитьбой, Людовикъ-Филиппъ задумалъ использовать свои хорошія отношенія къ Пруссіи для того, чтобы составить своему старшему сыну партію, менѣе блестящую, чѣмъ та, о которой онъ мечталъ, но все-таки почтенную и достойную его. Прусскій король, безъ сомнѣнія, не далъ бы герцогу Орлеанскому руки которой бы то ни было изъ своихъ дочерей. Но онъ готовъ былъ поддерживать французскаго короля по вопросу о бракѣ съ какой-либо второстепенной принцессой, стоявшей съ нимъ самимъ въ довольно близкомъ родствѣ. И дѣйствительно, благодаря его ста-

[1]) Людовикъ Бонапартъ, управлявшій впослѣдствіи Франціей подъ именемъ Наполеона III, былъ третьимъ сыномъ Людовика Бонапарта, брата Наполеона, и Гортензіи Богарнэ. Онъ родился въ Парижѣ 20 апрѣля 1808 года. Изъ его двухъ братьевъ, старшій умеръ совсѣмъ молодымъ въ 1807 г.; второй (тотъ, съ которымъ онъ принималъ участіе въ Романьскомъ возстаніи), тоже умеръ бездѣтнымъ, вскорѣ послѣ этого возстанія (1831).—Онъ былъ арестованъ за попытку возмутить страсбургскій гарнизонъ. Іюльское правительство, совершенно простодушно, отпустило его на волю и отправило въ Америку, откуда онъ, какъ видно будетъ дальше, немедленно вернулся въ Европу и сталъ составлять новый заговоръ.

раніямъ и несмотря на русскія интриги и протестъ великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, старшему сыну Людовика-Филиппа удалось добиться руки сестры этого монарха, близкой родственницы прусскаго короля [1]); бракъ этотъ состоялся 30 мая 1837 г.

Фридрихъ-Вильгельмъ надѣялся посредствомъ этого брака установить болѣе тѣсныя и выгодныя для своего правительства отношенія съ дворомъ Людовика-Филиппа. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что этотъ бракъ доставитъ ему значительное увеличеніе его вліянія въ Германіи и поможетъ ему въ борьбѣ съ Австріей.

Увѣренія въ дружбѣ, полученныя кабинетомъ Молэ изъ Вѣны и Берлина, въ результатѣ своемъ, ободрили іюльское правительство и сдѣлали его болѣе смѣлымъ по отношенію къ Англіи. Если оно ограничивалось въ испанскихъ дѣлахъ осторожнымъ подкапываніемъ подъ министерство Калатравы, то въ алжирскомъ вопросѣ оно выступило съ гораздо большею предпріимчивостью. Послѣ пораженія при Константинѣ (ноябрь 1836 г.) и громадныхъ уступокъ, сдѣланныхъ Абдъ-эль-Кадеру по договору въ Тафнѣ (май 1837 г.), оно рѣшило сдѣлать въ Алжирѣ новую и рѣшительную попытку (конецъ 1837 года). Константина была вторично осаждена и, наконецъ, взята приступомъ (13 октября); вмѣстѣ съ нимъ немедленно подпала подъ нашу власть и вся прилежащая къ ней провинція. Турецкое правительство собралось, было, послать черезъ Тунисъ вспомогательныя войска, но французская эскадра загородила Дарданеллы и заставила Порту отказаться отъ своего намѣренія. Одновременно, Франція воспользовалась своимъ вліяніемъ въ Египтѣ и болѣе энергично, чѣмъ когда-либо, стала побуждать Мегемета-Али добиваться наслѣдственнаго владѣнія надъ всѣмъ Египтомъ и сосѣдними провинціями.

Само собой разумѣется, что политика Людовика-Филиппа раздражала Англію и что Пальмерстонъ, съ своей стороны, не дремалъ. Въ Испаніи, британское правительство всѣми силами поддерживало Калатраву, снабжало Марію-Христину всякаго рода подкрѣпленіями и поддерживало кортесовъ, которые, въ іюнѣ 1837 года, вотировали конституцію, безъ сомнѣнія менѣе демократическую, чѣмъ конституція 1812 года, но, во всякомъ

[1]) Елена-Луиза-Елизавета Мекленбургъ-Шверинская родилась въ Людвигслустѣ 24 января 1814 г. Отъ брака ея съ герцогомъ Орлеанскимъ у нея было два сына: графъ Парижскій, родившійся 24 августа 1838 г., и герцогъ Шартрскій, родившійся 9 ноября 1840 г. Она умерла въ Ричмондѣ, въ Англіи, 18 мая 1858 г.

случаѣ, рѣзко противорѣчившую принципамъ крайнихъ консерваторовъ и совѣтамъ французскаго посла, Латуръ-Мобурга [1]). На поведеніе британскаго кабинета нисколько не повліяли ни смерть короля Вильгельма IV (20 іюня 1837 г.), ни восшествіе на престолъ королевы Викторіи. Лордъ Мельбурнъ, къ которому эта молодая королева питала и довѣріе, и привязанность,— остался первымъ министромъ; фактически, власть осуществлялась Пальмерстономъ, болѣе чѣмъ когда-либо могущественнымъ. Поэтому, вліяніе Англіи въ Мадридѣ не только не уменьшалось, но даже увеличивалось; авторитетъ же Франціи, напротивъ, съ каждымъ днемъ все падалъ. Вскорѣ Марія-Христина принуждена была призвать къ власти и облечь чуть что не диктаторскими полномочіями (августъ 1837 г.) генерала, открыто покровительствуемаго лондонскимъ дворомъ. Одновременно съ главнымъ начальствомъ надъ войсками, Эспартеро (такъ звали этого генерала) [2]) забралъ въ свои руки и административную власть. Съ этого момента междоусобная война, имѣвшая дотолѣ нерѣшительный характеръ, приняла благопріятный для конституціоннаго дѣла поворотъ. Бискайское побережье, черезъ которое Донъ Карлосъ прежде получалъ постоянную поддержку отъ трехъ сѣверныхъ державъ, охранялось теперь англійскимъ флотомъ. Кампанія 1838 года была очень благопріятна для Christinos (сторонниковъ Христины), на всѣхъ пунктахъ оттѣснившихъ карлистовъ; въ началѣ 1839 года, безпорядокъ и уныніе, овладѣвшіе войсками претендента, дали возможность надѣяться на близкую и рѣшительную побѣду конституціонной партіи. Но такой исходъ, очевидно, долженъ былъ быть гораздо выгоднѣе для Англіи, чѣмъ для Франціи, и Пальмерстонъ надѣялся, при помощи Эспартеро, еще надолго удержать Испанію въ зависимости отъ Англіи.

Противодѣйствіе британскаго кабинета іюльской монархіи не

---

[1]) Латуръ-Мобургъ (Арманъ-Карлъ-Септимъ де Фэи, графъ), родился въ Пасси въ 1801 году; повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ въ 1830 г.; полномочный посланникъ въ Брюсселѣ (1832); посолъ въ Мадридѣ (1836); въ Римѣ (1837); пэръ Франціи (1841); умеръ въ 1845 г.

[2]) Эспартеро (Бальдомеро) родился въ Гранатулѣ (въ Ла-Манчѣ) 27 февраля 1792 г.; генералъ-губернаторъ въ Бискайѣ отъ имени Маріи-Христины въ 1834 г.: главнокомандующій сѣверной арміей, вице-король Наварры и намѣстникъ баскскихъ провинцій (1837); членъ учредительныхъ кортесовъ 1837 г.; назначенъ грандомъ перваго класса и получилъ титулъ герцога Викторіа послѣ его рѣшительныхъ успѣховъ надъ карлистами (1839); регентъ Испаніи (8 мая 1841 г.); низложенъ Нарваэсомъ и вынужденъ скрыться въ Англіи (іюль 1843 г.); президентъ совѣта министровъ съ 1854—1856; перешелъ на сторону короля Амедея, давшаго ему титулъ князя Вергара (январь 1872); умеръ въ Логроньо 9 января 1879 г.

ограничивалось однимъ только Пиренейскимъ полуостровомъ. Оно распространялось на всю Европу и даже на Новый Свѣтъ. Когда, въ началѣ 1838 года, министерство Молэ обратилось къ правительствамъ Ла-Платы и Мексики съ совершенно справедливыми требованіями по поводу насилій и грабежей, учиненныхъ надъ нѣкоторыми изъ нашихъ соотечественниковъ,—Англія, трепетавшая при мысли, что мы соединимся съ канадцами, находившимися въ этотъ моментъ въ открытомъ возстаніи [1]), причинила намъ въ Буэносъ-Айресѣ и въ Мексикѣ столько затрудненій, что наилучшая часть нашихъ морскихъ силъ цѣлый годъ простояла безрезультатно въ устьѣ Ріо-де-ла-Платы и по близости Вера-Круца [2]). Въ Европѣ же кабинетъ Мельбурна громче, чѣмъ когда-либо, говорилъ о сердечномъ согласіи съ Франціей. Онъ принялъ съ необыкновенными почестями маршала Сульта, представителя Людовика-Филиппа на коронаціи королевы Викторіи (іюнь 1838 г.); но, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ, не безъ намѣренія, позволилъ Людовику-Бонапарту, изгнанному изъ Швейцаріи по волѣ министерства Молэ [3]), поселиться въ Лондонѣ, гдѣ ему было гораздо легче, чѣмъ въ Аренсбургѣ или въ Бернѣ, составлять заговоры противъ іюльскаго правительства. Наконецъ, на востокѣ его неустанная вражда каждый день наносила все болѣе и болѣе чувствительные удары французской политикѣ. Лордъ Понсонби, напримѣръ, побудилъ Порту не только протестовать противъ взятія Константины, но еще и потребовать, путемъ торжественнаго посольства (августъ 1838 г.), признанія оттоманскаго сюзеренитета надъ Алжиромъ. Въ то же самое время, другой британскій агентъ, сэръ Бульверъ [4]), скло-

[1]) Это возстаніе, вызванное недовольствомъ канадцевъ французскаго происхожденія, вспыхнуло въ октябрѣ 1837 г. Поддерживаемое Соединенными Штатами, доставлявшими волонтеровъ, оно было подавлено только къ концу 1838 года.

[2]) Мексиканское правительство отказалось удовлетворить нанесенный французскимъ купцамъ ущербъ; контръ-адміралъ Боденъ и принцъ Жуанвиль, во главѣ французской эскадры, подвергли бомбардированію Сенъ-Жанъ д'Уллоа (27 ноября 1838 г.). Мексиканскій кабинетъ далъ удовлетвореніе парижскому договоромъ 9 марта 1839 г.— Въ томъ же 1838 году, послѣ неоднократныхъ жалобъ на насиліе, учиненное надъ ея подданными диктаторомъ аргентинской республики, Розасомъ, Франція объявила блокаду Ла-Платы; эта блокада продержалась до 1849 года.

[3]) Онъ появился тамъ опять въ 1837 г. Молэ, сильно подстрекаемый Меттернихомъ, не безъ угрозъ потребовалъ отъ швейцарскаго правительства его изгнанія; нѣкоторое время, оно отказывалось исполнить это требованіе, но затѣмъ дало понять принцу Наполеону о необходимости удалиться. Тогда этотъ послѣдній уѣхалъ въ Лондонъ, 20 сентября 1838 г.

[4]) Бульверъ (сэръ Генри Литтонъ, баронъ Даллингъ и Бульверъ) родился въ 1804 г.; атташе посольства въ Берлинѣ (1827), затѣмъ въ Вѣнѣ и въ Гаагѣ, посланъ съ осо-

нилъ Махмуда къ заключенію съ лондонскимъ дворомъ торговаго трактата, по которому Англія получила возможность не только участвовать почти во всѣхъ выгодахъ, которыми пользовалась въ турецкой имперіи Россія, но еще и уничтожить или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабить Мегемета-Али. За египетскимъ пашей грозно слѣдили. Пальмерстонъ сообщилъ ему, что Великобританія будетъ поддерживать султана, если онъ подниметъ оружіе противъ послѣдняго. Въ то же самое время, Англія готовилась занять Аденъ, въ ожиданіи возможности наложить свою руку и на Суэцскій перешеекъ.

§ 6. Изъ предъидущаго видно, что англо-французскій союзъ если и не былъ еще офиціально расторгнутъ, то существовалъ, такъ сказать, только на бумагѣ. Іюльское правительство могло ожидать для себя отъ Англіи только непріятностей. Извѣстно, съ другой стороны, какое недоброжелательное положеніе занимало по отношенію къ нему русское правительство. Для успѣшной борьбы съ этими двумя могущественными державами, все болѣе и болѣе склонявшимися къ союзу противъ Франціи, министерство Молэ разсчитывало на помощь Пруссіи и Австріи. Но это была наивная иллюзія; въ то самое время, которое мы описываемъ теперь, эти два двора выражали непреклонностью своихъ требованій — такія чувства къ Франціи, которыя были очень далеки отъ искренней дружбы. Выше [1]) мы видѣли, что, согласно конвенціи 21 мая 1833 года, нидерландскій король обязался воздерживаться отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Бельгіи. Но въ этой конвенціи еще не имѣлось офиціальнаго признанія независимости этой страны въ границахъ, опредѣленныхъ для нея трактатомъ двадцати четырехъ статей. Уже почти пять лѣтъ тянулъ онъ переговоры и, казалось, ждалъ такого политическаго событія, которое дало бы ему возможность отвоевать потерянное,—какъ вдругъ, въ мартѣ 1838 г., Европа узнала, что онъ заявилъ о согласіи дать, наконецъ, свою подпись. Эта запоздалая уступчивость была, безъ сомнѣнія, внушена ему прусскимъ правительствомъ, которое до сихъ поръ поощряло

бымъ порученіемъ въ Брюссель, въ 1830 г.; членъ палаты общинъ съ 1831—1832 и съ 1834—1837 г.; секретарь посольства въ Брюсселѣ (1835), затѣмъ въ Константинополѣ (1837) и въ Парижѣ (1839); полномочный посланникъ въ Испаніи (1843—1848), въ Соединенныхъ Штатахъ (1849—1852) и въ Тосканѣ (1852—1855); затѣмъ уполномоченный въ Турціи и въ дунайскихъ княжествахъ; посолъ въ Константинополѣ (1858); назначенъ пэромъ (1872); умеръ въ Неаполѣ 23 мая 1872 года.

[1]) Стр. 313.

его къ сопротивленію, а теперь стало торопить окончательнымъ разрѣшеніемъ бельгійскаго вопроса. Берлинскій дворъ только-что передъ тѣмъ вызвалъ—усердіемъ къ протестантизму и жестокимъ отношеніемъ къ католическому духовенству [1]—сильное волненіе въ прирейнской Пруссіи, гдѣ, какъ извѣстно, преобладаютъ католики. Отъ Кельна до Трира и до Ахена, населеніе стало волноваться въ борьбѣ за религію. Фридрихъ-Вильгельмъ и его министры стали бояться, что указанное недовольство можетъ перейти въ возстаніе, и что прирейнское населеніе можетъ присоединиться къ бельгійцамъ (тоже католикамъ!), которые, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, воспользуются случаемъ расширить свое государство на счетъ враждебной имъ державы. Поэтому, нидерландскій король, видя, что отъ нихъ нечего больше ожидать, безропотно подписалъ двадцать четыре статьи. Но теперь, по легко понятному повороту политики, Бельгія стала отвергать этотъ договоръ. Брюссельскія палаты были взволнованы и надѣялись на возможность новой революціи и новыхъ захватовъ въ бассейнѣ Рейна. Онѣ не говорили объ этомъ. Но онѣ говорили о томъ, что не имѣютъ права передать нидерландскому королю тѣ части Люксембурга и Лимбурга, отъ которыхъ, по договору, Леопольдъ долженъ былъ отказаться. Тамъ было бельгійское населеніе, желавшее остаться таковымъ; можно ли было предать ихъ? Кромѣ того, брюссельское правительство требовало, чтобы его долгъ Голландіи былъ значительно уменьшенъ, въ виду послѣдовавшаго увеличенія военныхъ налоговъ, вызванныхъ въ Бельгіи долгими колебаніями гаагскаго двора. Оно отлично знало, что парижскій дворъ будетъ поддерживать его. И въ самомъ дѣлѣ, Людовикъ-Филиппъ, а равно и Молэ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, никогда не перестававшаго протестовать во Франціи противъ договора двадцати четырехъ статей, повидимому, былъ готовъ не отказать Бельгіи въ своей поддержкѣ.

Пять великихъ державъ снова открыли въ іюнѣ 1838 г.

[1]) Фридрихъ-Вильгельмъ III, ревностный сторонникъ евангелической церкви, которую онъ основалъ въ 1817 г., уже давно мечталъ объ обращеніи въ протестантство всѣхъ его католическихъ подданныхъ. Такого результата онъ разсчитывалъ добиться, въ особенности, путемъ смѣшанныхъ браковъ. Весьма живое противодѣйствіе, оказанное кельнскимъ архіепископомъ, Дростомъ фонъ-Вишерингомъ, этого рода бракамъ, — повлекло за собою заключеніе его въ тюрьму (20 ноября 1837 г.) и другія довольно жестокія мѣры. Отвѣтомъ на эти мѣры былъ протестъ папы и народное волненіе, быстро распространившееся вплоть до польскихъ провинцій королевства, гдѣ съ католическимъ духовенствомъ обращались также очень плохо. Это волненіе продолжалось до 1840 года, т.-е. до дня восшествія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV; онъ оказался гораздо болѣе миролюбивымъ, чѣмъ его предшественникъ.

лондонскую конференцію. И тогда французское правительство замѣтило, что оно является и останется единственнымъ защитникомъ бельгійскихъ притязаній. Англія, заключивъ ноябрскій договоръ 1831 г. съ цѣлью противодѣйствовать Франціи, была менѣе, чѣмъ когда либо, расположена перемѣнить свое рѣшеніе въ угоду ей. Царь ненавидѣлъ бельгійцевъ и не могъ простить Леопольду того, что онъ поручилъ важные военные посты изгнаннымъ въ 1831 г. польскимъ офицерамъ. Прусскій король старался не только сохранить свою прирейнскую провинцію, но и обезопасить ее отъ франко-бельгійскаго вліянія путемъ отнятія отъ Бельгіи Маастрихта и Люксембурга. Наконецъ, австрійскій дворъ былъ солидаренъ съ берлинскимъ и поддерживалъ права германской конфедераціи на спорныя территоріи. Въ виду подобной оппозиціи, Людовикъ-Филиппъ и Молэ, какъ и много разъ прежде, уступили, и, послѣ шестимѣсячныхъ переговоровъ, конференція закончила свои работы протоколомъ 11 декабря, согласно которому Бельгія, правда, получила значительное уменьшеніе долга, но зато окончательно должна была отказаться отъ спорныхъ провинцій. Часть Люксембурга, уступленная нидерландскому королю, и часть Лимбурга, предоставленная ему въ вознагражденіе за уступленныя провинціи, были торжественно признаны составными частями германской конфедераціи. Французское правительство, несмотря на все свое неудовольствіе, ратификовало этотъ договоръ въ январѣ 1839 г., и 19 апрѣля, король Леопольдъ, послѣ парламентской бури, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль волновавшей Брюссель, принужденъ былъ подписать его [1]).

Неудача, понесенная Людовикомъ-Филиппомъ въ бельгійскомъ вопросѣ, дала себя сильно почувствовать во Франціи. Противники іюльской монархіи упрекали ее по этому поводу, съ необычайною яростью, въ томъ, что она позволила оскорбить свой флагъ. Но съ еще большей ожесточенностью и, можетъ быть, съ еще большей несправедливостью нападали они на нее по поводу эвакуаціи Анконы, состоявшейся около того же времени (декабрь 1838 г.); по этому вопросу, Людовикъ-Филиппъ едва ли былъ въ чемъ виновенъ. Іюльская Франція одобрила занятіе этой крѣпости. Она съ гордостью смотрѣла на то, что ея флагъ

[1]) Три трактата, подписанныхъ въ Лондонѣ въ тотъ же день (19 апрѣля 1839 г.), окончательно разрѣшили бельгійскій вопросъ: первый былъ заключенъ между Бельгіей и Нидерландами; второй—между Бельгіей и пятью великими державами; третій являлся актомъ приступленія германской конфедераціи къ выработаннымъ соглашеніямъ.

развѣвался въ Италіи — какъ явный протестъ противъ австрійской гегемоніи и духа Священнаго Союза. Она надѣялась, что флагъ этотъ долго еще будетъ развиваться тамъ. Но читатель пойметъ, что вѣнскій дворъ и папскій престолъ приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы удалить его. Такъ, Меттернихъ, только-что передъ тѣмъ сопровождавшій императора Фердинанда въ Миланъ и выяснившій, послѣ изслѣдованія положенія дѣлъ на полуостровѣ, что Австрія достаточно сильна въ Италіи и можетъ, безъ опасности для себя, эвакуировать Легатства, — вдругъ объявилъ (октябрь 1838 г.) французскому правительству о своемъ намѣреніи перевести обратно за По тѣ войска, которыя еще находились въ этой провинціи. Іюльское королевство, связанное апрѣльской конвенціею 1832 г., не могло отказаться исполнить это требованіе, не нарушивъ своего слова. Поэтому, оно исполнило свое обѣщаніе. Но оно не скрывало отъ себя того, что эвакуація Анконы сильно походила на отступленіе, и что враги Франціи легко могли изобразить ее выходящею изъ Италіи только въ угоду австрійскому правительству. Поэтому, желая смягчить позорный характеръ этого отступленія, Молэ потребовалъ, было, чтобы папа или даровалъ своимъ подданнымъ какія-нибудь либеральныя реформы, или же согласился изъявить французскому правительству нѣкоторую благодарность. Но Григорій XVI, по наущенію австрійскаго двора, отказалъ ему какъ въ томъ, такъ и въ другомъ удовлетвореніи. Изъ этого видно, что Людовикъ-Филиппъ и его министры получили въ Вѣнѣ, въ результатѣ своихъ заискиваній, столь же мало выгоды, какъ и въ Берлинѣ.

Вскорѣ послѣ этого министерство Молэ пало (мартъ 1839 г.) подъ гнетомъ той непопулярности, которую создала ему его внѣшняя политика. Самъ Людовикъ-Филиппъ тоже лишился довѣрія всѣхъ партій, такъ что въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ ему невозможно было составить кабинетъ. Только возмущеніе 12 мая 1839 г. [1]) дало ему, наконецъ, возможность сформировать, подъ предсѣдательствомъ маршала Сульта [2]), хоть какой-

[1]) Это движеніе, организованное республиканскимъ Обществомъ временъ года, происходило подъ руководствомъ отважныхъ заговорщиковъ, которые должны были снова появиться на сценѣ въ 1848 г. (Барбэ, Бланки, Мартинъ Бернаръ). Оно было, впрочемъ, подавлено въ нѣсколько часовъ.

[2]) Сультъ (Николай-Жанъ-де-Дьё) родился въ Сенъ-Аманъ-ла-Бастидѣ (Тарнъ) 29 марта 1769 г.; волонтеръ (1785), унтеръ-офицеръ (1790), бригадный генералъ (1794), дивизіонный генералъ (1799), фельдмаршалъ (1804), герцогъ Далматинскій (1807); извѣстенъ своимъ участіемъ въ аустерлицкой, іенской, эйлауской и др. побѣдахъ и искуснымъ командованіемъ въ Испаніи и на югѣ Франціи съ 1808—1814 г.; военный министръ съ 4 декабря 1814 г. по 11 марта 1815 г.; въ эпоху

нибудь кабинетъ. Да и тотъ былъ обреченъ на очень краткое существованіе, ибо въ немъ не было предводителей парламентской коалиціи, низвергшей Молэ [1]); онъ долженъ былъ поэтому, рано или поздно, имѣть, въ лицѣ ихъ, ярыхъ противниковъ. Новый кабинетъ, впрочемъ, съ самаго начала очутился въ борьбѣ съ очень большими трудностями. Восточный вопросъ, уже давно волновавшій Европу, теперь разворачивался во всемъ своемъ объемѣ, и Франція, съ давнихъ поръ находясь въ ссорѣ съ сѣверными державами, а теперь порвавъ и съ Англіей,—очевидно, обрекала себя на полное одиночество и безсиліе.

———

Ста дней перешелъ на сторону Наполеона, которому онъ служилъ въ качествѣ штабнаго генерала при Ватерлоо; изгнанъ 12 января 1816 г.; прощенъ въ 1819 г.; назначенъ пэромъ Франціи Карломъ X, что не помѣшало ему привѣтствовать Людовика-Филиппа послѣ іюльскихъ дней; военный министръ (1830) и президентъ совѣта съ 11 октября 1832 г. до 18 іюля 1834 г.; снова приглашенъ стать во главѣ министерства и получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ (12 мая 1839 г.—1 марта 1840 г.); въ третій разъ (29 октября 1840 г.) назначенъ президентомъ совѣта съ портфелемъ военнаго министра (сложилъ съ себя эту должность 11 ноября 1845 г.); уволенъ въ отставку 10 сентября 1847 г.; назначенъ Людовикомъ-Филиппомъ генералъ-фельдмаршаломъ (1847); умеръ въ замкѣ Сульбергѣ, по близости Сенъ-Аманъ-ла-Бастиды, 26 ноября 1851 года.

[1]) Гизо, Тьеръ, Беррье, Могенъ, Дювержье-де-Оранъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Наполеонъ мира [1]).

§ 1. Восточный кризисъ и проектъ созванія конференціи.—§ 2. Абдулъ-Меджидъ и нота 27 іюля 1839 г.—§ 3. Сближеніе Россіи съ Англіей.—§ 4. Тьеръ и Пальмерстонъ; трактатъ 15 іюля.—§ 5. Война или миръ?—§ 6. Кабинетъ 29 октября; трудное начало политической дѣятельности Гизо. — § 7. Конецъ кризиса; договоръ о проливахъ.

(1839—1841).

§ 1. Одряхлѣвшій ранѣе времени султанъ Махмудъ не хотѣлъ умереть, не отомстивъ Мегемету-Али. Не довольствуясь возбужденіемъ возстанія противъ него въ Сиріи, онъ пригото-

[1]) Источники: Blanc (L.), Histoire de dix ans, t. V;—Berryer, Discours parlementaires;—Bulwer, Life of Palmerston, t. II et III;—Gadalvène (de) et Barrault (E.), Deux années de l'histoire de l'Orient, 1839—1840;—Canitz-Dallwitz (баронъ), Denkschriften, t. I et. II; — Capefigue, l'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe, t. X; — Correspondence relative to the affairs of the Levant;—Duvergier de Hauranne, l'État actuel de l'Angleterre (Revue des Deux Mondes, 1-er septembre 1840); de l'Alliance anglo-française et de l'ouverture du parlement anglais (Revue des Deux Mondes, 15 février 1841); de la Dernière Session du parlement et du nouveau ministère (Revue des Deux Mondes, 1-er août 1841); de la Convention du 13 juillet 1841 et de la situation actuelle de la France; Question d'Orient (Revue des Deux Mondes, 1-er septembre 1841);—Faucher (L.), la Question d'Orient d'après les documents anglais (Revue des Deux Mondes, 15 novembre, 1-er et 15 décembre, 1841);—Gréville (Ch.), Mémoires, t. I et II;—Guizot, Mémoires, t. V et VI;—Haussonville (графъ), Histoire de la politique extérieure du gouvernement français, t. I;—Hillebrand, Geschichte Frankreichs, t. II;—Heine (H.), Lutèce;—Houbbard, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. IV;—Juchereau de Saint-Denis, Histoire de l'empire ottoman;—Lavergne (L. de), Affaires d'Espagne (Revue des Deux Mondes, 1840—1841);—Lesur, Annuaire historique, années 1839—1841;—Mac-Carthy, Histoire contemporaine de l'Angleterre, t. I;—Martin (Théodore), le Prince Albert de Saxe-Cobourg, époux de la reine Victoria, t. I;—Mazade

влялся уже нѣсколько лѣтъ къ тому, чтобы открыто напасть на него, и стягивалъ для этой цѣли въ долину Евфрата грозную армію. Паша также готовился отразить нападеніе турецкихъ полчищъ, открыто обвинялъ своего сюзерена и, не довольствуясь счастливымъ жребіемъ, выпавшимъ на его долю, съ каждымъ днемъ все настойчивѣе требовалъ для своего потомства наслѣдственныхъ правъ надъ обширной созданной имъ имперіей. Великія державы старались сдержать двухъ противниковъ, опасаясь, какъ бы новое столкновеніе на востокѣ не оказало косвеннаго вліянія на европейскія дѣла. Мегеметъ-Али не отказывался подождать; но совершенно иначе обстояло дѣло съ Махмудомъ, который не поколебался открыть военныя дѣйствія, такъ какъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ. 21 апрѣля 1839 г. авангардъ его арміи, подъ начальствомъ Хафиза-паши, перешелъ черезъ Евфратъ. Нѣсколько недѣль спустя вся армія была уже въ Сиріи, и султанъ опубликовалъ торжественное объявленіе войны, предварительно объявивъ своего вассала измѣнникомъ и бунтовщикомъ (7 іюня).

При первомъ же извѣстіи о конфликтѣ, дипломаты переполошились. Они начали съ того, что̀ было для каждаго изъ нихъ наиболѣе важнымъ дѣломъ: Россія вмѣшалась въ константинопольскія дѣла, а остальная Европа стала ей мѣшать. Ункіаръ-Скелесскій договоръ былъ еще въ силѣ, и русскій царь охотно воспользовался бы имъ, чтобы навязать Турціи свое исключительное покровительство. Но другія государства и, въ частности, Англія, не могли предоставить Николаю I свободу дѣйствій. Уже въ маѣ крайне встревоженный всѣмъ происходившимъ, Пальмерстонъ забылъ на время свои антипатіи къ Франціи и предложилъ ей немедленно вступить въ соглашеніе съ Англіей, дабы поставить предѣлъ русской политикѣ. Два союзныя государства должны были бы стянуть свой флотъ къ Дарданелламъ и пройти черезъ проливъ, какъ только около Константинополя покажутся русскіе корабли, хотя бы при этомъ пришлось употребить силу

(Ch. de), Monsieur Thiers;—Merruau (P.), l'Égypte contemporaine;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. VI et VII; — Mouriez, Histoire de Méhémet-Ali;—Napier, Guerre de Syrie;—Peel (Robert), Mémoires; — Ranke (L. von), aus dem Briefwechsel Friedrich-Wilhelms IV mit Bunsen;—Regnault (E.), Histoire de huit ans, t. I;—Saint-René Taillandier, Le roi Léopold et la reine Victoria;—Senior, Conversations with M. Thiers, M. Guizot and other distinguished persons; — Thiers, Discours parlementaires; — Thouvenel (Ed.), Progrès de la Russie dans l'Asie centrale (Revue des Deux Mondes, 15 décembre 1841); — Thureau-Dangin, Histoire de la monarchie de Juillet, t. III et IV etc.

даже противъ самихъ турокъ. Это послужило Людовику-Филиппу прекраснымъ поводомъ для возобновленія „сердечнаго согласія“. Принимая это предложеніе англичанъ, онъ добивался сразу двухъ результатовъ: съ одной стороны, онъ могъ навредить царю, своему исконному врагу; а съ другой—могъ добиться нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу Мегемета-Али, такъ какъ съ этой минуты Пальмерстону было бы трудно не поддержать его въ этомъ направленіи. Поэтому іюльское правительство согласилось послать эскадру въ Архипелагъ, впрочемъ, не присоединяясь къ остальнымъ столь энергичнымъ мѣрамъ, предложеннымъ британскимъ кабинетомъ; этого послѣдняго обстоятельства, между прочимъ, англичане долго не могли простить Франціи. Тюильрійскій дворъ желалъ прежде всего избѣжать войны; а смѣлыя предложенія англичанъ представлялись ему нѣкотораго рода вызывомъ. Къ тому же онъ совсѣмъ не довѣрялъ Англіи. Въ виду всего этого онъ счелъ болѣе благоразумнымъ слѣдовать тѣмъ совѣтамъ, которые исходили не изъ Лондона, а изъ Вѣны. Невозможно было сдѣлать болѣе грубой ошибки.

Меттернихъ предложилъ, въ маѣ 1839 г., созвать въ Вѣнѣ конференцію изъ представителей пяти великихъ державъ; эта конференція должна была обсудить вопросъ о замѣнѣ исключительнаго русскаго протектората надъ Турціей — коллективною европейскою гарантіею. Франція, повидимому, должна была отъ этого выиграть. Но, съ другой стороны, нельзя было не понять того, что подобная конференція не ограничится обсужденіемъ вопроса о проливахъ, а что она возьметъ на себя роль посредника между султаномъ и египетскимъ пашей и не упуститъ случая ослабить Мегемета-Али съ цѣлью укрѣпленія оттоманской имперіи. Іюльское же правительство стремилось, съ одной стороны, устранить съ Босфора русское вліяніе, а съ другой—по возможности усилить египетскаго пашу и распространить на востокѣ его могущество. Въ это время вся Франція сочувствовала планамъ своего правительства. Надѣлавшій много шума докладъ Жоффруа въ Палатѣ депутатовъ, а также и пренія по поводу этого доклада (24 іюня — 1 іюля), выяснили, что Франція, открыто присоединяясь къ Европѣ, желала принять участіе въ конференціи, подавить честолюбивые планы русскаго царя и исполнить долгъ чести, подавъ помощь Мегемету-Али. Все это было высказано такъ задорно, вызывающе и воинственно, что остальныя государства, заинтересованныя въ сохраненіи равновѣсія на востокѣ, не могли не преисполниться серьезныхъ опасеній. Можно было думать, что Франція толкаетъ іюльское пра-

вительство, какъ бы въ отместку за его слишкомъ осторожную политику послѣднихъ лѣтъ,—захватить все въ свои руки и начать предписывать законы Европѣ. Франція, казалось, предполагала осуществить свое издавна затаенное желаніе и отомстить за 1815 г. Французы думали, что насталъ удобный моментъ рискнуть на политику, которой въ 1830 г. убоялся Людовикъ-Филиппъ; нація хотѣла навязать ему эту политику. Но у нихъ не было надежной почвы подъ ногами. Слѣдовало догадаться, прежде чѣмъ ставить этотъ вопросъ на обсужденіе пяти великихъ державъ, что три изъ нихъ (Россія, Англія и Австрія), одинаково враждебно настроенныя противъ Мегемета-Али, войдутъ въ соглашеніе, направленное противъ паши (и, значитъ, противъ Франціи), хотя бы и цѣною крупныхъ взаимныхъ уступокъ;—что Пруссія, изъ страха за Рейнскую область, не только не помѣшаетъ имъ, но даже и сама присоединится къ нимъ. Если, такимъ образомъ, Шомонская комбинація могла быть снова возобновлена,—то можно ли было надѣяться на то, что Людовикъ-Филиппъ будетъ въ состояніи дать ей отпоръ?

Предложеніе Меттерниха было встрѣчено въ Петербургѣ гораздо менѣе сочувственно, чѣмъ въ Парижѣ. Царь не желалъ признать авторитета конференціи, созываемой, повидимому, для того, чтобы отнять у него принадлежавшее ему первенство на востокѣ. Правда, онъ сознавалъ, что, принимая приглашеніе на эту конференцію, онъ нанесетъ смертельный ударъ Франціи. Но ему хотѣлось достигнуть этого результата, не подчиняясь открыто коллективнымъ требованіямъ Европы. Онъ начиналъ думать, что цѣною нѣсколькихъ жертвъ, — притомъ временныхъ,—онъ, вѣроятно, съумѣетъ обезпечить себѣ содѣйствіе британскаго кабинета, враждебно настроеннаго къ Франціи, и такимъ образомъ достигнетъ двойной выгоды: сдѣлаетъ невозможнымъ созданіе коалиціи, направленной противъ него, и нанесетъ чувствительный ударъ Людовику-Филиппу. Въ виду этого онъ отнесся не сочувственно къ проекту созванія конференціи и, наоборотъ, сталъ подготовлять знаменательными уступками частное соглашеніе Англіи съ Россіей.

§ 2. Таково было положеніе дѣлъ въ тотъ моментъ, когда, подобно громовому удару, разнеслись ужасныя вѣсти, полученныя съ Востока. 24 іюня, сынъ Мегемета-Али, Ибрагимъ-паша, атаковалъ при Незибѣ, въ Сиріи, турецкую армію и нанесъ ей полное пораженіе. Шесть дней спустя, даже не получивъ извѣстія о пораженіи, Махмудъ скончался въ Константинополѣ, оставивъ

власть своему шестнадцатилѣтнему сыну Абдулъ-Меджиду [1]; 4 іюля, адмиралъ-паша Ахметъ, изъ личныхъ счетовъ съ великимъ визиремъ, Хозревомъ, дезертировалъ со всѣмъ оттоманскимъ флотомъ. Это послѣднее событіе было тѣмъ болѣе важнымъ, что Францiя, повидимому, была замѣшана въ немъ. Дѣло въ томъ, что іюльское правительство все время выдвигало на первый планъ, точно такъ же какъ и въ 1833 г.,—умиротворяющее вліяніе, будто бы оказываемое имъ на египетскаго пашу. Посланный маршаломъ Сультомъ въ Александрію офицеръ привезъ 27 іюня Ибрагиму, отъ имени Мегемета, приказъ прекратить движеніе впередъ; и Незибскій побѣдитель безпрекословно повиновался. А въ то же время французскій адмиралъ Лаландъ, занимавшій со своей эскадрой выходъ изъ Дарданеллъ, не только не сдѣлалъ никакой попытки задержать Ахмета, но, получивъ свѣдѣнія о его планѣ, помогъ ему обмануть англичанъ и безпрепятственно передать всѣ свои корабли во власть Мегемету-Али. Такимъ образомъ, у Турціи не оставалось болѣе ни арміи, ни флота; противнику же ея, повидимому, было гарантировано прямое содѣйствіе великой державы. Диванъ поспѣшилъ поднести побѣдителю наслѣдственность власти въ Египтѣ. Но старый паша желалъ бо̀льшаго, и турецкіе министры уже собирались сдаться на его усмотрѣніе, какъ вдругъ Меттернихъ рѣшился на средство, позволившее имъ выиграть время. 27 іюля, по иниціативѣ австрійскаго канцлера, была спѣшно составлена и отправлена турецкому правительству нота, подписанная посланниками пяти великихъ державъ. Она гласила такъ: „Нижеподписавшіеся имѣютъ честь извѣстить Блистательную Порту, во исполненіе инструкцій, полученныхъ ими отъ своихъ правительствъ,—что солидарность пяти великихъ державъ по восточному вопросу является обезпеченною, и что поэтому имъ поручено просить Блистательную Порту воздержаться отъ принятія безъ ихъ содѣйствія какихъ бы то ни было окончательныхъ рѣшеній и выжидать тѣхъ результатовъ, которые должны быть слѣдствіемъ сочувствія державъ къ дѣламъ Порты“.

Этимъ знаменитымъ актомъ Турція была поставлена, пока что̀, подъ коллективное покровительство Европы. Какое бы то ни было соглашеніе непосредственно между султаномъ и его вассаломъ становилось невозможнымъ. Что у Австріи, первой, явилась такая идея—представляется весьма естественнымъ; что Англія съ поспѣшностью подписалась подъ актомъ,—тоже является до-

---

[1]) Родился 20 апрѣля 1823 г., въ Константинополѣ, гдѣ и умеръ 25 іюня 1861 г.

вольно понятнымъ; что Пруссія, мало заинтересованная въ этомъ вопросѣ, дала свое согласіе, дабы не итти на встрѣчу европейскому концерту,—можно, пожалуй, допустить; что Россія въ это время не противилась,—не удивительно, такъ какъ ей было необходимо немедленно остановить Мегемета-Али, каковы бы ни были ея тайныя намѣренія. Но можно спросить себя съ удивленіемъ, почему Франція, безъ колебанія, соединилась со своими врагами въ тотъ моментъ, когда они навязывали свою волю ея друзьямъ. Объяснить эту ошибку можно только ссылкой на усвоенную іюльской дипломатіей привычку вести на Востокѣ двусмысленную политику, въ концѣ концовъ приведшую ее къ гибели. Людовикъ-Филиппъ и его министры стояли за то, что Франція не должна отдѣляться отъ европейскаго концерта. Къ тому же имъ казалось невиннымъ и не опаснымъ то соглашеніе, въ которое они вступали съ остальными великими державами. Египетскій паша только-что передъ тѣмъ одержалъ блестящую побѣду, и они искренно считали его непобѣдимымъ. По ихъ мнѣнію, никакая конференція не могла помѣшать ему сохранить въ своей власти завоеванныя территоріи и получить ту наслѣдственность власти, изъ-за которой онъ началъ войну. Поэтому они считали неблагоразумнымъ вступать въ открытую борьбу со всею Европой, находя, что, рано или поздно, она признаетъ совершившійся фактъ и дастъ полное удовлетвореніе Мегемету-Али. Ниже будетъ видно, что это была съ ихъ стороны странная ошибка, и что за нее они дорого поплатились.

§ 3. Первымъ результатомъ знаменитой ноты было то, что Англія, не имѣя болѣе повода бояться исключительнаго вліянія Россіи въ Константинополѣ, направила свое вниманіе на Александрію и всецѣло посвятила себя борьбѣ съ Мегеметомъ-Али, т.-е. съ Франціей. Пальмерстонъ старался свести на нѣтъ могущество паши. Но не надѣясь на совершенный успѣхъ, онъ старался, по крайней мѣрѣ, ограничить его власть предѣлами Египта. Онъ не соглашался даже на то, чтобы пашѣ была предоставлена наслѣдственная власть. Въ виду этого, Пальмерстонъ предложилъ (въ августѣ 1839 г.) формально обратиться къ нему съ категорическимъ ультиматумомъ въ указанномъ смыслѣ и употребить противъ Мегемета-Али самыя серьезныя мѣры принужденія, если тотъ не уступитъ. Три сѣверныя державы не задумались принять эту программу. Но Франція отвѣтила на нее (августъ—сентябрь) такими предложеніями, которыя привели въ ужасъ главу Foreign Office'а. Въ самомъ дѣлѣ, кабинетъ Суль-

та не довольствовался тѣмъ, что протестовалъ противъ понужденія Мегемета къ отступленію; онъ еще открыто поддерживалъ требованія, поставленныя отъ его имени, на признаніе наслѣдственности его власти надъ Египтомъ и надо всѣми другими владѣніями. Переписка между лондонскимъ и парижскимъ дворами сразу сдѣлалась весьма натянутой, и газеты, съ обѣихъ сторонъ, стали подливать масла въ огонь.

Русскій императоръ не безъ злорадства наблюдалъ за увеличеніемъ этого разногласія. Ему казалось, что наступило удобное время начать непосредственные переговоры съ Англіей, окончательно поссорить ее съ Франціей и вмѣстѣ съ ней одной разрѣшить восточный вопросъ, не заботясь объ остальной Европѣ. 15 сентября прибылъ въ Лондонъ русскій дипломатъ, баронъ Бруновъ [1]), которому было поручено сообщить министерству Мельбурна основные принципы соглашенія, задуманнаго его государемъ. Переговоры между Пальмерстономъ и имъ тотчасъ же были начаты. Посланникъ царя объявилъ, что его государь вполнѣ раздѣляетъ взгляды англійскаго правительства относительно будущаго положенія паши и средствъ понужденія. Кромѣ того онъ предлагалъ не возобновлять Ункіаръ-Скелесскаго трактата, срокъ котораго истекалъ черезъ два года. Но онъ просилъ, чтобы, въ случаѣ если Портѣ понадобится помощь, — одной Россіи было позволено оказывать таковую на Черномъ морѣ и въ проливахъ; остальныя же державы обязывались бы поддерживать Россію — въ случаѣ надобности — своими флотами внѣ Дарданеллъ; онъ соглашался, кромѣ того, въ случаѣ военнаго вмѣшательства въ дѣла султана, дѣйствовать отъ имени всей Европы и какъ бы по ея полномочію, а не отъ имени Россіи.

Пальмерстонъ такъ сильно желалъ унизить Францію, что безъ оговорокъ принялъ бы предложеніе, сдѣланное Бруновымъ. Но вмѣстѣ съ нимъ въ министерствѣ находились политики, менѣе пылкіе (Голландъ, Рэссель, Кларендонъ), которые, съ одной стороны, жалѣли о происшедшемъ между западными государ-

[1]) Бруновъ (Эрнестъ-Филиппъ, баронъ) родился въ Дрезденѣ 31 августа 1796 г. въ знатной курляндской семьѣ; секретарь посольства въ Лондонѣ съ 1820 г. по 1823 г.; совѣтникъ посольства въ Константинополѣ, при Орловѣ, въ Гаагѣ, потомъ въ Лондонѣ; статскій совѣтникъ (1830 г.); полномочный министръ въ Вюртембергѣ (1839 г.); немного времени спустя посланъ со спеціальной миссіей въ Англію; русскій посолъ въ Лондонѣ съ 1840 г. по 1854 г., полномочный министръ при германскомъ союзѣ (1855 г.); представитель Россіи на Парижскомъ конгрессѣ (1856 г.); полномочный министръ въ Берлинѣ (10 февраля 1857 г.); посолъ въ Лондонѣ съ 1858 г. по 1874 г. умеръ въ Дармштадтѣ въ апрѣлѣ 1875 г.

ствами охлажденіи, а съ другой — считали русскую дружбу, предложенную царемъ на такихъ условіяхъ, чрезвычайно дорогой. Посланникъ императора Николая I, въ общемъ, не сумѣлъ заключить тотъ договоръ, ради котораго онъ пріѣхалъ, и отправился въ октябрѣ домой за новыми инструкціями. Въ этотъ моментъ кабинетъ Сульта имѣлъ возможность безъ особаго униженія примириться съ министерствомъ Мельбурна. Это послѣднее шло на уступки, несмотря на все противодѣйствіе Пальмерстона. Оно предложило оставить пашѣ наслѣдственную власть не только надъ Египтомъ, но также и надъ Акрскимъ пашалыкомъ [1]). Согласиться на это было бы очень удачною мыслью. Меттернихъ и Вертеръ, отъ имени Австріи и Пруссіи, совѣтовали, въ октябрѣ и декабрѣ 1839 г., Людовику-Филиппу принять это предложеніе. Но въ этотъ моментъ ни самъ Людовикъ-Филиппъ, ни его министры не рискнули послѣдовать подобному совѣту. Во Франціи раздраженіе противъ Англіи было еще черезчуръ сильно. Наше оскорбленное самолюбіе не могло простить Англіи захвата въ свои руки политики въ Испаніи, гдѣ,—въ лицѣ Эспартеро,—она руководила дѣйствіями Маріи-Христины [2]); кромѣ того, мы обвиняли Англію, и не безъ основаній, въ соучастіи съ Абдъ-ель-Кадеромъ, который, какъ разъ въ это время (ноябрь), снова взялся за оружіе въ Алжирѣ. Кабинетъ Сульта, а также и Людовикъ-Филиппъ сознавали свою непопулярность и не хотѣли увеличивать ее. Впрочемъ, они не допускали мысли, чтобы Англія когда-либо могла прійти къ соглашенію съ Россіей по восточному вопросу. Они продолжали, кромѣ того, держаться убѣжденія, что Мегеметъ-Али не уступитъ силѣ. Наконецъ, Людовикъ-Филиппъ надѣялся на дружбу Австріи и Пруссіи, ради которой онъ такъ многимъ пожертвовалъ, и не допускалъ, что она можетъ измѣнить ему въ рѣшительный моментъ. По всѣмъ этимъ причинамъ французское правительство и продолжало поддерживать свою прежнюю египетскую программу. Тьеръ, готовясь встать во главѣ министерства, сказалъ въ палатѣ депутатовъ (январь 1840 г.) сильно нашумѣвшую рѣчь, въ которой онъ высказалъ себя,—безъ сомнѣнія болѣе горячо, чѣмъ искренно,—

[1]) За исключеніемъ города того же имени.

[2]) Донъ Карлосъ, оставленный главою своихъ приверженцевъ, Марото, вынужденъ былъ въ сентябрѣ бѣжать во Францію; іюльское правительство поселило его въ Буржѣ. Карлистская партія, состоявшая не болѣе какъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, боролась только изъ чести, подъ начальствомъ Кабреры, и занимала лишь нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ въ Аррагоніи и Каталоніи, откуда Эспартеро не замедлилъ ихъ прогнать (1839—1840 г.г.).

сторонникомъ дружбы съ Англіей; онъ утверждалъ, что если Франція откажетъ въ поддержкѣ Мегемету-Али, то она перестанетъ быть великою державою и погубитъ свои наиболѣе важные интересы. Изъ его словъ можно было вывести то заключеніе, что, по его мнѣнію, правительство сдѣлало ошибку, связавъ себѣ руки нотою 27 іюня и что оно сдѣлало бы хорошо, если бы возвратило себѣ свободу дѣйствій, хотя бы и не отказываясь окончательно отъ своихъ словъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что Брунновъ возвратился въ Лондонъ и предложилъ отъ имени своего императора сдѣлать новыя важныя уступки, относительно проливовъ [1]). Но Франція была совершенно ослѣплена. Она добивалась или всего, или ничего. По крайней мѣрѣ, таковъ былъ смыслъ очень надменной ноты, отправленной маршаломъ Сультомъ Пальмерстону (26 января). Нѣсколько дней спустя, правительство сочло нужнымъ замѣнить въ Лондонѣ своего посла, Себастьяни [2]), слишкомъ, по его мнѣнію, мягкаго и колеблющагося,—новымъ посломъ, Гизо, который казался болѣе рѣшительнымъ и держался въ то время египетской программы (5 февраля). Инструкціи, данныя этому представителю Франціи, предписывали ему энергичнѣе, чѣмъ прежде, поддерживать претензіи Мегемета-Али (19 февраля). Наконецъ, послѣ новаго министерскаго кризиса, Тьеръ [3]) снова былъ назначенъ президентомъ

[1]) Николай I соглашался на то, чтобы русскій флотъ не закрывалъ Босфора и Дарданеллъ для другихъ европейскихъ эскадръ въ случаѣ, еслибы султану потребовалась помощь на морѣ.

[2]) Себастьяни (Франсуа-Горацій-Бастіенъ, графъ), родился въ Порта д'Ампуньяно 10 ноября 1772 г.; подпоручикъ пѣхоты, августъ 1789 г.; начальникъ бригады, 1799 г.; соучастникъ 18 брюмера, посланъ первымъ консуломъ съ дипломатическими и военными порученіями на востокъ (1802 г.); бригадный генералъ (1803 г.); дивизіонный генералъ послѣ Аустерлица (21 декабря 1805 г.); посолъ въ Константинополѣ (2 мая 1806 г.); отозванъ въ іюнѣ 1807 г.; командующій 4-мъ корпусомъ въ Испаніи (1808—1811 г.г.); получалъ важныя порученія во время русской, германской и французской кампаній (1812, 1813, 1814 г.г.); членъ палаты представителей въ 1815 г.;—Палаты депутатовъ съ 1819 по 1824 г.г.; избранъ во второй разъ въ 1826 г.; назначенъ Людовикомъ-Филиппомъ (у котораго долго былъ совѣтникомъ) морскимъ министромъ, 11 августа 1830 г.; министръ иностранныхъ дѣлъ съ 17 ноября 1830 г. по 11 октября 1832 г.; министръ безъ портфеля (22 марта 1833 г. —1 апрѣля 1834 г.); посолъ въ Неаполѣ (апрѣль—августъ 1834 г.), потомъ въ Лондонѣ (7 января 1835 г.—5 февраля 1840 г.); маршалъ Франціи (21 октября 1840 г.); умеръ въ Парижѣ 20 іюля 1851 г.

[3]) Онъ принялъ, какъ и въ 1836 г., портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Его коллегами были слѣдующія лица: Вивіенъ (юстиція и духовныя дѣла), Руссэнъ (морской и колоній), Депанъ-Кюбьеръ (военный), Русэнъ (народнаго просвѣщенія), Пелe (финансовъ), Гуэнъ (торговли) и Жоберъ (земледѣлія и публичныхъ работъ).

совѣта (1 марта 1840 г.) и тотчасъ же взялъ тонъ борца за честь Франціи.

§ 4. Этотъ государственный человѣкъ имѣлъ у себя на совѣсти неудачи и промахи 1836 г. Его патріотизмъ, искренній и горячій, страдалъ отъ той политической пассивности, которой слишкомъ долго держалось правительство Франціи. Не желая брать на себя иниціативу крестоваго похода противъ договоровъ 1815 г., онъ тѣмъ не менѣе ненавидѣлъ ихъ, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько они имѣли цѣлью унизить Францію; этого своего мнѣнія онъ не скрывалъ. Онъ мечталъ возродить престижъ трехцвѣтнаго знамени. Онъ почти не старался болѣе скрывать революціонныя и наполеоновскія замашки, которыми онъ издавна гордился. Какъ и вся, вообще, нація, онъ жаждалъ военной славы. Быть можетъ, онъ даже слишкомъ явно это высказывалъ. Было бы, конечно, болѣе осторожнымъ успокаивать, а не дразнить то патріотическое возбужденіе, взрывъ котораго могъ не столько помочь, сколько повредить Франціи. Какъ бы то ни было, но глава новаго министерства не упустилъ ни одного случая доставить общественному мнѣнію тѣ удовлетворенія, которыхъ оно требовало. Новый сильный толчокъ былъ данъ войнѣ въ Алжирѣ. Французское вліяніе снова появилось въ Испаніи, гдѣ Тьеръ смѣло сталъ на сторону Маріи-Христины, начавшей отдѣляться отъ Эспартеро. Вся Франція рукоплескала ему, и это было справедливо. Но національное возбужденіе дошло до крайнихъ своихъ предѣловъ, когда правительство объявило—съ цѣлью отвлечь умы отъ нѣкоторыхъ парламентскихъ осложненій,—что англійское правительство, по его требованію, согласилось возвратить Франціи останки Наполеона I (12 мая). Легенда о великомъ императорѣ, неблагоразумно раздутая талантливыми поэтами, сбила съ толку даже такого положительнаго и практичнаго человѣка, какъ Людовикъ-Филиппъ. Онъ предполагалъ возможнымъ, безъ ущерба для своей династіи, оживить и возбудить культъ Наполеона. Онъ даже видѣлъ въ этомъ нѣкоторую выгоду для себя и своихъ близкихъ. Будущее должно было показать, что онъ ошибался. Король, такъ миролюбиво и рѣшительно отклонявшійся отъ войны и даже отъ серьезныхъ столкновеній, казалось, не понималъ того, что возвращеніе праха (retour des cendres), какъ тогда говорили, должно было неминуемо породить броженіе въ націи, и безъ того уже достаточно возбужденной, а также того, что Европа не могла остаться довольной всѣмъ этимъ. И дѣйствительно, при извѣстіи, что

славный плѣнникъ съ о. Св. Елены будетъ возвращенъ въ свою столицу и что бренные останки его, наконецъ, будутъ погребены „sur les bords de la Seine au milieu de ce peuple français qu'il a tant aimé“,—Францію охватилъ пароксизмъ горячки; ей показалось, что трактаты 1815 г. уже уничтожены. Она опять начала мечтать о побѣдахъ, завоеваніяхъ и естественныхъ границахъ. А Европа стала снова подозрѣвать ее. Случилось именно то, на что надѣялся Пальмерстонъ, когда онъ, — столь мягко и уступчиво, — сдался на неблагоразумную просьбу французскаго правительства.

Тьеръ не отрекался отъ тѣхъ теплыхъ выраженій, въ которыхъ онъ говорилъ незадолго до своего назначенія о дружбѣ съ Англіей. И до, и послѣ этого назначенія онъ выказывалъ одинаково горячее желаніе дѣйствовать въ союзѣ съ британскимъ правительствомъ; онъ думалъ усыпить вниманіе Пальмерстона любезными словами и нѣкоторыми маловажными услугами [1]). Глава Foreign Office'а платилъ ему тѣмъ же. На самомъ же дѣлѣ, эти два государственные человѣка не имѣли ровно никакого довѣрія другъ къ другу. Каждый изъ нихъ старался ввести въ заблужденіе другого относительно своихъ намѣреній. Рано или поздно, но египетскій вопросъ долженъ былъ произвести между ними полный разрывъ. Въ этомъ отношеніи, ни Пальмерстонъ, ни Тьеръ не велъ честной игры. Министръ Людовика-Филиппа нисколько не отказывался отъ договора 27 іюля, несмотря на то, что весь свѣтъ зналъ, какъ мало онъ имъ былъ доволенъ. Онъ постоянно повторялъ, что Франція не отдѣлится отъ четырехъ другихъ великихъ державъ при рѣшеніи восточнаго вопроса. Послѣ возвращенія Бруннова въ Англію, британское правительство, придя почти къ полному соглашенію съ Россіей, пригласило берлинскій, вѣнскій и парижскій кабинеты на общее совѣщаніе, имѣвшее открыться въ Лондонѣ (оно предпочитало, понятно, заключить договоръ со всей Европой, чѣмъ связывать себя исключительно съ русскимъ царемъ). Гизо, слѣдуя инструкціямъ своего шефа, принялъ усердное участіе въ дѣлахъ новой конференціи. Но фактически онъ больше мѣшалъ дѣлу, чѣмъ ускорялъ его. Тьеръ сознавалъ, что переговоры въ Лондонѣ не приведутъ къ чему-нибудь выгодному для Мегемета-Али. Поэтому, онъ стремился лишь къ тому, чтобы затянуть и выиграть время вплоть до того момента, когда—благодаря искусно про-

[1]) По поводу споровъ, — впрочемъ весьма незначительныхъ, которые Англія имѣла тогда съ правительствомъ Португаліи, Соединенныхъ Штатовъ, Ла-Платы и королевства Обѣихъ Сицилій.

веденному имъ непосредственно между египетскимъ пашей и султаномъ соглашенію, — ему удастся преподнести Европѣ совершившійся фактъ и, такимъ образомъ, принудить ее къ уступчивости. Напрасно Пальмерстонъ съ нетерпѣніемъ торопилъ совѣщаніе. Французскій посланникъ ежедневно выдумывалъ новыя средства промедленія. Онъ выставлялъ на видъ, напримѣръ, что нельзя ничего сдѣлать безъ представителя Порты, который сильно замедлилъ своимъ прибытіемъ. Когда же турецкій уполномоченный явился, то Австрія и Пруссія, которыя торопились покончить дѣло и, казалось, были готовы содѣйствовать примиренію, предложили свое посредничество, съ одной стороны, іюльскому правительству, а съ другой — Россіи и Англіи; онѣ предлагали отдать пашѣ Египетъ въ наслѣдственное, — а Сирію въ пожизненное владѣніе. Но Гизо имѣлъ предписаніе не отвѣчать въ окончательной формѣ, такъ что къ концу второго мѣсяца (апрѣль — май) переговоры не подвинулись впередъ ни на одинъ шагъ. Съ своей стороны, и Пальмерстонъ счелъ себя обязаннымъ обратиться къ Франціи съ новымъ предложеніемъ. Именно, онъ предлагалъ, кромѣ наслѣдственнаго права надъ Египтомъ, даровать пашѣ еще пожизненное владѣніе Акрскимъ пашалыкомъ. Это было его послѣднее слово, и онъ настоятельно просилъ, чтобы парижскій кабинетъ высказался, наконецъ, или за, или противъ. Но было ясно, что Тьеръ уклонялся именно отъ этого. Время подходило къ концу іюня, а онъ все еще совѣтовалъ Гизо не давать объясненій. Почему?—да потому, что онъ, съ часу на часъ, ожидалъ извѣстій о договорѣ между пашей и султаномъ, который заключали на востокѣ, въ величайшемъ секретѣ, его агенты. Благодаря этимъ проискамъ, личный врагъ Мегемета-Али, великій визирь Хозревъ, былъ отрѣшенъ отъ должности (май 1840 г.). Паша тотчасъ же выказалъ готовность примириться со своимъ повелителемъ и сдѣлать нѣкоторыя уступки; одинъ изъ его совѣтниковъ отправился въ Константинополь, и тамъ, подъ присмотромъ французскаго посла, Понтуа, были начаты между этимъ лицемъ и рейсъ-эффенди переговоры, которые, казалось, должны были повести въ непродолжительномъ времени къ благопріятному для Мегемета, а, слѣдовательно, и для французскаго правительства результату. Тьеръ же, въ Парижѣ, держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити этой интриги, которая, по его мнѣнію, была искусно спрятана, и совѣтовалъ Гизо ничего не открывать вплоть до того дня, когда онъ могъ бы торжественно огласить на конференціи полный успѣхъ своей тайной политики.

Къ несчастію, этотъ секретъ былъ уже давно открытъ. Пон-

сонби въ Константинополѣ и Аппонію [1]) въ Парижѣ не стоило большого труда все разузнать. Пальмерстонъ же, не легко прощавшій мистификацію, съ своей стороны, втайнѣ готовилъ свое мщеніе. Его повѣренный въ Портѣ не только изо всѣхъ силъ старался, и не безъ успѣха, замедлить заключеніе мира между султаномъ и его вассаломъ, но въ то же самое время (іюнь—іюль), не жалѣя ни денегъ, ни всевозможныхъ обѣщаній, произвелъ въ Сиріи страшное возмущеніе противъ Мегемета-Али. Но его злобная дѣятельность противъ Франціи развивалась главнымъ образомъ въ Лондонѣ. Уже давно, не прерывая, для вида, переговоровъ съ іюльскимъ правительствомъ, Пальмерстонъ рѣшилъ довести египетскій вопросъ до конца не только безъ него,—но даже противъ его воли. Что же нужно было ему для этого дѣлать? Соединиться съ Россіей? Но это уже было сдѣлано. Увлечь за собою Австрію и Пруссію? Это было не такъ трудно. Эти два государства были обижены тѣмъ, что Франція пренебрегла ихъ добрыми услугами. Англійскій министръ объяснилъ имъ, что Франція ихъ обманывала, какъ обманывала и другія двѣ державы, а также, что она собиралась единолично повелѣвать Европой. Въ особенности онъ указывалъ на возбужденность патріотизма французовъ, готовыхъ отречься отъ договоровъ 1815 г., кинуться на Германію и перевернуть всю Европу. Этого было достаточно для того, чтобы раздражить пруссаковъ. Въ это время въ Берлинѣ умеръ (7 іюня) старый и миролюбивый Фридрихъ-Вильгельмъ III; его наслѣдникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV [2]), былъ заклятымъ врагомъ французовъ. Ему легко было внушить мысль о четверномъ соглашеніи, которое возобновило бы, въ извѣстной степени, великую коалицію 1814 г. противъ Франціи. Что же касается до Австріи, то она была менѣе расположена заключить предложенную сдѣлку, такъ какъ она больше всего боялась войны; но она не желала оставаться внѣ союза, потому что, вступивъ въ него, она надѣялась, съ одной стороны, унизить Францію, а съ другой—помѣшать, при случаѣ, союзникамъ довести дѣло до полнаго разрыва.

Свои замыслы о четверномъ союзѣ Пальмерстонъ держалъ въ большомъ секретѣ. Но какъ бы таинственно ни велись его происки, они, въ концѣ-концовъ, не ускользнули отъ подозри-

[1]) Аппоній (Антонъ-Рудольфъ, графъ) родился въ 1782 г., въ старинной венгерской фамиліи; полномочный министръ Австріи въ Тосканѣ, потомъ посланникъ въ Римѣ; посолъ въ Парижѣ съ 1824 по 1849 гг.

[2]) Старшій сынъ Фридриха-Вильгельмъ III и королевы Луизы; родился 15 октября 1795 г., умеръ 1 января 1861 г.

тельной бдительности французскаго посла, который въ концѣ іюня и началѣ іюля сообщилъ о своихъ тревогахъ Тьеру. Правда, Гизо не допускалъ возможности, что сѣверныя державы и Англія подпишутъ свой договоръ, не познакомивъ его предварительно съ содержаніемъ статей и не пригласивъ его присоединиться къ нимъ. Къ тому же, онъ не считалъ заключеніе подобнаго соглашенія слишкомъ близкимъ. Что же касается до его шефа, то послѣдній все время ждалъ окончательныхъ извѣстій изъ Александріи или изъ Константинополя. Пальмерстонъ же не хотѣлъ ждать. Время было дорого; Хозревъ-паша, его союзникъ, не былъ уже великимъ визиремъ; Мегеметъ, съ часу на часъ, могъ помириться съ Портой. Глава Foreign Office'а представилъ (4 іюля) своимъ коллегамъ по кабинету текстъ конвенціи, выработанной имъ съ тремя сѣверными державами. Большинство министровъ горячо протестовало противъ оскорбленія, которое наносилось этимъ договоромъ Франціи, и выказало страхъ, какъ бы отвѣтомъ на это соглашеніе не было крупнаго столкновенія. Но Пальмерстонъ, съ обычной увѣренностью, гарантировалъ послѣдствія. Онъ утверждалъ, что Людовикъ-Филиппъ ни въ какомъ случаѣ не начнетъ войны;—что Мегеметъ-Али не будетъ сопротивляться; затѣмъ онъ предложилъ свою отставку. Однимъ словомъ, послѣ кризиса, продолжавшагося нѣсколько дней, его смѣлость восторжествовала. Конвенція была подписана 15 іюля.

Первая изъ нихъ, а изъ нея вытекали и всѣ другія, указывала, что договаривающіяся стороны намѣрены исполнить просьбу султана и принять вмѣстѣ съ нимъ мѣры, необходимыя для поддержанія цѣлости и независимости оттоманской имперіи; для этого онѣ высказывались за военную экзекуцію, если египетскій паша не согласится на предложенія, которыя ему будутъ сдѣланы; съ другой стороны, онѣ подчиняли своей коллективной охранѣ Константинопольскій и Дарданелльскій проливы. Затѣмъ излагался ультиматумъ, который черезъ султана долженъ былъ быть отправленъ Мегемету-Али. Пашѣ предлагалось очистить Кандію, Святыя Мѣста, Адану и сѣверъ Сиріи. Взамѣнъ этого, ему была предложена наслѣдственная власть надъ Египтомъ и пожизненная—надъ Акрскимъ пашалыкомъ. Если же онъ, по истеченіи десяти дней, не приметъ этихъ условій, то получитъ только Египетъ; а если онъ будетъ упорствовать своимъ согласіемъ, сверхъ этого срока, еще 10 дней, то ему будетъ и совсѣмъ отказано. Наконецъ, особый протоколъ, въ противоположность всѣмъ дипломатическимъ обыкновеніямъ, заключалъ рѣшеніе дер-

жавъ приступить къ выполненію договора, не выжидая его ратификаціи.

§ 5. Трактатъ 15 іюля, исключавшій Францію изъ европейскаго концерта и заставлявшій ее присутствовать при гибели своего союзника въ качествѣ недвижнаго и безсильнаго зрителя,—былъ уже два дня какъ подписанъ въ тотъ моментъ, когда о немъ узналъ Гизо. Только 17 числа Пальмерстонъ потрудился извѣстить его. Да и то, онъ прочиталъ ему не весь текстъ и ни слова не сказалъ объ особомъ протоколѣ, исполненіе котораго онъ обезпечилъ еще 13 іюля, пославъ нарочнаго къ адмиралу Стопфорду [1]. Посолъ Людовика-Филиппа выказалъ большую твердость и равнодушіе въ присутствіи главы Foreign Office'а, съ трудомъ удерживавшаго свою горделивую радость. Но на самомъ же дѣлѣ онъ былъ пораженъ; да и было съ чего.

При извѣстіи о происшедшемъ въ Лондонѣ, Тьеръ не могъ удержаться отъ негодованія. Его гнѣвъ выразился въ неудержимо-воинственной формѣ, впрочемъ, не столько въ депешахъ, сколько разговорахъ и общемъ настроеніи. Онъ собирался обмануть Пальмерстона; а на дѣлѣ, тотъ насмѣялся надъ нимъ. Его самолюбіе жестоко страдало. А его искренній патріотизмъ возмущался при мысли, что его родину обманули, осмѣяли и опозорили. Поэтому онъ тотчасъ принялъ всѣ мѣры для того, чтобы имѣть возможность, не теряя времени, смыть нанесенное Франціи оскорбленіе. Впрочемъ, у него еще оставалась твердая надежда на окончательный успѣхъ, который широко вознаградилъ бы его за неудачу. Не предполагая, что проектированная противъ Мегемета-Али военная экзекуція начнется немедленно, и, кромѣ того, думая,—вмѣстѣ со всей остальной Франціей,—что паша непобѣдимъ и легко справится съ четвернымъ союзомъ, онъ полагалъ, что имѣетъ впереди еще много мѣсяцевъ для переговоровъ и мобилизаціи войскъ. Его планъ заключался въ томъ, чтобы дотянуть до весны 1841 г. и сдѣлать къ тому времени Францію достаточно сильной для борьбы съ новой коалиціей. Ему казалось почти несомнѣннымъ, что четверной союзъ къ тому времени самъ собою распадется передъ сопротивленіемъ паши и передъ неизбѣжными осложненіями; боясь войны съ Франціей, Австрія и Пруссія, безъ сомнѣнія, откажутся отъ участія въ союзѣ. Если же этого не случится и если успѣхи Мегемета заставятъ Англію и Россію обратить бо̀льшую часть своихъ силъ

---

[1] Онъ крейсероваль со своей эскадрой въ неаполитанскихъ водахъ.

противъ паши, т.-е. на востокъ,—то Францiя рѣшительно выступитъ впередъ и, съ непреодолимой силой, устремится черезъ Рейнъ и черезъ Альпы.

Было ясно, что Тьеръ твердо рѣшилъ не отступать передъ войной, впрочемъ, не вѣря въ ея неизбѣжность и не желая ея. Что касается до Людовика-Филиппа, то онъ былъ настроенъ гораздо воинственнѣе своего министра, если только судить объ его истинныхъ намѣренiяхъ по его рѣчамъ послѣ событiй 15 iюля. При извѣстiи о договорѣ король выказалъ очень сильное возбужденiе. „Въ продолженiе десяти лѣтъ — воскликнулъ онъ—я ставлю преграды Революцiи, рискуя своей популярностью, спокойствiемъ и даже жизнью. Они мнѣ обязаны европейскимъ миромъ, спокойствiемъ своихъ государствъ,—и вотъ ихъ благодарность! Неужели они рѣшительно добиваются того, чтобы я надѣлъ фригiйскiй колпакъ?“ Его гнѣвъ въ особенности разразился противъ Австрiи и Пруссiи, такъ какъ онъ прежде наиболѣе заигрывалъ съ ними. „Вы неблагодарны,—запальчиво говорилъ онъ представителямъ этихъ двухъ державъ.—Вы хотите войны, и вы будете имѣть ее; я спущу на васъ тигра, если это только понадобится. Онъ меня знаетъ, и я умѣю обращаться съ нимъ. Посмотримъ, будетъ ли онъ такъ почтителенъ съ вами, какъ со мною“. Эта вспышка патрiотизма была притворна не во всемъ своемъ объемѣ. Людовикъ-Филиппъ очень живо чувствовалъ нанесенную ему четырьмя союзными державами обиду. Но, на самомъ дѣлѣ, онъ твердо рѣшилъ не дѣлать ни одного выстрѣла и не рисковать будущностью основанной имъ монархiи въ борьбѣ съ коалицiей. Онъ считалъ политичнымъ (по его собственнымъ словамъ, сказаннымъ въ небольшомъ обществѣ) кричать громче самого Тьера, чтобы не сдѣлаться самымъ непопулярнымъ человѣкомъ и чтобы застращать, если возможно, двѣ нѣмецкiя державы. Онъ желалъ расторженiя четверного союза, онъ даже надѣялся на таковое, такъ какъ вѣрилъ въ продолжительность сопротивленiя со стороны Мегемета-Али. Но, что бы ни произошло, онъ отнюдь не намѣревался нарушить европейскiй миръ. „Вамъ лично, для свѣдѣнiя“, говорилъ онъ конфиденцiально своему вѣнскому послу, Сентъ-Олеру [1]), „я скажу, что не позволю малень-

[1]) Сентъ-Олеръ (Луи-Клеръ де-Бопуаль, графъ) родился въ С.-Меардѣ (Дордонь) въ 1778 г.; ученикъ политехнической школы (1794 г.); камергеръ Наполеона (1809 г.); префектъ Мааса (1813 г.), затѣмъ Верхней Гаронны (1814 г.); членъ палаты пэровъ (1815 г.), гдѣ онъ засѣдалъ среди либераловъ; посолъ въ Римѣ (1831—1833 гг.), въ Вѣнѣ (1833—1841 гг.), въ Лондонѣ (1841—1847 гг.); авторъ многочисленныхъ историческихъ сочиненiй; умеръ въ Парижѣ въ 1854 г.

кому министру завлечь себя слишкомъ далеко. Въ сущности, онъ хочетъ войны, а я не хочу; и когда у меня не будетъ другихъ рессурсовъ, то я порву лучше съ нимъ, чѣмъ съ Европой“.

А пока что, король поддакивалъ своему маленькому министру, и это было очень необходимо, потому что общественное мнѣніе Франціи было доведено до такой степени возбужденія, что еслибы глава государства въ этотъ моментъ выказалъ миролюбивыя намѣренія, то, безъ сомнѣнія, былъ бы немедленно низвергнутъ съ престола. Всѣ театры оглашались Марсельезой. Всѣ газеты, даже наиболѣе умѣренныя, призывали націю къ защитѣ своихъ правъ. Во всѣхъ частяхъ королевства кипѣло негодованіе противъ трактатовъ 1815 г. и противъ новаго Священнаго Союза. Похожденія и несчастія Наполеона были забыты. Помнили только о его славѣ. Революціонно-наполеоновское движеніе было такъ велико, что молодой Людовикъ-Бонапартъ, изгнанный въ Лондонъ, счелъ моментъ удобнымъ для того, чтобы вторично попытаться возстановить имперію. Англійское правительство не могло не знать ни объ его проектахъ, ни объ его приготовленіяхъ. Но въ такой моментъ оно мало заботилось предупредить предпріятіе, которое, не имѣя за собой ни малѣйшаго шанса на успѣхъ, должно было, все-таки, сильно поколебать іюльское правительство. 6 августа принцъ съ небольшимъ числомъ авантюристовъ возобновилъ въ Булони безумное предпріятіе, которое такъ плохо удалось ему въ Страсбургѣ въ 1836 г. Понятно, что правительство, какъ и тогда, схватило его, но—на этотъ разъ—не сочло себя обязаннымъ выпустить его на свободу [1]). Но какъ смѣшна ни казалась эта послѣдняя попытка, она въ значительной степени увеличила безпокойство короля. Людовикъ-Филиппъ, продолжая открыто льстить народнымъ страстямъ, счелъ, въ то же время, своей обязанностью, безъ замедленія и потихоньку, просить коалицію, чтобы она прекратила то изолированное положеніе Франціи, которое создано было лондонскими договорами.

Для этого онъ обратился за помощью къ своему зятю, Леопольду бельгійскому, имѣвшему большое вліяніе въ Лондонѣ и въ особенности при дворѣ королевы Викторіи [2]); онъ офиціозно

[1]) Людовикъ-Бонапартъ былъ призванъ на судъ палаты пэровъ, осужденъ, 6 октября, на вѣчное заключеніе и заключенъ въ Гамскую крѣпость. Онъ пробылъ тамъ до 1846 г., когда ему удалось оттуда бѣжать.

[2]) Леопольдъ приходился дядей молодой королевѣ и только что передъ тѣмъ посваталъ за нее (февраль 1840 г.) одного изъ своихъ племянниковъ, принца Альберта Саксенъ-Кобургскаго.

просилъ—черезъ его посредство—допустить Францію въ концертъ великихъ державъ для рѣшенія вопроса. Леопольдъ постарался защитить дѣло Людовика-Филиппа съ тѣмъ бо̀льшимъ жаромъ, что онъ сильно боялся за свое маленькое королевство, которому грозило присоединеніе къ революціонной Франціи въ случаѣ европейскаго конфликта. Королева и ея супругъ, а также и бо̀льшая часть англійскихъ министровъ, повидимому, благосклонно отнеслись къ его предложеніямъ. Но Пальмерстонъ не согласился уступить; и его вліяніе на британскій кабинетъ и на три сѣверныя державы было такъ велико, что онъ, безъ особеннаго труда, сумѣлъ настоять на своемъ. Въ меморандумѣ 31 августа, онъ увѣдомилъ французское правительство о томъ, что вступленіе въ европейскій концертъ ей вовсе не запрещено, но что, во всякомъ случаѣ, трактатъ 15 іюля будетъ безусловно приведенъ въ исполненіе. Такой отвѣтъ былъ новой насмѣшкой, только усилившей обиду, нанесенную іюльскому правительству.

Раздраженное этимъ насмѣшливымъ отвѣтомъ, министерство Тьера стало съ этихъ поръ показывать болѣе явно, чѣмъ когда-либо, что оно не расположено отступать передъ войной. 29 іюля глава кабинета получилъ отъ короля приказъ призвать подъ знамена внушительное количество резервовъ. Онъ создалъ новые полки и далъ сильный толчокъ работѣ оружейныхъ заводовъ. Онъ усиливалъ флотъ и укрѣплялъ наши крѣпости. 13 сентября онъ рѣшился самостоятельно открыть, въ отсутствіе палатъ, кредитъ на 100 милліоновъ для постройки укрѣпленій Парижа. Въ то же самое время онъ сочинилъ четверному союзу такой ультиматумъ, который, по его мысли, долженъ былъ вызвать войну. Графъ Валевскій, его агентъ, посланный въ концѣ іюля въ Египетъ, добился того (25 августа), что Мегеметъ-Али сократилъ свои требованія до потомственнаго владѣнія Египтомъ и пожизненнаго—Сиріей. Затѣмъ онъ уѣхалъ (30 августа) въ Константинополь, гдѣ долженъ былъ изо всѣхъ силъ поддерживать новыя требованія паши. Тьеръ же постарался снова выставить на видъ важность уступокъ, на которыя соглашались Франція и ея кліентъ. Но онъ одновременно заявлялъ, что далѣе нихъ не пойдетъ. „Если ваше правительство,—сказалъ онъ 18 сентября англійскому уполномоченному, Бульверу,—хочетъ дѣйствовать заодно съ нами и понудить султана и другія державы къ принятію этихъ условій, то между нами снова установится сердечное согласіе. Въ противномъ случаѣ мы будемъ поддерживать Мегемета-Али въ его требованіяхъ, выработанныхъ при нашемъ участіи“.—„Вы, конечно, понимаете, мой другъ, прибавлялъ онъ,

смотря собесѣднику въ глаза,—всю важность того, что я вамъ сказалъ".

Такіе разговоры не могли не встревожить членовъ британскаго кабинета. Коллеги Пальмерстона съ отвращеніемъ смотрѣли на сближеніе съ Россіей, этимъ исконнимъ врагомъ Великобританіи,—сближеніе, имѣвшее цѣлью изолировать Францію. Они желали почетнаго сближенія съ тюильрійскимъ дворомъ. Поэтому, въ послѣднихъ числахъ сентября произошли среди кабинета жаркія пренія относительно предложенной іюльскимъ правительствомъ мировой сдѣлки. Глава Foreign Office'а не желалъ ни на букву отступить отъ своей программы. Онъ утверждалъ съ непоколебимой увѣренностью, что Мегемету-Али не устоять противъ союзныхъ силъ, а Людовику-Филиппу—не начать войны. Послѣдующія событія не замедлили оправдать его слова.

Въ тотъ самый моментъ, когда коллеги почти что принуждали его измѣнить относительно Франціи и политику, и обращеніе,—съ Востока прибыли два извѣстія, приведшія Пальмерстона въ восторгъ и уничтожившія послѣднюю надежду на примиреніе. Въ то время, какъ турецкій агентъ увозилъ Мегемету-Али требованія султана и еще до возвращенія его съ отвѣтомъ паши въ Константинополь,—англо-австрійская эскадра блокировала берега Сиріи. 11 сентября наиболѣе укрѣпленный пунктъ въ этой странѣ, Бейрутъ, былъ бомбардированъ адмираломъ Нэпиромъ и эвакуированъ войскомъ Ибрагима. Три дня спустя, Диванъ, вмѣсто того, чтобы согласиться на предложенія Валевскаго, по настоянію Понсонби, провозгласилъ пашу лишеннымъ всѣхъ правъ на Египетъ.

Пальмерстонъ ликовалъ. Его политика одерживала верхъ, къ тому же, не только на востокѣ. Одновременно стало извѣстно, что Испанія рѣшилась сблизиться съ Великобританіей. Марія-Христина только-что передъ тѣмъ отказалась отъ регентства, не выдержавъ борьбы съ Эспартеро, въ теченіе многихъ лѣтъ подрывавшимъ ея авторитетъ; и въ то время, какъ она удалялась во Францію, этотъ генералъ, хорошо извѣстный своимъ англофильствомъ, получилъ, во имя молодой Изабеллы, высшее руководительство испанскими дѣлами [1]). Глава Foreign Office'а былъ

[1]) Вслѣдъ за днемъ 1 сентября, Марія-Христина была принуждена призвать къ предсѣдательству въ совѣтѣ (16 сентября) Эспартеро, который (29 сентября) съ торжествомъ вступилъ въ Мадридъ; 10 октября она принуждена была отказаться отъ власти и, немного спустя, покинула Испанію, въ то время какъ герцогъ Ля-Виктуаръ и его товарищи по новому министерству захватывали въ свои руки регентство подъ названіемъ временнаго.

въ это время въ Англіи всеобщимъ кумиромъ, такъ какъ онъ усиленно льстилъ ея гордости и, въ извѣстной мѣрѣ, платилъ дань ея старинной національной ненависти.

Во Франціи, при извѣстіи о событіяхъ въ Бейрутѣ и Константинополѣ, произошелъ несказанный взрывъ негодованія. Ни страна, ни само правительство не были подготовлены къ такому быстрому и безцеремонному выполненію лондонскаго договора. Съ одного конца королевства до другого пронесся крикъ о мести. Со всѣхъ сторонъ требовали войны. Тьеръ все болѣе и болѣе склонялся къ тому, чтобы объявить ее въ самомъ началѣ весны; немедленнаго открытія военныхъ дѣйствій онъ не желалъ. Но онъ основывался на странныхъ иллюзіяхъ. Онъ все еще думалъ, напримѣръ, вопреки событіямъ въ Сиріи, что Мегеметъ-Али дастъ ему возможность, дальнѣйшимъ своимъ сопротивленіемъ, докончить приготовленія. Кромѣ того, онъ надѣялся по своему усмотрѣнію локализировать войну. У него былъ планъ ограничиться нападеніемъ на Италію, которую легко было возмутить противъ Австріи. Онъ думалъ, что Пруссія останется при этомъ спокойной. Но думать такъ—могъ только тотъ, кто совершенно не зналъ этого государства, его короля и, вообще, Германіи, которая въ это время поднималась, какъ одинъ человѣкъ, и, дрожа отъ ненависти къ своему наслѣдственному врагу, готовилась ринуться на него, какъ въ 1813 г. По всей территоріи союза были слышны только призывные крики къ войнѣ. Отъ Вѣны до Берлина, отъ Гамбурга до Мюнхена повторяли съ дикимъ увлеченіемъ Нѣмецкій Рейнъ Беккера. Мало удовлетворенный въ 1815 г. аппетитъ требовалъ теперь Эльзаса и Лотарингіи. Чувство германскаго единства, усыпленное, было, на минуту, снова разгоралось со страшной силой. Начиналъ обнаруживаться непреодолимый потокъ, который не могъ быть затѣмъ остановленъ вплоть до 1870 года.

Этого обстоятельства не принялъ въ соображеніе Тьеръ, а вмѣстѣ съ нимъ вся, или почти вся, Франція. Что случилось бы, если тогда была объявлена война, которой требовала Франція? Это совершенно неизвѣстно. Всякія гипотезы по этому вопросу были бы тщетны и неинтересны. Во всякомъ случаѣ, налицо имѣлись серьезныя обстоятельства, мѣшавшія конфликту,—казалось, столь близкому вспыхнуть. Дѣло въ томъ, что Людовикъ-Филиппъ, во что̀ бы то ни стало, желалъ мира. Болѣе положительный и проницательный, чѣмъ Тьеръ, онъ, послѣ бомбардированія Бейрута, не имѣлъ больше никакихъ иллюзій относительно силы сопротивленія Мегемета-Али. Поэтому, онъ твердо

рѣшилъ не компрометировать себя изъ-за паши. Въ первыхъ же числахъ октября онъ совершенно спокойно отказался подписать предложенныя его министромъ деклараціи, способныя привести Францію къ войнѣ. Тогда Тьеръ подалъ въ отставку. Его упрашивали взять ее обратно, выставляя на видъ, что, въ виду возбужденія умовъ во Франціи, его отставка можетъ быть гибельной для іюльской монархіи. Онъ согласился остаться, отозвалъ съ востока французскую эскадру, которая не могла оставаться тамъ рядомъ съ англійской, не подвергаясь возможности случайнаго конфликта, въ родѣ Наварина; затѣмъ, онъ составилъ, 8 октября, ноту, гдѣ casus belli ограничивался только отнятіемъ у Мегемета-Али Египта. А это заявленіе было равносильно полному отрицанію наличности casus'a belli; дѣло въ томъ, что Австрія, подобно Людовику-Филиппу не желавшая войны, заявила, что, по ея мнѣнію, предложенное лишеніе правъ являлось, относительно паши, только формою угрозы, не подлежащею, de facto, исполненію; то же самое подтвердилъ и Пальмерстонъ, подъ давленіемъ своихъ коллегъ, а равно и Меттерниха.

Однако, сохраненіе мира было совсѣмъ ужъ не такъ обезпечено, какъ это можно было бы ожидать послѣ указанной ноты. У Тьера была своя задняя мысль. Опираясь на общественное мнѣніе, онъ не отчаявался въ томъ, что ему удастся побороть Людовика-Филиппа. Онъ говорилъ и громко повторялъ, что Франція обязана выговорить въ пользу Мегемета-Али болѣе выгодныя условія, чѣмъ тѣ, которыя были предложены ему 15 іюля. Онъ съ лихорадочною поспѣшностью продолжалъ начатое вооруженіе и отнюдь не сбавлялъ принятаго имъ два мѣсяца тому назадъ воинственнаго тона. Уже давно побуждаемый Меттернихомъ высказать свои миролюбивыя чувства путемъ отстраненія отъ дѣлъ такого министра [1], Людовикъ-Филиппъ ожидалъ лишь благопріят-

[1]) Въ своихъ конфиденціальныхъ депешахъ къ Аппоньи, которыя часто сообщались, по крайней мѣрѣ вкратцѣ, Людовику-Филиппу, канцлеръ не переставалъ твердить, что Тьеръ представляетъ собою ту партію, которая погубитъ іюльскую монархію... „Король имѣетъ свою партію, писалъ онъ 20 августа, а министръ — свою. Какъ можетъ Франція внушать довѣріе при такихъ условіяхъ? Армія, которою распоряжается г. Тьеръ (замѣтьте, я не говорю: король), — есть армія Революціи; и куда заведетъ она іюльское правительство и Францію, если бы она даже и имѣла успѣхъ за границей?.. Предпріятія, носящія характеръ принципіальнаго разрушенія, могутъ улыбаться только маніакамъ...“ „Иностранныя державы (читаемъ мы въ другой депешѣ Меттерниха, 23 октября) вовсе не понимаютъ этой системы смерти и разрушенія и еще менѣе расположены вводить ее у себя. Если бы Европѣ нуженъ былъ урокъ для правильной оцѣнки баррикадъ 1830 г., то возвышеніе г. Тьера дастъ ей таковую въ блестящей формѣ... Франція смотритъ на Европу,

наго случая для того, чтобы отдѣлаться отъ него. Такой поводъ дало ему то покушеніе [1]), жертвой котораго Людовикъ-Филиппъ чуть не сдѣлался 15 октября; это покушеніе доставило ему, какъ всегда случается въ подобныхъ случаяхъ, кратковременную вспышку популярности. Съ этого времени паденіе Тьера было окончательно рѣшено въ Тюильри. Нѣсколько дней спустя, президентъ совѣта представилъ Людовику-Филиппу составленный имъ проектъ рѣчи, которую онъ долженъ былъ произнести при открытіи Палатъ [2]); Людовикъ-Филиппъ нашелъ тонъ ея слишкомъ воинственнымъ и потребовалъ замѣны ея столь безцвѣтнымъ текстомъ, что Тьеръ, съ своей стороны, запротестовалъ. Король не уступалъ; глава министерства и всѣ его товарищи тотчасъ же подали въ отставку, которая, на этотъ разъ, была принята. Девять дней спустя (29 октября), былъ сформированъ новый кабинетъ. Президентомъ его былъ Сультъ, но дѣйствительнымъ политическимъ главой съ самаго же начала, сдѣлался Гизо [3]), назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ.

какъ на оброчную статью; Европа же не раздѣляетъ такого воззрѣнія и поэтому волнуется и будетъ волноваться еще больше, когда стремленія Франціи обнаружатся во всей ихъ прелести".

[1]) Покушеніе Дарме.

[2]) Созванныхъ 28 октября.

[3]) Гизо (Франсуа-Пьеръ-Гильомъ) родился въ Нимѣ, 4 октября 1787 г., въ старинной протестантской семьѣ; воспитывался въ Женевѣ съ 1794 г.; въ 1805 г. завязалъ сношенія въ Парижѣ съ вожаками роялистской партіи; профессоръ исторіи въ Сорбоннѣ (1812 г.); главный секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ (апрѣль 1814 г.); эмигрировалъ въ Гэнтъ въ правленіе Ста Дней; главный секретарь министерства юстиціи (1815—1816 гг.); рекетмейстеръ Государственнаго Совѣта (1816 г.); затѣмъ членъ Государственнаго Совѣта (1817 г.); въ опалѣ (въ 1820 г.), какъ одинъ изъ главарей партіи доктринеровъ; основатель и дѣятельный членъ общества Aide-toi, le ciel t'aidera; авторъ политическихъ и историческихъ трудовъ черезчуръ извѣстныхъ и потому здѣсь не перечисляемыхъ; они принесли ему большую извѣстность со времени Реставраціи; приглашенъ въ 1828 г. обратно въ Государственный Совѣтъ и Сорбонну, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ запрещенъ его курсъ; министръ внутреннихъ дѣлъ (11 августа 1830 г.); уволенъ въ ноябрѣ слѣдующаго года; министръ народнаго просвѣщенія съ 11 октября 1832 г. по 22 февраля 1836 г.; затѣмъ съ 6 сентября 1836 г. по 15 апрѣля 1837 г.; поссорился съ Молэ и ниспровергъ его путемъ знаменитой коалиціи въ 1836 г.; посолъ въ Лондонѣ (февраль 1840 г.); министръ иностранныхъ дѣлъ съ 29 октября 1840 г. по 23 февраля 1848 г. (и президентъ совѣта съ 19 сентября 1847 г.); удалился въ Англію (1848 г.), откуда возвратился въ слѣдующемъ году; неудачный кандидатъ въ законодательное собраніе (1849 г.); умеръ въ Валь-Рише 12 сентября 1874 г., посвятивъ послѣднюю часть жизни разработкѣ вопросовъ по исторіи и религіи, а также на академическія работы (онъ былъ принятъ въ Академію моральныхъ и политическихъ наукъ съ 1832 г., — надписей и изящной словесности съ 1833 г. и во Французскую Академію съ 1836 г.).

§ 6. Это было консервативное и миролюбивое министерство: именно такое, о какомъ мечталъ Людовикъ-Филиппъ, и какое съ давнихъ поръ совѣтовалъ ему сформировать Меттернихъ. Но какъ долго могло оно продержаться? Всѣ думали, что недолго; дѣло въ томъ, что съ самаго начала оно не пользовалось никакою популярностью; да и самая работа, которую ему надо было выполнить, была очень неблагодарна. Ему предстояло примирить Францію съ Европой. Но могло ли оно исполнить это, не компрометируя страну, послѣ лондонскаго трактата и всего, что потомъ случилось? Подобно Людовику-Филиппу, Гизо имѣлъ твердое намѣреніе сохранить миръ. Но онъ не соглашался купить его цѣною тупого и позорнаго подчиненія прихотямъ четверного союза. Безъ сомнѣнія, ему приходилось уступить коалиціи, разъ было рѣшено, что войны не будетъ. Но развѣ онъ не могъ спасти, до нѣкоторой степени, приличія и дать нѣкоторое удовлетвореніе самолюбію французовъ? Въ этомъ отношеніи новое французское министерство питало сначала нѣкоторую надежду. Оно вообразило, что, во вниманіе къ тѣмъ гарантіямъ порядка и спокойствія, которыя оно представляло, само по себѣ, для монархической Европы,—четыре союзныхъ двора, быть можетъ, сдѣлаютъ ему больше уступокъ, чѣмъ прежнему кабинету. Не желая поставить себя въ неловкое положеніе офиціальнымъ обращеніемъ, Гизо началъ стороною узнавать у короля Леопольда, не сочтетъ ли теперь коалиція возможнымъ облегчить ему дѣло успокоенія Франціи и возвращенія въ число членовъ европейскаго концерта, нѣсколько измѣнивъ ультиматумъ 15 іюля въ болѣе благопріятномъ для Мегемета-Али смыслѣ. Его осторожное обращеніе было бы не дурно встрѣчено въ Лондонѣ, еслибы Пальмерстонъ, вліяніе котораго въ дѣлахъ высшей политики въ это время было безусловно, не отвергъ грубымъ образомъ всякихъ уступокъ. „Мы не можемъ, писалъ онъ, компрометировать интересы Европы ни изъ страха къ Тьеру, ни изъ угожденія къ Людовику-Филиппу или къ Гизо. Если мы уступимъ, то французскій народъ можетъ подумать, что мы уступаемъ его угрозамъ, а вовсе не просьбамъ Людовика-Филиппа... Я еще прибавлю, что наши дѣла въ Сиріи идутъ великолѣпно, и что нужно быть на самомъ дѣлѣ ребенкомъ, чтобы прекратить свою дѣятельность въ тотъ моментъ, когда достаточно небольшой настойчивости для полнаго успѣха во всѣхъ отношеніяхъ... Единственный способъ держать такихъ людей въ должномъ почтеніи заключается въ томъ, чтобы дать имъ ясно понять, что имъ ни на шагъ не уступятъ и что имѣется

возможность отразить силой ихъ силу [1])..." Глава Foreign Office'а не признавалъ за французскимъ правительствомъ права разсуждать „о выполненіи договора, въ заключеніи котораго оно не участвовало", и заявлялъ, что не боится ни его гнѣва, ни его угрозъ. „Трудно представить себѣ, читаемъ мы въ одной изъ его депешъ, въ чемъ могутъ заключаться тѣ опасныя послѣдствія, которыя, по мнѣнію г. Гизо, должны произойти вслѣдствіе исключенія Франціи изъ дѣла умиротворенія" [2]).

Не вся Англія одобряла обидную грубость Пальмерстона. Но почти въ тотъ самый моментъ, когда сотоварищи его собирались склонить его на нѣкоторыя уступки по отношенію къ іюльскому правительству—съ востока пришли извѣстія, вполнѣ оправдывавшія его надменныя предсказанія и доставившія ему легкую побѣду надъ приверженцами предложенныхъ королемъ Леопольдомъ мѣръ примиренія. А именно, въ это время было сообщено, что вся Сирія отнята отъ Мегемета-Али. Почти всѣ побережные города сдались, въ теченіе октября, англо-австрійской эскадрѣ, а Сентъ-Жанъ-д'Акръ, опора всей страны, капитулировалъ 2 ноября. Центральная же часть страны была охвачена возбужденнымъ на англійскія деньги возстаніемъ противъ Мегемета-Али. Пальмерстонъ, совсѣмъ не расположенный щадить стараго пашу, кліента Франціи, теперь сталъ поговаривать о томъ, чтобы лишить его и послѣдней точки опоры, т.-е. Египта; казалось, онъ рѣшилъ до конца использовать свою силу, отнявъ отъ него даже и послѣднія владѣнія.

При такомъ положеніи дѣлъ французское министерство, каково бы ни было его желаніе сохранить миръ, не могло оставаться безучастнымъ. Гизо объявилъ, въ нотѣ 16 ноября, что Франція, исключенная четвернымъ союзомъ изъ европейскаго концерта, будетъ выжидать того момента, когда ей можно будетъ вступить въ него, не жертвуя ни своимъ достоинствомъ, ни своими правами, а также, что до тѣхъ поръ она сохранитъ полную свободу дѣйствій. Нѣсколько дней спустя, подвергаясь въ палатѣ депутатовъ жестокимъ нападкамъ со стороны Тьера и его сторонниковъ, упрекавшихъ его въ желаніи сохранить миръ какою бы то ни было цѣною, онъ долженъ былъ открыто подтвердить, что онъ остается вѣренъ нотѣ 8 октября (25—28 ноября). Франція не потерпитъ, говорилъ онъ, того, чтобы Мегеметъ-Али былъ лишенъ Египта. И въ доказательство серьезности своихъ заявле-

---

[1]) Депеша лорда Пальмерстона къ французскому посланнику, лорду Гранвилю.
[2]) Ibid.

ній, кабинетъ Сульта продолжалъ начатыя его предшественникомъ вооруженія. Такимъ образомъ, общій европейскій конфликтъ вовсе еще не былъ окончательно предотвращенъ.

Народное волненіе въ Германіи было еще болѣе велико, чѣмъ во Франціи. 8 ноября Меттернихъ писалъ Аппоньи: „Г. Тьеръ любитъ, чтобы его сравнивали съ Наполеономъ; если хотите, то, что касается Германіи, это сходство является полнымъ и пальма первенства принадлежитъ Тьеру. Ему довольно было небольшого промежутка времени для того, чтобы довести эту страну до такого состоянія, до какого не могли довести ее 10 лѣтъ правленія императора. Вся Германія готова къ войнѣ и, притомъ, къ войнѣ народа съ народомъ... Всѣ одинаково готовы бороться съ вторженіемъ революціонныхъ полчищъ...“ Нѣсколько дней спустя (24 ноября), повторяя, что національное чувство возбуждено въ Германіи не менѣе, какъ въ 1813 и 1814 гг., онъ приказалъ послу „не скрыть отъ французскаго правительства, что если въ весьма короткій срокъ положеніе вещей не измѣнится, въ смыслѣ доставленія необходимыхъ гарантій моральной и матеріальной безопасности,—Австрія и Пруссія сочтутъ возможнымъ принять тѣ мѣры, которыя рекомендуетъ имъ Союзъ“. Берлинскій кабинетъ высказался въ томъ же смыслѣ. Прусскій и австрійскій дворы дѣлали видъ, что опасаются, какъ бы Людовикъ-Филиппъ не былъ вовлеченъ въ войну силою народнаго теченія, противодѣйствовать которому онъ не оказался бы въ силахъ. Они, казалось, боялись, что 15 декабря, въ день прибытія останковъ Наполеона въ Парижъ, произойдетъ патріотическій взрывъ, гибельный для европейскаго мира [1]). Они не оставили министерство Сульта въ неизвѣстности относительно конференціи, собранной въ Вѣнѣ и обсуждавшей военныя мѣры на случай войны съ Франціей. Но Гизо, при всемъ своемъ стараніи разсѣять ихъ опасенія, не могъ дать просимой ими гарантіи мира, т.-е. немедленнаго разоруженія. Какъ онъ основательно имъ указывалъ, положеніе Англіи было еще настолько вызывающе, что іюльское правительство не могло, безъ опасности и позора для себя, согласиться на подобную мѣру. Указанный шагъ долженъ былъ быть сдѣланъ сначала Англіей.

Дѣйствительно, опьяненный своими успѣхами, Пальмерстонъ держалъ себя чрезвычайно высокомѣрно. Его требовательность начинала переходить границы разумнаго. Объ этомъ можно су-

---

[1]) Эта церемонія была произведена въ назначенный день и не вызвала ни малѣйшаго волненія.

дить по поступкамъ, которые позволялъ себѣ его главный агентъ въ Константинополѣ, Понсонби. Послѣ взятія Сенъ-Жанъ-д'Акра, адмиралъ Нэпиръ, рискуя вызвать столкновеніе между Франціей и Англіей, безъ колебанія двинулся къ Александріи и пригрозилъ ей немедленнымъ бомбардированіемъ, если Мегеметъ-Али не изъявитъ, наконецъ, покорности. Паша подчинился, и тотчасъ же была заключена (25 ноября) конвенція, согласно которой Мегеметъ обязывался очистить Сирію, возвратить турецкій флотъ, а четверной союзъ давалъ обѣщаніе прекратить всѣ непріязненныя дѣйствія и выхлопотать пашѣ наслѣдственное владѣніе надъ Египтомъ. Но едва только въ Константинополѣ узнали объ этой сдѣлкѣ, клавшей конецъ кризису, какъ Понсонби принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы уничтожить ее. И это ему вполнѣ удалось. Благодаря его проискамъ, министры султана заявили, что Его Свѣтлость не признаетъ александрійскаго компромисса и не можетъ даровать мятежному вассалу никакихъ наслѣдственныхъ правъ.

§ 7. Таковы были извѣстія, дошедшія въ Парижъ и въ Лондонъ въ первыхъ числахъ января 1841 г. Понятно, Пальмерстонъ одобрилъ турецкій отвѣтъ. Умиротвореніе Востока было, такимъ образомъ, снова поставлено на очередь. Европейскій кризисъ, вызванный лондонскимъ договоромъ, казалось, обострялся еще болѣе, чѣмъ прежде. Какъ бы велико ни было желаніе французскаго правительства уклониться отъ столкновенія, оно не могло разоружиться иначе, какъ покрывъ себя позоромъ, а быть можетъ, даже и погубивъ себя. Поэтому, оно продолжало держать свои войска на военномъ положеніи и представило проектъ закона относительно укрѣпленій Парижа въ палату депутатовъ, гдѣ онъ былъ принятъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ послѣ преній, прошедшихъ съ большимъ блескомъ (21 января—1 февраля) [1]. Рѣшительный образъ дѣйствій Франціи не могъ не обезпокоить двѣ великія нѣмецкія державы, которымъ, и безъ того, давно уже было не по себѣ. Въ особенности старалась уклониться отъ войны Австрія. Людовикъ-Филиппъ и Гизо очень хорошо догадывались объ этомъ. Если они и дѣлали видъ, что готовятся къ борьбѣ, то это было, съ ихъ стороны, только способомъ заставить вѣнскій дворъ оказать всякое давленіе на Англію и тѣмъ сдѣлать войну ненужною. Желая, прежде всего, сохранить въ

[1]) Этотъ законъ былъ затѣмъ разсмотрѣнъ въ палатѣ пэровъ и принятъ ею (23 марта—1 апрѣля 1841 г.).

Европѣ statum quo, Меттернихъ склонялся къ тому, чтобы уладить дѣло путемъ переговоровъ съ кабинетомъ 29 октября. Онъ считалъ возможнымъ, съ помощью этого столь консервативнаго и миролюбиваго министерства, склонить Францію па путь австрійской политики. А пока, онъ счелъ благоразумнымъ со своей стороны протянуть ей руку и оказать услуги, устраняя тѣмъ новыя европейскія осложненія. Разъ Австрія уклонялась отъ войны, Пруссія, конечно, не могла дѣйствовать одна: ей приходилось соединиться съ этой державой и дѣйствовать въ примирительномъ духѣ. Два великихъ нѣмецкихъ двора стали, такимъ образомъ, искренно работать (январь 1841 г.) надъ дѣломъ умиротворенія Востока. Необходимо было рѣшить египетскій вопросъ для того, чтобы Франція согласилась выйти изъ того обособленно-угрожающаго положенія, въ которомъ передъ тѣмъ замкнулась; какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Вѣнѣ, съ нетерпѣніемъ стали ожидать, когда же, наконецъ, она вернется въ европейскій концертъ.

Въ виду всего этого, несмотря на тайную оппозицію Россіи и явное неблагожелательство Пальмерстона, четверной союзъ вскорѣ былъ доведенъ Австріей и Пруссіей до такихъ уступокъ, на которыя уже могъ согласиться кабинетъ 29 октября. Дѣйствительно, благодаря этимъ двумъ державамъ союзъ выработалъ 31 января ноту, приглашавшую Порту „не только уничтожить актъ отрѣшенія отъ должности, объявленный Мегемету-Али, но, кромѣ того, дать ему обѣщаніе, что его потомки по прямой нисходящей линіи будутъ назначаться пашами Египта“.

Для іюльскаго правительства это было жидковатымъ успѣхомъ. Но, въ концѣ концовъ, — это былъ, все-таки, успѣхъ. Оно могло теперь безъ позора примириться съ четырьмя великими державами. Правда, что всякое сближеніе съ союзомъ послѣ оскорбленія, нанесеннаго Франціи 15 іюля, не являлось особенно гордой политикой. Раздраженіе противъ Священнаго Союза, основаннаго въ Лондонѣ, было все еще велико во Франціи. Общественное мнѣніе желало, чтобы правительство продолжало держаться, по отношенію къ Европѣ, той холодной и обособленной политики, которую предписывало ему его оскорбленное достоинство. Но, съ другой стороны, Гизо, хорошо освѣдомленный своими агентами, боялся, какъ бы рѣшительный отказъ не раздражилъ лондонскихъ союзниковъ; они, вѣдь, могли—въ виду очевидной обособленности и непріязненности Франціи—превратить случайную и временную лигу 15 іюля въ постоянный союзъ. Онъ не хотѣлъ возрожденія Шомонскаго договора. Послѣ долгихъ размышленій, онъ не счелъ возможнымъ отклонить переданныя ему

повѣреннымъ Франціи въ Англіи, Буркенэ [1]), предложенія и уполномочилъ этого дипломата вступить въ переговоры по поводу заключенія пятерного договора. Впрочемъ, онъ категорически предписалъ ему не начинать переговоровъ иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) иниціатива договора будетъ принята на себя не Франціей, а другими державами; 2) Мегемету-Али будетъ обезпечено наслѣдственное владѣніе Египтомъ; 3) трактатъ 15 іюля, которымъ Франція не желаетъ заниматься, будетъ считаться совсѣмъ оконченнымъ и не подлежащимъ обсужденію; 4) прекращеніе дѣйствія этого договора будетъ объявлено французскому правительству офиціальной нотой; 5) наконецъ, вопросъ о разоруженіи, такъ волнующій Францію, не будетъ вовсе поднятъ. Разъ эти пункты будутъ приняты, іюльское правительство заключитъ съ четырьмя державами конвенцію относительно Востока. Но оно желало, чтобы эта конвенція имѣла существенное значеніе; чтобы были выговорены не только закрытіе проливовъ (исконное право султана), но еще и самостоятельность и неприкосновенность оттоманской имперіи, гарантія для сирійскихъ христіанъ, свобода или нейтралитетъ дорогъ въ Азіи черезъ Суэцъ и Евфратъ, и т. д..

На основаніяхъ, предложенныхъ Гизо, были начаты въ Лондонѣ, въ январѣ 1841 г., переговоры. Они были поведены Буркенэ весьма дѣятельно и, въ нѣсколько недѣль, привели къ почти полному согласію. Предварительныя условія Франціи, въ общемъ, были приняты. Въ первыхъ числахъ марта іюльское правительство добилось составленія протокола объ уничтоженіи договора 15 іюля; одновременно былъ предложенъ на подписаніе и проектъ новой конвенціи. Правда, эта послѣдняя не имѣла той полноты и значенія, которыя хотѣлъ придать ей Гизо. Россія рѣшительно отказалась гарантировать неприкосновенность и самостоятельность оттоманской имперіи. Англія и слышать не хотѣла о путяхъ въ Азіи или о сирійскихъ христіанахъ. Словомъ, проектъ свелся къ деклараціи, что константинопольскій и дарданельскій проливы останутся подъ абсолютнымъ суверенитетомъ Турціи и будутъ закрыты для военнаго флота всѣхъ другихъ державъ.

[1]) Буркенэ (Франсуа-Адольфъ, баронъ) родился въ Парижѣ въ 1800 г. Первый секретарь посольства въ 1828 г.; посланъ съ порученіемъ (1834 г.) въ Лондонъ, затѣмъ тамъ же полномочный министръ; посолъ въ Константинополѣ съ 1843 г. по 1848 г.; полномочный министръ (1853 г.), потомъ посолъ въ Вѣнѣ; второй уполномоченный Франціи на Парижскомъ конгрессѣ (1856 года); сенаторъ (1857 года); уполномоченный Франціи на Цюрихскомъ конгрессѣ (1859 года); умеръ 26 декабря 1869 года.

Хотя указанный проектъ и не соотвѣтствовалъ безусловно его желаніямъ, Гизо, все-таки, собирался уже его подписать, какъ вдругъ пришедшія изъ Константинополя вѣсти снова затянули вопросъ объ умиротвореніи Востока (19 марта). Хатти-шерифомъ 13 февраля султанъ даровалъ Мегемету-Али наслѣдственное право надъ Египтомъ. Но, по наущенію англійскаго посла, онъ обставилъ этотъ актъ такими условіями и оговорками, что сдѣлалъ, практически, почти что непримѣнимымъ. А именно, онъ собирался утверждать каждый разъ одного изъ наслѣдниковъ Мегемета-Али, по своему выбору, и требовалъ: чтобы способъ сбора податей въ Египтѣ опредѣлялся Портой, чтобы одна четверть его поступала въ турецкую казну, чтобы паша сократилъ свою армію до восемнадцати тысячъ человѣкъ и чтобы онъ не могъ назначать ни одного офицера выше чина капитана. Словомъ, Мегеметъ-Али отвергъ подобное предложеніе, и Франція объявила, что не можетъ подписать конвенцію о проливахъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ дано удовлетвореніе.

Кризисъ возобновился, такимъ образомъ, еще разъ, благодаря упорству Англіи. На этотъ разъ Меттернихъ, жаждавшій мира, потерялъ терпѣніе. Онъ тотчасъ же очень энергично вмѣшался въ Константинополѣ (29 марта), сумѣлъ добиться отставки рейсъ-эффенди (Решидъ-паша, ставленникъ Понсонби) и замѣнить его Рифаатъ-пашей, болѣе миролюбивымъ политикомъ, и получилъ, наконецъ, хатти-шерифъ, который могъ удовлетворить Мегемета: наслѣдственность была объявлена по порядку первородства; паша могъ назначать офицеровъ до чина полковника включительно; наконецъ, онъ будетъ платить въ видѣ подати опредѣленную, назначенную съ общаго согласія, сумму. Парижскій и лондонскій дворы были извѣщены объ этомъ соглашеніи въ маѣ мѣсяцѣ. Казалось, что послѣ этого ничто не могло помѣшать примиренію пяти державъ. Но Пальмерстонъ сумѣлъ создать новыя затрудненія; теперь онъ началъ говорить о мѣрахъ принужденія противъ Мегемета-Али на случай его сопротивленія (конецъ мая). Казалось, недовольство Австріи и Пруссіи ничуть не безпокоило Пальмерстона. Наконецъ, въ концѣ іюня было получено извѣстіе, что 10 числа египетскій паша окончательно согласился на условія послѣдняго хатти-шерифа. У Пальмерстона больше не имѣлось предлоговъ затягивать кризисъ. Вся Европа требовала у него прекратить сопротивленіе. Однако, еслибы дѣло зависѣло отъ него одного, онъ не прекратилъ бы своихъ интригъ. Глава Foreign Office'а не допускалъ мысли, что Франція рѣшится на войну; онъ утверждалъ, что эта держава начала втихомолку разо-

ружаться; онъ думалъ, что она очень занята въ Алжирѣ, гдѣ ей приходилось употреблять значительныя усилія для того, чтобы покончить съ Абдъ-ель-Кадеромъ; это обстоятельство вовсе не было ему по вкусу [1]). Въ виду всего этого онъ былъ бы крайне радъ, еслибы ему удалось напортить Франціи новыми кознями. Но его задорная и придирчивая политика уже подорвала его кредитъ. Австрія и Пруссія противодѣйствовали ему; Россія поддерживала его болѣе, чѣмъ слабо. Кабинетъ, въ которомъ онъ принималъ участіе и который онъ поставилъ въ неловкое положеніе своимъ упрямымъ намѣреніемъ взволновать Европу, былъ, впрочемъ, накапунѣ паденія [2]). Поэтому, онъ уступилъ, хотя и неохотно, и 13 іюля были заключены два дипломатическіе акта: одинъ—Австріей, Великобританіей, Пруссіей и Россіей; а другой—этими же четырьмя державами, но съ участіемъ Франціи. Первый изъ нихъ заключалъ рѣшеніе египетскаго вопроса; второй касался нейтралитета проливовъ.

Кризисъ былъ оконченъ. Послѣ двухлѣтняго конфликта, Европа избѣжала, наконецъ, той всеобщей войны, которая, безъ сомнѣнія, поставила бы на карту всю работу вѣнскаго конгресса. Но, по правдѣ сказать, равновѣсіе, съ такимъ трудомъ возстановленное, вовсе не было крѣпко. На политическомъ горизонтѣ появлялись еще болѣе грозныя тучи, чѣмъ передъ 1840 г. Что бы ни говорили дипломаты, восточный вопросъ не былъ разрѣшенъ. Проливы были закрыты только однимъ росчеркомъ пера. Турція, менѣе, чѣмъ когда-либо, могла заставить уважать свой авторитетъ. Россія понимала, что если она и способствовала, соединяясь съ Англіей, нѣкоторому униженію Франціи, то, въ концѣ концовъ, она все-таки оказалась обманутой. Она потеряла все то, что пріобрѣла когда-то по Ункіаръ-Скелесскому трактату. Николаю I приходилось возвратить потерянное. Но ему необходимо было для этого порвать со своей недавней союзницей, Великобританіей. Это было неизбѣжно; крымская война содержалась, въ зародышѣ, въ договорѣ о проливахъ. Относительно Египта тоже ничего не было рѣшено окончательно: Мегеметъ-Али, безъ сомнѣнія, принужденъ былъ отступить; но британскіе происки не сумѣли окончательно лишить его владѣній. Уменьшенная тер-

[1]) Генералъ Бюжо былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Алжира въ декабрѣ 1840 г. Именно съ этого-то момента и началось систематическое завоеваніе этой страны. Оно было закончено ранѣе конца царствованія Людовика-Филиппа.

[2]) Онъ нѣсколько разъ оставался въ парламентѣ въ меньшинствѣ. Нижняя палата была распущена, и все позволяло думать, что въ ближайшіе выборы тори восторжествуютъ.

риторіально, его имперія обладала теперь гарантіями, недостававшими ей до кризиса. Франція имѣла теперь возможность вредить англійской политикѣ и въ Александріи, и въ Алжирѣ, и даже въ Мадридѣ, гдѣ снова возрождалось ея вліяніе. Правда, она выходила изъ только-что оконченнаго конфликта униженной и нравственно разстроенной, отчасти по своей винѣ. Она снова возбудила недовѣріе Европы неумѣстными вызовами и безрезультатными угрозами. Грубо отвергнутая, она сумѣла хитростью вернуться въ концертъ великихъ державъ, но очутилась въ немъ подъ надзоромъ, еще болѣе обиднымъ, чѣмъ послѣ 1815 г.; ея правительство совершенно потеряло довѣріе націи, и съ этихъ поръ сдѣлалась неизбѣжной та революція, которая должна была положить конецъ правленію Людовика-Филиппа. Іюльская монархія скомпрометировала себя тѣмъ болѣе безповоротно, что она рѣшительно склонилась къ союзу съ Австріей, такъ какъ не могла открыто помириться съ Англіей; а этимъ путемъ она переходила къ реакціонной политикѣ и готовила себѣ окончательную потерю популярности. Британское же правительство, наоборотъ, сыграло въ теченіе послѣдняго кризиса первенствующую роль, не щадило больше Россіи и мало-по-малу выказывало себя покровительницей Революціи въ Европѣ. Наконецъ, кризисъ 1840 г. имѣлъ очевиднымъ результатомъ также и національное броженіе, въ нѣсколько лѣтъ сдѣлавшееся неодолимымъ и приведшее къ германскому единству.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Трудная задача [1]).

§ 1. Конечные результаты сердечнаго согласія.—§ 2. Право осмотра въ 1841 и 1842 г.г. — § 3. Неудача франко-бельгійскаго Zollverein'а. — § 4. Французскія и англійскія интриги въ Испаніи; паденіе Эспартеро. — § 5. Колоніальная политика Людовика-Филиппа.—§ 6. Успѣхи его дипломатіи въ Испаніи и въ Греціи.—§ 7. Марокскій и таитійскій инциденты. — § 8. Урегулированіе права осмотра.—§ 9. Вопросъ объ испанскихъ бракахъ.—§ 10. Іюльская монархія, вѣнскій дворъ и контръреволюція.

(1841—1845).

§ 1. На слѣдующій день послѣ только-что изложенныхъ нами событій, англо-французское согласіе—главная опора политическаго равновѣсія и общаго мира съ 1830 года — было на-

[1]) Источники: Affaires d'Espagne (Revue des Deux Mondes, 1-er novembre 1844); —Azeglio (M. d'), Les derniers événements de la Romagne;—Barrot (Ad.), Question anglo-chinoise (Revue des Deux Mondes, 1842);—Berryer, Discours parlementaires;—Canitz-Dallwitz (баронъ), Denkschriften, t. II; — Carné (L. de), des Intérêts de la France dans l'Océanie (Revue des Deux Mondes, 15 avril 1843);— Durrieu (X.), le Maroc en 1844 (Revue des Deux Mondes, 1-er octobre 1844); Duvergier de Hauranne, du Royaume-Uni et du ministère Peel en 1843 (Revue des Deux Mondes, 15 décembre 1843); des Rapports actuels de la France et de l'Angleterre et du rétablissement de l'alliance (Revue des Deux Mondes, 15 juin 1845); De l'état des partis en Angleterre et des deux dernières sessions du Parlement (Revue des Deux Mondes, 1-er novembre 1845);—Faucher (L.), De la dernière crise ministérielle en Angleterre (Revue des Deux Mondes, 1-er janvier 1846);— Ferrari, la Révolution et les révolutionnaires en Italie (Revue des Deux Mondes, 15 novembre 1844, 1-er janvier 1845);—Forcade (E.), De la situation de la France vis-à-vis de l'Angleterre, à propos de l'Océanie (Revue des Deux Mondes, 15 septembre 1844);—Gréville (Ch.), les Quinze premières années du reigne de la reine Victoria;—Guizot, Mémoires, t. VI et VII; Sir Robert Peel;—Haussonville (графъ), Histoire de la politique extérieure du gouvernement francais, t. II;—Hervé (Ed.),

рушено. Вопросомъ первостепенной важности сталъ вопросъ о томъ, удастся ли возстановить это согласіе. Усилія лондонскаго и парижскаго дворовъ, направленныя къ возобновленію прежнихъ дружественныхъ отношеній, и обстоятельства, помѣшавшія тому,—являются единственными факторами, придающими нѣкоторый интересъ исторіи европейскихъ внѣшнихъ сношеній, съ конца 1841 года и до послѣднихъ дней 1845 года.

Благодаря враждебному настроенію Англіи, положеніе Людовика-Филиппа сдѣлалось весьма шаткимъ. Поэтому, не отказываясь отъ союза съ Австріей, бывшаго для него съ давнихъ поръ любимой мечтой и представлявшагося ему теперь послѣднимъ средствомъ спасенія,—онъ считалъ крайне необходимымъ снова привлечь на свою сторону то государство, которое, идя рука объ руку съ Франціей, смѣло могло держать въ повиновеніи всю Европу. Французскій король и его министръ, Гизо, совершенно ясно представляли себѣ всѣ тѣ нежелательныя для нихъ послѣдствія, которыя должны были бы быть результатомъ открытой дружбы съ вѣнскимъ дворомъ. Главнымъ условіемъ такой дружбы являлась, между прочимъ, необходимость объявить себя сторонниками контръ-революціонной политической программы. Ничего подобнаго не могло быть при союзѣ съ Англіей. Но оставался открытымъ вопросъ о томъ, отвѣтитъ ли лондонскій дворъ взаимными уступками на тѣ предложенія, которыя собиралось представить ему французское правительство, и согласится ли онъ измѣнить свою политическую программу въ такомъ болѣе консервативномъ направленіи, которое соотвѣтствовало бы политикѣ новаго французскаго кабинета. Пока Пальмерстонъ занималъ постъ главы Foreign Office'a, примиреніе, столь желатель-

la Crise irlandaise depuis la fin du XVIII-e siècle;—Hubbard, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. IV et V;—Ideville (H. d'), le Maréchal Bugeaud, t. III;—Lavergne (L. de), Affaires d'Espagne (Revue des Deux Mondes, 1841—1843);—Lemoinne (I.), Situation du Liban, les Druses et les Maronites (Revue des deux Mondes, 1-er mai 1842); le Parti russe en Grèce (Revue des Deux Mondes, 15 octobre 1843);—Lezur (продолженіе Fouquier et Desprez), Annuaire historique, années 1841—1845;—Mac Carthy, Histoire contemporaine de l'Angleterre, t. I;—Martin (Th.), le Prince Albert, t. I;—Mathieu, de la Convention du 29 mai 1845 surle droit de visite (Revue des Deux Mondes, 1-er mai 1846);—Mazade (Ch. de), l'Espagne moderne;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. VI;—Peel (Robert), Mémoires;—Ranke, aus dem Briefwechsel, etc.;—Regnault (E.), Histoire de huit ans, t. II et III;—Robert (C.), le Monde greco-slave (Revue des Deux Mondes, 1842—1846);—Rousset (C.), Conquête de l'Algérie, t. I;—Saint-René Taillandier, Le roi Léopold et la reine Victoria; la Serbie;—Taylord et Mackay, Sir Robert Peel, sa vie et son temps;—Thiers, Discours parlementaires;—Thureau-Dangin, Histoire de la monarchie de Juillet, t. V, etc.

ное для іюльскаго правительства, было невозможнымъ. Но нѣсколько дней спустя послѣ заключенія конвенціи о проливахъ, это „препятствіе", само собой, отпало. Вслѣдъ за общими выборами, давшими торійской партіи значительное большинство, 30 августа 1841 года кабинетъ Мельбурна вышелъ въ отставку и, 3 сентября того же года, въ Лондонѣ былъ организованъ кабинетъ, въ которомъ, на ряду съ Робертомъ Пилемъ, первымъ лордомъ казначейства, постъ главы Foreign Office'а занялъ лордъ Эбердинъ. Этотъ послѣдній, посредственный и миролюбивый человѣкъ, былъ сторонникомъ англо-французскаго единенія въ той же степени, въ какой Пальмерстонъ былъ его противникомъ. Его шефъ—болѣе рѣзкій и менѣе расположенный къ нашей странѣ —тѣмъ не менѣе, былъ готовъ порвать со старыми привычками кабинета Мельбурна, т.-е. прекратить постоянные вызовы, направляемые противъ Франціи. Не расходясь во взглядахъ по принципіальнымъ вопросамъ и сходясь въ склонности къ примиренію, — оба кабинета, лондонскій и парижскій, должны были, повидимому, легко притти между собою къ окончательному соглашенію. Но принятая ими на себя задача оказалась имъ не подъ силу. Мы не говоримъ уже о томъ, что три сѣверныя державы, естественно, прилагали всѣ свои усилія къ тому, чтобы не допустить новаго англо-французскаго сближенія; но главная трудность заключалась въ томъ, что, по нѣкоторымъ личнымъ вопросамъ, между Людовикомъ-Филиппомъ съ одной стороны и англійскимъ королевскимъ домомъ—съ другой существовала глубокая рознь; и эта рознь должна была помѣшать возобновленію „сердечнаго согласія".

Необходимо добавить, что и съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ, между Франціей и Великобританіей также царствовало полнѣйшее разногласіе по многимъ вопросамъ. И безъ устраненія этого разногласія надежда на сближеніе двухъ государствъ представлялась весьма химерической. Но главнымъ препятствіемъ, ставшимъ на пути благимъ намѣреніямъ министровъ, являлся, все-таки, вызванный послѣдними происшествіями антагонизмъ двухъ народовъ, — антагонизмъ, который не могло ни обуздать, ни усыпить хладнокровіе дипломатовъ. Наготовѣ, держа руку на рукояткѣ меча, обѣ націи недовѣрчиво слѣдили одна за другой. Англичане усматривали въ каждой уступкѣ, дѣлаемой соперницѣ, непростительную глупость, а французы — трусость и даже измѣну.

§ 2. Людовикъ-Филиппъ и Гизо, не отдавая себѣ отчета о

дѣйствительномъ настроеніи умовъ во Франціи, сочли своимъ долгомъ доказать британскому правительству миролюбіе своихъ намѣреній, заключивъ трактатъ, котораго въ иное время имъ бы никто, конечно, не поставилъ въ упрекъ, но который теперь былъ изображенъ вожаками общественнаго мнѣнія—какъ явное преступленіе. Извѣстно, что Англія—отчасти изъ человѣколюбія, отчасти изъ личнаго интереса—съ давнихъ поръ добивалась уничтоженія торговли неграми. Для того, чтобы провести на практикѣ постановленія вѣнскаго конгресса, направленныя противъ этого отвратительнаго промысла,—британское правительство завязало съ главнѣйшими морскими державами Стараго и Новаго Свѣта переговоры, добиваясь установленія строгаго надзора вокругъ береговъ Африки, главнаго мѣста торговли. Надзоръ этотъ предполагалъ право осмотра кораблей, подозрѣваемыхъ въ перевозкѣ рабовъ. Нѣкоторыя второстепенныя государства, съ большею или меньшею готовностью, подчинились этому требованію. Присоединеніе Франціи къ трактату являлось весьма необходимымъ для Англіи; послѣ довольно долгаго сопротивленія, парижскій кабинетъ согласился съ предложеніемъ британскаго правительства. Это произошло въ самомъ началѣ 1831 года, т.-е. тогда, когда іюльская монархія всячески добивалась союза съ Англіей. Двумя конвенціями, заключенными между Франціей и Великобританіей 30 ноября 1831 года и 22 марта 1833 года, стороны признавали за собой право осмотра кораблей въ той части африканскаго побережья, которая особенно нуждалась въ надзорѣ, и установляли правила, согласно которымъ осмотръ этотъ долженъ былъ осуществляться. Въ силу указанныхъ конвенцій, число англійскихъ крейсеровъ могло въ два раза превосходить число крейсеровъ французскихъ. Столь очевидное преимущество, предоставленное англійскому флоту, вызвало лишь очень слабый протестъ общественнаго мнѣнія. Совсѣмъ иначе отнеслась публика къ трактату 20 декабря 1841 года. Послѣ длинныхъ переговоровъ, прерванныхъ кризисомъ 1840 года, было заключено въ Лондонѣ соглашеніе между пятью европейскими великими державами, съ цѣлью усилить репрессію за торгъ неграми. Соглашеніе это расширяло зону осмотра отъ береговъ Африки до береговъ Европы и Америки и уничтожало всякое ограниченіе количества англійскихъ крейсеровъ. Австрія, Пруссія и Россія, будучи мало заинтересованы въ этомъ вопросѣ, не усматривали для себя никакихъ неудобствъ въ подобной уступкѣ. Что же касается тюильрійскаго кабинета, то онъ находилъ, съ одной стороны, удобнымъ угодить министерству Пиля, а съ другой—

выгоднымъ, со временемъ, получить съ него хорошее вознагражденіе за услугу и доказать новымъ пятернымъ трактатомъ, что Франція, дѣйствительно, принята обратно въ число членовъ европейскаго концерта.

Но и въ Парижѣ, и въ провинціи общественное мнѣніе усмотрѣло въ уступчивости Гизо лишь постыдную капитуляцію передъ Англіей, лишь преступное отреченіе отъ своихъ правъ и своего національнаго достоинства. Нападки, посыпавшіяся по адресу правительства по поводу заключенія трактата 20 декабря, оказались одинаково рѣзкими, какъ въ палатѣ, такъ и въ прессѣ. Этотъ актъ подвергся открытому порицанію въ палатѣ депутатовъ, въ январѣ 1842 года; и когда, нѣсколько времени спустя, наступилъ срокъ обмѣна ратификацій, Гизо, къ величайшему неудовольствію англичанъ, принужденъ былъ попросить отсрочки. Три сѣверныя державы уже подписали протоколъ; оставалось получить лишь подпись Франціи. Людовикъ-Филиппъ и его министры надѣялись, что, со временемъ, общественное мнѣніе не будетъ такъ упорно отвергать ихъ политику. Они разсчитывали, главнымъ образомъ, на общіе выборы, происходившіе въ іюлѣ мѣсяцѣ. Но если эти выборы и обезпечили за Гизо рѣшительно-консервативное большинство, то, съ другой стороны, они не дали ему никакой поддержки въ его англійскихъ симпатіяхъ. Если прибавить, что въ это, именно, время (13 іюля), умеръ, тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду, герцогъ Орлеанскій, наслѣдникъ французскаго престола, что съ этого момента всѣ надежды монархіи переносились на четырехлѣтняго ребенка, и что предполагавшійся принцъ-регентъ [1]) былъ въ высшей степени непопуляренъ,—то станетъ понятнымъ, почему тюильрійскій кабинетъ не счелъ возможнымъ настаивать на заключеніи конвенціи, столь нежелательной для Франціи. Поэтому, по просьбѣ французскаго правительства, протоколъ былъ оставленъ безъ послѣдствій (9 ноября 1842 г.). Англія сочла себя глубоко оскорбленной. Ея неудовольствіе еще болѣе увеличилось послѣ парламентскихъ преній,

[1]) Герцогъ Немурскій (Людовикъ-Карлъ-Филиппъ-Рафаэль Орлеанскій), второй сынъ Людовика-Филиппа, родился въ Парижѣ 25 октября 1814 г.; кандидатъ на греческій престолъ (1824—1825 гг.) и на бельгійскій (1830—1831 гг.); генералъ-майоръ (1834 г.); генералъ-лейтенантъ (11 ноября 1837 г.), послѣ нѣсколькихъ кампаній въ Африкѣ; женился 27 апрѣля 1840 г. на принцессѣ Викторіи Саксенъ-Кобургской; удалился въ Англію послѣ февральской революціи 1848 г.; вернулся во Францію послѣ революціи 4 сентября 1870 г.—Герцогъ Немурскій имѣлъ двухъ сыновей: графа д'Э (родился 29 апрѣля 1842 г.), женившаго на принцессѣ изъ императорскаго бразильскаго дома, и герцога д'Алепсонъ (родился 12 іюля 1844 г.), женившагося 28 сентября 1868 г. на баварской принцессѣ.

происходившихъ въ бурбонскомъ дворцѣ въ январѣ 1843 года и поведшихъ къ тому, что Гизо принужденъ былъ дать обѣщаніе отказаться даже отъ договоровъ 1831 и 1833 гг.

§ 3. Въ виду проявленной Франціей по отношенію къ Англіи недоброжелательности,—не удивительно, что эта послѣдняя не осталась въ долгу и постаралась отплатить ей той же монетой. Въ это время іюльское правительство вело переговоры съ Бельгіей относительно заключенія таможеннаго союза по образцу Zollverein'a. Этотъ послѣдній, организованный Пруссіей въ 1833 году, былъ только-что передъ тѣмъ возобновленъ (1841 г.); благодаря введеннымъ улучшеніямъ, онъ сталъ функціонировать и лучше, и продуктивнѣе; а благодаря заключеннымъ съ различными державами [1]) трактатамъ, онъ получилъ большую прочность и значительное вліяніе во всей Европѣ. Zollverein стѣснялъ Бельгію въ ея торговыхъ интересахъ. Не желая быть имъ поглощенной, она была вынуждена искать во Франціи естественнаго сбыта для произведеній своей богатой промышленности. Переговоры между Брюсселемъ и Парижемъ завязались легко. Они, безъ сомнѣнія, быстро привели бы къ заключенію торговаго договора, соотвѣтствовавшаго интересамъ обоихъ государствъ, еслибы, въ этомъ случаѣ, Англіи не удалось снова поднять противъ Франціи всю Европу. Въ концѣ 1842 года, министерство Пиля, якобы подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, заявило тюильрійскому кабинету, что оно не можетъ допустить заключенія франко-бельгійскаго союза. Бельгія-де была объявлена нейтральнымъ государствомъ; ея коммерческій союзъ съ первоклассной державой явился бы скрытымъ протекторатомъ; она рискуетъ фактически потерять свою независимость; заключеніе съ ней такого договора противорѣчитъ духу трактатовъ. Три сѣверныя державы, на призывъ Великобританіи, не замедлили поддержать ея доводы, проявивъ при этомъ энергію, граничившую почти съ угрозой. Тщетно французское правительство старалось доказать, что законное для Пруссіи по ту сторону Рейна, не можетъ считаться незаконнымъ для Франціи по сю сторону Рейна. Не имѣя за собой достаточно силы, Франція принуждена была уступить. А такъ какъ проектъ франко-бельгійскаго союза не всѣми одобрялся даже и во Франціи [2]), то Гизо счелъ нужнымъ оставить его безъ по-

[1]) Въ особенности съ Турціей (22 октября 1840 г.), Англіей (2 марта 1841 г.), Нидерландами (8 февраля 1842 г.); съ этого времени Люксембургъ вошелъ въ составъ Zollverein'a.

[2]) Промышленники сѣверныхъ департаментовъ, боявшіеся конкуренціи бельгій-

слѣдствій; начиная съ 1843 года, о немъ ужъ не было больше и рѣчи.

Отказываясь отъ трактата 20 декабря, съ одной стороны, и отъ франко-бельгійскаго союза, съ другой—лондонскій и парижскій кабинеты дѣлали тѣмъ другъ другу весьма значительныя уступки. Они готовы были пойти и на еще бо́льшее. Но тѣмъ не менѣе, сердечное согласіе, котораго такъ добивались Эбердинъ и Гизо, совсѣмъ больше двигалось впередъ. Оба министра питали, лично другъ къ другу, большую склонность. Но интересы ихъ государствъ находились между собою въ явномъ противорѣчіи по столь важнымъ вопросамъ, что эти два государственные дѣятеля, въ концѣ концовъ, принуждены были пожертвовать личными симпатіями—насущнымъ потребностямъ ихъ государствъ.

§ 4. Изъ всѣхъ политическихъ вопросовъ, наиболѣе способствовалъ усиленію вражды между Франціей и Англіей, конечно, вопросъ испанскій. Какъ извѣстно, Англія съ давнихъ поръ старалась распространить на весь Пиренейскій полуостровъ то свое господствующее вліяніе, которымъ она пользовалась въ Португаліи. Но въ Мадридѣ она сталкивалась съ Франціей. Послѣдняя начинала, какъ разъ въ разбираемой періодъ, исправлять ошибки Людовика-Филиппа и возвращать утерянное при немъ значеніе. Эспартеро, удаливъ Марію-Христину во Францію, управлялъ государствомъ въ качествѣ регента (съ 8 мая 1841 г.), въ виду малолѣтства королевы Изабеллы. Хотя онъ принадлежалъ къ партіи прогрессистовъ, однако, и Эбердинъ, и Пальмерстонъ, поддерживали его всѣми своими силами, понемногу увлекая его на путь реакціи и заставляя его весьма дорого платить Великобританіи за оказываемую помощь [1]). Наоборотъ, французское правительство изо всѣхъ силъ добивалось низложенія Эспартеро, которому оно, между прочимъ, отказало въ признаніи. Марія-Христина проживала въ Парижѣ. Людовикъ-Филиппъ, родной ея дядя, оказалъ ей самый радушный и сердечный пріемъ. Она предлагала ему выдать свою дочь Изабеллу за герцога Омаль-

скихъ произведеній, въ октябрѣ и ноябрѣ 1842 г., весьма активно агитировали противъ таможеннаго договора съ Бельгіей.

[1]) А именно, Эбердинъ получилъ отъ Эспартеро значительныя торговыя преимущества и добился того, что Испанія уступила Англіи двѣ свои колоніи, Фернандо-По и Аннобонъ, въ награду за оказанную ею помощь въ войнѣ съ карлистами.

скаго [1]), между тѣмъ какъ Эспартеро настаивалъ на бракѣ этой принцессы съ германскимъ принцемъ, находящимся подъ покровительствомъ Англіи. Поэтому, маленькая кучка испанскихъ выходцевъ, окружавшихъ королеву, была почти открыто поощряема французскимъ королемъ составлять заговоры противъ регента. Два возстанія, съ которыми Эспартеро пришлось бороться въ сентябрѣ и октябрѣ 1841 года, были организованы въ Парижѣ. Іюльское правительство незадолго передъ тѣмъ аккредитовало, въ угоду лондонскому кабинету, посланника [2]) при мадридскомъ дворѣ, но затѣмъ не замедлило отозвать его обратно (январь 1842 г.). Съ этого времени христиносы стали интриговать еще болѣе энергично. Крайніе (exaltados), возмущенные самовластными поступками регента и его уступчивостью по отношенію къ Англіи, также обратились противъ него. Правда, ему удалось съ успѣхомъ подавить возстаніе въ Барцелонѣ (конецъ 1842 г.), но при этомъ ему пришлось пролить потоки крови. Благодаря всему этому, побѣдитель карлистовъ, которому еще недавно поклонялась вся Испанія, сталъ быстро терять всякую популярность. Въ январѣ 1843 года ему пришлось распустить кортесовъ, а затѣмъ, послѣ жестокаго кризиса, явившагося для него зловѣщимъ предзнаменованіемъ—онъ счелъ нужнымъ вторично распустить народныхъ представителей (26 мая). Тогда вся Испанія возстала. Генералъ Нарваэсъ [3]), довѣренное лицо и представитель Маріи-

[1]) Герцогъ Омальскій (Генрихъ-Евгеній-Филиппъ-Людовикъ Орлеанскій), четвертый сынъ Людовика-Филиппа, родился въ Парижѣ 16 января 1822 г.; наслѣдникъ принцевъ Кондэ, послѣ смерти послѣдняго принца изъ этого дома (1830 г.); зачисленъ въ армію въ 1839 г.; генералъ-майоръ (октябрь 1842 г.) послѣ нѣсколькихъ африканскихъ кампаній; генералъ-лейтенантъ (октябрь 1843 г.) послѣ взятія Смалы; женился 25 ноября 1844 г. на принцессѣ Маріи-Каролинѣ-Августѣ Бурбонской, дочери герцога Салернскаго; послѣ новыхъ алжирскихъ кампаній, назначенъ генералъ-губернаторомъ Алжира (1847 г.); послѣ февральской революціи удалился въ Англію, гдѣ посвятилъ весь свой досугъ военнымъ и историческимъ изслѣдованіямъ, изъ которыхъ самымъ выдающимся является его „Исторія принцевъ Кондэ"; вернулся во Францію послѣ революціи 1870 г.; представитель департамента Уазы въ Національномъ Собраніи (февраль 1871 г.); возстановленъ въ чинѣ дивизіоннаго генерала (мартъ 1872 г.); предсѣдатель военнаго совѣта, осудившаго маршала Базэна (октябрь —декабрь 1873 г.); командующій 7-мъ армейскимъ корпусомъ (1873—1879 гг.); избранъ членомъ французской Академіи 30 декабря 1871 г.; вычеркнутъ изъ списка военнослужащихъ въ силу закона 1886 г.; вскорѣ затѣмъ былъ изгнанъ изъ французской территоріи; впослѣдствіи получилъ дозволеніе возвратиться.

[2]) Герцогъ де-Сальванди.—Такъ какъ регентъ требовалъ, чтобы его вѣрительныя грамоты были представлены не королевѣ Изабеллѣ, а ему лично, то этотъ дипломатъ не могъ занять офиціально своего поста и, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, уѣхалъ обратно въ Парижъ.

[3]) Нарваэсъ (Рамонъ-Марія), родился въ Лойѣ (Андалузія) въ 1800 году; слу-

Христины, прибылъ изъ Парижа, безпрепятственно вошелъ въ Мадридъ и, не заставъ въ немъ Эспартеро, усмирявшаго въ это время возстаніе въ Андалузіи, немедленно направился противъ него. Этотъ послѣдній былъ быстро оттѣсненъ къ морю, сѣлъ (29 іюля) на корабль и отправился, какъ и слѣдовало ожидать, искать убѣжища въ Англіи.

Эта новая революція была очевиднымъ тріумфомъ французской политики. Но вполнѣ понятно, что указанный исходъ дѣла не могъ улучшить отношеній двухъ правительствъ: торжество Франціи еще больше озлобило Великобританію.

§ 5. Одновременно, самолюбіе и зависть Англіи были еще болѣе сильно задѣты успѣхами французской колоніальной политики, которую іюльское правительство первоначально проводило въ весьма осторожной формѣ, но въ осуществленіи которой оно теперь, повидимому, желало предоставить себѣ полную свободу. Англійская нація отнеслась къ этому вопросу съ болѣзненною воспріимчивостью, въ виду того, что именно въ это время успѣхи ея собственной колоніальной политики были крайне скудны. Правда, по Кантонскому трактату (29 августа 1842 года), Англія получила нѣкоторыя преимущества въ Китаѣ [1]). Но она нисколько не скрывала отъ себя того обстоятельства, что выгоды, полученныя ею, были совершенно ничтожны, по сравненію съ тягостями выдержанной ею двухлѣтней войны. Съ другой стороны, она потерпѣла (въ январѣ 1842 г.) жестокое пораженіе въ Афганистанѣ, которымъ она собралась завладѣть для того, чтобы

жилъ офицеромъ въ конституціонной арміи въ періодъ 1820—1823 гг.; находился въ отставкѣ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ царствованія Фердинанда VII. Въ 1834 году онъ перешелъ на сторону королевы Христины и Изабеллы, отличился въ войнѣ противъ карлистовъ, сдѣлался намѣстникомъ Старой Кастиліи, долженъ былъ удалиться во Францію (1840 г.) по поводу соперничества съ Эспартеро, котораго онъ низложилъ въ 1843 г.; въ слѣдующемъ году былъ назначенъ президентомъ совѣта съ титуломъ герцога Валенскаго (май 1844 г.); провелъ реакціонную конституцію 1845 года, былъ низложенъ 10 февраля 1846 г., нѣкоторое время пробылъ въ Парижѣ въ качествѣ посланника, былъ поставленъ во главѣ министерства, но продержался весьма не долго (4 октября 1847 г.); снова занялъ постъ главы кабинета въ 1849 г. и оставался на немъ въ теченіе двухъ лѣтъ; впослѣдствіи былъ представителемъ Испаніи въ Вѣнѣ, затѣмъ въ Парижѣ и еще три раза исполнялъ обязанности перваго министра (1856—1857, 1864—1865, 1866—1868); на этомъ посту онъ и умеръ 23 апрѣля 1868 года.

[1]) Англія получала: 105 милліоновъ вознагражденія, владѣніе островомъ Гонъ-Конгомъ и свободный доступъ ея торговымъ судамъ въ гавани Нингъ-По, Фу-чеу, Амой, и т. п. Это послѣднее преимущество, вмѣстѣ со многими другими, было обезпечено за Франціей безъ войны, трактатомъ въ Вампоа (24 октября 1844 г.)

защитить Индію отъ посягательствъ Россіи; и хотя впослѣдствіи Англіи и удалось возстановить честь поруганнаго знамени, но —скрѣпя сердце, въ интересахъ мудрой политики,—ей пришлось отказаться отъ завладѣнія этой страной. Между тѣмъ Франція, увеличивая съ огромной быстротой свои военныя предпріятія, повсюду добивалась значительныхъ успѣховъ. Въ томъ же 1842 году она завладѣла Майотой и Носси-бе, изъ которыхъ можно было прекрасно наблюдать за Мадагаскаромъ; на западномъ берегу Африки она основала поселенія: Великій-Бассамъ, Ассинію и Габонъ. Въ Океаніи, гдѣ Франція уже съ давнихъ поръ нуждалась въ удобной стоянкѣ для своихъ кораблей, она завладѣла Маркизскими островами и заставила королеву Помаре, владѣтельницу острововъ Товарищества [1]), признать надъ собой французскій протекторатъ. Всѣ эти мелкіе успѣхи Франціи—Англія сносила довольно спокойно. Но она никакъ не могла смотрѣть хладнокровно на постоянно распространявшееся владычество французовъ въ Алжирѣ, относительно котораго Людовикъ-Филиппъ, съ цѣлью успокоить англійскій дворъ, сначала пошелъ, было, на уступки и колонизація котораго, по первоначальному мнѣнію англичанъ, превышала силы Франціи. Завоеваніе этого края, такъ долго тянувшееся и все еще находившееся въ первоначальномъ фазисѣ своего развитія (несмотря на нѣкоторые отдѣльные успѣхи французскаго оружія),—было приведено въ систему только въ эпоху кризиса 1840 года, когда французское правительство перестало считаться съ лондонскимъ дворомъ. Генералъ Бюжо [2]), назначенный генералъ-губернаторомъ и снабженный арміей въ количествѣ, соотвѣтствовавшемъ важности возложенной на него

---

[1]) Въ силу трактата, заключеннаго въ Папеити (столицѣ острововъ Таити) 9 сентября 1842 года.

[2]) Бюжо де-ла-Пиконнери (Ѳома-Робертъ), родился въ Лиможѣ 15 октября 1784 года; капралъ въ битвѣ при Аустерлицѣ; полковникъ въ 1814 г.; разжалованъ въ эпоху второй Реставраціи; генералъ-майоръ (1831 г.); въ этомъ же году былъ избранъ депутатомъ; былъ повторно избираемъ вплоть до 1846 г.; получилъ порученіе наблюдать за герцогиней Беррійской въ крѣпости Блэ (1833 г.); произведенъ въ генералъ-лейтенанты (1836 г.) послѣ удачной кампаніи противъ Абдъ-ель-Кадера; снова посланъ въ Африку (1837 г.), гдѣ онъ подписалъ Тафнскій трактатъ; генералъ-губернаторъ Алжира (29 декабря 1840 г.), въ которомъ онъ закончилъ завоеваніе и началъ колонизацію; маршалъ Франціи (31 іюля 1843 г.); получилъ титулъ герцога Іслійскаго, послѣ битвы при Исли (1844 г.); замѣщенъ въ управленіи Алжиромъ герцогомъ Омальскимъ (сентябрь 1847 г.); главнокомандующій альпійской арміей (20 декабря 1848 г.); представитель Нижней Шаренты въ Законодательномъ Собраніи (май 1849 г.); умеръ въ Парижѣ 10 іюня 1849 года.

задачи [1]), установилъ въ 1841 году тотъ способъ веденія войны, котораго французы уже давно должны были бы держаться въ войнѣ противъ арабовъ. Абдъ-ель-Кадеръ, разбитый въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, принужденъ былъ искать убѣжища въ Марокко (1842 г.). Если, благодаря помощи этого послѣдняго государства, а также и Англіи, непрерывно доставлявшей ему средства для продолженія борьбы, онъ и оказался въ состояніи снова перейти къ наступленію, то взятіе Смалы герцогомъ Омальскимъ (16 мая 1843 г.) и другіе, не менѣе славные успѣхи французскаго оружія, довели его до того, что онъ, во второй разъ, принужденъ былъ покинуть алжирскую территорію. Вся эта страна была, такимъ образомъ, подчинена нашему оружію. Отсюда французское вліяніе распространялось до Туниса, бей котораго, несмотря на протесты Порты, добивался нашего покровительства [2]). Наконецъ, Франція стала показывать свое желаніе покончить съ Марокко, которое служило мѣстомъ пребыванія и операціонною базою для Абдъ-ель-Кадера. Поэтому, Англія, раздраженная нашими успѣхами, почти открыто обѣщала свою поддержку этому государству, такъ какъ оно могло возобновить и затянуть алжирскую войну.

§ 6. Министерство Пиля, которое, во внутреннихъ дѣлахъ, боролось съ большими затрудненіями [3]), боялось разрыва съ Франціей. Оно желало добиться того, чтобы эта держава путемъ

[1]) Въ 1841 году подъ его начальствомъ была сосредоточена армія въ 64.000 человѣкъ; позднѣе у него было 100.000 человѣкъ и даже болѣе.

[2]) Въ 1835 и 1837 гг. іюльская монархія воспротивилась попыткамъ Порты подчинить своему непосредственному вліянію тунисскаго бея, съ давнихъ поръ пользовавшагося автономіей.

[3]) Съ одной стороны, Манчестерская Лига сторонниковъ свободной торговли (основанная въ 1838 г. Кобденомъ и достигшая большого значенія) все болѣе и болѣе настойчиво требовала отмѣны запретительныхъ и покровительственныхъ пошлинъ въ области хлѣбной торговли; съ другой стороны, чартисты (получившіе такое названіе отъ Хартіи Народа, знаменитой петиціи парламенту, поданной въ 1838 году) требовали: всеобщаго избирательнаго права, тайной подачи голосовъ, ежегодно избираемой палаты, уничтоженія ценза избираемости, жалованья депутатамъ, пропорціональнаго распредѣленія депутатскихъ мѣстъ. 2-го мая 1842 года они подали въ Палату Общинъ петицію съ 3.317.702 подписями. Наконецъ, несчастные ирландцы рѣшительно требовали отмѣны десятины, платимой ими англиканскому духовенству, расширенія избирательнаго права и установленія предѣловъ арендной платы. Ихъ предводитель, О'Коннель, призывалъ ихъ къ возстанію (1843 г.). Привлеченный къ отвѣтственности, онъ былъ присужденъ, послѣ долгихъ и знаменитыхъ преній, къ заключенію въ тюрьму и къ штрафу въ 50.000 франковъ (30 мая 1845 г.): плохое средство для усмиренія острова-брата.

добровольныхъ уступокъ успокоила недовѣрчивость британскаго народа. Поэтому, лондонскій кабинетъ счелъ необходимымъ, въ интересахъ благоразумной политики, чтобы королева Викторія посѣтила Людовика-Филиппа (въ началѣ сентября 1843 г.). Юная королева была принята въ замкѣ Э (Eu) съ почестями, свидѣтельствовавшими, на первый взглядъ, о самомъ сердечномъ радушіи. Французскій король, въ высшей степени обрадовавшись столь удобному случаю возстановить прежнее англо-французское соглашеніе, принялъ, съ своей стороны, всѣ мѣры для того, чтобы сдѣлать его возможнымъ. Но Эбердинъ, сопровождавшій свою королеву и имѣвшій случай весьма серьезно переговорить съ Гизо, добился отъ этого послѣдняго только вѣжливыхъ фразъ и неопредѣленныхъ увѣреній дружбы. Не согласится ли Франція на сохраненіе трактатовъ 1831 и 1833 г.г.? Будетъ ли Людовикъ-Филиппъ добиваться увеличенія своего вліянія въ Испаніи при помощи политики браковъ, которой Великобританія такъ опасалась? Будетъ ли оставленъ въ покоѣ Марокко?—Таковы были вопросы, которые постоянно выступали на очередь и на которые французскій министръ иностранныхъ дѣлъ старался дать удовлетворительные отвѣты, не будучи, однако, въ состояніи окончательно разсѣять сомнѣнія своего собесѣдника.

Итакъ, посѣщеніе замка Э мало удовлетворило британскій кабинетъ. Если бы онъ, дѣйствительно, добился отъ французскаго министерства всего того, чего желалъ, то ужъ, конечно, онъ не допустилъ бы той легитимистской демонстраціи, которую вскорѣ затѣмъ (въ ноябрѣ) вызвалъ герцогъ Бордоскій, принявшій имя —впослѣдствіи столь знаменитое—графа Шамбора: герцогъ отправился въ Лондонъ, куда главари его партіи явились привѣтствовать его весьма шумно, въ качествѣ короля. Людовикъ-Филиппъ обнаружилъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ слѣдовало, неудовольствія по поводу этого паломничества въ Belgrave square. Странное поведеніе англійскаго правительства глубоко затронуло его. Онъ не былъ способенъ отвѣтить немедленнымъ разрывомъ. Но, продолжая, въ видахъ благоразумной политики, щадить лондонскій дворъ, онъ, въ теченіе нѣкотораго времени, сталъ отстаивать свои интересы съ бо̀льшей настойчивостью, чѣмъ до тѣхъ поръ.

Прежде всего, дотолѣ все еще колебавшійся кабинетъ формально потребовалъ (въ декабрѣ) открытія переговоровъ по вопросу о пересмотрѣ трактатовъ 1831 и 1833 г.г. Эбердинъ, очень разсерженный этимъ требованіемъ, тѣмъ не менѣе, скрылъ свою досаду. Робертъ Пиль, менѣе дорожившій англо-французскимъ соглашеніемъ, открыто высказалъ свое неудовольствіе. Не-

обходимо замѣтить, что въ это же самое время французское правительство доставило ему еще и другіе поводы къ недовольству. Въ Испаніи, напримѣръ, Людовикъ-Филиппъ и его министры нанесли окончательное пораженіе англофильской партіи, давъ Нарваэсу возможность низложить кабинетъ Олозага, который являлся, въ нѣкоторой мѣрѣ, все-таки представителемъ крайнихъ (exaltados) (ноябрь—декабрь 1843 г.) [1]), и настоявъ на возвращеніи Маріи-Христины. Тщетно Эбердинъ указывалъ тюильрійскому двору, что Англія будетъ весьма благодарна Франціи, если отъѣздъ этой королевы будетъ нѣсколько задержанъ. Послѣдней дозволили безпрепятственно покинуть Парижъ въ февралѣ 1844 года; мѣсяцъ спустя, она была уже въ Мадридѣ; въ апрѣлѣ она удалила министерство Гонзалеса Браво, казавшееся ей подозрительнымъ въ виду своихъ революціонныхъ склонностей, несмотря на то, что ему она была обязана своимъ возвращеніемъ; Нарваэсъ былъ назначенъ министромъ; этотъ генералъ предлагалъ мѣры двоякаго рода: во-первыхъ измѣнить въ ультраконсервативномъ духѣ конституцію 1837 года, созданную подъ англійскимъ вліяніемъ, и, во-вторыхъ, по возможности скорѣе, выдать замужъ,—соотвѣтственно указаніямъ французскаго двора,—королеву Изабеллу и младшую ея сестру Луизу [2]).

[1]) Противники Эспартеро не замедлили раздѣлиться послѣ своей побѣды. Одни изъ нихъ (Лопецъ, Олозага, Кортина) являлись представителями прогрессивной партіи; тогда какъ другіе (генералы: Нарваэсъ, О'Доннель, Конча) принадлежали къ партіи консервативной и требовали возвращенія Маріи-Христины. Обѣ партіи оспаривали другъ у друга вліяніе на юную королеву, только-что передъ тѣмъ провозглашенную совершеннолѣтнею. Нарваэсъ, пользовавшійся личнымъ расположеніемъ Изабеллы, заставилъ Лопеца выйти въ отставку (ноябрь 1843 г.). Чтобы избавиться отъ Олозага, заступившаго его въ качествѣ президента совѣта, Нарваэсъ и его сторонники оклеветали его въ томъ, что онъ будто бы ночью 28 ноября 1843 г. силою заставилъ королеву, водя ея руку, подписать декретъ о распущеніи кортесовъ. Бывшему министру пришлось бѣжать, и занявшій его мѣсто Гонзалесъ Браво не замедлилъ призвать обратно королеву-мать (декабрь 1843 г.).—Олозага (Салюстьяно), родился въ Логроньо въ 1803 году, изгнанъ въ царствованіе Фердинанда VII; въ 1834 г. былъ избранъ кортесомъ, гдѣ быстро занялъ выдающееся положеніе; былъ посланникомъ во Франціи въ періодъ 1840—1843 г.г. Возвратившись въ Испанію послѣ четырехлѣтней опалы (1847 г.), онъ былъ заключенъ въ тюрьму, затѣмъ подвергнутъ ссылкѣ; снова появился въ собраніи кортесовъ въ 1848 г., но послѣ новыхъ преслѣдованій былъ назначенъ посланникомъ въ Парижѣ; принималъ дѣятельное участіе въ составленіи конституціи 1855 г.; 1856 годъ провелъ вдали отъ всякаго участія въ дѣлахъ; опять пріобрѣлъ громадное вліяніе во время революціи 1868 года, послѣ которой онъ во второй разъ занялъ постъ посланника во Франціи; президентъ собранія кортесовъ, снова посланникъ во Франціи вплоть до іюня 1873 года; умеръ 26 сентября того же года въ Энгіенѣ.

[2]) Инфанта Луиза-Фернанда, род. въ 1832 году.

На другомъ концѣ Европы авторитетъ Англіи также былъ скомпрометированъ происками іюльскаго правительства. Греція, получивъ короля съ 1833 года, не имѣла еще конституціи. Плохо управляя ею, Оттонъ Баварскій упорно отказывался, къ тому же, дать ей парламентарную свободу, несмотря на весьма настойчивыя требованія своихъ подданныхъ. Вспыхнувшая 15 сентября 1843 года народная и военная революція, заставила его уступить. Это происшествіе, косвеннымъ образомъ вызванное Англіей [1]), вопреки желаніямъ Франціи и Россіи, должно было, повидимому, обезпечить за англійскимъ правительствомъ преобладающее вліяніе въ Греціи. И дѣйствительно, когда, наконецъ, конституція получила силу закона, главное управленіе государственными дѣлами было ввѣрено Маврокордато, открытому стороннику лондонскаго двора. Но этотъ министръ, съ момента своего появленія у власти, встрѣтилъ сильную оппозицію и скоро былъ доведенъ до безсилія приверженцами французской партіи, во главѣ съ Коллетисомъ [2]), прибывшимъ изъ Парижа [3]) и пользовавшимся, со времени войны за независимость, громадной популярностью въ Греціи. Его сильно поддерживалъ представитель Людовика-Филиппа, Пискатори [4]), человѣкъ весьма энергичный и уважаемый греками. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Маврокордато принужденъ былъ сложить свои полномочія, и его

---

[1]) Представителемъ ея въ Аѳинахъ былъ въ это время сэръ Эдмондъ Лайонсъ, дипломатъ школы Пальмерстона. Онъ пользовался услугами прогрессивной партіи, поддерживая ее точно такъ же какъ его товарищи, Вилльеръ и Астонъ, поддерживали конституціоналистовъ въ Испаніи.

[2]) Коллетисъ (Иванъ) родился недалеко отъ Янины въ 1788 году; былъ однимъ изъ выдающихся начальниковъ греческаго возстанія съ 1821 г.; членъ Эпидаврскаго конгресса (1822 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ; экзархъ Эвбеи, членъ исполнительнаго совѣта (1824 г.), впослѣдствіи—Панеллевіона (1828 г.); членъ временнаго греческаго правительства послѣ смерти Каподистріа (1831 г.); въ царствованіе Оттона (1833 г.) президентъ совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ; послѣ продолжительнаго пребыванія въ качествѣ представителя во Франціи, былъ назначенъ первымъ министромъ, съ портфелемъ министра иностранныхъ дѣлъ; на этомъ посту онъ и умеръ 12 сентября 1847 года.

[3]) Гдѣ онъ прожилъ, въ качествѣ полномочнаго министра Греціи съ 1835 по 1843 годъ.

[4]) Пискатори (Теобальдъ-Эмиль-Аркамбаль) родился въ Парижѣ въ 1799 году; въ эпоху Реставраціи сражался за независимость Греціи; въ 1832 году былъ избранъ въ палату депутатовъ, гдѣ былъ сторонникомъ консервативной политики; въ 1842 не былъ избранъ; французскій полномочный министръ въ Греціи (1844 г.); пэръ Франціи (1846 г.); посланникъ въ Испаніи (1847 г.); членъ Законодательнаго Собранія (1849—1851 гг.), гдѣ засѣдалъ на скамьяхъ противо-республиканскаго большинства; удалился отъ дѣлъ послѣ 2 декабря и умеръ въ 1870 году.

соперникъ, Коллетисъ, занялъ министерскій постъ (августъ 1844 г.), на которомъ, несмотря на заявленный Англіей протестъ [1]), и продержался до самой смерти.

§ 7. Дипломатическіе успѣхи Франціи въ Испаніи и Греціи глубоко затронули самолюбіе Великобританіи; но особенно повліяли на послѣднюю тріумфы французскаго оружія въ Африкѣ. Іюльское правительство, стараясь избѣжать разрыва съ лондонскимъ дворомъ, постановило не занимать наступательнаго положенія противъ Марокко и, въ случаѣ необходимости произвести военную демонстрацію, не предпринимать завоеванія этой страны ни въ цѣломъ, ни по частямъ. Но, въ случаѣ открытаго нападенія, оно, очевидно, не могло допустить посрамленія французскаго знамени. А между тѣмъ оказалось, что, весной 1844 года, марокккое населеніе, подъ вліяніемъ Абдъ-ель-Кадера, проповѣдывавшаго священную войну, открыто подняло оружіе противъ Франціи. Марокккій султанъ, Мулей-Абдъ-еръ-Рахманъ, предпочелъ уступить требованіямъ своихъ подданныхъ, сознавая, что при первой попыткѣ къ сопротивленію онъ будетъ низложенъ съ престола. 30 мая, его войска атаковали (впрочемъ, безуспѣшно) французскіе аванпосты при Лалла-Магрнія. Послѣ этого, французское правительство не сочло возможнымъ колебаться. Но оно не сразу отомстило за нанесенное ему оскорбленіе. Въ то время какъ маршалъ Бюжо сталъ собирать свои войска на границѣ, по сю сторону Тафны, принцъ Жуанвиль [2]), съ сильной эскадрой,

---

[1]) Сэръ Эдмондъ Лайонсъ, тогдашній представитель Англіи въ Аѳинахъ, безпрестанно, начиная съ конца 1844 г., строилъ козни министру Коллетису. Британское правительство, не довольствуясь возбужденіемъ анархіи и разбоевъ въ греческомъ государствѣ, въ козняхъ своихъ дошло до того, что путемъ подстрекательства заставило Турцію сосредоточить свои войска на греческой границѣ. Послѣднее обстоятельство чуть было не привело въ 1845 и 1846 годахъ къ серьезному конфликту между Греціей и Турціей.

[2]) Жуанвиль (Францискъ-Фердинандъ-Филиппъ-Людовикъ-Марія, принцъ Орлеанскій), третій сынъ Людовика-Филиппа, родился въ Нейли 14 октября 1818 года; лейтенантъ въ 1836 г.; капитанъ въ 1838 г., послѣ бомбардировки Сентъ-Жанъ д'Уллоа; въ 1840 году получилъ порученіе привезти съ острова Св. Елены смертные останки Наполеона; 1-го мая 1843 г. вступилъ въ бракъ съ принцессой Франческой Браганцской, сестрой бразильскаго императора Д. Педро II; назначенъ контръ-адмираломъ въ 1843 г., вице-адмираломъ въ слѣдующемъ году, послѣ Марокккой экспедиціи; удалился въ Англію послѣ февральской революціи; вернулся во Францію (сентябрь 1870 г.), гдѣ онъ предложилъ свои услуги правительству Національной Обороны, но получилъ предложеніе покинуть Францію; несмотря на это, онъ вскорѣ снова возвратился и, подъ именемъ полковника Лютерода, принималъ участіе въ операціяхъ луарской арміи; снова изгнанъ въ январѣ 1871 г.; 8-го февраля слѣдующаго года

занялъ позицію противъ Танжера (9 іюля) и послалъ марокскому султану ультиматумъ, составленный въ весьма умѣренныхъ выраженіяхъ. И только послѣ цѣлаго мѣсяца тщетныхъ переговоровъ (Англія, во что бы то ни стало, стремилась затянуть переговоры) оба командующіе французскими силами рѣшились дѣйствовать силою. 6 августа, крѣпость Танжеръ была бомбардирована принцемъ Жуанвилемъ; 15 числа крѣпость Могадоръ подверглась той же участи; а Бюжо, тѣмъ временемъ, разбилъ наголову марокскую армію на берегахъ рѣки Исли (14 августа). Таковы были успѣхи французскаго оружія; несмотря на нѣкоторое свое опозданіе, они, все-таки, блестящимъ образомъ смывали нанесенное Франціи оскорбленіе.

Подвиги принца и маршала были встрѣчены въ Парижѣ съ величайшею радостью и гордостью; въ Лондонѣ же они возбудили трудно описуемое негодованіе. Необходимо однако замѣтить что Англія, несмотря на свое крайнее раздраженіе, не могла найти въ марокскомъ индидентѣ никакихъ основаній для ссоры съ Франціей. Правительство Людовика-Филиппа не нападало первое на Абдъ-еръ-Рахмана; оно искало только удовлетворенія за незаконныя дѣйствія послѣдняго. Оно не только не думало о завоеваніи Марокко, но Жуанвиль даже не занялъ ни Танжера, ни Могадора, а Бюжо, несмотря на свою побѣду, не продвигался вглубь страны. Англіи, поэтому, нуженъ былъ другой предлогъ, чтобы излить свое неудовольствіе. Она нашла таковой въ одномъ весьма незначительномъ дипломатическомъ инцидентѣ; во всякое другое время на него не обратили бы никакого вниманія; но въ данный моментъ онъ былъ раздутъ англичанами до необычайныхъ размѣровъ.

Французскій протекторатъ надъ Таити встрѣтилъ, въ сентябрѣ 1842 года, рѣшительнаго врага въ лицѣ одного англичанина, по имени Притчарда, издавна поселившагося на этомъ островѣ и исполнявшаго тамъ обязанности миссіонера и британскаго консула, а также—въ свободное время—аптекаря и комиссіонера. Этотъ пронырливый человѣкъ возымѣлъ такое вліяніе на королеву Помаре, что та, по истеченіи нѣкотораго времени, стала игнорировать трактатъ, заключенный ею съ адмираломъ

былъ избранъ въ Національное Собраніе, въ которомъ и засѣдалъ съ декабря мѣсяца; въ 1872 году возстановленъ въ чинѣ вице-адмирала; въ іюлѣ 1886 г. вычеркнутъ изъ списка служащихъ во флотѣ.—Принцъ Жуанвиль имѣлъ двухъ дѣтей: принцессу Франциску-Марію-Амелію, родившуюся 14 августа 1844 г., въ бракѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ, герцогомъ Шартрскимъ, и герцога де-Пэнтьевръ (Петръ-Филиппъ-Жанъ-Марія Орлеанскій), родившагося 4 ноября 1845 года.

Дюпети-Туаромъ. Поэтому, послѣдній, возвратившись, послѣ продолжительной отлучки, на Таити, счелъ себя вправѣ низложить эту королеву и объявить французскимъ владѣніемъ весь архипелагъ островов Товарищества (ноябрь 1843 г.). Правда, іюльское правительство, неусыпно заботясь о предупрежденіи конфликтовъ съ Англіей, въ февралѣ 1844 года отказалось поддержать адмирала. Но на Таити, гдѣ еще не знали объ этомъ отказѣ, французскіе агенты завладѣли властью и, въ виду вспыхнувшаго среди туземцевъ возстанія, явно подстрекаемаго Притчардомъ, комендантъ Папеити рѣшилъ арестовать этого человѣка; послѣдній, сложивъ съ себя, нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, званіе англійскаго консула, болѣе уже не пользовался преимуществами дипломатическаго агента; въ началѣ марта мѣсяца онъ былъ изгнанъ съ острова. Извѣстіе объ этомъ маловажномъ происшествіи пришло въ Англію въ концѣ іюля мѣсяца, почти одновременно съ пріѣздомъ самого Притчарда. Британскій патріотизмъ былъ въ этотъ моментъ возбужденъ до послѣдней крайности. Благочестивый миссіонеръ былъ принятъ, какъ мученикъ. Толпа бѣгала за нимъ и слушала его; въ скоромъ времени раздраженіе народа противъ Франціи и ея правительства достигло апогея своего развитія. Почтенный Робертъ Пиль не устыдился заявить въ палатѣ общинъ, что Англія грубо оскорблена въ своемъ самолюбіи, и что ей необходимо удовлетвореніе. Само собою разумѣется, что общественное мнѣніе во Франціи не отнеслось спокойно къ подобнымъ угрозамъ Англіи. Изъ Лондона и изъ Парижа раздавались, съ постоянно возрастающимъ ожесточеніемъ, колкости и вызовы по адресу противника. Словомъ, въ концѣ августа, казалось, что сердечное согласіе окончится взаимнымъ объявленіемъ войны.

Людовикъ-Филиппъ, болѣе чѣмъ когда-либо, былъ сторонникомъ мира. Онъ вовсе не былъ расположенъ воевать изъ-за tristes bêtises de Taïti, какъ онъ называлъ таитійскій инцидентъ. Его упрекали, и не безъ нѣкотораго основанія, въ той поспѣшности, съ которой онъ уступилъ въ данномъ дѣлѣ требованіямъ Англіи. Можетъ быть, онъ проявилъ бы съ своей стороны больше настойчивости и гордости, если бы ему не внушило опасеній незадолго передъ тѣмъ происшедшее зловѣщее сближеніе между Великобританіей и Россіей. Дѣло въ томъ, что въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Лондонъ прибылъ русскій императоръ, съ цѣлью торжественно посѣтить королеву Викторію. Этотъ монархъ, продолжавшій питать по отношенію къ іюльскому правительству не только холодность, но и глубокое презрѣніе, всѣми силами

старался убѣдить Великобританію и ея правительство въ своихъ дружественныхъ чувствахъ. Его ненависть къ іюльской Франціи еще болѣе усиливала его желаніе помѣшать искреннему сближенію между этой державой и лондонскимъ дворомъ. Но, кромѣ этого, онъ имѣлъ еще и другія намѣренія. Какъ впослѣдствіи стало извѣстно—главной цѣлью его посѣщенія королевы Викторіи было желаніе подготовить тѣсное соглашеніе между Россіей и Англіей для урегулированія Восточнаго вопроса помимо Франціи. По мнѣнію царя, вмѣсто безконечныхъ споровъ изъ-за господства въ Азіи, которая никогда не могла сдѣлаться исключительнымъ достояніемъ ни той, ни другой стороны,—для обѣихъ державъ являлось гораздо болѣе цѣлесообразнымъ полюбовно разграничить сферы ихъ вліянія. Спустя нѣкоторое время, графъ Нессельроде [1]) вручилъ Эбердину весьма секретный меморандумъ, въ которомъ, въ скрытыхъ выраженіяхъ, былъ набросанъ проектъ раздѣла турецкой имперіи, одинаково выгодный для обоихъ дворовъ. Это предложеніе, которое, какъ мы увидимъ ниже [2]), императоръ Николай I еще разъ представилъ Англіи въ 1853 году,—не имѣло никакихъ шансовъ получить одобреніе со стороны Foreign Office'а; и дѣйствительно, оно имѣло своимъ результатомъ скорѣе удаленіе, чѣмъ сближеніе русскаго и англійскаго правительствъ.

Но Людовикъ-Филиппъ, не знавшій истинной цѣли царскаго визита въ Виндзоръ, могъ думать, что ему угрожаетъ новый англо-русскій союзъ. Онъ зналъ по опыту, въ какую цѣну ему обошлось соглашеніе лондонскаго и петербургскаго кабинетовъ въ 1840 году. И онъ особенно боялся возобновленія этого соглашенія. Отсюда становится понятной его чрезвычайная покорность передъ британскимъ кабинетомъ въ такой моментъ, когда, въ качествѣ побѣдителя, онъ могъ говорить и громко, и настойчиво. Какъ бы то ни было, но Франція съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ негодованіемъ, констатировала уступчивость своего короля. 29 августа, Людовикъ-Филиппъ, черезъ Гизо, офиціально выразилъ свое сожалѣніе по поводу происшествія съ Притчар-

---

[1]) Нессельроде (Карлъ-Робертъ, графъ) родился 14 декабря 1780 года; въ періодъ 1802—1807 гг. служилъ причисленнымъ при посольствѣ, затѣмъ при государственной канцеляріи и, наконецъ, при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ снискалъ довѣріе и дружбу императора Александра I; главный уполномоченный Россіи во время важныхъ переговоровъ 1813 и 1814 гг. и на вѣнскомъ конгрессѣ (1814—1815 гг.); руководилъ иностранной политикой Россіи, первоначально вмѣстѣ съ Каподистріа, а потомъ—одинъ, вплоть до 1856 г.; умеръ 22 марта 1862 года.

[2]) Т. II этого сочиненія, глава III.

домъ; 2 сентября, онъ предложилъ послѣднему денежное вознагражденіе, которое являлось новымъ тріумфомъ для англійскаго высокомѣрія; наконецъ, 10-го числа того же мѣсяца, по его приказанію былъ подписанъ Танжерскій мирный трактатъ съ побѣжденнымъ марокканскимъ султаномъ; условія этого трактата были совершенно тождественны съ тѣми, которыя были предложены ему еще до пораженія. Франція не получала ни одного города отъ этого монарха; она не требовала отъ него ни одного сантима вознагражденія за военные убытки; относительно заявленнаго ею требованія объ изгнаніи Абдъ-ель-Кадера, она довольствовалась обѣщаніями, слѣдить за исполненіемъ коихъ она была не въ состояніи и которыя, поэтому, такъ и остались неисполненными. Политика 29 октября, какъ мы видимъ, приводила къ весьма печальнымъ результатамъ. Людовикъ-Филиппъ и Гизо еще разъ выставили на поруганіе достоинство своей страны. Они окончательно погубили свою популярность. И все это—совершенно даромъ, потому что шансы на англо-французское сближеніе были болѣе слабыми, чѣмъ когда-либо раньше.

§ 8. Для того, чтобы поддержать, въ предѣлахъ возможнаго, англо-французское соглашеніе, Людовикъ-Филиппъ отправился въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Лондонъ и Виндзоръ, сгорая желаніемъ блеснуть не хуже императора Николая I. Этотъ поступокъ, въ связи съ предшествовавшими униженіями, былъ сочтенъ во Франціи новымъ оскорбленіемъ для національнаго достоинства, и общественное мнѣніе сурово осудило государя, такъ скоро забывающаго обиды. Англія, несмотря на то, что визитъ французскаго короля льстилъ ея самолюбію, не проявила ни малѣйшей благодарности. Правда, между королевой Викторіей и ея высокимъ гостемъ, съ одной стороны, и Эбердиномъ и Гизо, съ другой—произошелъ обмѣнъ увѣреній въ дружбѣ; но это не могло разсѣять политическихъ разногласій между лондонскимъ и парижскимъ дворами, увеличивавшихся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Въ числѣ вопросовъ, по которымъ обѣимъ державамъ было особенно трудно прійти къ соглашенію,—все еще ждалъ своей очереди вопросъ о правѣ осмотра кораблей. Во Франціи и газеты, и палаты, и большая часть населенія единогласно требовали отмѣны трактатовъ 1831 и 1833 гг. Въ Англіи общественное мнѣніе не могло простить іюльскому правительству отказа отъ ратификаціи конвенціи 20 декабря 1841 года; и поэтому, съ тѣмъ бо̀льшимъ негодованіемъ относилось оно къ на-

мѣренію отмѣнить старые два трактата. Людовикъ-Филиппъ, поставленный въ безвыходное положеніе, не могъ больше отступать. Послѣ печальной таитійской исторіи Франція нуждалась, и притомъ безотлагательно хоть въ самомъ небольшомъ удовлетвореніи чувства самолюбія. Даже притчардисты [1]) признавали необходимость этого. Поэтому, французское министерство сочло своей обязанностью, въ концѣ 1844 года, ускорить разрѣшеніе такъ долго остававшагося открытымъ вопроса о пересмотрѣ трактатовъ. Кабинетъ Пиля, своимъ нерасположеніемъ и умышленной медленностью, попробовалъ, было, затянуть переговоры. Но Гизо чувствовалъ необходимость кончать, во что бы то ни стало. Въ концѣ концовъ, англійское правительство, не считая, съ одной стороны, возможнымъ воевать съ Франціей, а съ другой—не желая отказаться отъ борьбы съ торговлей неграми (послѣдняя возможна была только по договору съ французскимъ правительствомъ) согласилось—правда, весьма неохотно—на измѣненія, предложенныя тюильрійскимъ дворомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, два комиссара, по одному отъ каждой изъ договаривающихся сторонъ, съѣхались въ Лондонъ (мартъ 1845 г.), съ цѣлью выработать условія новой конвенціи. Представителемъ Франціи былъ герцогъ Брольи, а Англіи—докторъ Лушингтонъ. Послѣдній оказалъ отчаянное сопротивленіе. Но на этотъ разъ, іюльское правительство не соглашалось на уступки. Результатомъ переговоровъ, окончившихся 29 мая 1845 года, явилось соглашеніе, по которому: 1) зона надзора была ограничена западнымъ берегомъ Африки; 2) Франція и Англія обязаны были содержать въ означенной зонѣ одинаковое число крейсеровъ, по 26 судовъ каждая; 3) взаимное право осмотра было уничтожено [2]); 4) наконецъ, трактаты 1831 и 1833 гг. были пріостановлены въ своемъ дѣйствіи и затѣмъ должны были быть уничтожены, если къ концу дѣйствія новаго соглашенія, т.-е., по истеченіи десятилѣтняго срока, они не были бы формально возстановлены въ силѣ. —Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, компромиссъ двухъ державъ. Англичане сочли его позорнымъ для себя и стали требовать новыхъ компенсацій.

§ 9. Тогда взоры британскаго правительства обратились къ

---

[1]) Такъ были прозваны депутаты и журналисты, поддерживавшіе въ этомъ дѣлѣ правительство.

[2]) Каждая изъ державъ могла осматривать суда, плавающія подъ ея флагомъ или подъ флагомъ государства, заключившаго съ нею трактатъ на основаніи принциповъ права осмотра.

Испаніи. Къ величайшему неудовольствію англичанъ, іюльское правительство все еще пользовалось въ Мадридѣ неограниченнымъ вліяніемъ. Благодаря ему, Марія-Христина сдѣлалась всемогущею. Ея креатура, Нарваэсъ, добился отъ кортесовъ, несмотря на тайные происки британскихъ дипломатовъ, согласія на новую конституцію, которая была совершенно аналогична съ французской пересмотрѣнной Хартіей 1830 года [1]). Въ данный моментъ, первостепенную важность представлялъ вопросъ о женитьбѣ юной королевы Изабеллы и ея сестры, инфанты Луизы-Фернанды. Вся Европа была заинтересована этимъ вопросомъ. Но понятно, что особенно были озабочены имъ кабинеты лондонскій и парижскій. Людовикъ-Филиппъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, безпрерывно занимался имъ. Марія-Христина нѣсколько разъ предлагала ему устроить бракъ старшей ея дочери съ герцогомъ Омальскимъ. Но, каковы бы ни были его тайныя желанія, онъ принужденъ былъ отказаться, не желая возбуждать подозрѣній въ Англіи. Поэтому, уже давно онъ заявлялъ, что отказывается отъ мысли помѣстить своего сына на испанскомъ тронѣ, дабы не нарушить европейскаго равновѣсія. Но зато онъ требовалъ, чтобы будущій супругъ Изабеллы былъ избранъ изъ принцевъ Бурбонскаго дома. Онъ расчитывалъ, что этимъ путемъ французское правительство, тѣсно связанное съ Бурбонами Испанскими, Неаполитанскими и Лукскими, сохранитъ за собою господствующее вліяніе по ту сторону Пиренеевъ. Для него не было тайной, что англійскій королевскій домъ, съ своей стороны, имѣлъ также претендента—молодого Леопольда Саксенъ-Кобургскаго [2]), которому его двоюродный братъ, принцъ Альбертъ [3]), мужъ королевы Викторіи, былъ бы весьма радъ устроить хорошую партію. Британскій кабинетъ тѣмъ болѣе былъ расположенъ поддерживать этого кандидата, что братъ Леопольда, принцъ Фердинандъ [4]), женился, не задолго передъ тѣмъ, на португальской королевѣ; при помощи послѣдняго, англійское вліяніе, безъ сомнѣнія, было бы столь же могущественнымъ въ Мадридѣ, какъ и въ Лисса-

---

[1]) Она вошла въ силу 23 мая 1845 года.

[2]) Леопольдъ родился 31 января 1824 г., умеръ 20 мая 1884 г.

[3]) Альбертъ (Францискъ-Альбертъ-Августъ-Карлъ-Эммануилъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, принцъ), второй сынъ герцога Эрнеста I Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, родился въ Розенау 26 августа 1819 года; женился 10 февраля 1840 г. на англійской королевѣ Викторіи; фельдмаршалъ Англіи; членъ тайнаго совѣта, и т. п.; умеръ 14 декабря 1861 года.

[4]) Фердинандъ родился 29 октября 1819 г.; женился 9 апрѣля 1836 г. на Доннѣ Маріи; умеръ 15 декабря 1885 года.

бонѣ. Правда, министерство Пиля офиціально не выставляло кандидатуры принца Леопольда. На предложенія Людовика-Филиппа, сдѣланныя въ 1842 году по вопросу о бракахъ [1]), оно поспѣшило увѣрить его, что не оставитъ Францію безъ поддержки и будетъ агитировать, согласно съ желаніями французскаго короля, въ пользу графа Трапани [2]), брата неаполитанскаго короля. Но оно настаивало на правѣ испанской королевы свободно выбрать себѣ супруга; этимъ оно косвенно протестовало противъ исключительныхъ принциповъ, выставленныхъ тюильрійскимъ дворомъ. Въ концѣ концовъ, британскій кабинетъ открыто сохранялъ за собой свободу дѣйствій. Послѣ этого, произошло не мало событій. Въ Испаніи увеличился авторитетъ Франціи. Но Людовикъ-Филиппъ былъ еще очень далекъ отъ своей окончательной цѣли. Его матримоніальная политика встрѣчала противодѣйствіе не одной только Англіи. Австрія также имѣла свои планы и, до 1845 года, весьма дѣятельно стремилась къ ихъ осуществленію. Меттернихъ держался, вплоть до 1844 г., того мнѣнія, что лучшимъ средствомъ умиротворенія Испаніи являлся бы брачный союзъ тѣхъ двухъ домовъ, которые все еще оспаривали право на престолъ. Его программа состояла въ томъ, чтобы Донъ Карлосъ отказался отъ правъ на престолъ въ пользу своего сына, и чтобы этотъ послѣдній женился на королевѣ Изабеллѣ. Этимъ путемъ Меттернихъ думалъ провести принципъ легитимитета. Кромѣ того, по его мнѣнію, представлялось нужнымъ устранить кандидатуру графа Трапани (вѣнскій дворъ не желалъ того, чтобы находившійся отъ него въ зависимости неаполитанскій домъ пріобрѣлъ слишкомъ могущественныя связи). Его комбинація нравилась Россіи. Но она противорѣчила интересамъ и Франціи, и Англіи; ибо было ясно, что сынъ Донъ Карлоса и Изабелла, сохраняя за собою каждый свои личныя права,—будутъ представителями двухъ противоположныхъ партій и двухъ непримиримыхъ между собою системъ управленія, такъ что ихъ бракъ, какъ нѣкогда проектъ союза между Дономъ Мигуэлемъ и Донной Маріей, явится для Испаніи предметомъ раздоровъ и вызоветъ новую междоусобную войну.

---

[1]) Черезъ посредство спеціальнаго агента, по имени Пажо, который изъ Лондона отправился въ Вѣну и Берлинъ, чтобы добиться одобренія этихъ предложеній.

[2]) Трапани (Францискъ-Павелъ-Людовикъ-Эммануилъ, графъ Бурбонскій), сынъ короля Обѣихъ Сицилій Франциска I-го, родился въ Неаполѣ 13 августа 1827 г.; женился 10 апрѣля 1850 г. на Маріи-Изабеллѣ, эрцгерцогинѣ Австрійско-Тосканской, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, изъ коихъ одна вышла замужъ за графа Казертскаго, другая—за графа Андрея Замойскаго.

Людовикъ-Филиппъ, не высказываясь открыто противъ программы Меттерниха, щадить котораго было для него весьма важнымъ, позволилъ ему вести переговоры съ Д. Карлосомъ, находившимся въ это время въ Бурнеѣ [1]), и направилъ свои усилія на то, чтобы привлечь на свою сторону Англію. Во время свиданія въ Виндзорѣ, ему не составило трудности добиться того, чтобы британскій кабинетъ высказался противъ австрійскаго проекта. Въ двадцатый разъ, онъ предложилъ графа Трапани, а кабинетъ Пиля, также въ двадцатый разъ, обѣщалъ свою поддержку. Въ этотъ моментъ, Людовикъ-Филиппъ, чтобы доказать свое безкорыстіе, даже заявилъ о возможности женитьбы герцога Омальскаго на неаполитанской принцессѣ [2]). Но у него былъ еще одинъ сынъ, герцогъ Монпансье, для котораго онъ, съ поистинѣ отеческой настойчивостью, добивался руки инфанты Луизы-Фердинанды. Поэтому, англійскіе министры, открыто заявляя ему о своемъ расположеніи, въ глубинѣ души не вѣрили ему и вовсе не были расположены служить его политикѣ.

И дѣйствительно, они сослужили ему такую службу, что французское правительство, несмотря на лихорадочную дѣятельность, съ которой оно отстаивало интересы графа Трапани (въ концѣ 1844 и началѣ 1845 гг.), съ ужасомъ вскорѣ замѣтило, что его кандидатъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ подъ собой почву. Бѣдный графъ, ученикъ іезуитовъ, даже и не побывавъ въ Испаніи, вскорѣ сдѣлался тамъ объектомъ всякихъ насмѣшекъ, безъ всякой вины съ своей стороны и исключительно благодаря проискамъ британскихъ агентовъ. Не отказываясь окончательно отъ своей прежней мысли, Людовикъ-Филиппъ принужденъ былъ обратить свои взоры въ сторону герцоговъ Кадикскаго и Севильскаго, двоюродныхъ братьевъ Изабеллы [3]). Но королева-мать ихъ не любила; Англія, со своей стороны, старалась привлечь ихъ на свою сторону. Къ тому же, Марія-Христина относилась отрицательно ко всякому браку, изъ котораго

[1]) Онъ оставался тамъ до 1847 года; съ этого времени ему было позволено поселиться въ Австріи. Въ 1844 г. онъ отказался отъ престола въ пользу своего сына Карлоса, графа Монтмолена, и самъ носилъ титулъ графа Молина.

[2]) Этотъ бракъ, въ дѣйствительности, состоялся нѣсколько времени спустя (25 ноября 1844 г.).

[3]) Оба герцога, подобно Изабеллѣ, приходились внуками испанскому королю Карлу IV; старшій изъ нихъ, Францискъ-Ассизскій-Марія-Фердинандъ, герцогъ Кадикскій, родился 13 мая 1822 г.; онъ женился на королевѣ 10 октября 1846 г., послѣдовалъ за ней въ изгнаніе въ 1868 г. и впослѣдствіи разошелся съ ней.— Младшій его братъ, Генрихъ, герцогъ Севильскій, родился 17 апрѣля 1823 г., умеръ 12 марта 1870 г.

ея дочь и она сама не получали бы никакихъ спеціальныхъ выгодъ. Ей необходима была поддержка великой державы. Она желала выдать Изабеллу за одного изъ сыновей Людовика-Филиппа. Въ противномъ случаѣ, она склонялась въ сторону Леопольда Кобургскаго, потому что при помощи послѣдняго она могла, по крайней мѣрѣ, надѣяться на поддержку Англіи.

Англійскіе министры, не высказываясь открыто, держали сторону германскаго претендента. Королева Викторія, лѣтомъ 1845 года, вмѣстѣ со своимъ супругомъ и въ сопровожденіи двора отправилась навѣстить герцога Саксенъ-Кобургскаго. На возвратномъ пути (въ августѣ), она была весьма торжественно принята на берегахъ Рейна прусскимъ королемъ, который воспользовался случаемъ, чтобы укрѣпить тѣсный союзъ между Германіей и Англіей. На банкетѣ, въ присутствіи королевы, имъ была произнесена рѣчь весьма оскорбительная для Франціи [1]). Весьма обезпокоенный, Людовикъ-Филиппъ еще разъ унизилъ себя: онъ упросилъ юную королеву вторично посѣтить его въ замкѣ Э и счелъ себя крайне осчастливленнымъ, когда королева согласилась оказать ему эту милость (сентябрь 1845 г.). Викторія пріѣхала, по прежнему, въ сопровожденіи Эбердина. Старый король, еще болѣе чѣмъ на предшествовавшемъ свиданіи, выказалъ себя скромнымъ и отечески-сердечнымъ. По его словамъ, интересы Франціи и Англіи были совершенно одинаковы. Еще никогда согласіе между обѣими державами не было болѣе желательнымъ и столь близкимъ къ осуществленію. Въ самомъ дѣлѣ, чего домогается Франція въ испанскомъ вопросѣ? Только одного, а именно, чтобы Великобританія помогла устроить бракъ Изабеллы съ однимъ изъ Бурбоновъ, и чтобы она не противилась браку герцога Монпансье съ инфантой. Людовикъ-Филиппъ, къ тому же, заявлялъ о своемъ согласіи отложить этотъ послѣдній бракъ до того момента, когда испанская королева не только сама выйдетъ замужъ, но еще и сдѣлается матерью. Англійскіе министры выслушивали его обѣщанія съ почтительностью, увѣряли его въ своей солидарности съ его политикой, но, въ глубинѣ души, продолжали сомнѣваться въ искренности его словъ и, не

[1]) „Господа, сказалъ онъ въ своемъ тостѣ за здоровье королевы, наполните ваши кубки до краевъ. Дѣло идетъ объ одномъ словѣ, которое весьма сладко звучитъ англійскимъ и германскимъ сердцамъ. Недавно оно звучало на поляхъ сраженій, какъ символъ счастливаго братства армій; сегодня, оно снова звучитъ послѣ тридцатилѣтняго мира, явившагося плодомъ тяжелыхъ трудовъ нашей эпохи, здѣсь въ этихъ германскихъ провинціяхъ, на берегахъ славной рѣки Рейна. Это слово — Викторія“.

менѣе самого французскаго короля, собирались играть двойную игру. Не подлежитъ сомнѣнію, что вскорѣ послѣ празднествъ въ замкѣ Э (Eu, октябрь—декабрь 1845 года) они удвоили свои старанія въ пользу Кобурга. Этотъ принцъ пріѣхалъ самъ въ Лондонъ, повидимому за инструкціями, и тотчасъ же отправился въ Лиссабонъ, откуда онъ долженъ былъ, по слухамъ, переѣхать въ Испанію и тамъ ускорить своимъ появленіемъ развязку брачнаго вопроса въ смыслѣ, желательномъ для лондонскаго двора. Французское правительство громко протестовало по поводу странности подобнаго образа дѣйствій. Оно добилось, съ большимъ трудомъ, того, что Леопольдъ остался въ Португаліи. Но оно не могло долѣе заблуждаться относительно истинныхъ намѣреній Великобританіи. Французскому министерству приходилось признать, что сердечное согласіе, дѣйствительно, являлось фантасмагоріей, неосуществимой мечтой (какъ это часто утверждалъ Меттернихъ). И если Гизо не могъ возобновить англо-французскаго соглашенія въ то время, когда во главѣ Foreign Office'а стоялъ миролюбивый и спокойный Эбердинъ, то еще менѣе могъ онъ надѣяться на успѣхъ съ того времени, когда мятежный и задорный Пальмерстонъ снова собрался вступить въ управленіе иностранной политикой Англіи. Къ концу 1845 года, по нѣкоторымъ знаменательнымъ признакамъ, можно было предсказать близкое паденіе министерства Пиля, которое, уступивъ въ нѣкоторой мѣрѣ либеральному теченію общественнаго мнѣнія, не снискало довѣрія виговъ и, одновременно, лишилось поддержки торіевъ. Будущее англійское министерство, по всѣмъ признакамъ, должно было явиться рѣшительнымъ врагомъ Франціи, занять явно-враждебное положеніе по отношенію къ ея политикѣ и, чтобы поднять противъ нея демократическіе элементы, начать покровительствовать дѣлу Революціи во всей Европѣ.

§ 10. Итакъ, моральная поддержка Англіи, была отнята у Людовика-Филиппа, и ему приходилось возможно скорѣе искать новыхъ союзниковъ. Людовикъ-Филиппъ всегда тяготѣлъ къ австрійскому союзу и, какъ мы видѣли выше [1]), въ періодъ 1834—1840 гг., сдѣлалъ много уступокъ для того, чтобы добиться союза съ этой державой. Гизо, не менѣе Людовика-Филиппа, былъ расположенъ снова войти въ соглашеніе съ Австріей. Подобно своему государю, онъ находился въ перепискѣ съ Мет-

[1]) Глава X.

тернихомъ и тяготѣлъ къ той политикѣ „сопротивленія" и контръ-революціи, представителемъ которой въ Европѣ все еще оставался австрійскій канцлеръ. Французскій кабинетъ чувствовалъ, что либеральная оппозиція усиливается; Одилонъ Барро [1]), Тьеръ, Дювержье де-Горашъ [2]) страшно досаждали ему въ палатѣ депутатовъ, требуя той парламентской реформы, которой всѣми силами противилось министерство [3]); съ другой стороны, Ледрю-Ролленъ [4]) и др. поднимали кампанію, требуя всеобщаго избирательнаго права и установленія республики. Третьи [5]), наконецъ, во главѣ рабочаго движенія грозили Франціи соціальной революціей. Въ то же самое время, долго сдерживаемый ультра-

[1]) Барро (Одилонъ) родился въ Вилльфорѣ (Лозеръ) въ 1791 г.; въ эпоху Реставраціи былъ уже знаменитымъ адвокатомъ; членъ муниципальной комиссіи во время іюльскихъ дней; префектъ департамента Сены съ августа по декабрь 1830 г.; членъ палаты депутатовъ, въ которой засѣдалъ съ 1838 по 1848 г., будучи предводителемъ династической лѣвой; перешелъ на сторону республики въ 1848 г.; президентъ совѣта министровъ съ декабря 1848 г. по октябрь 1849 г.; государственный переворотъ 2 декабря принудилъ его удалиться къ частной жизни; потерпѣлъ неудачу на выборахъ 1863 г.; президентъ внѣ-парламентской комиссіи о децентрализаціи (февраль 1870 г.); вице-президентъ государственнаго совѣта (іюль 1872 г.); умеръ въ Буживалѣ 6 августа 1873 г.; авторъ Мемуаровъ, изданныхъ въ 1875 и 1876 гг.

[2]) Дювержье де-Горашъ (Просперъ) родился въ Руанѣ въ 1798 г.; редакторъ газеты Globe въ эпоху Реставраціи; членъ палаты депутатовъ, гдѣ, съ 1831 по 1848 г., онъ былъ весьма энергичнымъ и рѣшительнымъ помощникомъ Тьера; представитель департамента Шеръ въ учредительномъ собраніи (1848-1849): послѣ государственнаго переворота былъ сосланъ декретомъ 9 января 1852 г.; возвратился во Францію въ 1853 г.; избранъ членомъ французской Академіи (май 1870 г.); безуспѣшно ставилъ свою кандидатуру въ сенатъ (1876 г.); авторъ цѣнной Histoire du gouvernement parlementaire en France.

[3]) Сторонники парламентской реформы требовали, главнымъ образомъ, того, чтобы изъ палаты депутатовъ были исключены чиновники, и чтобы составъ избирателей былъ увеличенъ посредствомъ пониженія ценза до 100 франковъ и кумуляціи голосовъ.

[4]) Ледрю-Ролленъ (Александръ-Августъ) родился въ Парижѣ 2 февраля 1808 г.; пользовался репутаціей знаменитаго адвоката и юрисконсульта; былъ избранъ представителемъ Мана (Mans) въ палату депутатовъ, гдѣ, до 1848 г., былъ однимъ изъ лучшихъ ораторовъ крайней лѣвой; членъ временнаго правительства (24 февраля 1848 г.), затѣмъ исполнительной комиссіи (май-іюнь 1848 г.); народный представитель въ учредительномъ собраніи (1848—1849 гг.), впослѣдствіи въ законодательномъ собраніи (1849 г.); принужденъ былъ бѣжать послѣ событій 13 іюня 1849 г.; удалился въ Англію, откуда возвратился только въ 1870 году; въ теченіе долгаго времени отказывался поставить свою кандидатуру въ національное собраніе, но, въ концѣ концовъ, попалъ туда, въ качествѣ депутата отъ Воклюзы (мартъ 1874 г.); умеръ въ Фонтенэ-о-Розъ, 31 декабря 1874 г.

[5]) Существовали двѣ весьма выдающіяся школы соціалистовъ: школа Луи Блана и школа Прудона.

монтанизмъ сталъ открыто поднимать свое знамя и, подъ вліяніемъ іезуитовъ, старался захватить въ свои руки народное образованіе. Іюльское правительство, не желая ссориться съ Церковью, вѣжливо просило у папы нѣкоторыхъ незначительныхъ уступокъ. Но его посланникъ, Росси [1]), получилъ отъ папы только нѣсколько вѣжливыхъ увѣреній. Поэтому, Людовикъ-Филиппъ и его министры съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе склонялись на сторону союза съ такой державой, которая (какъ напримѣръ, Австрія) съ одной стороны, поддержала бы ихъ въ борьбѣ съ демократіей, а съ другой—помогла бы имъ сломить упорство римскаго двора [2]).

Что касается Австріи, то она въ эту эпоху также искала сближенія съ Франціей. Меттернихъ сознавалъ, что Революція, столь давно уже подавляемая, начинаетъ волноваться по всей Европѣ. Агитація усиливалась со всѣхъ сторонъ. Нѣкогда безгласная Венгрія, связанная по рукамъ и по ногамъ, все болѣе и болѣе настойчиво требовала себѣ автономіи и общественной свободы. Чешскіе славяне желали возродить свое національное единство. Поляки составляли заговоры. Внѣ Австріи, но въ сферѣ ея политическаго вліянія,—Германія, зараженная кризисомъ 1840 года, требовала единаго національнаго правительства. Пруссія, уже доставившая ей коммерческое единство, стала обнадеживать ее и относительно единства политическаго. Духъ парламентаризма, насильственно сдерживаемый за послѣдніе годы, сталъ снова разгораться въ различныхъ государствахъ Союза. Повсюду происходили отдѣльныя вспышки народныхъ массъ. Въ Саксоніи, въ августѣ 1845 года, произошли серьезные безпорядки. Въ Берлинѣ религіозно и властолюбиво настроенный Фридрихъ-Вильгельмъ IV, несмотря на свои наклонности къ феодализму, вполнѣ сознавалъ всю ту выгоду, которую онъ могъ бы извлечь изъ указаннаго броженія умовъ въ германскомъ мірѣ. Поэтому, по совѣту весьма близко стоявшихъ къ нему Бунзена [3]) и Радови-

[1]) Росси (Пелегрино) родился въ Каррарѣ въ 1787 г.; профессоръ права въ Болонскомъ университетѣ до 1815 г., въ Женевскомъ университетѣ въ 1819 г.; представитель этого кантона на Люцернскомъ сеймѣ (1832 г.); натурализовался во Франціи; профессоръ въ Collège de France (1833 г.); членъ Института (1836 г.); пэръ Франціи (1838 г.); членъ совѣта народнаго образованія (1840 г.); посланникъ въ Римѣ (1845—1848 гг.); первый министръ Пія IX (сентябрь 1848 г.); убитъ въ Римѣ 15 ноября 1848 г.

[2]) Не слѣдуетъ забывать, что папа Григорій XVI былъ ставленникомъ Австріи, пользовавшейся тогда значительнымъ вліяніемъ при папскомъ дворѣ.

[3]) Бунзенъ (Христіанъ-Карлъ-Іосія) родился въ Корбахѣ 25 августа 1791 г.; первоначально былъ извѣстенъ, какъ ученый археологъ; въ 1818 г., по протекціи

ца [1]), онъ, вопреки предостереженіямъ Меттерниха, приготовился дать своимъ подданнымъ конституцію. Въ Швейцаріи только что вспыхнула междоусобная война (мартъ 1845 г.). Протестантскіе кантоны возстали противъ католическихъ, настойчиво требуя изгнанія іезуитовъ. Громадное большинство швейцарскаго народа требовало федеральной реформы въ духѣ демократіи и объединенія. Наконецъ, Италія, съ ея пылкимъ населеніемъ, также возставала и съ нетерпѣніемъ ждала того дня, когда она будетъ избавлена отъ варваровъ. Вполнѣ понятно, что, окруженный со всѣхъ сторонъ опасностью, Меттернихъ обратилъ съ безпокойствомъ взоры къ Франціи. Если эта держава соединится тѣснымъ союзомъ съ Австріей, то Революція, стѣсненная съ двухъ сторонъ первоклассными державами, конечно, будетъ подавлена и уничтожена. Поэтому, вѣнскій дворъ ничѣмъ не пренебрегалъ, лишь бы только склонить на свою сторону іюльское правительство. Но онъ ошибался въ своихъ мечтаніяхъ и преслѣдовалъ также фантасмагорію. Несмотря на все свое желаніе, королевству 1830 года не представлялось никакой возможности пойти на соглашеніе со Священнымъ Союзомъ, воплощеннымъ въ австрійской династіи. Слишкомъ много недовѣрія другъ къ другу, слишкомъ много заднихъ плановъ имѣли обѣ стороны. Меттернихъ и Гизо не могли оказать одинъ другому безусловную помощь. Открыто протягивая другъ другу руку, они скомпрометировали бы и, въ концѣ концовъ, погубили бы себя.

своего учителя, Нибура, былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Римѣ, гдѣ послѣдовательно исполнялъ обязанности уполномоченнаго въ дѣлахъ (1824 г.) и прусскаго министра-резидента (1827 г.); связанный узами тѣсной дружбы съ королевскимъ принцемъ (впослѣдствіи королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV), онъ былъ отозванъ изъ Рима (1838 г.) и назначенъ уполномоченнымъ министромъ въ Бернѣ, затѣмъ посланникомъ въ Лондонѣ (1841 г.); впалъ въ немилость въ 1854 г.; умеръ въ Боннѣ въ 1860 г.

[1]) Радовицъ (Іосифъ), родился въ Бланкенбургѣ въ 1797 году; въ 1812 г. былъ офицеромъ въ вестфальской артиллеріи; въ 1823 г., отъ курфюрста гессенскаго перешелъ на службу къ прусскому королю; въ 1830 году былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба артиллеріи; былъ однимъ изъ близкихъ друзей королевскаго принца; полномочный министръ въ Карлсруэ (1842 г.), генералъ-майоръ въ 1845 г.; членъ Франкфуртскаго парламента въ 1848 г.; въ 1849 и 1850 гг. былъ главнымъ вдохновителемъ политики Малаго Союза; 27 сентября 1850 г. былъ приглашенъ въ министры иностранныхъ дѣлъ; нѣкоторое время спустя (ноябрь) былъ покинутъ своимъ государемъ. Послѣ Ольмюцской конвенціи, онъ всецѣло занялся военными трудами и умеръ въ 1853 г.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Послѣднее усиліе Меттерниха [1]).

§ 1. Европа и Польша въ 1846 г.—§ 2. Испанскіе браки.—§ 3. Насиліе надъ Краковомъ.—§ 4. Неопредѣленное положеніе сѣверныхъ державъ.—§ 5. Вѣнскій кабинетъ и революціонныя партіи въ Австріи, Германіи, Швейцаріи и Италіи.—§ 6. Паденіе Гизо и Меттерниха.—§ 7. Ненадежное соглашеніе.—§ 8. Революціонная тактика Пальмерстона.—§ 9. Безсиліе политики предупрежденія.

(1845—1848 г.)

§ 1. Разрывъ между Франціей и Англіей въ началѣ 1846 г. не былъ еще окончательнымъ. Но онъ казался настолько близкимъ, что три сѣверныя державы уже начали смотрѣть на него въ своихъ политическихъ расчетахъ, какъ на совершившійся

[1]) Источники: Berryer, Discours parlementaires; — Canitz-Dallwitz, Denkschriften, t. II;—Chevalier (Michel), des Rapports de la France et de l'Angleterre à la fin de 1847 (Revue des Deux Mondes, 1-er février 1848);—Circourt (Ad. de), des Révolutions et des partis de la confédération helvetique (Revue des Deux Mondes, 15 mars 1847);—Cretineau-Joly, Histoire du Sonderbund;—Daendliker, Histoire du peuple suisse;—Deventer (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne;—Fouquier, Annuaire historique, années 1845—1848;—Faucher (L.), la Ligue anglaise en 1846 (Revue des Deux Mondes, 15 février 1848);—Guizot, Mémoires, t. VII et VIII;—Haussonville (графъ), Histoire de la politique extérieure du gouvernement français, t. II;—Hervé (Ed.) La crise irlandaise depuis la fin du XVIII siècle;—Hubbard, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. V;—Mac Carthy, Histoire contemporaine de l'Angleterre, t. I;—Martin (Th.), Le prince Albert, t. I.—Mazade (Ch. de), l'Espagne moderne;—Mazzini (A.), de l'Italie dans ses rapports avec la liberté et la civilisation moderne;—Metternich (князь), Mémoires, documents et écrits divers, t. VII;—Peel (R.), Mémoires;—Question (la) des Jésuites en Suisse (Revue des Deux Mondes, 15 fév.—1-er mars 1847);—Ranke, aus dem Briefwechsel, etc.;—Regnault (E.) Histoire de huit ans, t. III;—Saint-René Taillandier, Le roi Léopold et la reine Victoria; Sonderbund (le) et l

фактъ. Дѣйствительно, какъ разъ съ этого времени, онѣ стали явно стремиться къ тому, чтобы уничтожить одно небольшое государство, независимость котораго была торжественно гарантирована трактатами 1815 г. А между тѣмъ такое посягательство было бы невозможнымъ, если бы между лондонскимъ и парижскимъ кабинетами попрежнему царило согласіе.

Краковская республика, послѣдній обломокъ старой Польши, давно уже (въ частности, послѣ 1830 г.) причиняла много безпокойства Пруссіи, Австріи и, въ особенности, Россіи. При первомъ же ослабленіи англо-французскаго союза (въ 1836 г.), несчастный городъ былъ занятъ войсками трехъ державъ и оставленъ ими лишь въ 1841 г. Сдѣлавшись снова на-половину свободнымъ, онъ продолжалъ, какъ и раньше, служить убѣжищемъ для значительнаго количества эмигрантовъ, не оставлявшихъ, несмотря на грустный урокъ 1831 г., надеждъ на возстановленіе своей родины, Польши. Средствъ для борьбы у нихъ не было почти никакихъ, но сѣверные монархи во главѣ съ русскимъ царемъ дѣлали видъ, что сильно опасаются ихъ заговоровъ. И вотъ, съ конца 1845 г., они предпринимаютъ рядъ военныхъ мѣръ для того, чтобы при первыхъ тревожныхъ признакахъ имѣть возможность занять Краковъ, такъ какъ предстоящее возмущеніе, по указаніямъ ихъ агентовъ, должно было имѣть своимъ центромъ именно этотъ городъ. Нельзя не признать, что, начиная съ 19-го февраля 1846 г., т.-е. съ того дня, когда польскими патріотами было назначено начало возстанія,—въ Галиціи, дѣйствительно, наблюдалось нѣкоторое броженіе. Но это броженіе было вызвано, главнымъ образомъ, маккіавелизмомъ самого австрійскаго правительства. Уже давно оно поддерживало въ этой мѣстности ненависть крестьянъ къ дворянамъ и, въ нужный моментъ, ему ничего не стоило организовать въ Галиціи возмущеніе крестьянскихъ массъ, жертвами котораго пали, главнымъ образомъ, повстанцы-шляхтичи и ихъ родственники. Страшная рѣзня, устроенная по наущенію и за счетъ вѣнскаго двора [1]), привела въ ужасъ австрійскую Польшу и возмутила

Radicalisme suisse (Revue des Deux Mondes, 15 août 1848);—Taylord et Mackay Sir Robert Peel, sa vie et son temps;—Thiers, Discours parlementaires;—Thomas (Alex.), Question danoise (Revue des Deux Mondes, 15 sept. 1846);—Id., l'Allemagne du présent (Revue des Deux Mondes, 1846—1847);—Zeller, Pie IX et Victor-Emmanuel: etc.

[1]) Австрійское правительство назначило премію въ 10 флориновъ за голову повстанца. Въ одномъ округѣ Тарнова было убито 1458 человѣкъ. Одинъ головорѣзъ, по имени Яковъ Щеля, собственной рукой умертвившій 17 членовъ одного семейства

Европу. Возстаніе было въ нѣсколько дней залито потоками крови. Въ прусской Польшѣ движеніе было безъ труда остановлено массовыми арестами. Въ русской Польшѣ порядокъ не нарушался вовсе. Но три союзныхъ державы, не дожидаясь конца этихъ событій, поспѣшили завладѣть Краковомъ. Онѣ заняли городъ 18 февраля, очистили его 22-го февраля, но затѣмъ, съ начала марта, опять стали обращаться съ нимъ, какъ съ крѣпостью, взятой штурмомъ. Вскорѣ послѣ этого, петербургскій кабинетъ предложилъ созвать конференцію, которая и состоялась въ апрѣлѣ въ Берлинѣ; членами ея были представители только трехъ сѣверныхъ державъ [1]), которые установили новыя условія существованія Кракова. Россія настаивала на присоединеніи его къ Галиціи, но требовала, чтобы Австрія предоставила обѣимъ союзницамъ нѣкоторыя территоріальныя компенсаціи. Вѣнскій дворъ соглашался на это; одна Пруссія дѣлала нѣкоторыя возраженія; конференція была пріостановлена; но затѣмъ, черезъ нѣсколько недѣль, она собралась въ Вѣнѣ, гдѣ и засѣдала въ глубокой тайнѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ сущности, задерживали осуществленіе намѣреній царя вовсе не колебанія Пруссіи, а страхъ, какъ бы Франція и Англія не вошли въ соглашеніе и не предупредили столь очевиднаго нарушенія трактатовъ 1815 г. Въ концѣ марта, Гизо, несмотря на все свое нежеланіе ссориться съ Австріей, долженъ былъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, обратиться къ Меттерниху съ нотой. Въ этой нотѣ онъ выражалъ увѣренность, что занятіе Кракова является лишь временной мѣрою. Эбердинъ сдѣлалъ, со своей стороны, то же самое. Виги Англіи, за одно съ французскими либералами и радикалами, негодовали при мысли о томъ покушеніи, которое замышляли сѣверныя державы. У Пальмерстона вырвалась въ палатѣ общинъ фраза, что если Вѣнскій трактатъ не хорошъ на Вислѣ, то онъ, значитъ, не годится и на Рейнѣ и на По. Неограниченныя монархіи не торопились съ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Онѣ даже заявили о полномъ безкорыстіи своихъ намѣреній и старались убѣдить западные кабинеты въ томъ, что, рано или поздно, несчастная республика будетъ предоставлена самой себѣ. На дѣлѣ же, онѣ, просто на просто, выжидали—для того, чтобы окончательно стереть ее съ карты Европы въ тотъ моментъ

и наводившій панику на весь округъ, получилъ вскорѣ послѣ этого не только похвалу, но и денежную награду отъ имени императора.

[1]) Отъ Россіи генералъ Бергъ, отъ Австріи—графъ Фиккельмонтъ, отъ Пруссіи баронъ Каницъ (прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ)

когда послѣднія узы дружбы, связывавшія іюльскую монархію съ Англіей, оборвутся. Имъ пришлось ждать не особенно долго. Паденіе министерства Пиля и вопросъ объ испанскихъ бракахъ оказали имъ въ этомъ отношеніи большую услугу. Бѣда только въ томъ, что эти событія привели, въ концѣ концовъ, какъ мы увидимъ ниже, еще и къ такимъ результатамъ, которыхъ сѣверныя державы вовсе не предвидѣли; а именно, они повели не къ возстановленію Священнаго Союза,—а къ побѣдоносному взрыву революціи почти во всей Европѣ.

§ 2. Торійскій кабинетъ, добившійся, не безъ труда, отмѣны хлѣбныхъ законовъ [1]), но убившій на эту борьбу послѣдніе остатки своего авторитета, долженъ былъ 29 іюня 1846 г. выйти въ отставку. Черезъ нѣсколько дней у кормила правленія стали виги, во главѣ съ лордомъ Джономъ Рэсселемъ [2]). Лордъ Пальмерстонъ получилъ портфель иностранныхъ дѣлъ. Снова появилась на горизонтѣ эта личность, занявъ еще болѣе вызывающую, неспокойную и, несмотря на недавнія свои заявленія [3]), еще болѣе враждебную по отношенію къ Франціи позицію. Людовикъ-Филиппъ продолжалъ относиться къ нему съ большою подозрительностью; Гизо, котораго онъ такъ безсовѣстно обманулъ въ 1840 г., питалъ къ нему попрежнему упорную и глубокую ненависть. Два правительства говорили, такимъ образомъ, на разныхъ язы-

[1]) Послѣ долгихъ и бурныхъ преній, Corn-bill былъ принятъ палатой общинъ (27-го февраля—16-го мая) и палатой лордовъ 25-го іюня. Но билль о принужденіи, предложенный министерствомъ, съ цѣлью предупредить вспышку новыхъ волненій въ Ирландіи, былъ отвергнутъ Нижнею палатой (25 іюня), вслѣдствіе чего Робертъ Пиль и его товарищи подали въ отставку (29 іюня).

[2]) Рэссель (Джонъ) родился въ Лондонѣ 18 августа 1792 г. въ извѣстной фамиліи, члены которой съ XVII-го столѣтія принадлежали къ партіи виговъ; съ іюля 1813 г.—членъ нижней палаты; генеральный казначей флота въ министерствѣ Грея (1830 г.); главный авторъ проекта избирательной реформы, принятой въ 1832 г.; лидеръ либеральной партіи съ 1831 г.; статсъ-секретарь сначала министерства внутреннихъ дѣлъ (1835 г.), потомъ министерства колоній (1839 г.) въ министерствѣ Мельбурна; канцлеръ казначейства (іюль 1846 г.—февраль 1852 г.), министръ иностранныхъ дѣлъ (декабрь 1852 г.), министръ безъ портфеля (февраль 1853 г.); позже президентъ совѣта (іюнь 1854 г.); наконецъ министръ колоній (1855 г.) въ кабинетѣ Эбердина. Представитель Великобританіи на вѣнскихъ конференціяхъ (1855 г.); въ отставкѣ съ іюля 1856 г.; вновь призванъ къ управленію иностранными дѣлами (5 іюля 1859 г.) въ министерствѣ, сформированномъ лордомъ Пальмерстономъ; первый министръ послѣдняго (октябрь 1865 г.); въ іюнѣ 1866 г. его министерство должно было уступить партіи торіевъ; умеръ въ маѣ 1878 г.

[3]) Во время одного изъ своихъ пребываній въ Парижѣ онъ, желая облегчить себѣ возвращеніе въ министерство, нѣсколько разъ подчеркнулъ свое расположеніе къ іюльской монархіи.

кахъ; каждый болѣе или менѣе серьезный поводъ къ разногласію могъ тотчасъ же вызвать окончательный разрывъ. Къ сожалѣнію, такой поводъ былъ налицо, и ни Пальмерстонъ, ни Гизо и не думали позаботиться объ его устраненіи.

Мы уже говорили о дружескомъ компромиссѣ, заключенномъ на словахъ между французскимъ королемъ и королевой Англіи въ Э (Eu) въ сентябрѣ 1845 г., по вопросу объ испанскихъ бракахъ. Людовикъ-Филиппъ обѣщалъ повременить съ бракомъ князя Монпансье и инфанты Луизы-Фернанды до того момента, когда королева Изабелла не только выйдетъ замужъ, но и станетъ матерью. Викторія, со своей стороны, дала слово не поддерживать притязаній своего родственника, принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго. Весьма вѣроятно, что это обѣщаніе было дано ею очень искренне. Но тѣ государственные люди, которые были ея представителями въ политикѣ, смотрѣли на дѣло иначе. Во всякомъ случаѣ, англійскій посолъ въ Мадридѣ, сэръ Генри Бульверъ, нисколько не стѣсняясь существованіемъ указаннаго компромисса, продолжалъ бороться въ Испаніи съ политикой французскаго правительства по вопросу о бракѣ. Ему удалось окончательно провалить кандидатуру Трапани, которою такъ дорожилъ Людовикъ-Филиппъ. Этому помогло, между прочимъ, паденіе Нарваэса (10 февраля 1846 г.) [1], который долго и энергично поддерживалъ названнаго претендента. Наоборотъ, кандидатура Кобурга стала выдвигаться на первый планъ и притомъ съ такой настойчивостью, что тюильрійскій кабинетъ не могъ не взволноваться. Въ меморандумѣ 27-го февраля Гизо заявилъ Эбердину, что въ случаѣ, если бракъ этого принца съ Изабеллой сдѣлается несомнѣннымъ или вѣроятнымъ, — его правительство перестанетъ считать себя связаннымъ Эскимъ договоромъ. Англійскій министръ поспѣшилъ его успокоить. Но немного спустя (6-го мая) Парижъ узналъ, что Марія-Христина, желая возможно скорѣе обезпечить своей старшей дочери выгодную партію, обратилась, подъ явнымъ вліяніемъ Бульвера, къ саксенъ-кобургскому дому съ весьма опредѣленными предложеніями. Гизо протестовалъ вторично; глава Foreign Office'а поспѣшилъ—для виду—объявить себя не солидарнымъ со своимъ посломъ, котораго онъ, впрочемъ, не отозвалъ. Въ свою очередь, и Людовикъ-Филиппъ со

[1]) Нарваэсъ былъ отставленъ послѣ одной изъ дворцовыхъ интригъ, не прекращавшихся во все время царствованія Изабеллы II; немного спустя (19 марта) онъ снова добился поста перваго министра. Но его надменность и жестокость помѣшали ему долго удержаться у власти, и уже 7-го апрѣля онъ былъ замѣненъ Истурицемъ.

своими министрами велъ двойную игру. Такъ, съ іюня, они, продолжая любезничать съ Англіей, стали проводить въ Испаніи новую комбинацію, которая, по ихъ мнѣнію, должна была окончательно подорвать тамъ кредитъ Великобританіи. Благодаря имъ, во главѣ правленія въ Мадридѣ сталъ Истурицъ, горячо преданный Франціи и враждебный кандидатурѣ саксенъ-кобурга. Марія-Христина была готова отказаться отъ послѣдней; надо думать, что всѣ авансы, сдѣланные ею Саксенъ-Кобургскому дому, были, съ ея стороны, лишь маневромъ, разсчитаннымъ на то, чтобы уколоть самолюбіе Людовика-Филиппа и обезпечить Испаніи столь выгодную поддержку Франціи. Такимъ образомъ, нѣмецкій кандидатъ былъ устраненъ; сынъ Донъ Карлоса (Монтемолинъ) и Трапани не имѣли никакихъ шансовъ, а принцъ Лукскій [1]) состоялъ въ бракѣ. Оставались только два лица, которыхъ французское правительсво согласилось признать претендентами на руку Изабеллы. Это были ея двоюродные братья Донъ Францискъ Ассизскій, герцогъ Кадикскій, и Донъ Энрико, герцогъ Севильскій. Никто не считался съ тѣмъ, что молодая королева питала полное отвращеніе къ нимъ обоимъ и особенно къ первому, ограниченному фанатику, съ некрасивой наружностью и вдобавокъ, по слухамъ, страдавшему безсиліемъ. Людовикъ-Филиппъ и его министры остановились все-таки на немъ, такъ какъ герцогъ Севильскій состоялъ, до извѣстной степени, подъ покровительствомъ Англіи и, кромѣ того, незадолго передъ тѣмъ былъ отправленъ въ ссылку за участіе въ прогрессивной партіи. Французскій планъ состоялъ въ томъ, чтобы сочетать бракомъ герцога Кадикскаго съ Изабеллой, а немного погодя или, если возможно, то и одновременно—Монпансье съ инфантой. Можно было думать, что королева останется бездѣтной, и тогда испанскій престолъ долженъ былъ перейти къ орлеанскому дому. Во всякомъ случаѣ можно было быть вполнѣ увѣреннымъ, что Францискъ Ассизскій не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на свою жену и что Испанія, при содѣйствіи Маріи-Христины и Монпансье, останется въ полномъ распоряженіи у іюльской монархіи.

[1]) Этотъ принцъ было тоже одно время въ числѣ кандидатовъ, намѣченныхъ въ супруги испанской королевы. Онъ приходился черезъ свою бабку (прежнюю королеву Этруріи) правнукомъ Карла IV. Онъ женился въ 1845 г. на Луизѣ-Маріи-Терезѣ Бурбонской, сестрѣ графа Шамбора. Когда его отецъ, Карлъ-Людовикъ Бурбонскій отказался въ 1848 г. отъ Пармской короны (которая досталась ему, согласно трактату 1815 г., вмѣсто Лукской, послѣ смерти эксъ-императрицы Маріи-Луизы; въ 1847 г.), онъ сдѣлался герцогомъ Пармскимъ подъ именемъ Карла III и погибъ отъ руки убійцы въ 1854 г.. Онъ родился въ 1823 г.

Таково было положеніе дѣла; ни Англія, ни Франція еще не показывали своихъ картъ, когда Пальмерстонъ всталъ снова во главѣ Foreign Office'а. Тюильрійскій кабинетъ встревожился, и не безъ основанія. 19-го іюля Пальмерстонъ послалъ Бульверу депешу, сообщивъ о ея содержаніи графу Жарнаку, французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Лондонѣ [1]), только тогда, когда она была уже отправлена. Въ этой депешѣ говорилось, что Великобританія считаетъ наиболѣе желательнымъ претендентомъ на руку Изабеллы—принца Леопольда Кобургскаго. Кромѣ того, депеша подвергала весьма нелестной оцѣнкѣ внутреннюю политику испанскаго правительства, которое, по мнѣнію Пальмерстона, забывало всякое уваженіе къ конституціоннымъ началамъ. Въ этомъ нельзя было не усмотрѣть двойной атаки противъ тюильрійскаго кабинета, имѣвшаго господствующее вліяніе въ Мадридѣ и не соглашавшагося на нѣмецкаго кандидата. Людовикъ-Филиппъ и Гизо, отчаяваясь въ возможности выигрыша и имѣя дѣло съ противникомъ не особенно разборчивымъ въ средствахъ, не остановились, сами, предъ небольшой передержкой.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Европа была свидѣтельницей настоящей дипломатической комедіи. Въ концѣ іюля французское министерство обратилось къ британскому кабинету съ нотой, въ которой попрежнему высказывалось противъ кобургскихъ притязаній, но заявляло, что не будетъ противиться безразлично ни браку королевы Изабеллы съ герцогомъ Кадикскимъ, ни ея браку съ герцогомъ Севильскимъ; о герцогѣ Монпансье и инфантѣ не было, предусмотрительно, сказано ни слова. Пальмерстонъ, не торопясь съ отвѣтомъ, счелъ нужнымъ выиграть время; онъ выжидалъ, чего добьется Бульверъ, прилагавшій въ это время въ Мадридѣ всѣ усилія (впрочемъ, тщетныя) къ тому, чтобы отстоять кандидатуру сначала принца Леопольда, а потомъ—герцога Севильскаго. Только 28 августа Гизо получилъ отвѣтъ на свою ноту. Въ этомъ отвѣтѣ подчеркивалось, что Англія предпочитаетъ Дона Энрико. Но въ этотъ мо-

[1]) Жарнакъ (Филиппъ-Фердинандъ-Августъ де-Роганъ-Шабо, графъ) родился въ Ирландіи 2-го іюня 1815 г.; причисленъ въ качествѣ секретаря къ французскому посольству въ Лондонѣ (1837 г.); въ 1841 г. назначенъ консуломъ въ Александріи; возвратившись оттуда въ Англію, онъ женился (1844 г.) и исполнялъ до 1848 г. обязанности секретаря посольства и повѣреннаго въ дѣлахъ; послѣ 24-го февраля онъ подалъ въ отставку и не служилъ во все время второй республики и второй Имперіи, посвящая свободное время литературѣ, причемъ писалъ романы и историческіе этюды. 28-го августа 1874 г. онъ былъ назначенъ французскимъ посломъ въ Лондонѣ, гдѣ и умеръ 22-го марта 1875 г.

ментъ Франція уже была побѣдительницей. Дѣятельный и предпріимчивый Брессонъ [1]), французскій посолъ въ Мадридѣ, въ началѣ іюля добился у Маріи-Христины [2]) окончательнаго обѣщанія въ пользу герцога Кадикsскаго и Монпансье [3]). Обѣ свадьбы должны были состояться одновременно. Королева-мать опасалась, чтобы вѣнчаніе ея старшей дочери съ Донъ Франциском Ассизскимъ не вызвало безпорядковъ, если бы его отпраздновали отдѣльно. Людовикъ-Филиппъ, боявшійся слишкомъ открыто задѣвать Англію, былъ противъ одновременности двухъ свадьбъ. Но послѣ англійской депеши 19-го іюля, онъ понялъ, что терять времени нельзя. Марія-Христина, упорно настаивавшая на своемъ требованіи, могла легко обратиться къ принцу Кобургскому. Поэтому, французскій король, въ глубинѣ души восхищавшійся великолѣпною фамильною комбинаціей, въ концѣ концовъ уступилъ. Переговоры велись Брессономъ нѣсколько недѣль въ величайшей тайнѣ. Наконецъ, 27-го августа королева Изабелла неожиданно сообщила своимъ министрамъ о своемъ рѣшеніи выйти замужъ за герцога Кадиксскаго и выдать свою сестру за принца Монпансье; при этомъ она выразила свое непремѣнное желаніе, чтобы двѣ свадьбы были назначены на одинъ и тотъ же день.

Пальмерстонъ, получивъ въ первыхъ числахъ сентября извѣстіе о такой неожиданной развязкѣ, пришелъ въ негодованіе. Гизо попытался кое-въ-чемъ извиниться, кое-что скрыть; онъ попробовалъ даже заявить, что свадьбы не состоятся въ одинъ день. Британскій кабинетъ быстро понялъ все значеніе мадридскаго

---

[1]) Брессонъ (Шарль, графъ) родился въ Парижѣ въ 1798 г.; былъ съ молодыхъ лѣтъ зачисленъ въ дипломатическій корпусъ, игралъ съ 1830 г. важную роль въ бельгійскихъ переговорахъ; немного позже назначенъ полномочнымъ министромъ при берлинскомъ дворѣ и затѣмъ посломъ въ Мадридѣ; посланный въ такой же должности въ Неаполь, онъ кончилъ въ 1847 г. жизнь самоубійствомъ изъ-за семейныхъ огорченій.

[2]) Королева ненавидѣла Пальмерстона за то, что онъ поддерживалъ противъ нея Эспартеро; когда виги очутились у власти, ея горячимъ желаніемъ явилось—освободиться отъ вліянія Англіи.

[3]) Монпансье (Антоній-Марія-Филиппъ-Людовикъ Орлеанскій, герцогъ), пятый сынъ Людовика-Филиппа, родился въ Нельи 31-го іюня 1824 г.; до и послѣ брака онъ совершилъ нѣсколько путешествій по Африкѣ; послѣ Февральской революціи жилъ въ Англіи и Голландіи. Затѣмъ поселился въ Испаніи, гдѣ получилъ чинъ капитанъ-генерала (1859 г.). Послѣ паденія Изабеллы (1868 г.) выдвинута была и его кандидатура на тронъ, но безуспѣшно. Онъ убилъ на дуэли герцога Севильскаго, въ мартѣ 1870 г., и умеръ въ Санъ-Лукарѣ въ февралѣ 1890 г., оставивъ сына, женатаго съ 1886 г. на инфантѣ Эвлаліи, дочери Изабеллы II, — и дочь, которая съ 1864 г. состоитъ въ бракѣ съ графомъ Парижскимъ.

соглашенія. Обманутый Пальмерстонъ заявилъ, что оскорбленіе, нанесенное Англіи, не будетъ забыто. Онъ ссылался на нарушеніе утрехтскаго договора 1713 г., согласно которому ни одинъ Бурбонъ не имѣлъ права носить одновременно двѣ короны, французскую и испанскую. Но тѣ возможныя послѣдствія брака Монпансье, изъ которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать пугало для Европы, представлялись въ этотъ моментъ столь далекими и мало вѣроятными, что вся его аргументація не могла ни встревожить Европу, ни сколько-нибудь поколебать положеніе іюльской монархіи. Онъ доказывалъ, между прочимъ, мадридскому кабинету, что Испанія отказалась отъ своей независимости и подчинилась Франціи; Истурицъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что Испанія сама знаетъ, какъ защищать свои права и свою честь. Однимъ словомъ, договоръ, состоявшійся между Брессономъ и Маріей-Христиной, остался безъ измѣненій, и обѣ свадьбы были отпразднованы одновременно, 10-го октября 1846 г.

Для Людовика-Филиппа эти двѣ свадьбы были весьма значительнымъ успѣхомъ его династической политики. Для Гизо онѣ были настоящимъ тріумфомъ. Но іюльская монархія, какъ таковая, не только не выиграла, но даже проиграла. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ намъ, какъ дорого она должна была заплатить за свое кратковременное торжество. Сердечное согласіе, которымъ до послѣдняго времени такъ гордились и Франція, и Англія, отнынѣ отходило въ область исторіи.

Королева Викторія была глубоко возмущена, а ея супругъ, родственникъ принца Леопольда, конечно, не пытался ее успокоить; она горько жаловалась на Людовика-Филиппа за то, что онъ ее обманулъ. „Въ первый разъ,—говорила она,—французскій король не сдержалъ своего слова“. Напрасно Людовикъ-Филиппъ заставлялъ Марію-Амалію писать Викторіи, напрасно пересылалъ онъ ей въ ноябрѣ искусныя извиненія черезъ посредство своей дочери, королевы бельгійской. Викторія сохранила къ нему чувство непріязни до самыхъ послѣднихъ дней его царствованія. Что же касается Пальмерстона, то онъ началъ съ этихъ поръ съ удвоенной энергіей преслѣдовать іюльскую монархію; благодаря его усиліямъ, косвеннымъ, но упорнымъ, эта монархія, въ концѣ концовъ, приведена была къ паденію. Дипломатическая переписка Франціи и Англіи дѣлается, въ концѣ 1846 г., болѣе чѣмъ холодной. Если въ 1847 г. и проявлялось въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ (напр. относительно Португаліи и Ла-Платы) согласіе между двумя державами, то оно являлось лишь послѣднимъ отзвукомъ прежней политики; впрочемъ,

и въ этихъ вопросахъ Великобританія своею нескрываемою неохотою старалась показать, какъ ей невыносимо такое согласіе. Въ Греціи же и въ Испаніи [1]) своими происками она дала понять, какъ желательно ей было ослабленіе Франціи. Наконецъ, своимъ сближеніемъ съ революціонною партіей, уже волновавшей Францію и грозившей іюльской монархіи, она отомстила Людовику-Филиппу окончательно.

§ 3. Разладъ, посѣянный между Франціей и Англіей испанскими браками, прежде всего, какъ это и слѣдовало ожидать, развязалъ руки тремъ сѣвернымъ державамъ; съ этой минуты онѣ, уже не колеблясь, приступаютъ къ исполненію своей программы относительно Кракова. Спустя очень немного дней послѣ мадридскихъ торжествъ, онѣ заключаютъ въ Вѣнѣ договоръ, по которому названный городъ—со всей его территоріей въ 23 тысячи кв. м., съ населеніемъ въ 136.000 жителей—присоединялся къ Австріи, уступавшей взамѣнъ этого Россіи и Пруссіи нѣкоторыя части Галиціи. Такъ закончилось уничтоженіе Польши; отъ нѣкогда большого государства не оставалось больше ни клочка. Общественное мнѣніе всей Европы и, въ частности, Франціи и Англіи, съ справедливой суровостью осудило участниковъ, тѣмъ болѣе преступныхъ, что ихъ жертва не могла сопротивляться. Трактаты 1815 г. были открыто попраны именно тѣми державами, которыя всего больше ратовали за ихъ заключеніе и обыкновенно всего настойчивѣе ссылались на нихъ. Но ни парижскій, ни лондонскій дворъ, участвовавшіе въ ихъ подписаніи, не имѣли въ этотъ моментъ никакого желанія протянуть другъ другу руку и поддержать ихъ авторитетъ.

Гизо, всегда старательно избѣгавшій всякихъ непріятностей съ Австріей, счелъ, все-таки, своимъ долгомъ,—въ виду настроенія всей Франціи,—обратиться къ Пальмерстону съ предложе-

[1]) Англія въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ требовала уплаты денегъ, которыя Греція ей была должна съ 1832 г. Благодаря интригамъ Англіи, греко-турецкія отношенія, о которыхъ мы говорили выше, сразу обострились и дошли до того, что Порта обратилась къ греческому правительству съ чрезвычайно грознымъ ультиматумомъ и 1-го апрѣля 1847 г. порвала сношенія. Эти раздоры стали утихать только послѣ смерти Колеттиса (12 сентября того же года). Въ Испаніи лондонскій кабинетъ покровительствовалъ фавориту Серрано, который съ начала мая 1847 г. пріобрѣлъ столь явное и компрометирующее вліяніе на молодую королеву, что Донъ Францискъ Ассизскій покинулъ дворецъ и заговорилъ о разводѣ. Но Франція вмѣшалась и безъ особаго труда отговорила оскорбленнаго супруга отъ скандала. Она помогла, впрочемъ, Нарваэсу вернуться къ власти (октябрь), и тотъ достигъ удаленія Серрано.

ніемъ о томъ, чтобы совмѣстно выразить сѣвернымъ державамъ недовольство Франціи и Англіи. Но глава Foreign Office'а старался скомпрометировать его одного. Онъ отвѣчалъ, что Великобританія со своей стороны уже заявила протестъ и что каждая держава должна сохранить свободу дѣйствій. Въ дѣйствительности же, въ отвѣтъ на ноту Меттерниха 6-го ноября, въ которой тотъ излагалъ мотивы присоединенія Кракова, Пальмерстонъ обратился (23-го ноября) къ вѣнскому кабинету съ холодной и хитросплетенной депешей, изъ которой, въ концѣ концовъ, явствовало, что онъ вовсе не намѣренъ заступаться за несчастную республику. Не желая доходить до угрозъ, онъ притворялся въ депешѣ, что считаетъ присоединеніе Кракова не совершившимся фактомъ, а только проектомъ. Поэтому, онъ ограничивался тѣмъ, что совѣтовалъ сѣвернымъ державамъ отказаться отъ своего намѣренія и доказывалъ: 1) что существованіе столь малаго государства не можетъ грозить серьезной опасностью ни одной изъ нихъ, и 2) что всѣ державы, подписавшія вѣнскій трактатъ, имѣютъ право быть выслушанными.

Протестъ Гизо, отправленный 3-го декабря, былъ откровеннѣе и благороднѣе. Французскій министръ вѣско давалъ понять, что онъ считаетъ совершенное политическое насиліе—низостью. „Послѣ долгихъ и грозныхъ волненій, потрясшихъ Европу до самаго основанія, писалъ онъ, ея миръ укрѣпляется и поддерживается нынѣ исключительно авторитетомъ договоровъ и пріобрѣтенныхъ правъ. Всякое посягательство одной изъ державъ развязываетъ руки остальнымъ...“ Но послѣ такого яснаго начала шло продолженіе, въ которомъ французскій дипломатъ давалъ понять, что его протестъ имѣетъ чисто платоническій характеръ: „Франція, писалъ онъ, еще не забыла всей тяжести жертвъ, возложенныхъ на нее трактатами 1815 г. Она могла бы радоваться такому дѣйствію державъ, которое—по началамъ взаимности—разрѣшаетъ и ей считаться впредь только съ разумно-понятыми своими интересами; а между тѣмъ именно она напоминаетъ о трактатахъ 1815 г. тѣмъ державамъ, которыя извлекли изъ него наибольшую выгоду!“ Такимъ образомъ Гизо, какъ и Пальмерстонъ, осуждая насиліе, совершенное надъ Краковомъ, дѣлалъ это только ради очистки совѣсти, и Меттернихъ прекрасно понималъ, что ему нечего бояться; но, чтобы соблюсти всѣ правила вѣжливости, онъ соблаговолилъ еще разъ (4-го января 1847 г.) изложить съ нѣкоторыми варіаціями тѣ слабыя объясненія своихъ поступковъ, которыя онъ уже далъ 6 ноября.

Этимъ инцидентъ былъ исчерпанъ, и въ дипломатическомъ мірѣ перестали интересоваться Краковомъ.

§ 4. Поссорившимся изъ-за испанскихъ браковъ двумъ западнымъ дворамъ было, конечно, не до польскихъ патріотовъ; каждый изъ нихъ былъ теперь озабоченъ главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы привлечь на свою сторону великія сѣверныя державы. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ британскій кабинетъ повторно доказывалъ Европѣ, что Франція нарушила въ свою пользу европейское равновѣсіе; іюльская монархія не отставала отъ него, стараясь опровергнуть взводимое на нее обвиненіе. Эта ссора могла повести далеко, но Австрія, Пруссія и Россія отказались отъ вмѣшательства въ нее. Для того, чтобы избѣгнуть всякихъ объясненій по поводу предложеній Пальмерстона, Меттерниху пришла въ голову талантливая уловка; за нее тотчасъ же ухватились и берлинскій, и петербургскій кабинеты. Онъ просто-напросто заявилъ, что ему нечего отвѣчать; онъ, молъ, никогда не признавалъ Изабеллы—испанской королевой, не имѣлъ съ ней никакихъ политическихъ сношеній, и поэтому, не имѣетъ никакихъ основаній заниматься вопросомъ о бракѣ ея сестры и даже ея собственномъ. Эта отговорка, конечно, очень неискренняя, представляла, въ сущности, одобреніе французской политики. Она довела Пальмерстона до пароксизма открытаго гнѣва. Съ этой минуты онъ въ своей ненависти пересталъ отличать Вѣну отъ Парижа, а іюльская монархія открыто хвастала расположеніемъ—хотя и относительнымъ,—засвидѣтельствованнымъ ей сѣверными державами. Въ свою очередь, и послѣднія, всѣ три, склонялись къ тому, чтобы своею предупредительностью привлечь іюльскую монархію на свою сторону, втянуть ее въ кругъ своей политики и сдѣлать такимъ образомъ невозможнымъ ея примиреніе съ Англіей. Такова была прежде всего тактика Австріи, которая (какъ мы увидимъ ниже) была болѣе, чѣмъ Пруссія и Россія, заинтересована въ томъ, чтобы обезпечить себѣ содѣйствіе Франціи.

§ 5. Дѣло въ томъ, что Австріи, болѣе чѣмъ другимъ державамъ, грозила въ этотъ моментъ непосредственная опасность отъ новаго политическаго броженія, начинавшаго лихорадочно охватывать почти всю Европу. Несмотря на весь свой оптимизмъ, Меттернихъ не могъ не чувствовать, что дѣло его рукъ—все зданіе 1815 г.—готово рухнуть; съ ужасомъ думалъ онъ о томъ, что, падая, оно раздавитъ прежде всего австрійскую монархію. Свобода и національность были двумя грозными ло-

зунгами революціи. Народы начинали борьбу за эти два принципа, столь грубо попранные вѣнскимъ конгрессомъ и Священнымъ Союзомъ. Всюду демократія начинала организовываться во имя борьбы съ абсолютизмомъ и монархіей. Повсюду угнетенныя и раздробленныя капризомъ дипломатовъ народности стали подниматься, соединяя стремленія къ политическому единству съ борьбой за независимость. И ни одному правительству надвигавшаяся буря не грозила такими серьезными потерями, какъ Австріи. Внутри—она была наканунѣ полнаго разложенія; извнѣ—страны, входившія до сихъ поръ въ кругъ ея вліянія, готовы были ускользнуть отъ нея.

У подданныхъ габсбургскаго дома, несмотря на все ихъ терпѣніе и покорность, стала являться мысль о томъ, что правленіе-произволъ, благодѣтельное значеніе котораго такъ превозносилъ Меттернихъ, начало отживать свой вѣкъ. Равенство передъ закономъ, свобода печати, парламентскія гарантіи—вотъ о чемъ начинали говорить въ Вѣнѣ, въ Прагѣ и Будапештѣ, говорить робко, но достаточно громко для того, чтобы встревожить канцлера. Четыре или пять національностей, составлявшихъ въ своей совокупности австрійское государство, волновались все больше и больше и энергично требовали автономіи. Особенно выдѣлялись въ теченіе 1846 и 1847 гг. горячіе голоса недовольныхъ въ Чехіи и въ Венгріи; ихъ требованія все росли [1]).

Германія, которую вѣнскій дворъ привелъ дробленіемъ въ безсиліе и надъ которой онъ такъ долго властвовалъ, диктуя свои законы франкфуртскому сейму, была теперь полна сознанія своей скрытой мощи и начинала чуять широкую политическую будущность. Либеральное теченіе, которое Меттернихъ такъ часто останавливалъ въ различныхъ государствахъ Союза съ 1840 г. совершенно преобразовывалось. Теперь оно было настолько сильно, что прусскій король, вмѣсто того, чтобы задерживать его, рѣшилъ слѣдовать за нимъ, стараясь управлять его порывами: 3-го февраля 1847 г. онъ даровалъ своимъ подданнымъ

---

[1]) Въ верхней и нижней Австріи, въ Штиріи, Каринтіи и др. провинціяхъ уже нѣсколько лѣтъ не ослабѣвали довольно замѣтныя волненія; крестьяне требовали, какъ и въ Галиціи, освобожденія отъ десятины и барщины и добивались большей свободы мѣстнаго управленія. Въ Чехіи чины отвергли въ 1847 г. всякое увеличеніе налоговъ и очень опредѣленно заявили, что они не признаютъ старую конституцію страны упраздненной per desuetudinem. Въ Венгріи засѣданія сейма принимали все болѣе и болѣе бурный характеръ; тутъ ужъ говорилось не о конституціонной свободѣ и не объ отмѣнѣ феодальной системы, а просто о полной автономіи страны.

конституціонную хартію [1]). Кризисъ 1840 г. далъ рѣшительный толчекъ также и пропагандѣ національнаго единства, о которомъ такъ шумѣли и печать, и университеты, и народныя общества. Германія, обогащенная Zollverein'омъ, просила учрежденія такого центральнаго правительства, которое, обладая военной силой, могло бы обезпечить ей, въ будущемъ, рядъ новыхъ завоеваній. Ей грезились счастливыя войны и присоединенія; отдѣльные голоса галлофобовъ уже требовали—во имя общей родины, Германіи,—возвращенія Эльзаса и Лотарингіи. Но вниманіе народной массы больше всего привлечено было вопросомъ о Шлезвигѣ и Гольштейнѣ. Агитація въ пользу присоединенія этихъ датскихъ владѣній къ Германіи возросла съ особенной силой послѣ декларацiи короля Христіана VIII 8 іюля 1846 г., имѣвшей, повидимому, цѣлью упрочить связь этихъ провинцій съ копенгагенскимъ правительствомъ [2]).

Со стороны Альпъ, Швейцарія, хотя и признанная съ 1815 г. нейтральною, находилась въ теченіе тридцати лѣтъ почти въ такой же зависимости отъ Австріи, какъ и Германія. Благодаря очень мало централизованной конституціи, навязанной ей вѣнскимъ конгрессомъ, она не обладала ни достаточной внутренней цѣльностью, ни силой сопротивленія. Это было безсильное соединеніе двадцати-двухъ крохотныхъ республикъ, независимыхъ другъ отъ друга; оно не имѣло ни средствъ, ни федеральной власти, ни общей арміи, ни высшаго судебнаго учрежденія. Съ 1830 г. огромное большинство швейцарскаго народа естественно сосредоточивало свои усилія на томъ, чтобы свергнуть съ себя власть мѣстныхъ олигархій и передѣлать федеративный договоръ въ духѣ демократіи и централизаціи. Во многихъ кантонахъ переворотъ былъ уже доведенъ до конца, но центральные кантоны, гдѣ, больше изъ-за религіозныхъ, чѣмъ изъ-за политическихъ причинъ, преобладало австрійское вліяніе, оказывали новымъ идеямъ сильное сопротивленіе. Это были семь католическихъ кантоновъ:

---

[1]) Это было большимъ ударомъ для Меттерниха. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (какъ показываетъ его переписка) онъ постоянно пытался отговорить короля отъ этого шага. Впрочемъ, хартія, пожалованная монархомъ, отнюдь не отказавшимся отъ правъ суверенитета, представляла, въ сущности, довольно незначительную уступку. Она устанавливала сословное представительство, простое соединеніе провинціальныхъ чиновъ, раздѣленныхъ на двѣ палаты, въ которыхъ должны были быть представленными, главнымъ образомъ, дворянство и крупное землевладѣніе. Это собраніе во всѣхъ вопросахъ (кромѣ вопросовъ о займахъ, о новыхъ налогахъ и объ увеличеніи старыхъ налоговъ въ мирное время) являлось совѣщательнымъ органомъ; вопросъ о министерской отвѣтственности, конечно, не былъ даже и затронутъ.

[2]) По поводу вопроса о датскихъ герцогствахъ см. т. II, гл. 1 и 2.

Люцернъ, Швитцъ, Ури, Унтервальденъ, Гларисъ, Цугъ, Фрейбургъ и Валлисъ. Они только-что призвали къ себѣ іезуитовъ и съ оружіемъ въ рукахъ защищали ихъ отъ свободныхъ союзовъ, организованныхъ въ протестантскихъ кантонахъ съ цѣлью принудить къ изгнанію (мартъ 1845 г.). Предвидя новый натискъ, они заключили затѣмъ тѣсный союзъ и образовали Sonderbund, вооруженную лигу, являвшуюся государствомъ въ государствѣ и, конечно, противорѣчившую своимъ существованіемъ общей швейцарской конфедераціи. Теперь радикаламъ (такъ звались приверженцы реформы) необходимо было, такъ или иначе, разстроить новый союзъ для того, чтобы затѣмъ изгнать іезуитовъ и создать новую швейцарскую конституцію. Но для этой цѣли они должны были прежде всего убѣдиться, что располагаютъ большинствомъ въ федеральномъ сеймѣ, голосованіе котораго происходило по кантонамъ. Благодаря новымъ вспышкамъ мѣстныхъ революцій въ Бернѣ и Женевѣ (январь—октябрь 1846 г.) и потомъ въ Сентъ-Галленѣ (май 1847 г.), власть перешла въ этихъ кантонахъ къ радикаламъ. Послѣ этого, правовая конъюнктура оказалась благопріятною для противниковъ Sonderbund'а. Полковникъ Оксенбейнъ, командовавшій свободнымъ союзомъ въ 1845 г., сталъ во главѣ Vorort'а; сеймъ долженъ былъ собраться подъ его предсѣдательствомъ въ началѣ іюля 1847 г.; нетрудно было предугадать его рѣшенія.

Но Австрію безпокоили не только событія, готовившіяся въ Швейцаріи. Еще больше основаній для тревогъ доставляла ей Италія; она была театромъ волненій, предвѣщавшихъ близкую революцію. Здѣсь возбужденіе достигало крайней степени и не ограничивалось, какъ въ 1820 и 1831 гг. отдѣльными пунктами, а распространялось повсемѣстно и, слѣдовательно, становилось весьма грознымъ. Отъ Альпъ до Адріатики, отъ глубины Сициліи и до береговъ По одно чувство ненависти къ иностранцамъ объединяло всѣ сердца. Изгнаніе варваровъ, т.-е. австрійцевъ, было всеобщимъ желаніемъ. Италія, которую Меттернихъ презрительно называлъ географическимъ отраженіемъ, чувствовала себя зрѣлой для независимости и даже для объединенія. Но если свобода будетъ достигнута, то въ какомъ видѣ совершится объединеніе? Приметъ ли оно форму федераціи, какъ надѣялось большинство,— или монархіи, какъ начинали желать наиболѣе осторожные умы? или же совершится оно въ формѣ демократической республики съ столицей Римомъ, какъ мечталъ великій агитаторъ Мадзини [1]), не

[1]) Мадзини родился въ Генуѣ 18 іюня 1808 г. и съ 1830 г., почти всю свою

перестававшій и въ изгнаніи руководить великимъ національнымъ движеніемъ? Рѣшеніе этихъ задачъ откладывалось на будущее время. Пока же, огромное большинство населенія Италіи воодушевлялось идеями, распространяемыми благодаря Бальбо, Азельо и Джоберти [1]), и требовало отъ своихъ монарховъ, чтобы и они примкнули къ народу, поддержали его дарованіемъ свободы и потомъ сплотились противъ общаго врага. Взоры всей Италіи прежде всего обращались, конечно, къ папѣ; его высокій санъ давалъ ему безспорное право взять въ свои руки знамя свободы. Если самъ святѣйшій престолъ дастъ рѣшительный примѣръ, то ему должны будутъ послѣдовать всѣ остальные монархи Италіи! Какъ разъ въ это время скончался старый папа Григорій XVI, ставленникъ Австріи (1-го іюня 1846 г.). Вся итальянская нація привѣтствовала избраніе его преемника (16-го іюня), какъ зарю своего возрожденія. Это былъ Пій IX [2])—кроткій и

жизнь посвятилъ дѣлу Италіи; онъ хотѣлъ видѣть ее единой и свободной. Вынужденный бѣжать сначала въ Марсель (1831 г.), потомъ въ Швейцарію (1834 г.) и, наконецъ, въ Англію, онъ былъ душой безчисленныхъ заговоровъ и пріобрѣлъ тайное, но тѣмъ болѣе опасное вліяніе не только на родинѣ, но и во всей Европѣ. Проскользнувъ въ 1848 г. въ Миланъ, а потомъ во Флоренцію, онъ, въ качествѣ тріумвира, защищалъ (1849 г.) противъ французскихъ войскъ только-что созданную имъ римскую республику. Его партія потерпѣла пораженіе, и онъ снова бѣжалъ въ Лондонъ, чтобы возобновить пропаганду, и не замедлилъ опять появиться въ Италіи въ 1853 и 1857 гг., возбуждая ее къ новымъ возстаніямъ. Онъ принималъ широкое участіе въ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто на его родинѣ съ 1859 по 1870 г. Умеръ въ Пизѣ 11-го марта 1872 г. Его многочисленныя сочиненія и переписка представляютъ почти полную исторію итальянской революціи.

[1]) Бальбо (Цезарь) род. въ Туринѣ въ 1789 г.; уполномоченный въ дѣлахъ Сардинскаго королевства въ Мадридѣ въ 1818 г.; майоръ инфантеріи въ Пьемонтѣ (1819 г.); жертва реакціи 1821 года; авторъ книги, получившей въ 1844 г. огромное распространеніе (Надежды Италіи); президентъ сардинскаго кабинета министровъ (мартъ—іюль 1848 г.), умеръ въ 1853 г.—Азельо (Массимо Тапарелли, маркизъ) родился въ Туринѣ (въ 1801 г.), пріобрѣлъ особенную извѣстность съ 1840 г., благодаря патріотическимъ сочиненіямъ; служилъ дѣлу Италіи въ 1848 г. въ качествѣ адъютанта генерала Дурандо; назначенъ 11-го мая 1849 г. президентомъ совѣта и сардинскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; въ 1852 г. былъ замѣненъ Кавуромъ; посолъ въ Лондонѣ, затѣмъ префектъ Милана; умеръ въ 1865 г.—Джоберти (аббатъ Винцентъ) род. въ Туринѣ 5-го апрѣля 1801 г.; авторъ книги о нравственномъ и политическомъ первенствѣ въ Италіи, сдѣлавшей его въ 1843 г. чрезвычайно популярнымъ. Сардинскій министръ народнаго просвѣщенія (іюль 1848 г.), позже—президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ (декабрь 1848 г.—мартъ 1849 г.); полномочный министръ въ Парижѣ въ 1849 г.; возвратившись, немного спустя, къ частной жизни, онъ умеръ въ Парижѣ 26-го октября 1852 г.

[2]) Жанъ-Марія, графъ Мастаи-Феретти, род. въ Синигаліи (Sinigaglia) 13-го мая 1792 г.; съ 1827 г. былъ архіепископомъ Сполетскимъ, потомъ (съ 1832 г.) епи-

великодушный пастырь, умѣвшій проявлять твердую рѣшимость, когда дѣло касалось того, что онъ считалъ правами церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно либеральный въ дѣлахъ свѣтской администраціи и весьма склонный къ популярности. Но его главные недостатки, нерѣшительность и непостоянство, какъ оказалось, еще не успѣли сказаться въ полной мѣрѣ. Обманувшись нѣсколько разъ въ своихъ разсчетахъ, онъ съ необычайной рѣзкостью сталъ высказываться противъ принципа свободныхъ государствъ. Но пока, онъ казался драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для дѣла мирнаго переворота. Онъ началъ свое правленіе политической амнистіей (16-го іюня), не запугивалъ новаторовъ и обѣщалъ своимъ подданнымъ тѣ конституціонныя реформы, которыхъ они въ теченіе пятнадцати лѣтъ тщетно просили у его предшественника. Когда онъ сталъ нѣсколько медлить уступками (ничего или почти ничего не было сдѣлано въ теченіе шести мѣсяцевъ), то эти колебанія были приписаны препятствіямъ, созданнымъ партіей ретроградовъ, окружавшихъ его при Ватиканскомъ дворѣ и связывавшихъ его своимъ противодѣйствіемъ. Вѣра въ него не гасла; толпы тѣснились у его пути и привѣтствовали его съ горячимъ энтузіазмомъ. „Смѣлѣе, святой отецъ!—кричала публика, когда онъ выѣзжалъ: довѣрься своему народу!“ Волей-неволей поддаваясь вліянію толпы, онъ издалъ нѣсколько либеральныхъ декретовъ и учредилъ гражданскую гвардію (май 1847 г.). Когда же онъ замедлилъ ея окончательнымъ устройствомъ, гвардія организовалась сама (іюль), и папа, несмотря на нѣкоторыя свои опасенія, санкціонировалъ довольно снисходительно такое самоуправство. Слѣдуя примѣру первосвященника, многіе другіе князья Италіи стали уступать желаніямъ своихъ подданныхъ; и если неаполитанскій король и герцогъ моденскій еще отказывались итти на уступки, то великій герцогъ тосканскій [1]), несмотря на свое австрійское происхожденіе, открывалъ уже двери свободѣ печати, а король сардинскій Карлъ-Альбертъ, казалось, начиналъ вспоминать, послѣ пятнадцати лѣтъ абсолютизма, что во времена юности онъ одно время шелъ рука объ руку съ карбонаріями [2]). Онъ впервые сталъ понимать, что Савойская династія можетъ сыграть въ итальянской революціи великую роль,

скопомъ Имольскимъ; кардиналъ съ 1840 г. и папа подъ именемъ Пія IX; умеръ въ Римѣ 7-го февраля 1878 г.

[1]) Леопольдъ II, племянникъ австрійскаго императора Франца I, род. во Флоренціи 3 октября 1797 г.; съ 1824 г. великій герцогъ Тосканскій; низложенъ въ 1859 г.; умеръ въ Римѣ 29 января 1870 г.

[2]) Смотри выше, глава IV.

принявъ на себя руководительство военной стороной дѣла; онъ понялъ, что папа можетъ имѣть только нравственное вліяніе. Даже и идея федераціи, казалось, уже была близка къ осуществленію. Три двора—римскій, флорентинскій и туринскій—сговаривались о таможенномъ союзѣ, который могъ оказаться преддверіемъ близкой и богатой результатами политической лиги.

§ 6. Изъ вышеизложеннаго видно, что на Австрію со всѣхъ сторонъ надвигались опасности; а между тѣмъ, у нея не было выбора союзниковъ. Англія, руководимая Пальмерстономъ, относилась къ ней скорѣе враждебно, чѣмъ дружественно. Россія казалась равнодушной. Конечно, императоръ Николай былъ бы готовъ поднять оружіе противъ Революціи даже въ пользу вѣнскаго двора: это онъ доказалъ въ 1849 году. Но въ данный моментъ онъ еще не вѣрилъ въ близость катастрофы; наличность же нѣкоторыхъ затрудненій для австрійской политики, способныхъ отвлечь ее на Западъ, была для него только выгодна, такъ какъ развязывала ему руки на Востокѣ. Что же касается берлинскаго двора, то онъ не интересовался Италіей; Австрія могла разсчитывать на его помощь только противъ Швейцаріи [1]). Въ самой Германіи Австрія не нашла бы поддержки Пруссіи уже потому, что въ ней двѣ нѣмецкія державы могли столкнуться только, какъ враги; объединеніе Германіи, по разсчетамъ Фридриха-Вильгельма, могло совершиться лишь подъ руководствомъ Пруссіи.

Оставалась одна Франція. Меттернихъ всѣми силами старался привлечь ея правительство на свою сторону; да и само оно сильно домогалось союза съ Австріей. Революція пугала Людовика-Филиппа и его министра, Гизо, не менѣе, чѣмъ императора Фердининда и Меттерниха. Іюльское правительство, окончательно забывъ свое происхожденіе, отвернулось отъ демократіи и, опираясь на такъ называемое легальное населеніе, т.-е. на олигархію въ 200.000 человѣкъ, имѣвшихъ выборный цензъ, стало слѣпо отвергать, несмотря на всѣ совѣты его наиболѣе просвѣщенныхъ приверженцевъ (Тьера, Одилона Баро, Ремюза [2]), Дювержье де Горанпъ и др.), предложенную ему

[1]) Король Пруссіи былъ княземъ Невшателя.

[2]) Ремюза (Шарль-Франсуа-Мари, графъ) родился въ Парижѣ 14-го марта 1797 года. Извѣстный въ качествѣ журналиста и философа, онъ былъ въ концѣ 1830 года выбранъ въ палату депутатовъ, гдѣ тотчасъ же занялъ мѣсто среди доктринеровъ; товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ (1836); съ 1837 г. сторонникъ политики Тьера; министръ внутреннихъ дѣлъ (1840) въ кабинетѣ 1-го марта; членъ Учредительной

безобидную парламентскую реформу [1]). Если бы по другую сторону Рейна и Альпъ разгорѣлось тлѣвшее тамъ пламя Революціи, Франція запылала бы тоже. Поэтому, французское правительство считало необходимымъ помочь Меттерниху затушить начинавшійся пожаръ. Гизо и его монархъ боролись противъ Революціи еще и потому, что она могла повести къ созданію объединенныхъ государствъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ два (Германія и Италія) по своему мѣстоположенію, силѣ и враждебному настроенію (проявившемуся бы рано или поздно) не могли не быть опасной угрозой для Франціи. Вслѣдствіе этого, глава французскаго кабинета открыто объявлялъ себя сторонникомъ и послѣдователемъ идей Меттерниха, который, зная о честолюбіи Гизо, осыпалъ его похвалами, называя чуть-что не первымъ государственнымъ человѣкомъ Европы. „Мы", писалъ канцлеръ министру президенту [2]), „движемся несмотря на дальность разстоянія, въ одной и той же плоскости. Во главѣ всѣхъ вопросовъ вы ставите—соціальный; я также очень сильно занятъ имъ въ послѣднее время... Осмѣливаюсь думать, что мы оба боремся ради сохраненія и исправленія современнаго строя; въ этомъ заключается нашъ союзъ... Только при содѣйствіи Франціи и ея консервативной политики возможно съ успѣхомъ бороться противъ анархіи и революціи... Я почитаю за большое счастье ваше доброе мнѣніе обо мнѣ и надѣюсь, что если наша дружба найдетъ достаточно долгое примѣненіе на дѣлѣ, то это послужитъ для укрѣпленія вашего довѣрія ко мнѣ".

Но для того, чтобы дружба между правительствами Франціи и Австріи, свидѣтельствомъ которой служитъ приведенное письмо, проявилась на дѣлѣ, необходимо было, чтобы никакое постороннее обстоятельство не мѣшало ей; если каждое изъ правительствъ не имѣло полной свободы дѣйствія и не могло безусловно помогать другому, — то согласіе между ними было не прочно. Вмѣсто помощи и подкрѣпленія они должны были неминуемо подозрѣвать, ослаблять и даже нейтрализовать другъ

комиссіи (1848—1849), а затѣмъ (1849—1851)—законодательной. Послѣ государственнаго переворота онъ на короткое время покинулъ Францію. Во время Имперіи посвящалъ свой досугъ значительнымъ работамъ по философіи и исторіи. 2-го августа 1871 года былъ приглашенъ Тьеромъ занять постъ министра иностранныхъ дѣлъ, на которомъ онъ оставался до 24-го мая 1873 года; немного спустя (октябрь) онъ былъ избранъ въ Національное собраніе и умеръ въ Парижѣ 6-го января 1875 года.

[1]) Смотри выше стр. 426.

[2]) Въ маѣ 1847 года.

друга. И если революція, съ одной стороны, была ободряема ихъ безсиліемъ, а съ другой—получала поддержку третьей державы, то тотъ взрывъ, который они хотѣли предупредить, отстранялся лишь на самое короткое время. Дѣйствительно, такъ и случилось.

§ 7. Въ Германіи, Австрія не могла принять явной поддержки Франціи. Меттернихъ предупредилъ Гизо, что если Франція начнетъ открыто дѣйствовать противъ свободы и объединенія Германіи, то этимъ она лишь увеличитъ патріотическій энтузіазмъ нѣмцевъ; Австрія сдѣлается для нихъ подозрительной и революціонное движеніе еще больше разрастется. Поэтому, канцлеръ искалъ поддержки тайной. Онъ просилъ, чтобы ему предоставили дѣйствовать единолично. Французскому же правительству не нравилась та второстепенная роль, которую ему навязывали. Гизо подозрѣвалъ Меттерниха въ неискренности. Поэтому, онъ почти совсѣмъ не поддерживалъ канцлера. Австрія, предоставленная собственнымъ своимъ силамъ, съ каждымъ днемъ теряла подъ ногами почву; несмотря на всѣ предосторожности Меттерниха, нѣмцы упрекали его въ намѣреніи бороться противъ общей родины въ союзѣ съ наслѣдственнымъ врагомъ, то-есть съ Франціей.

Въ Швейцаріи Гизо поддерживалъ, вмѣстѣ съ Меттернихомъ, Зондербундъ и іезуитовъ. Онъ отрицалъ право швейцарскаго союза измѣнять безъ согласія великихъ державъ ту конституцію, которая ему была предписана въ 1815 г. Наканунѣ того дня, когда бернскій сеймъ принялъ извѣстныя энергичныя резолюціи, австрійскій канцлеръ предложилъ Франціи усмирить Швейцарію путемъ коллективнаго вмѣшательства, подобнаго тому, которое было произведено въ Краковѣ. Но для такого предпріятія у Гизо не было достаточной свободы дѣйствій. Онъ долженъ былъ считаться съ оппозиціей въ парламентѣ, съ прессой, съ общественнымъ мнѣніемъ, и безъ того сильно укорявшими его за уступки вѣнскому двору и никогда бы не дозволившими бы ему погубить свободу Швейцаріи. Поэтому, Гизо рѣшился на хитрость и тайно предложилъ Меттерниху нечестную, но остроумную комбинацію, а именно: Австрія ведетъ свои войска въ Швейцарію и произведетъ тамъ контръ-революцію; очевидно, палата депутатовъ потребуетъ, чтобы французскія войска были отправлены на помощь швейцарцамъ; когда же оба войска очутятся въ Швейцаріи,—имъ будетъ легко справиться съ революціей. Меттернихъ никогда не былъ наивнымъ и потому заподозрилъ Гизо въ желаніи косвенно помѣшать австрійской политикѣ для того, чтобы не потерять

довѣрія палаты. „Если Франція,—писалъ канцлеръ Аппонію,—введетъ свои войска въ Швейцарію потому, что Австрія ввела туда свои, то цѣли ихъ будутъ различны. Французскія войска явятся въ роли защитниковъ независимости союза и враговъ ретроградныхъ идей Австріи. Что бы ни утверждало французское правительство, появленіе его войскъ въ Швейцаріи составитъ большую поддержку для радикальной партіи. Мы не пойдемъ на эту удочку“. Вмѣсто двусмысленнаго плана Гизо, Меттернихъ предложилъ отправить суровую ноту въ томъ смыслѣ, что обѣ державы не позволятъ швейцарскому сейму посягнуть на свободу кантоновъ и измѣнить конституцію 1815 г. Такая нота, конечно, заключала бы въ себѣ войну. Поэтому, французскій кабинетъ, опасаясь зайти слишкомъ далеко, замѣнилъ эту ноту предложеніемъ тождественныхъ декларацій, настойчивыхъ, но менѣе грозныхъ, которыя должны были представить Швейцаріи пять великихъ державъ, включая и Англію. Согласіе лондонскаго кабинета, который упрекали въ измѣнѣ союзу ради династическихъ интересовъ, было весьма желательно. Но Пальмерстонъ, не отказываясь окончательно, въ общемъ не говорилъ ни да, ни нѣтъ; онъ требовалъ объясненій, придирался къ выраженіямъ и, однимъ словомъ, всячески затягивалъ дѣло. Всѣ эти дипломатическія проволочки ободрили швейцарскихъ радикаловъ. 5-го іюля произошло въ Бернѣ открытіе засѣданій союзнаго сейма; 20-го было постановлено распустить Зондербундъ; немного спустя было рѣшено изгнать іезуитовъ. Послѣ этого приходилось приступить къ репрессивнымъ мѣрамъ.

Въ Италіи Гизо и Меттернихъ также мѣшали другъ другу. Вполнѣ согласные въ томъ, чтобы Италія сохранила территоріальное дѣленіе, навязанное ей трактатами 1815 г., они расходились по вопросу о конституціонной свободѣ. И министръ Людовика-Филиппа, и австрійскій канцлеръ одинаково порицали Революцію. Гизо не хотѣлъ торжества демократіи въ Италіи и не желалъ установленія на Аппенинскомъ полуостровѣ полнаго парламентскаго правленія. Но его личное положеніе заставляло его совѣтовать государямъ мелкихъ итальянскихъ монархій добровольно давать своимъ подданнымъ административныя реформы, согласныя съ духомъ времени; Меттернихъ же всѣми силами старался отклонить ихъ отъ этого [1]). Когда австрійскій канцлеръ

[1]) Не безъ довольно ясныхъ угрозъ. „Если король,—писалъ онъ въ 1846 году относительно Карла-Альберта, — принялъ рѣшеніе, если онъ хочетъ Революціи, пусть онъ открыто выскажется, и тогда мы примемъ соотвѣтственныя мѣры“. Въ одной изъ депешъ (25 мая 1847 г.) мы читаемъ: „слѣдуетъ просить папу и великаго гер-

занялъ угрожающее положеніе по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ, то Гизо былъ принужденъ (по крайней мѣрѣ для виду) явиться ихъ защитникомъ. Черезъ 15 лѣтъ послѣ Казимира Перье Францiя не могла допустить того, чтобы Австрія единолично распоряжалась въ Италіи. Пій IX, нерѣшительный и трусливый, попросилъ у Людовика-Филиппа ружей для своей арміи, и король Франціи снабдилъ его ими. Въ августѣ 1847 г. вѣнскій дворъ, не на шутку испуганный вооруженіями папы и послѣдними смутами въ Римѣ, приказалъ австрійскимъ войскамъ занять папскій городъ Феррару [1]). И можно было думать, что дѣло этимъ не ограничится. Папа поспѣшилъ протестовать и просилъ помощи у іюльскаго правительства. Росси увѣрилъ, что Франція готова съ оружіемъ въ рукахъ поддержать его, и принцъ Жуанвиль появился съ большой эскадрой (сентябрь) у береговъ римскаго государства. Это, конечно, была только демонстрація. Гизо не желалъ войны, а Меттернихъ еще того менѣе. Но канцлеръ понялъ, что любезность Гизо не можетъ переходить нѣкоторыхъ опредѣленныхъ границъ, и потому обѣщался очистить Феррару [2]). Меттернихъ желалъ, чтобы, за это, Росси и другіе представители Франціи прекратили агитацію въ пользу реформъ. Онъ съ большимъ неудовольствіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ Пій IX (въ октябрѣ) созвалъ собраніе нотаблей, казавшееся ему провозвѣстникомъ парламента. Онъ собирался провозгласить папу еретикомъ за его либеральничаніе и склонность къ популярности [3]). Не безъ тайной горечи канцлеръ доказывалъ Гизо, что Революціи невозможно уступить; что предоставить Италіи полу-свободу— значитъ дать ей возможность завоевать свободу полную; и что въ тотъ день, когда итальянскія государства получатъ право предписывать законы своимъ государямъ, — они начнутъ національный походъ противъ трактатовъ 1815 г. Французскій министръ, самъ встревоженный агитаціей на полуостровѣ, разроставшейся съ каждымъ днемъ, начиналъ приходить къ тому же заключенію. Но дѣйствовать открыто онъ не могъ. Въ Италіи,

---

цога (Тосканскаго) царствовать..." И въ другой депешѣ (отъ 6 августа): „ничто насъ не можетъ остановить въ исполненіи того, что составляетъ нашъ долгъ..."

[1]) Вопреки трактатамъ 1815 г., которые дозволяли Австріи имѣть только гарнизонъ въ цитадели.

[2]) Австрійскія войска окончательно очистили городъ въ декабрѣ 1847 г.

[3]) „Либеральный папа,—писалъ онъ въ то время,—производитъ чудеса, съ которыми онъ не будетъ въ состояніи справиться... Самое большое несчастіе для общества заключается въ томъ, что партіи духовнаго и матеріальнаго распутства ходятъ съ крикомъ Viva Pio nono и со знаменемъ главы католицизма".

какъ и въ Швейцаріи, политика контръ-революціи, о проведеніи которой первые министры Австріи и Франціи такъ долго сговаривались, оказывалась безсильной.

§ 8. Въ то время, какъ вѣнскій и парижскій кабинеты взаимно уничтожали результаты своихъ стараній, революціонное движеніе нашло рѣшительную поддержку со стороны великой державы, заинтересованной въ томъ, чтобы отомстить имъ обоимъ. Пальмерстонъ, очень мало расположенный покровительствовать радикализму въ Соединенномъ королевствѣ [1]), нисколько не стѣсняясь, поощрялъ его развитіе за предѣлами Англіи изъ ненависти къ Меттерниху и, особенно, къ Гизо. Въ Германіи онъ оказывалъ радикаламъ слабую поддержку, потому что Франція не пользовалась тамъ особенно значительнымъ вліяніемъ, а также потому, что въ принципѣ единой Германіи онъ видѣлъ больше неудобствъ, чѣмъ пользы для своей страны. Но въ Швейцаріи и Италіи вся его политика была направлена на то, чтобы обезпечить радикализму скорую побѣду. И результаты его усилій соотвѣтствовали его желаніямъ.

По вопросу о швейцарскихъ дѣлахъ глава Foreign Office'а велъ двойственную игру и, не стѣсняясь, обманывалъ Гизо, который въ предыдущемъ году обманулъ его самого. Въ то время, какъ протестантскіе кантоны готовились къ федеральной экзекуціи, предписанной бернскимъ союзнымъ собраніемъ, онъ всѣми силами старался затянуть переговоры относительно тождественной ноты, предложенной французскимъ кабинетомъ; а затѣмъ, вмѣсто своей подписи, онъ предложилъ добрыя услуги Англіи, дружественное посредничество между федеральнымъ правительствомъ и Зондербундомъ. Франція и Австрія, мало довѣряя его безпристрастію, не сочли возможнымъ принять его предложеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ послалъ (въ сентябрѣ) въ Швейцарію одного изъ своихъ товарищей по министерству, лорда Минто [2]), который, подъ видомъ посредничества, сильно поддержалъ Оксенбейна

[1]) Пальмерстонъ и его товарищи всѣми силами старались подавить чартистское движеніе и ирландскую агитацію.

[2]) Графъ Минто (Джильбертъ-Эллiотъ-Муррей-Кунинмондъ) родился въ Ліонѣ 16 ноября 1782 г., членъ палаты общинъ въ 1806 г., палаты лордовъ—въ 1814 г.; полномочный министръ въ Берлинѣ (1832 г.); первый лордъ адмиралтейства въ кабинетѣ Мельбурна (1835—1841 г.) и въ кабинетѣ Пиля (1841—1846 г.); лордъ хранитель печати въ министерствѣ, главою котораго былъ Джонъ Рэссель, его зять (1846—1852 г.); посланъ съ спеціальнымъ порученіемъ въ Швейцарію и Италію (сент. 1847 г.—май 1848 г.); умеръ въ Лондонѣ 31 іюля 1859 г.

и его друзей. Прибытіе этого важнаго лица, которое, казалось, олицетворяло собою самую Англію, побудило швейцарскихъ радикаловъ ускорить исполненіе своихъ угрозъ. Они хорошо понимали, что Австрія, занятая наблюденіемъ за Италіей, не осмѣлится открыть враждебныя дѣйствія противъ нихъ иначе, какъ при поддержкѣ Франціи; что Франція выступитъ противъ нихъ только въ томъ случаѣ, если будетъ имѣть возможность разсчитывать на сочувствіе Великобританіи; и что нравственная поддержка этой послѣдней державы совершенно обезпечена конфедераціи. Поэтому, союзное собраніе было созвано снова и, 24 октября, издало распоряженіе о мобилизаціи большой арміи, которая должна была, подъ начальствомъ генерала Дюфура [1]), выступить противъ Зондербунда. 29-го — семь католическихъ кантоновъ прекратили сношенія съ собраніемъ и заявили о своемъ намѣреніи защищаться до послѣдней крайности. Черезъ недѣлю война была формально объявлена союзными властями, и 10 ноября начались враждебныя дѣйствія.

Вѣнскій и парижскій кабинеты, не дожидаясь этого дня, заговорили о вмѣшательствѣ европейскихъ державъ. Но они уже и раньше потеряли много времени на переговоры; въ рѣшительный же моментъ Пальмерстонъ собирался заставить ихъ потерять еще больше времени. Въ тотъ самый моментъ, когда вспыхнула война, этотъ хитрый дипломатъ, желая удобнѣе обмануть ихъ, внушилъ имъ мысль о коллективномъ посредничествѣ, которое пять великихъ державъ могли бы предложить Зондербунду и его противникамъ. Гизо попался на эту удочку и 4 ноября разослалъ европейскимъ дворамъ красиво составленную ноту, заключавшую въ себѣ слѣдующія предложенія: 1) что воюющія стороны будутъ приглашены сложить оружіе, 2) что онѣ подчинятся рѣшенію пяти державъ, постановленному на конференціи, мѣсто для которой будетъ опредѣлено впослѣдствіи. Это предложеніе, столь согласное съ духомъ Священнаго Союза, было немедленно принято Австріей и Пруссіей. На согласіе царя, по словамъ его представителей въ Парижѣ и Лондонѣ, можно было разсчитывать навѣрно. Но Англія разстроила все дѣло.

---

[1]) Дюфуръ (Гильомъ-Анри) родился въ Констанцѣ въ 1787 г.; назначенъ союзнымъ собраніемъ вскорѣ послѣ 1830 г. генералъ-квартирмейстеромъ; побѣдитель Зондербунда въ 1847 г.; посланъ въ 1857 г. къ Наполеону III съ конфиденціальнымъ порученіемъ относительно невшательскаго дѣла; президентъ международной конференціи, результатомъ которой было соглашеніе 22 августа 1864 г. относительно обращенія съ ранеными во время войны (женевская конвенція); умеръ 14 іюля 1875 года.

Тактика Пальмерстона въ этотъ моментъ состояла въ томъ, чтобы выиграть время. Онъ хотѣлъ дать Оксенбейну время уничтожить Зондербундъ. Онъ тайно побуждалъ и его, и генерала Дюфура ускорить военныя дѣйствія и покончить съ католическими кантонами. Въ ожиданіи же этого результата, онъ умышленно тянулъ переговоры и употреблялъ всевозможныя средства промедленія. Только по истеченіи 10 дней (16-го ноября) онъ послалъ Гизо отвѣтъ, въ которомъ, не соглашаясь съ нотой, предлагалъ ему свой контръ-проектъ умиротворенія Швейцаріи, а именно: 1) уничтоженіе Зондербунда, и 2) изгнаніе іезуитовъ. Французское правительство протестовало противъ этихъ требованій. Французскій посланникъ въ Лондонѣ долженъ былъ начать новые переговоры съ Пальмерстономъ, который сталъ спорить и придираться къ мелочамъ; въ концѣ концовъ, державы согласились на двусмысленный, полный противорѣчій текстъ ноты; впрочемъ, Австрія и Англія сдѣлали важныя оговорки въ діаметрально-противоположномъ смыслѣ. Но это произошло только 26 ноября. Къ тому времени Зондербундъ былъ уже разбитъ на всѣхъ пунктахъ. 29-го числа послѣдній изъ семи католическихъ кантоновъ изъявилъ покорность. Только 30-го ноября Оксенбейнъ получилъ ноту, въ которой державы предлагали Швейцаріи свое посредничество; онъ отвѣтилъ, что не желаетъ съ нею считаться. Впрочемъ, она была ему представлена только отъ имени Франціи, Австріи и Пруссіи. Когда эти державы пригласили Англію послѣдовать ихъ примѣру, Пальмерстонъ холодно отвѣтилъ, что швейцарскій вопросъ уже разрѣшенъ оружіемъ, и что посредничество болѣе не имѣетъ смысла. Революція рѣшительно торжествовала въ Швейцаріи, и британскій кабинетъ наслаждался возможностью въ свою очередь досадить виновникамъ испанскихъ браковъ.

Но этимъ не ограничилось его мщеніе. Въ октябрѣ, лордъ Минто переѣхалъ на югъ Альпъ. Съ давнихъ уже поръ англійскіе агенты на всемъ полуостровѣ старались дискредитировать французское правительство, которое они изображали закупленнымъ Австріей и контръ-революціей. Они указывали итальянскимъ патріотамъ, что только одна держава въ Европѣ искренно расположена къ нимъ и что эта держава есть Англія; что ея нравственная поддержка всегда будетъ имъ обезпечена; что въ случаѣ надобности имъ будетъ оказана съ ея стороны и матеріальная помощь. Прибытіе лорда Минто казалось лучшей гарантіей подобныхъ обѣщаній. Онъ отправился прежде всего въ Туринъ. Благодаря его прибытію, Карлъ-Альбертъ сдѣлался на-

столько смѣлымъ, что опубликовалъ 30-го октября важное распоряженіе объ административной реформѣ, которое казалось провозвѣстникомъ парламентской конституціи; 3 ноября онъ подписалъ предварительный договоръ о таможенномъ союзѣ, который долженъ былъ соединить Пьемонтъ съ Тосканой и Церковной областью; его военныя приготовленія сдѣлались весьма явными; Италія начинала привѣтствовать его, какъ будущаго вождя національнаго крестоваго похода противъ Австріи. Затѣмъ представитель Пальмерстона явился въ Римъ, гдѣ народъ встрѣтилъ его, какъ освободителя, и привѣтствовалъ громкою манифестаціей. Въ этотъ моментъ популярность папы была сведена почти на нѣтъ. Открывая государственный совѣтъ, т.-е. собраніе нотаблей, созванное за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ (15 ноября), Пій IX счелъ своею обязанностью въ рѣзкихъ выраженіяхъ напомнить о своихъ правахъ неограниченнаго монарха и заявить, что собраніе будетъ имѣть чисто-совѣщательное значеніе, а также, что папа, блюститель священной власти, не допуститъ ея ослабленія. Въ ноябрѣ и декабрѣ наиболѣе умѣренные сторонники реформъ, и, въ особенности, французскій посланникъ, напрасно старались добиться отъ него согласія на одно наиболѣе страстное желаніе его подданныхъ, т.-е. на секуляризацію административной власти. Съ трудомъ удалось имъ добиться передачи одного министерства (военнаго) въ руки свѣтскаго должностного лица. Въ виду этого, настроеніе умовъ въ Римѣ становилось все болѣе и болѣе возбужденнымъ. Англичанамъ не трудно было убѣдить толпу, что Франція дѣйствуетъ заодно съ Австріей и собирается погубить революціонное движеніе. Вся центральная Италія находилась въ состояніи броженія. Возмущенія въ большихъ городахъ стали повторяться все чаще и чаще. Въ декабрѣ 1847 г. и январѣ 1848 г. волненіе охватило ломбардо-венеціанское королевство. Напрасно Австрія усиливала въ этой странѣ военныя силы. Напрасно она наводняла своими войсками даже герцогства моденское и пармское. Этимъ она только усиливала раздраженіе итальянскаго народа. Миланъ, Венеція, Павія, Падуя, несмотря на ея пушки, начинали волноваться. Революція готова была вспыхнуть каждую минуту. Нуженъ былъ только толчокъ; этотъ толчокъ былъ данъ южной Италіей. Изъ Рима лордъ Минто отправился въ неаполитанское королевство. Тамъ онъ нашелъ почву, прекрасно подготовленную для возмущенія, благодаря нелѣпому и жестокому деспотизму Фердинанда II, который только-что передъ тѣмъ разстрѣ-

лялъ картечью толпу своихъ подданныхъ [1]). Подстрекаемая Англіей, Сицилія возстала 12 января 1848 г.; войска, посланныя королемъ для того, чтобы подавить возмущенія въ Палермо, были разбиты; все населеніе острова взялось за оружіе; революція побѣдоносно перешла Мессинскій проливъ и достигла Неаполя. Трусливый (подобно своему отцу и дѣду) Фердинандъ смирился передъ возстаніемъ, назначилъ, 27 января, либеральныхъ министровъ; спустя два дня, обѣщалъ конституцію и 11 февраля обнародовалъ ее. Это событіе было съ восторгомъ встрѣчено всей Италіей. Съ этого момента на всемъ полуостровѣ монархи почувствовали, что имъ придется уступить. Леопольдъ тосканскій не сталъ ждать, пока возстаніе достигнетъ стѣнъ его дворца. 15 февраля онъ также далъ конституцію. Карлъ-Альбертъ и Пій IX еще колебались, но ихъ образъ дѣйствій показывалъ, что они были готовы уступить общему теченію. Первый актъ итальянской революціи, казалось, готовъ былъ закончиться.

§ 9. Чѣмъ можно было въ данный моментъ остановить движеніе? Единственнымъ средствомъ для этого было, чтобы вѣнскій и парижскій кабинеты, единодушно осудившіе это движеніе, съ такимъ же единодушіемъ постарались и подавить его. Но, въ этотъ рѣшительный моментъ, они не съумѣли дѣйствовать заодно и не рѣшились выступить по отдѣльности. Меттернихъ, который и прежде съ трудомъ сдерживалъ движеніе въ Миланѣ и Венеціи, опасался вывести войска изъ этихъ двухъ областей. Еще болѣе опасался онъ того, что Франція дастъ ему выступить во имя контръ-революціи лишь для того, чтобы затѣмъ имѣть поводъ вмѣшаться во имя свободы и повторить, но уже въ большихъ размѣрахъ, анконскую исторію. Онъ желалъ склонить ее къ одновременному и совмѣстному вмѣшательству. Что же касается Гизо, то онъ не могъ скрыть отъ себя, что поли-

[1]) Этотъ государь родился въ Палермо 12 января 1810 г.; наслѣдовалъ престолъ 8 ноября 1830 г. послѣ своего отца, Франциска I, сына и преемника Фердинанда I (умершаго въ 1825 г.). Невѣжественный, подозрительный, слабый, жестокій и вѣроломный, онъ имѣлъ всѣ недостатки двухъ ближайшихъ своихъ предшественниковъ. Его царствованіе было временемъ террора. Заговоры и попытки къ возстанію были подавляемы имъ съ поистинѣ дикой жестокостью. Стоитъ только припомнить казнь братьевъ Бандіера и ихъ соучастниковъ, которыхъ онъ хладнокровно приказалъ разстрѣлять въ 1844 г. за ничтожную выходку. Грубыя насилія, совершенныя имъ въ концѣ 1847 и началѣ 1848 г., доставили ему насмѣшливое прозвище „бомбы“, которымъ стали его называть съ тѣхъ поръ итальянскіе патріоты. Онъ умеръ въ Неаполѣ 22 мая 1859 г.

тическіе скандалы, которые скомпрометировали его правительство въ 1847 г. [1]), кампанія банкетовъ, которую уже нѣсколько мѣсяцевъ съ такимъ успѣхомъ вела оппозиція, и дебаты о тронной рѣчи (январь—февраль 1848 г.) [2]), во время которыхъ его политика подверглась столь энергичному порицанію,—грозили серьезной опасностью для іюльской монархіи. Онъ отлично понималъ, что если революція восторжествуетъ въ Италіи и Швейцаріи, то она не замедлитъ перейти и во Францію. Ему настоятельно необходимо было возстановить порядокъ на полуостровѣ. Но какъ добиться этого? Надо было отправить нѣсколько полковъ въ Римъ. Въ самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, до тѣхъ поръ, пока Церковная область будетъ предохранена отъ радикализма—можетъ быть сдерживаема и итальянская революція. Въ январѣ, онъ собралъ войска въ Портъ-Вендрѣ и въ Тулонѣ. Но подъ какимъ предлогомъ посадить ихъ на суда? Нельзя было и думать о томъ, чтобы открыто соединить ихъ съ австрійской арміей. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Гизо счелъ нужнымъ сдѣлать относительно Италіи такое же нѣсколько маккіавелическое предложеніе, какое было сдѣлано имъ въ 1847 г. относительно Швейцаріи. Но, какъ и прежде, князь-канцлеръ боялся попасть на удочку. Французскій министръ, несмотря на неизбѣжную опасность, все-таки, не осмѣливался взять на себя иниціативу экспедиціи. И такимъ обра-

---

[1]) Именно: процессъ, по которому два прежнихъ министра іюльской монархіи, Тестъ и Кюбьеръ, были осуждены за подкупы, а также дѣло объ убійствѣ герцогини Праcленъ, дочери маршала Себастіани, ея мужемъ, пэромъ Франціи.

[2]) Агитація, поднятая реформаторскими и демократическими банкетами, съ 1 іюля 1847 г., приводила Людовика-Филиппа въ сильный гнѣвъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ 22 декабря при открытіи палаты депутатовъ, онъ счелъ необходимымъ пожаловаться на враждебныя и слѣпыя, по его мнѣнію, страсти, которыя вызывали эту агитацію. Онъ заявлялъ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи противиться народнымъ увлеченіямъ. 8 февраля 1848 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Дюшатель сдѣлалъ съ трибуны слѣдующее заявленіе: „Если думаютъ, что правительство, исполняя свой долгъ, уступитъ передъ манифестаціями, каковы бы онѣ ни были, то въ этомъ жестоко ошибаются; оно не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ“. Нѣсколько дней спустя, почти накапунѣ революціи, Гизо заявлялъ тономъ, не допускающимъ возраженія, что день всеобщей подачи голосовъ не наступитъ никогда. Вслѣдствіе этого, оппозиція, даже умѣренная, приняла самый угрожающій тонъ. Одилонъ Барро бросилъ министрамъ въ лицо такое обвиненіе: „Полиньякъ и Пейронне никогда не поступали хуже васъ“. Правительство было обвиняемо въ томъ, что оно во внѣшней политикѣ держитъ сторону Священнаго Союза, и Тьеръ, въ своей знаменитой рѣчи, воскликнулъ, что, съ своей стороны, онъ всегда будетъ стоять на сторонѣ Революціи.

зомъ, до самаго 24 февраля, вѣнскій и парижскій кабинеты не предприняли ничего серьезнаго противъ итальянской революціи.

Въ то же самое время они изощрялись въ безплодныхъ попыткахъ вернуть въ Швейцаріи свои потерянныя позиціи. Австрія, Франція и Пруссія отправили швейцарскому союзу угрожающую ноту, въ которой они требовали представленія на ихъ третейскій судъ уже рѣшенныхъ вопросовъ о Зондербундѣ и іезуитахъ, а также и вопроса о федеральной реформѣ. Генералы Коллоредо и Радовичъ поѣхали изъ Берлина въ Вѣну, изъ Вѣны—въ Парижъ. Тремя дворами былъ уже составленъ планъ военныхъ дѣйствій для занятія Швейцаріи. Но нельзя было вполнѣ разсчитывать на то, что въ послѣдній моментъ Людовикъ-Филиппъ согласится дѣйствовать. Съ другой стороны, вѣнскій кабинетъ—для того, чтобы заручиться содѣйствіемъ со стороны берлинскаго двора,—долженъ былъ отнестись со вниманіемъ къ его предложеніямъ федеральной реформы въ Германіи; и какъ ни желалъ Меттернихъ обмануть въ этомъ отношеніи прусскій дворъ, онъ съ ужасомъ видѣлъ, что ему вскорѣ придется начать переговоры, результатомъ которыхъ могла явиться побѣдоносная германская революція.

Всѣ планы стараго дипломата были, впрочемъ, разстроены событіемъ, которое онъ не разъ предсказывалъ, но котораго онъ не ожидалъ такъ скоро. Луи-Филиппъ, король мятежа, былъ неожиданно низверженъ тѣмъ же мятежемъ. Демократическій банкетъ, неосмотрительно запрещенный министерствомъ, произвелъ въ Парижѣ волненіе, которое, вслѣдствіе одного трагическаго инцидента [1]), перешло, вечеромъ 23 февраля, въ грозное возстаніе. Національная гвардія, до сихъ поръ остававшаяся вѣрной іюльской монархіи, покинула ее на произволъ судьбы. Обезумѣвшій король потерялъ голову, безъ сопротивленія отказался 24-го числа отъ короны въ пользу ребенка [2]), котораго никто

[1]) Толпа, собравшаяся для манифестаціи на бульварѣ Капуциновъ, передъ зданіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, была встрѣчена почти въ упоръ залпомъ со стороны отряда, охранявшаго министерство. Было убито и ранено 42 человѣка.

[2]) Графъ Парижскій (Луи-Филиппъ-Альбертъ Орлеанскій) родился въ Парижѣ 24 августа 1838 г. Увезенъ, послѣ февральской революціи, сначала въ Англію, затѣмъ въ Германію; принималъ участіе, въ качествѣ волонтера Сѣверной арміи въ гражданской войнѣ въ Соединенныхъ Штатахъ (1861—1862 г.); женился 30 мая 1864 г. на своей двоюродной сестрѣ, Изабеллѣ Орлеанской, дочери графа Монпансье; вернулся изъ изгнанія въ 1871 г.; 5 августа 1873 г. привѣтствовалъ, въ качествѣ „единственнаго представителя монархическаго принципа во Франціи“,—графа Шамбора, послѣ смерти котораго (1883 г.) выступилъ претендентомъ на корону, и, въ

не желалъ признавать государемъ, и бѣжалъ вмѣстѣ со всѣми своими приближенными. Временное правительство провозгласило въ Hôtel de ville республику. Съ этого момента, швейцарскія дѣла не могли болѣе занимать дипломатовъ. Всѣмъ престоламъ грозила опасность. Демократическая и національная политика, съ которой государи съ такимъ трудомъ боролись въ теченіе почти тридцати лѣтъ, преодолѣла всѣ преграды и открывала Европѣ новые пути. Эпоха Священнаго Союза кончилась.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

1886 г., былъ изгнанъ изъ Франціи такъ же, какъ и его старшій сынъ, Луи-Филиппъ-Робертъ, герцогъ Орлеанскій (родился 6 февраля 1869 г.). Этотъ послѣдній, нарушивъ законъ объ изгнаніи въ февралѣ 1890 г., былъ осужденъ на 2 года тюремнаго заключенія, но былъ помилованъ въ іюнѣ того же года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Священный Союзъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вѣнскій конгрессъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Священный Союзъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Годы мира.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первыя попытки возврата къ революціоннымъ идеямъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отъ Лайбаха до Вероны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣдніе годы царя-идеолога.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Кэннингъ, Николай I и Греція.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Послѣднее усиліе Меттерниха.

